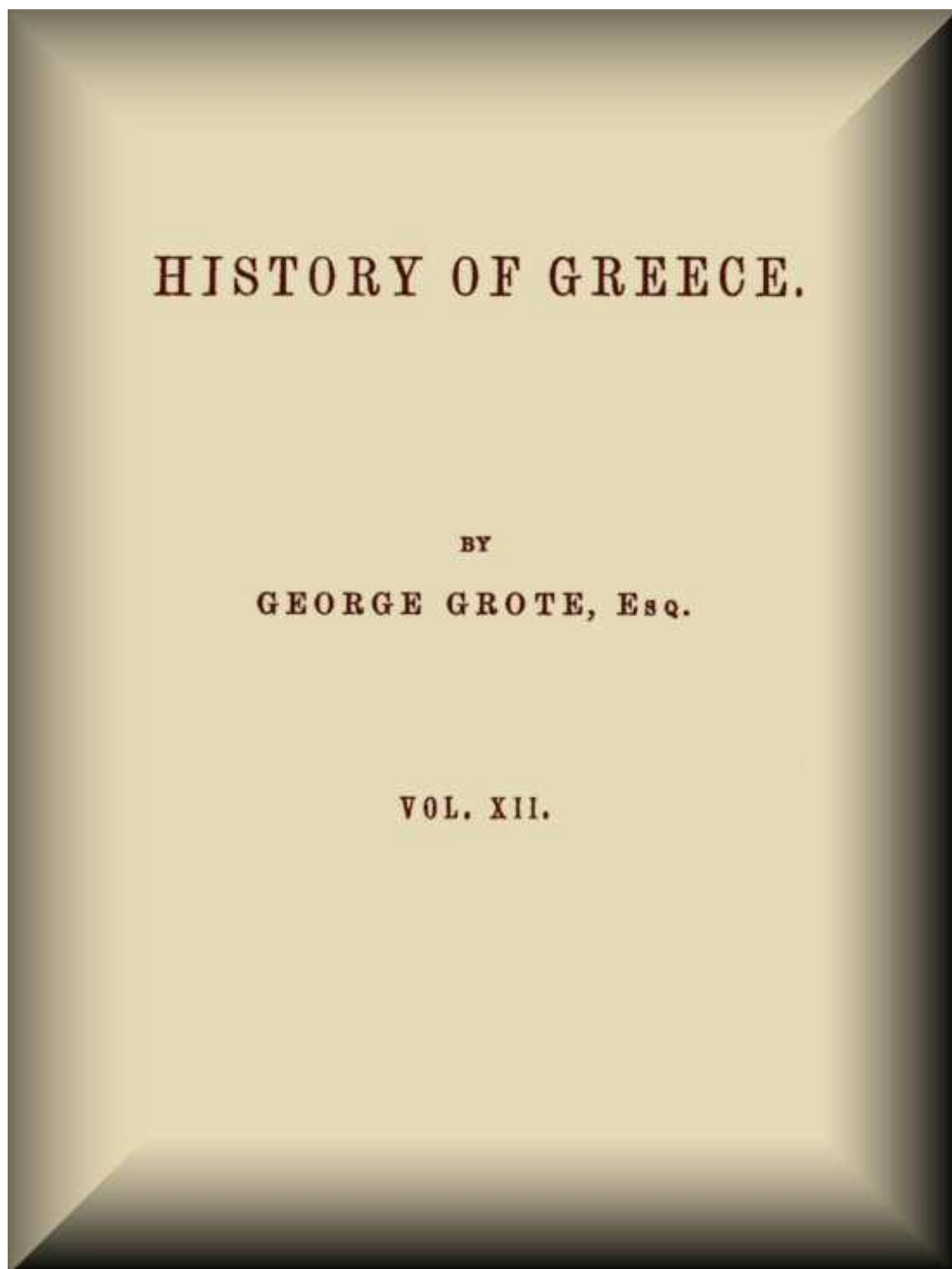

История Греции, том 12 (из 12)

Джордж Гроут

The Project Gutenberg eBook of История Греции, том 12 (из 12).

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История Греции, том 12 (из 12)

Автор: Джордж Гроут

Дата выхода: 26 ноября 2019 [eBook #60786]

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Генри Флауэром, Рамоном Пахаресом Боксом и командой Online Groupa распределенной корректуры на сайте <http://www.pgdp.net> (Этот файл подготовлен на основе изображений, щедро предоставленных файл подготовлен на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK HISTORY OF GREECE, VOLUME 12 (OF 12) ***

[Примечание транскриптора](#)

[Оглавление](#)

[Указатель](#)

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ.

BY GEORGE GROTE, Esq.

VOL. XII.

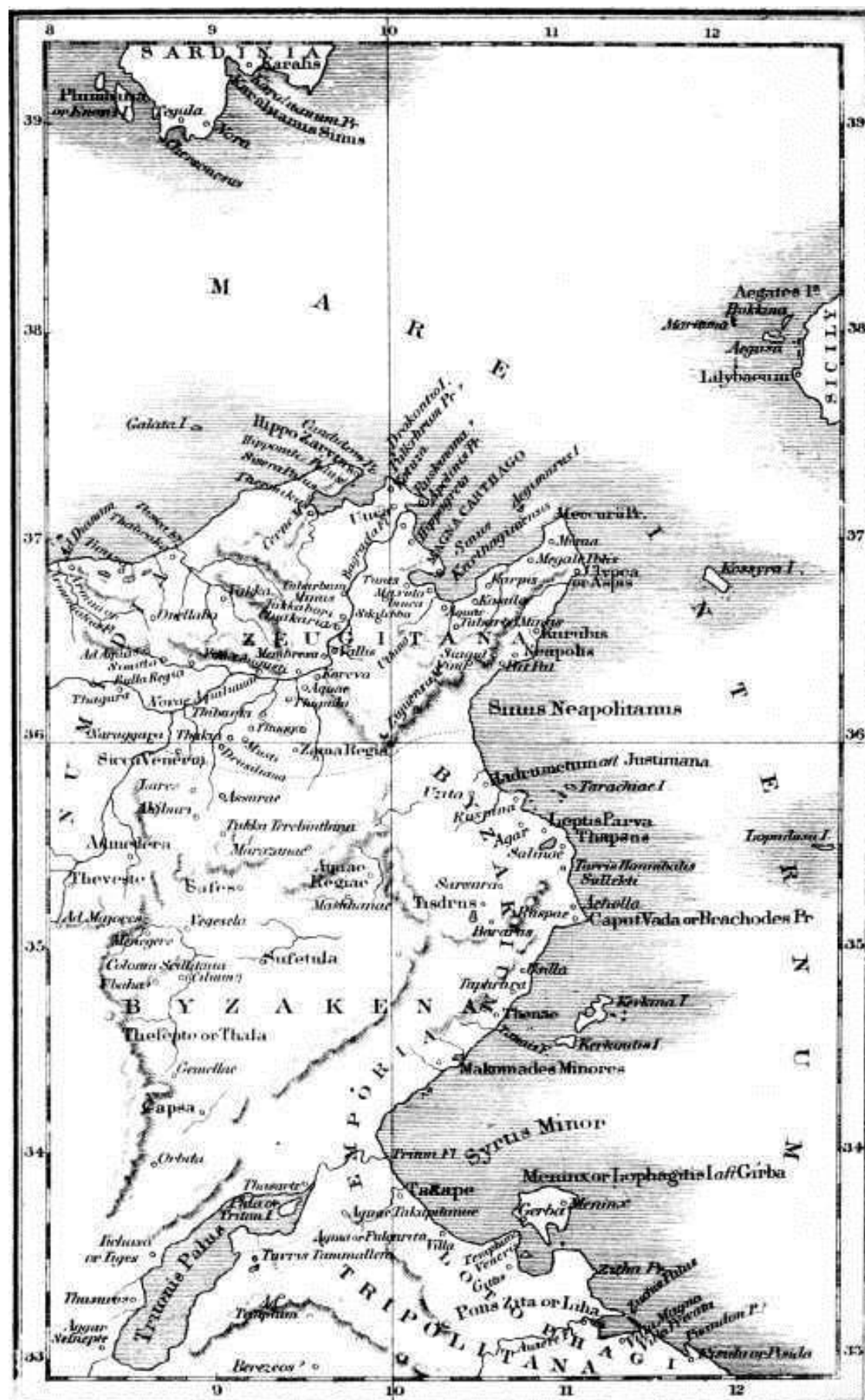
ПЕРЕПЕЧАТАНО СО ВТОРОГО ЛОНДОНСКОГО ИЗДАНИЯ.

NEW YORK:

ХАРПЕР И БРАТЯ, ИЗДАТЕЛИ,

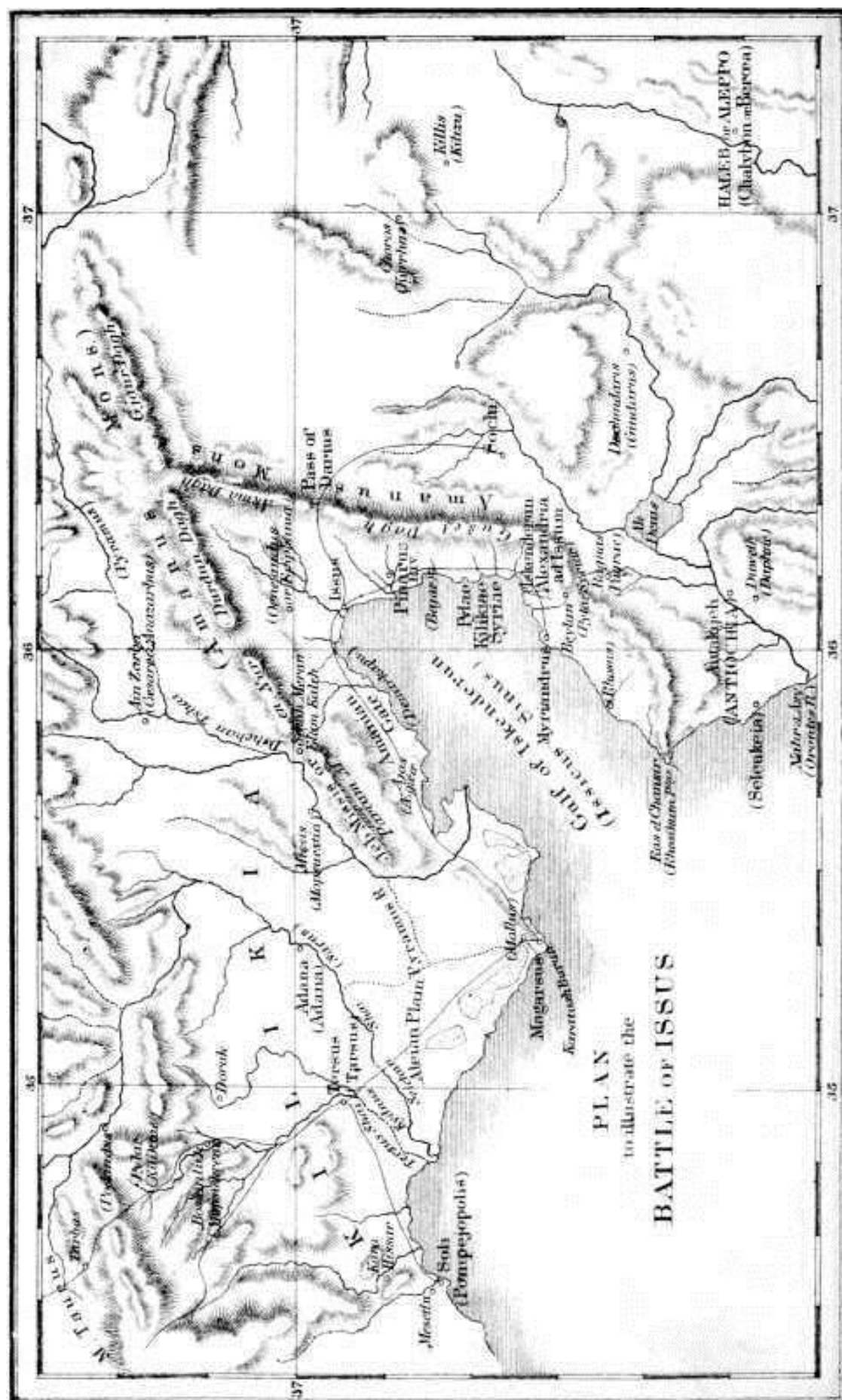
329 И 331 PEARL STREET.

1875.

АФРИКАНСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ КАРФАГЕНА.

План, иллюстрирующий битву при Исусе.

СОДЕРЖАНИЕ. VOL. XII.

ГЛАВА XCI.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО - ОСАДА И ВЗЯТИЕ ФИВ.

Состояние Греции при воцарении Александра - зависимость от македонских царей. - Неохотное подчинение греков - влияние греческой разведки на Македонию. - Основа характера Александра - не эллинский. - Мальчишество и воспитание Александра. - Он получает наставления от Аристотеля. - Ранние политические действия и зрелость Александра - его ссоры с отцом. Семейные раздоры. - Неопределенность положения Александра в последний год правления Филиппа. - Впечатление, произведенное внезапной смертью Филиппа. - Вступление Александра на престол - его энергия и рассудительность. - Соучастники Павсания убиты Александром - Аминтас и другие также убиты им. - Настроения в Афинах в связи со смертью Филиппа - язык Демосфена - склонность к сопротивлению Македонии, но без открытых действий. - Недовольство в Греции - но никаких позитивных движений. - Марш Александра в Грецию - покорность Афин. - Александр избран императором греков на съезде в Коринфе - продолжающийся отказ Спарты от согласия. - Условия голосования - привилегии, предоставленные городам. - Власть, на которую претендовал Александр в рамках конвенции - деградация ведущих греческих государств. - Посягательства и тирания македонских офицеров в Греции - жалобы ораторов в Афинах. - Нарушения конвенции на море македонскими офицерами. - Язык жалующихся афинян - они настаивают только на строгом соблюдении конвенции. Смелость их высказываний. - Поощрения греков со стороны Персии. - Переписка Демосфена с Персией - оправданная и политичная. - Поход Александра во Фракию. Он форсирует гору Хемус. - Его победа над трибаллами. - Переправляется через Дунай, побеждает гетов и возвращается обратно. - Посольство галлов к Александру. Его самодовольство. - Победы Александра над Клейтом и иллирийцами. - Фиванцы объявляют о своей независимости от Македонии. - Их воодушевляет долгое отсутствие Александра во Фракии и сообщения о его смерти. - Изгнанные из Афин фиванцы овладевают Фивами. - Они осаждают македонцев в Кадмее и просят помощи у других греков. К ним проявляют благосклонность, но положительной помощи нет. - Шансы на освобождение Фив небезвыгодны. - Быстрый марш и неожиданное прибытие Александра с армией к Фивам. Его удача в отношении времени получения известий. - Осада Фив. Провозглашение Александра. Решимость фиванцев сопротивляться. - Взятие Фив штурмом. Резня населения. - Фивы разрушены, пленные фиванцы проданы в рабство, территория распределена между соседними городами. - Кадмея занята как македонский военный пост. Возмездие фиванцам из Орхомена и Платеи. - Отношение Александра, в то время и после, к разрушению Фив. - Крайний ужас, охвативший всю Грецию. Сочувствие афинян фиванским изгнанникам. - Александр требует выдачи главных антимакедонских вождей в Афинах. Памятные дебаты в Афинах. Требование отклонено. - Посольство афинян к Александру. Его убеждают согласиться с отказом и удовлетвориться изгнанием Харидема и Эфиальта. - Влияние Фокиона на получение этих более мягких условий - его возросшее влияние в Афинах. - Александр в Коринфе - повиновение греческого

синода - беседа с философом Диогеном. - Восстановление Орхомена и Платеи. Возвращение Александра в Пеллу. - Военные действия Парменио в Малой Азии против Мемнона.

1-49

ГЛАВА ХСII.

АЗИАТСКИЕ ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА.

В период правления Александра история Греции практически пуста. В какой степени азиатские проекты Александра относились к греческой истории. - Панэллинские претензии, выдвинутые Александром. Реальные чувства греков были неблагоприятны для его успеха. - Аналогия отношений Александра к грекам - с отношениями императора Наполеона к Рейнской конфедерации. - Греция - придаток, но ценный придаток, к Македонии. - Необычайные военные способности и потенциал Александра. - Изменения в греческой войне, предшествовавшие и способствовавшие военной организации Македонии. - Военное состояние Македонии до Филиппа. Хорошая и сильная конница: слабая пехота. - Филипп перевооружает и реорганизует пехоту. Длинная македонская пика или сарисса. - Македонская фаланга - как она вооружена и выстроена. - Изначально она предназначалась для борьбы с греческими гоплитами, организованными Эпаминондасом. - Полки и дивизии фаланги - тяжеловооруженная пехота. - Легкая пехота линии - *Hypaspistæ*, или гвардейцы. - Легкие войска в целом - в основном иностранцы. - Македонская кавалерия - ее превосходство - насколько она полков. - Отборные македонские телохранители. Царские пажи. - Иностранные вспомогательные войска - греческие гоплиты - фессалийская кавалерия - пеонийцы - иллирийцы - фракийцы и т. д. - Журналы, военная канцелярия и депо в Пелле. - Склонности македонян - чисто военные - военная гордость стояла для них на месте национального чувства. - Меры Александра перед отъездом в Азию. Антипатр остается наместником в Пелле. - Поход Александра к Геллеспонт. Переход через Азию. - Посещение Александром Илиума. - Аналогия Александра с греческими героями. - Обзор и общее состояние македонской армии в Азии. - Главные македонские офицеры. - Греки на службе Александра - Эвмен Кардийский. - Персидские войска - Ментор и Мемнон Родийский. - Преемственность персидской короны - Охус - Дарий Кодоманн. - Подготовка Дария к обороне. - Операции Мемнона до прибытия Александра. - Превосходство персов на море: их безрассудство в том, что они позволили Александру беспрепятственно пересечь Геллеспонт. - Персидские войска, собранные во Фригии под командованием Арсита и других. - Совет Мемнона избегать сражений на суше, а использовать флот для агрессивной войны в Македонии и Греции. - Арситы отвергают совет Мемнона и решают сражаться. - Персы занимают позицию на реке Граник. - Александр достигает Граника и решает сразу же форсировать проход, несмотря на уговоры Парменио. - Диспозиция двух армий. - Битва при Гранике. - Кавалерийский бой. - Личная опасность Александра. Его жизнь спасает Клейт. Полная победа Александра. Уничтожение греческой пехоты на стороне персов. - Потери персов - множество их ведущих воинов убито. - Небольшие потери македонцев. - Доброта Александра к раненым воинам и жестокое обращение с греческими пленными. - Неумелость персидских вождей. Огромное впечатление, произведенное победой Александра. - Ужас и покорность азиатов перед Александром. Сдача сильной крепости Сарды. - Поход из Сард к побережью. Захват Эфеса. - Первое сопротивление он встречает в Милете. - Близкое приближение персидского флота. Мемнон становится главнокомандующим персов. - Македонский флот занимает гавань Милета и не пускает персов. Александр отказывается от морского боя. Его диспут с Парменио. - Александр осаждает Милет. Взятие города. - Персидский флот отходит к Галикарнасу. Александр распускает свой флот. - Поход Александра в Галикарнас. Ада, царица Карии, присоединяется к нему. Сильный гарнизон и

хорошая оборонительная подготовка в Галикарнасе. - Осада Галикарнаса. Храбрость гарнизона под командованием афинянина Эфиальта. - Отчаянная попытка Эфиальта - сначала успешная, но отбитая - он сам погибает. - Мемнон вынужден оставить Галикарнас и вывести гарнизон морем, сохранив только цитадель. Александр вступает в Галикарнас. - Зимний поход Александра вдоль южного побережья Малой Азии. - Александр завершает зимнюю кампанию в Гордиуме. Взятие Келене. - Приложение о македонской Сариссе.

49-104

ГЛАВА XCIII.

ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ АЗИАТСКИЕ ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА - БИТВА ПРИ ИССЕ - ОСАДА ТИРЫ.

Александр разрубает гордиев узел. - Он отказывается от освобождения афинских пленников. - Продвижение Мемнона и персидского флота - они захватывают Хиос и большую часть Лесбоса - осаждают Митилену. Смерть Мемнона. Взятие Митилены. - Надежды, возбужденные в Греции персидским флотом, но разрушенные смертью Мемнона. - Смерть Мемнона - непоправимое несчастье для Дария. - Изменения в планах Дария, вызванные этим событием. Он решает перейти в наступление на суше. Его огромная сухопутная армия. - Свобода слова и здравые суждения Харидема. Дарий предаёт его смерти. - Дарий отказался от планов Мемнона как раз в тот момент, когда у него была лучшая оборонительная позиция для их эффективного осуществления. - Дарий отзывает греческих наемников с флота. - Критика Аррианом плана Дария. - Поход Александра из Гордиума через Пафлагонию и Каппадокию. - Он прибывает к линии горы Тавр - трудности перевала. - Поведение Арсамеса, персидского сатрапа. Александр переходит гору Тавр без малейшего сопротивления. Вступает в Тарс. - Опасная болезнь Александра. Его доверие к врачу Филиппу, который излечивает его. - Операции Александра в Киликии. - Поход Александра из Киликии через Иссус в Мириандр. - Поход Дария из внутренних районов на восточную сторону горы Аман. Огромная численность его армии: богатство и показная роскошь: сокровища и багаж, отправленные в Дамаск. - Положение Дария на равнине к востоку от горы Аманус. Он открывает горные проходы, чтобы Александр мог пройти через них и провести сражение. - Дарий возмущен задержкой Александра в Киликии. Он переходит через гору Аман, чтобы напасть на Александра в дефиле Киликии. - Он прибывает в тыл Александру и захватывает Исус. - Возвращение Александра из Мириандра: его обращение к войску. - Положение македонской армии к югу от реки Пинар. - Положение персидской армии к северу от Пинара. - Битва при Иссе. - Тревога и немедленное бегство Дария - поражение персов. - Энергичное и разрушительное преследование Александра - пленение матери и жены Дария. - Вежливое обращение Александра с царственными пленницами. - Полное рассеяние персидской армии - Дарий переправляется через Евфрат - бегство некоторых персо-греческих наемников. - Впечатляющий эффект от победы при Иссе. - Эффект, произведенный в Греции битвой при Иссе. Антимакедонские проекты потерпели крах. - Взятие македонцами Дамаска с персидскими сокровищами и пленными. Захват и обращение с афинскими ифигратами. Изменение относительного положения греков и македонян. - Александр в Феникии. Арадус, Библ и Сидон открывают перед ним свои ворота. - Письмо Дария с просьбой о мире и возвращении царских пленников. Надменный ответ Александра. - Важность добровольной сдачи Александру феникийских городов. - Александр появляется перед Тиром - готовность тирийцев сдаться, но не без умысла - он решает осадить город. - Непомерный нрав и поведение Александра. - Он готовится к осаде Тира - положение города. - Шансы тирийцев - их решение небезосновательно. - Александр строит мол через пролив между Тиром и материком. Проект терпит поражение. - Сдача князей Кипра Александру - он получает в свое распоряжение главный феникийский и кипрский флот. - Он появляется перед Тиром с

многочисленным флотом и блокирует его с моря. - Взятие Тира штурмом - отчаянное сопротивление горожан. - Уцелевшие мужчины, числом 2000, повешены по приказу Александра - Остальные пленники проданы. - Осада длилась семь месяцев. Жертвоприношение Александра Ираклию. - Второе письмо Дария Александру, в котором он требует беспрекословного подчинения. - Македонский флот одерживает победу над персидским и становится хозяином Эгейского моря с островами. - Поход Александра в Египет - осада Газы. - Первые штурмы неудачны, он ранен, возводит вокруг города огромную насыпь. - Газа взята штурмом после двухмесячной осады. - Гарнизон перебит, кроме правителя Батиса, который попадает в плен, будучи тяжело раненным. - Гнев Александра на Батиса, которого он привязывает к колеснице и тащит по городу. - Александр вступает в Египет и занимает его без сопротивления - Он решает основать Александрию. - Его посещение храма и оракула Аммона. Оракул провозглашает его сыном Зевса. - Александр принимает меры в Мемфисе. - Греческие пленники, привезенные из Эгейского моря. - Он направляется в Феникию - послание из Афин. Великолепные празднества. Антипатр отправляет подкрепление. - Он идет к Евфрату - переправляется через него без сопротивления у Фапсакуса. - Переправа через Евфрат к Тигру. Александр переходит вброд Тигр выше Ниневии, без сопротивления. - Затмение луны. Александр приближается к армии Дария, стоящей на позиции. - Бездействие Дария после поражения при Иссе. - Парализующее действие на него оказал плен матери и жены. - Хорошее обращение Александра с пленными женщинами - необходимое условие для поддержания их ценности как заложниц. - Дарий собирает огромную армию на равнинах к востоку от Тигра - у Арбелы. - Он определяет место для лагеря и ожидания нападения Александра - на ровной равнине возле Гавгамелы. - Его снаряжение и подготовка - лучшее оружие - многочисленные косые колесницы - слоны. - Позиция и боевой порядок Дария. - Предварительные передвижения Александра - беседы с Парменио и другими офицерами. Его тщательная разведка лично. - Диспозиция Александра для нападения - расстановка войск. - Битва при Арбеле. - Трусость Дария - он подает пример бегства - поражение персов. - Бой на персидской стороне между Мазеем и Пармением. Бегство персидского войска - энергичная погоня Александра. - Бегство Дария. Взятие персидского лагеря и Арбелы. - Потери в сражении. Полнота победы. Полное и непоправимое рассеяние персидской армии. - Причины поражения - трусость Дария. Бесполезность его огромной численности. - Полководческий талант Александра. - Сдача Вавилона и Суз, двух великих столиц Персии. Александр входит в Вавилон. Огромные сокровища, приобретенные в обоих местах. - Александр вступает в должность царя Персии и назначает сатрапов. Он совершает поход в Сузы. Он переформирует подразделения своей армии. - Александр вступает в Персиду - покоряет непримиримых уксий в промежуточных горах. - Трудный перевал, называемый Сузскими воротами, на пути к Персеполису. Сатрап Ариобарзанес дает отпор Александру, который находит средства, чтобы одолеть перевал и покорить его. - Александр входит в Персеполис. Изуродованные греческие пленники. - В Персеполисе скопились огромные богатства и национальные памятники всех видов. - Александр присваивает и уносит царские сокровища, а затем отдает Персеполь на разграбление и сожжение солдатам. - Александр дает отдых своим войскам и занимается завоеванием остальной части Персиды. - Дарий бежит в Медию.

104-178

ГЛАВА XCIV.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ЗАВОЕВАНИЯ АЛЕКСАНДРА ПОСЛЕ ЗИМНЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В ПЕРСИДЕ И ДО ЕГО СМЕРТИ В ВАВИЛОНЕ.

Первые четыре азиатских похода Александра - их непосредственное отношение и значение для греческой истории. - Последние семь лет, проведенные им дальше на восток, не имели такого значения для Греции. - Дарий в Экбатане - ищет спасения в Бактрии, услышав о приближении Александра. - Александр входит в Экбатаны - основывает там свое депо и базу для операций. - Александр отправляет домой фессалийскую конницу - теперь ему необходимо вести более спокойную войну. - Александр преследует Дария до Каспийских ворот, но не может его догнать. - Заговор против Дария, созданный Бессом и другими, которые захватывают его персону. - Упорные попытки Александра догнать и овладеть Дарием. Он удивляет персидский корпус, но Бесс предает Дария смерти. - Разочарование Александра, когда ему не удалось взять Дария живым. Торжественные похороны Дария. Его судьба и поведение. - Отдых Александра и его армии в Гекатомпиле в Парфии. Начало изменений в его поведении. Он становится азиатом и деспотом. - Постепенное усугубление этих новых привычек, начиная с настоящего момента. - Александр завоевывает горы к югу от Каспия. Он требует от греческих наемников сдаться по своему усмотрению. Посланники из Спарты и других греческих городов, доставленные к нему - как с ними обращаются. - Поход Александра дальше на восток - его успехи в Азии и Дрангиане. - Действия против Филоты, сына Пармениона, в Дрангиане. Военное величие и внимание к семье. - Раскрытие заговора, составленного Кебалином для Филоты с целью передачи Александру. Филота не упоминает о нем Александру. Он сообщает ему об этом по другому каналу. - Александр поначалу сердится на Филоту, но принимает его объяснения и заявляет, что пропустит этот факт мимо ушей. - Древняя обида на Филоту - он воспользовался инцидентом, чтобы погубить его. - Кратер и другие завидуют Пармениону и Филоте. Александра уговаривают предать обоих смерти. - Арест Филоты. Александр обвиняет его перед собравшимися солдатами. Его осуждают. - Филоту подвергают пыткам и заставляют признаться как против себя, так и против Пармениона. - Парменион убит в Экбатане по приказу и умыслу Александра. Мятеж солдат, узнавших об убийстве Пармениона, утихает благодаря обнародованию приказа Александра. - Страх и отвращение, вызванные убийством Пармениона и Филоты. - Завоевание Паропамисада и т. д. Основание Александрии *на Кавказе*. - Александр переходит через Гиндо-Куш и завоевывает Бактрию. Бесс попадает в плен. - Резня Бранхидæ и их семей, учиненная Александром в Согдиане. - Александр в Мараканде и на Джексарте. - Основание Александрии *при Джаксарте*. Предел похода на север. - Александр при Зариаспе в Бактрии - он заставляет Бесса быть искалеченным и убитым. - Дальнейшее покорение Бактрии и Согдианы. Остановка в Мараканде. - Банкет в Мараканде. - Характер и положение Клейта. - Хвастовство Александра и его льстецов - отвращение македонских офицеров чувствуется, но не выражается. - Сцена на пиру - яростный протест Клейта. - Яростный гнев Александра - он убивает Клейта. - Интенсивные угрызения совести Александра, сразу после содеянного. - Активные и успешные операции Александра в Согдиане. - Захват двух неприступных позиций - Согдийской скалы и Хориенской скалы. Страсть Александра к Роксане. - Александр в Бактре - брак с Роксаной. Его требование от всех прострации или поклонения. - Публичная речь Анаксарха во время пира, призывающая всех к поклонению. - Публичный ответ Каллистена, выступающего против этого. Характер и история Каллистена. - Ответ Каллистена благосклонно выслушивается гостями - предложение о поклонении отпадает. - Холодность и неприязнь Александра к Каллистену. - Благородная откровенность и мужество Каллистена. - Каллистен становится одиозным для Александра. - Заговор царских пажей против жизни Александра - он раскрыт - их подвергают пыткам, но они никого не выдают; их предают смерти. - Каллистен арестован как соучастник - Александр проявляет антипатию к нему, а также к Аристотелю. - Каллистена пытаются и вешают. - Александр сокращает страну между Гиндукушем и Индом. - Покорение племен на правом берегу Инда - скала Аорнос. - Александр переходит Инд - форсирует переправу через Гидаспес, побеждает Поруса -

щедрое обращение с Порусом. - Дальнейшие его завоевания в Пенджабе. Сангала - последнее из них. - Он достигает Гифасиса (Сатледж), самой дальней из рек Пенджаба. Его армия отказывается идти дальше. - Александр возвращается к Гидаспесу. - Он строит флот и плывет вниз по рекам Гидаспес и Инд. Опасное ранение Александра при нападении на Малли. - Новые города и посты на Инде - Александр достигает океана - эффект первого наблюдения за приливами и отливами. - Поход Александра по суше на запад через пустыню Гедросии - страдания и потери в войске. - Александр с войском возвращается в Персис. - Поведение Александра в Персеполисе. Наказание сатрапа Орсинеса. - Поход в Сузы - соединение с флотом под командованием Неарха, после того как он отплыл от устья Инда. - Александр в Сузах как великий царь. Предметы его беспокойства - сатрапы - македонские солдаты. - Прошое поведение сатрапов - несколько из них наказаны Александром - тревога среди них всех - бегство Гарпала. - Недовольство македонских солдат азиатизирующими браками, поощряемыми Александром. - Их недовольство новыми азиатскими солдатами, набранными и дисциплинированными Александром. - Интерес Александра к флоту, который плывет вверх по Тигру к Опису. - Уведомление о частичном увольнении македонских солдат - они бунтуют - гнев Александра - он распускает их всех. - Раскаяние и унижение солдат - Александр умиротворен - примирение. - Частичное расформирование - корпус ветеранов под командованием Кратера возвращается - Новые проекты завоеваний, обдуманные Александром - меры по увеличению флота. - Посещение Экбатаны - смерть Гефестиона - жестокая скорбь Александра. - Александр истребляет коссеев. - Поход Александра в Вавилон. Многочисленные посольства, встретившиеся ему на пути. - Александр в Вавилоне - его великие приготовления к кругосветному плаванию и завоеванию Аравии. - Александр на корабле, на Евфрате и в прилегающих болотах. Его планы по улучшению судоходства и течения реки. - Прибытие большого подкрепления, греческого и азиатского. Новое построение по приказу Александра, македонцы и персы в одних и тех же строях и ротах. - Пышные похороны Гефестиона. - Всеобщее пиршество и невоздержанность в армии. Александр заболевает опасной лихорадкой. Подробности его болезни. - Надежды на его жизнь нет. Смятение и скорбь в армии. Последняя беседа с солдатами. Его смерть - Влияние, произведенное на воображение современников карьерой и смертью Александра. - Если бы Александр остался жив, он должен был бы достичь еще большего. - Вопрос, заданный Ливием, о шансах Александра, если бы он напал на римлян. - Непревзойденное мастерство как военного деятеля. - Александр как правитель, не считая военных дел, не заслуживает уважения. - Александр продолжил бы систему Персидской империи, без каких-либо улучшений, кроме сильной организации. - Отсутствие национальности в Александре - цель слияния различных разновидностей человечества в один общий тип подчинения. - Ошибка считать Александра намеренным распространителем греческой цивилизации. Сравнение его идей с идеями Аристотеля. - Количество новых городов, основанных в Азии Александром. - Не Александр, а Диадхи после него в основном эллинизировали Азию. - Насколько Азия была действительно эллинизирована - великим фактом было то, что греческий язык стал повсеместно распространенным. - Греко-азиатские города. - Увеличение средств связи между различными частями света. - Интерес Александра к науке и литературе - не велик.

178-274

ГЛАВА XCV.

ДЕЛА ГРЕКОВ ОТ ВЫСАДКИ АЛЕКСАНДРА В АЗИИ ДО ОКОНЧАНИЯ ЛАМИЙСКОЙ ВОЙНЫ.

Состояние греческого мира, когда Александр пересек Геллеспонт. - Греческий дух мог бы быть призван к действию, если бы персы хорошо сыграли свою партию. - Надежды в Греции были подняты сначала персидским флотом в Эгейском море, а затем двумя большими

персидскими армиями на суше. - Государственные акты и политика Афин - решительно мирные. - Фокион и Демадес были ведущими министрами в Афинах - они проводили македонскую политику. - Демосфен и Ликург, хотя и не достигли политического расцвета, тем не менее, остаются важными государственными деятелями. Финансовая деятельность Ликурга. - Позиция Демосфена - его благоразумное поведение - Антимакедонское движение из Спарты - царь Агис посещает персидских адмиралов в Эгейском море. Его попытки в Кретах и в Пелопоннесе. - Агис собирает войско в Пелопоннесе и открыто выступает против Антипатра. - Агис, сначала добившийся частичного успеха, терпит полное поражение от Антипатра и погибает. - Полное подчинение всей Греции Антипатру - спартанские посланники отправляются к Александру в Азию. - Неблагоприятный результат оборонительных усилий Греции - отсутствие комбинации. - Положение партий в Афинах во время борьбы с Агисом - реакция македонизирующей партии после его поражения. - Судебный спор между Эсхином и Демосфеном. Предварительные обстоятельства, связанные с предложением Ктесифона и обвинением Эсхина. - Обвинительная речь Эсхина, номинально направленная против предложения Ктесифона, а на самом деле против политической жизни Демосфена. - Оценка Эсхина, на основании независимых доказательств, как обвинителя Демосфена. - Ответ Демосфена - орация *De Corona*. - Похоронная оратория угасшей греческой свободы. - Вердикт дикастов - триумф Демосфена - изгнание Эсхина. - Причины изгнания Эсхина - он был средством добиться коронации для Демосфена. - Последующее обвинение против Демосфена в деле Гарпала. - Бегство Гарпала в Афины - его прежнее поведение и отношения с Афинами. - Ложные сообщения, переданные Александру, о том, что афиняне отождествили себя с Гарпалом. - Обстоятельства прибытия Гарпала в Суниум - дебаты в афинском собрании - обещания Гарпала - афиняне поначалу благосклонно относятся к нему. - Фокион и Демосфен соглашаются отговорить афинян от принятия Гарпала. - Требование Антипатра выдать Гарпала - афиняне отказываются подчиниться, но арестовывают Гарпала и конфискуют его сокровища для Александра. - Демосфен выносит постановление об аресте Гарпала, тот арестован, но бежит. - Поведение Демосфена в отношении сокровищ Гарпала - недостаток подсчитанной и реализованной суммы по сравнению с суммой, объявленной Гарпалом. - Подозрения по поводу этих денег - Демосфен просит Ареопаг провести расследование - Ареопагиты доносят на самого Демосфена, Демадеса и других, как на виновных в коррупционном присвоении. Демосфена судят по этому обвинению, осуждают и отправляют в изгнание. - Был ли Демосфен виновен в таком коррупционном присвоении? Обстоятельства, известные по делу. - Демосфен не мог получить деньги от Гарпала, так как он противостоял ему от первого до последнего. - Имел ли Демосфен возможность присвоить злинг после того, как деньги вышли из-под контроля Гарпала? Ответ отрицательный. Обвинительная речь Дейнарха - яростная инвектива, лишенная фактов. - Изменение мнения о Демосфене в афинской публике за несколько месяцев. - Вероятная реальность дела, касающегося денег Гарпала, и приговор Ареопага. - Рескрипт Александра греческим городам, предписывающий вернуть изгнанников в каждый из них. - Цель рескрипта - обеспечить Александра партизанами в каждом из городов. Недовольство в Греции. - Эффект, произведенный в Греции смертью Александра. Афиняне объявляют себя поборниками освобождения Греции, несмотря на противодействие Фокиона. - Этолийцы и многие другие греки присоединяются к освободительной конфедерации - деятельность афинянина Леостена в качестве генерала. - Афинские посланники отправляются с предложением о сотрудничестве к различным грекам. - Помощь афинским посланникам оказывает Демосфен, находящийся в изгнании. - Его отзывают в Афины, и он получает восторженный прием. - Большая греческая конфедерация против Антипатра - тем не менее без Спарты. Беотия сильно заинтересована в македонцах. Леостен с армией конфедератов вступает в

Фессалию. - Битва в Фессалии - победа Леостена над Антипатром, который вынужден броситься в Ламию и ждать помощи из Азии - Леостен устраивает блокаду Ламии: его убивают. - Несчастье, связанное со смертью Леостена. Вместо него назначается Антифил. Ослабление усилий греческой армии. - Леоннат с македонской армией из Азии прибывает в Фессалию. Его поражение и смерть. - Антипатр бежит из Ламии и принимает командование. - Война на море между македонским и афинским флотами. - Нежелание греческих контингентов оставаться на длительной службе. Армия в Фессалии поредела из-за возвращения многих домой. - Ожидается прибытие Кратера для усиления Антипатра. Отношения между македонскими офицерами. - Состояние царской семьи, македонского генералитета и солдат после смерти Александра. - Филипп Аридей провозглашен царем: сатрапии распределены между главными офицерами. - Пердиккас - главный представитель центральной власти, ему помогает Эвмен Кардийский. - Список проектов, которыми занимался Александр на момент своей смерти. Генералы отвергают их как слишком масштабные. - Планы Леонната и Клеопатры. - Кратер присоединяется к Антипатру в Македонии с мощной армией. Битва при Кранноне в Фессалии. Антипатр одерживает победу над греками, хотя и не полную. - Антифил пытается начать переговоры с Антипатром, который отказывается вести переговоры только с каждым городом в отдельности. Среди греков царит разочарование. Каждый город обращается отдельно. Антипатр предоставляет выгодные условия всем, кроме афинян и эйтолийцев. Антипатр и его армия в Беотии - Афины остаются одни и не могут сопротивляться. Демосфен и другие антимакедонские ораторы бегут. Посольство Фокиона, Ксенократа и других к Антипатру. - Суровые условия, выдвинутые Антипатром против Афин. - Лишение гражданских прав и депортация 12 000 самых бедных афинских граждан. - Афинская беднота терпит лишения - македонский гарнизон размещается в Мунихии. - Демосфен, Гиперид и другие приговорены к смерти в их отсутствие. Антипатр посылает офицеров выследить и схватить греческих изгнанников. Он предает смерти Гиперида. - Демосфен в святилище в Калаурии - Архиас с фракийскими солдатами приходит схватить его - он принимает яд и умирает. - Плачевное состояние Греции - жизнь и характер Демосфена. - Позорное положение Фокиона в Афинах под македонской оккупацией.

275-331

ГЛАВА XCVI.

ОТ ЛАМИЙСКОЙ ВОЙНЫ ДО КОНЦА ИСТОРИИ СВОБОДНОЙ ГРЕЦИИ И ЭЛЛИНИЗМА.

Антипатр проводит чистку и перестройку пелопоннесских городов. Он нападает на этолийцев, чтобы переправить их в Азию. Его присутствие в Азии становится необходимым: он заключает умиротворение с эйтолийцами. - Планы Пердикки - интриги с принцессами в Пелле. - Антигон обнаруживает эти интриги и раскрывает их Антипатру и Кратеру. - Неблагоприятный поворот судьбы для греков в связи с Ламийской войной. - Антипатр и Кратер в Азии - Пердиккас отправляется в поход, чтобы напасть на Птолемея в Египте, но погибает в результате мятежа собственных войск. Союз Антипатра, Птолемея, Антигона и др. Новое распределение сатрапий, произведенное при Трипарадеисе. - Война между Антигоном и Евменом в Азии. Энергия и способности Эвмена. Его побеждают и блокируют в Норе. - Болезнь и смерть Антипатра. Афинский оратор Демадес предается смерти в Македонии - Антипатр отстраняет своего сына Кассандра и назначает наместником Полисперхона. Недовольство и оппозиция Кассандра. - Кассандр выдвигает свою кандидатуру, овладевает Мунихией и заключает союз с Птолемеем и Антигоном против Полисперхона. Планы Полисперхона - союз с Олимпией в Европе и с Эвменом в Азии - наделение греческих городов правами. - Неумелые попытки Эвмена поддержать

императорскую династию в Азии: его галантность и способности: его предают собственные солдаты, и он убит Антигоном. - Эдикт, изданный Полисперхоном в Пелле от имени императорской династии - уничтожение антипатриархальных олигархий в греческих городах, восстановление политических изгнанников и дарование каждому свободной конституции. - Письма и меры Полисперхона по исполнению эдикта. Состояние Афин: возвращение изгнанников: сложные политические партии: опасность Фокиона. - Переговоры афинян с Никанором, правителем Мунихии для Кассандра. - Никанор захватывает Пирея врасплох. Фокион, хотя и предупрежденный, не принимает никаких мер предосторожности. - Ущерб афинянам, а также Полисперхону от захвата Никанором Пирея; преступная небрежность и возможный сговор Фокиона. - Прибытие Александра (сына Полисперхона): его вероломная политика по отношению к афинянам; Кассандр достигает Пейреуса. - Интриги Фокиона с Александром - он пытается добиться для себя защиты Александра от афинян. - Возвращение изгнанников в Афины - публичное голосование в афинском собрании против Фокиона и его коллег. Фокион покидает город под защитой Александра и отправляется на встречу с Полисперхоном в Фокис. - Агнонид и другие отправляются в качестве депутатов к Полисперхону, чтобы обвинить Фокиона и потребовать выгоды от царского эдикта. - Агнонид и Фокион выслушиваются перед Полисперхоном - Фокион и его коллеги передаются в качестве пленников афинянам. Фокион доставлен в качестве пленника в Афины и предстал перед судом собрания. Ходатайство его друзей об исключении лиц, не имеющих права голоса. - Сильное раздражение вернувшихся изгнанников против Фокиона - основания для этого чувства. - Фокион приговорен к смерти - мстительные выступления против него в собрании, яростные и единодушные. - Смерть Фокиона и его четырех соратников. - Изменение настроения афинян по отношению к Фокиону вскоре после этого. Почитание его памяти. - Объяснение этой перемены. Кассандр овладевает Афинами и восстанавливает олигархическую или фокионскую партию. - Жизнь и характер Фокиона. - Война между Полисперхоном и Кассандром в Аттике и Пелопоннесе. Полисперхон терпит поражение при осаде Мегалополя, а также терпит поражение на море. - Усиление Кассандра в Греции - он овладевает Афинами. - Восстановление олигархического правления в Афинах, хотя и в смягченной форме, при фалерийском Деметрии. - Правление фалерийского Деметрия в Афинах в умеренном духе. Перепись афинского населения - Кассандр в Пелопоннесе - многие города присоединяются к нему - спартанцы окружают свой город стенами. - Распри в македонской императорской семье - Олимпия предает смерти Филиппа Аридея и Эвридику - она царствует в Македонии: ее кровавая месть партизанам Антипатра. - Кассандр проникает в Македонию - побеждает Олимпию и становится хозяином страны - Олимпию осаждают в Пидне, берут в плен и предают смерти. - Великая власть Антигона в Азии. Конфедерация Кассандра, Лисимаха, Птолемея и Селевкии против него. - Кассандр основывает Кассандрею и восстанавливает Фивы. - Меры Антигона против Кассандра - он обещает свободу греческим городам - Птолемей обещает то же самое. Великая власть Кассандра в Греции. - Силы Антигона в Греции. Значительный успех против Кассандра. - Умиротворение между воюющими сторонами. Греческая автономия гарантирована всем. Кассандр предаёт смерти Роксану и её ребёнка. - Полисперхон поддерживает притязания Геракла, сына Александра, против Кассандра. Он вступает в договор с Кассандром, убивает молодого принца и признается правителем Южной Греции. - Убийство Антигоном Клеопатры, последней оставшейся в живых родственницы Александра Македонского. - Птолемей Египетский в Греции - после некоторых успехов он заключает перемирие с Кассандром. Пассивность греческих городов. - Внезапное прибытие Деметрия Полиоркета в Пирей. Афиняне выступают в его пользу. Деметрий Фалерей удаляется в Египет. Захват Мунихии и Мегары. - Деметрий Полиоркет с триумфом въезжает в Афины. Он обещает восстановить демократию. Афиняне передают ему экстравагантные голоса лести. Созданы два новых

афинских племени. - Изменение тона и настроений в Афинах за последние тридцать лет. - Контраст Афин, провозглашенных свободными Деметрием Полиоркетом, с Афинами после изгнания Гиппия. - Противодействие Демохареса, племянника Демосфена, этим угодливым публичным льстецам. - Деметрий Фалерей осужден в его отсутствие. Почетное поминовение умершего оратора Ликурга. Принят ограничительный закон против философов - все они покидают Афины. В следующем году закон отменяется, и философы возвращаются в Афины. - Подвиги Деметрия Полиоркета. Его длительная осада Родоса. Галантное и успешное сопротивление граждан. - Длительная война и окончательный успех в Греции против Кассандра. - Возвращение Деметрия Полиоркета в Афины - его триумфальный прием - памятный гимн Итифаллу, обращенный к нему. - Беспомощное состояние афинян - провозглашенное ими самими. - Идолопоклонство, показанное Деметрию в Афинах. Он проходит посвящение в Элевсинские мистерии, вне обычного сезона. - Поход Деметрия в Фессалию - он переходит в Азию и соединяется с Антигоном - великая битва при Ипсе, в которой четыре конфедерата полностью побеждают Антигона, который убит, а его азиатская держава раздроблена и расчленена. - Восстановление кассандрийского владычества в Греции. Лахарес становится деспотом в Афинах при Кассандре. Деметрий Полиоркет возвращается и изгоняет Лахареса. Он гарнизирует Пирей и Мунихию. - Смерть Кассандра. Кровавая вражда между членами его семьи. - Деметрий приобретает корону Македонии. - Антигон Гонатас (сын Деметрия) - повелитель Македонии и Греции. Постоянное правление династии Антигонидов в Македонии, вплоть до завоевания этой страны римлянами. - Дух греков сломлен - изоляция городов друг от друга Антигоном. - Греция Полибия не может быть предметом истории сама по себе, а только как придаток к иноземным соседям. - Доказательство политического ничтожества Афин - публичный декрет в честь Демохара - какие деяния записаны как его титулы для общественной благодарности.

331-393

ГЛАВА XCVII.

СИЦИЛИЙСКИЕ И ИТАЛИЙСКИЕ ГРЕКИ - АГАФОКЛ.

Конституция, установленная Тимолеоном в Сиракузах - впоследствии заменена на олигархию. - Италийские греки - на них давят враги изнутри - Архидам, царь Спарты, убит в Италии. - Рост Молосского царства в Эпире благодаря македонской помощи - Александр Молосский царь, брат Олимпии. - Молосский Александр переправляется в Италию, чтобы помочь тарентинцам. Его подвиги и смерть. - Помощь, посланная сиракузянами Кротону - первое возвышение Агафокла. - Агатокл отличился в сиракузской экспедиции - он разочарован почестями - становится недовольным и покидает Сиракузы. - Он собирает наемный отряд - его полководческие подвиги в Италии и Сицилии. - Смена правительства в Сиракузах - Агатокл отозван - его подвиги против изгнанников - его опасный характер на родине. - Дальнейшие внутренние перемены в Сиракузах - отзыв изгнанников - Агатокл принят на службу - клянется в амнистии и верности. - Агатокл в сговоре с Гамилькаром вооружает своих партизан в Сиракузах и устраивает кровавую расправу над горожанами. - Агатокл становится единоличным деспотом Сиракуз. - Его популярные манеры, военная энергия и завоевания. Успехи Агафокла в завоевании Сицилии. Агригентинцы бьют тревогу и организуют против него оборонительный союз. - Они приглашают командовать спартанца Акротата - его плохое поведение и неудача. - Сицилия - единственное место, где была открыта славная эллинская карьера. Мир, заключенный Агатоклом с агригентинцами, - его великая сила в Сицилии. - Он отбит от Агригентума - карфагеняне посылают против него войско в Сицилию. - Положение карфагенян между Гелой и Агригентумом - их армия усилена из дома. - Операции Агафокла против них - его резня граждан в Геле. - Битва при Гимере

между Агафоклом и карфагенянами. - Полное поражение Агафокла от карфагенян. - Карфагеняне отвоевывают у Агафокла большую часть Сицилии. Его подавленное состояние в Сиракузах. - Он задумывает план нападения на карфагенян в Африке. - Его энергия и проницательность в организации этой экспедиции. Возобновление резни и грабежей. - Он выходит из гавани, несмотря на блокирующий флот. Затмение солнца. Он благополучно достигает Африки. - Он сжигает свои корабли - впечатляющая церемония, проведенная по обету, данному Деметре. - Агатокл вступает на карфагенскую территорию - захватывает Тунес - богатство и возделывание страны. - Смятение в Карфагене - городские войска выходят против него - Ганно и Бомилькар назначены генералами. - Низкая численность Агато клесов - его хитрости, чтобы воодушевить солдат. - Предательство карфагенского полководца Бомилькара - победа Агатоклеса. - Завоевания Агатокла среди карфагенских владений на восточном побережье - Религиозный ужас и бедствия карфагенян. Человеческие жертвоприношения. - Операции Агатокла на восточном побережье Карфагена - захват Неаполя, Адруметума, Фапса и т. д. - Агатокл укрепляет Аспис - предпринимает операции против внутренних районов страны - снова побеждает карфагенян. - Действия Гамилькара перед Сиракузами - город близок к сдаче - он разочарован и отходит от него. - Повторное нападение Гамилькара на Сиракузы - он пытается заставить врасплох Эвриала, но терпит полное поражение, попадает в плен и убит. - Агригентинцы выступают как защитники сицилийской свободы против Агафокла и карфагенян. - Мятеж в войске Агатокла при Тунесе - его большая опасность и попытка спастись. - Карфагенская армия, посланная для действий во внутренних районах страны, атакована Агафоклом с некоторым успехом - его лагерь разграблен нумидийцами. - Агатокл приглашает на помощь Офеллаха из Кирены. - Предшествующие обстоятельства Кирена. Раздел побережья между Киреной и Карфагеном. - Изгнанники приглашают в Кирену Фимброн с гарпальскими наемниками. Его неоднозначная карьера, в целом победоносная, в Ливии. - Киренейцы просят помощи у египетского Птолемея, который посылает туда Офеллаха. Поражение и смерть Фимброна. Киренаика присоединена к владениям Птолемея, наместником которого стал Офеллах. - Положение и надежды Офеллы. Он принимает приглашение Агафокла. Он собирает колонистов из Афин и других греческих городов. - Поход Офеллы с войском и колонистами из Кирены на карфагенскую территорию - страдания, перенесенные в походе. - Вероломство Агафокла - он убивает Офеллаха - завладевает его армией - разорение и рассеяние колонистов. - Страшная смута в Карфагене - Бомилькар пытается захватить верховную власть - он свергнут и убит. - Дальнейшие успехи Агатокла в Африке - он захватывает Утику, Гиппо-Зарит и Гиппагрету. - Агатокл отправляется в Сицилию, оставляя Архагата командовать в Африке. Успехи Архагата во внутренних областях страны. - Удвоение усилий карфагенян - они одерживают две большие победы над Архагатом. - Опасность для Архагата - он блокирован карфагенянами в Тунисе. - Агатокл в Сицилии. Его карьера поначалу складывается благополучно. Поражение агригентинцев. - Деятельность Агафокла в Сицилии - против него выступает Дейнократ с большими силами. - Агригентинская армия под командованием Ксенодокуса - противостояние наемникам Агафокла - превосходство последних. - Поражение Ксенодока от Лептинеса - Агатокл переходит в Африку - плохое состояние его армии - он разбит карфагенянами. - Ночная паника и беспорядок в обоих лагерях. - Отчаянное состояние Агатокла - он бросает свою армию и бежит на Сицилию. - Дезертиры убивают двух сыновей Агафокла и капитулируют перед карфагенянами. - Африканская экспедиция Агафокла - смелость первого замысла - неосмотрительный толчок и упорство. - Действия Агафокла в Сицилии - его варварство в Эгесте и Сиракузах. - Большой отряд наемников под командованием Дейнократа в Сицилии - Агатокл просит у него мира, получает отказ - заключает мир с Карфагеном. - Битва при Торгиуме - победа Агатоклеса над Дейнократом. - Согласие и договор между Агафоклом и Дейнократом. - Операции Агатокла в

Липархе, Италии и Коркире - Клеоним из Спарты. - Последние проекты Агатокла - мятеж его внука Архагата - болезнь, отравление и смерть Агатокла. - Великолепный гений действий и находчивость - гнусные склонности - Агатокл. - Эллинская власть в Сицилии сохраняется при жизни Агафокла, но затем становится подчиненной преобладающим иностранцам.

393-452

ГЛАВА ХСVIII.

ОТДАЛЕННЫЕ ЭЛЛИНСКИЕ ГОРОДА. - 1. В ГАЛЛИИ И ИСПАНИИ. - 2. НА ПОБЕРЕЖЬЕ ЭВКСИНСКОГО МОРЯ.

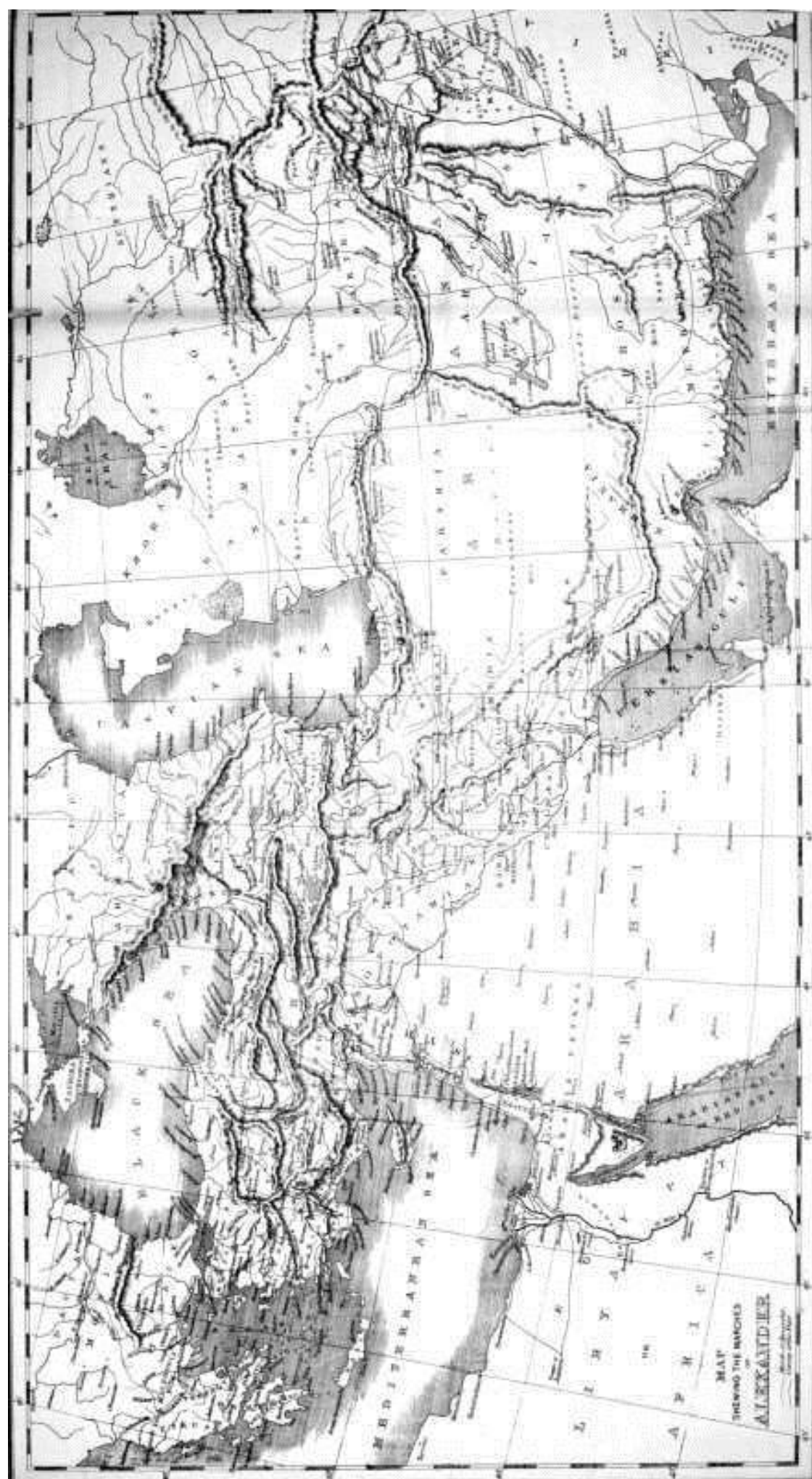
Массалия - ее положение и обстоятельства.- Колонии, основанные Массалией - Антиполис, Никея, Рода, Эмпория - особенности Эмпории.- Олигархическое правительство Массалии - разумное политическое управление.- Эллинизирующее влияние Массалии на Западе - Пифей, мореплаватель и географ.- Понтийские греки - Пентаполь на юго-западном побережье.-Синопе - его посланники присутствуют у Дария в последние дни его жизни - некоторое время сохраняет независимость от митридатских князей, но в конце концов подчиняется им - понтийская Ираклия - олигархическое правительство - местные мариандины превращены в крепостных - политические разногласия в Ираклии - изгнание Клеарха - установление частичной демократии - продолжающиеся политические проблемы в Ираклии - помощь извне.-Характер и обстоятельства Клиарха - он становится деспотом Ираклии - его тирания и жестокость. -Он остается деспотом в течение двенадцати лет - его убивают на празднике. -Сатир становится деспотом - его усугубленная жестокость - его военная сила. -Деспотизм Тимофея, справедливого и мягкого - его энергия и способности. - Деспотизм Дионисия - его популярное и энергичное правительство - его благоразумное обращение с македонцами во время отсутствия Александра на Востоке.Возвращение Александра в Сузы - его добиваются гераклеийские изгнанники - опасность Дионисия, предотвращенная смертью Александра - процветание и благоразумие Дионисия - он женится на Амастриде - его благосклонность к Антигону - его смерть.-Амастрис правит Гераклеей - выходит замуж за Лисимаха - разводится с ним - Клеарх и Оксатрес убивают Амастрис - убит Лисимахом - Арсиноя хозяйка Гераклеи. Поражение и смерть Лисимаха. Власть Селевкии.- Гераклея освобождена от деспотов, установлено народное правительство - отзыв изгнанников - смелое отношение граждан к Селевкии - смерть Селевкии.- Положение и управление Гераклеей как свободным государством - значительная морская мощь.-Умелое управление Гераклеей, как свободным городом, среди могущественных князей Малой Азии - общее состояние и влияние греческих городов на побережье. -Греческий Пентаполис на юго-западе Эвксинского моря - Овидий в Томи.-Ольбия во времена Геродота и Эфора - увеличение численности и набеги варварских орд.-Ольбия в более поздние времена - упадок безопасности и производства.-Ольбия разграблена и заброшена - впоследствии возобновлена.-Визит Диона Ритора - эллинские вкусы и нравы - повышенный интерес к Гомеру.Боспор или Пантикапей - князя Боспора - отношения между Афинами и Боспором - Нимфея среди городов-притонов Афинской империи - как она перешла под власть боспорских князей - союз и взаимные добрые услуги между боспорскими князьями Сатиром, Лейконом и др. и афинянами. Торговые иммунитеты, предоставленные афинянам.- Политическое состояние греков Боспора - князья называли себя архонтами - их империя над варварскими племенами.- Семейные распри среди боспорских князей - война между Сатиром и Евмелом - смерть Сатира II.- Гражданская война между Пританисом и Евмелом - победа Евмела - он убивает жен, детей и друзей своего брата.-Его победоносное правление и завоевания - его скорая смерть. Упадок Боспорской династии, пока она не перешла в руки

Митридата Евпатора. Памятники, оставленные боспорскими князьями Спартокидами, - гробницы у Кертча (Пантикапея).

[453-495](#)

Указатель

[497](#)

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ.

ГЛАВА ХСІ. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО - ОСАДА И ВЗЯТИЕ ФИВ.

Мой последний предыдущий том закончился убийством Филиппа Македонского и воцарением его сына Александра Великого, которому тогда было двадцать лет.

Это свидетельствует о том, насколько изменился облик греческой истории, что теперь мы вынуждены искать знаковые события в преемственности македонской короны или в указах македонских царей. Фактически, эллинский мир перестал быть автономным. В Сицилии, правда, свободное и конституционное правление, возрожденное Тимолеоном, еще обречено продолжаться несколько лет; но все греческие города к югу от горы Олимп превратились в зависимые от Македонии. Эта зависимость, установленная как факт битвой при Херонее и последующим победоносным походом Филиппа через Пелопоннес, была признана в форме голосования греческого синода в Коринфе. В то время как даже афиняне были вынуждены подчиниться, одна лишь Спарта, рискуя всеми последствиями, продолжала упорствовать в своем отказе. Приверженность Фив не зависела от слов фиванцев, а обеспечивалась македонским гарнизоном, размещенным в ее цитадели, называемой Кадмеей. Каждый эллинский город, малый и великий, морской, внутренний и островной (за исключением Спарты), был, таким образом, внесен как отдельная единица в список подданных-союзников императорской династии Филиппа.

В этих условиях история завоеванной Греции теряет свое самостоятельное течение и сливается с историей завоевания Македонии. Тем не менее, есть особые причины, которые заставляют историка Греции продолжать их вместе еще несколько лет. Во-первых, покоренная Греция оказала мощное воздействие на своего завоевателя - "*Græcia capta ferum victorem cepit*". Македонцы, хотя и говорили на собственном языке, не имели ни языка для общения с другими, ни литературы, ни философии, кроме греческой и полученной от греков. Филипп, пожелавший избрать себя вождем Эллады, сам был не только частично эллинизирован, но и являлся жадным кандидатом на эллинское восхищение. Он требовал главенства под благовидным предлогом удовлетворения старой антипатии к Персии. Далее, завоевания Александра, хотя и по сути македонские, косвенно послужили началом целого ряда событий, распространив эллинский язык (с некоторым оттенком эллинской литературы) на большую территорию Азии, - открыв ее для лучшего наблюдения, в некоторой степени даже для руководства, сообразительных греков, и таким образом вызвав последствия, важные во многих отношениях для истории человечества. Наконец, поколение свободных греков, на которых обрушилась битва при Херонее, не было склонно к спокойствию, если бы представилась возможность избавиться от своих македонских хозяев. В настоящем томе будут описаны безуспешные усилия, предпринятые с этой целью, в которых погибли Демосфен и большинство других лидеров.

Александр (родился в июле 356 года до н. э.), как и его отец Филипп, был не греком, а македонцем и эфиротом, частично проникнутым греческими чувствами и умом. Правда, его предки за несколько столетий до этого были эмигрантами из Аргоса, но цари Македонии давно утратили все следы таких особенностей, которые могли бы первоначально отличать их от своих подданных. Основа характера Филиппа была македонской, а не греческой: это было своеволие варварского принца, а не *ingenium civile*, или чувство взаимных обязательств и права в обществе с другими, которое в большей или меньшей степени отличало даже самых могущественных членов греческого города, будь то олигархического или демократического. Если это было верно в отношении Филиппа, то в еще большей степени это было верно в отношении Александра, который унаследовал буйный темперамент и сильную волю своей неистовой эфиротической матери Олимпии.

Родственник Олимпии по имени Леонид и акарнанец Лисимах упоминаются как главные воспитатели, которым было доверено детство Александра.^[1] Конечно, "Илиада" Гомера была одним из первых предметов, которые он выучил в детстве. На протяжении всей своей жизни он сохранял страстный интерес к этой поэме, копию которой, как говорят, исправленную Аристотелем, он брал с собой в военные походы. Нам не сообщают, да и вряд ли возможно, что он испытывал подобную привязанность к менее воинственной "Одиссее". Еще в детстве он научился отождествлять себя с Ахиллом - своим предком по материнской линии, согласно родословной Эакидов. Воспитатель Лисимах завоевал его сердце, называя себя Phœnix - Александр, Ахилл и Филипп, по имени Пелей. О мальчишеских поэтических декламациях Александра сохранился один анекдот, любопытный и неоспоримо достоверный. Ему было десять лет, когда афинская делегация, включая Эсхина и Демосфена, прибыла в Пеллу для переговоров о мире. Пока Филипп развлекал их за столом в своей обычной приятной и дружелюбной манере, мальчик Александр декламировал для их развлечения выученные им отрывки из поэзии и в ответ вместе с другим мальчиком произнес диалог из одной из греческих драм^[2].

В возрасте тринадцати лет Александр был отдан в обучение Аристотелю, которого Филипп специально пригласил для этой цели и чей отец Никомах был другом и врачом отца Филиппа Аминты. Какой курс обучения пришлось пройти Александру, мы, к сожалению, не можем сказать. По меньшей мере три года он занимался у Аристотеля, и нам рассказывают, что он посвятил этому занятию всю свою жизнь, сильно привязавшись к своему наставнику. Его способности выступать перед аудиторией, хотя и не столь хорошо подтвержденные, как у его отца, всегда оказывались достаточными для его целей: более того, он сохранял интерес к греческой литературе и поэзии даже во время своих утомительных азиатских походов.

В какой именно момент, при жизни отца, Александр впервые принял участие в активной службе, мы не знаем. Говорят, что однажды, еще в юности, он принял персидских посланников во время отсутствия отца и удивил их зрелостью своего поведения, а также политическим содержанием и актуальностью своих вопросов.^[3] Хотя ему было всего шестнадцать лет, в 340 году до н. э. он был оставлен дома в качестве регента, пока Филипп занимался осадой Византии и Перинфа. Он подавил восстание соседнего фракийского племени маэди, взял один из их городов и основал его заново под названием Александрия; это был самый ранний город, носивший это имя, которое впоследствии применялось ко многим другим городам, основанным им. В походе Филиппа в Грецию (338 г. до н. э.) Александр принимал участие, командовал одним из крыльев в битве при Херонее и, как говорят, первым получил преимущество на своей стороне над священным отрядом фиванцев^[4].

Однако, несмотря на такие знаки доверия и сотрудничества, произошли и другие инциденты, вызвавшие острую вражду между отцом и сыном. От своей жены Олимпии Филипп имел потомство в лице Александра и Клеопатры, от фессалийской любовницы по имени Филинна - сына Аридея (впоследствии названного Филиппом Аридеем), а также дочерей Кинну (или Кинану) и Фессалонику. Олимпия, женщина с кровожадным и непримиримым нравом, стала для него настолько отвратительной, что он отрекся от нее и женился на новой жене по имени Клеопатра. В предыдущем томе[5] я рассказывал о негодовании Александра по поводу этого поступка и о бурной ссоре, произошедшей во время брачного пира, когда Филипп выхватил меч, угрожая жизни сына, и от исполнения угрозы его удержало только падение от опьянения. После этой ссоры Александр удалился из Македонии, проводив свою мать к ее брату Александру, царю Эпира. У Филиппа от Клеопатры родился сын. Ее брат или дядя Аттал приобрел высокое расположение. Ее родственники и приверженцы в целом также были про мотивированы, а Птолемей, Неврх и другие лица, привязанные к Александру, были изгнаны[6].

Таким образом, перспективы Александра были полны неопределенности и опасностей вплоть до самого дня убийства Филиппа. Наследование македонской короны, хотя и передавалось в одной семье, отнюдь не было гарантировано в отношении отдельных членов; более того, в царственном доме Македонии[7] (как и среди царей, называемых Диадочами, которые получили власть после смерти Александра Великого) жестокие распри и постоянное недоверие между отцом, сыновьями и братьями были обычным явлением, из которого семья Антигонидов составляла почетное исключение. Между Александром и Олимпией, с одной стороны, и Клеопатрой с ее сыном Атталом - с другой, непременно должна была возникнуть кровавая борьба. Клеопатра в это время была на подъеме, Олимпия была жестокой и озорной, а Филиппу было всего сорок семь лет. Таким образом, будущее не сулило Александру ничего, кроме усугубления раздоров и трудностей. Кроме того, его сильная воля и властный нрав, как нельзя лучше подходящие для верховного командования, не позволяли ему играть подчиненную роль даже по отношению к собственному отцу. Благоразумие Филиппа, собиравшегося отправиться в азиатскую экспедицию, побудило его попытаться уладить эти семейные разногласия, выдав свою дочь Клеопатру замуж за ее дядю Александра Эпирского, брата Олимпии. Именно во время пышного брачного торжества, отмечавшегося тогда в Эге, он был убит - Олимпия, Клеопатра и Александр присутствовали при этом, а Аттал находился в Азии, командуя македонским подразделением, отправленным вперед вместе с Парменио. Если бы Филипп избежал этой катастрофы, он, несомненно, продолжал бы войну в Малой Азии с такой же энергией и мастерством, с какой ее впоследствии вел Александр: хотя можно сомневаться, потянулся бы отец к тем дальним начинаниям, которые, какими бы гигантскими и далеко идущими они ни были, не удовлетворяли ненасытных амбиций сына. Но каким бы успешным ни был Филипп в Азии, ему вряд ли удалось бы избежать мрачных семейных распрей; с Александром в качестве мятежного сына, подстрекаемого Олимпией, и с Клеопатрой на другой стороне, чувствующей, что ее собственная безопасность зависит от устранения царственных или квазичарственных конкурентов.

От таких грозных опасностей, видневшихся вдали, если не надвигавшихся сразу, меч Павсания гарантировал и Александра, и Македонское царство. Но в тот момент, когда удар был нанесен и когда Линкестиец Александр, один из тех, кто был посвящен в него, побежал, чтобы предотвратить сопротивление и возложить корону на голову Александра Великого[8], никто не знал, чего ожидать от молодого принца, внезапно возвысившегося в возрасте двадцати лет. Внезапная смерть Филиппа в полном блеске славы и честолубивых надежд должна была произвести сильнейшее впечатление, во-первых, на собравшуюся

праздничную толпу, во-вторых, на всю Македонию, и, наконец, на иностранцев, которых он поставил в зависимость, от Дуная до границ Пеонии. Все эти зависимости удерживались только страхом македонской силы. Оставалось доказать, способен ли юный сын Филиппа подавить оппозицию и поддержать мощную организацию, созданную его отцом. К тому же Пердиккас, старший брат и предшественник Филиппа, оставил сына по имени Аминтас, которому сейчас было не менее двадцати четырех лет и на которого многие смотрели как на достойного преемника[9].

Но Александр, присутствовавший при этом и сразу же провозглашенный своими друзьями, показал себя и словом, и делом совершенно компетентным в этом деле. Он собрал, приласкал и примирил все части македонской армии и главных офицеров. Его обращения были рассудительными и энергичными, в них он призывал сохранить достоинство царства в неприкосновенности,[10] и даже азиатские проекты, которые уже были провозглашены, должны осуществляться с такой же энергией, как если бы Филипп был еще жив.

Одной из первых мер Александра было отметить с пышной торжественностью похороны своего покойного отца. Пока шли приготовления к ним, он начал поиски и наказание сообщников Павсания. Из них наиболее известная нам - Олимпия - не только была защищена своим положением от наказания, но и сохранила большую власть над своим сыном до конца его жизни. В качестве сообщников упоминаются еще три человека - братья и люди из хорошей семьи из района Верхней Македонии под названием Линкестис - Александр, Херомен и Аррабеус, сыновья Алеропа. Двое из них были преданы смерти, но первого из трех пощадили и даже повысили в должности в награду за полезную предусмотрительность, проявленную при немедленном приветствии царя Александра.[11] Другие тоже, мы не знаем, сколько их было, были казнены; и Александр, кажется, представлял себе, что некоторые еще остались незамеченными.[12] Персидский царь хвастался в открытых письмах,[13] с какой долей правды мы не можем сказать, что он тоже был в числе подстрекателей Павсания.

Среди лиц, убитых в это время Александром, можно назвать его двоюродного брата и шурина Аминтаса - сына Пердикки (старшего брата умершего Филиппа): Аминтас был еще мальчиком, когда умер его отец Пердиккас. Хотя по обычаю он имел более весомые претензии на престол, его отстранил дядя Филипп, сославшись на возраст и на то, что для начала нового царствования необходимо приложить много усилий. Однако Филипп отдал в жены этому Аминту свою дочь (от иллирийской матери) Кинну. Тем не менее Александр предал его смерти[14] по обвинению в заговоре: при каких именно обстоятельствах, неизвестно, но, вероятно, Аминтас (который, кроме того, что был сыном старшего брата Филиппа, имел по меньшей мере двадцать четыре года, в то время как Александру было всего двадцать) считал себя имеющим больше прав на престол, и так считали многие другие. Младенец, сын Клеопатры от Филиппа, как говорят, был убит Александром как соперник в престолонаследии; сама Клеопатра впоследствии была предана смерти Олимпией во время его отсутствия и к его сожалению. Аттал, также дядя Клеопатры и совместный командующий македонской армией в Азии, был убит по частному приказу Александра, Гекатеем и Филотой.[15] Другой Аминтас, сын Антиоха (кажется, было несколько македонцев по имени Аминтас), бежал в Азию в целях безопасности:[16] вероятно, и другие, кто чувствовал себя объектом подозрений, поступили так же, поскольку по македонскому обычаю не только человек, осужденный за государственную измену, но и все его родственники вместе с ним предавались смерти[17].

Недвусмысленными проявлениями энергии и решительности, а также устранением соперников или опасных злоумышленников Александр быстро укрепил свое положение на

троне дома. Но от иноземцев, зависимых от Македонии, - греков, фракийцев и иллирийцев - подобное признание было не так легко получить. Большинство из них были настроены сбросить иго, но никто не осмелился взять инициативу в свои руки, а внезапная смерть Филиппа застала их совершенно неподготовленными к объединению. В результате этого события греки были освобождены от всех обязательств, поскольку голосование конфедерации избрало его лично императором. Теперь они были вольны, насколько это вообще было возможно, избрать кого-либо другого или вообще воздержаться от переизбрания, и даже позволить конфедерации прекратить свое существование. Только под давлением и запугиванием, как было хорошо известно в Греции и Македонии, они присвоили это достоинство даже Филиппу, который заслужил его великолепными подвигами и показал себя самым искусным полководцем и политиком эпохи. Они ни в коем случае не были склонны передавать его такому юноше, как Александр, пока он не покажет себя способным применить такое же принуждение и добиться такой же покорности. Желание отделиться от Македонии, широко распространившееся по греческим городам, нашло открытое выражение у Демосфена и других участников собрания в Афинах. Этот оратор (если верить его сопернику Эсхину), получив частные сведения об убийстве Филиппа, через неких шпионов Харидема, прежде чем они стали известны публично другим, притворился, что это было открыто ему во сне богами. Появившись в собрании в самом пышном одеянии, он поздравил своих соотечественников со смертью их величайшего врага и произнес высокие похвалы храброму тираноубийству Павсания, которое он, вероятно, сравнил бы с деяниями Гармодия и Аристогейтона.^[18] Он обесценил способности Александра, назвав его Маргитом (имя глупого персонажа одной из гомеровских поэм) и намекнув, что тот будет слишком отвлечен неловкостями и церемониальными обязанностями дома, чтобы иметь досуг для заграничного похода.^[19] Таков, по словам Эсхина, был язык Демосфена при первом известии о смерти Филиппа. Мы не можем сомневаться, что афинская публика, как и Демосфен, испытывала огромную радость от события, которое, казалось, открывало перед ними новые шансы на свободу, и что предложение о жертвоприношении в знак благодарности^[20], несмотря на противодействие Фокиона, было с готовностью принято. Однако, несмотря на то, что настроения в Афинах были антимакедонскими и выражали неприятие возобновления покорности, недавно обещанной Филиппу, Демосфен не зашел так далеко, чтобы заявить о позитивной враждебности^[21]. Он пытался установить связь с персами в Малой Азии, а также, если верить Диодору, с македонским командующим в Малой Азии, Атталом. Но ни одна из этих двух миссий не увенчалась успехом. Аттал отправил свое письмо Александру, а персидский царь,^[22] вероятно, избавленный смертью Филиппа от непосредственного страха перед македонской властью, послал в Афины императивный отказ, намекая, что больше не предоставит денег^[23].

Не только в Афинах, но и в других греческих государствах смерть Филиппа вызвала стремление к свободе. Лакедемоняне, которые, не имея поддержки, решительно выступали против любого повиновения ему, теперь искали новых союзников; аркадяне, аргейцы и элейцы проявляли настроения, неблагоприятные для Македонии. Амбракиоты изгнали гарнизон, размещенный Филиппом в их городе; этолийцы проголосовали за то, чтобы помочь восстановить изгнанных им акарнанских изгнанников.^[24] С другой стороны, фессалийцы проявили непоколебимую приверженность Македонии. Но македонский гарнизон в Фивах и македонизирующиеся фиванцы, которые теперь управляли этим городом,^[25] были, вероятно, главными препятствиями для любого совместного выступления в пользу эллинской автономии.

Зная об этих импульсах, распространенных во всем греческом мире, Александр почувствовал необходимость остановить их немедленной и устрашающей демонстрацией.

Энергия и стремительность его действий быстро ошеломили всех тех, кто рассуждал о его молодости или принимал эпитеты, примененные к нему Демосфеном. Преодолев в более короткий срок, чем предполагалось, трудности, связанные с его недавно приобретенным положением на родине, он во главе грозной армии вступил в Грецию, по-видимому, примерно через два месяца после смерти Филиппа. Он был благосклонно принят фессалийцами, которые проголосовали за то, чтобы Александр стал главой Греции вместо своего отца Филиппа; это решение было быстро подтверждено Амфикионийским собранием, созванным в Фермопиле. Затем Александр двинулся к Фивам, а оттуда через Коринфский перешеек в Пелопоннес. Подробности его похода нам неизвестны, но его огромные силы, вероятно, не уступавшие тем, что были завоеваны в Херонее, наводили ужас повсюду, заставляя замолчать всех, кроме его партизан. Нигде тревога не была сильнее, чем в Афинах. Афиняне, вспоминая речи ораторов и голоса собрания, - если не враждебного, то, по крайней мере, оскорбительного по отношению к македонцам, - дрожали от страха, что поход Александра будет направлен против их города, и, соответственно, готовились к осаде. Всем гражданам было велено привести из страны свои семьи и имущество, так что пространство внутри стен было заполнено как беглецами, так и скотом. [В то же время по предложению Демадеса собрание приняло резолюцию об извинениях и полной покорности Александру: они не только признали его вождем Греции, но и воздали ему божественные почести в выражениях, еще более выразительных, чем те, что были возданы Филиппу. 27] Оратор вместе с другими легатами отнес резолюцию Александру, которого они нашли в Фивах и который принял их покорность. Молодой оратор по имени Пифей, как говорят, выступил против голосования в афинском собрании. 28 Поступил ли так Демосфен - или, под влиянием разочарованных ожиданий и подавляющей силы македонян, он обрек себя на молчание, - мы не можем сказать. То, что он не отправился с Демадесом с миссией к Александру, кажется само собой разумеющимся, хотя, как говорят, он был назначен для этого общественным голосованием и отказался от этой обязанности. Он сопровождал легата до горы Китерон, на границе, а затем вернулся в Афины. [29] Мы с удивлением читаем, что Эсхинес и другие его враги осудили этот шаг как трусливое дезертирство. Ни один посланник не мог быть столь одиозным для Александра или спровоцировать отказ от предложения, которое он нес, как Демосфен. Нанимать его для такой миссии было бы нелепо, разве что с целью, которую, вероятно, преследовали его враги, чтобы он был либо задержан завоевателем в качестве искупительной жертвы [30], либо отправлен обратно в качестве помилованного и униженного пленника.

Продemonстрировав свои силы в различных частях Пелопоннеса, Александр вернулся в Коринф, где созвал депутатов от греческих городов. Список городов, подчинившихся его призыву, до нас не дошел, но, вероятно, в него входили почти все города Центральной Греции. Известно лишь, что лакедемоняне продолжали стоять в стороне, отказываясь от всякого согласия. Александр попросил у собравшихся депутатов того же назначения, которого за два года до этого требовал и добился победоносный Филипп, - гегемонии или главенства над греками для ведения войны с Персией. [31] На просьбу принца во главе неодолимой армии можно было ответить только одним. Он был назначен императором с полными полномочиями на суше и на море. Ошеломленные присутствием и настроением македонской силы, все, кроме лакедемонян, согласились с этим решением.

Конвенция, санкционированная Александром, вероятно, была такой же, как и та, что была заключена с его отцом Филиппом. Ее главной и важной особенностью было то, что она признавала Элладу конфедерацией под властью македонского принца в качестве императора, президента или исполнительной главы и руки. Она короновала его с юридической санкции как хранителя мира внутри Греции и завоевателя за границей от

имени Греции. О других его условиях нам стало известно из последующих жалоб; такие условия, которые, будучи справедливыми и опекающими по отношению к членам в целом, македонский вождь счел неудобным соблюдать и быстро начал нарушать. В первой статье конвента каждый эллинский город объявлялся свободным и автономным. В каждом из них существующая политическая конституция признавалась в том виде, в каком она существовала; всем остальным городам запрещалось вмешиваться в нее или поддерживать любое нападение ее враждебных изгнанников.[32] Ни один новый деспот не должен был быть установлен; ни один лишенный власти деспот не должен был быть восстановлен.[33] Каждый город был обязан препятствовать в каждом другом, насколько это возможно, любому незаконному насилию - таким как политические казни, конфискация, отчуждение, передел земли или отмена долгов, фактическое отпущение рабов и т. д.[34] Каждому гарантировалась свобода мореплавания; морской захват запрещался под страхом вражды со стороны всех. [35] Каждому запрещалось посылать вооруженные суда в гавань другого, строить там суда или нанимать моряков. [36] Каждый давал клятву соблюдать эти условия, объявлять войну всем, кто их нарушит, и хранить их на памятном столбе. По всей видимости, на сайте было предусмотрено принятие любого дополнительного города[37] по его последующему заявлению, хотя он мог и не быть участником первоначального договора. Кроме того, судя по всему, для обеспечения соблюдения конвенции были выделены постоянные военные силы по приказу Македонии, а также предполагалось, что синод депутатов будет собираться периодически[38].

Такова была конвенция, насколько нам известны ее условия, согласованная греческими депутатами в Коринфе с Александром, но с Александром во главе неодолимой армии. Он провозгласил ее "общественным законом греков", [39] представлявшим собой первостепенное обязательство, которое он исполнял, обязательное для всех, и дававшим ему право обращаться со всеми нарушителями как с мятежниками. Он был выдвинут в качестве аналога и замены конвенции Анталкидов, которую, как мы увидим, офицеры Дария пытались возродить против него - главенство Персии против главенства Македонии. Такова меланхоличная деградация греческого мира, что у его городов нет иного выбора, кроме как выбирать между этими двумя иностранными владыками - или пригласить на помощь Дария, самого далекого и наименее опасного, чье главенство вряд ли может быть более чем номинальным, против соседа, который наверняка будет властным и деспотичным, и, скорее всего, тираничным. Из некогда могущественных эллинских вождей и конкурентов - Спарты, Афин, Фив - под началом каждого из которых греческий мир поддерживался как независимая и самоопределяющаяся совокупность, допускающая свободную игру местных чувств и характеров при более или менее благоприятных обстоятельствах - два последних теперь смешались как общие единицы (одна даже содержалась под гарнизоном) среди подданных союзников Александра; Спарта же сохранила лишь достоинство изолированной независимости.

Как видно, в течение девяти месяцев, последовавших за подписанием договора, Александр и его офицеры (после возвращения в Македонию) активно использовали как вооруженную силу, так и посланников, добиваясь новых присоединений и перестраивая правительства различных городов в соответствии со своими взглядами. Жалобы на подобные агрессии были подняты на общественном собрании в Афинах, единственном месте в Греции, где еще сохранялась свобода дискуссий. Оратория, произнесенная Демосфеном, Гиперидом или одним из современных антимакедонских политиков (примерно весной или в начале лета 335 года до н. э.), [40] дает нам некоторое представление как о постоянных македонских интервенциях, так и о безуспешных протестах против них со стороны отдельных афинских граждан. Ко времени написания этой оратории подобные выступления уже неоднократно

повторялись. На них македонизирующиеся афиняне всегда отвечали императивными заявлениями о необходимости соблюдения конвенции. Но в ответ на это афиняне заявляли, что несправедливо призывать Афины к строгому соблюдению конвенции, в то время как македоняне и их сторонники в различных городах постоянно нарушают ее ради собственной выгоды. Александр и его офицеры (утверждает этот оратор) ни разу не сложили оружие с тех пор, как была заключена конвенция. В Мессене, Сикионе и Пеллене они постоянно вмешивались в управление различными городами, чтобы продвинуть к власти своих сторонников. [41] В Мессене, Сикионе и Пеллене они подорвали народные конституции, изгнали многих граждан и поставили деспотами своих друзей. Македонские войска, предназначенные в качестве государственной гарантии для обеспечения соблюдения конвенции, были использованы только для того, чтобы отменить ее лучшие условия и вооружить руки разрозненных партизан. [Так Александр в качестве императора, пренебрегая всеми ограничениями конвенции, выступал в роли главного деспота для содержания подчиненных деспотов в отдельных городах. [43] Даже в Афинах эта императорская власть отменяла приговоры дикастерия и вынуждала принимать меры, противоречащие законам и конституции. [44]

На море противоправные действия Александра или его офицеров были не менее очевидны, чем на суше. Конвенция, гарантировавшая всем городам право свободного судоходства, четко запрещала каждому из них захватывать или задерживать суда, принадлежащие кому-либо другому. Тем не менее македонцы захватывали в Геллеспонте все торговые суда, выходившие с грузом из Эвксинского моря, и переправляли их в Тенедос, где задерживали под различными обманными предлогами, несмотря на протесты владельцев и городов, чьи поставки кукурузы таким образом перехватывались. Среди этих страдальцев особенно выделялись Афины, поскольку потребители импортной кукурузы, судовладельцы и купцы, были там более многочисленны, чем в других местах. Афиняне, безрезультатно обращаясь с жалобами и уговорами, в конце концов настолько возмутились и, возможно, забеспокоились о своем провианте, что издали указ о снаряжении и отправке 100 трирем, назначив Менестея (сына Ификрата) адмиралом. Этими решительными действиями македонцы были вынуждены отпустить задержанные суда. Если бы задержание затянулось, афинский флот отплыл бы, чтобы силой потребовать возмещения ущерба; таким образом, поскольку Афины были более чем равны Македонии на море, морская империя последней была бы низвергнута, а на суше даже недовольным против нее было бы оказано большое содействие. [45] Произошел и другой случай, менее серьезный, чем этот, но оратор все же остановился на нем как на нарушении конвенции и оскорблении афинян. Несмотря на то, что статья договора запрещала вооруженным кораблям одного города входить в гавань другого, в Пирей была послана македонская трирема, чтобы попросить разрешения построить там меньшие суда для македонского расчета. Это оскорбило значительную часть афинян не только как нарушение конвенции, но и как явный шаг к тому, чтобы использовать морское оборудование и моряков Афин для увеличения македонского флота [46].

"Пусть те ораторы, которые постоянно призывают нас соблюдать конвенцию (утверждает оратор), убедят императорского вождя подать пример ее соблюдения со своей стороны. Я тоже призываю вас к такому же соблюдению. Для демократии нет ничего более важного, чем скрупулезное соблюдение равенства и справедливости. [47] Но конвенция сама предписывает всем ее членам вести войну против нарушителей; и в соответствии с этой статьей вы должны вести войну против Македона. [48] Будьте уверены, что все греки увидят, что война не направлена против них и не вызвана по вашей вине". [49] В данный момент такой шаг для поддержания вашей собственной свободы, как и эллинской свободы в целом, будет не менее своевременным и выгодным, чем справедливым. [50] Пришло время

избавиться от позорного подчинения другим и забвения нашего собственного прошлого достоинства. [51] Если вы меня поддержите, я готов внести официальное предложение - объявить войну нарушителям конвенции, как предписывает сама конвенция"[52].

Официальное предложение об объявлении войны повлекло бы за собой судебное преследование по *Graphê Paranomôn*. Поэтому, хотя он ясно дал понять, что считает сложившуюся ситуацию (какой она была, мы не знаем) подходящей, он отказался брать на себя такую ответственность, не увидев перед этим проявления общественных настроений, достаточных для того, чтобы надеяться на благоприятный вердикт Дикастерия. Вероятно, предложение не было принято. Но столь смелая речь, даже если за ней не последовало предложение, сама по себе свидетельствует о состоянии чувств в Греции в течение нескольких месяцев после Александрийского съезда. Эта речь - лишь одна из многих, произнесенных в афинском собрании и содержащих жалобы на македонское верховенство, осуществляемое в соответствии с конвенцией. Очевидно, что действия македонских офицеров были таковы, что давали достаточно оснований для жалоб; а задержание всех торговых судов, выходивших из Эвксинского моря, показывает нам, что даже пропитание Афин и островов оказалось в большей или меньшей опасности. Хотя афиняне не прибегали к вооруженному вмешательству, их собрание, по крайней мере, служило театром, где можно было выразить протест и проявить общественное сочувствие.

Вероятно также, что в это время Демосфен и другие антимакедонские ораторы были воодушевлены заверениями и субсидиями из Персии. Хотя смерть Филиппа и приход к власти двадцатилетнего неопытного юноши заставили Дария на время поверить, что вся опасность азиатского вторжения миновала, теперь его опасения были возрождены проявленной энергией Александра и возобновлением Греческой лиги под его главенством.[53] Очевидно, именно весной 335 года до н. э. Дарий посылал деньги на поддержку антимакедонской партии в Афинах и других местах. Эсхин утверждает, а Дейнарх повторяет (оба они враждебные Демосфену ораторы), что примерно в это время Дарий послал в Афины 300 талантов, от которых афинский народ отказался, но которые Демосфен принял, оставив, однако, 70 талантов из этой суммы для своего личного кошелька: После этого было проведено общественное расследование по данному вопросу. Однако ничего не утверждается;[54] по крайней мере, Демосфен не был ни осужден, ни даже не был привлечен (насколько можно судить) к какому-либо официальному суду. Из таких данных мы не можем извлечь ни одного конкретного факта. Но они подтверждают общий вывод о том, что Дарий или сатрапы в Малой Азии весной 335 года до н. э. отправили в Афины деньги, а также письма или эмиссаров для возбуждения военных действий против Александра.

То, что Демосфен и, вероятно, другие ведущие ораторы получали такие денежные переводы из Персии, не является доказательством той личной испорченности, которую вменяют им в вину их враги. Ни в коем случае не доказано, что Демосфен использовал эти деньги в своих личных целях. Получение и расходование этих денег в попытке организовать комбинации для обеспечения прав Греции было действием, которое он назвал бы не только законным, но и патриотическим. Это была помощь, полученная от одного иностранного принца, чтобы дать Элладе возможность сбросить с себя тяжкое господство другого. В этот момент политические интересы Персии совпадали с интересами всех греков, стремившихся к свободе. У Дария не было шансов стать хозяином Греции, но его собственная безопасность предписывала ему защищать ее от превращения в придаток Македонского царства, а средств для этого в данный момент было предостаточно, если бы они были эффективно использованы. Теперь целью греческого патриота было бы сохранение целостности и автономии эллинского мира от любого иностранного вмешательства. Призывать на помощь

Персию против эллинских врагов, как это сделала Спарта во время Пелопоннесской войны и Анталкидского мира, и как Фивы и Афины последовали ее примеру впоследствии, было неоправданным действием: не призывать ту же помощь против владычества другого иностранца, одновременно более близкого и более грозного, не заслуживало порицания ни с точки зрения патриотизма, ни с точки зрения политики. Демосфен тщетно призывал своих соотечественников действовать энергично против Филиппа, в то время, когда они могли бы своими собственными усилиями сохранить существующую автономию Афин и Греции в целом. Теперь он поддержал или пригласил Дария, в то время как Греция в одиночку стала неспособной к борьбе с Александром, общим врагом как греческой свободы, так и персидской империи. К несчастью как для Афин, так и для себя самого, Дарий, имея в руках все средства сопротивления, вел свою игру против Александра даже с большей глупостью и беспечностью, чем Афины вели свою против Филиппа.

Пока македонские офицеры осуществляли свою новую императорскую власть по всей Греции и на островах, а в Афинах нарастали проявления неприятия этой власти, Александр вернулся домой и занялся подготовкой к персидской кампании. Однако он не считал благоразумным переправлять свои главные силы в Азию, пока не дал почувствовать свою власть и личное превосходство македонским зависимым государствам, расположенным к западу, северу и северо-востоку от Пеллы - иллирийцам, пеонийцам и фракийцам. Под этими общими названиями скрывалось множество отдельных племен или народов, воинственных и по большей части хищных. Остававшиеся непокоренными до побед Филиппа, они не были подчинены даже им без труда: они вообще не были склонны повиноваться его юному преемнику, пока не увидели ощутимых доказательств его личной энергии.

Поэтому весной Александр поставил себя во главе большого войска и двинулся в восточном направлении из Амфиполя через узкий Сапеанский проход между Филиппами и морем. [56](#) Через десять дней марша он достиг трудного горного пути, по которому только и можно было перейти через гору Хем (Балкан). Здесь он встретил отряд свободных фракийцев и вооруженных купцов, собравшихся противостоять его продвижению; они расположились на возвышенности с повозками наперевес, которые они намеревались скатить по крутому склону против наступающих рядов македонцев. Александр избежал этой опасности, приказав своим солдатам либо разомкнуть ряды, чтобы свободно пропустить повозки, либо, если не было места для такого свободного строя, броситься на землю, тесно прижавшись друг к другу и надвинув щиты на тело; таким образом, повозки, мчась вниз по крутизне и ударяясь о щиты, отрывались от земли и перекатывались через тела людей на пространство внизу. Все повозки скатились вниз, не убив ни одного человека. Фракийцы, плохо вооруженные, были легко рассеяны македонским натиском, потеряв 1500 человек убитыми, а всех женщин и детей взяли в плен[\[57\]](#) Пленников и добычу отправили под конвоем обратно, чтобы продать в морских портах.

Форсировав таким образом горную дорогу, Александр провел свою армию через цепь горы Хем и выступил против трибаллов - могущественного фракийского племени, простиравшегося (насколько можно судить) от равнины Коссово в современной Сербии на север к Дунаю, - которое Филипп покорил, но не без значительного сопротивления и даже иногда поражений. Их князь Сирмус уже удалился с женщинами и детьми племени на остров в Дунае под названием Пеук, где нашли убежище и многие другие фракийцы. Основные силы трибаллов расположились в лесистой местности на берегу реки Зигинус, примерно в трех днях пути от Дуная. Однако, когда македонские легковооруженные воины сообразовали выйти из укрытия на открытую равнину, Александр с конницей и пехотой атаковал их в ближнем бою и полностью разгромил. Три тысячи из них были убиты, но остальные в

основном ускользнули от преследования через лес, так что они потеряли мало пленных. Потери македонцев составили всего одиннадцать всадников и сорок пеших; согласно заявлению Птолемея, сына Лагуса, тогда одного из доверенных лиц Александра, а впоследствии основателя династии греко-египетских царей[58].

Через три дня марша от места действия Александр добрался до Дуная, где нашел несколько вооруженных кораблей, которым ранее было приказано отплыть (вероятно, с запасами провизии) из Византии в обход Эвксинского моря и вверх по реке. Сначала он использовал эти корабли, пытаясь высадить войска на острове Пеуке, но его попытка сорвалась из-за крутых берегов, быстрого течения и решительного противостояния защитников на берегу. Чтобы компенсировать это разочарование, Александр решил продемонстрировать свою силу, переправившись через Дунай и напав на гетов - племена, в основном всадников, вооруженных луками,[59] схожие с фракийцами по повадкам и языку. Они занимали левый берег реки, от которого их город находился на расстоянии около четырех миль. Ужас перед успехами македонян собрал 4000 гетов, видневшихся с противоположного берега, чтобы противостоять любой переправе. Александр собрал несколько грубых лодок (выдолбленных из одного ствола), которые использовались для перевозки по реке, и набил сеном палаточные шкуры армии, чтобы поддерживать плоты. Ночью он сел на корабль и сумел перевезти через реку 4000 пехоты и 1500 конницы, высадившись на том участке берега, где было много пшеницы и не было вражеских постов. Геты, напуганные не столько удачной переправой, сколько великолепным строем армии Александра, едва ли остались, чтобы выдержать натиск конницы, но поспешили оставить свой плохо укрепленный город и отступить отцом от реки. Войдя в город без сопротивления, он разрушил его, унес все найденное имущество, а затем без промедления вернулся к реке. Прежде чем сойти на северный берег, он принес жертву Зевсу Хранителю, Гераклу и самому богу Истеру (Дунаю), которого поблагодарил за то, что тот оказался непроходимым.[60] На сайте в тот же день он переправился через реку в свой лагерь, после пустой демонстрации силы, призванной доказать, что он может сделать то, чего еще не делал ни его отец, ни одна греческая армия, и что все считали невозможным - переправиться через самую большую из всех известных рек без моста и в окружении врага.[61]

Ужас, наведенный военными действиями Александра, был столь велик, что не только трибаллы, но и другие автономные фракийцы в округе отправили посланников с подарками или данью и просьбой о мире. Александр удовлетворил их просьбу. Поскольку его мысли были направлены на войну с Азией, он был удовлетворен тем, что запугал эти племена, чтобы удержать их от восстания во время его отсутствия. Какие условия он выдвинул, мы не знаем, но подарки он принял[62].

Пока эти заявления фракийцев обсуждались, прибыли посланцы от племени галлов, занимавших далекий горный район к западу от Ионического залива. Хотя они были незнакомы с Александром, но так много слышали о недавних подвигах, что пришли с требованием принять их в свою дружбу. Они отличались и высоким ростом, и хвастливым языком. Александр охотно обменялся с ними заверениями в союзничестве. Развлекая их на пиру, он в ходе беседы спросил, чего они больше всего боятся из человеческих случайностей? Они ответили, что не боятся ни людей, ни опасностей, кроме того, что на них обрушится небо. Их ответ разочаровал Александра, который ожидал, что они назовут его, как человека, которого они больше всего боятся; так велико было его самомнение о собственных подвигах. Он заметил своим друзьям, что эти галлы - скупердяи. Однако если мы обратим внимание не на язык, а на настроение, то увидим, что такой эпитет с равной или большей уместностью применим к самому Александру. Анекдот интересен прежде всего тем, что

доказывает, как рано зародилось в нем непомерное чувство собственного достоинства, которое мы увидим в дальнейшем. То, что после битвы при Иссе он возомнил себя сверхчеловеком, не может не удивлять; но он был еще только в первом году своего правления и не успел ничего совершить, кроме похода во Фракию и победы над трибаллами.

Уладив эти дела, он отправился в юго-западном направлении на территорию агрианцев и других пеонийцев, расположенную между реками Стримон и Аксий в самой высокой части их течения. Здесь его встретили агриане под командованием своего князя Лангара, который еще до смерти Филиппа завязал с ним личную дружбу в Пелле. Пришло известие, что иллириец Клейтус, сын Бардилиса, покоренный Филиппом, поднял восстание в Пелионе (сильный пост к югу от озера Лихнид, на западной стороне цепи Скарда и Пинда, недалеко от места, где эта цепь обрывается расщелиной, называемой Клиссурой Цангона или Девола[63]), и что западные иллирийцы, называемые таулантйцами, под руководством своего князя Глаукиаса, находятся в походе, чтобы помочь ему. Александр немедленно отправился туда, оставив Лангаруса разбираться с иллирийским племенем Autariatæ, которое угрожало воспротивиться его продвижению. Он двинулся вдоль берега и вверх по течению Эригона, от места, где он впадает в Аксий.[64] Приблизившись к Пелиону, он обнаружил, что иллирийцы расположились перед городом и на окрестных высотах, ожидая прибытия Глаукиаса, своего обещанного союзника. Пока Александр готовился к нападению, они принесли жертвы богам: трех мальчиков, трех девочек и трех черных баранов. Сначала они смело вышли ему навстречу, но, не дойдя до близкого расстояния, повернули и скрылись в городе с такой поспешностью, что убитые жертвы остались лежать на месте.[65] Прогнав защитников, Александр готовился возвести вокруг Пелиона обводную стену, но его прервало прибытие Глаукиаса с такими большими силами, что он вынужден был отказаться от этого проекта. Отряд конницы, отправленный из македонского лагеря под командованием Филоты на фуражировку, оказался в опасности быть отрезанным Глаукием и был спасен только прибытием самого Александра с подкреплением. Перед лицом этих превосходящих сил македонскую армию пришлось отбросить через узкую дорогу вдоль реки Эордайкус, где в некоторых местах было место только для четырех человек в ряд, а вокруг были холмы и болота. Проведя ряд смелых и искусных маневров, а также эффективно используя свои таранные орудия или снарядные машины для защиты арьергарда, Александр полностью сбил противника с толку и вывел свою армию без потерь.[66] Более того, иллирийцы, не знавшие, как использовать такие преимущества позиции, предались беспорядку, как только их враг отступил, пренебрегая всеми мерами предосторожности для безопасности своего лагеря. Убедившись в этой беспечности, Александр во главе своей агрианской дивизии и легких войск, поддерживаемых остатками армии, совершил вынужденный ночной марш назад. Он застал иллирийцев в их лагере еще до рассвета. Успех этого нападения на спящую и незащищенную армию был настолько полным, что иллирийцы сразу же бежали без сопротивления. Многие были убиты или взяты в плен; остальные, побросав оружие, поспешили домой, преследуемые Александром на значительном расстоянии. Иллирийский князь Клейтус был вынужден покинуть Пелион, который он сжег, а затем отступил на территорию Глаукии[67].

Не успел Александр завершить эту победу над Клейтом и тавлантйскими вспомогательными войсками и вернуться домой, как до него дошли новости угрожающего характера. Фиванцы объявили себя независимыми от него и осаждали его гарнизон в Кадмее.

Об этом событии, в равной степени важном и губительном для тех, кто выступил вперед, нам очень плохо известны его непосредственные предшественники. Уже отмечалось, что голосование о покорности греков Александру как императору, состоявшееся осенью

предыдущего года, было проведено только под угрозой присутствия македонского войска. Хотя только спартанцы отважились заявить о своем несогласии, афиняне, аркадяне, этолийцы и другие, хорошо известные даже самому Александру, были готовы сделать то же самое при любом серьезном поражении македонского оружия.^[68] Кроме того, энергия и способности Александра внушили персидскому царю, что вся опасность для него не устранена смертью Филиппа, и побудили его либо послать, либо пообещать денежную помощь антимакедонским грекам. Мы уже отмечали проявление антимакедонских настроений в Афинах, о которых заявляли несколько самых выдающихся ораторов - Демосфен, Ликур гус, Гиперид и другие, а также такие активные военные, как Харидем и Эфиальт,^[69] которые, вероятно, высказывались более смело, когда Александра не было на Дунае. В других городах те же настроения, несомненно, находили сторонников, хотя и менее выдающихся; но в Фивах, где они не могли быть открыто провозглашены, они возобладали с наибольшей силой.^[70] Фиванцы страдали от притеснений, от которых большинство других городов были свободны, - присутствия македонского гарнизона в их цитадели; точно так же, как за пятьдесят лет до этого они терпели обуздание спартанского гарнизона после обмана Фибида и Леонтиада. В этом случае, как и в первом, результатом стало вооружение македонизирующих лидеров абсолютной властью над своими согражданами и нанесение последним не только общественного вреда в виде уничтожения всякой свободы слова, но и множественных индивидуальных оскорблений и травм, вызванных похотью и алчностью правителей, как иностранных, так и отечественных.^[71] Несколько фиванских граждан, среди которых были самые свободные и смелые духом, находились в изгнании в Афинах, не получая от общества ничего, кроме безопасного дома, но втайне побуждаемые Демосфеном и другими антимакедонскими лидерами надеяться на лучшее.^[72] Подобным образом, за пятьдесят лет до этого, именно в Афинах и у частных афинских граждан фиванцы Пелопидас и Меллон нашли то сочувствие, которое позволило им организовать свой дерзкий заговор по спасению Фив от спартанцев. Это предприятие, восхищавшее всю Грецию как авантюрное, искусное и героическое, стало для воображения фиванских изгнанников образцом для подражания при любой удобной возможности.

Таковы были настроения в Греции во время долгого отсутствия Александра во время его похода во Фракию и Иллирию, который длился четыре или пять месяцев и закончился в августе 335 года до н. э. Александр не только долго отсутствовал, но и не посылал домой никаких отчетов о своих действиях. Курьеры могли быть перехвачены среди горцев и разбойников Фракии; и даже если они достигали Пеллы, их депеши не оглашались публично, как подобные сообщения были бы зачитаны афинскому собранию. Поэтому мы не удивляемся, когда слышим, что возникли слухи о том, что он потерпел поражение и был убит. Среди этих сообщений, как многочисленных, так и достоверных, одно было даже заверено лжецом, который притворился, что только что прибыл из Фракии, был очевидцем этого факта и сам был ранен в бою против трибаллов, где погиб Александр.^[73] Эта радостная новость, не выдуманная, но слишком поспешно принятая на веру Демосфеном и Ликургом,^[74] была объявлена афинскому собранию. Несмотря на сомнения, высказанные Демадесом и Фокионом, в нее поверили не только афиняне и присутствовавшие там фиванские изгнанники, но и аркадяне, элейцы, эйтолийцы и другие греки. В течение значительного времени, благодаря отсутствию Александра, она оставалась неопровержимой, что усиливало уверенность в ее истинности.

Греческие города действовали, полностью веря в этот слух о поражении и смерти Александра. Это событие само по себе разорвало их связь с Македонией. Не было ни сына, ни взрослого брата, который мог бы наследовать престол: таким образом, не только внешнее превосходство, но даже кишечное единство Македонии могло распасться. В отношении

Афин, Аркадии, Элиды, Этолии и т. д. антимакедонские настроения, несомненно, проявлялись с особой силой, но особых действий не требовалось. Иначе обстояло дело с Фивами. Феникс, Прохит и другие фиванские изгнанники в Афинах немедленно разработали план освобождения города и изгнания македонского гарнизона из Кадмеи. Получив помощь оружием и деньгами от Демосфена и других афинских граждан, а также по приглашению своих партизан в Фивах, они внезапно вошли в этот город с оружием в руках. Хотя им не удалось взять Кадмею врасплох, они захватили в городе и предали смерти Аминтаса, главного македонского офицера, и Тимолая, одного из главных македонизирующих фиванцев.[75] Затем они немедленно созвали общее собрание фиванцев, к которому обратились с убедительным призывом предпринять энергичные усилия, чтобы изгнать македонцев и вновь завоевать древнюю свободу города. Рассказывая о злодеяниях гарнизона и притеснениях тех фиванцев, которые управляли городом с помощью гарнизона, они провозгласили, что счастливый момент освобождения настал благодаря недавней смерти Александра. Они, несомненно, вспоминали Пелопида и славное предприятие, лелеемое всеми фиванскими патриотами, благодаря которому он спас город от спартанской оккупации за сорок шесть лет до этого. Фиванцы сердечно откликнулись на этот призыв. Собрание приняло решение, объявив об отделении от Македонии и автономии Фив, и назначив бётархами некоторых из вернувшихся изгнанников, а также других членов той же партии для принятия энергичных мер против гарнизона в Кадмее[76].

К несчастью для Фив, ни один из этих новых бётархов не был человеком с печатью Эпаминондаса, возможно, даже не из Пелопида. Тем не менее их план, хотя из-за его меланхолического результата его обычно называют безумным, действительно поначалу обещал быть лучше, чем план анτισпартанских заговорщиков в 380 г. до н. э. Кадмея была немедленно созвана; возможно, теплилась надежда, что македонский полководец сдаст ее с таким же слабым сопротивлением, как это сделал спартанский гарнизон. Но эти надежды не оправдались. Филипп, вероятно, укрепил цитадель и снабдил ее провизией. Гарнизон бросил вызов фиванским вождям, которые не считали себя достаточно сильными, чтобы отдать приказ о штурме, как в свое время готов был поступить Пелопид, если бы ему отказали в сдаче[77]. Они довольствовались тем, что провели двойную линию обхода вокруг Кадмеи, чтобы предотвратить как нападения изнутри, так и поставки извне.[Затем они отправили посланников в меланхолическом снаряжении сторонников к аркадянам и другим, объясняя, что их недавнее движение направлено не против эллинского союза, а против македонского гнета и бесчинств, которые давят на них с нестерпимой горечью. Как греки и свободные люди, они просили помощи, чтобы спасти их от такого бедствия. Они получили много благосклонного сочувствия, некоторые обещания и даже полумеры. Многие из ведущих афинских ораторов - Демосфен, Ликург, Гиперид и другие - вместе с военными Харидемом и Эфиальтом настойчиво убеждали своих соотечественников объявить в пользу Фив и послать помощь против Кадмеи. Но граждане в целом, следуя за Демадесом и Фокионом, ждали, когда будут лучше уверены как в смерти Александра, так и в ее последствиях, прежде чем подвергать себя опасности открытой вражды с Македонией, хотя они, кажется, заявили о своем сочувствии фиванской революции.[79] Демосфен далее отправился посланником в Пелопоннес, а македонец Антипатр также разослал по пелопоннесским городам срочные заявления, требуя, чтобы их контингенты, как члены конфедерации под руководством Александра, выступили против Фив. Красноречие Демосфена, подкрепленное его деньгами или персидскими деньгами, которыми он распоряжался через , заставило пелопоннессцев отказаться от подчинения Антипатру и не посылать никаких контингентов против Фив.[80] Элейцы и этолийцы давали общие заверения, благоприятствующие революции в Фивах, а аркадяне даже пошли на то, чтобы послать часть войск на подмогу, хотя и не продвинулись дальше перешейки.[81]

Это был кризис в греческих делах, открывавший новые возможности для восстановления свободы. Если бы аркадяне и другие греки оказали решительную помощь Фивам, если бы Афины действовали так же энергично, как двенадцать лет спустя во время Ламийской войны, заняв Фермопилы с армией и флотом, ворота Греции вполне могли бы быть закрыты для нового македонского войска, даже с живым Александром во главе. О том, что борьба с Фивами не считалась в то время даже македонизированными греками безнадежной, свидетельствуют последующие наблюдения как Эсхинеса, так и Дейнарха в Афинах. Эсхинес (произнося через пять лет после этого свою орацию против Ктесифона) обвиняет Демосфена в том, что тот своей порочной отсталостью привел Фивы к гибели. Иностранные наемники, составлявшие гарнизон Кадмеи, были готовы (утверждает Эсхинс) сдать крепость, получив пять талантов: аркадские полководцы привели бы свои войска на помощь Фивам, если бы им заплатили девять или десять талантов, отвергнув уговоры Антипатра. Демосфен (говорят эти два оратора), имея в своем распоряжении 300 талантов от персидского царя для разжигания антимакедонского движения в Греции, получил от фиванских посланников просьбу выделить деньги на эти цели, но отказался от этой просьбы, оставил деньги себе и тем самым предотвратил как сдачу Кадмеи, так и дальнейший поход аркадян.[82] Обвинение, выдвинутое здесь против Демосфена, кажется совершенно невероятным. Предположить, что антимакедонские движения имели в его глазах столь малое значение, - гипотеза, опровергаемая всей его историей. Но тот факт, что подобные обвинения были сделаны Эсхином всего пять лет спустя, доказывает сообщения и чувства того времени: шансы на успешное сопротивление Македонии со стороны фиванцев не считались неблагоприятными. И когда афиняне, следуя советам Демадеса и Фокиона, отказались помочь Фивам или занять Фермопилы, они, возможно, думали о безопасности Афин в отдельности, но они отступили от великодушного и панэллинского патриотизма, который вдохновлял их предков против Ксеркса и Мардония[83].

Фиванцы, оставшись в этой неблагоприятной изоляции, продолжали держать блокаду Кадмеи и вскоре сократили бы македонский гарнизон, если бы их не застало врасплох потрясающее событие - Александр лично прибыл в Онхест в Беотии во главе своей победоносной армии. Первое известие о том, что он жив, было получено по прибытии в Онхест. Поначалу никто не мог поверить в этот факт. Фиванские вожди утверждали, что это был другой Александр, сын Алеропа, во главе македонской армии помощи[84].

В этом инциденте мы можем отметить две черты, которые характеризовали Александра до конца его жизни: несравненную быстроту движений и не менее замечательную благосклонность фортуны. Если бы весть о восстании фиванцев впервые дошла до него на Дунае или среди далеких трибаллов, - или даже когда он был в затруднительном положении в районе Пелиона, - он вряд ли смог бы какими-либо усилиями прибыть вовремя, чтобы спасти Кадмею. Но он узнал об этом как раз тогда, когда победил Клейтуса и Глаукиаса, так что руки его были совершенно свободны, а также когда он находился в положении, особенно близком и удобном для прямого похода в Грецию без возвращения в Пеллу. От перевала Цхангон (или реки Девол), возле которого были одержаны последние победы Александра, его путь лежал на юг, частично следуя вниз по верхнему течению реки Халиакмон, через Верхнюю Македонию или области под названием Эордея и Элимея, которые лежали слева от него, а высоты Пинда и верхнее течение реки Ауса, занятые эпиротами под названием Тимфея и Парауея, были справа. На седьмой день похода, пересекая нижние хребты Камбунских гор (которые отделяют Олимп от Пинда и Верхнюю Македонию от Фессалии), Александр достиг фессалийского города Пелинна. Еще через шесть дней он добрался до беотийского Онхеста.[85] Он был уже в Фермопилах, прежде чем греки узнали о его походе или даже о том, что он жив. Таким образом, вопрос о занятии Фермопил греческими

войсками был отложен в сторону. Трудность форсирования этого прохода и необходимость опередить Афины на нем хитростью или быстротой представлялись Александру так же, как и Филиппу в его экспедиции 346 года до н. э. против фокийцев.

Его прибытие, само по себе грозное событие, с удвоенной силой подействовало на греков из-за своей чрезвычайной внезапности. Мы можем сомневаться в том, что и афиняне, и фиванцы имели связь с Пеллой, что они рассматривали любое македонское вторжение как вероятное, исходящее оттуда, и что они ожидали возвращения самого Александра (предполагая, что он еще жив, вопреки их мнению) в его столицу, прежде чем он начнет любое новое предприятие. По этой гипотезе, которая сама по себе вероятна и была бы реализована, если бы Александр не продвинулся так далеко на юг в момент получения известий[86], они, по крайней мере, заранее знали бы о его приближении и имели бы возможность для оборонительной комбинации. Как бы то ни было, его неожиданное появление в самом сердце Греции исключало любые комбинации и пресекало всякую мысль о сопротивлении.

Через два дня после прибытия в Беотию он направил свою армию вокруг Фив, чтобы расположиться лагерем на южной стороне города; таким образом он перехватил сообщение фиванцев с Афинами и продемонстрировал свои силы гарнизону в Кадмее. Фиванцы, хотя и были одиноки и не надеялись на помощь, сохраняли непоколебимое мужество. Александр отложил атаку на день или два, надеясь, что они покорятся; он хотел избежать нападения, которое могло стоить жизни многим из его солдат, необходимых ему для его азиатских планов. Он даже сделал публичное объявление,[87] требуя сдачи антимакедонских лидеров Финикса и Прохита, но предлагая любому другому фиванцу, решившему покинуть город, разрешить прийти и присоединиться к нему на условиях договора, заключенного осенью предыдущего года. Было созвано общее собрание, и македонизирующиеся фиванцы навязали благоразумие подчинения непреодолимой силе. Но недавно вернувшиеся из изгнания вожди, возглавившие восстание, горячо воспротивились этому предложению, настаивая на сопротивлении до смерти. Для них такая решимость, возможно, не была удивительной, поскольку (как замечает Арриан[88]) они зашли слишком далеко, чтобы надеяться на снисхождение. Однако, как видно, масса граждан сознательно приняла то же решение, несмотря на сильные убеждения в обратном,[89] мы видим, что они уже почувствовали горечь македонского владычества, и чем терпеть его возобновление, которое наверняка будет еще хуже, в сочетании с бесчестьем сдачи своих лидеров, они решили погибнуть вместе со свободой своего города. В то время, когда чувство Эллады как автономной системы угасало, а греческая храбрость превращалась в инструмент для возвеличивания македонских вождей, эти соотечественники Эпаминонда и Пелопида подали пример самоотверженности в деле греческой свободы, не менее почетный, чем пример Леонида при Фермопилах, и лишь менее почитаемый, поскольку оказался несокрушимым.

В ответ на прокламацию Александра фиванцы выступили со своих стен с контрпрокламацией, требуя выдачи его офицеров Антипатра и Филоты и приглашая всех присоединиться к ним, желающим вместе с персидским царем и фиванцами освободить греков и низложить деспота Эллады. 90] Столь надменная отповедь и отпор до крайности разозлили Александра. Он привел в движение свои таранные орудия и подготовил все для штурма города. О последовавшем за этим убийственным штурме мы находим разные свидетельства, не согласующиеся друг с другом, но и не совсем непримиримые. Оказывается, фиванцы возвели, вероятно, в связи с операциями против Кадмеи, крепость, защищенную двойным палисадом. Стены охраняли наименее эффективные солдаты, метисы

и освобожденные рабы, в то время как лучшие войска были достаточно смелы, чтобы выйти перед воротами и дать бой. Александр разделил свою армию на три части: одну под командованием Пердикки и Аминтаса - против вылазок, вторую - для борьбы с фиванцами, которые вырвались вперед, и третью - в резерве. Между вторым из этих трех подразделений и фиванцами перед воротами завязалась такая упорная битва, что успех одно время казался сомнительным, и Александр был вынужден отрядить свой резерв. Первый македонский успех был достигнут Пердиккасом,^[91] который при поддержке дивизии Аминтаса, а также агрианского полка и лучников взял первую из двух крепостных стен, а также оставленные без охраны ворота. Его войска взяли штурмом и вторую крепость, хотя сам он был тяжело ранен и отнесен в лагерь. Здесь фиванские защитники бежали обратно город, по пологому пути, который вел к храму Геракла, преследуемые легкими отрядами, опережая остальных. Однако вскоре фиванцы обратились в бегство и отбили их, потеряв командира Эврибота и семьдесят человек убитыми. Преследуя этих лучников, ряды фиванцев несколько расстроились, так что они не смогли противостоять натиску македонской гвардии и тяжелой пехоты, подошедшей на подмогу. Они были разбиты и оттеснены в город; их разгром стал еще более полным благодаря вылазке македонского гарнизона из Кадмеи. Победив с этой стороны, фиванцы, поддерживавшие бой у ворот, были вынуждены отступить, и наступающие македонцы ворвались в город вместе с ними. Внутри города, однако, бой все еще продолжался; фиванцы сопротивлялись организованными телами, пока могли, а когда были сломлены, продолжали сопротивляться даже в одиночку. Никто из военных не просил пощады; большинство из них было убито на улицах, но несколько конников и пехотинцев пробили себе путь на равнину и спаслись. Бой превратился в кровавую бойню. Македонцы со своими пеонийскими отрядами были в ярости от упорного сопротивления, а различные греки, служившие в качестве вспомогательных войск - фокийцы, орхоменцы, феспийцы, платейцы - должны были отомстить за древние и тяжкие обиды, нанесенные Фивами. Такие яростные чувства были удовлетворены беспорядочной резней всех, кто попадался им на пути, без различия возраста и пола - мужчин, женщин и детей, в домах и даже в храмах. Эта массовая резня сопровождалась, конечно, грабежом и многочисленными бесчинствами, которыми обычно вознаграждают себя победители.^[92]

Утверждается, что было убито более пятисот македонцев и шесть тысяч фиванцев. Было собрано тридцать тысяч пленных.^[93] Окончательную судьбу этих пленников и самих Фив Александр предоставил орхоменцам, платейцам, фокийцам и другим греческим помощникам, участвовавшим в штурме. Он должен был заранее знать, каким будет приговор этих судей. Они объявили, что город Фивы должен быть стерт с лица земли, что только Кадмея должна быть сохранена как военный пост с македонским гарнизоном, что фиванская территория должна быть распределена между союзниками, что Орхомен и Платея должны быть отстроены и укреплены: Все пленные фиванцы, мужчины, женщины и дети, должны быть проданы в рабство, за исключением жрецов и жриц, а также тех, кто был связан признанными узами гостеприимства с Филиппом или Александром, или тех, кто был *проксением* македонцев; бежавшие фиванцы должны быть объявлены преступниками, подлежащими аресту и смерти, где бы они ни были найдены; и каждому греческому городу должно быть запрещено их укрывать.^[94]

Этот ошеломляющий приговор, несмотря на просьбу фиванца по имени Клидас о снисхождении, был вынесен греческими помощниками Александра и приведен в исполнение самим Александром, который сделал лишь одно добавление к исключаящим пунктам. Он оставил дом Пиндара на месте и пощадил потомков поэта. С этими резервами

Фивы были стерты с лица земли. Территория Фив была разделена между восстановленными городами Орхоменом и Платеей. Ничто, кроме македонского военного поста в Кадмее, не напоминало о месте, где когда-то стоял вождь беотийской конфедерации. Все пленники были проданы, и, как говорят, за них выручили 440 талантов; большие цены были предложены покупателями из чувства враждебности к городу .[96] Диодор говорит нам, что этот приговор был вынесен общим синодом греков. Но мы не можем поверить в то, что этот синод, пусть и подчиненный, когда его призвали к обсуждению под вооруженной силой Александра, мог санкционировать такое разорение одного из первых и древнейших эллинских городов. Ведь из Арриана мы узнаем, что вопрос обсуждался и решался только греческими вспомогательными войсками, участвовавшими вместе с Александром,[97] и что приговор, таким образом, отражает горькую антипатию орхоменцев, платейцев и др. Несомненно, эти города терпели суровое и жестокое обращение со стороны Фив. В той мере, в какой это касалось их, возмездие фиванцам было заслуженным. Однако те, кто (как рассказывает Арриан) объявил катастрофу божественным судом над Фивами за то, что они присоединились к Ксерксу против Греции[98] за полтора века до этого, должно быть, забыли, что не только орхоменцы, но даже Александр Македонский, тезка и предшественник разрушительного завоевателя, служил в армии Ксеркса вместе с фиванцами.

Арриан тщетно пытается перенести с Александра на мелкие беотийские города одиозность этого жестокого разрушения, не имеющего аналогов в греческой истории (как он сам говорит), если судить по величине города; в совокупности же его превзошло уничтожение под руководством Филиппа не менее тридцати двух свободных халкидских городов за тринадцать лет до этого. Известная антипатия этих беотийцев была использована Александром для того, чтобы придать окраску этому преступлению, которое одновременно удовлетворило его чувства, уничтожив врага, бросившего ему вызов, и его политику, послужив ужасающим примером для сдерживания других греков.[99] Но хотя такие взгляды и руководили им в тот момент, впоследствии он оглядывался на этот поступок со стыдом и печалью. Потрясение эллинских чувств, когда город был разрушен, было вызвано не только насильственным уничтожением жизни, имущества, свободы, социальных или политических институтов, но и стиранием легенд и подавлением религиозных обрядов, тем самым оскорбляя и провоцируя местных богов и героев. Вскоре мы увидим, как сам Александр приносит жертву в Илиуме,[100] чтобы утихомирить гнев Приама, все еще сохраняющийся и действующий против него самого и его рода, как потомка Неоптолема, убившего Приама. Своим суровым обращением с Фивами он навлек на себя неудовольствие Диониса, бога вина, который, как говорят, родился в этом городе и является одной из главных фигур в фиванской легенде. Именно внушениям оскорбленного Диониса Александр считал себя обязан той неуправляемой пьяной страстью, под влиянием которой он впоследствии убил Клейта, а также отказом македонских солдат следовать за ним дальше в Индию.[101] Если Александр в последующие дни раскаивался в своем поступке, мы можем быть уверены, что подобное отвращение испытывали и другие; и мы можем понять настроение, под которым через несколько лет после его смерти македонец Кассандр, сын Антипатра, восстановил разрушенный город.

Однако в то время разрушение Фив произвело эффект неопишемого ужаса во всех греческих городах. Все они стремились заключить мир с завоевателем. Аркадский контингент не только вернулся домой с Перешейка, но даже осудил своих вождей на смерть. Элейцы отозвали из изгнания своих главных македонизированных граждан и заняли главенствующее положение на родине. Каждое племя этолийцев отправило посланников к Александру, прося прощения за выступления против него. В Афинах мы с удивлением читаем, что в тот самый день, когда Фивы были взяты штурмом, на расстоянии двух дней пути

от осажденного города проходил великий элейский праздник Деметр с многочисленным шествием его почитателей из Афин в Элевсис. Большинство фиванских беглецов, которым удалось спастись, бежали в Аттику как ближайшее убежище, сообщая афинянам о своем бедственном положении и ужасе. Праздник был немедленно приостановлен. Все поспешили войти в стены Афин,^[102] унося с собой свое движимое имущество в безопасное место. В условиях всеобщей тревоги, что завоеватель направится прямо в Аттику, и спешных приготовлений к обороне, наиболее встревоженными и подверженными реальной опасности были, конечно, Демосфен, Ликург, Харидем и те, кто громче всех выступал против Македонии и пытался убедить афинян открыто выступить на стороне Фив. Несмотря на такой страх перед последствиями для себя, афиняне предоставили убежище и сочувствие несчастным фиванским беглецам. Они продолжали делать это даже тогда, когда должны были знать, что нарушают эдикт о запрете, только что санкционированный Александром.

Вскоре после этого от этого монарха прибыли посланцы с угрожающим письмом, в котором официально требовалось выдать восемь или десять ведущих граждан Афин - Демосфена, Ликурга, Гиперида, Полиекта, Мироклеса, Диотиму, Эфиальта и Харидема. Первые четыре из них были выдающимися ораторами, последние два - военными; все они были яркими сторонниками антимакедонской политики. Александр в своем письме осудил этих десяти как виновников битвы при Херонее, оскорбительных постановлений, принятых в Афинах после смерти Филиппа, и даже недавних враждебных действий фиванцев.^[104] Этот судьбоносный вызов, касающийся права на свободу слова и публичные дебаты в Афинах, был представлен собранию. Аналогичное требование только что было предъявлено фиванцам, и последствия отказа должны были проявиться в разрушении их города не менее отчетливо, чем в угрозах завоевателя. То, что даже в таких сложных обстоятельствах ни ораторы, ни народ не теряли мужества, мы знаем как общий факт; хотя у нас нет преимуществ (как у Ливия в его время) читать речи, произнесенные во время дебатов.^[105] Демосфен, настаивая на том, что судьба граждан в целом не может быть отделена от судьбы конкретных жертв, как говорят, пересказал в ходе своей речи старую басню о волке, который требует от овец, чтобы они отдали ему своих защитных собак в качестве условия мира, а затем сразу же пожирает незащищенных овец. Он и те, кто требовал вместе с ним, претендовали на защиту народа, за что только и навлекали на себя гнев завоевателя. Фокион же, сначала молчавший и поднявшийся только под давлением особых призывов народа, заявил, что сил для сопротивления Александру недостаточно и что эти люди должны быть сданы. Он даже обращался к ним по отдельности, напоминая о самоотверженности дочерей Эрехтея, памятной по аттическим преданиям, и призывая их добровольно отдать себя для извращения общественного бедствия. Он добавил, что он (Фокион) с радостью отдаст себя или своего лучшего друга, если такой жертвой он сможет спасти город.^[Ликург, один из ораторов, чьей выдачи требовали, ответил на эту речь Фокиона с яростью и горечью, и общественное мнение поддержало его, возмущенно отвергнув совет Фокиона. Решительный патриотизм, весьма благородный в этот трудный момент, постановил, что требуемые лица не должны быть выданы]^[107].

По ходатайству Демадеса к Александру было отправлено посольство, в котором он выражал свой гнев против этих десяти человек и обещал наказать их по приговору суда, если против них будет доказано какое-либо преступление. Демадес, который, как говорят, получил от Демосфена взятку в пять талантов, взял на себя эту миссию. Но Александр поначалу был неумолим, отказывался даже выслушать посланников и упорно продолжал выполнять свое требование. Только благодаря вмешательству второго посольства, возглавляемого Фокионом, удалось добиться смягчения условий. Александра убедили отозвать свое требование и удовлетвориться изгнанием Харидема и Эфиальта, двух антимакедонских

военачальников. Оба они, а с ними, кажется, и другие афиняне, ушли в Азию, где поступили на службу к Дарию[108].

В планы Александра не входила осада Афин, которая могла оказаться долгой и трудной, поскольку афиняне обладали превосходящими морскими силами, открытым морем и возможностью получить эффективную поддержку из Персии. Поэтому, когда он увидел, что его требование о предоставлении десяти ораторов встретит решительный отпор, соображения политики постепенно возобладали над его гневом и побудили его расслабиться.

Фокион вернулся в Афины как носитель уступок Александра, избавив афинян от крайней тревоги и опасности. Его влияние - и без того большое и давнее, поскольку в течение многих лет он постоянно переизбирался генералом, - стало еще более значительным, в то время как влияние Демосфена и других антимакедонских ораторов, должно быть, снизилось. Александру, одержавшему победу, не составило большого труда заполучить неподкупного Фокиона в качестве лидера македонизирующей партии в Афинах. Его проекты, направленные против Персии, в основном были подвержены риску провала из-за возможности создания оппозиции в Греции с помощью персидских денег и кораблей. Чтобы уберечь Афины от таких комбинаций, он должен был полагаться на личное влияние и партию Фокиона, который, как он знал, всегда отговаривал ее от сопротивления постоянно растущему возвеличиванию своего отца Филиппа. В разговоре с Фокионом о предполагаемой азиатской экспедиции Александр постарался польстить афинской гордости, назвав ее второй после себя и претендующей на главенство в Греции, если с ним что-то случится[109]. Такие комплименты было уместно повторить в афинском собрании: македонский принц, естественно, предпочел бы афинское главенство спартанскому, поскольку Спарта стояла в стороне от него, будучи открытым рецидивистом.

Успокоив враждебность Александра, Афины вновь стали членом конфедерации под его императорской властью. Не посетив Аттику, он направился к Коринфскому перешейку, где, вероятно, получил от различных греческих городов депутации с выражением недовольства и заявлением о подчинении его императорской власти. Вероятно, он также председательствовал на заседании греческого синода, где ему предстояло определить контингент, необходимый для его азиатской экспедиции, намеченной на весну следующего года. Среди всеобщего почтения и покорности, которыми его встретили, нашлось одно исключение - философ-киник Диоген, который жил в Коринфе, довольствуясь бадьей для жилья и самым грубым и самоотреченным существованием. Александр подошел к нему с многочисленной свитой и спросил, не желает ли он чего-нибудь, на что Диоген, как говорят, ответил: "Ничего, кроме того, чтобы ты стоял немного в стороне от моего солнечного света". И сам философ, и его ответ вызвали смех у присутствующих, но сам Александр был настолько впечатлен проявленным независимым и самодостаточным характером, что воскликнул: "Если бы я не был Александром, я был бы Диогеном"[110].

Посетив оракул в Дельфах и получив или вырвав у жрицы ответ, суливший благоприятные перспективы для его азиатских планов, он вернулся в Македонию до наступления зимы. Самым важным результатом его пребывания в Греции стало восстановление Беотии, то есть разрушение Фив и воссоздание Орхомена, Феспии и Платеи, разделив между ними фиванскую территорию; все это охранялось и контролировалось македонским гарнизоном в Кадмее. Было бы интересно узнать некоторые подробности об этом процессе разрушения и восстановления беотийских городов; процессе, не только вызывающем сильные проявления чувств, но и предполагающем решение важных и сложных вопросов. Но, к сожалению, нам не дано знать ничего, кроме общих фактов.

Александр уехал из Греции в Пеллу осенью 335 года до н. э. и больше ее не видел.

Оказывается, летом этого года, пока он был занят своими иллирийскими и фиванскими операциями, македонским войскам под командованием Парменио в Азии пришлось сражаться с персидской армией или греческими наемниками под командованием Мемнона Родийского. Парменио, войдя в Эолис, осадил и взял Гриниум, после чего напал на Питанак, но Мемнон вынудил его снять осаду. Мемнон даже одержал победу над македонскими войсками под командованием Калласа в Троаде, вынудив их отступить к Ретию. Но он потерпел неудачу в попытке застать врасплох Кизикуса и был вынужден довольствоваться разграблением прилегающей территории.^[112] Утверждается, что Дарий этим летом занимался большими приготовлениями, как морскими, так и военными, чтобы противостоять предполагаемой экспедиции Александра. Однако все, что мы слышим о том, что было сделано на самом деле, не предполагает ничего, кроме умеренных сил.

ГЛАВА ХСII. АЗИАТСКИЕ ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА.

Года и нескольких месяцев хватило Александру, чтобы впервые продемонстрировать свою энергию и военное мастерство, предназначенные для еще больших свершений, и подавить растущие стремления к свободе среди греков на юге, а также среди фракийцев на севере Македонии. Последующая зима была потрачена на завершение его приготовлений, так что ранней весной 334 года до н. э. его армия, предназначенная для завоевания Азии, была собрана между Пеллой и Амфиполем, а его флот находился под рукой, чтобы оказать поддержку.

Вся оставшаяся жизнь Александра - от пересечения Геллеспонта в марте или апреле 334 года до н. э. до его смерти в Вавилоне в июне 323 года до н. э., то есть одиннадцать лет и два-три месяца - прошла в Азии, среди непрерывных военных операций и постоянно умножающихся завоеваний. Он так и не дождался возвращения в Македонию, но его достижения были столь грандиозны, его приобретения территории столь безмерны, а его жажда дальнейшего расширения все еще столь неутолима, что Македония тонет в незначительном списке его владений. Еще больше греческих городов превратились в отдаленные придатки вновь выросшей восточной империи. В течение всех этих одиннадцати лет история Греции почти пуста, за исключением нескольких разрозненных событий. Только после смерти Александра греческие города вновь пробуждаются к активному движению.

Азиатские завоевания Александра не относятся прямо и буквально к области историка Греции. Они были достигнуты армиями, в которых генерал, главные офицеры и большая часть солдат были македонцами. Греки, служившие вместе с ним, были лишь вспомогательными войсками, наряду с фракийцами и пеонийцами. Хотя они были многочисленнее всех остальных вспомогательных войск, они не составляли, подобно десяти тысячам греков в армии младшего Кира, той силы, на которую он в основном опирался в победе. Его главный секретарь, Евмен Кардийский, был греком, и, вероятно, большинство гражданских и интеллектуальных функций, связанных со службой, также выполняли греки. Многие греки также служили в армии Персии против него, и они действительно составляли большую часть реальных сил (не считая простого количества) в армии Дария, чем в армии Александра. Таким образом, экспедиция косвенно вливается в поток греческой истории

благодаря мощному вспомогательному агентству греков с обеих сторон и, более того, благодаря своей связи с предыдущими проектами, мечтами и легендами, давно предшествовавшими возвеличиванию Македонии - как, так и характеру, который Александр считал нужным принять. Отомстить Персии за вторжение Ксеркса в Грецию и освободить азиатских греков - таков был план спартанца Агесилая и ферея Ясона; надежды возлагались на памятную экспедицию и благополучное возвращение Десяти тысяч. Ритор Исократ рекомендовал его сначала объединенным силам Греции, пока греческие города были свободны, под совместным руководством Афин и Спарты, а затем Филиппу Македонскому как вождю объединенной Греции, когда его победоносные руки добились признания главенства, отбросив и Афины, и Спарту. Предприимчивые амбиции Филиппа были удовлетворены тем, что его назначили вождем Греции для осуществления этого проекта. От него он перешел к своему еще более амбициозному сыну.

Хотя на самом деле это был план македонского аппетита и для македонского возвеличивания, экспедиция в Азию, таким образом, вклинивается в череду греческих событий под панэллинским предлогом возмездия за давние оскорбления Ксеркса. Я называю это *притворством*, потому что оно перестало быть настоящим эллинским чувством и служило теперь двум различным целям: во-первых, чтобы облагородить это предприятие в глазах самого Александра, чей ум был очень доступен религиозным и легендарным чувствам, и который охотно отождествлял себя с Агамемноном или Ахиллом, увековеченными как исполнители коллективной мести Греции за азиатские оскорбления; во-вторых, чтобы помочь грекам успокоиться во время его отсутствия. Он и сам понимал, что реальные симпатии греков были скорее неблагоприятны, чем благоприятны для его успеха.

Если не считать этого угасшего чувства, демонстративно возрожденного в целях Александра, положение греков по отношению к его азиатским завоеваниям было примерно таким же, как у немецких контингентов, особенно из Рейнской конфедерации, которые служили в великой армии, с которой император Наполеон вторгся в Россию в 1812 году. Они не были заинтересованы в победе захватчика, которая могла закончиться только тем, что они окажутся в еще большей прострации. Они, скорее всего, будут придерживаться своего вождя до тех пор, пока его власть будет оставаться непоколебимой, но не дольше. Тем не менее Наполеон считал себя вправе считаться с ними, как с французами, и осуждать немцев, находящихся на службе у России, как предателей, утративших верность, которой они были ему обязаны. Мы видим, что он проводит такое же четкое различие между русскими и немецкими пленниками, какое Александр провел между азиатскими и греческими пленниками. Этих греческих пленников македонский принц упрекал в измене провозглашенному уставу коллективной Эллады, по которому он был объявлен полководцем, а персидский царь - врагом народа^[113].

Эллада как политическая совокупность теперь перестала существовать, за исключением тех случаев, когда Александр использовал это название в своих целях. Ее составные части были присоединены к Македонскому царству в качестве придатков, несомненно, представляющих значительную ценность. За четырнадцать лет до воцарения Александра Демосфен, подстрекая афинян поддержать Олинф против Филиппа, говорил им^[114]: "Македонская держава, рассматриваемая как придаток, имеет немалую ценность; но сама по себе она слаба и полна неудобств". Инвертируя положение сторон, эти слова в точности отражают то, во что превратилась сама Греция по отношению к Македонии и Персии к моменту воцарения Александра. Если бы персы вели свою игру с достаточным благоразумием и энергией, его успех измерялся бы степенью, до которой он мог присвоить греческую силу себе и удержать ее у своего врага.

Памятные и яркие проявления Александра, к которым мы сейчас переходим, - это проявления не правителя или политика, а полководца и воина. В этом качестве его появление образует своего рода историческую эпоху. Не только в солдатских качествах - в самой смелой и даже авантюрной храбрости, в неутомимой личной активности, в выносливости к трудностям и усталости - он стоит на первом месте; хотя только эти качества, когда они встречаются у царя, действуют так мощно на подчиненных ему людей, что их достаточно для великих достижений, даже в сочетании с полководческим искусством, не превосходящим средний уровень его возраста. Но в полководческом искусстве Александр еще больше превосходил своих современников. Его стратегические комбинации, использование различных видов сил, сговорившихся для достижения одной цели, дальновидные планы проведения кампаний, постоянная предусмотрительность и находчивость в борьбе с новыми трудностями, а также быстрота передвижения даже в самой плохой стране - все это в масштабах невероятной величины - не имеет аналогов в древней истории. Они довели искусство систематического и научного благосостояния до такой степени эффективности, что даже преемники, прошедшие его школу, не смогли сохранить ее в неизменном виде.

Однако мы должны помнить, что Александр нашел македонскую военную систему, созданную Филиппом, и ему оставалось только применить и расширить ее. В том виде, в каком она была передана ему, она представляла собой накопленный результат и зрелый плод целого ряда последовательных усовершенствований, примененных греческими тактиками к примитивным эллинским схемам. В течение шестидесяти лет до воцарения Александра военное искусство заметно прогрессировало - к печальному ущербу для политической свободы греков. "Все вокруг нас (говорит Демосфен, обращаясь к афинскому народу в 342 году до н. э.) уже несколько лет находится на шаг впереди - ничто не похоже на то, что было раньше, - но нигде изменения и расширение не проявляются так явно, как в делах войны. Раньше лакедемоняне, как и другие греки, только и делали, что вторгались на территорию друг друга в течение четырех или пяти летних месяцев со своим отрядом гражданских гоплитов: зимой они оставались дома. Но теперь мы видим Филиппа в постоянном действии, зимой и летом, нападающего на все вокруг, не только с македонскими гоплитами, но и с кавалерией, легкой пехотой, лучниками, иностранцами всех мастей и осадными батареями"[115].

В двух последних томах я подробно останавливался на этом прогрессивном изменении характера греческого воинства. В Афинах, как и в большинстве других частей Греции, мещане стали не готовы к тяжелой и активной военной службе. Оружие перешло в руки профессиональных солдат, которые, не имея никакого чувства гражданства, служили везде, где предлагали хорошую плату, и чрезвычайно размножились, к ущербу и опасности греческого общества.[116] Многие из этих наемников были легко вооружены - пельтасты служили в сочетании с гоплитами.[117] Ификрат значительно улучшил и частично перевооружил пельтастов, которых он использовал в сочетании с гоплитами так эффективно, что поразил своих современников.[118] Его нововведение было развито великим военным гением Эпаминондаса, который не только заставил пехоту и кавалерию, легковооруженных и тяжеловооруженных, объединиться в одну схему действий, но и полностью изменил принятые принципы ведения боя, сосредоточив неотразимую силу атаки на одном участке линии противника, а остальные части своей линии держал в обороне. Помимо этих важных усовершенствований, реализованных генералами на практике, умные офицеры, такие как Ксенофонт, воплотили результаты своего военного опыта в ценных опубликованных критических статьях.[119] Таковы были уроки, которые македонский Филипп усвоил и применил для порабощения тех греков, особенно фиванцев, от которых они произошли. В

юности, будучи заложником в Фивах, он, вероятно, общался с Эпаминондасом и, несомненно, познакомился с фиванскими военными порядками. У него были все мотивы, не только честолюбие, завоевание, но даже необходимость обороны, чтобы обратить их в свою пользу: и он привнес в задачу военный гений и способности высшего порядка. В вооружении, в эволюциях, в двигателях, в полках, в организации военного управления он ввел важные новшества; он завещал своим преемникам македонскую военную систему, которая, с усовершенствованиями его сына, просуществовала до завоевания страны Римом, почти два века спустя.

Военные силы Македонии во времена, предшествовавшие Филиппа, состояли, как и в Фессалии, из хорошо вооруженной и укомплектованной кавалерии, сформированной из значительных собственников страны, и многочисленной пельтастов или легкой пехоты (в некотором роде аналог фессалийских Penestæ): эти последние были сельским населением, пастухами или земледельцами, которые пасли овец и скот, или обрабатывали землю, среди просторных гор и долин Верхней Македонии. Греческие города у побережья и немногочисленные македонские города во внутренних районах страны имели граждан-гоплитов, вооруженных лучше; но пешая служба была не в чести у местных жителей, и македонская пехота в целом представляла собой не более чем сброд. К моменту воцарения Филиппа они были вооружены лишь ржавыми мечами и плетеными щитами, которых было недостаточно, чтобы противостоять набегам фракийских и иллирийских соседей, перед которыми они постоянно были вынуждены бежать в горы.^[120] Их положение было положением бедных пастухов, полуголых или прикрытых только шкурами, питающихся с деревянных тарелок: оно мало чем отличалось от положения населения Верхней Македонии за три века до этого, когда ее впервые посетил Пердиккас, предок македонских царей, и когда жена местного князя пекла хлеб своими руками. [С другой стороны, хотя македонская пехота была столь бездарна, кавалерия страны была превосходна, как в Пелопоннесской войне, так и в войне Спарты против Олинфа более двадцати лет спустя.^[122] Эти всадники, как и фессалийцы, двигались в компактном порядке, имея в качестве основного оружия не метательные копья, а короткие колющие пики для ближнего боя.

Так несовершенна была военная организация, которую нашел Филипп. При нем она была создана совершенно заново. Бедные и выносливые ландверы Македонии, постоянно оборонявшиеся от хищных соседей, стали отличным материалом для солдат и оказались неподатливыми к нововведениям воинственного принца. Их постоянно тренировали в обычном строю тяжелой пехоты: кроме того, их приучали к новому виду оружия, не только очень сложному в обращении, но и сравнительно бесполезному для солдата при сражении в одиночку, и доступному только в составе тесного строя, обученного двигаться или стоять вместе. Новым оружием, название которого мы впервые слышим в армии Филиппа, была сарисса - македонская пика или копье. Сарисса использовалась как пехотой его фаланги, так и отдельными полками его кавалерии; в обоих случаях она была длинной, хотя у фаланги она была гораздо длиннее. Полки кавалерии, называемые сариссофорами или уланами, представляли собой разновидность легких лошадей, носивших длинное копье, и отличались от более тяжелой кавалерии, предназначенной для рукопашного боя, которая носила ксисстон или короткую пику. Длина сариссы этой конницы могла составлять четырнадцать футов, столько же, сколько сейчас составляет казачья пика; у пехоты в фаланге она была не менее двадцати одного фута. Эти размеры настолько непомерны и громоздки, что мы вряд ли поверили бы в них, если бы они не были подтверждены четкими утверждениями такого историка, как Полибий.

Необычайная дальноточность сариссы или пики составляла главный атрибут и силу македонской фаланги. Фалангиты выстраивались в шеренги по шестнадцать человек в глубину, каждая из которых называлась лохаг, с интервалом в три фута между каждыми двумя солдатами спереди и сзади. Впереди стоял лохаг, человек, обладавший большой силой и испытанным военным опытом. Второй и третий человек в шеренге, а также самый задний, который замыкал всю шеренгу, также были отборными солдатами, получавшими большее жалование, чем остальные. В горизонтальном положении сарисса держалась обеими руками (в этом отношении она отличалась от пики греческого гоплита, которая занимала только одну руку, другая была нужна для щита), и так держалась, что выступала на пятнадцать футов перед телом пикинера; при этом дальняя часть в шесть футов так утяжелялась, чтобы сделать давление удобным при таком разделении. Таким образом, сарисса человека, стоящего вторым в строю, выступала на двенадцать футов за пределы передней шеренги; сарисса третьего человека - на девять футов; сарисса четвертой и пятой шеренг - соответственно на шесть и три фута. Таким образом, в каждой шеренге было представлено по пять пик для встречи наступающего врага. Из этих пяти пик три первые были бы явно более мощными, и даже четвертая - не менее мощной, чем пики греческих гоплитов, идущих навстречу врагу. Ряды позади пятого, служащие для поддержки и давления на фронт, не несли сариссы в горизонтальном положении, а надвигали их на плечи впереди идущих, чтобы сломить силу любых дротиков или стрел, которые могли быть выпущены через голову из задних рядов противника[123].

Фалангит (солдат фаланги) был снабжен коротким мечом, круглым щитом диаметром более двух футов, нагрудником, леггинсами и каусией или широкополой шляпой - головным убором, распространенным в македонской армии. Но длинные пики были, по сути, главным оружием как обороны, так и нападения. Им суждено было противостоять греческим гоплитам с одноручной пикией и тяжелым щитом, а особенно - самому грозному проявлению этой силы, глубокой колонне фиванцев, организованной Эпаминондасом. Вот с чем пришлось иметь дело Филиппу при его воцарении, как с неодолимой пехотой Греции, сносящей все на своем пути ударом пики и движением щита. Он предоставил средства для ее победы, приучив свою бедную македонскую пехоту к систематическому использованию длинной двуручной пики. Фиванская колонна, атаковав вооруженную таким образом фалангу, оказалась не в состоянии ни прорваться сквозь строй пик, ни подойти к толчку щитом. Нам рассказывают, что в битве при Херонее фиванские воины первой шеренги, избранные люди города, все погибли на земле; и это не удивительно, если представить, что они, благодаря собственной храбрости и давлению сзади, бросились на стену пик, вдвое превышающую их собственную длину. Мы должны рассматривать фалангу Филиппа с точки зрения врагов, стоявших перед ним, а не с точки зрения более поздней римской организации, которую приводит в сравнение Полибий. Она полностью отвечала целям Филиппа, который хотел, главным образом, выдержать удар спереди и таким образом одолеть греческих гоплитов в их собственном способе атаки. Полибий сообщает нам, что фаланга ни разу не была побеждена, находясь впереди и на подходящей для нее местности; и там, где земля была пригодна для гоплитов, она также была пригодна и для фаланги. Неудобства строя Филиппа и длинных пик возникли из-за неспособности фаланги менять фронт или сохранять порядок на неравной местности; но эти неудобства греческие гоплиты ощущали едва ли меньше[124].

Македонская фаланга, называвшаяся "пезетэри"[125] или "пешими спутниками царя", представляла собой общий корпус отечественной пехоты, в отличие от специальных *армейских корпусов*. Самое крупное ее подразделение, упоминаемое при Александре и

находящееся под командованием дивизионного генерала, называется таксис. Сколько их было всего, мы не знаем; в первоначальной азиатской армии Александра (не считая того, что он оставил дома) их было шесть, совпадавших, по-видимому, с провинциальными наделами страны: Орестæ, Линкестæ, Элимиотæ, Тимфей и т.д. [126] Авторы по тактике дают нам систематическую шкалу распределения (восходящую от низшего подразделения, лоха из шестнадцати человек, последовательно кратных двум, до четверной фаланги из 16 384 человек), как пронизывающую македонскую армию. Среди этих подразделений выделяется наиболее фундаментальное и постоянное - синтагма, состоявшая из шестнадцати лохий. Образуя квадрат из шестнадцати человек спереди и в глубину, или 256 человек, она в то же время представляла собой отдельный агрегат или постоянный батальон, к которому прилагались пять сверхсрочников, прапорщик, тыловик, трубач, глашатай и сопровождающий или санитар. [Две из этих синтагм составляли корпус из 512 человек, называемый пентакосиархией, который во времена Филиппа, как говорят, был обычным полком, действующим вместе под отдельным командованием; но несколько из них были удвоены Александром, когда он реорганизовал свою армию в Сузах, [128] чтобы сформировать полки из 1024 человек, каждый под началом своего хилиарха и каждый состоящий из четырех синтагм. Все это систематическое распределение македонских вооруженных сил, когда они находились дома, по-видимому, было организовано гением Филиппа. На действительной иностранной службе не было возможности соблюдать точность в цифрах; полк или дивизия не могли всегда содержать одно и то же фиксированное количество людей. Но что касается строя, то глубина в шестнадцать человек для фалангитов, по-видимому, считалась важной и характерной, [129] возможно, необходимой для того, чтобы придать чувство уверенности войскам. Это была глубина, гораздо большая, чем у греческих гоплитов, и никогда не превзойденная ни одним греком, кроме фиванцев.

Но фаланга, хотя и являлась важнейшим элементом, все же была лишь одной из многих в разнообразной военной организации, введенной Филиппом. Она не была ни предназначена, ни пригодна для действий в одиночку; она была неуклюжа при смене фронта, чтобы защитить себя во фланг или тыл, и не могла приспособиться к неровной местности. Была еще одна разновидность пехоты, организованная Филиппом, называемая гипаспистами - щитоносцами или гвардейцами; [130] первоначально их было немного, и они использовались для личной защиты принца, но затем были увеличены до нескольких отдельных *корпусов армии*. Гипасписты или гвардейцы были легкой линейной пехотой; [131] это были гоплиты, державшие регулярный строй и предназначенные для ближнего боя, но более легковооруженные и более приспособленные к различным обстоятельствам и положению, чем фаланга. Похоже, что они сражались с одноручной пикой и щитом, как греки, и не носили двуручной фалангитской пики или сариссы. Они занимали некое промежуточное место между тяжелой пехотой фаланги, как ее правильно называли, и пельтастами и легкими войсками в целом. Александр в своих поздних кампаниях распределил их по хилиархиям (как они распределялись раньше, у нас нет четких сведений), по крайней мере, по три, а возможно, и больше. [132] Мы видим, что они использовались им в передовых и агрессивных движениях; сначала легкие войска и кавалерия начинают атаку; затем гипасписты следуют за ними; наконец, фаланга выдвигается для их поддержки. Гипасписты использовались также для штурма крепостных стен и для быстрых ночных маршей. [133] Какова была их общая численность, мы не знаем. [134]

Кроме фаланги и гипаспистов, в македонскую армию Филиппа и Александра входили многочисленные отряды, частично состоявшие из македонцев, частично из иностранцев, фракийцев, пеонийцев и т. д. Они были разных видов: пельтасты, дартеры и лучники. Лучшими из них были агриане, пеонийское племя, искусное в обращении с копьем. Всех их

Александр держал в энергичном движении, на флангах и перед тяжелой пехотой, или смешивал с кавалерией, - а также для преследования после поражения врага.

Наконец, кавалерия в армии Александра также была восхитительной - по крайней мере, равной, а, кажется, даже превосходящей по эффективности его лучшую пехоту.[135] Я уже упоминал, что кавалерия была отборной отечественной силой Македонии задолго до правления Филиппа, который расширил и усовершенствовал ее.[136] Тяжелая кавалерия, полностью или в основном состоявшая из местных македонцев, была известна под названием "Компаньоны". Кроме того, существовала новая, более легкая разновидность кавалерии, очевидно, введенная Филиппом и называвшаяся сариссофорами, или уланами, которые, подобно казакам, использовались на передовых постах или для прочесывания страны. Сарисса, которую они носили, вероятно, была намного короче, чем фаланги; но она была длинной, если сравнивать ее с ксистоном или колющей пикой, используемой тяжелой кавалерией для нанесения ударов в ближнем бою. Арриан, описывая армию Александра при Арбеле, перечисляет восемь отдельных эскадронов этой тяжелой кавалерии - или кавалерии компаньонов; но общее число, включенное в македонскую армию при вступлении Александра, неизвестно. Среди эскадронов, по крайней мере, несколько (если не все) были названы в честь определенных городов или районов страны - Ботиэя, Амфиполис, Аполлония, Антем и т. д.[137]; был один или несколько, выделенных как царский эскадрон - Agêta или передовой отряд кавалерии - во главе которого Александр обычно выходил в бой, сам находясь среди передовых бойцов[138].

Распределение кавалерии по эскадронам было таким, каким Александр застал его при вступлении на престол; но он изменил его, когда переделал устройство своей армии (в 330 году до н. э.) в Сузах, чтобы разделить эскадрон на две лохии и установить лохии для начального деления кавалерии, как это всегда было в пехоте.[139] Таким образом, его реформы привели к сокращению основного состава кавалерии от эскадрона до полуэскадрона или лоха, в то время как они имели тенденцию к объединению пехоты в более крупные подразделения - от когорт по 500 человек до когорт по 1000 человек.

Среди гипаспистов, или гвардейцев, мы также находим Agêta, или избранную когорту, которая чаще других призывалась к началу боя. Еще более отборным корпусом были телохранители - небольшая рота проверенных и доверенных людей, хорошо знакомых Александру, всегда находившихся при нем и выступавших в качестве адъютантов или командиров для особых поручений. Эти телохранители, по-видимому, были избранными людьми, выдвинутыми из царской молодежи или пажей; институт, впервые созданный Филиппом и свидетельствующий о том, что он прилагал усилия, чтобы привести ведущих македонцев в военную организацию, а также в зависимость от его собственной персоны. Царские юноши, сыновья главных лиц Македонии, были взяты Филиппом на службу и постоянно проживали рядом с ним в целях домашнего присмотра и дружеского общения. Они несли постоянную охрану его дворца, чередуя дневные и ночные часы; принимали у конюхов его лошадь, помогали ему садиться и сопровождали его, когда он отправлялся в погоню; представляли лиц, приезжавших для получения интервью, и впускали его любовниц ночью через специальную дверь. Они пользовались привилегией обедать вместе с ним, а также тем, что их никогда не пороли, кроме как по его специальному приказу".[140] Точное число этой компании мы не знаем; но оно должно было быть немалым, поскольку пятьдесят из этих молодых людей были сразу же вывезены Аминтой из Македонии, чтобы присоединиться к Александру и пополнить компанию в Вавилоне.[В то же время смертность среди них, вероятно, была значительной, поскольку, сопровождая Александра, они выдерживали даже больше, чем те непомерные нагрузки, которые он возлагал на себя. 142]

Обучение в этом корпусе было подготовкой сначала к тому, чтобы стать телохранителями Александра, а затем - к назначению на большие и важные военные должности. Соответственно, это была первая ступень продвижения для большинства диадохов, или великих офицеров Александра, которые после его смерти создали себе царства на основе его завоеваний.

Таким образом, родная македонская армия была расширена и разнообразна Филиппом, включая после его смерти: 1. фалангу, пеших товарищей, или общую массу тяжелой пехоты, обученной владению длинной двуручной пикой или сариссой 2. Гипасписты, или легковооруженные пехотинцы-3. Компаньоны, или тяжелая кавалерия, древнее коренное войско, состоявшее из более богатых или знатных македонцев-4. Легкая кавалерия, уланы, или сариссофоры - к ним присоединялись иностранные вспомогательные войска, имевшие большую ценность. Фессалийцы, которых Филипп частично подчинил, а частично подчинил себе, снабдили его тяжелой кавалерией, не уступавшей македонской. Из разных частей Греции он получал гоплитов - добровольцев, взятых на службу, вооруженных полноразмерным щитом и одноручной пикой. Из воинственных племен фракийцев, пеонийцев, иллирийцев и т.д., которые он покорил вокруг себя, он набрал контингенты легких войск различных видов, пельтастов, лучников, дартеров и т.д., все они были превосходны в своем роде и очень полезны для его комбинаций, в сочетании с более тяжелыми массами. Наконец, Филипп завершил свои военные приготовления, организовав то, что можно назвать эффективным осадным составом для осад и сражений; запас снарядов и таранных машин, превосходящий все существовавшие в то время. Мы видим, что Александр использовал эту артиллерию в первый же год своего царствования, в кампании против иллирийцев. ^{143]} Даже в самых дальних походах по Индии он либо брал ее с собой, либо имел возможность построить новые двигатели для этого случая. Не было более важной части его военного снаряжения для завоеваний. Победоносные осады Александра - одни из самых памятных его подвигов.

Ко всей этой большой, многообразной и систематизированной массе реальной силы следует добавить гражданские учреждения, депо, оружейные склады, провиант для верховой езды, офицеров и адъютантов и т.д., необходимые для поддержания ее в постоянной тренировке и эффективности. Во время воцарения Филиппа Пелла была малозначимым местом;^[144] после его смерти она стала не только мощным укреплением и местом хранения царских сокровищ, но и постоянным центром, военным штабом и учебными кварталами самой большой военной силы, известной в то время. Военные реестры, а также традиции македонской дисциплины сохранялись здесь вплоть до падения монархии.^[145] Филипп потратил всю свою жизнь на организацию этого мощного инструмента владычества. Его доходы, столь значительные, как от рудников, так и от завоеваний, были исчерпаны в ходе этой работы, так что после смерти он оставил долг в 500 талантов. Но его сын Александр нашел готовый инструмент, с отличными офицерами и обученными ветеранами для первых рядов своей фаланги^[146].

Эта научная организация военной силы, в большом масштабе и со всеми разновидностями вооружения и снаряжения, созданная для совместной работы, является великим фактом македонской истории. Ничего подобного и подобного масштаба ранее не наблюдалось. У македонцев, как и у эпиротов и этолийцев, не было других способностей или отличительных качеств, кроме солдатских. Их грубые и разрозненные племена не имели определенных политических институтов и не чувствовали национального братства; их объединение сводилось в основном к эпизодическому общению в оружии под руководством царя как вождя. Филипп, сын Аминта, первым организовал этот военный союз в постоянно

действующую и эффективную систему, добившись с ее помощью таких завоеваний, которые породили у македонцев общую гордость за превосходство в оружии, служившую заменой политических институтов или национальности. Эта гордость еще более возвысилась благодаря поистине сверхчеловеческой карьере Александра. Македонское царство было не чем иным, как хорошо отлаженной военной машиной, иллюстрирующей неоспоримое превосходство самых грубых людей, обученных оружию и управляемых умелым полководцем, не только над недисциплинированными толпами, но и над свободными, смелыми и дисциплинированными, обладающими высокоразвитым интеллектом гражданами.

Зимой 335-334 гг. до н. э., после разрушения Фив и возвращения Александра из Греции в Пеллу, были сделаны последние приготовления к азиатской экспедиции. Македонская армия со вспомогательными контингентами, предназначенными для этого предприятия, была собрана ранней весной. Антипатр, один из старейших и самых способных офицеров Филиппа, был назначен наместником Македонии на время отсутствия царя. С ним были оставлены военные силы в количестве 12 000 пехоты и 1500 кавалерии[147], чтобы удерживать города Греции, противостоять агрессии со стороны персидского флота и подавлять недовольство внутри страны. Такие недовольства могли быть спровоцированы ведущими македонцами или претендентами на престол, тем более что у Александра не было прямого наследника: нам сообщают, что Антипатр и Парменион советовали отложить экспедицию до тех пор, пока молодой царь не сможет оставить после себя наследника из своего рода.[Александр отклонил эти предложения; однако он не отказался уменьшить опасность дома, предав смерти людей, которых он в основном боялся или которым не доверял, особенно родственников последней жены Филиппа - Клеопатры. 149] Из окружающих зависимых племен наиболее энергичные вожди сопровождали его армию в Азию либо по собственному желанию, либо по его требованию. После этих предосторожностей спокойствие Македонии было доверено благоразумию и верности Антипатра, которые еще более усилились благодаря тому, что три его сына сопровождали армию и персону царя.[Хотя Антипатр и был непопулярен,[151] он с усердием и умением исполнял обязанности своего весьма ответственного поста, несмотря на опасную вражду Олимпии, против которой он посылал Александру много жалоб, когда находился в Азии, а она со своей стороны писала частые, но безуспешные письма с целью погубить его в глазах своего сына. После долгого периода неослабевающего доверия Александр в последние годы своей жизни стал относиться к Антипатру с неприязнью и недоверием. Он всегда относился к Олимпии с величайшим уважением; однако старался удерживать ее от вмешательства в политические дела и иногда жаловался на ее властные требования и жестокость[152].

Войско, предназначенное для Азии, собравшись в Пелле, было проведено самим Александром сначала в Амфиполь, где оно переправилось через Стримон; затем по дороге у побережья до реки Нест и городов Абдеры и Маронеи; затем через Фракию через реки Гебрус и Мелас; наконец, через фракийский Херсонес до Сестоса. Здесь его встретил флот, состоявший из 160 трирем и нескольких торговых судов;[153] составленный в значительных пропорциях из контингентов, предоставленных Афинами и греческими городами.[154] Переход всей армии, пехоты, конницы и машин, на кораблях, через пролив от Сестоса в Европе до Абидоса в Азии, был осуществлен под руководством Пармениона, и прошел без затруднений и сопротивления. Но сам Александр, отделившись от армии у Сестоса, отправился в Елеус на южной оконечности Херсонеса. Здесь находилась часовня и святилище героя Протесилая, убитого Гектором; он был первым греком (согласно легенде о Троянской войне), который коснулся берегов Трои. Александр, чье воображение в то время

было полно гомеровских воспоминаний, принес жертву герою, молясь, чтобы его собственная высадка закончилась более благоприятно.

Затем он переплыл на адмиральской триреме, управляя ею собственной рукой, к месту высадки у Илиума, называемому гаванью ахейцев. На середине пролива он принес в жертву Посейдону и nereидам быка и возлияния из золотого кубка. Сам тоже в полном вооружении, он первым (как и Pro tesilaus) ступил на азиатский берег; но не нашел врага, подобного Гектору, чтобы встретить его. Отсюда, взобравшись на холм, на котором располагался Илиум, он принес жертву богине-покровительнице Афине и сдал на хранение в ее храм свое снаряжение, взяв взамен часть оружия, которое, по преданию, носили герои Троянской войны и которое он заставлял стражников носить с собой в последующих сражениях. Среди других реальных или предполагаемых памятников этой интересной легенды илийцы показали ему резиденцию Приама с алтарем Зевса Геркея, где этот несчастный старый царь, как утверждается, был убит Неоптолемом. Причисляя Неоптолема к своим предкам, Александр считал себя объектом еще не утихшего гнева Приама и, соответственно, принес ему жертву на том же алтаре в целях искупления и примирения. На гробницу и монументальную колонну Ахилла, отца Неоптолема, он не только возложил декоративную гирлянду, но и по обычаю помазал себя маслом и нагим обошел вокруг нее, восклицая, как он завидует судьбе Ахилла, который при жизни был благословлен верным другом, а после смерти - великим поэтом, воспевающим его подвиги. Наконец, в память о своем переходе Александр воздвиг постоянные алтари в честь Зевса, Афины и Геракла; как в той части Европы, которую покинула его армия, так и в той части Азии, где она высадилась[155].

Действия Александра в памятном месте Илиума интересны тем, что раскрывают одну из сторон его выдающегося характера - жилы легендарного сочувствия и религиозного чувства, в которых только и заключалась его схожесть с греками. У молодого македонского принца не было ничего из того чувства корреляции права и обязанности, которое характерно для свободных греков города-общины. Но во многих отношениях он был воспроизведением героических греков,[156] его воинственных предков по легенде, Ахилла и Неоптолема, и других представителей этой расы Эакидов, не имеющих себе равных в атрибутах силы - человека бурного порыва во всех направлениях, иногда великодушного, часто мстительного, жестокого в своих личных привязанностях, как в любви, так и в ненависти, но особенно пожираемого неугасимой драчливостью, жажда завоеваний и стремление любой ценой утвердить свое превосходство в силе над другими - "Jura negat sibi nata, nihil non arrogat armis" - гордясь не только победоносным полководчеством и руководством оружием воинов, но и личной бесстрашностью гомеровского вождя, первым встречающего опасности и трудности. К качествам, напоминающим ахиллесовы, Александр добавил еще один атрибут гораздо более высокого порядка. Как полководец, он превзошел свой век в предусмотрительности и даже дальновидности. При всей его буйной отваге и сангвиническом нраве, он никогда не упускал ничего из виду в плане систематических военных предосторожностей. Таким образом, он многое позаимствовал, хотя и со многими собственными усовершенствованиями, у греческого интеллекта в применении к военному делу. Но характер и склонности, которые он взял с собой в Азию, имели черты, как поразительные, так и отталкивающие, скорее Ахилла, чем Агесилая или Эпаминонда.

Когда армия после переправы на азиатский берег предстала взору, она насчитывала 30 000 пехоты и 4500 кавалерии, распределенных таким образом: - Пехота.

Пехота.

Македонская фаланга и гипасписты

12,000

Союзники	7,000
Наемники	5,000
Под командованием Парменио	24,000
Одрисийцы, трибаллы (оба фракийцы) и иллирийцы	5,000
Агриане и лучники	1,000
Итого пехота	30,000
Кавалерия.	
Македонская тяжелая под командованием Филоты, сына Парменио	1,500
Фессалийская (также тяжелая) - под командованием Калласа	1,500
Разные греки - под командованием Эригия	600
Фракийцы и пеонийцы (легкие) - под командованием Кассандра	900
Итого кавалерия	4,500

Такое перечисление первой армии Александра кажется наиболее достоверным. Однако были и другие отчеты, в самом высоком из которых говорилось о 43 000 пехоты и 4000 кавалерии.^[157] Кроме этих войск, также должна была быть эффективная система снарядных машин и двигателей для сражений и осад, которую мы вскоре увидим в действии. Что касается денег, то военный сундук Александра, частично истощенный щедрыми пожертвованиями его македонских офицеров,^[158] был так же плохо обставлен, как и сундук Наполеона Буонапарта, впервые вступившего в Италию для своей блестящей кампании 1796 года. Согласно Аристобулу, у него было всего семьдесят талантов; согласно другому авторитету, не более чем средства для содержания армии в течение тридцати дней. Он даже не смог собрать вспомогательные войска или завершить экипировку своей армии, не понеся долгов в 800 талантов, в дополнение к 500 талантам, взятым у его отца Филиппа. [Хотя Плутарх^[160] удивляется малочисленности войска, с которым Александр собирался осуществить столь грандиозные проекты, факт остается фактом: в пехоте он намного превосходил все силы, которые персы могли ему противопоставить;^[161] не говоря уже о сравнительной дисциплине и организации, он превосходил даже греческих наемников, которые составляли единственную хорошую пехоту на персидской службе; в то время как его кавалерия, хотя и уступала по численности, превосходила по качеству и по ударам в ближнем бою.

Большинство офицеров, выполнявших важные командные функции в армии Александра, были коренными македонцами. Его близкий друг Гефестион, а также телохранители Леоннат и Лисимах были уроженцами Пеллы: Птолемей, сын Лагуса, и Питон были эордами из Верхней Македонии; Кратер и Пердиккас - из района Верхней Македонии под названием Орестис;^[162] Антипатр с сыном Кассандром, Клейт, сын Дропида, Парменио с двумя сыновьями Филотой и Никанором, Селевк, Кенус, Аминтас, Филипп (эти два последних имени носили несколько человек), Антигон, Неоптолем,^[163] Мелеагр, Пеукест и т. д., все они, по-видимому, были коренными македонцами. Все или большинство из них прошли военную подготовку при Филиппе, на службе у которого Парменион и Антипатр, в особенности, занимали высокие посты.

Из многих греков, служивших Александру, мы слышим о немногих, занимавших важные посты. Медий, фессалиец из Лариссы, был среди его знакомых товарищей; но самым способным и выдающимся из всех был Евмен, уроженец Кардии во фракийском Херсонесе. Евмен, сочетавший в себе прекрасное греческое образование с телесной активностью и

предприимчивостью, еще в юности привлек внимание Филиппа и был назначен его секретарем. Исполняя эти обязанности в течение семи лет до смерти Филиппа, он был оставлен Александром на посту главного секретаря в течение всей жизни этого царя. ^{164]} Он вел большую часть переписки Александра и ежедневный отчет о его делах, который хранился под названием "Царские эфемериды". Но хотя его особые обязанности носили гражданский характер, он был не менее выдающимся офицером в поле. Время от времени ему поручалось высокое военное командование, и он получал от Александра значительные вознаграждения и знаки уважения. Несмотря на эти замечательные качества - а может быть, и вследствие их - он был объектом явной зависти и неприязни ^[165] со стороны македонян, начиная с Гефестиона, друга и Неоптолема, главного оруженосца Александра, и заканчивая главными солдатами фаланги. Неоптолем презирал Эвмена как невоинственного писака. Презрительная гордость, с которой македонцы теперь смотрели на греков свысока, - примечательная характеристика победоносной армии Александра, а также новая черта в истории; это ответ на древние эллинские настроения, которым Демосфен за несколько лет до этого предавался по отношению к македонцам ^[166].

Хотя Александру было позволено беспрепятственно высадиться в Азии, в нескольких днях пути от Абидоса уже была собрана армия под командованием персидских сатрапов. С тех пор как персидский царь Охус за восемь или девять лет до этого вновь завоевал Египет и Феникию, могущество империи было восстановлено до уровня, равного которому не было ни в одну эпоху после отступления Ксеркса из Греции. Персидские успехи в Египте были достигнуты в основном оружием греческих наемников под руководством и благодаря хитрости родосского полководца Ментора, который, опираясь на преобладающее влияние евнуха Багоаса, конфиденциального министра Оха, добился не только обильных подарков, но и назначения военачальником на Геллеспонте и азиатском побережье. [Он добился отзыва своего брата Мемнона, который вместе со своим шурином Артабазом был вынужден покинуть Азию после неудачного восстания против персов и нашел убежище у Филиппа. ^[168] Далее он силой или обманом покорил различных греческих и азиатских вождей на азиатском побережье; среди них - выдающийся Гермей, друг Аристотеля и хозяин сильного поста Атарней. ^{169]} Эти успехи Ментора, по-видимому, произошли около 343 г. до н. э. Он и его брат Мемнон после него энергично поддерживали власть персидского царя в областях близ Геллеспонта. Вероятно, именно при них через пролив были отправлены войска как для спасения осажденного города Перинфа от Филиппа, так и для действий против этого принца в других частях Фракии; ^[170] что азиатский вождь, который интриговал, чтобы облегчить намеченное Филиппом вторжение в Азию, был схвачен и отправлен пленником к персидскому двору; и что посланники из Афин, просящие помощи против Филиппа, были направлены туда же. ^[171]

Охус, хотя и сумел вернуть себе всю полноту персидского владычества, был кровожадным тираном, который оптом проливал кровь своей семьи и придворных. Около 338 года до н. э. он умер, отравленный евнухом Багоасом, который посадил на трон Арса, одного из сыновей царя, убив всех остальных. Однако через два года Багоас проникся недоверием к Арсу и предал его смерти вместе со всеми его детьми, таким образом не оставив в живых ни одного прямого потомка царской семьи. Тогда он возвел на престол одного из своих друзей по имени Дарий Кодоманн (происходивший от одного из братьев Артаксеркса Мемнона), который приобрел славу в недавней войне с кадусиями, убив в одиночном бою грозного чемпиона вражеской армии. Вскоре, однако, Багоас попытался отравить и Дария; но тот, распознав ловушку, заставил его самого выпить смертельный напиток. ^[172] Несмотря на подобные убийства и изменения в линии престолонаследия, которые Александр

впоследствии ставил в упрек Дарию[173], власть Дария, похоже, была признана без какого-либо материального противодействия во всей Персидской империи.

Вступив на престол в начале 336 г. до н. э., когда Филипп организовывал запланированное вторжение в Персию, а первая македонская дивизия под командованием Пармениона и Атталы уже вела войну в Азии, Дарий подготовил меры по обороне дома и пытался поощрять антимакедонские движения в Греции.[174] После убийства Филиппа Павсанием персидский царь публично объявил себя (вероятно, неправдиво) зачинщиком этого дела и в презрительных выражениях упомянул юного Александра.[175] Считая, что опасность со стороны Македонии миновала, он неосмотрительно ослабил свои усилия и приостановил поставки в первые месяцы царствования Александра, когда последний мог серьезно пострадать в Греции и в Европе из-за эффективного использования персидских кораблей и денег. Но недавние успехи Александра во Фракии, Иллирии и Беотии убедили Дария, что опасность не миновала, и он возобновил подготовку к обороне. Было приказано снарядить феникийский флот, сатрапы Фригии и Лидии собрали значительные силы, частично состоящие из греческих наемников, а Мемнон, расположенный на побережье, получил возможность взять 5000 этих наемников под свое отдельное командование[176].

Мы не можем с точностью проследить ход этих событий в течение девятнадцати месяцев между воцарением Александра и его высадкой в Азии (с августа 336 г. до н. э. по март или апрель 334 г. до н. э.). В целом мы знаем, что Мемнон был активен и даже агрессивен на северо-восточном побережье Эгейского моря. Продвигаясь на север со своей территории (область Ассуса или Атарнея, огибающая Адрамитский залив[177]) через горы Ида, он неожиданно наткнулся на город Кизикус на Пропонтисе. Однако попытка захватить его врасплох не удалась, и он был вынужден довольствоваться богатой добычей из окрестностей.[178] Македонские полководцы Парменион и Каллас переправились в Азию с войсками. Парменион, действуя в Иолисе, взял Гриниум, но был вынужден по приказу Мемнона снять осаду Питана; Каллас же в Троаде подвергся нападению, потерпел поражение и был вынужден отойти в Ретий[179].

Таким образом, мы видим, что в сезон, предшествовавший высадке Александра, персы были в значительной силе, а Мемнон активно и успешно действовал даже против македонских полководцев на северо-востоке Эгейского моря. Это может помочь объяснить ту роковую неосторожность, из-за которой персы позволили Александру без сопротивления переправить свою большую армию в Азию весной 334 года до н. э. Они обладали достаточными средствами для охраны Геллеспонта, если бы решили поднять свой флот, который, включая силы феникийских городов, решительно превосходил любое морское вооружение, имевшееся в распоряжении Александра. Персидский флот действительно вошел в Эгейское море через несколько недель после этого. Теперь планы Александра, его приготовления и даже предполагаемое время похода должны были быть хорошо известны не только Мемнону, но и персидским сатрапам в Малой Азии, которые собрали войска, чтобы противостоять ему. Эти сатрапы, к сожалению, полагали, что смогут противостоять ему в полевых условиях, не обращая внимания на мнение Мемнона об обратном и даже отменяя его благоразумные советы недоверчивыми и клеветническими обвинениями.

К моменту высадки Александра у Зелеи в Геллеспонтской Фригии уже было собрано мощное персидское войско под командованием фригийского сатрапа Арсита, которого поддерживали несколько других ведущих персов - Спитридат (сатрап Лидии и Ионии), Фарнакес, Атизий, Митридат, Ромитрес, Нифат, Петинес и другие. Сорок из них были высокого ранга (их называли родственниками Дария) и отличались личной доблестью. Большая часть армии состояла из конницы, включая медян, бактрийцев, гирканийцев,

каппадокийцев, пафлагонцев и т. д.[180] В коннице они значительно превосходили Александра; но их пехота значительно уступала в численности,[181] состоя в значительной степени из греческих наемников. Арриан называет 20 000 конницы и почти 20 000 пеших наемников, Диодор - 10 000 конницы и 100 000 пехоты, Юстин - даже 600 000. Цифры Арриана более достоверны; в цифрах Диодора общее количество пехоты, безусловно, намного выше истины, а кавалерии, вероятно, ниже.

Мемнон, присутствовавший со своими сыновьями и собственной дивизией, убедительно отговаривал персидских вождей от рискованного сражения. Напомнив им, что македонцы не только значительно превосходят их в пехоте, но и воодушевлены руководством Александра, он настоял на необходимости использовать свою многочисленную конницу для уничтожения фуража и провианта, а при необходимости и самих городов, чтобы сделать любое значительное продвижение сил вторжения невозможным. Строго обороняясь в Азии, он рекомендовал перенести агрессивную войну в Македонию, поднять флот, посадить на борт мощные сухопутные войска и предпринять энергичные усилия не только для того, чтобы атаковать уязвимые места Александра внутри страны, но и для поощрения активной враждебности к нему со стороны греков и других соседей[182].

Если бы этот план был энергично реализован с помощью персидского оружия и денег, можно не сомневаться, что Антипатр в Македонии быстро оказался бы под давлением серьезных опасностей и затруднений, и что Александр был бы вынужден вернуться и защитить свои владения; возможно, персидский флот помешал бы ему вернуть всю свою армию. Во всяком случае, его планы азиатского вторжения должны были быть на время приостановлены. Но от этой дилеммы его спасли невежество, гордость и корыстные интересы персидских вождей. Не в состоянии оценить военное превосходство Александра и в то же время сознавая свою личную храбрость, они отвергли предложение об отступлении как бесчестное, намекая на то, что Мемнон желает затянуть войну, чтобы возвысить свою значимость в глазах Дария. Это чувство военного достоинства еще более усиливалось тем, что персидские военачальники, получавшие все свои доходы с земли, обеднели бы, уничтожив земельные владения. Арситы, на территории которых стояла армия и на которых в первую очередь должен был действовать план, надменно заявили, что не позволят сжечь ни одного дома в ней.[183] Занимая ту же сатрапию, которой шестьдесят лет назад владел Фарнабаз, он чувствовал, что окажется в том же положении, что и Фарнабаз под натиском Агесилая - "не имея возможности получить обед в своей собственной стране".[184] Предложение Мемнона было отвергнуто, и было решено ожидать прибытия Александра на берегах реки Граник.

Этот неважный поток, упоминаемый в "Илиаде" и увековеченный в связи с именем Александра, берет начало на одной из высот горы Ида близ Скепсиса[185] и течет на север в Пропонтис, в который впадает несколько восточнее греческого города Париум. Глубина реки невелика: вблизи места, где расположились персы, она, по-видимому, во многих местах была проходима вброд; но правый берег ее был несколько высок и крут, что создавало препятствие для вражеской атаки. Персы, продвигаясь вперед от Зелей, заняли позицию у восточного берега Граника, где последние склоны горы Ида спускаются на равнину Адрастеи, греческого города, расположенного между Приапом и Парием[186].

Тем временем Александр двинулся к этой позиции из Арисбека (где он осмотрел свою армию) - в первый день до Перкота, во второй - до реки Практий, в третий - до Гермота; по пути он получил спонтанную капитуляцию города Приапа. Зная, что враг находится недалеко, он выслал вперед разведчиков под командованием Аминтаса, состоявших из четырех эскадронов легкой конницы и одного - тяжелой македонской (компанейской)

кавалерии. Из Гермота (на четвертый день от Арисбека) он двинулся прямым маршем к Граникусу, в тщательном порядке, с главной фалангой в двойном строю, конницей на каждом фланге и багажом в тылу. Подойдя к реке, он приготовился к немедленной атаке, хотя Парменио советовал подождать до следующего утра. Хорошо зная, как и Мемнон на другом берегу, что шансы на битву были всецело против персов, он решил не оставлять им возможности отступить в течение ночи.

В строю Александра фаланга или тяжелая пехота составляла центральное тело. Шестью таксеями или дивизиями, из которых она состояла, командовали (считая справа налево) Пердиккас, Кенус, Аминтас, сын Андромена, Филипп, Мелеагр и Кратер. [Сразу справа от фаланги находились гипасписты, или легкая пехота, под командованием Никанора, сына Парменио, затем легкие конники или уланы, пеонийцы и аполлонийский эскадрон кавалерии под командованием иларха Сократа, все под командованием Аминтаса, сына Аррибея; наконец, вся кавалерия компаньонов, лучники и агрианские дартеры, все под командованием Филотаса (сына Парменио), чье подразделение составляло крайний правый фланг. [Левый фланг фаланги был защищен тремя отдельными подразделениями конницы или легких войск: во-первых, фракийцами под командованием Агатона, во-вторых, конницей союзников под командованием Филиппа, сына Менелая, и, наконец, фессалийской конницей под командованием Калласа, чье подразделение составляло крайний левый фланг. Александр сам принял командование правой частью, передав командование левой частью Пармениону; под правой и левой частями подразумеваются две половины армии, каждая из которых включала три таксея или дивизии фаланги с кавалерией на флангах - ведь признанного центра под отдельным командованием не было. На другой стороне Граника персидская конница выстроилась вдоль берега. Справа от них находились медяне и бактрийцы под командованием Реомитра, в центре - пафлагонцы и гирканцы под командованием Арсита и Спитридата, слева - Мемнон и Арсамен со своими подразделениями. [189] Персидская пехота, как азиатская, так и греческая, находилась в резерве; только на конницу полагались, чтобы оспорить переход через реку.

В таком положении обе стороны оставались некоторое время, наблюдая друг за другом в тревожном молчании. [190] Без стрельбы и дыма, как в современных армиях, все детали каждой стороны были хорошо видны другой; так что персы легко узнали самого Александра на македонской стороне по великолепию его доспехов и военного костюма, а также по почтительному поведению тех, кто его окружал. Их главные вожди, соответственно, перешли на левую сторону, которую они укрепили основными силами своей конницы, чтобы противостоять ему лично. Вскоре он обратился к войскам с несколькими словами ободрения и отдал приказ о наступлении. Первую атаку он поручил произвести отряду конницы компаньонов, чья очередь была в этот день идти впереди (отряд Аполлония, капитаном которого в этот день был Сократ под командованием Птолемея, сына Филиппа) при поддержке легких конников или лансеров, пеонийских дартеров (пехоты) и одной дивизии регулярно вооруженной пехоты, кажется, гипаспистов. [Затем он сам вошел в реку во главе правой половины армии, конницы и пехоты, которая продвигалась вперед под звуки труб и с обычными военными криками. Так как случайные глубины воды препятствовали прямолинейному маршу единым строем, македоняне направили свой ход в соответствии с проходимыми местами; держа фронт растянутым, чтобы подойти к противоположному берегу по возможности в линию, а не отдельными колоннами с флангами, открытыми для персидской конницы. [192] Не только правая часть под командованием Александра, но и левая под командованием Парменио, продвигались и переправлялись тем же ходом и с теми же предосторожностями.

Передовой отряд под командованием Птолемея и Аминтаса, достигнув противоположного берега, встретил упорное сопротивление, сосредоточенное, как и здесь, в одном пункте. Они обнаружили Мемнона и его сыновей с лучшей персидской конницей прямо перед собой; одни находились на вершине берега, откуда они метали копья, другие - у кромки воды, чтобы сблизиться. Македоняне пытались всеми силами высадиться и пробиться сквозь персидскую конницу, но тщетно. Имея более низкую землю и ненадежную опору, они не смогли произвести никакого впечатления, но были отброшены назад с некоторыми потерями и отступили к основному корпусу, который Александр теперь переправлял через реку. Когда он подошел к берегу, вокруг его персоны возобновилась та же борьба с еще большим ожесточением с обеих сторон. Сам он был в числе передовых, и все, кто находился рядом с ним, были воодушевлены его примером. Всадники с обеих сторон теснились друг к другу, и борьба велась с помощью физической силы и давления человека и лошади; но у македонцев было большое преимущество в том, что они привыкли использовать сильную пику для ближнего боя, в то время как оружием персов было ракетное копье. В конце концов сопротивление было преодолено, и Александр с окружающими его людьми, постепенно оттесняя защитников, пробился по высокому берегу на ровную землю. На других участках сопротивление было не столь энергичным. Левая и центральная части македонян, переправляясь одновременно на всех возможных участках вдоль всей линии, одолели персов, расположившихся на склоне, и сравнительно легко поднялись на ровную площадку.^[193] Действительно, никакая конница не могла стоять на берегу, чтобы противостоять фаланге с длинными пиками, где бы она ни достигла подъема по сплошному фронту. Легкая переправа македонцев в других местах помогала сдерживать тех персов, которые сражались с самим Александром на склоне, отступить на ровную землю выше.

Здесь, как и у воды, Александр снова оказался первым в личном конфликте. Сломав свою пикку, он обратился к солдату, стоявшему рядом с ним, - Аретису, одному из конных стражников, который обычно помогал ему садиться на коня, - и попросил другую. Но тот,ломав и свою пикку, показал Александру обломок, попросив попросить кого-нибудь другого; тогда коринфянин Демарат, один из приближенных к нему кавалеристов, отдал ему свое оружие. Вооруженный заново, Александр погнал своего коня вперед против Митридата (зятя Дария), который вывел колонну конницы для атаки, но сам значительно опередил ее. Александр вонзил свою пикку в лицо Митридата и повалил его на землю; затем он обратился к другому персидскому вождю, Рхессаксу, который нанес ему удар по голове своей секирой, сбив часть шлема, но не пробив его. Александр отомстил за этот удар, пронзив Рхесакса пикой в тело. ^{194]} Тем временем третий персидский вождь, Спитридат, находился рядом с Александром, подняв руку со скиметром, чтобы разрубить его. В этот критический момент Клейт, сын Дропида, один из древних офицеров Филиппа, занимавший высокое положение на македонской службе, со всей силы ударил по поднятой руке Спитридата и отсек ее от тела, тем самым сохранив Александру жизнь. Другие ведущие персы, родственники Спитридата, отчаянно бросились на Александра, который получил множество ударов по своим доспехам и был в большой опасности. Но приближенные удвоили усилия, чтобы защитить его и поддержать его авантюрную смелость. Именно на этом участке персидская кавалерия была впервые разбита. Слева от македонской линии фессалийская конница также сражалась энергично и успешно;^[195] а легковооруженные пехотинцы, смешавшись с конницей Александра в целом, нанесли врагу большой урон. Разгром персидской конницы, начавшись, быстро стал всеобщим. Они бежали во всех направлениях, преследуемые македонцами.

Но Александр и его офицеры вскоре пресекли эту пылкую погоню, отозвав назад свою конницу, чтобы завершить свою победу. Персидская пехота, как азиаты, так и греки,

оставалась без движения и приказов, наблюдая за только что катастрофически закончившимся кавалерийским сражением. Александр немедленно обратил на них свое внимание. [196\]](#) Он выдвинул свою фалангу и гипаспистов, чтобы атаковать их спереди, в то время как его конница атаковала со всех сторон их незащищенные фланги и тыл; он сам вступил в бой с конницей, и под ним была убита лошадь. Только его пехота была многочисленнее их, так что при таких шансах результат вряд ли мог быть сомнительным. Большая часть этих наемников, оказав доблестное сопротивление, была разрублена на части на поле боя. Нам говорят, что никто не спасся, кроме 2000 пленных и тех, кто остался прятаться на поле среди трупов[\[197\]](#).

В этом полном и значительном поражении потери персидской кавалерии были не очень серьезными по количеству - их было убито всего 1000. Но резня ведущих персов, которые проявили исключительную храбрость в личном противостоянии с Александром, была ужасной. Были убиты не только Митридат, Рисакес и Спитридат, имена которых уже упоминались, но и Фарнакес, шури Дария, Митробарзанес, сатрап Каппадокии, Атизий, Нифат, Петинес и другие, все персы высокого ранга и значимости. Арсит, сатрап Фригии, чье безрассудство в основном стало причиной отказа от совета Мемнона, бежал с поля боя, но вскоре умер от собственной руки, от мук и унижения.[\[198\]](#) Персидская или персо-греческая пехота, хотя, вероятно, большее число из них в отдельности спаслось, чем подразумевается в рассказе Арриана, была безвозвратно уничтожена. Ни одно войско не осталось на поле боя и не могло быть впоследствии собрано в Малой Азии.

Потери со стороны Александра, как говорят, были очень малы. Двадцать пять человек из кавалерии компаньонов, принадлежавших к дивизии под командованием Птолемея и Аминтаса, были убиты при первой неудачной попытке перейти реку. Из остальной конницы было убито шестьдесят человек, из пехоты - тридцать. Это все потери Александра.[\[199\]](#) Это только число убитых; число раненых не указано; но если предположить, что оно в десять раз больше числа убитых, то общее число тех и других вместе будет 1265.[\[200\]](#) Если это верно, то сопротивление персидской конницы, за исключением того места, где сам Александр и персидские вожди вступили в конфликт, не могло быть ни серьезным, ни длительным. Но если мы добавим сюда еще и борьбу с пехотой, то малость общего числа убитых и раненых македонцев покажется еще более удивительной. Общая численность персидской пехоты составляет около 20 000 человек, большинство из которых - греческие наемники. Из них только 2000 попали в плен; почти все остальные (согласно Арриану) были убиты. Греческие наемники были хорошо вооружены и вряд ли позволили бы безнаказанно убить себя; более того, Плутарх прямо утверждает, что они сопротивлялись с отчаянной храбростью и что большая часть македонских потерь пришлась на их долю. Поэтому нелегко понять, как общее число убитых может укладываться в рамки утверждения Арриана[\[201\]](#).

После победы Александр проявил величайшую заботу о своих раненых солдатах, которых он лично навещал и утешал. Из двадцати пяти убитых сподвижников он приказал воздвигнуть медные статуи работы Лисиппа в Диуме в Македонии, где они все еще стояли во времена Арриана. Оставшимся в живых родственникам всех убитых он также даровал иммунитет от налогов и от личной службы. Тела погибших хоронили с почестями, как вражеских, так и собственных солдат. Две тысячи греков, находившихся на персидской службе и ставших его пленниками, были закованы в цепи и перевезены в Македонию, где должны были работать как рабы; на такое обращение Александр обрек их на том основании, что они взяли оружие на стороне иностранцев против Греции, вопреки общему голосованию, принятому синодом в Коринфе. В то же время он отправил в Афины триста паноплий, отобранных из добычи, чтобы

посвятить их Athênê в акрополе с такой надписью: "Александр, сын Филиппа, и греки, кроме лакедемонян (*приносят эти жертвы*), из добычи иноземцев, населяющих Азию". Хотя голосование, к которому апеллировал Александр, не представляло никаких существующих греческих устремлений и давало лишь санкцию, от которой нельзя было спокойно отказаться, он находил удовлетворение в том, что облакал свой собственный порыв самовозвеличивания в имя предполагаемой панэллинской цели, что было в то же время полезно, поскольку укрепляло его власть над греками, которые были единственными людьми, компетентными либо как офицеры, либо как солдаты, чтобы поддержать персидскую империю против него. Его завоевания привели к исчезновению подлинного эллинизма, хотя и наложили внешний отпечаток на него, и особенно на греческий язык, в большей части восточного мира. Истинно греческие интересы лежали скорее на стороне Дария, чем Александра.

Битва при Гранике, затеянная Арситом и другими сатрапами вопреки совету Мемнона, к тому же велась ими так неумело, что галантность их пехоты, самого грозного корпуса греков, когда-либо находившегося на персидской службе, оказалась малоэффективной. В битве, если говорить правильно, участвовала только персидская кавалерия;^[203] пехота была оставлена, чтобы быть окруженной и уничтоженной впоследствии.

Ни одна победа не могла быть более решительной и ужасающей, чем победа Александра. На поле боя не осталось сил, способных противостоять ему. Впечатление, произведенное столь великой общественной катастрофой, усиливалось двумя сопутствующими обстоятельствами; во-первых, количеством погибших персидских вельмож, что почти соответствовало стенаниям Атоссы, Ксеркса и хора в "Персах" Эсхила^[204] после битвы при Саламине; во-вторых, рыцарской и удалой доблестью самого Александра, который, подражая гомеровскому Ахиллу, не только первым бросился в бой, но убил двух из этих вельмож своей собственной рукой. Такие подвиги, впечатляющие даже сейчас, в момент их совершения должны были действовать на воображение современников самым сильным образом.

Несколько соседних мисийских горцев, хотя и мятежных по отношению к Персии, спустились к нему, чтобы подчиниться, и получили разрешение занять свои земли под той же данью, которую они платили раньше. Жители соседнего греческого города Зелея, чьи войска служили у персов, сдались и получили прощение; Александр признал, что они служили только по принуждению. Затем он послал Пармению атаковать Даскилию, оплот и главную резиденцию сатрапа Фригии. Даже это место было эвакуировано гарнизоном и сдано, несомненно, со значительными сокровищами. Таким образом, вся Фригийская сатрапия перешла под власть Александра, и ею от его имени стал управлять Каллас, взимая ту же дань, что и раньше.^[205] Затем он сам с главными силами двинулся в южном направлении к Сардам - главному городу Лидии и главному пункту персов в Малой Азии. Цитадель Сард, расположенная на высокой и крутой скале, выступающей из горы Тмолус, укрепленная тройной стеной с достаточным гарнизоном, считалась неприступной, и, во всяком случае, ее вряд ли можно было взять чем-то меньшим, чем длительная блокада,^[206] которая дала бы время для прибытия флота и операций Мемнона. Однако ужас, который теперь сопровождал македонского завоевателя, был настолько велик, что когда он приблизился к Сардам на расстояние восьми миль, то встретил не только депутацию главных граждан, но и персидского правителя цитадели Митрин. Город, цитадель, гарнизон и сокровища были сданы ему без боя. К счастью для Александра, в Азии не было персидских правителей, отличавшихся мужеством и верностью, какие проявили Маскам и Богес после отступления Ксеркса из Греции.^[207] Александр обошелся с Митрином вежливо и с почетом, предоставил

свободу сардам и другим лидийцам вообще, пользуясь их собственными лидийскими законами. Предательство Сардиса Митрином стало для Александра большой удачей. Поднявшись в цитадель, он с изумлением осмотрел ее огромную мощь, поздравил себя с таким легким приобретением и дал указание построить там храм Зевса Олимпийского на месте старого дворца лидийских царей. Он назначил Павсания губернатором цитадели с гарнизоном из пелопоннесцев из Аргоса, Асандра - сатрапом страны, а Никиаса - сборщиком дани.^[208] Предоставленная лидийцам свобода, к чему бы она ни привела, не освобождала их от уплаты обычной дани.

Из Сард он приказал Калласу, новому сатрапу Геллеспонтской Фригии, и Александру, сыну Аеропа, который был назначен вместо Калласа командиром фессалийской конницы, напасть на Атарней и район, принадлежащий Мемнону, на азиатском побережье напротив Лесбоса. Тем временем он сам направил свой поход к Эфесу, которого достиг на четвертый день. И в Эфесе, и в Милете - двух главных оплотах персов на побережье, как и в Сардах внутри страны, - внезапная катастрофа при Гранике повергла в неопишущий ужас. Гегезистрат, начальник персидского гарнизона (греческие наемники) в Милете, отправил Александру письма с предложением сдать город при его приближении, а гарнизон в Эфесе вместе с македонским изгнанником Аминтой сел на борт двух трирем в гавани и бежал. Оказывается, недавно в городе произошла политическая революция, которую возглавил Сирфакс и другие лидеры, установившие олигархическое правительство. Эти люди, изгнав своих политических противников, совершили набег на храм Артемиды, свергли посвященную ему статую Филиппа Македонского и разрушили гробницу Геропифа Освободителя на агоре.^[209] Некоторые из них, оставленные гарнизоном, все еще пытались призвать на помощь Мемнона, который, однако, находился на расстоянии. Александр вошел в город без сопротивления, восстановил изгнанников, установил демократическую конституцию и распорядился, чтобы дань, которую раньше платили персам, теперь платили эфесской Артемиде. Сирфакс и его семья укрылись в храме, откуда их вытащил народ и забил камнями до смерти. Их было бы еще больше, если бы народная месть не была сдержана Александром, который проявил благородную и благоразумную сдержанность^[210].

Овладев Эфесом, Александр установил связь со своим флотом под командованием Никанора и получил предложения о сдаче от двух соседних внутренних городов, Магнесии и Траллии. Чтобы занять эти города, он отправил Пармению с 5000 пеших (половина из них - македонцы) и 200 человек компанейской кавалерии; в то же время он послал Антимаха с равными силами в северном направлении, чтобы освободить различные города эолийских и ионийских греков. Этому офицеру было поручено свергнуть в каждом из них правящую олигархию, которая действовала с наемным гарнизоном как инструмент персидского господства, передать управление в руки граждан и отменить всякую выплату дани. Сам он, после участия в торжественном празднике и шествии к храму эфесской Артемиды, со всей своей армией в боевом строю двинулся на юг к Милету; его флот под командованием Никанора отправился туда по морю.^[211] Он рассчитывал, вероятно, войти в Милет с таким же незначительным сопротивлением, как и в Эфес. Но его надежды не оправдались: Гегезистрат, командующий гарнизоном этого города, хотя под влиянием ужаса, вызванного поражением при Гранике, написал письмо с предложением подчиниться, теперь изменил свой тон и решил держаться. Приближался грозный персидский флот,^[212] состоявший из четырехсот феникийских и кипрских военных кораблей с хорошо обученными моряками.

Эта морская сила, которая несколькими неделями ранее помешала бы Александру перейти в Азию, теперь была единственной надеждой остановить стремительность и легкость его завоеваний. Какие меры были приняты персидскими офицерами после поражения при

Гранике, мы не знаем. Многие из них бежали вместе с Мемноном в Милет;^[213] и, вероятно, в нынешних отчаянных обстоятельствах они были склонны принять командование Мемнона как единственную надежду на безопасность, хотя и презрели его советы в день битвы. Пытались ли города Атарнейского княжества Мемнона оказать сопротивление македонцам, мы не знаем. Однако его интересы были настолько тесно связаны с интересами Персии, что он отправил свою жену и детей в качестве заложников, чтобы побудить Дария доверить ему верховное ведение войны. Приказы об этом были вскоре отправлены этим принцем;^[214] но во время первого прибытия флота, похоже, он не был под командованием Мемнона, который, однако, вероятно, находился на борту.

Он прибыл слишком поздно, чтобы помочь в обороне Милета. За три дня до его прибытия Никанор, македонский адмирал, со своим флотом из ста шестидесяти кораблей занял остров Ладек, который командовал гаванью этого города. Александр обнаружил, что внешняя часть Милета эвакуирована, и взял его без сопротивления. Он готовился к осаде внутреннего города и уже переправил 4000 воинов на остров Ладек, когда появился мощный персидский флот, но оказался отрезанным от Милета и вынужден был причалить к соседнему мысу Микале. Не желая отказываться без боя от командования на море, Парменио посоветовал Александру сразиться с этим флотом, предложив разделить опасность на борту. Но Александр не согласился с этим предложением, утверждая, что его флот уступает не только в мастерстве, но и в численности, что высокая выучка македонцев ничего не даст на корабле и что морское поражение станет сигналом к восстанию в Греции. Помимо обсуждения таких серьезных причин, Александр и Парменио разошлись во мнениях относительно религиозных перспектив дела. На берегу моря, возле кормы македонских кораблей, Парменио увидел орла, что вселило в него уверенность в победе кораблей. Но Александр утверждал, что такое толкование неверно. Хотя орел, несомненно, обещал ему победу, но он был виден на суше, а значит, его победы будут на суше: следовательно, результат означал, что он победит персидский флот с помощью сухопутных операций.^[215] Эта часть дебатов между двумя опытными военными людьми не менее интересна, чем все остальное; она иллюстрирует не только религиозную восприимчивость эпохи, но и податливость процесса интерпретации, одинаково хорошо поддающегося совершенно противоположным умозаключениям. Разница между проницательным и тупоумным пророком, приспособляющим двусмысленные предзнаменования к полезным или злонамеренным выводам, имела очень большое значение в древнем мире.

Теперь Александр решительно готовился к штурму Милета, с презрением отвергнув предложение милетского гражданина по имени Глаукипп о том, что город должен быть нейтральным и открытым как для него, так и для персов. Его флот под командованием Никанора занял гавань, заблокировал узкое устье против персов и делал угрожающие демонстрации с уреза воды; сам же он подвел свои таранные орудия к стенам, потряс или опрокинул их в нескольких местах, а затем ворвался в город. Милезийцы с греческим наемным гарнизоном храбро оборонялись, но были подавлены стремительностью штурма. Многие из них были убиты, и спастись можно было только прыгнув в маленькие лодки или уплыв по впадине щита. Даже из этих беглецов большая часть была убита моряками македонских трирем, но подразделение из 300 греческих наемников добралось до уединенной скалы недалеко от устья гавани и там приготовилось дорого продать свою жизнь. Александр, как только его солдаты основательно овладели городом, сам отправился на корабль, чтобы атаковать наемников на скале, взяв с собой лестницу, чтобы высадиться на нее. Но когда он увидел, что они намерены отчаянную оборону, он предпочел согласиться на условия капитуляции и принял их на свою службу.^[216] Оставшимся в живых милезийским

гражданам он предоставил условия свободного города, а всех остальных пленников продал в рабство.

Мощный персидский флот, стоявший у соседнего мыса Микале, был вынужден наблюдать за взятием Милета, но не смог предотвратить его, и вскоре был отозван в Галикарнас. В то же время Александр принял решение распустить свой собственный флот, который, хотя и стоил дороже, чем он мог себе позволить, все же был непригоден для борьбы с врагом в открытом море. Он рассчитал, что, сосредоточив все свои усилия на сухопутных операциях, особенно против городов на побережье, он лишит персидский флот возможности эффективно удерживать Малую Азию и закрепит эту страну за собой. Поэтому он расплатился со всеми кораблями, сохранив лишь небольшую эскадру для транспортных целей[217].

До этого времени, вероятно, все азиатское побережье к северу от Милета - включая ионические и эолийские города и княжество Мемнон - либо добровольно приняло власть Александра, либо было уменьшено его отрядами. Поэтому он направил свой поход на юг от Милета, в Карию, и особенно в Галикарнас, главный город этой территории. При входе в Карию его встретила Ада, представительница карийской княжеской семьи, которая передала ему свой город Алинду и другие владения, усыновила его как своего сына и попросила защиты. За несколько лет до этого, при Мавсоле и Артемисии, могущественные князья этой семьи были грозными для всех греческих островов. По обычаю Карики, братья и сестры царствующей семьи вступали в брак друг с другом: Мавсола и его жену Артемисию сменили Идриа и его жена Ада, все четверо были братьями и сестрами, сыновьями и дочерьми Гекатомна. После смерти Идриа его вдова Ада была изгнана из Галикарнаса и других частей Карики своим оставшимся в живых братом Пиксодаром, хотя она все еще сохраняла несколько сильных городов, которые оказались желанным дополнением к завоеваниям Александра. Напротив, Пиксодар, выдавший свою дочь замуж за перса по имени Оронтобат, горячо поддержал персов и сделал Галикарнас главным пунктом сопротивления захватчику[218].

Но не только он один защищал этот город. Персидский флот отправился туда из Милета; Мемнон, которому Дарий поручил верховное командование на азиатском побережье и в Эгейском море, был там лично. Там был не только Оронтобат со многими другими азиатами, но и большой гарнизон наемных греков под командованием Эфиальта, храброго афинского изгнанника. Город, крепкий как от природы, так и от искусства, с окружающим рвом шириной сорок пять футов и глубиной двадцать два фута,[219] был еще более укреплен под продолжительным руководством Мемнона;[220] наконец, здесь были две цитадели, укрепленная гавань, вход в которую был обращен на юг, многочисленные склады оружия и хорошее обеспечение оборонительных механизмов. Осада Галикарнаса была самым трудным предприятием, которое Александр когда-либо предпринимал. Вместо того чтобы атаковать его с суши и моря сразу, как при Милете, он мог подойти только с суши, в то время как со стороны моря защитникам помогали персидские корабли с многочисленными экипажами.

Его первые попытки, направленные против ворот на севере или северо-востоке города, которые вели в Миласу, прерывались частыми выстрелами и разрядами из двигателей на стенах. После нескольких дней, проведенных таким образом без особого результата, он с большей частью своей армии перешел на западную сторону города, к выступающей части суши, на которой располагались Галикарнас и Минд (последний - дальше на запад). Проводя демонстрации на этой стороне Галикарнаса, он в то же время попытался предпринять ночную атаку на Мын дус, но был вынужден отступить после нескольких часов бесплодных усилий. После этого он ограничился осадой Галикарнаса. Его солдаты, защищенные от

ракет подвижными дотами (так называемыми "черепашками"), постепенно засыпали широкий и глубокий ров вокруг города, чтобы открыть ровную дорогу для своих двигателей (деревянных башен), чтобы подойти к стенам. Подъехав вплотную, двигатели успешно приступили к разрушению, несмотря на энергичные атаки гарнизона, которые македонцы отбили, хотя и не без потерь и трудностей. Вскоре удары таранных орудий свалили две башни городской стены вместе с двумя промежуточными отрезками стены, а третья башня начала шататься. Осажденные занялись возведением внутренней стены из кирпича, чтобы закрыть открытое пространство, и деревянной башни высотой 150 футов для метания снарядов.^[221] Похоже, что Александр ждал полного разрушения третьей башни, прежде чем счел брешь достаточно широкой для штурма; но штурм был начат преждевременно двумя авантюристами из подразделения Пердикаса. [Эти люди, разгоряченные вином, бросились в одиночку на миласейские ворота и перебили всех защитников, вышедших им навстречу, пока, наконец, с обеих сторон не подоспело подкрепление, и на небольшом расстоянии от стены не произошел общий бой. В конце концов македонцы одержали победу и оттеснили осажденных обратно в город. В городе царил такое смтение, что его можно было бы штурмовать и взять, если бы меры были приняты заранее. Третья башня была быстро снесена, но прежде чем это удалось сделать, осажденные уже завершили свой полумесяц внутри, против которого, соответственно, на следующий день Александр выдвинул свои двигатели. Однако в таком положении, находясь как бы внутри круга городской стены, македоняне подвергались обстрелу не только с фронта, но и с башен, стоявших по обе стороны от них. Кроме того, ночью с такой стремительностью была предпринята новая вылазка, что сгорела часть плетеной обшивки двигателей и даже основная деревянная конструкция одного из них. Не без труда Филотас и Элланик, стоявшие на страже, сохранили остатки; осажденные не были окончательно оттеснены, пока не появился сам Александр с подкреплением.^[223] Хотя его войска побеждали в этих последовательных боях, он не мог унести своих мертвых, лежавших у стен, не попросив перемирия для погребения. Такая просьба обычно считалась признанием поражения: тем не менее Александр попросил перемирия, которое было предоставлено Мемноном, несмотря на противоположное мнение Эфиальта^[224].

После нескольких дней перерыва, чтобы похоронить погибших и починить двигатели, Александр возобновил атаку на полумесяц под своим личным руководством. Среди вождей внутри укрепилось убеждение, что долго здесь не продержаться. Особенно Эфиальт, решив не допустить захвата и видя, что единственный шанс на спасение заключается в уничтожении осаждающих двигателей, получил от Мемнона разрешение встать во главе последней отчаянной вылазки.^[225] Он немедленно взял с собой 2000 отборных воинов, половина из которых должна была встретить врага, а половина - с факелами, чтобы сжечь двигатели. На рассвете все ворота были внезапно и одновременно открыты, и из каждой из них на осаждающих бросились отряды; двигатели изнутри поддерживали их множественными выстрелами. Эфиальт со своим отрядом, шедший прямо на македонцев, стоявших на страже у главного места атаки, стремительно атаковал их, а его факелосцы пытались поджечь двигатели. Отличаясь не только личной силой, но и доблестью, он занял переднюю шеренгу, и ему так хорошо помогали мужество и хорошее построение его солдат, идущих в глубокой колонне, что на некоторое время он получил преимущество. Некоторые из орудий были успешно обстреляны, и передовой отряд македонского войска, состоявший из молодых солдат, сдался и бежал. Они были восстановлены частично усилиями Александра, но в большей степени более старыми македонскими солдатами, товарищами по всем кампаниям Филиппа, которые, будучи освобождены от ночных дозоров, расположились лагерем более в тылу. Эти ветераны, среди которых особенно выделялся Атаррий, порицая трусость своих товарищей,^[226] выстроились в привычный фаланговый строй и таким

образом и выдержали, и отразили натиск победоносного врага. Эфиальт, самый главный из сражавшихся, был убит, остальные отброшены в город, а горящие двигатели были спасены с некоторым ущербом. В это же время упорный конфликт произошел у ворот Трипиллона, где осажденные предприняли еще одну вылазку по узкому мосту, переброшенному через ров. Здесь македонцами командовал Птолемей (не сын Лагуса), один из телохранителей царя. Он и еще два или три видных офицера погибли в завязавшейся жестокой борьбе, но в конце концов осажденные были отбиты и загнаны в город.[\[227\]](#) Осажденные понесли тяжелые потери, пытаясь снова войти в стены под энергичным преследованием македонцев.

В результате этой последней неудачной попытки оборона Халикара была сломлена. Мемнон и Оронтобат, убедившись, что оборона города больше не представляется возможной, воспользовались ночью, чтобы поджечь деревянные снарядные башни и башни, а также оружейные склады, дома у внешней стены, а войска, запасы и жителей увести частично в цитадель Салмакис, частично на соседний островок Арконнес, частично на остров Кос.[\[228\]](#) Однако, эвакуировав город, они сохранили в двух принадлежащих ему цитаделях хорошо укомплектованные гарнизоны. Пожар, вызванный сильным ветром, распространился широко. Оно было потушено только по приказу Александра, когда он вошел в город и предал смерти всех, кого нашел с огненными мечами. Он приказал пощадить галикарнасцев, находившихся в домах, но сам город разрушить. Всю Карию он передал Аду в качестве княжества, несомненно, на условиях дани. Поскольку цитадели, все еще занятые врагом, были достаточно сильны и требовали длительной осады, он не счел нужным оставаться лично для их снижения; но, окружив их стеной блокады, он оставил Птолемея с 3000 человек для ее охраны[\[229\]](#).

Завершив осаду Галикарнаса, Александр отослал свою артиллерию в Траллы, приказав Пармению с большой частью конницы, союзной пехотой и багажными повозками отправиться в Сарды.

Последующие зимние месяцы он потратил на завоевание Ликии, Памфилии и Писидии. Все южное побережье Малой Азии гористое; хребет горы Тавр спускается почти до самого моря, так что почти не остается равнины. Несмотря на огромную силу положения, оружие Александра наводило такой ужас, что все ликийские города - Гипарна, Тельмис, Пинара, Ксанф, Патара и тридцать других - покорились ему без единого удара.[\[230\]](#) Один только Мармарей сопротивлялся до отчаяния.[\[231\]](#) Достигнув территории под названием Милиас, фригийской границы Ликии, Александр принял капитуляцию греческого приморского города Фаселиса. Он помог фазелитам разрушить горную крепость, возведенную и укрепленную гарнизоном соседних писидийских горцев, и публично поклонился гробнице их умершего горожанина, ритора Феодектеса[\[232\]](#).

После этой короткой остановки в Фазелисе Александр направил свой курс на Перг в Памфилии. Обычная горная дорога, по которой он отправил большую часть своего войска, была настолько трудной, что потребовала некоторого выравнивания фракийскими легкими отрядами, отправленными заранее с этой целью. Но сам царь с отборным отрядом пошел по дороге еще более трудной, под горами у края моря, называемой Климакс. Когда ветер дул с юга, эта дорога была покрыта такой глубиной воды, что становилась непроходимой; за некоторое время до того, как он достиг этого места, ветер дул с юга, но когда он приблизился, особое провидение богов (так считал он и его друзья) изменило направление на северное, так что море отступило и оставило свободный проход, хотя его солдатам вода была до пояса.[\[233\]](#) Из Перга он двинулся к Сиде, получив по пути посланцев из Аспенда, которые предложили сдать свой город, но отказались от ввода гарнизона; им было разрешено выкупить его, обещая пятьдесят талантов деньгами, вместе с лошадьми, которых

они везли в качестве дани для персидского царя. Оставив гарнизон в Сиде, он двинулся вперед к сильному месту под названием Силлиум, которое защищали храбрые туземцы с наемниками в помощь. Эти люди выстояли и даже отразили первый штурм, который Александр не смог повторить, узнав, что аспендийцы отказались выполнить выдвинутые условия и поставили свой город в состояние обороны. Быстро вернувшись, он принудил их к покорности, а затем маршем вернулся в Перг; оттуда он направил свой курс в большую Фригию,[234] через труднопроходимые горы и почти неукротимое население Писидии.

Пробыв в Писидийских горах достаточно долго, чтобы смять несколько городов или сильных постов, Александр двинулся на север Фригии, пройдя мимо соленого озера Асканий к крутой и неприступной крепости Келене, гарнизоном которой были 1000 карийцев и 100 наемных греков. Эти люди, не надеясь на помощь персов, предложили сдать крепость, если такая помощь не придет до шестидесятого дня.[235] Александр принял предложения, пробыл в Келене десять дней и оставил там Антигона (впоследствии самого могущественного из своих преемников) сатрапом Фригии с 1500 человек. Затем он двинулся на север к Гордию на реке Сангарий, где его встретил Парменион и где завершилась его зимняя кампания[236].

ПРИЛОЖЕНИЕ.

О ДЛИНЕ МАКЕДОНСКОЙ САРИССЫ ИЛИ ПИКИ.

Приведенные здесь сведения о длине сариссы, которую носил фалангит, взяты у Полибия, чье описание во всех отношениях ясно и соответствует самому себе. "Длина сариссы (говорит он) составляет шестнадцать локтей, согласно первоначальной теории; и четырнадцать локтей, как приспособлено к действительной практике"-τὸ δὲ τῶν σαρίσσων μέγεθος ἐστὶ, κατὰ μὲν τὴν ἐξ ἀρχῆς ὑπόθεσιν, ἑκκαίδεκα πηχῶν, κατὰ δὲ τὴν ἀρμογὴν τὴν πρὸς τὴν ἀλήθειαν, δεκατέσσαρων. Τοῦτων δὲ τοὺς τέσσαρας ἀφαίρει τὸ μεταξύ ταῖν χεροῖν διάστημα, καὶ τὸ κατόπιν σήκωμα τῆς προβολῆς (xviii. 12).

Разница между теоретической и практической длиной, указанная Полибием, вероятно, означает, что фалангиты, когда упражнялись, использовали пики большей длины, а на службе - меньшей: так же, как римские солдаты обучались в своих упражнениях использовать оружие тяжелее, чем они применяли против врага.

Из более поздних тактиков Лев (Tact. vi. 39) и Константин Багрянородный повторяют двойное измерение сариссы, приведенное Полибием. Арриан (Tact. c. 12) и Полиэн (ii. 29, 2) указывают ее длину в шестнадцать локтей, Илиан (Tact. c. 14) дает четырнадцать локтей. Все эти авторы следуют либо за Полибием, либо за каким-то другим авторитетом, совпадающим с ним. Никто из них не противоречит ему, хотя ни один не излагает дело так ясно, как он.

Г-да Рюстов и Кехли (Gesch. des Griech. Kriegswesens, p. 238), авторы лучшей из известных мне работ, посвященных древним военным вопросам, отвергают авторитет Полибия в его нынешнем виде. Они утверждают, что этот отрывок должен быть испорчен, и что Полибий, должно быть, хотел сказать, что сарисса была шестнадцати футов в длину, а не шестнадцати локтей. Я не могу согласиться с их мнением и не считаю, что их критика Полибия справедлива.

Во-первых, они рассуждают так, как если бы Полибий сказал, что сарисса в реальной эксплуатации имела длину *шестнадцать* локтей. Вычисляя вес такого оружия из

необходимой толщины древка, они утверждают, что оно было бы неуправляемым. Но Полибий называет фактическую длину всего *четыренадцать* локтей: очень существенная разница. Если мы примем гипотезу этих авторов - что из-за искажения текста мы читаем "*локти*" там, где должны были бы читать "*футы*", - то из этого следует, что длина сариссы, приведенная Полибием, была бы *четыренадцать*, а не *шестнадцать футов*. Этой длины недостаточно, чтобы оправдать различные отрывки, в которых говорится о ее непомерной длине.

Далее, они вменяют Полибию противоречие в том, что римский солдат занимал пространство в три фута, равное тому, которое занимал македонский солдат, и при этом в бою ему противостояли два македонских солдата с десятью пиками (xviii. 13). Но здесь нет никакого противоречия: ибо Полибий прямо говорит, что римлянин, хотя и занимал три фута, когда легион был выстроен в порядке, в бою требовал, расширения шеренги и увеличения интервала до трех футов позади и по обе стороны от него (χάλασμα καὶ διάστασιν ἀλλήλων ἔχειν δεήσει τοὺς ἄνδρας ἐλάχιστον τρεῖς πόδας κατ' ἐπιστάτην καὶ παραστάτην), чтобы дать полную возможность играть мечом и щитом. Поэтому совершенно верно, что каждый римский солдат, выходящий в атаку на фалангу, занимал столько же места, сколько два фалангита, и имел десять пик.

Далее, невозможно предположить, что Полибий, говоря о *локтях*, действительно имел в виду *футы*; ведь (сар. 12) он говорит о *трех футах* как об интервале между каждой шеренгой в строю, а эти *три фута* явно равны *двум локтям*. Его вычисления не будут правильными, если вместо *кубитов* подставить *футы*.

Поэтому мы должны принять утверждение Полибия в том виде, в каком мы его находим: пика фалангита была *четыренадцать локтей* или *двадцать один фут* в длину. У Полибия были все возможности быть хорошо осведомленным этим вопросе. Ему было больше тридцати лет во время последней войны римлян с македонским царем Персеем, в которой он сам участвовал. Он был близко знаком со Сципионом, сыном Павла Эмилия, который одержал победу в битве при Пидне. Наконец, он уделял большое внимание тактике и даже написал целую работу на эту тему.

Можно, конечно, предположить, что утверждение Полибия, хотя и верно для его собственного времени, не соответствует действительности для времен Филиппа и Александра. Но ничто не дает оснований для такого подозрения, которое, к тому же, прямо опровергается Рюстоу и Кёчли.

Несомненно, двадцать один фут - это огромная длина, неуправляемая, за исключением людей, прошедших соответствующую подготовку, и неудобная для всех упражнений. Но это именно те термины, под которыми всегда подразумевается пика фалангита. Так, Ливий, xxxi. 39: "Erant pleraque silvestria circa, incommoda phalangi maximè Macedonum: quæ, nisi ubi *prælongis hastis* velut vallum ante clypeos objecit (quod ut fiat, libero campo opus est) nullius admodum usus est." Сравните также Livy, xlv. 40, 41, где, среди прочих намеков на огромную длину пики, мы находим: "Si carptim aggrediendo, circumagere *immobilem longitudine et gravitate hastam* cogas, confusâ strue implicatur:" also xxxiii. 8, 9.

Ксенофонт рассказывает, что десяти тысячам греков при отступлении пришлось пробиваться через территорию халибов, которые несли пику длиной в *пятнадцать локтей* и короткий меч; о щите он не упоминает, но они носили поножи и шлемы (Anab. iv. 7, 15). Эта длина больше той, которую Полибий приписывает пике македонского фалангита. Мосинки защищали свою цитадель "пиками такой длины и толщины, что человек едва мог их нести" (Anabas. v. 4, 25). В "Илиаде", когда троянцы насаждают на греческие корабли и пытаются их

поджечь, Аякс описывается как сидящий на полуоте, и отбивается от нападающих пикой длиной в двадцать два локтя или тридцать три фута (ξυστὸν ναύραχον ἐν παλάμῃσι-διωκαῖκοσίπηχυ, Iliad, xv. 678). Копье Гектора длиной в десять или одиннадцать локтей предназначено для метания (Илиада vi. 319; viii. 494) - чтение не решено, то ли ἔγχοc ἔχ' ἐνδεκάττηχυ, то ли ἔγχοc ἔχεν δεκάττηχυ.

Швейцарская пехота и немецкие ландскнехты в XVI веке во многом повторяли македонскую фалангу: тесные шеренги, глубокий строй, длинные пики и три-четыре первые шеренги, состоящие из самых сильных и храбрых людей в полку - либо офицеров, либо отборных солдат, получавших двойное жалованье. Длина и непробиваемость их пик позволяли им противостоять натиску тяжелой кавалерии или стрелков: они были непреодолимы впереди, если только враг не находил возможности прорваться между пиками, что иногда, хотя и редко, удавалось. Они были уверены в длине пики - Макиавелли говорит о них (Ritratti dell' Alamagna, Opere t. iv. p. 159; и Dell' Arte della Guerra, p. 232-236), "Dicono tenere tale ordine, che non é possibile entrare tra loro, né accostarseli, quanto é la picca lunga. Sono ottime genti in campagna, à far giornata: ma per espugnare terra non vagliono, e poco nel difenderlo: ed universalmente, dove non possano tenere l' ordine loro della milizia, non vagliono."

ГЛАВА ХСIII.

ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ АЗИАТСКИЕ ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА - БИТВА ПРИ ИССЕ - ОСАДА ТИРЫ.

Примерно в феврале или марте 333 года до н. э. Александр достиг Гордиума, где, судя по всему, остановился на некоторое время, чтобы дать войскам, которые были с ним в Писидии, отдых, в котором они, несомненно, нуждались. Находясь в Гордиуме, он совершил памятный подвиг, известный как разрубание Гордиева узла. В цитадели сохранилась древняя повозка грубой конструкции, которая, по легенде, когда-то принадлежала крестьянину Гордию и его сыну Мидасу - первобытным деревенским царям Фригии, назначенным богами и избранным народом. Веревка (состоящая из волокон коры кизилового дерева), прикреплявшая ярмо этой повозки к столбу, была так перекручена и запутана, что образовала узел необычайной сложности, который никто и никогда не мог развязать. Оракул провозгласил, что тому, кто его развяжет, суждена империя Азии. Когда Александр поднялся посмотреть на эту древнюю реликвию, окружающие, как фригийцы, так и македонцы, были полны надежд, что покоритель Граника и Галикарнаса преодолест трудности узла и получит обещанную империю. Но Александр, осматривая узел, был в таком же недоумении, как и другие до него, пока, наконец, в порыве нетерпения не выхватил меч и не перерубил шнур надвое. Все приняли это как решение проблемы, тем самым подтвердив его право на империю Азии; вера, которую боги подтвердили громом и молнией в течение последующей ночи[237].

В Гордиуме Александра посетили посланники из Афин, прося освободить афинских пленников, взятых при Гранике, которые теперь работали, прикованные цепями, в македонских шахтах. Но он отклонил эту просьбу до более удобного времени. Зная, что греки привязаны к нему только своими страхами и что при удобном случае значительная их часть перейдет на сторону персов, он не считал благоразумным ослаблять контроль над их поведением[238].

Теперь такая возможность представлялась маловероятной. Мемнон, лишенный возможности эффективно действовать на континенте после потери Галикарнаса, был занят на островах Эгейского моря (в первой половине 333 года до н. э.) с целью перенести войну в Грецию и Македонию. В его распоряжении был большой феникийский флот и значительное количество греческих наемников, а также его племянник Фарнабаз и персидский Автофрадат. Овладев важным островом Хиос благодаря сотрудничеству части его жителей, он высадился на Лесбосе, где четыре из пяти городов, либо из страха, либо из предпочтения, заявили в его пользу; в то время как Митилен, самый большой из пяти, уже занятый македонским гарнизоном, выступил против него. Мемнон высадил свои войска и начал блокаду города как с моря, так и с суши, окружив его двойной стеной из частокола от моря до моря. В разгар этой операции он умер от болезни; но его племянник Фарнабаз, которому он временно передал командование, пока не станет известно о благоволении Дария, энергично продолжал свои меры и довел город до капитуляции. Было постановлено, что гарнизон, введенный Александром, должен быть выведен; колонна, зафиксировавшая союз с ним, должна быть разрушена; митиленцы должны стать союзниками Дария на условиях старого договора под названием Анталкида; изгнанные граждане должны быть возвращены, с возвращением половины их имущества. Но Фарнабаз, как только был принят, сразу же нарушил капитуляцию. Он не только вымогал контрибуцию, но и ввел гарнизон под командованием Ликомеда, а деспотом назначил вернувшегося изгнанника Диогена. [239\]](#) Такое нарушение веры не способствовало дальнейшему распространению персидского влияния в Греции.

Если бы персидский флот был столь же активен годом ранее, армия Александра никогда не смогла бы высадиться в Азии. Тем не менее, приобретения Хиоса и Лесбоса, как бы поздно они ни были сделаны, имели большое значение, поскольку сулили будущий прогресс. Несколько островов Кикладского архипелага прислали прошение о присоединении к персам; флот ожидался в Эвбее, и спартанцы стали рассчитывать на помощь в антимакедонском движении. [\[240\]](#) Но все эти надежды были разрушены неожиданной кончиной Мемнона.

Смерть Мемнона нанесла смертельный удар по интересам Дария не только из-за его выдающихся способностей, но и из-за его репутации как у греков, так и у персов. У персов были и другие греческие офицеры - храбрые и способные, возможно, некоторые из них не были непригодны для осуществления всех замыслов Мемнона. Но ни один из них не прошел через тот же опыт в искусстве командования среди восточных людей, ни один из них не завоевал доверия Дария в той же степени, чтобы получить реальное руководство операциями и защиту от придворных клеветников. Хотя Александр теперь стал хозяином Малой Азии, у персов было достаточно средств, если их эффективно использовать, чтобы защитить все, что еще оставалось, и даже серьезно помешать ему дома. Но с Мемноном исчезла последняя возможность использовать эти средства с умом и энергией. Всю ценность его потери лучше оценил умный враг, которому он противостоял, чем слабый хозяин, которому он служил. Смерть Мемнона уменьшила эффективность персов на море, предоставив полную свободу действий для реорганизации македонского флота [\[241\]](#) и использования неразделенных сухопутных сил для более дальних завоеваний внутри страны [\[242\]](#).

Если Александр выиграл от смерти этого выдающегося родосца в отношении своих собственных операций, то еще больше он выиграл от изменения политики, которую это событие побудило Дария принять. Персидский царь решил отказаться от оборонительных

планов Мемнона и перейти в наступление против македонцев на суше. Его войска, уже созданные из разных частей империи, частично прибыли и продолжали прибывать. [243\]](#) Их становилось все больше и больше, и в конце концов они составили огромное и многочисленное войско, общее число которого одни называют 600 000 человек, другие - 400 000 пехоты и 100 000 кавалерии. Зрелище этой внушительной массы, отличающейся разнообразием оружия, костюмов и языков, вселило в Дария уверенность; тем более что среди них было от 20 000 до 30 000 греческих наемников. Персидские придворные, сами воодушевленные и настроенные сангвинически, стимулировали и преувеличивали те же чувства в самом царе, который утвердился в убеждении, что его враги никогда не смогут ему противостоять. Контингенты из Согдианы, Бактрии и Индии еще не успели прибыть, но большинство из тех, что находились между Персидским заливом и Каспийским морем, уже прибыли - персы, медяне, армяне, дербики, барканийцы, гирканийцы, катдаки и т. д. Все они, собранные на равнинах Месопотамии, как говорят, были подсчитаны, подобно войскам Ксеркса на равнине Дориска, путем отгораживания пространства, способного вместить ровно 10 000 человек, и последовательного прохождения через него всех солдат. [\[244\]](#) Ни сам Дарий, ни кто-либо из его окружения никогда прежде не видели столь ошеломляющего проявления персидской императорской силы. Для восточного глаза, неспособного оценить реальные условия военного превосходства, привыкшего лишь к грубым и видимым подсчетам численности и физической силы, царь, шедший во главе такой армии, казался богом на земле, готовым растоптать всех перед собой - так, как большинство греков относилось к Ксерксу, [\[245\]](#) а по более веским причинам Ксеркс относился к себе, за полтора века до этого. Поскольку все это обернулось гибельной ошибкой, описание этого чувства, приведенное Курцием и Диодором, часто воспринимается с недоверием как беспочвенная риторика. Однако на самом деле это самовнушенная иллюзия необученных людей в противовес обученным и научным суждениям.

Но хотя восточные люди и были убеждены в этом, они не нашли отклика в душе интеллигентного афинянина. Среди греков, приближенных к Дарию, был афинский изгнанник Харидем, который, навлекая на себя непримиримую вражду Александра, был вынужден покинуть Афины после взятия Фив македонцами и бежал вместе с Эфиальтом к персам. Дарий, воодушевленный очевидным всемогуществом своей армии и слыша лишь один голос преданного согласия со стороны окружавших его придворных, спросил мнение Харидема, полностью рассчитывая получить утвердительный ответ. Надежды Харидема были так тесно связаны с успехом Дария, что он не стал подавлять свои убеждения, какими бы неприятными они ни были, в тот момент, когда еще существовала возможность, что они могут оказаться полезными. Он ответил (с той же откровенностью, что и Демарат в свое время по отношению к Ксерксу), что огромная толпа, стоящая сейчас перед ним, не в состоянии справиться со сравнительно небольшим числом захватчиков. Он посоветовал Дарию не полагаться на азиатов, а использовать свои огромные сокровища для субсидирования увеличенной армии греческих наемников. Он предложил свои искренние услуги в качестве помощника или командира. Дария его слова удивили и оскорбили, а персидских придворных вызвали нестерпимый гнев. Как ни опьянены они были зрелищем своего нынешнего сборища, им казалось сочетанием оскорбления с нелепостью - объявить азиатов ничтожными по сравнению с македонцами и внушить царю, что его империю не может защищать никто, кроме греков. Они осудили Харидема как предателя, который хотел завоевать доверие царя, чтобы предать его Александру. Дарий, уязвленный ответом и еще более раздраженный криками своих придворных, собственными руками схватил Харидема за пояс и отдал его на казнь стражникам. "Ты слишком поздно узнаешь (воскликнул афинянин) правду моих слов. Мой мститель скоро придет к тебе" [\[246\]](#).

Преисполненный предвкушением успеха и славы, Дарий решил лично принять командование над своей армией и выступить в поход, чтобы одолеть Александра. С этого момента его сухопутная армия стала действительно важной и агрессивной силой, с которой он сам должен был действовать. Здесь мы отмечаем его явный отказ от планов Мемнона - поворотного пункта его будущей судьбы. Он отказался от них именно в тот момент, когда они могли быть наиболее безопасно и полно осуществлены. Ведь во время битвы при Гранике, когда был дан совет Мемнона, оборонительную часть его было нелегко реализовать, так как у персов не было очень сильной или командной позиции. Но теперь, весной 333 года до н. э., они имели такую линию обороны, какую только можно было пожелать; преимущества, действительно, едва ли могут быть повторены где-либо еще. Прежде всего, перед ними была линия горы Тавр, преграждавшая Александру вход в Киликию; линия обороны (как выяснится в дальнейшем) была практически несокрушимой. Далее, даже если бы Александру удалось форсировать эту линию и овладеть Киликией, оставалась бы узкая дорога между горой Аманус и морем, называемая Аманскими воротами, а также Киликийские и Ассирийские ворота, а затем и перевалы через саму гору Аманус - все они были необходимы для прохода Александра и могли быть удержаны, при надлежащих мерах предосторожности, против самой сильной силы нападения. Лучшей возможности для реализации оборонительной части плана Мемнона и быть не могло; да и сам он, несомненно, считал, что такими преимуществами не стоит разбрасываться.

О судьбоносном изменении политики персидского царя свидетельствует приказ, который он разослал флоту после того, как получил известие о смерти Мемнона. Подтвердив назначение Фарнабаза (временно назначенного умершим Мемноном) адмиралом, он в то же время отправил Тимодеса (сына Ментора и племянника Мемнона) забрать с флота греческих наемников, служивших на борту, чтобы присоединить их к основной персидской армии. [247\]](#) Здесь было явное доказательство того, что основной акцент наступательных операций отныне должен был быть перенесен с моря на сушу.

Тем важнее отметить такое отступление от политики со стороны Дария как критический поворотный момент в греко-персидской драме, потому что Арриан и другие историки оставляют его без внимания и представляют нам лишь второстепенные моменты дела. Так, например, они осуждают безрассудство Дария за то, что он вступил в бой с Александром на узком пространстве возле Иссуса, вместо того чтобы ждать его на просторных равнинах за горой Аманус. Безусловно, если учесть, что генеральное сражение было неизбежным, этот шаг увеличивал шансы в пользу македонцев. Но этот шаг не имел существенных последствий, поскольку персидская армия под командованием Дария вряд ли была менее пригодна для сражения на открытой равнине, что и было доказано впоследствии при Арбеле. Настоящее безрассудство - пренебрежение предупреждением мемнонов - заключалось в том, что битва вообще состоялась. Горы и дефиле были настоящей силой персов, которые должны были служить защитой от захватчика. Если Дарий и ошибся, то не столько в том, что отказался от открытой равнины Сочи, сколько в том, что первоначально предпочел эту равнину и битву на ней сильным линиям обороны, которые предлагали Тавр и Аман.

Рассказ Арриана, возможно, точный в том, что он утверждает, не только краток и неполный, но даже в различных случаях не позволяет выделить действительно важные и определяющие моменты.

Во время стоянки в Гордии к Александру присоединились новобрачные македонцы, которых он отправил домой зимовать, а теперь вернулся с подкреплением в 3000 пехоты и 300 конницы, а также 200 фессалийцев и 150 элейцев. [248\]](#) Как только его войска достаточно

отдохнули, он двинулся (вероятно, во второй половине мая) в Пафлагонию и Каппадокию. В Анкире его встретила депутация пафлагонцев, которые подчинились его усмотрению, лишь умоляя не вводить свою армию в их страну. Приняв эти условия, он передал их под управление Калласа, своего сатрапа Элладской Фригии. Продвигаясь дальше, он подчинил себе всю Каппадокию, даже значительную часть за Халисом, оставив там сатрапом Сабиктаса[249].

Укрепив безопасность в своем тылу, Александр двинулся на юг к горе Тавр. Он достиг поста, называемого Лагерем Кира, у северного подножия этой горы, рядом с перевалом Таури-пиле, или Киликийскими воротами, которые образуют регулярное сообщение между Каппадокией на северной стороне и Киликией на южной стороне этой великой цепи. Длинная дорога, поднимающаяся и спускающаяся, была в целом узкой, извилистой и пересеченной, иногда между двумя крутыми и высокими берегами; и она включала в себя, недалеко от своего южного конца, одно место, особенно затрудненное и трудное. С древних времен и до наших дней через этот перевал проходила главная дорога из Малой Азии в Киликию и Сирию. Во времена Римской империи он, несомненно, получил множество улучшений, чтобы сделать движение сравнительно более легким. Тем не менее, по описаниям современных путешественников, он является таким же трудным, как и любая другая дорога, когда-либо пройденная армией.[250] За семьдесят лет до Александра его прошел младший Кир с 10 000 греков во время своего похода на брата Артаксеркса; а Ксенофонт,[251] который тогда прошел через него, считает его абсолютно неподъемным для армии, если ей противостоят какие-либо оккупационные силы. Сам Кир был настолько убежден в этом, что подготовил флот на случай, если проход окажется занятым, чтобы высадить войска морем в Киликии в тылу защитников; и велико же было его удивление, когда он обнаружил, что привычное безрассудство персов оставило дефиле незащищенным. Самая узкая часть, едва ли достаточная для того, чтобы вместить четырех вооруженных людей, была закрыта обрывистыми скалами с каждой стороны. 252] Здесь, если где-либо, было место, где оборонительная политика Мемнона могла быть надежной. Для Александра, уступавшего ему в море, ресурс, использованный младшим Киrom, не был открыт.

Однако Арсамес, персидский сатрап, командовавший в Тарсе в Киликии, не получив, похоже, от своего господина никаких указаний, или, что еще хуже, вообще никаких, действовал так, словно не знал о существовании предприимчивого врага к северу от горы Тавр. При первом приближении Александра немногочисленные персидские солдаты, занимавшие перевал, бежали, не нанеся ни одного удара, будучи, по-видимому, не готовы к встрече с врагом более грозным, чем горные разбойники. Таким образом, Александр овладел этим почти непреодолимым препятствием, не потеряв ни одного человека.[253] На следующий день он переправил через него всю свою армию в Киликию, а прибыв через несколько часов в Тарс, обнаружил, что город уже эвакуирован Арсамесом.[254]

В Тарсе Александр сделал долгий привал, гораздо более долгий, чем намеревался. То ли от чрезмерного переутомления, то ли от купания в прохладной воде реки Киднус его охватила жестокая лихорадка, которая вскоре усилилась до столь опасной степени, что его жизнь была поставлена под сомнение. Среди горя и тревоги, которыми это несчастье наполнило армию, никто из врачей не решился применить лекарство, опасаясь, что на него возложат ответственность за то, что грозило привести к летальному исходу.[255] Один единственный среди них, акарнанец по имени Филипп, давно известный и доверенный Александра, взялся вылечить его сильным очистительным отваром. Александр велел ему приготовить его; но прежде чем пришло время принимать его, он получил конфиденциальное письмо от Парменио, в котором тот умолял его остерегаться Филиппа, подкупленного Дарием, чтобы

отравить его. Прочитав письмо, он положил его под подушку. Вскоре пришел Филипп с лекарством, которое Александр принял и безропотно проглотил, одновременно дав Филиппу прочитать письмо и наблюдая за выражением его лица. Взгляд, слова и жесты лекаря были такими, что полностью успокоили его. Филипп, с негодованием отвергнув клевету, подтвердил свое полное доверие к лекарству и обязался ждать результата. Сначала лекарство подействовало так сильно, что Александру стало еще хуже, и он даже оказался на пороге смерти; но через некоторое время его целебное действие стало очевидным. Лихорадка была усмирена, и Александр был объявлен вне опасности, к радости всей армии. [256\]](#) Достаточно было разумного времени, чтобы вернуть ему прежнее здоровье и бодрость.

Первым делом после выздоровления он отправил Пармению во главе греков, фессалийцев и фракийцев в своей армии, чтобы расчистить путь вперед и обезопасить проход, называемый Воротами Киликии и Сирии [\[257\]](#). Эта узкая дорога, ограниченная с востока горой Аманус, а с запада - морем, когда-то была перегорожена двойной поперечной стеной с воротами для прохода, обозначавшей первоначальную границу Киликии и Сирии. Ворота, расположенные примерно в шести днях пути от Тарса, [\[258\]](#) были обнаружены охраняемыми, но стража бежала, не встретив особого сопротивления. В то же время сам Александр, ведя македонские войска в юго-западном направлении от Тарса, потратил некоторое время на то, чтобы овладеть городами Анхиал и Соли, а также киликийскими горцами и привести их в порядок. Затем, вернувшись в Тарс и возобновив поход, он с пехотой и отборной конницей двинулся сначала к Магарсу у устья реки Пирам, а затем к Маллусу; общая конница под командованием Филота была направлена более прямым путем через Алейскую равнину. Маллус, священный для пророка Амфилокуса как героя-покровителя, был, как говорят, колонией из Аргоса; по обоим этим причинам Александр был расположен относиться к нему с особым уважением. Он принес торжественное жертвоприношение Амфилокусу, освободил Маллус от дани и утихомирил некоторые раздоры среди граждан [\[259\]](#).

Именно в Маллусе он получил первое отчетливое сообщение о Дарии и главной персидской армии, которая, как говорили, расположилась лагерем в Сочи в Сирии, на восточной стороне горы Аманус, примерно в двух днях пути от горного прохода, называемого сейчас Бейланом. Этот перевал, пересекающий Аманийский хребет, является продолжением главного пути из Малой Азии в Сирию, после того как он прошел сначала через Тавр, а затем через сложный участок местности, указанный выше (называемый Киликийскими и Сирийскими воротами), между горой Аманус и морем. Собрав своих главных офицеров, Александр сообщил им о положении Дария, расположившегося теперь лагерем на просторной равнине с огромным превосходством в численности, особенно в кавалерии. Хотя местность была довольно благоприятной для врага, македоняне, полные надежд и мужества, призвали Александра немедленно выступить против него. Александр, довольный их готовностью, на следующее утро выступил в поход. Он прошел через Исс, где оставил несколько больных и раненых под умеренной охраной, затем через Киликийские ворота и Сирию. На второй день пути от этих ворот он достиг морского порта Мириандр, первого города Сирии или Феникии [\[260\]](#).

Здесь, задержавшись в своем лагере на один день из-за страшной бури, он получил сведения, которые полностью изменили его планы. Персидская армия была отброшена от Сочи и теперь находилась в Киликии, следуя в его тылу. Она уже овладела Иссусом.

Дарий вывел из внутренних районов свою огромную и разношерстную армию, насчитывавшую 600 000 человек. Его сопровождали мать, жена, гарем, дети, всевозможная личная прислуга, чтобы стать свидетелями того, что ожидалось как несомненный триумф. Все предметы показной роскоши были предоставлены в изобилии, как для царя, так и для

его персидских вельмож. Багаж был огромен: только золота и серебра, как нам говорят, хватило на 600 мулов и 300 верблюдов. [261] Через Евфрат был переброшен временный мост, и потребовалось пять дней, чтобы вся армия смогла переправиться. [262] Большую часть сокровищ и багажа, однако, не пустили вслед за армией в окрестности горы Аманус, а отправили под охраной в Дамаск в Сирии.

Во главе такого огромного войска Дарий стремился сразу же начать генеральное сражение. Ему было недостаточно просто сдерживать врага, которого он рассчитывал полностью разгромить. Поэтому он не отдал приказа (как мы только что видели) защищать линию Тавра; он беспрепятственно пропустил Александра в Киликию и намеревался позволить ему войти таким же образом через оставшиеся сильные проходы: во-первых, через ворота Киликии и Сирии, между горой Аманус и морем; во-вторых, через проход, который теперь называется Бейлан, через сам Аманус. Он ожидал и желал, чтобы его враг вышел на равнину для сражения, и там его растерзали бесчисленные всадники Персии.

Но такое ожидание сбылось не сразу. Движения Александра, до сих пор столь быстрые и непрерывные, казалось, приостановились. Мы уже отмечали опасную лихорадку, угрожавшую его жизни, которая вызвала не только длительный перерыв, но и большое беспокойство среди македонской армии. Обо всем этом, несомненно, было сообщено персам, причем с большим преувеличением: и когда Александр, сразу после выздоровления, вместо того чтобы идти вперед, повернул в сторону от них, чтобы покорить западную часть Киликии, это снова было истолковано Дарием как свидетельство нерешительности и страха. Утверждается даже, что Парменион хотел переждать нападение персов в Киликии и что Александр сначала согласился на это. [263] Во всяком случае, после некоторого перерыва Дарий убедился, и его азиатские советники и придворные заверили его, что македонцы, хотя и дерзкие и победоносные в борьбе с пограничными сатрапами, теперь попятились назад, запуганные приближающимся величием и полнотой империи, и что они не устоят перед его нападением. Под этим впечатлением Дарий решился на наступление в Киликию со всей своей армией. Однако Тимодеес и другие умные греческие советники вместе с македонским изгнанником Аминтой осудили его новое решение, уговаривая его остаться при своем первоначальном замысле. Они уверяли, что Александр нападет на него, где бы он ни находился, и притом очень быстро. Они говорили о безрассудстве сражения в узких дефиле Киликии, где его численность и особенно его огромная конница будут бесполезны. Однако их совет был не только проигнорирован Дарием, но и осужден персидскими советниками как предательский. [264] Даже некоторые греки в лагере разделяли и передавали в своих письмах в Афины слепую уверенность монарха. Немедленно был отдан приказ всей армии покинуть равнины Сирии и маршем через гору Аманус войти в Киликию. [Переход через такую гору, как Аманус, любым путем, с многочисленной армией, тяжелым багажом и роскошным обозом (включая всю свиту, необходимую для царской семьи), должен был занять немало времени; к тому же два единственных прохода через эту гору были узкими и легко обороняемыми. 266] Дарий пошел по самому северному из них, который привел его в тыл врага.

Таким образом, в то самое время, когда македоняне шли на юг, чтобы перейти гору Аман по южному проходу и напасть на Дария на равнине, Дарий шел в Киликию по северному проходу, чтобы прогнать их перед собой обратно в Македонию. [267] Достигнув Иссуса, кажется, через два дня после их ухода, он стал распоряжаться их больными и ранеными, оставшимися в городе. С отвратительной жестокостью вельможи заставили его подвергнуть этих несчастных либо смерти, либо отсечению рук и кистей. [268] Затем он двинулся вперед

по той же дороге вдоль берега залива, по которой уже шел Александр, и расположился лагерем на берегу реки Пинар.

Беглецы из Иссуса поспешили сообщить об этом Александру, которого они нагнали в Мириандре. Он был так поражен, что отказывался верить новостям, пока их не подтвердили несколько офицеров, которых он послал на север вдоль побережья залива на небольшой галере, и которым было хорошо видно огромное скопление персов на берегу. Затем, собрав главных офицеров, он сообщил им о близком приближении врага, ех патируя о благоприятных условиях, при которых сейчас произойдет сражение.^[269] Его обращение было встречено аплодисментами слушателей, которые требовали только, чтобы их повели против врага.^[270]

Расстояние от персидской позиции, возможно, составляло около восемнадцати миль. ²⁷¹ Вечерним маршем, после ужина, он достиг в полночь узкого дефиле (между горой Аманус и морем), называемого Киликийскими и Сирийскими воротами, через которые он прошел двумя днями ранее. Вновь овладев этой важной позицией, он отдохнул там последнюю часть ночи, а с рассветом двинулся вперед на север к Дарию. Сначала ширина удобной дороги была настолько ограничена, что позволяла двигаться только узкой колонной, причем кавалерия следовала за пехотой; затем она расширилась, что позволило Александру увеличить фронт, выдвигая последовательно дивизии фаланги. Подойдя к реке Пинару (протекавшей через перевал), он принял свой боевой порядок. На крайнем правом фланге он расположил гипаспистов, или легкое подразделение гоплитов; далее (считая справа налево) - пять таксеев, или подразделений фаланги, под командованием Кена, Пердикки, Мелеагра, Птолемея и Аминты. Из этих трех последних или левых дивизий общее командование осуществлял Кратер; сам он подчинялся приказам Пармению, который командовал всей левой половиной армии. Ширина равнины между горами справа и морем слева, как говорят, составляла не более четырнадцати стадий, или около полутора английских миль.^[272] Опасаясь быть обойденным превосходящими числом персами, он отдал Пармениону строгий приказ держаться ближе к морю. Его македонская кавалерия, компаньоны, вместе с фессалийцами были размещены на правом фланге; там же находились агриане и основная часть легкой пехоты. Пелопоннесская и союзная конница с фракийской и критской легкой пехотой были отправлены на левый фланг к Пармению^[273].

Дарий, узнав о приближении Александра, решил сражаться там, где он расположился лагерем, за рекой Пинар. Однако он перебросил через реку отряд из 30 000 конницы и 20 000 пехоты, чтобы обеспечить беспрепятственное формирование своих главных сил за рекой.^[274] Он составил свою фалангу или главную линию боя из 90 000 гоплитов; 30 000 греческих гоплитов в центре и 30 000 азиатов, вооруженных как гоплиты (называемых кардаками), с каждой стороны от греков. Эти люди - не разделенные на отдельные подразделения, а объединенные в одно тело или толпу^[275] - заполнили пространство между горами и морем. На горах слева от себя он разместил корпус из 20 000 человек, предназначенный для действий против правого фланга и тыла Александра. Но из-за большой численности своего огромного войска он не мог найти места для действий; поэтому они оставались бесполезными в тылу его греческих и азиатских гоплитов, но не были сформированы в какой-либо резервный корпус, или хранились в распоряжении для оказания помощи в случае необходимости. Когда его линия была полностью сформирована, он отозвал на левый берег Пинара 30 000 кавалерии и 20 000 пехоты, которые он отправил через реку в качестве защитного войска. Часть этой конницы была направлена на крайний левый фланг, но горная местность оказалась непригодной для их действий, и они были вынуждены переправиться на правый фланг, где, соответственно, собралась большая масса

персидской конницы. Сам Дарий на своей колеснице находился в центре строя, позади греческих гоплитов. Впереди всей линии протекала река или ручей Пинар, берега которой, во многих местах естественно крутые, он местами преграждал насыпями[276].

Как только Александр, вследствие отхода персидского прикрывающего отряда, получил возможность ознакомиться с окончательной диспозицией Дария, он внес некоторые изменения в свою собственную, переведя фессалийскую конницу задним ходом с правого на левое крыло и выдвинув вперед улан-кавалерию или сариссофоров, а также легкую пехоту, пеонийцев и лучников, на фронт своей правой стороны. Агрианцы, вместе с частью конницы и еще одним отрядом лучников, были выделены из общей линии, чтобы образовать косой фронт против 20 000 персов, расположившихся на холме, чтобы обойти его с фланга. Когда эти 20 000 человек подошли достаточно близко, чтобы угрожать его флангу, Александр приказал агрианам атаковать их и отогнать подальше на холмы. Они проявили так мало твердости и так легко сдались, что он не опасался серьезных агрессивных действий с их стороны. Поэтому он довольствовался тем, что оставил в резерве против них 300 человек тяжелой кавалерии, а агрианцев и остальных расположил справа от своей главной линии, чтобы сделать свой фронт равным фронту своих врагов[277].

Сформировав таким образом свой строй и дав войскам определенный привал после марша, он продвигался вперед очень медленно, стремясь сохранить ровный фронт и ожидая, что враг может переправиться через Пинар, чтобы встретить его. Но так как они не двигались, он продолжал наступать, сохраняя равномерность фронта, пока не оказался на расстоянии выстрела из лука, тогда он сам, во главе своей конницы, гипаспистов и подразделений фаланги справа, ускорил шаг, быстрым шагом перешел реку и обрушился на кардаков или азиатских гоплитов слева от персов. Неподготовленные к внезапности и стремительности этой атаки, кардаки почти не сопротивлялись, но сдались, как только оказались на близком расстоянии, и обратились в бегство под сильным натиском македонской правой руки.

Дарий, находившийся на своей колеснице в центре, понял, что это недостойное дезертирство подвергает его опасности с левого фланга. Охваченный паникой, он заставил свою колесницу развернуться и со всей скоростью помчался в первых рядах беглецов.[278] Он держался за колесницей так долго, как позволяла земля, но покинул ее, когда достиг нескольких изрезанных оврагов, и сел на коня, чтобы убежать; в таком ужасе, что бросил свой лук, щит и царскую мантию. Похоже, он не отдал ни одного приказа и не предпринял ни малейших усилий, чтобы исправить первое несчастье. Бегство царя стало сигналом к бегству для всех, кто наблюдал за ним; так что в тылу можно было быстро увидеть, как огромное войско топчет друг друга, пытаясь пробраться по труднопроходимой местности вне досягаемости врага. Сам Дарий был не только центром объединения всех разнородных контингентов, составлявших армию, но и единственным командующим, так что после его бегства не осталось никого, кто мог бы отдать какой-либо общий приказ.

Таким образом, это великое сражение - вернее сказать, то, которое должно было стать великим сражением, - было проиграно - из-за того, что азиатские гоплиты слева от персов сдались, а Дарий сразу же бежал - в течение нескольких минут после его начала. Но центр и правая часть персов, еще не знавшие об этих несчастьях, вели себя галантно. Когда Александр стремительно бросился вперед с правой стороны под своим непосредственным командованием, фаланга в левом центре (под командованием Кратера и Парменио) либо не получила такого же ускоряющего приказа, либо оказалась заторможенной и неупорядоченной из-за большей крутизны берегов Пинара. Здесь на него напали греческие наемники, лучшие войска на персидской службе. Бой был упорным, а потери македонян - незначительными; генерал дивизии Птолемей, сын Селевка, со 120 людьми первого

эшелона или отборными фалангитами, был убит. Но вскоре Александр, завершив разгром врагов слева, вернул свои победоносные войска из преследования, атаковал греческих наемников во фланг и дал решительное превосходство их врагам. Греческие наемники были разбиты и вынуждены отступить. Обнаружив, что сам Дарий бежал, они убрались с поля боя, как могли, но, похоже, в полном порядке. Есть даже основания предполагать, что часть из них пробралась в горы или через македонскую линию и бежала на юг[279].

Тем временем справа от персов, в направлении моря, тяжеловооруженная персидская кавалерия проявила немало храбрости. Они смело переправились через Пинар[280] и энергично атаковали фессалийцев, с которыми вели упорную борьбу, пока не пришло известие, что Дарий исчез, а левая часть армии разгромлена. Тогда они повернулись спиной и обратились в бегство, понеся при отступлении страшный урон от своих врагов. О кардаках на *правом* фланге греческих гоплитов в персидской линии мы ничего не слышим, как и о противостоящей им македонской пехоте. Возможно, эти кардаки мало участвовали в боях, поскольку конница на их участке поля была так сильно задействована. Во всяком случае, они приняли участие в общем бегстве персов, как только стало известно, что Дарий покинул поле боя[281].

Когда разгром персов был завершен, Александр начал энергичное преследование. Уничтожение и резня беглецов были огромны. На столь малой ширине удобного пространства, местами суженного в дефиле и разбитого частыми водотоками, их огромное количество не находило себе места и топтало друг друга. Так погибло столько же, сколько и от меча завоевателей; так что Птолемей (впоследствии царь Египта, сподвижник и историк Александра) рассказывает, что сам он во время преследования дошел до оврага, заваленного трупами, из которых он сделал мост, чтобы перебраться через него[282]. Преследование продолжалось до тех пор, пока позволял свет ноябрьского дня; но битва началась только в поздний час. Лагерь Дария был взят вместе с его матерью, женой, сестрой, младенцем сыном и двумя дочерьми. Его колесница, щит и лук также перешли во власть завоевателей; была найдена сумма в 3000 талантов деньгами, хотя большая часть сокровищ была отправлена в Дамаск. Общие потери персов, как говорят, составили 10 000 конных и 100 000 пеших; среди убитых было несколько выдающихся персидских вельмож - Арсамес, Реомитрес и Атизий, который командовал при Гранике - Сабакесе, сатрапе Египта. Из македонцев, как нам сообщают, было убито 300 пеших и 150 конных. Сам Александр был легко ранен мечом в бедро[283].

С матерью, женой и семьей Дария, попавшими в плен, по приказу Александра обращались с величайшим почтением и уважением. Когда Александр вернулся ночью из погони, он нашел царский шатер отведенным и приготовленным для него. В одном из внутренних помещений он услышал женские слезы и причитания. Ему сообщили, что скорбящими были мать и жена Дария, которые узнали, что лук и щит Дария похищены, и дали волю своему горю, полагая, что сам Дарий убит. Александр немедленно послал Леонната заверить их, что Дарий жив, и пообещать, что им будет позволено сохранить царский титул и государство - его война с Дарием была предпринята не из чувства ненависти, а как честное соревнование за империю Азии.[284] Кроме этого анекдота, основанного на хорошем авторитете, было рассказано много других, неподтвержденных или неправдивых, о его добром поведении с этими принцессами; и сам Александр, вскоре после битвы, кажется, слышал вымыслы об этом, которые он счел себя обязанным опровергнуть в письме. Несомненно (из сохранившегося отрывка этого письма), что он никогда не видел и не думал увидеть пленную жену Дария, о которой говорили, что она самая красивая женщина в Азии; более того, он даже отказался слушать восхваления ее красоты[285].

Как эта огромная толпа беглецов выбралась из узких пределов Киликии и сколько из них покинуло страну тем же перевалом через гору Аманус, через который они вошли в нее, мы не можем определить. Вероятно, многие, и сам Дарий в том числе, перебрались через гору по различным подчиненным дорогам и окольным путям, которые, хотя и непригодны для регулярной армии с багажом, были бы желанным средством для разрозненных компаний. Дарию удалось собрать 4000 беглецов, с которыми он поспешил к Фапсакусу и там переправился через Евфрат. Единственный остаток сил, все еще занимавший оборонительную позицию после битвы, состоял из 8000 греческих наемников под командованием Аминта и Тимофея. Эти люди, пробившись из Киликии (кажется, на юг, к Мириандру или рядом с ним), направились к Триполису на побережье Феникии, где они все еще находили те же суда, на которых их привезли с Лесбоса. Захватив достаточное количество транспортных средств и уничтожив остальные, чтобы предотвратить преследование, они немедленно переправились на Кипр, а оттуда в Египет. [286] За этим единственным исключением, огромное персидское войско исчезает после битвы при Иссе. Мы не слышим ни о попытках собраться или провести реформы, ни о каких-либо новых персидских силах на ногах до двух лет после этого. Добыча, доставшаяся победителям, была огромной, не только золото и серебро, но и пленники для работорговцев. На следующий день после битвы Алекс совершил торжественное благодарственное жертвоприношение с тремя алтарями, воздвигнутыми на берегу Пинара; в то же время он хоронил погибших, утешал раненых и награждал или осыпал комплиментами всех отличившихся [287].

Ни одна победа, зафиксированная в истории, не была более полной сама по себе или более масштабной по своим последствиям, чем победа при Иссе. Персидские войска были не только уничтожены или рассеяны, но и усилия Дария по восстановлению были парализованы захватом его семьи. Части рассеянной иссусской армии можно проследить, появляясь в разных местах для проведения детальных операций; но мы не найдем дальнейшего сопротивления Александру и его основным силам, кроме как со стороны храбрых воинов двух укрепленных городов. Повсюду распространялись чувства восхищения и ужаса по отношению к силе, мастерству или удаче Александра, под каким бы именем они ни назывались, вместе с презрением к реальной ценности персидской армии, несмотря на столь внушительную пышность и численность; презрение, не новое для умных греков, но теперь донесенное даже до вульгарных умов недавней беспримерной катастрофой. И как полководец, и как солдат, безупречное совершенство Александра бросалось в глаза не меньше, чем недостаток Дария. Ошибка последнего, на которую обычно обращают внимание, заключалась в том, что он вел сражение не на открытой равнине, а в узкой долине, что делало его численное превосходство невыгодным. Но это (как я уже отмечал) была лишь одна из многих ошибок, и отнюдь не самая серьезная. Результат был бы таким же, если бы битва происходила на равнине к востоку от горы Аманус. Превосходная численность малоэффективна на любой местности, если нет полководца, который знает, как ее использовать; если она не распределена на отдельные подразделения, готовые объединиться для наступления сразу на многих направлениях или, во всяком случае, оказывать поддержку друг другу в обороне, так что поражение одной части не означает поражения всего войска. Вера Дария в простое множество была совершенно слепой и детской; [288] более того, эта вера, хотя и чрезмерная заранее, сразу же исчезла, когда он обнаружил, что его враги не убегают, а смело смотрят ему в лицо, как это видно из его позиции на берегу Пинара, где он стоял, чтобы быть атакованным, вместо того чтобы выполнить свою угрозу растоптать горсть противников. [289] Но не только как генерал Дарий действовал таким образом, чтобы сделать проигрыш битвы несомненным. Если бы его распоряжения были столь искусны, его личной трусости, когда он покинул поле боя, думая только о собственной безопасности, было бы достаточно, чтобы свести на нет их

эффект.[290] Хотя персидские гранды обычно отличаются личной храбростью, мы увидим, как Дарий впоследствии снова проявит такую же меланхоличную робость и такую же неспособность эффективно использовать численность в битве при Арбеле, хотя она происходила на просторной равнине, выбранной им самим.

Счастье для Мемнона, что он не дожидаясь отказа от своих планов и последовавшего за этим разорения! Флот в Эгейском море, перешедший после его смерти к Фарнабазу, хотя и ослабленный потерей тех наемников, которых Дарий отозвал в Иссус, и удрученный серьезным поражением, которое перс Оронтотат получил от македонцев в Кари, [291] тем не менее не бездействовал, пытаясь организовать антимакедонское выступление в Греции. Когда Фарнабаз находился на острове Сифнос со своими 100 триремами, его посетил лакедемонский царь Агис, который убеждал его отправиться в Пелопоннес с таким большим отрядом, какой он мог выделить, чтобы поддержать движение, затеянное спартамцами. Но такие агрессивные планы были сразу же разрушены ужасающей новостью о битве при Иссе. Опасаясь восстания на острове Хиос в результате этой новости, Фарнабаз немедленно отплыл туда с большим отрядом. Агис, получив лишь субсидию в тридцать талантов и эскадру из десяти трирем, был вынужден отказаться от своих проектов в Пелопоннесе и довольствоваться руководством некоторыми операциями в Кретах, которые должен был проводить его брат Агесилай; сам же он остался на островах и в конце концов сопровождал персидского Автофрадата в Галикарнас. [292] Однако, судя по всему, впоследствии он отправился проводить операции в Крете и добился там значительного успеха, заставив несколько критских городов присоединиться к персам. [293] В целом, однако, победа при Иссе покорила весь свободный дух Греции и послужила для Александра гарантией хотя бы временного затишья. Фило-македонский синод, собравшийся в Коринфе во время Истмийского фестиваля, выразил свою радость, отправив к нему поздравительное посольство и золотой венок [294].

После победы Александр без промедления двинулся через Келе-Сирию к феникийскому побережью, отрядив по пути Пармению для нападения на Дамаск, куда Дарий перед битвой отправил большую часть своих сокровищ со многими доверенными офицерами, персидскими женщинами и посланниками. Хотя это место могло выдержать значительную осаду, оно было сдано без сопротивления из-за измены или трусости правителя; он сделал вид, что пытается унести сокровища, но позаботился о том, чтобы они попали в руки врага. [295] Было захвачено большое сокровище с огромным количеством и разнообразием прислуги и служителей роскоши, принадлежавших ко двору и вельможам. [296] Кроме того, пленников было так много, что большинство великих персидских семей должны были сожалеть о потере кого-либо из родственников, мужчин или женщин. Среди них были вдова и дочери царя Оха, предшественника Дария, дочь брата Дария Оксатра, жены Артабаза и Фарнабаза, три дочери Ментора, а также Барсинка, вдова умершего Мемнона с ребенком, посланная Мемноном в качестве заложницы за его верность. Кроме того, к Дарию бежало несколько видных греческих изгнанников - фиванцев, лакедемонян и афинян, которых он считал нужным отправить в Дамаск, вместо того чтобы позволить им использовать свои пики с войском в Иссе. Фиванские и афинские изгнанники были сразу же освобождены Александром; лакедемонян на время посадили под арест, но надолго не задержали. Среди афинских изгнанников был человек знатного имени и рода - Ификрат, сын великого афинского офицера этого имени. [297] Пленный Ификрат не только получил свободу, но и был побужден вежливым и почетным обращением остаться с Александром. Однако вскоре он умер от болезни, и его прах был собран по приказу Александра, чтобы отправить его семье в Афины.

Я уже писал в предыдущем томе[298], что старший Ификрат был принят дедом Александра в царскую семью Македонии как спаситель их трона: вероятно, именно это обстоятельство определило высшую благосклонность, проявленную к сыну, а не какие-либо чувства к Афинам или к военному гению отца. Разница в положении между Ификратом-отцом и Ификратом-сыном - одно из болезненных свидетельств упадка эллинизма; отец, знатный офицер в кругу свободных людей, поддерживал оружием безопасность и достоинство своих сограждан и даже вмешался для спасения македонской царской семьи; Сын, обреченный свидетельствовать об унижении родного города македонским оружием и лишенный всех других средств возрождения или спасения, кроме тех, что можно было найти на службе у восточного принца, чья глупость и трусость отбросила сразу и его собственную безопасность, и свободу Греции.

Овладев Дамаском и Келе-Сирией, Александр двинулся дальше в Феникию. Первым феникийским городом, к которому он подошел, был Маратх, расположенный на материке напротив островка Арадус, составлявший вместе с этим островком и некоторыми другими соседними городами владения арадийского князя Герострата. Сам принц в это время служил со своим военным контингентом в составе персидского флота в Эгейском море; но его сын Страта, исполнявший обязанности наместника дома, передал Александру свое почтение с золотым венком и сразу же передал ему Арадус с соседними городами, входившими в его владения. Примеру Стратона последовали сначала жители Библа, следующего финикийского города в южном направлении, а затем и великий город Сидон, царица и родительница всего финикийского процветания. Сидонцы даже отправили посланников, чтобы встретить его и пригласить приблизиться.[299] Их настроения были неблагоприятны для персов, поскольку они помнили о кровавых и вероломных действиях, которыми (примерно за восемнадцать лет до этого) ознаменовалось взятие их города войсками Охуса.[300] Тем не менее, военно-морские силы Библа и Сидона (а также Арадуса) в этот момент плавали в Эгейском море с персидским адмиралом Автофрадатом и составляли большую часть всего его флота[301].

Пока Александр находился в Марате, однако перед дальнейшим походом он получил посланников и письмо от Дария, в котором тот просил вернуть ему мать, жену и детей и предлагал дружбу и союз, как один царь другому. Далее Дарий попытался показать, что Филипп Македонский начал зло против Персии, Александр продолжил его, а сам он (Дарий) действовал лишь в целях самообороны. В ответ Александр написал письмо, в котором изложил свое собственное дело против Дария, провозгласив себя назначенным вождем греков, чтобы отомстить за вторжение Ксеркса в Грецию. Затем он выдвинул различные претензии к Дарию, которого обвинил в подстрекательстве к убийству Филиппа, а также к враждебным действиям анимакедонских городов в Греции. "Теперь (продолжал он), по милости богов, я одержал победу, сначала над вашими сатрапами, затем над вами самими. Я позаботился обо всех, кто мне покорился, и сделал их довольными своей участью. Приходите и вы ко мне, как к владыке всей Азии. Приходи без страха пострадать; попроси меня, и ты получишь обратно свою мать и жену, а также все остальное, что пожелаешь. Однако когда будешь писать мне в следующий раз, обращай ко мне не как к равному, а как к повелителю Азии и всего, что тебе принадлежит; иначе я поступлю с тобой как с обидчиком. Если ты намерен оспаривать у меня царство, стой и борись за него, а не убегай. Я выступлю против тебя, где бы ты ни находился"[302].

Эта памятная переписка, не приведшая ни к какому результату, важна лишь тем, что показывает характер Александра, для которого борьба и завоевания были делом и роскошью жизни, и для которого любое предположение о равенстве и независимости с ним, даже со

стороны других царей, - все, что было ниже покорности и послушания, - представлялось в свете несправедливости и оскорбления, за которое нужно было отомстить. Перечисление сравнительных обид, нанесенных каждой из сторон, было лишь ничего не значащим притворством. Настоящий и единственный вопрос заключался в том (как выразился сам Александр в своем послании пленному Сисигамбису[303]), кто из них двоих должен стать хозяином Азии.

Решение этого вопроса, уже достаточно продвинутое на следующий день после битвы при Иссе, было поставлено почти вне сомнений быстрыми и беспрепятственными успехами Александра в большинстве феникийских городов. Последние надежды Персии теперь зависели главным образом от настроений этих финикийцев. Большая часть персидского флота в Эгейском море состояла из феникийских трирем, частично с побережья Сирии, частично с острова Кипр. Если бы феникийские города подчинились Александру, то их корабли и моряки, несомненно, либо вернулись бы домой, либо были бы отозваны, что лишило бы персидский колчан его лучшей оставшейся стрелы. Но если бы феникийские города решительно выступили против него, один за другим, чтобы поставить его перед необходимостью осаждать их последовательно - каждый из них оказывал помощь остальным по морю, имея превосходство в морских силах, и более чем один из них был расположен на островках - препятствия, которые нужно было бы преодолеть, настолько умножились, что даже энергия и способности Александра вряд ли оказались бы достаточными для них: во всяком случае, перед ним была бы тяжелая работа в течение, возможно, двух лет, открывающая дверь для многих новых случайностей и усилий. Поэтому для Александра было большой удачей, когда князь островка Арадус спонтанно сдал ему этот трудный город, а его примеру последовал еще более крупный город Сидон. Феникийцы, если брать их в целом, не были связаны с персами; не было у них и особой конфедеративной привязанности одного к другому, хотя как отдельные общины они были храбрыми и предприимчивыми. Среди сидонцев даже преобладало чувство неприязни к персам по вышеупомянутой причине. Поэтому арадский князь, на которого впервые обрушился поход Александра, не был уверен в помощи своих соседей, если бы решился держаться; и еще меньше он был склонен держаться в одиночку, после того как битва при Иссе провозгласила неодолимую силу Александра не меньше, чем бессилие Персии. Один за другим все эти важные феникийские морские порты, кроме Тира, перешли в руки Александра, не нанеся ни одного удара. В Сидоне царствующий принц Стратон, считавшийся фило-персом, был низложен, а на его место назначен человек по имени Абдалоним из царствующей семьи, но бедный по обстоятельствам[304].

С привычной быстротой Александр двинулся к Тиру, самому могущественному из феникийских городов, хотя, очевидно, менее древнему, чем Сидон. Еще на подходе его встретила депутация из Тира, состоявшая из самых знатных людей города, во главе с сыном тирского принца Аземилха, который сам отсутствовал, командуя тирским контингентом в персидском флоте. Эти люди принесли большие подарки и припасы для македонской армии, а также золотой почетный венок, официально объявив, что тирийцы готовы сделать все, что прикажет Александр.[305] В ответ он высоко оценил нравы города, принял подарки и пожелал, чтобы депутация сообщила домой, что он желает войти в Тир и принести жертву Гераклу. Феникийский бог Мелькарт считался идентичным греческому Гераклу и, таким образом, был предком македонских царей. Его храм в Тире имел почтеннейшую древность; кроме того, предписание принести там жертву, как говорят, было передано Александру оракулом.[306] Тирийцы, поразмыслив над этим посланием, прислали ответ, в котором отказывались подчиниться и заявляли, что не примут в свои стены ни македонцев, ни персов, но что во всем остальном они будут подчиняться приказам Александра.[307] Они

добавили, что его желание принести жертву Гераклу можно исполнить, не входя в их город, поскольку в Палетирусе (на материке напротив островка Тира, отделенного от него лишь узким проливом) есть храм этого бога, более древний и почитаемый, чем их собственный. 308] Разгневанный этим квалифицированным согласием, в котором он принял к сведению только пункт отказа, Александр отпустил посланников с гневными угрозами и немедленно решил взять Тир силой. 309]

Те, кто (подобно Диодору) рассматривает такой отказ тирийцев как глупое своеволие, 310] не до конца понимают, как много включало в себя это требование. Когда Александр приносил торжественную жертву Артемиде в Эфесе, он шел к ее храму со всем своим вооруженным и боевым войском 311]. Мы не можем сомневаться, что его жертвоприношение в Тире Гераклу - Герою его предков, чьим особым атрибутом была сила, - было бы отпраздновано с таким же грозным войском, как и в действительности, после взятия города. [Таким образом, тирийцы были вынуждены впустить в свои стены непреодолимую военную силу, которая, правда, могла быть выведена после совершения жертвоприношения, но могла и остаться, полностью или частично, в качестве постоянного гарнизона почти неприступной позиции. Они не терпели такого обращения со стороны Персии и не собирались терпеть его от нового хозяина. По сути, они рисковали всем, сразу подчиняясь судьбе, которая могла быть столь же плохой, как и после успешной осады. С другой стороны, если вспомнить, что тирийцы обещали все, кроме подчинения военной оккупации, мы видим, что Александр, будь он так настроен, мог бы получить от них все, что было действительно необходимо для его цели, без необходимости осаждать город. Большая ценность феникийских городов заключалась в их флоте, который теперь действовал вместе с персами и давал им командование на море. 313] Если бы Александр потребовал, чтобы этот флот был отобран у персов и поставлен на его службу, можно не сомневаться, что он получил бы его с готовностью. У тирийцев не было побудительных мотивов, чтобы посвятить себя Персии, и они, вероятно (как полагает Арриан), не пытались разрываться между двумя воюющими сторонами, как если бы спор еще не был решен. 314] Однако вместо того, чтобы отдать свой город на волю македонской армии, они решили мужественно выдержать опасность осады. Гордость Александра, не терпящая противодействия даже его самым крайним требованиям, побудила его пойти на политически невыгодный шаг, чтобы продемонстрировать свою силу, унизив и сокрушив, с помощью осады или без нее, одну из самых древних, сильных духом, богатых и умных общин древнего мира.

Тир располагался на островке, находящемся почти в полумиле от материка; 315] канал между ними был неглубоким в направлении суши, но достигал глубины восемнадцати футов в той части, которая примыкала к городу. Островок был полностью окружен мощными стенами, самая высокая часть которых, со стороны, обращенной к материку, достигала в высоту не менее 150 футов, с соответствующей прочностью и основанием. 316] Помимо этих внешних укреплений, внутри было храброе и многочисленное население, которому помогал хороший запас оружия, машин, кораблей, провизии и других необходимых для обороны вещей.

Поэтому не без оснований тирийцы, доведенные до последних сил, надеялись выстоять даже против грозной руки Александра; и против Александра в его нынешнем виде они могли бы выстоять успешно, поскольку у него еще не было флота, и они могли отразить любую атаку, предпринятую просто с суши. Вопрос упирался в феникийские и кипрские корабли, которые в большинстве своем (тирийские в том числе) находились в Эгейском море под командованием персидского адмирала. Александр, повелитель Арадуса, Библа, Сидона и всех феникийских городов, кроме Тира, рассчитывал, что моряки из этих городов последуют

за своими соотечественниками на родину и уведут свои корабли, чтобы присоединиться к нему. Он также надеялся, как победитель, привлечь к себе на сторону кипрские города. Это вряд ли могло не произойти, если бы он относился к тирийцам с достойным вниманием; но теперь, когда он сделал их своими врагами, в этом уже не было уверенности.

Что происходило среди персидского флота под командованием Автофрадата в Эгейском море, когда им сообщили, во-первых, что Александр овладел другими феникийскими городами, а во-вторых, что он приступает к осаде Тира, мы знаем очень плохо. Тирский князь Аземилх вернул свои корабли для защиты собственного города;[\[317\]](#) сидонские и арадийские корабли также отправились домой, не желая больше служить против державы, которой подчинились их собственные города; но киприоты еще долго колебались, прежде чем заявить о себе. Если бы Дарий или даже Автофрадат без Дария, вместо того чтобы совсем оставить Тир (как это было на самом деле), энергично помогли бы сопротивлению, которое он оказал Александру, как того требовали интересы Персии, кипрские корабли, возможно, были бы сохранены на этой стороне в борьбе. Наконец, тирийцы могли надеяться, что их финикийские собратья, готовые служить Александру против Персии, ничуть не будут готовы стать его орудием для сокрушения родственного города. Эти случайности, хотя в конечном счете все они обернулись в пользу Александра, вначале были достаточно многообещающими, чтобы оправдать бесстрашное решение тирийцев; их еще больше ободрили обещания помощи со стороны мощных флотов их колонии Карфагена. В этот город, чьи депутаты в то время находились в его стенах для проведения религиозных торжеств, они отправили многих своих жен и детей[\[318\]](#).

Александр начал осаду Тира без флота: сидонские и арадийские корабли еще не подошли. Его первой задачей было сооружение прочного мола шириной в двести футов, протянувшегося через полумильный канал между материком и островком. Он привлек к работе тысячи рабочих рук из окрестностей; камни в изобилии привозили из Палетируса, а древесину - из лесов Ливана. Но работа, хотя и велась с рвением и упорством, под настойчивыми призывами Александра, была нудной и утомительной даже вблизи материка, где тирийцы мало чем могли ей помешать; и становилась гораздо более утомительной по мере продвижения в море, чтобы подвергаться их препятствиям, а также разрушениям от ветров и волн. Тирийские триремы и небольшие лодки постоянно досаждали рабочим и разрушали часть работ, несмотря на все меры защиты, придуманные македонцами, которые установили две башни перед наступающим лагерем и выпускали снаряды из специально предусмотренных для этого двигателей. В конце концов, благодаря неустанным усилиям, лаз удалось продвинуть вперед, пока он не подошел почти вплотную к городской стене; внезапно, в день сильного ветра, тирийцы послали пожарный корабль, груженный горючими материалами, который они подогнали к передней части лаза и подожгли две башни. В то же время все военно-морские силы города, корабли и маленькие лодки, были посланы, чтобы высадить людей сразу на всех участках мола. Эта атака была столь успешной, что все македонские двигатели были сожжены, внешние деревянные конструкции, удерживавшие мол вместе, были вырваны во многих местах, и большая часть строения разлетелась на куски[\[319\]](#).

Таким образом, Александру пришлось не только строить новые двигатели, но и начинать строительство мола почти заново. Он решил придать ему большую ширину и прочность, чтобы нести больше башен в ряд впереди и лучше защищаться от боковых атак. Но теперь ему стало ясно, что, пока тирийцы владеют морем, никакие усилия на суше не позволят ему взять город. Оставив Пердиккаса и Кратеруса перестраивать мол и строить новые двигатели, он сам отправился в Сидон, чтобы собрать как можно больший флот. Он собрал триремы из

разных мест - две с Родоса, десять из ликийских портов, по три из Соли и Малласа. Но главные силы он получил, предоставив в распоряжение корабли из финикийских городов, Сидона, Библа и Арадуса, которые теперь подчинялись ему. Эти корабли, числом восемьдесят, покинули персидского адмирала и прибыли в Сидон, где ожидали его приказаний; вскоре после этого туда же прибыли принцы Кипра, передав ему свой мощный флот из 120 военных кораблей. 320] Теперь он был хозяином флота из 200 кораблей, составлявшего большую и лучшую часть персидского флота. Это было завершением македонского триумфа - последнее реальное и эффективное оружие, вырванное из рук Персии. Предсказание орла возле кораблей в Милете, истолкованное Александром, теперь исполнилось; успешными операциями на суше он покорил и привел в свою власть превосходящий персидский флот[321].

Поручив этим кораблям завершить снаряжение и обучение, взяв на борт македонцев в качестве солдат, Александр отправился во главе легкого войска в одиннадцатидневную экспедицию против арабских горцев на Либане, которых он рассеял или сместил, хотя и не без некоторой личной опасности. 322] Вернувшись в Сидон, он обнаружил, что прибыл Клеандр с подкреплением из 4000 греческих гоплитов, желанных помощников для продолжения осады. Затем, поднявшись на борт своего флота в гавани Сидона, он в хорошем боевом порядке отплыл с ним к Тиру, надеясь, что тирийцы выйдут на бой. Но они оставались внутри, пораженные удивлением и оцепенением; они не знали, что их соотечественники-феники теперь среди осаждающих. Убедившись, что тирийцы не согласятся на морскую битву, Александр немедленно приказал заблокировать и наблюдать за двумя их гаванями: с севера, в сторону Сидона, - киприаны, с юга, в сторону Египта, - фенианцы[323].

С этого момента судьба Тира была предрешена. Тирийцы больше не могли чинить препятствия молу, который был достроен через канал и подведен к городу. На нем были установлены двигатели, чтобы таранить стены: передвижные башни были выстроены, чтобы взять их штурмом; атака велась и с моря. Несмотря на то, что тирийцы были вынуждены обороняться, они все равно проявили упорную храбрость и исчерпали все ресурсы изобретательности, чтобы отбить осаждающих. Крепость стены перед молотом и даже на северной стороне перед Сидоном была столь гигантской, что ни одна из машин Александра не смогла пробить в ней брешь; но на южной стороне в сторону Египта он добился большего успеха. Прodelав большую брешь в этой южной стене, он напал на нее с двумя кораблями, укомплектованными гипаспистами и солдатами своей фаланги: на одном командовал он сам, на другом - Адмет. В то же время он поставил город под угрозу по всему периметру, на всех подступах, чтобы отвлечь внимание защитников. Он сам и два его корабля подплыли вплотную к пролому в южной стене, с каждой палубы были сброшены abordажные мостки, по которым он и Адмет бросились вперед со своими отрядами штурмовиков. Адмет взобрался на стену, но был там убит; Александр также одним из первых взобрался на стену, и оба отряда закрепились на ней так прочно, что преодолели всякое сопротивление. В то же время его корабли вошли в обе гавани, так что Тир со всех сторон оказался в его власти[324].

Хотя стены были уже потеряны, а сопротивление стало отчаянным, доблестные защитники не теряли мужества. Они забаррикадировали улицы и сосредоточили свои силы в особенно защищенном месте, называемом Агенорион, или часовня Агенора. Здесь снова разгорелась неистовая битва, пока македонцы, разгоряченные долгими трудами предыдущей осады, а также расправой над некоторыми пленными, которых тирийцы публично убили на крепостных стенах, не одолели их. Всех, кто укрылся в храме Геракла, Александр пощадил

из уважения к святыне: среди них были принц Аземилх, несколько ведущих тирийцев, карфагенские посланники и несколько детей обоего пола. Сидонцы также, проявив запоздалое родственное чувство и частично возместив свою долю в захвате, сохранили несколько жизней от меча завоевателя.[325] Но большее число взрослых свободных погибло с оружием в руках, а 2000 из них, оставшихся в живых, либо от ран, либо от усталости бойцов, были повешены на берегу моря по приказу Александра. 326] Женщины, дети и рабы были проданы работоторговцам. Продано было около 30 000 человек, что довольно мало, поскольку в это число входят и рабы; но нам говорят, что многие из них были ранее отосланы в Карфаген[327].

Овладев Тиром, Александр вошел в город и совершил столь желанное жертвоприношение Ираклию. Все его войска, сухопутные и морские, полностью вооруженные и снаряженные, приняли участие в процессии. Более дорогой гекатомбы никогда не приносилось этому богу, если учесть, что она была куплена всеми трудами ненужной осады и истреблением этих свободных и высокодуховных граждан, его бывших поклонников. Каковы были потери македонцев, мы не можем сказать. Арриан называет число убитых в 400 человек, что, должно быть, значительно ниже истины; ведь благодаря мужеству и умению осажденных осада затянулась до семи месяцев, хотя Александр не оставлял попыток завершить ее раньше[328].

Ближе к концу осады Тира Александр получил от Дария второе предложение и отклонил его, предложив 10 000 талантов с передачей всей территории к западу от Евфрата в качестве выкупа за его мать и жену и предложив Александру стать его зятем, а также союзником. "Если бы я был Александром (сказал Парменио), я бы принял такие условия, вместо того, чтобы ввергать себя в еще большую опасность". "Я бы тоже (ответил Александр), если бы я был Парменио; но поскольку я Александр, я должен дать другой ответ". Его ответ Дарию был таков: "Мне не нужны ни твои деньги, ни твои уступки. Все твои деньги и территория уже мои, а ты предлагаешь мне часть вместо целого. Если я решил жениться на твоей дочери, я женюсь на ней - независимо от того, отдашь ты ее мне или нет. Приди ко мне, если хочешь добиться от меня дружбы"[329]. Александр мог пощадить покорного и павшего духом, но он не мог терпеть равного или соперника, и его язык по отношению к ним был грубым нахальством. Разумеется, это было последнее послание Дария, который теперь видел, если не видел раньше, что у него нет иного шанса, кроме возобновления войны.

Таким образом, полностью овладев Сирией, Феницией и Палестиной и приняв добровольное подчинение иудеев, Александр двинулся в поход, чтобы завоевать Египет. Прежде чем предпринимать дальнейшие экспедиции в глубь Персидской империи, он решил овладеть всеми прибрежными территориями, через которые проходили коммуникации персов с Грецией, чтобы обезопасить свой тыл от серьезной враждебности. Он очень боялся греческих солдат или городов, поднятых против него персидским золотом;[330] а Египет был последним оставшимся владением персов, которое давало им средства воздействия на Грецию. Эти средства, правда, теперь были сильно урезаны слабым состоянием персидского флота в Эгейском море, неспособного противостоять растущему флоту македонских адмиралов Гегелоха и Амфотера, насчитывавшему теперь 160 кораблей. 331] Летом 332 года до н. э., пока Александр продолжал осаду Тира, эти адмиралы вернули все важные приобретения - Хиос, Лесбос и Тенедос, - которые были сделаны Мемноном для персидских интересов. Жители Тенедоса пригласили их и обеспечили им успех; жители Хиоса попытались сделать то же самое, но были принуждены Фарнабазом, который удержал город с помощью своих партизан-изоляционистов, Аполлонидов и других, с военной силой. Македонские адмиралы осадили город и вскоре смогли взять его благодаря своим друзьям внутри. Фарнабаз был захвачен со всеми своими силами: двенадцатью триремами, хорошо

вооруженными и укомплектованными, тридцатью кораблями, несколькими каперами и 3000 греческих наемников. Аристоник, фило-персидский деспот из Метимны, прибывший на Хиос вскоре после этого, но не знавший о захвате, был заманиваем в гавань и взят в плен. Остался только Митилен, который удерживал для персов афинянин Харес с гарнизоном в 2000 человек; который, однако, не видя надежды выстоять против македонцев, согласился эвакуировать город при условии свободного отхода. Таким образом, персы были изгнаны с моря, со всех греческих островов и из окрестностей Греции и Македонии[332].

Эти успехи были в полном ходу, когда Александр сам направил свой поход из Тира в Египет, остановившись по пути, чтобы осадить Газу. Этот значительный город, последний перед вступлением на пустынный путь между Сирией и Египтом, находился на расстоянии от одной до двух миль от моря. Он был построен на возвышенной искусственной насыпи и обнесен высокой стеной, но его главная защита исходила от глубоких песков, окружавших его, а также от грязи и зыбучих песков на его побережье. Его защищал храбрый человек, евнух Батис, с сильным гарнизоном из арабов и обилием всякой провизии. Уверенный в силе этого места, Батис отказался принять Александра. Более того, его мнение подтвердили и сами македонские инженеры, которые, когда Александр впервые осматривал стены, назвали их неприступными, главным образом из-за высоты опорного кургана. Но Александр не мог смириться с мыслью о молчаливом признании своей неспособности взять Газу. Чем труднее было предприятие, тем большее очарование оно в себе таило, и тем большее изумление вызовет у окружающих его победа[333].

Он начал с возведения кургана к югу от города, рядом со стеной, для подъема своих таранных орудий. Эта внешняя насыпь была завершена, и двигатели начали таранить стену, когда хорошо спланированная вылазка гарнизона сбила нападавших и уничтожила двигатели. Своевременная помощь самого Александра с его гипаспистами защитила их отступление, но сам он, избежав ловушки от мнимого арабского дезертира, получил тяжелую рану через щит и нагрудник в плечо от дротика, выпущенного из катапульты, как и предсказывал пророк Аристандр, давая в то же время уверенность, что Газа попадет в его руки.[334] Во время лечения своей раны он приказал доставить по морю двигатели, использовавшиеся в Тире, и обнести свой курган по всей окружности города, чтобы к нему можно было подойти со всех сторон. Эта грандиозная работа, описание которой мы читаем с изумлением, была высотой 250 футов и шириной в две стадии (1240 футов)[335]; сыпучий песок вокруг вряд ли мог быть подходящим, поэтому материалы должны были доставляться издалека. В конце концов, затея была завершена; за какое время, мы не знаем, но оно должно было быть значительным, хотя, несомненно, тысячи рабочих должны были быть привлечены из прилегающих стран[336].

Теперь Газа была атакована со всех сторон таранами, минами и снарядами двигателями с различными снарядами. Вскоре стены были пробиты в нескольких местах, хотя защитники неустанно пытались восстановить поврежденные участки. Александр предпринял три попытки общего штурма, но во всех трех случаях он был отбит храбростью газзейцев. В конце концов, пробив стену еще дальше, он в четвертый раз возобновил попытку штурма. Вся македонская фаланга была выведена для атаки в разных точках, и среди офицеров царило величайшее подражание. Эакид Неоптолем первым взобрался на стену, но остальные подразделения проявили не меньший пыл, и в конце концов город был взят. Его доблестные защитники сопротивлялись до последнего, не теряя присутствия духа, и все пали на своих постах, а разъяренные солдаты никак не хотели давать сдачи.

Лишь один пленник был выделен для особого обращения - сам принц или губернатор, евнух Батис, который, проявив величайшую энергию и доблесть, был взят тяжело раненым, но еще

живым. В таком состоянии он был доставлен Леонатом и Филотой в присутствии Александра, который бросил на него взгляд мести и ярости. Македонский принц взялся за осаду главным образом для того, чтобы доказать всему миру, что он может преодолеть трудности, непреодолимые для других. Но он понес столько потерь, потратил столько времени и труда, пережил столько поражений, прежде чем добился успеха, - что пальма первенства принадлежала скорее меньшинству побежденных, чем множеству победителей. К такому разочарованию, которое уязвило бы Александра в самое нежное место, добавилось еще и то, что он сам подвергся большому риску и получил тяжелую рану. Здесь было достаточно оснований для яростного гнева, который к тому же еще более усилился из-за появления Батиса - евнуха, чернокожего человека, высокого и крепкого, но в то же время толстого и рыхлого, и, несомненно, в данный момент покрытого кровью и грязью. Такие видимые обстоятельства, отвратительные для глаз, знакомых с греческой гимнастикой, способствовали разжиганию гнева Александра до высшей точки. После осады Тира его негодование было утолено повешением 2000 оставшихся в живых бойцов; здесь, чтобы ослабить давление еще более сильного чувства, оставался только один пленник, которого он решил подвергнуть наказанию столь же новому, сколь и жестокому. Он приказал высверлить ноги Батиса и продеть в них медные кольца, после чего обнаженное тело этого храбреца, еще оставшегося в живых, привязали веревками к хвосту колесницы, управляемой самим Александром, и потащили на полной скорости под торжествующие возгласы и крики армии.[337] Здесь Александр, с детства восхищавшийся подвигами своего легендарного предка Ахилла, скопировал позорное обращение, описанное в "Илиаде" и примененное к мертвому телу Гектора[338].

Это действие Александра, продукт гомеровских реминисценций, действующих на разъяренный и мстительный темперамент, выделяется по варварству из всего, что мы читаем об обращении с завоеванными городами в древности. Остальные его меры соответствовали принятым обычаям. Жены и дети газзейцев были проданы в рабство. Новые жители были приняты из окрестностей, и там был размещен гарнизон, чтобы удерживать город для македонцев[339].

Две осады Тира и Газы, занявшие вместе девять рот,[340] были самыми тяжелыми боями, с которыми Александр когда-либо сталкивался, да и вообще когда-либо сталкивался на протяжении всей своей жизни. После таких трудов поход в Египет, который он теперь начал (октябрь 332 года до н. э.), был праздником и триумфом. Мазакс, сатрап Египта, имея мало персидских войск и недовольное туземное население, не был настроен сопротивляться приближающемуся завоевателю. Семидневный марш привел Александра и его армию из Газы в Пелусий, пограничную крепость Египта, которая огибала восточный рукав Нила, куда также прибыл его флот под командованием Гефестиона. Здесь он нашел не только открытые ворота и покорного правителя, но и толпы египтян, собравшихся, чтобы приветствовать его. [341] Он разместил гарнизон в Пелузиуме, отправил свой флот вверх по реке к Мемфису, а сам двинулся туда же по суше. Сатрап Мазакс сдался со всеми сокровищами города, 800 талантов и много драгоценной мебели. Здесь Александр некоторое время отдыхал, принося великолепные жертвы богам вообще, и особенно египетскому богу Апису; к этому он добавил гимнастические и музыкальные состязания, отправив в Грецию самых выдающихся артистов.

Из Мемфиса он спустился по самому западному рукаву Нила до Канопы в его устье, откуда поплыл на запад вдоль берега, чтобы посмотреть на остров Фарос, прославленный Гомером, и озеро Мареотис. Рассматривая теперь Египет как часть своей империи и считая, что дела по усмирению беспокойного населения, а также по сбору больших доходов придется

выполнять с помощью посторонних сухопутных и морских сил, он счел необходимым перенести резиденцию правительства из Мемфиса, где ее держали и персы, и туземцы, и основать новый город на морском побережье, удобный для сообщения с Грецией и Македонией. Его воображение, восприимчивое ко всем гомеровским впечатлениям и находящееся под влиянием сна, сначала остановилось на острове Фарос как на подходящем месте для предполагаемого города.[342] Однако вскоре он понял, что этот маленький островок сам по себе недостаточен, и включил его в состав более крупного города, который должен был быть основан на соседнем материке. Были проведены консультации с богами, получены обнадеживающие ответы, после чего Александр сам наметил контур стен, направление главных улиц, и места многочисленных храмов греческим и египетским богам.[343] Так был заложен первый камень в основание могучей, многолюдной и оживленной Александрии, до которой, однако, сам основатель так и не дожил, и где ему суждено было упокоиться лишь в виде трупа. Место, расположенное между морем и озером Мареотис, было признано просторным и здоровым, а также удобным для судоходства и торговли. Защищающий остров Фарос давал возможность образовать две хорошие гавани для приходящих по морю кораблей на побережье, лишенном гаваней в других местах; а Мареотийское озеро, сообщаемое различными каналами с рекой Нил, с удобством принимало экспортируемые из внутренних районов продукты.[344] Как только дома были готовы, интендант Клеомен начал массово перевозить в них население соседнего города Канопуса и, вероятно, других городов.[345].

Александрия стала впоследствии столицей князей Птолемеев. Она приобрела огромное величие и население во время их правления в течение двух с половиной веков, когда их огромные доходы были потрачены на ее благоустройство и украшение. Но мы не можем обоснованно приписать самому Александру предвидение столь впечатляющего будущего. Он задумывал его как место, откуда ему было удобно управлять Египтом, рассматриваемым как часть его обширной империи вокруг Эгейского моря; и если бы Египет оставался такой частью, а не превратился в существенное имперское целое, Александрия, вероятно, не поднялась бы выше посредственности[346].

Другим наиболее примечательным инцидентом, связанным с четырех- или пятидесятилетним пребыванием Александра в Египте, был его поход через песчаную пустыню к храму Зевса Аммона. Он запомнился прежде всего тем, что знаменует его растущее самолюбование и раздувание над пределами человечности. Его достижения за последние три года настолько превзошли ожидания всех, включая его самого, - боги даровали ему такую непрекращающуюся удачу и так парализовали или усыпили его врагов, что гипотеза о сверхчеловеческой личности казалась естественным объяснением такой сверхчеловеческой карьеры.[347] Ему пришлось обратиться к героическим легендам, к своим предкам Персею и Гераклу, чтобы найти достойный прототип. [348] Считая себя (как и они) сыном Зевса, имея лишь номинальное человеческое происхождение, он решил пойти и установить этот факт, обратившись к непогрешимому оракулу Зевса Аммону. Его многодневный поход через песчаную пустыню - всегда утомительный, иногда опасный - отличался явными свидетельствами благосклонности богов. Неожиданный дождь выпал именно тогда, когда измученные жаждой солдаты нуждались в воде. Когда проводники сбивались с пути из-за смещения песка, внезапно появлялись две говорящие змеи или два ворона, сопровождавшие поход и указывавшие верное направление. Так утверждали Птолемей, Аристокл и Каллистен, спутники и современники; Арриан же, спустя четыре столетия, заявляет о своей уверенности в том, что со стороны Александра имело место божественное вмешательство, хотя и не может убедиться в деталях.[349] Жрец Зевса Аммон обратился к Александру, как к сыну бога, и заверил его, что его карьера будет состоять из

непрерывных побед, пока его не заберут к богам; а его друзья, которые обратились к оракулу для собственного удовлетворения, получили ответ, что оказание ему божественных почестей будет угодно Зевсу. После обильных жертвоприношений и подарков Александр покинул оракул с полной и искренней верой в то, что он действительно сын Зевса Аммона; эта вера была еще более подтверждена заявлениями, переданными ему от других оракулов - Эритрейского в Ио нии и Бранхидского близ Милета.[350] Хотя он не приказывал напрямую обращаться к себе как к сыну Зевса, он был доволен теми, кто добровольно признавал его, и гневался на скептиков или насмешников, которые не верили оракулу Аммона. Плутарх считает, что это был простой политический маневр Александра, направленный на устрашение неэллинского населения, за счет которого он расширял свою империю[351]. Но, скорее, это была искренняя вера - простое преувеличение того непомерного тщеславия, которое с самого начала так сильно царило в его груди. Он, конечно, понимал, что это было противно ведущим македонцам во многих отношениях, но особенно как намеренное оскорбление памяти Филиппа. Эта тема всегда затрагивается в моменты недовольства. Для Пармению, Филотаса, Клейта и других главных офицеров наглость царя, отрекшегося от Филиппа и поставившего себя выше уровня человечности, показалась крайне оскорбительной. Недовольство по этому поводу среди македонских офицеров, хотя они и были вынуждены молчать из-за страха и восхищения Александром, стало серьезным, и в дальнейшем оно будет проявляться вновь[352].

Последний месяц пребывания Александра в Египте прошел в Мемфисе. В то время как он назначал различных офицеров для постоянного управления страной, его посетил адмирал Гегелок, который привез в качестве пленников Аристонику из Метимны и других деспотов различных островных греческих городов. Александр приказал передать их в соответствующие города, чтобы с ними поступили по усмотрению граждан; всех, кроме хианского Аполлониды, которого отправили под стражу в Элефантину на юге Египта. В большинстве городов деспоты вызывали такую лютую ненависть, что, когда их выдавали, их пытали и предавали смерти.[353] Фарнабаз тоже был в числе пленников, но нашел способ сбежать от своих стражников, когда флот пристал к Косу.[354]

Ранней весной, получив подкрепление из греков и фракийцев, Александр отправился в Феникию. Там он управлял делами Феникии, Сирии и Греции перед намеченной экспедицией в глубь страны против Дария. Он наказал жителей Самарии, которые подняли восстание и заживо сожгли македонского префекта Андромаха.[355] Помимо всех дел, Александр сделал дорогие подарки тирийскому Гераклу и принес великолепные жертвы другим богам. Также отмечались праздники с трагедиями, аналогичные Дионисиям в Афинах, где лучшие актеры и хористы боролись за приз. Князя Кипра соревновались друг с другом в чествовании сына Зевса Аммона; каждый брал на себя обязанность хорега, за свой счет ставил драму с выдающимся хором и актерами и стремился получить приз от заранее назначенных судей, как это практиковалось среди десяти племен в Афинах[356].

В разгар этих религиозно-праздничных выставок Александр собирал журналы для своего похода в глубь страны[357]. Он уже отправил отряд к Фапсаку, обычному броду Евфрата, чтобы навести мосты через реку. Перс Мазей стоял на страже на другом берегу с небольшим отрядом в 3000 человек, 2000 из которых были греками; этого было недостаточно, чтобы помешать наведению мостов, но только для того, чтобы не дать им полностью перебраться на левый берег. После одиннадцати дней марша из Феникии Александр со всей своей армией достиг Фапсакуса. Мазей, с другой стороны, как только увидел прибытие главной армии, без промедления вывел свои небольшие силы и отступил к Тигру; таким образом, два моста были достроены, и Александр сразу же переправился[358].

Переправившись через Евфрат, Александр мог двинуться по левому берегу этой реки к Вавилону, главному городу Персидской империи и естественному месту, где можно было найти Дария.^[359] Но этот поход (как мы знаем от Ксенофонта, который совершил его с десятью тысячами греков) был бы крайне тяжелым и проходил по пустынной стране, где нельзя было достать провизию. Кроме того, Мазей при отступлении взял северо-восточное направление к верховьям Тигра; а некоторые пленники сообщали, что Дарий со своей главной армией находится за Тигром, намереваясь защищать проход через эту реку от Александра. Ниже Ниневии (Мосула) Тигр, по-видимому, не переходит вброд. Поэтому он направил свой поход сначала почти на север, имея по левую руку Евфрат, а затем на восток через Северную Месопотамию, имея по левую руку Армянские горы. Достигнув брода через Тигр, он обнаружил, что тот абсолютно не защищен. Не встретив ни одного врага, он как можно скорее перешел реку вброд со всей своей пехотой, кавалерией и багажом. Переправа была крайне трудной и опасной из-за глубины воды выше груди, быстрого течения и скользких ног. ³⁶⁰ Решительный и бдительный враг мог сделать переправу почти невозможной. Но удача Александра была не менее заметна в том, что его враги оставили без внимания, чем в том, что они сделали на самом деле^[361].

После этого утомительного перехода Александр отдыхал два дня. Ночью произошло затмение луны, почти полное; это вызвало смятение в войске, сопровождавшееся жалобами на его чрезмерную дерзость и недоверием к неизвестным областям, в которые они вступали. Александр, принося торжественные жертвы Солнцу, Луне и Земле, боролся с царившим унынием с помощью заявлений своего собственного пророка Аристандра и египетских астрологов, которые провозглашали, что Гелиос благоволит грекам, а Селен - персам; поэтому затмение луны предвещало македонцам победу, причем победу (так обещал Аристандр) до следующего новолуния. Успокоив таким образом солдат, Александр четыре дня шел в юго-восточном направлении по территории, называемой Атурией, с Тигром по правую руку и Гордиенскими или Курдскими горами по левую. Натолкнувшись на небольшое передовое охранение персов, он узнал от пленных, что Дарий со своим главным войском уже недалеко^[362].

Со времени поражения при Иссе прошло почти два года. Чем занимался Дарий в этот долгий промежуток времени, особенно в первой его половине, мы сказать не можем. Мы слышим только об одном его действии - дважды повторенных миссиях к Александру с предложением или мольбой о мире, с особой целью вернуть свою пленную семью. Больше он, похоже, ничего не сделал ни для возмещения потерь прошлого, ни для предотвращения опасностей будущего; ничего, чтобы спасти свой флот от перехода в руки завоевателя; ничего, чтобы освободить Тир или Газу, осада которых коллективно занимала Александра почти десять месяцев. Позорное бегство Дария при Иссе уже лишило его доверия нескольких самых ценных слуг. Македонский изгнанник Аминтас, храбрый и энергичный человек, с лучшими греческими наемниками отказался от персидского дела, как от проигранного,^[363] и попытался устроить свою жизнь сам, в чем потерпел неудачу и погиб в Египте. Сатрап Египта, проникнутый презрением к робости своего господина, был побужден, как по этой, так и по другим причинам, открыть страну Александру.^[364] Понесся столь плачевные потери, как в репутации, так и в территории, Дарий имел самые сильные побуждения искупить их возросшей энергией.

Но его парализовало то, что его мать, жена и несколько детей попали в руки завоевателя. Среди бесчисленных преимуществ, вытекающих из победы при Иссе, это приобретение занимало не последнее место. Оно поставило Дария в положение человека, который дал заложников за хорошее поведение своему врагу. Персидские цари часто имели

обыкновение требовать от сатрапов или генералов залог их жен и семейств в качестве залога верности; сам Дарий получил этот залог от Мемнона в качестве условия вверения ему персидского флота.[365] Связанный подобными цепями по отношению к тому, кто теперь стал его начальником, Дарий боялся действовать энергично, чтобы успех не навлек зла на его плененную семью. Позволив Александру беспрепятственно покорить всю территорию к западу от Евфрата, он надеялся, что ему позволят сохранить свою империю на востоке и выкупить свою семью за огромную цену. Такие предложения удовлетворили Пармению и, вероятно, удовлетворили бы даже Филиппа, если бы тот был победителем. Ненасытный характер Александра еще не был полностью доказан. Лишь когда тот с презрением отверг все, что не предусматривало сдачи по собственному усмотрению, Дарий начал принимать меры к востоку от Евфрата для защиты того, что еще оставалось.

Поведение Александра по отношению к царским заложникам, столь благородное, сколь оно отвечало его чувствам, в то же время свидетельствовало о том, что он знал их ценность как предмета политических переговоров.[366] Было важно, чтобы он обращался с ними с полным почтением, приличествующим их рангу, если он хотел сохранить их цену как заложников в глазах Дария, а также своей собственной армии. Он провел их вместе со своей армией от берегов Сирии, по мосту через Евфрат и даже через воды Тигра. Для них это, должно быть, было тяжким трудом, а царица Статира так измучилась, что умерла вскоре после переправы через Тигр;[367] для него самого это, должно быть, было обременительной обязанностью, поскольку он не только стремился обеспечить им всю привычную пышность, но и должен был выделить значительную охрану, чтобы следить за ними, в тот момент, когда он шел в неизвестную страну и требовались все его военные ресурсы, чтобы распоряжаться ими. Просто для безопасного содержания заложников лучше было бы охранять и обращаться с ними с еще большими церемониями в городе или крепости. Но Александр, вероятно, хотел иметь их рядом с собой на случай возможных серьезных неудач, постигших его армию на восточном берегу Тигра. Если бы такое несчастье случилось, то их сдача могла бы обеспечить безопасное отступление при обстоятельствах, которые в противном случае были бы фатальными для его осуществления.

Убедившись, что Александр не удовлетворится ни одним призом, кроме всей Персидской империи, Дарий собрал все свои силы, чтобы защитить то, что он еще сохранил. Он собрал войско, которое, как говорят, превосходило по численности то, которое было разбито при Иссе.[368] Отряды прибыли с самых дальних пределов огромной персидской территории - с Каспийского моря, рек Оксус и Инд, Персидского залива и Красного моря. Равнины к востоку от Тигра, примерно на широте современного города Мосул, между этой рекой и Гордиенскими горами (Загрос), были выбраны для сбора этой огромной толпы; частично их вел сам Дарий из Вавилона, частично они прибывали туда разными путями с севера, востока и юга. Арбела - значительный город в двадцати милях к востоку от реки Большой Заб, до сих пор известный под названием Эрбиль, как караванная станция на обычной дороге между Эрзерумом и Багдадом - была определена как место сбора или штаб-квартира, где были собраны основные запасы и размещен тяжелый багаж, и возле которой войска были сначала собраны и проведены учения[369].

Но местом, предопределенным для битвы, были окрестности Гавгамелы у реки Бумодус, примерно в тридцати милях к западу от Арбелы, по направлению к Тигру, и примерно столько же к юго-востоку от Мосула - просторная и ровная равнина, с несколькими волнистыми склонами и без единого дерева. По своей природе она была хорошо приспособлена для размещения многочисленной армии, особенно для свободных маневров конницы и

стремительного бега косых колесниц; кроме того, персидские офицеры заранее позаботились о том, чтобы искусственно выровнять те склоны, которые им показались неудобными.[370] Казалось, все благоприятствовало тому, чтобы Дарий оперировал как огромными общими, так и специальными силами; он полагал, что его поражение при Иссе было вызвано исключительно его авантюрой в узких дефиле Киликии, и что на открытой и ровной местности его превосходство в численности должно восторжествовать. Он даже опасался, что Александр придет и нападет на него на равнине. Поэтому проход через Тигр остался незащищенным.

Тем, кто смотрел только на численность, воинство, собранное в Арбеле, вполне могло внушить доверие; ведь оно, как говорят, состояло из 1 000 000 пехоты[371], 40 000 конницы, 200 косых колесниц и пятнадцати слонов; об этих животных мы впервые читаем на поле боя. Но помимо численности, Дарий снабдил свои войска более эффективным оружием: вместо простых копий - сильные мечи и короткие пики, которыми македонская кавалерия так прекрасно владела в ближнем бою, а также щиты для пехоты и нагрудные пластины для всадников.[372] Он также очень рассчитывал на потрясающую мощь колесниц, каждая из которых имела шест, выступающий перед лошадьми и заканчивающийся острием, а также три меча-лезвия, тянущиеся от ярма с каждой стороны, и косы, выходящие по бокам из нефов колес[373].

Узнав о приближении Александра, примерно в то время, когда македонская армия впервые достигла Тигра, Дарий двинулся из Арбелы, где остались его багаж и сокровища, пересек по мостам реку Ликус или Великий Заб, что заняло пять дней, и выступил в поход, чтобы занять позицию на подготовленной земле у Гавгамелы. Его боевой порядок был сформирован из бактрийцев на крайнем левом фланге под командованием Бесса, сатрапа Бактрии; далее - дахи и арахоты под командованием Барсаентеса, сатрапа Арахозии; затем местные персы, конные и пешие, сусийцы под командованием Оксатреса и кадусийцы. Крайними справа были войска Сирии к востоку и западу от Евфрата под командованием Мазея, затем медяне под командованием Атропата, далее парфяне, саки, тапирийцы и гирканийцы, вся конница под командованием Фрата фернов, затем албанцы и саксы. Сам Дарий находился в центре, рядом с ним и вокруг него стояли отборные войска армии: персидская отборная конная гвардия, называемая царскими родственниками; персидская пешая гвардия, носившая пики с золотым яблоком на конце; полк карийцев, или потомков карийцев, которые были оторваны от своих домов и поселены в качестве колонистов во внутренних районах империи; контингент мардов, хороших лучников; и, наконец, наемные греки, число которых неизвестно, и на которых Дарий возлагал наибольшее доверие.

Такова была первая или главная линия персов. В тылу ее стояли глубокие массы вавилонян, жителей Ситтаки вплоть до Персидского залива, уксийцев, с территории, примыкающей к Сузиане на востоке, и других неизвестных людей. Перед ним стояли косые колесницы с небольшими передовыми отрядами конницы - скифы и бактрийцы слева с сотней колесниц, армяне и каппадокийцы справа с еще пятьюдесятью, а остальные пятьдесят колесниц - перед центром[374].

Александр продвинулся примерно на семь миль от персидской армии и прошел четыре дня марша с момента переправы через Тигр, когда впервые узнал от персидских пленных, насколько близко находятся его враги. Он сразу же остановился, разбил на этом месте лагерь со рвом и крепостью и оставался там четыре дня, чтобы солдаты могли отдохнуть. В ночь на четвертый день он двинулся вперед, оставив в лагере под охраной багаж, пленных и неэффективных солдат. Он начал свой марш, преодолевая невысокие возвышенности, которые отделяли его от врага, надеясь подойти и атаковать его на рассвете. Но его

продвижение было настолько замедлено, что наступил день, и обе армии впервые появились в поле зрения, когда он все еще находился на спуске, на расстоянии более трех миль. Увидев врага, он остановился и созвал своих главных офицеров, чтобы посоветоваться, не следует ли ему продолжить марш и начать атаку немедленно. [375\]](#) Хотя большинство из них высказались за утвердительный ответ, Парменио утверждал, что такой ход был бы опрометчивым; что земля перед ними со всеми ее трудностями, естественными или искусственными, была неизвестна, и что позицию врага, которую они теперь видели впервые, следует тщательно разведать. Приняв это последнее мнение, Александр остановился на день, но сохранил боевой порядок и сформировал новый укрепленный лагерь, в который теперь перевезли багаж и пленных из лагеря предыдущего дня. [376\]](#) Сам он провел день с эскортом конницы и легких войск в разведке промежуточной местности и противника, который не прерывал его, несмотря на огромное превосходство в кавалерии. Парменио, вместе с Полисперхоном и другими, посоветовал ему напасть на врага ночью; это сулило некоторые преимущества, поскольку персидские армии, как известно, ночью неуправляемы [\[377\]](#), а их лагерь не имеет защиты. Но, с другой стороны, этот план таил в себе столько недостатков и опасностей, что Александр отверг его, заявив - с нарочито усиленным акцентом, поскольку он говорил в присутствии многих других, - что ему претит подлость кражи победы; что он и победит, и сможет победить Дария честно и при свете дня. [378\]](#) Обратившись затем к своим офицерам с несколькими краткими ободрениями, которые встретили восторженный отклик, он отпустил их на вечернюю трапезу и отдых.

На следующее утро он выстроил свою армию, состоявшую из 40 000 пеших и 7000 конных, в две линии. [379](#) Первая, или главная, линия состояла справа из восьми эскадронов компаньонской кавалерии, каждый со своим капитаном, но все под командованием Филотаса, сына Парменио. Далее (справа налево) следовала Агема, или отборный отряд гипаспистов, затем остальные гипасписты под командованием Никанора, затем фаланга, называемая так правильно, разделенная на шесть подразделений под командованием Кена, Пердиккаса, Мелеагра, Полисперхона, Симмия и Кратера соответственно. [\[380\]](#) Далее слева от фаланги расположилась союзная греческая конница, локрийцы и фокийцы, фтиоты, малийцы и пелопоннесцы; за ними, крайними слева, шли фессалийцы под командованием Филиппа - одна из лучших конниц в армии, едва ли уступавшая македонским товарищам. Как и в двух предыдущих сражениях, Александр сам принял командование правой половиной армии, доверив левую Пармениону.

За этой главной линией был размещен второй или резервный корпус, предназначенный для защиты от атак с флангов и тыла, которые превосходящая численность персов делала вероятными. Для этой цели Александр выделил: справа - легкую кавалерию, или лансеров, - пеонийцев под командованием Арета и Аристо, половину агрианцев под командованием Аттала, македонских лучников под командованием Бриссона и наемников старой службы под командованием Клеандра; слева - различные части фракийской и союзной кавалерии под командованием отдельных офицеров. Все эти различные полки были готовы отразить атаку во фланг или в тыл. Перед главной линией находились несколько передовых эскадронов конницы и легких войск - греческая конница под командованием Менидаса справа и Андромаха слева, бригада дартеров под командованием Балакруса, а также агрианские дартеры и несколько человек с луками. Наконец, фракийская пехота была оставлена для охраны лагеря и багажа [\[381\]](#).

Предупрежденный дезертиром, Александр избегал мест, где были расставлены железные шипы, чтобы нанести урон македонской коннице [\[382\]](#). Сам он, во главе царского эскадрона, крайний справа, вел поход наискосок в этом направлении, держась справа несколько

впереди. Приблизившись к противнику, он увидел самого Дария с персидским левым центром, непосредственно противостоящим ему - персидской гвардией, индийцами, албанцами и карийцами. Александр продолжал склоняться вправо, а Дарий растягивал свой фронт влево, чтобы противодействовать этому движению, но при этом сильно обходил македонцев слева. Александр зашел так далеко вправо, что оказался почти за пределами площадки, выровненной Дарием для движения его колесниц впереди. Чтобы пресечь дальнейшее движение в этом направлении, 1000 конных бактрийцев и скифы, находившиеся перед персидским левым флангом, получили приказ обойти его и атаковать македонский правый фланг. Александр выделил против них свой полк конницы под командованием Менидаса, и так начались действия[383].

Бактрийские конники, заметив продвижение Менидаса, свернули со своего кругового движения, чтобы атаковать его, и поначалу оттесняли его назад, пока его не поддерживали другие передовые отряды - пеонийцы и греческая конница. Бактрийцы, потерпевшие поражение в своем повороте, были поддержаны сатрапом Бессом с основной массой бактрийцев и скифов в левой части линии Дария. В течение некоторого времени здесь происходило ожесточенное сражение с некоторыми потерями для греков, которые, однако, в конце концов, более компактным порядком против врагов, чей бой был сломанным и беспорядочным, сумели вытеснить их с их места в линии и таким образом проделать в ней частичный пролом[384].

Пока продолжался этот конфликт, Дарий приказал своим косым колесницам атаковать, а своей главной линии следовать за ними, рассчитывая на беспорядок, который, как он ожидал, они вызовут. Но колесницы оказались малопригодны. Македонские лучники и дартеры, находившиеся впереди, пугали, сдерживали или ранили лошадей; они даже находили средства, чтобы захватить поводья, свалить погонщиков и убить лошадей. Из ста колесниц, находившихся впереди Дария и предназначенных для того, чтобы сбить ряды македонян одновременным натиском по всей линии, многие были полностью остановлены или выведены из строя; некоторые развернулись, так как лошади отказались встретить пики или были напуганы шумом ударов пики и щита; некоторые, достигшие линии македонян, были пропущены без вреда для солдат, открывших свои ряды; несколько только нанесли раны или повреждения[385].

Как только колесницы были расставлены таким образом, а персидские главные силы открыто наступали позади них, Александр отдал приказ войскам своей главной линии, которые до сих пор хранили полное молчание, [386] поднять боевой клич и атаковать в быстром темпе; в то же время он направил Арета с пеонийцами для отражения нападения на его правом фланге. Сам же он, прекратив косое движение вправо, повернулся к персидской линии и во главе всей кавалерии компаньонов бросился в тот частичный проем в ней, который образовался в результате флангового движения бактрийцев. Пробравшись через это отверстие частично внутрь строя, он устремился прямо к Дарию; его конница вступила в самый ближний рукопашный бой, упираясь своими короткими пиками в лица персов. Здесь, как и в при Гранике, последние были сбиты с толку таким способом ведения боя - они привыкли полагаться на использование ракет, с быстрым колесованием коня для повторной атаки.[387] Они не смогли помешать Александру и его коннице овладеть землей и приблизиться к Дарию; в то же время македонская фаланга впереди, с ее компактным строем и длинными пиками, давила на персидскую линию против нее. В течение короткого промежутка времени бой здесь был тесным и упорным; он мог бы быть гораздо более продолжительным, поскольку здесь были размещены лучшие войска армии Дария - греки, карийцы, персидские гвардейцы, царские родственники и т. д., - если бы мужество царя

было равно мужеству его солдат. Но здесь, что еще хуже, чем при Иссе, бегство армии началось с самого Дария. Кир Младший рекомендовал, атакая на армию своего брата Артаксеркса в Кунаксе, направить главный удар туда, где находился его брат, поскольку хорошо знал, что победа там - победа везде. Уже однажды успешно применив эту схему при Иссе, Александр повторил ее с еще большим успехом при Арбеле. Дарий, который уже давно пребывал в страхе, с тех пор как впервые увидел грозного врага на соседних холмах, еще больше встревожился, когда увидел, что косые колесницы оказались неудачными, и когда македоняне, внезапно нарушив абсолютную тишину всеобщим воинственным кличем, подошли вплотную к его войскам, прижавшись к видневшейся колеснице, на которой он стоял, и угрожая ей.[388] Зрелище и слух этого страшного *побоища*, в сочетании с престижем, который уже был связан с именем Александра, полностью уничтожили мужество и самообладание Дария. Он приказал развернуть свою колесницу и сам подал пример бегства[389].

С этого момента битва, хотя и длившаяся столь короткое время, была непоправимо проиграна. Бегство царя, за которым, разумеется, немедленно последовало бегство его многочисленных приближенных, внесло смятение во все его войска, не оставив им ни центра управления, ни вождя, за которого можно было бы сражаться. Лучшие воины его армии, находившиеся в непосредственной близости от него, при таких обстоятельствах первыми сдались. Яростному наступлению Александра со спутниками-кавалерией и неослабевающему напору фаланги впереди препятствовала лишь масса беспорядочных беглецов. В это же время Арет со своими пеонийцами разбил бактрийцев на правом фланге,[390] так что Александр получил возможность преследовать разгромленное главное тело, что он и сделал самым энергичным образом. Говорят, что облако пыли, поднятое плотной толпой, было настолько густым, что ничего не было видно, и преследователи не могли различить след, проложенный самим Дарием. В этой темноте крики и шум со всех сторон были еще более впечатляющими, особенно звук кнутов возниц, подгонявших своих лошадей на полном скаку.[391] Только пыль спасла Дария от настижения преследующей кавалерией.

В то время как Александр добился полного успеха справа и в центре, слева от него под командованием Парменио ситуация была иной. Мазей, командовавший персами справа, пустив в ход свои косые колесницы (которые, возможно, нанесли больший урон, чем те, что были пущены персами слева, хотя у нас нет прямых сведений о них), затем энергично атаковал греческих и фессалийских коней впереди, а также послал отряд конницы, чтобы атаковать их на левом фланге. [392] Здесь битва была упорной, и успех некоторое время был сомнительным. Даже после бегства Дария Парменио оказался настолько подавлен, что отправил послание Александру. Александр, хотя и испытывал досаду от того, что отказался от преследования, проверил свои войска и вернул их на помощь своим левым, кратчайшим путем через поле боя. Две левые дивизии фаланги, под командованием Симмия и Кратера, уже остановились в преследовании, получив сообщение от Пармениона; остальные четыре дивизии должны были следовать за передовым отрядом Александра.[393] Таким образом, в середине фаланги образовался разрыв между четырьмя правыми и двумя левыми дивизиями; в этот разрыв бросилась бригада индийской и персидской конницы, которая галопом пронеслась через середину македонской линии, чтобы зайти в тыл и атаковать багаж.[394] Сначала это движение было успешным, охрана оказалась неподготовленной, и персидские пленники сразу же поднялись, чтобы освободиться; хотя Сисигамбис, которого эти пленники очень хотели освободить, отказался принять их помощь, либо из недоверия к их силе, либо из благодарности за хорошее обращение, полученное от Александра.[395] Но пока эти нападавшие занимались разграблением багажа, на них с тыла напали войска,

составлявшие вторую македонскую линию, которые, хотя сначала и были захвачены врасплох, теперь успели развернуться и добраться до лагеря. Многие из персидской бригады были убиты, остальные бежали, кто как мог[396].

Мазей в течение некоторого времени сохранял честное равенство на своей стороне битвы даже после бегства Дария. Но когда к парализующему действию этого факта добавилось зрелище его катастрофических последствий для левой половины персидской армии, ни он сам, ни его солдаты не могли с неослабевающей энергией продолжать бесполезный бой. Фессалийские и греческие конники, напротив, воодушевленные удачным поворотом судьбы, с удвоенной энергией наседали на врагов и в конце концов обратили их в бегство; так что Парменион стал победителем на своей собственной стороне и со своими собственными силами еще до того, как к нему подошли прислужники Александра[397].

Провожая их, Александр, возвращаясь после преследования, пересек все поле боя и встретился лицом к лицу с лучшей персидской и парфянской конницей, которая отступала одной из последних. Битва была уже проиграна, и они стремились только к бегству. Поскольку они не могли повернуть назад, и у них не было шансов спасти свою жизнь, кроме как пробившись через кавалерию его соратников, бой здесь был отчаянным и мучительным; все в тесном кругу, с обеих сторон, вопреки персидскому обычаю, рубили и кололи ручным оружием. Шестьдесят человек из македонской конницы были убиты, еще большее число, включая Гефестиона, Кена и Менидаса, были ранены, а сам Александр подвергся большой личной опасности. Говорят, что он одержал победу, но, вероятно, большинство этих храбрецов пробились и спаслись, хотя и оставили на поле боя многих из своего числа[398].

Соединившись со своим левым отрядом и убедившись, что он не только вне опасности, но и победил, Александр возобновил преследование бегущих персов, в котором теперь участвовал и Парменион.[399] Войско Дария представляло собой лишь множество беспорядочных беглецов, конных и пеших, перемешанных между собой. Большая часть из них не принимала участия в битве. Здесь, как и при Иссе, они толпились неподвижными и бесполезными массами, готовые подхватить заразу ужаса и пополнить число беглецов, как только сравнительно небольшая часть настоящих бойцов на фронте будет побита. Возобновив преследование, Александр устремился вперед с такой быстротой, что множество беглецов было убито или взято в плен, особенно при переправе через реку Ликус,[400] где он был вынужден остановиться на некоторое время, так как его люди и их лошади были измотаны. В полночь он снова двинулся вперед с конницей, которая могла следовать за ним, к Арбеле, надеясь захватить человека Дария. В этом его постигло разочарование, хотя он достиг Арбелы на следующий день. Дарий просто прошел через нее, оставив необороняемый город с луком, щитом, колесницей, большой сокровищницей и богатым снаряжением в качестве добычи для победителя. Парменион также без сопротивления занял персидский лагерь неподалеку от места сражения, захватив поклажу, верблюдов и слонов[401].

Назвать что-либо похожее на положительное число убитых или пленных невозможно. Согласно Арриану, 300 000 персов было убито, а еще больше взято в плен. Диодор считает, что убитых было 90 000, Курций - 40 000. Убитых македонцев, по Арриану, было не более 100, по Курцию - 300: Диодор считает, что убитых было 500, кроме того, было много раненых.[402] Оценка Арриана, очевидно, слишком велика с одной стороны и слишком мала с другой; но какова бы ни была численная правда, несомненно, что огромная армия Дария была вся либо убита, либо взята, либо рассеяна в битве при Арбекле. Ни одна попытка сформировать последующую армию не увенчалась успехом; мы не знаем ничего сильнее дивизий или отрядов. Разнородные контингенты этой некогда могущественной империи, по крайней мере

те из них, кто остался в живых, разошлись по своим домам и никогда больше не могли быть собраны в единую массу.

Поражение при Арбеле фактически стало смертельным ударом для Персидской империи. Оно превратило Александра в Великого Царя, а Дария - не более чем в беглого претендента. Среди всех причин поражения - как здесь, так и при Иссе - наиболее заметной и неоспоримой была трусость самого Дария. При царе, не обладающем не только полководческими, но даже рядовыми достоинствами, который, тем не менее, настаивал на том, чтобы командовать лично, не могло произойти ничего, кроме гибели. Тем храбрым персам, которых он увлек за собой и которые знали реальные факты, он должен был казаться предателем империи. Нам придется вспомнить об этом настроении, когда мы будем описывать заговор, организованный бактрийским сатрапом Бессом. Тем не менее, даже если бы Дарий вел себя с безупречным мужеством, мало оснований полагать, что поражение при Арбеле, а тем более при Иссе, можно было бы обратить в победу. Безмерная численность, даже в сравнении с безмерным пространством, не имела смысла без умения и храбрости полководца. Три четверти персидской армии были просто зрителями, которые ничего не делали и не производили абсолютно никакого эффекта. Фланговое движение против правого фланга Александра, вместо того чтобы быть предпринятым каким-то незанятым подразделением, было осуществлено таким образом, чтобы отвлечь войска Бактрии от их места в передней линии, и таким образом создать фатальный разрыв, которым Александр воспользовался для своего грозного удара впереди. Несмотря на широкое пространство, которого не хватало при Иссе, атаки персов на фланги и тылы Александра были слабыми и неэффективными. В конце концов, Дарий полагался в основном на свою переднюю линию боя, усиленную косыми колесницами; последняя оказалась невыгодной, оставалось только прямое столкновение, где и находилась сильная сторона македонцев.

С другой стороны, насколько мы можем проследить диспозицию Александра, она представляется самым ярким примером военного гения и умного сочетания, зафиксированным в древности. Он действительно располагал такими же большими силами, как и его враги, потому что каждая рота в его армии была задействована либо в реальном бою, либо в резерве на случай определенных и разумных обстоятельств. Все его успехи, и этот больше всех, были справедливо заслужены его собственным гением и неутомимыми усилиями в сочетании с восхитительной организацией его армии. Но его удача была не менее заметна, чем постоянные промахи его врагов. За исключением короткого периода командования Мемнона, персидский царь не проявлял ничего, кроме невежественного безрассудства, чередующегося с позорной апатией; не обращая внимания на свою огромную реальную силу сопротивления в деталях, удерживая свои сокровища, чтобы они стали добычей победителя, страдая от городов, которые стойко держались, чтобы погибнуть без поддержки, и подвергая всю судьбу империи в двух последовательных случаях той самой опасности, которую Александр больше всего желал.

Решающий характер победы сразу же проявился в сдаче двух великих столиц Персидской империи - Вавилон и Суз. В Вавилон Александр отправился лично; в Сузы он послал Филоксена. Когда он приблизился к Вавилону, сатрап Мазей встретил его с ключами от города; Багофан, сборщик податей, украсил походную дорогу алтарями, жертвоприношениями и разбросанными цветами; а все вавилонское население и их халдейские жрецы толпами высыпали на улицу с приветствиями и подарками. Сузы были отданы Филоксену с той же готовностью, что и Вавилон Александру.^[403] Сумма сокровищ, приобретенных в Вавилоне, была велика: достаточно, чтобы обеспечить большое пожертвование войскам - 600 драхм на человека для македонской конницы, 500 для

иностранной конницы, 200 для македонской пехоты, и немного меньше для иностранной пехоты.[404] Но сокровища, найденные и присвоенные в Сузах, были еще больше. Оно оценивается в 50 000 талантов[405] (= около 11 500 000 фунтов стерлингов) - сумма, которую мы могли бы счесть невероятной, если бы не обнаружили, что она значительно превышает то, что впоследствии сообщалось о сокровищах в Персеполисе. Говорят, что четыре пятых этих сусийских сокровищ составляли неочищенное золото и серебро, а остальное - золотые дарилки[406], нетронутые накопления нескольких предыдущих царей, которые берегли их на случай непредвиденных обстоятельств. Умеренная часть этого огромного богатства, использованная Дарием тремя годами ранее для стимулирования деятельности своего флота, субсидирования способных греческих офицеров и организации антимакедонского сопротивления, сохранила бы и его жизнь, и его корону.

Александр более тридцати дней давал отдых своим войскам среди роскошных удовольствий Вавилона. Он удовлетворил чувства населения и халдейских жрецов торжественными жертвоприношениями Белусу, а также распорядился восстановить храм этого бога и другие храмы, разрушенные в предыдущем веке Ксерксом. 407] Рассматривая Персидскую империю как уже состоявшееся завоевание, он назначил различных сатрапов. Он утвердил перса Мазея в сатрапии Вавилона, но поставил вместе с ним двух греков в качестве помощников и гарантов - Аполлодора из Амфиполя в качестве командующего военными силами и Асклепиодора в качестве сборщика доходов. Он наградил персидского предателя Митрина, сдавшего при его приближении сильную цитадель Сарды, сатрапией Армении. В Сирию и Феникию он назначил Менеса, который взял с собой 3000 талантов, чтобы передать их Антипатру для сбора новых войск против лакедемонян в Пелопоннесе.[408] Поход Александра из Вавилона в Сузы занял двадцать дней; это был легкий путь по обильно снабженной стране. В Сузах к нему присоединился Аминтас, сын Андромена, с большим подкреплением из 15 000 человек - македонцев, греков и фракийцев. Здесь были и конница, и пехота, и, что не менее примечательно, пятьдесят македонских юношей из знатных семей, просивших о зачислении в стреноженный корпус Александра.[409] Принятие этих новоприбывших в армию дало ему возможность переделать по нескольким пунктам организацию своих различных подразделений, как малых, так и больших[410].

После некоторой задержки в Сузах и утверждения персидских абулитов, сдавших город, в своей сатрапии, но не без двух греческих офицеров в качестве гарантов, один из которых командовал военными силами, а другой был губернатором цитадели, Александр переправился через реку Эвлей или Паситигрис и направил свой марш на юго-восток к самому Персису, древнему очагу или первобытному месту, откуда вышли первоначальные персидские завоеватели.[411] Между Сузами и Персисом лежала горная местность, занятая уксийцами - грубыми, но воинственными пастухами, которым сам Великий Царь всегда был вынужден платить дань, когда шел из Суз в Персеполь, будучи не в состоянии со своей неэффективной военной организацией преодолеть трудности такого перевала, удерживаемого врагом. Теперь уксии потребовали подобной дани от Александра, который ответил им приглашением встретиться с ним на перевале и получить ее. Тем временем ему стал известен новый, мало посещаемый горный путь, по которому он лично провел отряд войск так быстро и скрытно, что застал горцев врасплох в их собственных селениях. Таким образом, он не только открыл обычный горный проход для транзита своей главной армии, но и так изрезал и унизил уксийцев, что они были вынуждены просить о помиловании. Александр поначалу был настроен истребить или изгнать их, но в конце концов, по просьбе пленного Сисигамбиса, разрешил им остаться в качестве подданных сатрапа Суз, обложив данью в виде овец, лошадей и скота - единственной выплаты, которую позволяла их бедность[412].

Но как ни плох был Уксийский перевал, оставался еще один, еще хуже, называемый Сузскими или Персидскими воротами,[413] в горах, которые окружали равнину Персеполиса, центра Персиды. Ариобарзанес, сатрап провинции, удерживал этот проход; узкое дефиле, обнесенное стеной, с горными позициями по обе стороны, откуда защитники, будучи сами недосыгаемыми, могли обрушить ракеты на приближающегося врага. После четырех дней марша Александр на пятый день достиг Сусийских ворот, которые, как казалось, были несокрушимы, он атаковал на следующее утро. Однако, несмотря на все мужество своих солдат, он понес потери, не нанеся ущерба противнику, и был вынужден вернуться в свой лагерь. Ему сообщили, что другого пути, по которому можно было бы свернуть с этого трудного перевала, нет, но есть многодневный кружной марш, по которому его можно обойти и найти другой вход на равнину Персеполя. Отказаться от какого-либо предприятия, как от неосуществимого, было унижением, которого Александр еще никогда не переносил. После дальнейших расспросов ликийский пленник, много лет пасший овец в качестве раба в горах, сообщил ему о существовании известного только ему пути, по которому он может выйти на фланг Ариобарзана. Оставив Кратера командовать лагерем с приказом атаковать перевал впереди, как только он услышит сигнал трубы, Александр отправился в путь ночью во главе легкого отряда под руководством ликийца. Ему пришлось преодолевать невероятные трудности и сложности, тем более что была середина зимы, и горы были покрыты снегом; однако усилия его воинов и быстрота передвижения были таковы, что он застал врасплох все персидские заставы и настиг Ариобарзанеса совершенно неподготовленным. Войска сатрапа, атакованные одновременно Кратером, были вынуждены оставить ворота и большей частью разбиты на куски. Многие погибли в бегстве среди скал и обрывов; сам сатрап был одним из немногих, кому удалось спастись[414].

Хотя цитадель Персеполиса описывается как одна из сильнейших крепостей,[415] однако после этого неожиданного завоевания прохода, который до сих пор считался неприступным, мало кто отваживался думать о том, чтобы удержать его против Александра. Тем не менее Ариобарзанес, поспешив туда с завоеванного перевала, все еще пытался организовать оборону и по крайней мере унести царские сокровища, которые некоторые жители города уже готовились разграбить. Но Тиридат, командующий гарнизоном, опасаясь гнева завоевателя, воспротивился этому и отправил послание, в котором просил Александра поторопиться с походом. Александр во главе своей конницы отправился в путь с максимальной скоростью и прибыл вовремя, чтобы задержать и присвоить все. Ариобарзанес, тщетно пытавшийся сопротивляться, был убит вместе со всеми своими спутниками. Персеполис и Пасаргада - две своеобразные столицы персов, последняя из которых памятна тем, что в ней находится усыпальница Кира Великого, - обе попали в руки завоевателя[416].

При подходе к Персеполису сострадание армии было сильно тронуто видом около 800 греческих пленников, все они были изуродованы каким-то страшным и ужасающим образом, лишившись ног, рук, глаз, ушей или каких-то других частей тела. В ту эпоху калечение было обычным наказанием, которому подвергались восточные правители, даже те, кого не считали жестокими. Так, Ксенофонт, восхваляя суровую справедливость Кира Младшего, отмечает, что на общественных дорогах его сатрапии часто можно было увидеть людей, лишенных рук или ног или изуродованных иным способом по решению карательной власти.[417] Многие из этих искалеченных пленников в Персеполисе были старыми и прожили в своем плачевном состоянии много лет. Они были привезены из различных греческих городов по приказу одного из предыдущих персидских царей; но под каким предлогом с ними так жестоко обошлись, нам не известно. Александр, тронутый до слез таким зрелищем, предложил вернуть их в родные места, обеспечив на будущее комфортное

существование. Но большинству из них было так стыдно возвращаться в свои дома, что они просили разрешить им остаться всем вместе в Персиде, с выделенными им землями и с зависимыми от них земледельцами, которые будут выращивать для них урожай. Александр удовлетворил их просьбу в полной мере, выделив, кроме того, каждому из них достаточное количество денег, одежды и скота[418].

Вид этих изувеченных греков был вполне рассчитан на то, чтобы возбудить в сердцах всех зрителей не только сочувствие к ним, но и ярость против персов. Александр воспользовался этой возможностью, чтобы не только насытить гнев и скупость своих солдат, но и проявить себя в самозваном образе мстителя Греции за персов, чтобы наказать обидчиков, нанесенных Ксерксом за полтора века до этого. Теперь он находился среди родных племен и мест обитания персов, потомков тех грубых воинов, которые под предводительством первого Кира пронеслись по Западной Азии от Инда до Эгейского моря. В этом доме персидские цари собрали свои национальные сооружения, царские усыпальницы, надписи, напоминающие о религиозных или легендарных чувствах, а также множество трофеев и приобретений, полученных в результате завоеваний. Для целей империи Великого Царя Вавилон, Сузы или Экбатана были более центральными и удобными резиденциями, но Персеполис по-прежнему считался сердцем персидской национальности. Это был главный, хотя и не единственный, магазин тех ежегодных накоплений из императорских доходов, которые каждый царь последовательно увеличивал и которые, кажется, никто никогда не уменьшал. Более того, персидские вельможи и офицеры, занимавшие доходные сатрапии и должности в империи, постоянно отправляли богатства домой в Персис, для себя или своих родственников. Поэтому мы можем с полным основанием считать, что Персеполис обладал в это время большим богатством, государственным и частным, чем любое другое место в пределах греческой или македонской осведомленности"[419].

Создав своих главных офицеров, Александр объявил Персеполис самым враждебным из всех азиатских городов - домом нечестивых захватчиков Греции, на которых он пришел напасть. Он объявил о своем намерении бросить его на разграбление, а также сжечь цитадель. Он упорствовал в этом решении, несмотря на уговоры Парменио, который напомнил ему, что этот поступок нанесет ущерб ему самому, уничтожив его собственность, и что азиаты воспримут его как свидетельство намерения поскорее удалиться, не основывая в стране постоянного господства.[420] Присвоив царские сокровища - предположительно 120 000 талантов в золоте и серебре = 27 600 000 фунтов стерлингов[421] - Александр поджег цитадель. Из Месопотамии и других мест было послано множество мулов и 5000 верблюдов, чтобы вывезти эти огромные сокровища; все они были вывезены из самого Персида, частично для того, чтобы быть взятыми с самим Александром в его дальнейших походах, частично для того, чтобы быть размещенными в Сузах и Экбатане. Еще шесть тысяч талантов, найденных в Пасаргаде, были добавлены к добыче.[422] Лица и имущество жителей были брошены на произвол солдат, которые получили огромную добычу, не только золото и серебро, но и богатую одежду, мебель и показные украшения всех видов. Мужчины были убиты, а женщины угнаны в рабство, за исключением тех, кто спасся бегством или сгорел вместе со своим имуществом в собственных домах. Среди самих солдат происходило много злобных схваток за обладание ценными вещами, не обходившихся без кровопролития.[424] Как только их свирепость и корыстолюбие были удовлетворены, Александр прекратил резню. Его поощрение и санкционирование не было вспышкой преходящей ярости, вызванной неожиданным длительным сопротивлением, как, например, повешение 2000 тирийцев и волочение Батиса в Газе, а продуманным действием,

предназначенным отчасти как вознаграждение и удовлетворение для солдат, но в большей степени как впечатляющее проявление возмездия потомкам древних персидских захватчиков. В своих собственных письмах, которые видел Плутарх, Александр описывает расправу над коренными персами как отданный им приказ из соображений государственной политики[425].

Поскольку сейчас была зима или ранняя весна, он позволил своей основной армии отдохнуть месяц или больше в Персеполисе или его окрестностях. Сам же он во главе быстро движущейся дивизии прошел по внутренним районам Персии, завоевывая или приводя к покорности различные города и деревни.[426] Наибольшее сопротивление ему оказало грубое и воинственное племя марди; но хуже любого врага были суровость времени года и крайняя нищета замерзшей страны. Однако ни физические трудности, ни враги-люди не смогли остановить поход Александра. Он вернулся из своей экспедиции, полностью овладев Персидой, а весной покинул эту провинцию со всей своей армией, чтобы последовать за Дарием в Медию. Он оставил в Персеполисе только гарнизон из 3000 македонцев, сохранив за Тиридатом, сдавшим ему это место, титул сатрапа[427].

Дарий теперь был беглецом, с одним лишь титулом царя и с простым телохранителем, а не с армией. Покинув Арбелу после поражения, он направился в восточном направлении через горы в Медию, имея при себе лишь несколько сопровождающих и считая себя слишком счастливым, чтобы сохранить свою жизнь от неумолимого преследователя. [428] Он рассчитывал, что, перебравшись через горы, Александр оставит его на некоторое время без охраны и поспешит на юг, чтобы захватить великие и настоящие призы кампании - Вавилон, Сузы и Персеполис. О последних битвах этого злосчастного принца мы расскажем в другой главе.

ГЛАВА ХСIV. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ЗАВОЕВАНИЯ АЛЕКСАНДРА ПОСЛЕ ЗИМОВКИ В ПЕРСИДЕ И ДО ЕГО СМЕРТИ В ВАВИЛОНЕ.

С этого времени и до конца жизни Александра - период около семи лет - его время было потрачено на завоевание восточной половины Персидской империи вместе с различными независимыми племенами, лежащими за ее крайними границами. Но ни Грецию, ни Малую Азию, ни одно из своих предыдущих западных приобретений ему больше не суждено было увидеть.

Теперь, что касается истории Греции - предмета этих томов - первая часть азиатских походов Александра (от пересечения Геллеспонта до завоевания Персиды, период в четыре года, с марта 334 года до н. э. по март 330 года до н. э.), хотя и не имеет прямого отношения, все же имеет существенное значение. Завершив в первый год покорение эллинского мира, он в ходе последующих кампаний вобрал его как малую часть в огромную Персидскую империю, обновленную под его императорским скипетром. Он добился того же результата, к которому привело бы вторжение Ксеркса в Грецию, призванное за полтора столетия до этого присоединить Грецию к персидской монархии, вместо того чтобы потерпеть неудачу.[429] При одном только царе Македонии порабощение Греции никогда бы не стало полным, пока она могла получать помощь от местных персидских царей, которые были вполне пригодны в качестве противодействующей и опекающей силы, если бы они знали, как вести свою игру.

Но все надежды Греции на помощь извне угасли, когда Вавилон, Сузы и Персеполь стали подчиняться тому же правителю, что Пелла и Амфиполь, и этот правитель тоже был самым искусным полководцем и самым ненасытным агрессором своего века; с его именем был связан престиж успеха, почти сверхчеловеческого. Тем не менее, даже против такой подавляющей силы, некоторые из самых храбрых греков на родине пытались добиться освобождения мечом: мы увидим, как печально окончилась эта попытка.

Но хотя первые четыре года азиатской экспедиции Александра, в течение которых он завоевал западную половину Персидской империи, оказали важное влияние на состояние и судьбы греческих городов, его последние семь лет, к которым мы сейчас приступаем, занятые в основном завоеванием восточной половины, почти никак не затронули эти города. Потрясающие походы к рекам Джаксартес, Инд и Гифасис, которые пронесли его победоносные руки по столь широкому пространству Центральной Азии, не только ничего не добавили к его власти над греками, но даже отстранили его от всех дел с ними и поставили его почти вне их познания. Поэтому для историка Греции эти последние походы вряд ли могут считаться входящими в круг его вопросов. Они заслуживают того, чтобы о них рассказали, как о примерах военного мастерства и энергии, а также как иллюстрация характера самого прославленного полководца древности - того, кто, хотя и не был греком, стал господином всех греков. Но я не сочту нужным пересказывать их в подробностях, как битвы при Иссе и Арбеле.

С момента битвы при Арбеле до того момента, когда Александр приготовился оставить свой последний завоеванный город Персис, прошло около шести или семи месяцев. Все это время Дарий оставался в Экбатане,^[430] главном городе Мидии, питая надежду, что Александр, овладев тремя южными столицами и лучшей частью Персидской империи, достиг пресыщения и может оставить его без защиты на более бесплодном Востоке. Как только он узнал, что Александр движется к нему, он отправил свой гарем и багаж в Гирканию, на юго-восточную границу Каспийского моря. Сам он с небольшим отрядом последовал в том же направлении, захватив сокровища в городе (7000 талантов = 1 610 000 фунтов стерлингов), и прошел через Каспийские решетки на территорию Парфенона. Единственным шансом для него было бежать в Бактрию на восточной оконечности империи, разоряя страну на своем пути, чтобы задержать пур суров. Но этот шанс уменьшался с каждым днем из-за дезертирства среди его немногочисленных сторонников и злобного отвращения среди многих оставшихся^[431].

Через восемь дней после того, как Дарий покинул Экбатаны, Александр вошел в них. Сколько дней занял его поход из Персеполя, мы не можем сказать: сам по себе долгий, он был еще более затянут, отчасти из-за необходимости покорить горцев, называемых Парэтакени,^[432] отчасти из-за слухов, преувеличивавших силы персов в Экбатане и побуждавших его продвигаться с осторожностью и регулярным строем. Овладев Экбатаной - последней столичной крепостью персидских царей и их обычной резиденцией в летние месяцы, он остановился, чтобы дать отдых своим войскам и создать новый плацдарм для будущих действий на востоке. Он сделал Экбатану своим главным депо; поместив в цитадели, под присмотром Гарпалуса, казначея, с гарнизоном из 6000 или 7000 македонцев, накопленные сокровища своих прошлых завоеваний, из Суз и Персеполиса; сумма, как нам говорят, была огромной - 180 000 талантов = 41 400 000 фунтов стерлингов.^[433] Пармениону было поручено главное командование этим важным постом и военными силами, оставшимися в Мидии; сатрапом этой территории был назначен Оксодат, перс, заключенный Дарием в Сузах.^[434]

В Экбатанах к Александру присоединился свежий отряд из 6000 греческих наемников,[435] которые прошли из Киликии вглубь страны, вероятно, пересекая Евфрат и Тигр в тех же местах, что и сам Александр. Поэтому ему было легче уволить свою фессалийскую конницу и других греков, служивших в течение четырех лет азиатской войны и теперь пожелавших вернуться домой[436]. Он распределил между ними сумму в 2000 талантов в дополнение к их полному жалованью и отдал им стоимость их лошадей, которых они продали перед отъездом. Операции, которые он собирался начать против восточных территорий Персии, были направлены не против регулярных армий, а против летучих отрядов и отдельных туземных племен, полагавшихся в обороне главным образом на трудности, которые горы, пустыни, лишения или простое расстояние могли поставить на пути нападающего. Для этих целей ему требовалось все большее количество легких войск, и он был вынужден навязывать даже своей тяжеловооруженной кавалерии самые быстрые и утомительные марши, такие, которые никто, кроме его македонских соратников, не смог бы выполнить; кроме того, он был призван действовать меньше большими массами, а больше маленькими и разбитыми подразделениями. Поэтому он впервые создал регулярный таксис, или дивизию конных лучников[437].

Пробыв в Экбатане не дольше, чем было достаточно для этих новых мероприятий, Александр возобновил преследование Дария. Он надеялся добраться до Каспийских ворот, расположенных на северо-восточной оконечности Меди; этими воротами[438] назывался горный проход, или, скорее, многочасовая дорога, включающая несколько трудных перевалов, тянущаяся на восток вдоль южной стороны великого хребта Тавра в сторону Парфии. Вместе со своей кавалерией, легкими лошадьми, агрианами и лучниками - большая часть фаланги держалась так хорошо, как только могла - он двинулся к Рагесе, примерно в пятидесяти милях к северу от Каспийских ворот; этого города он достиг за одиннадцать дней, затратив столько сил, что многие люди, а также лошади были выведены из строя еще в пути. Но, несмотря на всю быстроту, он узнал, что Дарий уже прошел через Каспийские ворота. После пятидневного привала в Рагесе, необходимого для его армии, Александр миновал и их. Через день марша по другую сторону от них к нему присоединились два выдающихся перса, Багистан и Антибел, которые сообщили ему, что Дарий уже свергнут и ему грозит неминуемая гибель[439].

Заговорщиками были Бесс, сатрап Бактрии, Барсаентес, сатрап Дрангианы и Арахосии, и Набарзанес, генерал царской гвардии. Небольшие силы Дария поредели из-за ежедневного дезертирства, большинство оставшихся составляли контингенты еще не завоеванных территорий - Бактрии, Арахосии и Дрангианы - под командованием соответствующих сатрапов. Греческие наемники в количестве 1500 человек и Артабаз с отрядом под его особым командованием твердо придерживались Дария, но солдаты Восточной Азии следовали за своими сатрапами. Бесс и его коллеги намеревались заключить мир с Александром, выдав Дария, если Александр будет преследовать их так энергично, что не оставит им надежды на спасение; но если им удастся получить время, чтобы добраться до Бактрии и Согдианы, они решили организовать энергичное сопротивление под своим общим командованием для защиты этих восточных провинций - самого воинственного населения империи .[440] При отчаянных обстоятельствах дела этот план был, пожалуй, наименее бесперспективным из всех, которые можно было предложить. Шансы противостоять Александру, и без того небольшие, превратились в ничто под командованием Дария, который дважды подавал пример бегства с поля боя, предавая и друзей, и империю, даже когда был окружен всей мощью Персии. Для храбрых и энергичных персов, если только они не были готовы сразу подчиниться захватчику, не оставалось иного выбора, кроме как отстранить Дария; не похоже, что заговорщики изначально планировали что-то худшее. В

деревне под названием Тара в Парфии они заковали его в золотые цепи, посадили в крытую колесницу, окруженную бактрийскими войсками, и повезли дальше, отступая так быстро, как только могли; командование принял на себя Бесс. Артабаз с греческими наемниками, слишком слабыми, чтобы помешать этому, с отвращением покинул армию и укрылся в горах Тапури, граничащих с Гирканией в направлении Каспийского моря[441].

Получив эти сведения, Александр напряг все силы, чтобы догнать беглецов и овладеть личностью Дария. Во главе своей кавалерии, легкой конницы и пехоты, отобранной за их силу и активность, он выступил в поход, не имея ничего, кроме оружия и двухдневного провианта на каждого человека; оставив Кратеруса, чтобы тот вел основное тело более легкими путями. Вынужденный марш в течение двух ночей и одного дня, прерываемый лишь коротким полуденным отдыхом (был уже июль), привел его на рассвете в персидский лагерь, который покинул его осведомитель Багистан. Но Бесс со своим войском уже был за его пределами, значительно продвинувшись своим бегстве; Александр, несмотря на изнеможение людей и лошадей, с нарастающей скоростью пронесся через всю ночь до полудня следующего дня. Он оказался в деревне, где Бесс расположился в предыдущий день. Узнав от дезертиров, что его враги решили ускорить свое отступление ночными маршами, он отчаялся догнать их, если только не найдет какой-нибудь более короткий путь. Ему сообщили, что есть и другая, более короткая, но ведущая через безводную пустыню. Отправившись по этой дороге поздно вечером со своей кавалерией, он преодолел за ночь не менее сорока пяти миль, чтобы на следующее утро застать Бессу совершенно врасплох. Персы, шедшие в беспорядке, без оружия и не ожидавшие появления врага, были так поражены внезапным появлением своего неутомимого завоевателя, что рассеялись и бежали, не пытаясь сопротивляться. В этот критический момент Бесс и Варсаентес убеждали Дария покинуть колесницу, сесть на коня и сопровождать их в бегстве. Но он отказался подчиниться. Они решили, что он не должен попасть живым в руки Александра, и тогда его имя будет использовано против них и значительно уменьшит их шансы на защиту восточных провинций; кроме того, они были разгневаны его отказом и прониклись чувством ненависти и презрения, которое они с удовольствием привели в исполнение. Бросив в него копья, они оставили его смертельно раненым, а затем продолжили бегство.[442] Его колесница, не отличавшаяся никакими приметами и не известная даже самим персидским солдатам, некоторое время оставалась незамеченной преследователями. В конце концов македонский солдат по имени Полистрат нашел его умирающим и, как говорят, получил его последние слова; в них он выражал благодарность Александру за доброе обращение с его пленными родственниками и удовлетворение тем, что персидский трон, потерянный для него самого, вот-вот перейдет к столь великодушному завоевателю. По крайней мере, можно с уверенностью сказать, что он так и не дождался встречи с самим Александром[443].

Александр совершал невероятные и неутомимые марши в течение последних четырех дней, не без потерь для многих людей и лошадей, с явной целью взять Дария живым. Его тщеславию было бы приятно выставить великого царя беспомощным пленником, спасенным от собственных слуг мечом врага, и пощадить его, чтобы он занял какое-нибудь подчиненное место в знак показного снисхождения. Кроме того, помимо подобных чувств, захват личности Дария был бы действительно выгодным делом, с помощью имени которого Александр смог бы подавить всякое дальнейшее сопротивление в обширных и малоизвестных областях к востоку от Каспийских ворот. Сатрапы этих областей теперь отправились туда со свободными руками, чтобы разжечь как можно больше азиатских настроений и собрать как можно больше сил против македонского завоевателя, который был вынужден последовать за ними, если хотел завершить покорение империи. Поэтому мы можем понять, что Александр был глубоко удручен тем, что не получил никаких результатов

от этого губительно утомительного похода, и тем лучше объяснить тот дикий гнев, который, как мы увидим далее, он проявил по отношению к сатрапу Бессу.

Александр приказал похоронить тело Дария с полной пышностью и церемонией в царственных усыпальницах Персиды. Последние дни этого несчастного принца описаны историками с почти трагическим пафосом; и мало найдется в истории сюжетов, лучше рассчитанных на то, чтобы вызвать такое чувство, если рассматривать просто масштабы его падения, от наивысшей вершины власти и великолепия до поражения, деградации и убийства. Но беспристрастный обзор не позволит нам забыть, что главной причиной такого разрушения была его собственная слепота - его долгая апатия после битвы при Иссе и оставление Тира и Газы, в страстной надежде выкупить цариц, которых он сам подверг плену - и, наконец, что еще менее простительно, его личная трусость в двух решающих битвах, намеренно вызванных им самим. Если мы проследим за его поведением на протяжении всей борьбы, то обнаружим мало того, что делает побежденного принца достойным уважения или интересным. Больше всего причин осуждать и презирать его было у его друзей и соотечественников, которых он, обладая достаточными средствами для защиты, все же отбросил. С другой стороны, ни у кого не было больше оснований для снисхождения к нему, чем у его завоевателя, для которого он сохранил неиспользованными несметные сокровища трех столиц и для которого он всячески облегчил трудности завоевания, само по себе едва ли менее чем невыполнимого[444].

Недавний форсированный поход, предпринятый Александром с целью заполучить Дария в плен, был крайне тягостен для его солдат, которые нуждались в определенном периоде отдыха и компенсации. Он был предоставлен им в городе Гекатомпиле в Парфии, где вся армия была вновь объединена. Помимо обильных припасов из соседней области, солдаты получили здесь пожертвования, полученные от большой добычи, взятой в лагере Дария.[445] В веселье и пиршествах, всеобщих для всей армии, участвовал и сам Александр. Его поблажки в пирах и винопитии, к которым он всегда пристрастился, когда позволял досуг, теперь необычайно умножились и продлились. Отмечались общественные торжества, устраивались театральные представления, в которых участвовали художники, прибывшие в армию из Греции. Но самым важным изменением в поведении Александра было то, что теперь он стал ощущать себя и действовать явно как преемник Дария на персидском троне; презрел сравнительную простоту македонских привычек и принял пышность, показной набор предметов роскоши и даже одежду персидского царя.

Многим солдатам Александра казалось, что со смертью Дария завоевание Персии будет завершено, а война окончена. Они не хотели менять отдых и удовольствия Гекатомпила на новые тяготы; но Александр, собрав отборные полки, обратился к ним с настоятельным призывом, который оживил пыл всех.[446] Его первый поход был через один из проходов с юга на север горы Эльбурс в Гирканию, область, граничащую с юго-восточным углом Каспийского моря. Здесь он не встретил сопротивления; гирканский сатрап Фратаферн вместе с Набарзанесом, Артабазом и другими видными персами сдались ему и были благосклонно приняты. Греческие наемники, числом 1500 человек, служившие Дарию, но ушедшие в отставку, когда монарх был арестован Бессом, прислали посланников с просьбой разрешить им сдаться на капитуляцию. Но Александр, упрекая их в том, что они перешли на службу к персам вопреки решению эллинского синода, потребовал, чтобы они сдались по своему усмотрению; они выразили готовность сделать это, моля, чтобы был послан офицер, который доставит их к нему в целости и сохранности.[447] Для этой цели был послан македонец Андроник, в то время как Александр предпринял экспедицию в горы Марди; это название, по-видимому, носили несколько отдельных племен, расположенных в отдаленных

друг от друга районах, но все они были бедными и храбрыми горцами. Эти марди занимали часть северного склона горы Эльбурс в нескольких милях от Каспийского моря (Мазандеран и Гилан). Александр преследовал их во всех их отступлениях, - побеждал их, когда они стояли на защите, с большой резней, - и заставил остатки полуразрушенных племен просить мира[448].

Из этого похода, который вел его в западном направлении, он вернулся в Гирканию. На первом же привале его встретили греческие наемники, которые пришли сдаться, а также различные греческие посланники из Спарты, Халкедона и Синопа, которые сопровождали Дария в его бегстве. Александр посадил лакедемонян под арест, но освободил остальных посланников, считая, что Халкедон и Синоп были подданными Дария, а не членами эллинского синода. Что касается наемников, то он провел различие между теми, кто поступил на персидскую службу до признания Филиппа вождем Греции, и теми, кто был зачислен в армию позднее. Первых он сразу же освободил, вторых обязал остаться на службе под командованием Андроника и получать то же жалованье, что они получали до сих пор.[449] Таково было неприятное завершение греческого наемничества в Персии; система, благодаря которой персидские монархи, если бы они умели ее сносно использовать, вполне могли бы сохранить свою империю даже против такого врага, как Александр.[450]

После пятнадцати дней отдыха и празднеств в Зевдракарте, главном городе Гиркании, Александр со своей объединенной армией двинулся на восток через Парфию в Арию - область, примыкающую к современному Герату с рекой, известной теперь как Герируд. Сатибарзанес, сатрап Арии, пришел к нему недалеко от границы, в город под названием Сусия,[451] покорился, и ему было позволено сохранить свою сатрапию; в то время как Александр, лишь обойдя северную границу Арии, двинулся в направлении почти на восток к Бактрии против сатрапа Бессуса, который, как сообщалось, провозгласил себя царем Персии. Но через три или четыре дня выяснилось, что Сатибарзанес был в союзе с Бессом; тогда Александр приостановил на время свои планы против Бактрии и форсированным маршем направился в Артакоану, главный город Арии.[452] Его возвращение было столь неожиданно быстрым, что арийцы были ошеломлены, а Сатибарзанес вынужден был бежать. Несколько дней позволили ему подавить недовольных арийцев и дожидаться прибытия тыловой дивизии под командованием Кратеруса. Затем он двинулся на юг, на территорию Дранги, или Дрангианы (современный Сейстан), где не встретил сопротивления - сатрап Барсаентес укрылся среди индийцев[453].

В главном городе Дрангианы произошла мятежная трагедия, первой жертвой которой стал Филотас, а второй - его отец Парменио. Парменио, которому уже исполнилось семьдесят лет, и поэтому он был мало приспособлен для изнурительного труда, связанного с вторжением в восточные сатрапии, был оставлен на важном посту управляющего большим складом и сокровищницей в Экбатане. Его долгий военный опыт и конфиденциальное положение даже при Филиппе сделали его вторым человеком в македонской армии после самого Александра. Все три его сына были солдатами. Младший из них, Гектор, случайно утонул в Ниле, находясь в свите Александра в Египте; второй, Никанор, командовал гипаспистами или легкой пехотой, но умер от болезни, к счастью для себя, незадолго до этого;[454] старший, Филотас, занимал высокий пост генерала компаньонской кавалерии, находясь в ежедневном общении с Александром, от которого получал личные приказы.

К Филотасу пришло откровение от Кебалинуса, брата юноши по имени Никомах, что некий солдат по имени Димнус из Халастры под клятвой секретности похвастался Никомаху, своему близкому другу или любимому человеку, о готовящемся заговоре против Александра, приглашая его стать соучастником.[455] Никомах, поначалу испытывавший отвращение,

затем смирился, спросил, кто был сообщниками Димнуса, и получил несколько имен; все эти имена он сообщил своему брату Кебалину, чтобы тот их разгласил. Кебалинус рассказал об этих фактах Филотасу, прося его упомянуть о них Александру. Но Филота, хотя каждый день общался с царем, не делал этого в течение двух дней, после чего Кебалинус начал подозревать его в попустительстве и поручил сообщить об этом Александру через одного из пажей по имени Метрон. Димнус был немедленно арестован, но пронзил себя мечом и скончался, не сделав никакого заявления[456].

В этом заговоре, реальном или притворном, все упиралось в показания Никомаха. Александр с негодованием послал за Филотой, требуя объяснить, почему тот в течение двух дней не сообщал о том, что слышал. Филота ответил, что источник, из которого это исходило, был слишком презренным, чтобы заслуживать внимания, что было бы смешно придавать значение простым заявлениям такого юноши, как Никомах, рассказывающего о глупых хвастовствах, обращенных к нему любовником. Александр принял или сделал вид, что принял объяснение, подал руку Филоте, пригласил его на ужин и беседовал с ним со своей обычной фамильярностью[457].

Но вскоре выяснилось, что этот инцидент будет использован для позора и разорения Филоты, чьи вольные критические высказывания о якобы божественном отцовстве, сопровождаемые хвастовством, что он и его отец Парменио были главными агентами в завоевании Азии, не были ни забыты, ни прощены. Эти и другие самовосхваления, порочащие славу Александра, были разглашены любовницей, к которой был привязан Филот; прекрасной македонянкой из Пидны по имени Антигона, которая сначала стала призом при посещении Самофракии персидским адмиралом Автофрадатом, а затем была взята среди трофеев Дамаска македонцами, побежденными при Иссе. Донесения Антигоны о каком-то недосказанном языке Филоты дошли до сведения Кратера, который привел ее к Александру и заставил повторить их ему. Александр пожелал, чтобы она тайно записывала конфиденциальные высказывания Филоты и время от времени сообщала о них себе[458].

Таким образом, выяснилось, что Александр, хотя и сохранял за Филотой его высокий военный сан и постоянно разговаривал с ним с кажущимся доверием, в течение по крайней мере восемнадцати месяцев, с момента завоевания Египта, а возможно, и раньше, недолголюбил и подозревал его, держа под постоянным наблюдением через подкупные и тайные связи вероломной любовницы.[459] Некоторые из генералов, окружавших Александра, особенно Кратер, первый подчиненный Антигоны, разжигали эти подозрения, завидуя великому превосходству Парменио и его семьи. Кроме того, сам Филотас был показным и властным в своем поведении, так что нажил себе много врагов среди солдат.[Но каковы бы ни были его недостатки в этом вопросе - недостатки, которые он разделял с другими македонскими генералами, накормленными грабежом и подарками[461], - его верность и военные достоинства подтверждаются тем фактом, что Александр продолжал назначать его самым высоким и конфиденциальным командиром в течение всего последующего долгого периода; и что Парменио теперь был генералом в Экбатане, что было самым важным военным назначением, которое царь мог дать. Даже если допустить, что показания Никомаха заслуживают доверия, не было ничего, что могло бы уличить Филоту, чье имя не было включено в число сообщников, перечисленных Димном. Против него не было ни единой улики, кроме того, что показания были ему известны и что он дважды виделся с Александром, не сообщая о них. Однако Кратер и другие враги Филоты сработали так эффективно, что подозрения и уже существовавшая недоброжелательность Александра переросли в яростную злобу. Он решил опозорить, подвергнуть пыткам и убить Филоту, а заодно и Парменио[462].

Но чтобы осуществить это, против двух высших офицеров македонской службы, один из которых имел отдельное и далекое командование, требовалось управление. Александр был вынужден пойти на поводу у чувств солдат и добиться осуждения от армии; согласно древнему македонскому обычаю, касающемуся смертных преступлений, хотя (как кажется) не всегда применялся на практике. Александр не только сохранил это решение в тайне, но даже, как говорят, пригласил Филоту на ужин вместе с другими офицерами, беседа с ним как обычно.^[463] Посреди ночи Филоту арестовали, когда он спал в своей постели, - заковали в цепи и одели в непристойное одеяние. На рассвете было созвано военное собрание, на которое явился Александр со своими главными офицерами. Обратившись к солдатам в резком тоне, в котором смешались печаль и гнев, он объявил им, что его жизнь только что была спасена от опасного заговора, организованного двумя людьми, до сих пор считавшимися его лучшими друзьями, - Филотой и Парменио - через посредство солдата по имени Димнус, который покончил с собой при аресте. Мертвое тело Димнуса было выставлено на всеобщее обозрение, а Никомах и Кебалинус выступили вперед, чтобы рассказать свою историю. Собранию было зачитано письмо Парменио к его сыновьям Филоте и Никанору, найденное среди бумаг, изъятых при аресте. Его условия были совершенно расплывчатыми и ничего не значащими, но Александр решил истолковать их так, как это соответствовало его цели^[464].

Мы можем легко представить себе, какое впечатление произвели на собравшихся воинов подобные обличения самого Александра - откровения о личной опасности и упреки в адрес вероломных друзей. Аминтас и даже Кенус, шурин Филоты, были еще более безмерны в своих ругательствах в адрес обвиняемого.^[465] Они, как и другие офицеры, с которыми был согласован арест, подавали пример яростных выступлений против него и горячего сочувствия опасности царя. Филотас был заслушан в свою защиту, которая, хотя и решительно отрицала обвинение, была, как говорят, слабой. Она и в самом деле должна была быть такой, исходящей от человека, захваченного внезапно и ошеломленного недостатками; в то время как для любого другого, кто поднялся бы и осмелился критиковать доказательства, потребовалась бы степень мужества, совершенно героическая. Солдат по имени Болон томил своих товарищей невыносимой наглостью Филоты, который всегда (по его словам) относился к солдатам с презрением, выгоняя их из своих покоев, чтобы освободить место для своей бесчисленной свиты рабов. Хотя это обвинение (вероятно, достаточно обоснованное) никак не было связано с обвинением царя в измене, оно полностью соответствовало нравам собравшихся и возбудило их до последней капли ярости. Королевские пажи начали кричать, вторя всем вокруг, что они собственными руками разорвут отцеубийцу на куски^[466].

Для Филоты было бы счастьем, если бы их гнев оказался настолько неуправляемым, что позволил бы привести приговор в исполнение на месте. Но это не устроило его врагов. Зная, что он был осужден по царскому слову, не имея ничего, кроме слабых подозрений, они решили вырвать у него признание, которое оправдало бы их собственные цели, и не только против него, но и против его отца Парменио, которого пока не в чем было обвинить. Поэтому ночью Филоту подвергли пытке. Гефестион, Кратер и Кен - последний из трех был шурином Филоты^[467] - сами руководили служителями физических страданий. Сам Александр тоже находился рядом, но был скрыт занавесом. Говорят, что Филота проявил мало твердости под пытками, а Александр, невидимый свидетель, издевался над трусостью того, кто сражался рядом с ним в стольких битвах^[468]. Все, кто стоял рядом, были врагами и могли описать поведение Филоты так, чтобы оправдать свою собственную ненависть. Пытки,^[469] жестокие до крайности и долго не прекращавшиеся, вырвали у него наконец признание, в котором он обвинил своего отца вместе с собой. Его предали смерти, и в то же время все те, чьи имена

были указаны Никомахом, были также убиты - по-видимому, камнями, без предварительных пыток. У Филоты в армии служила многочисленная родня, и все они были поражены известием о том, что его пытаются. По македонским законам, все родственники человека, виновного в измене, обрекались на смерть вместе с ним. Поэтому некоторые из них покончили с собой, другие бежали из лагеря, ища убежища везде, где только можно. В лагере царил такой ужас и беспорядок, что Александр был вынужден объявить о приостановке действия этого кровавого закона на этот случай[470].

Теперь оставалось убить Пармению, которого нельзя было оставлять в живых после зверств, совершенных по отношению к Филоте; причем убить прежде, чем он успеет о них узнать, поскольку он был не только самым старым, самым уважаемым и самым влиятельным из всех македонских офицеров, но и отдельно командовал большим депо в Экбатанах. Александр вызвал к себе одного из сподвижников по имени Полидамас, особого друга, товарища или *помощника* Пармению. Каждый друг Филоты чувствовал в этот момент, что его жизнь висит на волоске, поэтому Полидамас вошел к царю в крайнем ужасе, тем более что ему было приказано взять с собой двух младших братьев. Александр обратился к нему, осудив Пармению как предателя и намекнув, что Полидамас должен будет доставить Экбатану быстрое и конфиденциальное послание с приказом о его казни. Полидамас был выбран как близкий друг Пармению и, следовательно, как наиболее подходящий для того, чтобы обмануть его. В его руки были вложены два письма, адресованные Пармениону: одно от самого Александра, якобы с военными сообщениями и приказами; другое, подписанное перстнем с печатью покойного Филоты и якобы адресованное сыном отцу. Вместе с ними Полидамас получил настоящую и важную депешу, адресованную Александром Клеандру и Менидасу, офицерам, непосредственно подчиненным Пармению в Экбатане; в ней Пармению объявлялся виновным в государственной измене, и им предписывалось немедленно убить его. Полидаму было предложено большое вознаграждение, если он успешно выполнит это поручение, а двух его братьев оставили в качестве заложников, чтобы они не испытывали угрызений совести. Он пообещал даже больше, чем от него требовали, - он был слишком счастлив приобрести это избавление от, казалось бы, неминуемой смерти. Снабженный туземными проводниками и быстрыми дромадерами, он двинулся в путь по самой прямой дороге через пустыню Хорасана и прибыл в Экбатану на одиннадцатый день - расстояние, на преодоление которого обычно требовалось более тридцати дней.[471] Вступив в лагерь ночью, без ведома Пармению, он передал свои депеши Клеандру, с которым согласовал меры. На следующий день он был принят Пармению, гулявшим в его саду с Клеандром и другими офицерами, назначенными по приказу Александра его палачами. Полидамас бросился обнимать своего старого друга и был сердечно принят ничего не подозревающим ветераном, которому он вручил письма, якобы полученные от Александра и Филоты. Пока Пармению погружен в чтение, на него внезапно обрушился смертельный удар руки и меча Клеандра. Остальные офицеры наносили ему другие раны, когда он падал, - последние уже после того, как жизнь покинула его[472].

Солдаты в Экбатане, узнав об этом кровавом деянии, разразились яростным мятежом, окружили стену сада и угрожали ворваться туда, чтобы отомстить за своего генерала, если Полидамас и другие убийцы не будут выданы им. Но Клеандр, допустив нескольких зачинщиков, передал им письменный приказ Александра, которому солдаты подчинились не без ропота неохоты и возмущения. Большинство из них разошлись, но несколько человек остались, прося разрешения похоронить тело Пармению. Даже в этом Клеандр долго отказывал, опасаясь недовольства короля. Наконец, сочтя благоразумным выполнить просьбу частично, он отрубил голову, предоставив им для погребения только туловище. Голова была отправлена Александрю[473].

Среди множества трагических событий, о которых рассказывается на протяжении всей этой истории, нет более отвратительного, чем судьба этих двух полководцев. Александр, жестокий во всех своих порывах, проявил в этом случае личную ярость, достойную его свирепой матери Олимпии, скорее усугубленную, чем смягченную величиной прошлых заслуг.[474] Когда мы видим, как величайшие офицеры македонской армии лично и под наблюдением Александра руководят изрезанием и сожжением обнаженного тела своего коллеги Филоты и собственными руками убивают ветерана Парменио, мы чувствуем, насколько мы вышли из области греческого гражданского чувства в область более дикого иллирийского воина, частично восточного. Неудивительно читать, что Антипатр, наместник Македонии, разделявший с Парменио благосклонность и доверие как Филиппа, так и Александра, затрепетал, узнав о подобных действиях, и стал искать убежища от подобных возможностей для себя. Многие другие офицеры были встревожены и возмущены происходящим.[475] Поэтому Александр, вскрывая и изучая письма, отправленные домой из армии в Македонию, обнаружил в них столь сильные выражения негодования, что счел благоразумным перевести многих ярко выраженных недовольных в отдельную дивизию, отделив их от остальной армии.[Вместо того чтобы назначить Филоту замену в командовании конницей, он разделил ее на две части, назначив Гефестиона командиром одной, а Клейта - другой][477].

Осень и зиму Александр потратил на покорение Дрангианы, Гедросии, Арахосии и Паропамисада, современного Сейестана, Афганистана и западной части Кабула, лежащей между Газной на севере, Кандагаром или Келатом на юге и Фуррой на западе. Он не встретил комбинированного сопротивления, но его войска сильно страдали от холода и лишений.[478] Недалеко от южной оконечности одного из перевалов Хинду-Коош (по-видимому, к северо-востоку от города Кабул) он основал новый город, названный Александрия ад Кавказум, где поселил 7000 старых солдат, македонцев и других колонистов.[479] Ближе к концу зимы он перешел через мощный хребет Хинду-Куш; пятнадцатидневный марш через снежные районы был чреват трудностями для его армии. Достигнув северной стороны этих гор, он оказался в Бактрии.

Бактрийский вождь Бесс, принявший титул царя, смог собрать не более небольшого войска, с которым он опустошил страну, а затем отступил через реку Оксус в Согдиану, уничтожив все лодки. Александр захватил Бактрию, не встретив почти никакого сопротивления; главные города, Бактра (Балх) и Аорнос, сдались ему при первой же демонстрации нападения. Назначив Артабаза сатрапом Бактрии и поставив Архелая с гарнизоном в Аорносе,[480] он двинулся на север к реке Оксус, границе между Бактрией и Согдианой. Это был крайне тяжелый поход; два или три дня пути по песчаной пустыне, лишенной воды, и в очень жаркую погоду. Оксус, шириной в шесть аршин, глубокий и быстрый, был самой грозной рекой, которую македонцы когда-либо видели.[481] Александр переправил через него свою армию на надутых и набитых соломой тентовых шкурах. Кажется удивительным, что Бесс не воспользовался этой благоприятной возможностью для сопротивления столь трудному переходу; однако он был оставлен своей бактрийской конницей в тот момент, когда покидал их территорию. Некоторые из его спутников, Спита менес и другие, напуганные известием о том, что Александр перешел Оксус, хотели заключить мир, предав своего вождя.[482] Они послали соответствующее предложение; после этого Птолемей с легкой дивизией был послан Александром вперед, и ему удалось, благодаря чрезвычайной скорости движений, застать Бесса в одной из деревень. Александр приказал держать его в цепях, голого и с ошейником на шее, у дороги, по которой шло войско. Добравшись до места, Александр остановил колесницу и сурово потребовал от Бесса, под каким предлогом тот сначала арестовал, а потом убил своего царя и благодетеля Дария. Бесс ответил, что он сделал это не

один; вместе с ним в этом участвовали и другие, чтобы добиться для себя снисхождения со стороны Александра. Царь больше ничего не сказал, но приказал подвергнуть Бесса бичеванию, а затем отправить в качестве пленника в Бактру[483], где мы еще услышим о нем.

Продолжая свой поход, Александр подошел к небольшому городку, населенному бранхидами, потомками тех бранхидов, что жили близ Милета на побережье Ионии, которые управляли великим храмом и оракулом Аполлона на мысе Посейдион и за 150 лет до этого уступили сокровища этого храма персидскому царю Ксерксу. Эта капитуляция навлекла на них такую дурную славу, что, когда владычество Ксеркса было свергнуто на побережье, они вместе с ним удалились в глубь Азии. Он выделил им земли в далекой Согдиане, где с тех пор и остались их потомки, двуязычные и частично неэллинизированные, но все еще привязанные к своим традициям и происхождению. Обрадованные тем, что снова могут торговать с греками, они высыпали навстречу армии и приветствовали ее, предлагая все, что у них было. Александр, узнав, кто они и каково их происхождение, пожелал, чтобы милезийцы в его войске определили, как с ними следует обращаться. Но так как милезийцы не были ни решительны, ни единодушны, Александр объявил, что сам решит, как с ними поступить. Взяв город лично с отборным отрядом, он расставил свою армию по всему периметру стен, а затем отдал приказ не только разграбить его, но и истребить все население - мужчин, женщин и детей. Их убивали без оружия и попыток сопротивления, прибегая лишь к молитвам и мольбам. Затем Александр приказал сравнять с землей стены и вырубить священные рощи, чтобы не осталось ни одного пригодного для жилья места, кроме одиночества и бесплодия.[484] Такова была месть этих несчастных за деяния их предков в четвертом или пятом поколении до этого. Александр, несомненно, считал себя исполнителем гнева Аполлона против проклятого рода, ограбившего храм бога[485]. Македонская экспедиция была объявлена предпринятой изначально с целью отомстить современным персам за древние обиды, нанесенные Греции Ксерксом; так что Александр должен был следовать тем же чувствам, мстя современным Бранхидеям за деяния их предков - более виновных, по его мнению, чем Ксеркс. Резня этого несчастного населения была, по сути, примером человеческой жертвы в самом большом масштабе, принесенной богам религиозными побуждениями Александра, и достойна сравнения с жертвоприношением карфагенского полководца Ганнибала, когда он принес в жертву 3000 греческих пленников на поле Гимеры, где семьдесят лет назад был убит его дед Гамилькара[486].

Затем Александр продолжил свой путь, сначала в Мараканду (Самарканд), главный город Согдианы, а затем к реке Джаксартес, которую он и его спутники в своих несовершенных географических представлениях считали Танаисом, границей между Азией и Европой. 487] Во время своего похода он оставил гарнизоны в различных городах,[488] но не встретил сопротивления, хотя отряды туземцев нависали над его флангами. Некоторые из них, перебив несколько его фуражиров, укрылись затем на крутой и изрезанной горе, которую считали неприступной. Однако Александр преследовал их во главе своих самых легких и активных войск. Хотя поначалу они были отбиты, ему удалось взобраться на гору и захватить ее. Из тридцати тысяч защитников три четверти были либо преданы мечу, либо погибли, прыгая вниз с обрывов. Несколько его солдат были ранены стрелами, а сам он получил от одного из них пулю в ногу.[489] Но здесь, как и в других местах, мы видим, что почти все восточные люди, которых покорил Александр, были мало приспособлены для рукопашного боя - они сражались только ракетами.

Здесь, на реке Джаксартес, Александр заложил новый город, который должен был носить его имя; он был задуман отчасти как защита от набегов скифских кочевников с другого

берега реки, отчасти как возможность переправиться и покорить их, что он и собирался сделать, как только найдет возможность.[490] Однако его на время отвлекли новости о широко распространившемся восстании среди недавно завоеванных жителей Согдианы и Бактрии. Он подавил восстание со свойственной ему энергией и быстротой, распределив свои войска так, чтобы за два дня захватить пять городов, а сразу после этого - Кирополь или Киру, самый крупный из соседних согдийских городов (основанный персом Киром). Всех защитников и жителей он предал мечу. Вернувшись затем в Джаксартес, он за двадцать дней завершил строительство укреплений своего нового города Александрии (возможно, в Ходженде или рядом с ним) с соответствующими жертвоприношениями и празднествами в честь богов. Он поселил в нем несколько македонских ветеранов и греческих наемников, а также добровольных поселенцев из местных жителей.[491] Армия скифских кочевников, показавшаяся на другом берегу реки, возбудила его тщеславие, и он решил переправиться и напасть на них. Переправив часть своего войска на надутих шкурах, он без особого труда разбил их, бодро преследуя в пустыне. Но погода была очень жаркой, и армия сильно страдала от жажды, а немногочисленная вода была настолько плоха, что вызвала у Александра диарею, угрожавшую его жизни.[492] Эта погоня, длившаяся несколько миль на правом берегу Джаксарта (кажется, в нынешнем Кокандском ханате), ознаменовала крайний предел продвижения Александра на север.

Вскоре после этого македонский отряд, неумело проведенный, был уничтожен в Согдиане Спитаменом и скифами: редкое несчастье, за которое Александр отомстил, захватив область[493] у реки Политимектус (Кохик) и предав мечу жителей всех городов, которые он взял. Затем он переправился через Оксус, чтобы отдохнуть в крайний период зимы в Зариаспе в Бактрии, откуда было легче связаться с Западом и Македонией, и где он получил различные подкрепления греческих войск.[494] Бесс, которого здесь держали в качестве пленника, был выведен на публичное собрание, где Александр, предварительно упрекнув его в измене Дарию, заставил отрезать ему нос и уши и в таком виде отправил в Экбатаны, чтобы его окончательно убили мидяне и персы.[495] Калечение было практикой совершенно восточной и неэллинской: Даже Арриан, восхищенный и снисходительный по отношению к своему герою, порицает этот дикий порядок, как одно из многих доказательств того, насколько Александр перенял восточные нравы. Мы можем заметить, что его крайний гнев по этому случаю был основан отчасти на разочаровании тем, что Бесс сорвал его утомительные усилия по захвату Дария живым, а отчасти на том, что сатрап совершил измену царской особе, которую Александр по своей политике, а также по своим чувствам должен был окружить кругом Божества. [496] Что касается предателей Персии, как дела и страны, то Александр никогда не препятствовал им, а иногда и значительно вознаграждал их. Митрин, правитель Сард, открывший ему ворота этой почти неприступной крепости сразу после битвы при Гранике - предатель, который, возможно, после самого Дария нанес больше всего вреда персидскому делу, - получил от него высокое расположение и повышение[497].

Грубые, но энергичные племена Бактрии и Согдианы были еще несовершенно покорены, поскольку их сопротивление сдерживалось широкими пространствами песчаной пустыни, соседством скифских кочевников и присутствием вождя Спитамена. Александр, распределив свое войско на пять частей, прошел по стране и подавил всякое сопротивление, а также принял меры к основанию нескольких военных постов или новых городов в удобных местах.[498] Через некоторое время вся армия была соединена в главном месте Согдианы - Мараканде, где был дан привал и отдых.[499]

Во время этого привала в Мараканде (Самарканде) состоялся памятный пир, на котором Александр убил Клейтуса. Уже рассказывалось, что Клит спас ему жизнь в битве при

Гранике, отрубив руку перса Спитридата, когда тот уже поднялся, чтобы ударить его сзади. После смерти Филоты важные функции генерала компанейской кавалерии были разделены между Гефестионом и Клейтом. Более того, семья Клейта была связана с Филиппом столь древними узами, что его сестра, Ланика, в детстве была выбрана в качестве кормилицы самого Александра. Двое ее сыновей уже погибли в азиатских сражениях. Поэтому если кто и занимал высокое положение на службе и имел право свободно высказывать свои мысли Александру, то это был Клейтус.

На этом пиру в Мараканде, когда вино, по македонскому обычаю, было выпито в изобилии и когда Александр, Клейт и большинство других гостей уже почти опьянели, энтузиасты или льстецы разразились неумеренными восхвалениями прошлых заслуг царя.[Они превозносили его выше всех наиболее почитаемых легендарных героев; они провозглашали, что его сверхчеловеческие деяния доказывают его божественное отцовство, и что он заслужил апофеоз, подобный Гераклу, который ничто, кроме зависти, не могло скрыть от него при жизни. Сам Александр присоединился к этим хвастовствам и даже приписал себе заслуги в более поздних победах царствования своего отца, чьи способности и славу он обесценил. Для старых македонских офицеров такое оскорбление, нанесенное памяти Филиппа, было глубоко обидно. Но среди них всех никто не был возмущен больше, чем Клейт, растущей наглостью Александра - его предполагаемым происхождением от Зевса Аммона, отбросившего Филиппа как недостойного - его предпочтением персидских сопровождающих, которые то допускали, то не допускали его к его персоне - его распространением на македонских солдат презрительного обращения, привычного для азиатов, и даже позволением подвергать их бичеванию персидскими руками и персидскими прутьями.[Гордость македонского полководца за грандиозные успехи последних пяти лет сменилась досадой, когда он увидел, что они привели лишь к слиянию его соотечественников с толпой подневольных азиатов и раздули в принце высокопарные чаяния, переданные от Ксеркса или Оха. Но каковы бы ни были внутренние помыслы македонских офицеров, они держались спокойно перед Александром, чей грозный характер и непомерная самооценка не терпели никакой критики.

На пиру в Мараканде эта долго подавляемая неприязнь нашла выход, правда, случайный и непредусмотренный, но оттого еще более бурный и безмерный. Вино, сделавшее Александра еще более хвастливым, а его льстецов - пресыщенными, полностью подавило сдержанность Клейтуса. Он обличал нечестивость тех, кто унижал древних героев, чтобы воздвигнуть пьедестал для Александра. Он протестовал против несправедливости умаления возвышенной и законной славы Филиппа, достижения которого он громко превозносил, называя их равными и даже превосходящими достижения его сына. Ведь подвиги Александра, какими бы великолепными они ни были, были совершены не им одним, а той непобедимой македонской силой, которую он нашел готовой для своих рук;^[502] тогда как подвиги Филиппа были его собственными, поскольку он нашел Македонию расстроенной и дезорганизованной и должен был создать для себя и солдат, и военную систему. великими орудиями побед Александра были старые солдаты Филиппа, которых он теперь презирал, и среди них Парменио, которого он предал смерти".

Подобные замечания, высказанные грубым языком полупьяного македонского ветерана, вызвали громкие возражения со стороны многих и остро обидели Александра, который впервые услышал открытую вспышку неодобрения, прежде скрытую и известную ему лишь по догадкам. Но гнев и противоречия, как с его стороны, так и со стороны других, только подтолкнули Клейта к еще более безрассудному излиянию собственных чувств, которые

теперь с восторгом выплескивались наружу после столь долгой сдерживания. От старых македонских воинов он перешел к самому себе. Протянув правую руку к Александру, он воскликнул: "Вспомни, что ты обязан мне жизнью; эта рука спасла тебя при Гранике. Прислушайся к откровенному языку правды, иначе воздержись от приглашения свободных на ужин и ограничься обществом варварских рабов". Все эти упреки больно резали Александра. Но ничто не было для него так невыносимо, как почтительное сочувствие к Пармению, вызывавшее в памяти один из самых черных поступков его жизни, и воспоминания о его сохранении в Гранике, которые опускали его положение должника по отношению к тому самому цензору, от упреков которого он теперь страдал. В конце концов гнев и опьянение вместе привели его в неконтролируемую ярость. Он вскочил с дивана и нащупал свой кинжал, чтобы броситься на Клейта; но кинжал был убран одним из его слуг. Громким голосом, по-македонски приказным тоном, он созвал телохранителей и приказал трубачу объявить тревогу. Но никто не послушался столь серьезного приказа, отданного в пьяном виде. Его главные офицеры, Птолемей, Пердиккас и другие, обступили его, держали за руки и тело и умоляли воздержаться от насилия; в то же время другие пытались заставить Клейта замолчать и поспешно вывести его из зала, который теперь превратился в сцену беспорядка и суматохи. Но Клейт был не в том настроении, чтобы признать себя неправым, удалившись; Александр же, разъяренный тем, что против него впервые выступили, воскликнул, что его офицеры держат его в цепях, как Бесс держал Дария, и не оставили ему ничего, кроме имени царя. Стремясь сдержать его движения, они, конечно, не осмелились применить большую физическую силу, так что его огромная личная сила и постоянные усилия вскоре освободили его. Тогда он выхватил пику у одного из солдат, бросился на Клейта и проткнул его на месте, воскликнув: "Иди теперь к Филиппу и Пармению"[503].

Не успел этот поступок совершиться, как чувства Александра претерпели полный переворот. Зрелище истекающего кровью трупа Клейта на полу - следы оцепенения и ужаса, заметные у всех зрителей, и реакция, вызванная мгновенным удовлетворением яростного порыва, - сразу же повергло его в противоположную крайность раскаяния и самообвинения.

Поспешив покинуть зал и улегшись в постель, он провел три дня в мучительной агонии, без еды и питья. Он разразился слезами и многократными восклицаниями по поводу своего безумного поступка; он вспоминал имена Клейта и Ланике с благодарностью, которой был обязан каждому из них, и осуждал себя как недостойного жить после того, как отплатил за такие заслуги грязным убийством.[504] Друзья в конце концов убедили его принять пищу и вернуться к деятельности. Все вместе пытались вернуть ему чувство самоудовлетворения. Македонская армия публично проголосовала за то, что Клейт был убит справедливо и что его тело должно остаться непогребенным; это дало Александру возможность отменить голосование и распорядиться, чтобы его похоронили по его собственному приказу.[505] Пророки утешали его, уверяя, что его убийственный порыв возник не от его собственного естественного ума, а от безумного извращения, намеренно вызванного богом Дионисом, чтобы отомстить за пропуск жертвоприношения, причитавшегося ему в день пира, но не состоявшегося.[506] Наконец, греческий софист или философ Анаксарх из Абдеры оживил дух Александра своевременной лестью, рассматривая его чувствительность как не более чем великодушную слабость; напомнив ему, что в своем возвышенном положении завоевателя и великого царя он имеет право предписывать то, что правильно и справедливо, вместо того чтобы подчиняться законам, продиктованным извне.[507] Философ Каллистен также был вызван вместе с Анаксархом к царю с той же целью - высказать утешительные мысли. Но он, как говорят, взял совершенно иной тон разговора и скорее обидел, чем удовлетворил Александра.

В конце концов, раскаяние Александра уступило подобным исправительным воздействиям и, вероятно, в большей степени абсолютной необходимости действовать. Как и другие эмоции его пламенной души, оно было сильным и всепоглощающим, пока длилось. Но нельзя доказать, что оно оставило какой-либо прочный след в его характере или привело к последствиям, оправдывающим безграничное восхищение Арриана, который не может не порицать убитого Клейта, выражая при этом сильнейшее сочувствие душевным страданиям убийцы.

Через десять дней[508] Александр снова привел в движение свою армию, чтобы завершить покорение Согдианы. Он не нашел ни одного врага, способного встретиться с ним в битве; однако Спитамен с согдийцами и некоторыми скифскими союзниками поднял большую враждебность, на подавление которой ушел еще год. Александр испытывал величайшую усталость и лишения в своих походах через горные районы этой обширной, труднопроходимой и плохо снабжаемой страны, со скалистыми позициями, сильными по своей природе, которые его враги пытались защитить. Одна из таких крепостей, удерживаемая туземным вождем по имени Сисимитрес, казалась почти неприступной, и ее взяли скорее запугиванием, чем реальной силой.[509] Скифы, после частичного успеха над небольшим македонским отрядом, были в конце концов так основательно разбиты и ошеломлены, что убили Спитамена и послали его голову завоевателю в качестве умиловительной жертвы.[510].

После короткого отдыха в Наютаке во время экстремальной зимы Александр возобновил операции, атаковав сильный пост под названием Согдийская скала, где собралось большое количество беглецов с достаточным запасом провизии. Это был обрыв, который считался неприступным; и, похоже, так бы и случилось, несмотря на энергию и способности Александра, если бы его обитатели не пренебрегли своей охраной и не сдались при одном только виде горстки македонцев, вскарабкавшихся на обрыв. Среди пленников, взятых Александром на этой скале, были жена и семья бактрийского вождя Оксиартеса, одна из дочерей которого, по имени Роксана, так пленила Александра своей красотой, что он решил сделать ее своей женой.[511] Затем он вышел из Согдианы в соседнюю территорию Парæтаккен, где находилось еще одно неприступное место, называемое Хориенской скалой, которую ему также посчастливилось одолеть.[512]

Отсюда Александр отправился в Бактру. Послав Кратера с дивизией, чтобы тот приложил последнюю руку к сокращению Парæтакена, сам он остался в Бактре, готовясь к экспедиции через Хинду-Куш для завоевания Индии. В качестве гарантии спокойствия Бактрии и Согдианы во время его отсутствия он набрал 30 000 молодых солдат из этих стран, чтобы они сопровождали его[513].

Именно в Бактре Александр отпраздновал свой брак с пленницей Роксаной. Среди отдыха и празднеств, связанных с этим событием, восточный нрав, который он теперь приобретал, проявился сильнее, чем когда-либо. Он больше не мог быть удовлетворен, не получив прострации или поклонения, как от греков и македонцев, так и от персов; публичного и единодушного признания его божественного происхождения и сверхчеловеческого достоинства. Некоторые греки и македонцы уже оказывали ему такое почтение. Однако для большинства, несмотря на их крайнее почтение и восхищение им, это было отвратительно и унижительно. Даже властный Александр не решался отдать публичный и официальный приказ по такому поводу; но персы и некоторые покладистые греческие софисты или философы при его покровительстве придумали маневр, чтобы застигнуть его врасплох.

Во время пира в Бактре философ Анаксарх, обращаясь к собравшимся с заготовленной речью, восхвалял подвиги Александра как значительно превосходящие подвиги Диониса и Геракла. Он провозгласил, что Александр уже сделал более чем достаточно, чтобы закрепить за собой право на божественные почести со стороны македонцев; которые, по его словам, несомненно будут поклоняться Александру после его смерти и по справедливости должны поклоняться ему при жизни, немедленно[514].

Эта речь была встречена аплодисментами, и подобные настроения были поддержаны другими людьми, благосклонными к этому плану; они подали пример немедленного выполнения и сами первыми выразили свое поклонение. Большинство македонских офицеров сидели без движения, испытывая отвращение к этой речи. Но, несмотря на отвращение, они ничего не сказали. Чтобы ответить на речь, несомненно, хорошо поставленную и плавную, требовались определенные ораторские способности; кроме того, было хорошо известно, что тот, кто осмеливался отвечать, был отмечен антипатией Александра. Судьба Клейтуса, выступившего с теми же чувствами в пиршественном зале Мараканды, была свежа в памяти каждого. Отвращение, которое испытывали многие, но никто не решался выразить, наконец нашло свой орган в Каллистене Олинфском.

Этот философ, чья меланхоличная судьба придает его имени особый интерес, был племянником Аристотеля и через своего дядю имел раннее знакомство с Александром во время юности последнего. По рекомендации Аристотеля Каллистен сопровождал Александра в его азиатской экспедиции. Он был человеком с большим литературным и риторическим талантом, который он направил на сочинение истории - истории последних времен.[515] Александр, полный рвения к завоеваниям, в то же время стремился, чтобы его достижения были отмечены поэтами и литераторами;[516] бывали также времена, когда он наслаждался их беседой. Исходя из этих соображений, он пригласил нескольких из них сопровождать армию. Более благоразумные из них отказались, но Каллистен подчинился, отчасти надеясь добиться восстановления своего родного города Олинфа, как Аристотель добился подобной милости для Стагейры.[517] Каллистен составил рассказ (не сохранившийся) о подвигах Александра, который, несомненно, доходил до битвы при Арбеле, а возможно, и дальше. Сохранившиеся фрагменты этого повествования свидетельствуют о крайнем восхищении не только храбростью и способностями, но и непревзойденной и непрерывной удачей Александра, выделяя его как избранного любимца богов. Это чувство было совершенно естественным в условиях грандиозности событий. Насколько мы можем судить по одному или двум примерам, Каллистен был полон комплиментов в адрес героя своей истории. Но характер самого Александра претерпел существенные изменения за шесть лет, прошедших между его первой высадкой в Азии и походом в Согдиану. Все его худшие качества были развиты беспрецедентным успехом и азиатским примером. Ему требовались все большие дозы лести, и теперь он жаждал не просто репутации божественного отцовства, но и реальных проявлений поклонения богу.

Для литературных греков, сопровождавших Александра, эта перемена в его характере должна была быть особенно ощутимой и иметь серьезные последствия, поскольку она проявлялась главным образом не в периоды активной военной службы, а в часы досуга, когда он восстанавливал себя разговорами и рассуждениями. Некоторые из этих греков - Анаксарх, Клеон, поэт Агис из Аргоса - приспособились к переменам и довели свою лесть до требуемого уровня. Каллистен не смог этого сделать. Он был человеком сдержанным, с простыми, суровыми и почти необщительными привычками, для которого трезвость долгих македонских возлияний была неприятна. Аристотель говорил о нем, что он был великим и сильным оратором, но не обладал рассудительностью; по другим сведениям, он был

тщеславным и высокомерным человеком, который хвастался, что репутация и бессмертие Александра зависели от состава и тона его истории.^[518] В тщеславии, обычном для литературных греков, Каллистен, вероятно, имел свою долю. Но нет никаких оснований полагать, что его характер изменился. Каким бы ни было его тщеславие, оно не оскорбляло Александра в прежние годы, не оскорбило бы и теперь, если бы сам Александр не стал другим человеком.

По случаю демонстрации, устроенной Анаксархом на пиру, Гефестион пригласил Каллистена присоединиться к поклонению Александру, и Гефестион впоследствии утверждал, что он обещал выполнить это предложение.^[Однако его поведение дает основания полагать, что он не давал такого обещания; ведь он не только счел своим долгом отказаться от поклонения, но и публично изложил причины своего несогласия; тем более что, по его мнению, большинство присутствующих македонцев считали так же, как и он сам. Он утверждал, что различия между богами и людьми нельзя смешивать без нечестия и зла. Александр заслужил - как человек, полководец и царь - самые высокие почести, совместимые с человечностью; но возвысить его до бога было бы и оскорблением для него самого, и оскорблением для богов. Анаксарх, по его словам, был последним человеком, от которого должно исходить подобное предложение, поскольку он был одним из тех, чье единственное право на общество Александра основывалось на его способности давать поучительные и полезные советы]^[520].

Каллистен высказал то, что чувствовали многие из его слушателей. Речь была не только одобрена, но и так горячо аплодировалась присутствующими македонянами, особенно старшими офицерами, что Александр счел благоразумным запретить дальнейшее обсуждение этого деликатного вопроса. Вскоре присутствующие персы, по азиатскому обычаю, подошли к нему и совершили прострацию, после чего Александр заложил последовательно кубки с вином тем грекам и македонцам, с которыми он ранее общался. Каждому из них вручался кубок, и каждый, выпив в ответ на обещание, подходил к царю, совершал прострацию, а затем принимал салют. Наконец, Александр передал обещание Каллистену, который, выпив, как и остальные, подошел к нему, чтобы принять приветствие, но без прострации. Об этом упущении Александру прямо сообщил один из сподвижников, на что он отказался принять салют от Каллистена. Последний удалился, заметив: "Значит, я уйду, хуже, чем другие, в том, что касается приветствия"^[521].

Каллистен был неосторожен и даже повинен в том, что сделал это последнее замечание, которое без всякой необходимости или выгоды усугубило оскорбление, уже нанесенное Александру. Еще более неосмотрительно, если исходить из соображений личной безопасности, он публично выступил против предложения оказать божественные почести этому князю и тем самым нанес главное оскорбление, которое даже само по себе было неоправданным. Но в данном случае повод был серьезным и важным, чтобы превратить неосторожность в акт подлинного нравственного мужества. Вопрос заключался не в том, чтобы подчиниться приказу Александра, поскольку никакого приказа не было, а в том, чтобы принять или отклонить предложение Анаксарха, которое Александр с помощью убогого, заранее обдуманного маневра решил оставить на свободное решение собрания, в полной уверенности, что никто не найдет достаточно смелым, чтобы выступить против него. Если один греческий софист сделал предложение, само по себе подневольное и позорное, другой софист не мог оказать себе ничего, кроме чести, публично выступив против него; тем более что это было сделано (как мы видим из сообщения Арриана) в выражениях, ничуть не оскорбительных, но полных почтительного восхищения, по отношению лично к Александру.

Прекрасный успех речи сам по себе является доказательством правильности ее тона;^[522] ведь македонские офицеры почувствовали бы безразличие, если не презрение к такому ритору, как Каллистен, в то время как к Александру они испытывали величайшее почтение, не доходящее до поклонения. Мало найдется случаев, когда свободный дух греческой письменности и греческого гражданства в их протесте против непомерной индивидуальной наглости проявляется более заметно и достойно, чем в речи Каллистена.^[523] Арриан не одобряет цели Александра и сильно порицает движение Анаксарха; тем не менее, он так стремится найти оправдание для Александра, что обвиняет и Каллистена в неразумной откровенности, глупости и наглости, когда тот выступает против. Он мог бы с некоторой долей правды сказать, что Каллистену следовало бы раньше уйти (если бы он действительно мог уйти без обиды) из лагеря Александра, в котором ни один знатный грек не мог теперь участвовать, не поступившись свободой слова и чувств и не подражая раболепию Анаксарха. Но если Каллистен присутствовал в зале в Бактрах, когда было сделано предложение Анаксарха, и когда молчание было бы уместно, его протест против него был своевременным и достойным; и тем более достойным, что он был чреват опасностью для него самого.

Каллистен хорошо знал эту опасность и быстро понял ее по изменившемуся поведению Александра по отношению к нему. С того дня он стал человеком, отмеченным в двух смыслах: во-первых, для самого Александра, а также для соперничающих с ним софистов и всех сторонников предполагаемого обожествления - за ненависть и за то, что он придумал какой-нибудь обвинительный предлог, который мог бы погубить его; во-вторых, для более свободолюбивых македонцев, возмущенных свидетелей возросшей дерзости Александра и поклонников мужественного грека, протестовавшего против ходатайства Анаксарха. Такие люди, несомненно, его очень превозносили; эти похвалы усугубляли его опасность, так как о них непременно докладывали Александру. Предлог для его гибели долго не находился.

Среди тех, кто восхищался и искал беседы Каллистена, был Гермолай, один из царских пажей - группа, отобранная из знатных македонских семей, которая исполняла обязанности при особе царя. Случилось так, что этот юноша, один из спутников Александра в погоне, увидев дикого кабана, рвавшегося к царю, метнул копье и сбил животное. Александр, разгневанный тем, что его опередили в убийстве кабана, приказал бичевать Гермолая перед всеми остальными пажами и лишил его коня.^[524] Униженный и оскорбленный за поступок, не просто невинный, но бездействие которого, если бы Александр пострадал от кабана, могло бы быть наказуемо, Гермолай решительно вознамерился отомстить. [Он привлек к участию в этом проекте своего близкого друга Сострата и еще нескольких пажей, и было решено убить Александра в его покоях в первую же ночь, когда они все вместе будут стоять на страже. Назначенная ночь наступила, так и не раскрыв их тайны; однако замысел сорвался из-за того, что Александр до рассвета пил со своими офицерами и не ложился спать. На следующий день один из заговорщиков, встревоженный или раскаявшийся, раскрыл замысел своему другу Хариклу, назвав имена тех, кто в нем участвовал. Эврилох, брат Хариклеса, узнав от него об услышанном, немедленно сообщил Птолемию, через которого все было передано Александру. По приказу Александра указанные лица были арестованы и подвергнуты пыткам,^[526] под которыми они признались, что сами сговорились убить его, но не назвали других сообщников и даже отрицали, что кто-либо еще был посвящен в этот план. В этом отрицании они упорствовали, хотя для того, чтобы заставить их назвать новые имена, были применены жесточайшие страдания. Тогда их привели и представили в качестве заговорщиков перед собравшимися македонскими солдатами. Там их признание было повторено. Говорят даже, что Гермолай, повторяя его, похвалялся тем, что его предприятие было законным и славным; он осуждал тиранию и

жестокость Александра, которые стали невыносимы для свободного человека. Независимо от того, было ли это хвастовство на самом деле или нет, приведенные лица были объявлены виновными и немедленно забиты камнями до смерти солдатами[527].

Казненные были молодыми людьми из хороших македонских семей, для осуждения которых, соответственно, Александр считал нужным сослаться на приговор солдат - то, что он был уверен получить в отношении любого человека. Чтобы удовлетворить свою ненависть к Каллистену - не македонцу, а всего лишь греческому гражданину, одному из оставшихся в живых остатков подрывного города Олинфа - не требовалось таких формальностей.[528] Пока не было ни тени доказательств вины этого философа; поскольку, как ни было известно его несносное имя, Гермолай и его спутники с образцовой стойкостью отказались купить возможность передохнуть от жестоких пыток, произнося его. Их признания - все они были получены путем страданий, если не были подтверждены другими доказательствами, о которых мы не знаем, были ли они получены - вряд ли имели хоть какую-то ценность, даже против них самих; но против Каллистена они не имели никакого значения; более того, они косвенно склоняли его не к осуждению, а к оправданию. Поэтому в его деле, как и в деле Филоты, необходимо было извлечь подозрительную тенденцию из его высказываний и разговоров. Утверждалось, что он обращался к пажам с опасными и подстрекательскими речами, возводя на Александра злословие, подстрекая их к заговору и указывая на Афины как на место убежища; кроме того, было известно, что он часто общался с Гермолаем. Для человека с буйным нравом и всемогущей властью Александра такие признаки были вполне достаточным основанием для действий против того, кого он ненавидел.

О душевном состоянии Александра по этому поводу нам рассказывает он сам, в одной из ссылок на его письма, приводимых Плутархом. В письме к Кратеру и другим лицам, написанном сразу после этого, Александр четко заявил, что страницы во время всех их пыток не свидетельствовали ни против кого, кроме себя. Тем не менее, в другом письме, адресованном Антипатру в Македонию, он использовал такие выражения: "Страницы были забиты камнями до смерти македонцами; но я сам накажу софиста, а также тех, кто отправил его сюда, и тех, кто укрывает в своих городах заговорщиков против меня"[530] Софист Каллистен был отправлен Аристотелем, который здесь обозначен; и, вероятно, афинянами после него. К счастью для Аристотеля, он находился не в Бактрах, а в Афинах. То, что он мог иметь какое-либо отношение к заговору пажей, было невозможно. В этой дикой вспышке угрозы в адрес своего отсутствующего наставника Александр раскрывает истинное состояние чувств, побудивших его уничтожить Каллистена; ненависть к тому духу гражданственности и свободы слова, который Каллистен не только лелеял, как Аристотель и большинство других литературных греков, но и мужественно проявил в своем протесте против движения за поклонение смертному.

Каллистена сначала подвергли пыткам, а затем повесили.[531] Его трагическая судьба вызвала глубокие чувства сочувствия и возмущения среди философов древности.[532]

Остановки Александра были грозными для друзей и соратников; его походы - для непокоренных туземцев, с которыми он предпочитал обращаться как с врагами. По возвращении Кратера из Согдианы Александр начал свой поход из Бактры (Балха) на юг к горному массиву Паропамис или Кавказ (Хинду-Коош), оставив, однако, в Бактре Аминтаса с большим отрядом из 10 000 пеших и 3500 конных, чтобы держать в повиновении эти непокорные территории.[533] Его поход через горы занял десять дней; затем он посетил свой недавно основанный город Александрию в Паропамисаде. У реки Кофен (река Кабул) к нему присоединился Таксилес, могущественный индийский принц, который привел в качестве подарка двадцать пять слонов, и чей союз был очень ценен для него. Затем он разделил

свою армию, направив одну часть под командованием Гефестиона и Пердикки в сторону территории, называемой Пеукелаотис (очевидно, к северу от места впадения реки Кабул в Инд), а остальную часть сам повел в восточном направлении, через горные районы между Хинду-Кушем и правым берегом Инда. Гефестиону было приказано, покорив всех врагов на своем пути, подготовить мост, готовый для перехода через Инд к тому времени, когда должен был прибыть Александр. Астес, князь Пеукелаотиса, был взят и убит в городе, где он затворился; но восстановление его стоило Гефестиону тридцатидневной осады[534].

Александр со своей половиной армии взялся за уменьшение численности аспасиев, гуреев и ассакенов, племен, занимавших гористую и труднодоступную местность вдоль южных склонов Гиндукуша; но ни они, ни их различные города - Аригеон, Массага, Базира, Ора, Дирта и т. д., за исключением, возможно, замечательной скалы Аорнос[535] у Инда, - не могут быть определены более точно. Эти племена были в целом храбрыми, их поддерживали города с сильным положением, а также пересеченная местность, во многих частях совершенно без дорог.[536] Но их оборона велась с небольшим объединением, без военного мастерства и с жалким оружием; так что они никак не могли опозу превосходной комбинации и быстрого движения Александра, вместе с уверенной атакой и очень превосходным оружием, как наступательным, так и оборонительным, его солдат. Все, кто пытался сопротивляться, были последовательно атакованы, одолены и убиты. Даже тех, кто не сопротивлялся, а бежал в горы, преследовали и либо убивали, либо продавали в рабство. Единственным способом спастись от меча было остаться, покориться и ждать приговора захватчика. Такую серию непрерывных успехов, достигнутых с малыми потерями, редко можно встретить в военной истории. Взятие скалы Аорнос доставило Александру особое удовольствие, поскольку она пользовалась легендарной репутацией тщетно штурмованной Гераклом, а сам он на первый взгляд считал ее неприступной. Покорив таким образом верхние области (выше Аттока или впадения реки Кабул) на правом берегу Инда, он воспользовался некоторыми лесами поблизости, чтобы заготовить древесину и построить лодки. Эти лодки были отправлены вниз по течению, к тому месту, где Гефестион и Пердиккас готовили мост[537].

За этими утомительными операциями Александра, совершенными среди всех тягот зимы, последовал тридцатидневный привал, чтобы освежить солдат перед переправой через Инд ранней весной 326 года до н. э.[538] Предполагается, и это вполне вероятно, что он переправился в Аттоке или около него, где сейчас часто проезжают. Сначала он отправился в Таксилу, где принц Таксил сразу же подчинился и усилил армию сильным контингентом индийских солдат. Его союз и информация оказались чрезвычайно ценными. Вся соседняя территория покорилась, и Филипп был поставлен сатрапом с гарнизоном и депо в Таксиле. Он не встречал сопротивления, пока не достиг реки Гидаспес (Джелум), на другом берегу которой стоял индийский принц Порус, готовый оспаривать проход; храбрый человек, с грозным войском, лучше вооруженным, чем обычно были индийцы, и со множеством обученных слонов; с этими животными македонцы еще никогда не сталкивались в бою. С помощью ряда восхитительных военных комбинаций Александр ускользнул от бдительности Поруса, украл проход через реку в месте, расположенном несколькими милями выше, и полностью разгромил индийскую армию. Несмотря на своих слонов, которыми они умело управляли, индийцы не могли долго выдержать удар ближнего боя против такой конницы и пехоты, как македонская. Порус, принц гигантского роста, восседавший на слоне, сражался с величайшей галантностью, собирая свои разбитые войска и удерживая их вместе до последнего. Видя, что двое его сыновей убиты, сам он ранен и умирает от жажды, он был сохранен только по особым указаниям Александра. Когда Порус предстал перед ним, Александр был поражен его ростом, красотой и неустрашимостью.[539] Обратившись к

нему, он спросил, чего Порус желает для него. "Чтобы ты обращался со мной как с царем", - ответил Порус. Александр, обрадованный этими словами, повел себя по отношению к Порусу с величайшей учтивостью и щедростью, не только обеспечив ему его фактическое царство, но и расширив его за счет новых прибавлений. В лице Поруса он нашел верного и эффективного союзника. Это был величайший день в жизни Александра, если взять вместе великолепие и трудность военных достижений, а также великодушное отношение к побежденному противнику[540].

Александр отпраздновал свою победу жертвоприношениями богам и празднествами на берегу Гидаспы; там же он дал указания об основании двух городов - Никеи на восточном берегу и Букефалии на западном, названной так в память о его любимом коне, который умер здесь от старости и усталости.[Оставив Кратеруса закладывать и возводить эти новые сооружения, а также поддерживать связь, он повел свою армию дальше в восточном направлении к реке Акесинес (Ченаб).[542] Его недавняя победа навела ужас на всех; Глаукæ, могущественное индийское племя с тридцатью семью городами и множеством населенных деревень, покорилося и перешло под власть Поруса; посольства о покорности были получены также от двух крупных князей - Абисареса и второго Поруса, до сих пор враждовавшего со своим тезкой. Переход через великую реку Акесинес, теперь полноводную и стремительную в своем течении, был осуществлен на лодках и надутых шкурах, но не без труда и опасности. Оттуда он двинулся дальше в том же направлении, через Пенджаб, не встречая врагов, но оставляя отряды на подходящих постах, чтобы поддерживать связь и обеспечивать снабжение, к реке Гидраотес или Рави; которая, хотя и не менее широкая и полноводная, чем Акесинес, была сравнительно спокойной, так что ее можно было легко пересечь.[543] Здесь некоторые свободные индийские племена, катхейцы и другие, имели мужество сопротивляться. Сначала они попытались удержаться в Сангале, окружив свой город тройным укреплением из повозок. Напав на них и захватив их, они были загнаны в стены, которые теперь уже отчаялись защищать, и решили эвакуироваться ночью. Но этот план был раскрыт Александру дезертирами и сорван благодаря его бдительности. На следующий день он взял город штурмом, предав мечу 17 000 индийцев и захватив (по словам Арриана) 70 000 пленников. Его собственные потери перед взятием города составили менее 100 человек убитыми и 1200 ранеными. Два соседних города, находившиеся в союзе с Сангалой, были эвакуированы их перепуганными жителями. Александр преследовал их, но не смог догнать, за исключением 500 больных или слабых людей, которых его солдаты предали смерти. Разрушив город Сангала, он присоединил эту территорию к владениям находившегося там Поруса с контингентом в 5000 индийцев[544].

Сангала была самым восточным из всех завоеваний Александра. Вскоре его поход привел его к реке Гифасис (Сатледж), последней из рек Пенджаба - кажется, в точке ниже ее слияния с Беасом. За этой рекой, широкой и стремительной, Александру сообщили, что в одиннадцати днях пути лежит пустыня, простирающаяся до еще более великой реки Ганг; за ней живут гандариды, самые могущественные, воинственные и многолюдные из всех индийских племен, отличающиеся количеством и выучкой своих слонов.[545] Перспектива трудного похода и враг, считавшийся непобедимым, только подстегнули его пыл. Он отдал приказ о переправе. Но тут впервые его армия, как офицеры, так и солдаты, проявила симптомы неконтролируемой усталости; они громко роптали на эти бесконечные труды и марши, о которых не знали, куда идти. Они уже перешли те пределы, где, по преданию, останавливались Дионис и Геракл: они отправлялись в регионы, до сих пор не посещенные ни греками, ни персами, только для того, чтобы спровоцировать и покорить новых врагов. Победрами они были сыты; грабежом, как бы обилен он ни был, они не наслаждались;[546] тяготы непрерывного похода вперед, часто чрезмерно ускоренного, истощили и людей, и

лошадей; кроме того, их продвижение от Гидаспеса было совершено во влажный сезон, под дождями, более сильными и продолжительными, чем те, которые они когда-либо испытывали прежде.[547] Узнав о царящем недовольстве, Александр собрал своих офицеров и обратился к ним с речью, пытаясь возродить в них тот дух и стремительность, которые он до сих пор считал не соответствующими его собственным.[548] Но это ему полностью не удалось. Никто не осмелился открыто возразить ему. Один только Кенус рискнул произнести несколько робких слов отвода; остальные проявили пассивное и угрюмое неприятие, даже когда он объявил, что те, кто желает, могут вернуться с позором дезертира своего короля, а он пойдет вперед только с добровольцами. После двухдневной паузы, проведенной в одиночестве и молчаливой скорби, он все же, по-видимому, остался в своем решении и принес жертву, которую обычно приносят перед переходом реки. Жертвы оказались неутешительными; он склонился перед волей богов и отдал приказ возвращаться, к единодушному и беспредельному восторгу своей армии[549].

Чтобы отметить последнюю точку своего продвижения на восток, он воздвиг двенадцать алтарей необычайной высоты и размеров на западном берегу Гифасиса, принося благодарственные жертвы богам, с обычными празднествами и состязаниями в ловкости и силе. Затем, передав всю территорию к западу от Гифасиса под управление Поруса, он отправился в обратный путь, вновь обошел гидраотов и акесинов и вернулся к Гидаспесу недалеко от того места, где он впервые перешел его. Два новых города - Букефалия и Никейя, - которые он приказал основать на этой реке, сильно пострадали от дождей и наводнений во время его похода к Гифасису, и теперь требовалась помощь армии для устранения повреждений.[550] Сильные дожди продолжались на протяжении большей части его обратного марша к Гидаспесу.[551]

Вернувшись к этой реке, Александр получил большое подкрепление в виде конницы и пехоты, присланное ему из Европы, вместе с 25 000 новых паноплий и значительным запасом лекарств.[552] Если бы эти подкрепления прибыли к нему на Гифасис, не исключено, что он смог бы убедить свою армию сопровождать его в дальнейшем продвижении к Гангу и регионам за ним. Теперь он, при содействии Поруса и Таксила, занялся сбором и строительством флота для плавания вниз по Гидаспесу и далее к устью Инда. К началу ноября, подготовив флот из почти 2000 лодок или судов различных размеров, он начал свое путешествие.[553] Кратер шел с одной дивизией армии вдоль правого берега Гидаспеса - Гефестион на левом берегу с остальными, включая 200 слонов; Непарх командовал флотом на реке, на борту которого находился сам Александр. Он медленно плыл вниз по реке, до слияния Гидаспеса с Акезинами, Гидраотами и Гифасисом - все они единым потоком впадали в Инд. Он плыл вниз по течению Инда до его слияния с Индийским океаном. В общей сложности это путешествие заняло девять месяцев,[554] с ноября 326 года до н. э. по август 325 года до н. э. Но это было путешествие, полное активных военных действий по обе стороны реки. Александр постоянно высаживался, чтобы нападать, покорять и убивать все те народы у берегов, которые не покорялись добровольно. Среди них были малли и оксидраки, свободные и храбрые племена, решившие защищать свою свободу, но, к несчастью для себя, привычно враждовавшие между собой и не способные теперь к сердечному сотрудничеству против общего захватчика.[555] Александр сначала напал на малли со своей обычной быстротой и энергией, избил их с резней в поле и взял несколько их городов.[556] Остался только их последний и самый сильный город, из которого защитники уже были изгнаны и вынуждены были отойти в цитадель. [557] Там их преследовали македонцы, Александр был в первых рядах, с несколькими стражниками возле него. Нетерпеливый оттого, что войска с лестницами не поднимались быстрее, он взобрался на случайно оказавшуюся под рукой лестницу, сопровождаемый только Пекестом и еще одним или двумя

людьми, с отвагой, даже превосходящей ту, которую он обычно проявлял. Очистив стену и убив нескольких ее защитников, он прыгнул вниз, во внутренние помещения цитадели, и некоторое время почти в одиночку противостоял всем, кто находился внутри. Однако он получил тяжелую рану от стрелы в грудь и уже был готов потерять сознание, когда ворвались его солдаты, спасли его и заняли место. Все находившиеся внутри люди, мужчины, женщины и дети, были убиты[558].

Рана Александра была настолько тяжелой, что сначала его объявили мертвым, к большому смятению и огорчению армии. Однако вскоре он достаточно оправился, чтобы показаться и принять горячие поздравления в лагере, разбитом в месте слияния рек Гидраотес (Раве) и Акесин (Ченаб).[559] Его путешествие вниз по реке, хотя и задержанное лечением его раны, было вскоре возобновлено и продолжено, с теми же активными действиями его сухопутных войск с обеих сторон по подчинению всех индийских племен и городов в пределах доступного расстояния. В месте слияния реки Акесинес (Пунджнуд) с Индом Александр распорядился заложить новый город с достаточным количеством доков и удобств для строительства кораблей, с помощью которых он рассчитывал управлять внутренним судоходством. [560] Не имея больше повода для столь крупных сухопутных войск, он отправил большую их часть под командованием Кратера на запад (кажется, через перевал, который теперь называется Болан) в Карманию.[561] Он основал еще один военный и морской пост в Паттале, где разделяется дельта Инда; затем он отплыл с частью своего флота вниз по правому рукаву реки, чтобы впервые увидеть Индийский океан. Вид приливов и отливов, которых никто не испытывал в таких масштабах, как здесь, вызвал у всех изумление и тревогу[562].

Теперь адмиралу Неарху оставалось провести флот от устья Инда вокруг Персидского залива до Тигра: памятное морское предприятие в греческой древности. Сам Александр (примерно в августе) начал свой поход по суше на запад через территории Арабитов и Оритов, а затем через пустыни Гедросии. Пура, главный город гедросийцев, находился в шестидесяти днях пути от границы с Оритами[563].

Здесь его армия, хотя и не имела грозного противника, претерпела самые тяжелые и плачевные страдания; их поход проходил по песчаной и бездорожной пустыне, с небольшими запасами продовольствия и еще меньшими запасами воды, под палящим солнцем. Потери в людях, лошадях и скоте от жажды, усталости и болезней были огромны, и потребовалась вся неукротимая энергия Александра, чтобы довести до конца даже уменьшившееся число людей.[564] В Пуре армия отдохнула и подкрепилась и смогла двинуться вперед в Карманию, где к ней присоединился Кратер со своей дивизией с Инда, а Клеандр с дивизией, оставленной в Экбатане. Клеандр, обвиненный в чудовищных преступлениях во время своего предыдущего командования, был предан смерти или заключен в тюрьму: несколько его товарищей были казнены. Чтобы вознаградить солдат за их недавнее бедствие в Гедросии, царь семь дней водил их в пьяном вакхическом шествии по Кармании, сам и все его друзья принимали участие в веселье; подражая веселому празднеству и триумфу, с которым бог Дионис возвращался с завоевания Индии[565].

Во время остановки в Кармании Александр имел удовольствие видеть своего адмирала Неарха,[566] который провел флот от устья Инда до гавани Гармозея (Ормуз), недалеко от входа в Персидский залив; путешествие было очень трудным и тяжелым, вдоль бесплодных берегов Ориты, Гедросии и Ихтиофагов.[Неарх, получивший высокую оценку и почести, был отправлен обратно, чтобы завершить свое путешествие до устья Евфрата; Гефестиону же было поручено провести большую часть армии со слонами и тяжелым багажом по дороге, идущей от Кармании к Персиде. Эта дорога, хотя и окружная, была наиболее удобной, так

как сейчас был зимний сезон;^[568] но сам Александр с легкими частями своей армии пошел по более прямой горной дороге из Кармании в Пасаргады и Персеполь. Посетив гробницу Кира Великого, основателя Персидской империи, он был возмущен тем, что она была разрушена и разграблена. Он приказал тщательно восстановить ее, предал смерти македонца по имени Полимах как преступника и подверг пыткам магийских хранителей гробницы с целью выявления сообщников, но тщетно. [Однако Орсинеса, сатрапа Персиды, обвинили в попустительстве этому преступлению, а также в различных актах убийства и растраты: по словам Курция, он был не только невиновен, но и проявлял добрую волю и преданность Александру;^[570] несмотря на это, он стал жертвой враждебности любимого евнуха Багоаса, который и отравлял ум царя клеветой на себя, и подговаривал других обвинителей ложными показаниями. Какова бы ни была правда этой истории, Александр велел повесить Орсинеса, назначив сатрапом Пекеста, чья благосклонность была теперь высока, отчасти как товарища и защитника царя в его неминуемой опасности в цитадели Малли, отчасти потому, что он перенял персидскую одежду, манеры и язык более полно, чем любой другой македонец^[571].

Примерно в феврале 324 года до н. э.^[572] Александр выступил из Персиды в Сузы. Во время этого продвижения, в точке, где он пересек Паситигр, к нему снова присоединился Нearch, который, завершив кругосветное путешествие от устья Инда до Евфрата, отплыл с флотом от последней реки и поднялся вверх по Паситигру. ^{573]} Вероятно, дивизия Гефестиона также присоединилась к нему в Сузах, и там вся армия впервые была собрана вместе после разделения в Кармании.

В Сузах и Сузиане Александр провел несколько месяцев. Впервые с момента вступления на престол у него не было никаких военных операций в руках или в ближайшей перспективе. Перед ним не было врага, пока ему не вздумалось отправиться на поиски нового; - да и не мог он найти нового врага, разве что на огромном расстоянии. Он вышел из опасностей неизведанного Востока и вернулся в обычные условия персидского правления, заняв столицу, из которой великие цари Ахемениды привыкли управлять как западными, так и восточными частями своей огромной империи. Александр занял их пост, и их раздражительная любовь к рабству увенчалась успехом; но он принес с собой такую неугомонную энергию, какой не проявлял никто из них, кроме первого основателя Кира, и такой великолепный военный гений, который не был известен ни Киру, ни его преемникам.

В новом положении Александра главными предметами его беспокойства стали сатрапы и македонские солдаты. В течение долгого промежутка времени (более пяти лет), прошедшего с тех пор, как он отправился на восток из Гиркании в погоню за Бессом, сатрапы были предоставлены сами себе. Некоторые полагали, что он никогда не вернется; ожидание было, конечно, необоснованным, поскольку его собственный импульс к продвижению вперед был настолько ненасытным, что вернуться его заставило только решительное сопротивление его собственных солдат; кроме того, его опасное ранение среди маллийцев и катастрофический поход через Гедросию породили сообщения о его смерти, которым некоторое время верили даже Олимпия и Клеопатра в Македонии.^[574] В условиях такой неопределенности некоторые сатрапы обвинялись в разграблении богатых храмов и совершении насильственных действий по отношению к отдельным лицам. Помимо всех преступлений, реальных или предполагаемых, некоторые из них также брали на службу наемные войска, отчасти как необходимое средство власти в своих округах, отчасти как защиту для себя в случае смерти Александра. На поведение сатрапов и их офицеров было прислано множество доносов и жалоб, которые Александр выслушивал охотно и даже с жадностью, наказывая обвиняемых с неизбирательной строгостью и особенно возмущаясь подозрениями в том, что

они рассчитывали на его смерть.[575] Среди казненных были Абулит, сатрап Сузианы, и его сын Оксатрес; последний был даже зарублен руками самого Александра с помощью сариссы[576] - отправление наказания стало в его руках вспышкой буйного нрава. Он также разослал всем сатрапам императивные приказы, предписывающие им без промедления распустить наемные войска[577]. Эта мера оказала значительное влияние на состояние Греции, о чем я расскажу в одной из последующих глав. Гарпалус, сатрап Вавилона (о котором также будет сказано подробнее), растратив большие суммы из доходов должности на показную роскошь, пришел в ужас, когда Александр приближался к Сузиане, и бежал в Грецию с большим сокровищем и небольшим отрядом солдат.[578] Серьезная тревога охватила всех сатрапов и офицеров, причем как виновных, так и невиновных. О том, что самые виновные не были теми, кто пострадал хуже всех, можно судить на примере Клеомена в Египте, который оставался без охраны в своем правительстве, хотя его беззакония не были тайной[579].

Среди македонских солдат постоянно росло недовольство, вызванное многочисленными доказательствами того, что Александр избрал для себя азиатский характер и отрекся от своей страны. Помимо привычного перенятия персидского костюма и церемониала, он теперь отпраздновал в Сузах своего рода национальный азиатский брак. Он уже женился на пленнице Роксане в Бактрии; затем он взял еще двух жен - Статиру, дочь Дария, и Парисатис, дочь предыдущего царя Охуса. В то же время он заставил восемьдесят своих главных друзей и офицеров, некоторые с большой неохотой, жениться (по персидским обрядам) на женах, выбранных из самых знатных персидских семей, обеспечив их всех приданым.[580] Кроме того, он сделал подарки всем тем македонцам, которые назвали свои имена в качестве женившихся на персиянках. Эти бракосочетания сопровождались пышными празднествами[581], почетные награды раздавались любимцам и заслуженным офицерам. Македонцы и персы, две имперские расы, одна в Европе, другая в Азии, были, таким образом, предназначены для слияния. Чтобы смягчить неприязнь солдат к этим азиатским бракам,[582] Александр объявил, что он сам погасит их долги, предложив всем, кто задолжал деньги, назвать свои имена с указанием причитающихся сумм. Было известно, что должников много, но мало кто пришел указать свои имена. Солдаты заподозрили, что это объявление - хитрость, предназначенная для того, чтобы вычислить расточителей и получить предлог для наказания: замечательное свидетельство того, как мало доверия или привязанности внушал Александр, и как сильно было чувство страха перед ним, смешанное с восхищением. Сам он был сильно уязвлен их недоверием и открыто жаловался на это; в то же время он объявил, что в лагере должны быть открыто размещены казначеи и столы, и что любой солдат может прийти и попросить денег, достаточных для уплаты его долгов, не будучи обязан давать от своего имени. Обеспеченные тайной, они теперь обращались с просьбами в таком количестве, что общая сумма розданных денег была непомерно велика; по некоторым данным, она достигала 10 000 талантов, а по словам Арриана, не менее 20 000 талантов или 4 600 000 фунтов стерлингов[583].

Как бы ни были велики эти пожертвования, они, вероятно, давали лишь частичное удовлетворение, поскольку самые стойкие и хорошо воспитанные солдаты не могли получить никакой выгоды, за исключением тех случаев, когда они решали предъявить фиктивные долги. Кроме того, солдат ожидало новое изменение. Из различных сатрапий - даже из самых отдаленных, Согдианы, Бактрии, Арии, Дрангианы, Арахозии и т. д. - прибыли отряды молодых и свежих туземцев, в общей сложности 30 000 человек; все они были вооружены и обучены на македонский манер. С того момента, как македонцы отказались переправиться через реку Гифасис и двинуться в Индию, Александр понял, что для осуществления его крупных агрессивных замыслов необходимо распустить старых солдат и

организовать армию одновременно более свежую и более покорную. Он послал сатрапам приказ сформировать и дисциплинировать новые азиатские войска из энергичных туземных юношей, и плоды этих приказов были налицо.[\[584\]](#) Александр с большим удовлетворением осмотрел новые войска, которые он назвал эпигонами. Кроме того, он включил многих местных персов, как офицеров, так и солдат, в кавалерию компаньонов, самую почетную службу в армии; сделав важное изменение в вооружении, он снабдил их коротким македонским копьем вместо ракетного персидского копья. Они оказались такими искусными солдатами, а гений Александра в области военной организации был настолько совершенным, что он вскоре освободился от зависимости от македонских ветеранов; это изменение было достаточно очевидным как для них, так и для него самого[\[585\]](#).

Новизна и успех исследовательского плавания Нearchа возбудили в Александре жажду морских операций. Отправившись на своем флоте в Паситигрис (Карун, река на восточной стороне Суз), он лично отплыл в Персидский залив, осмотрел побережье до устья Тигра, а затем поплыл вверх по последней реке до Описа. Тем временем Гефестион, командуя армией, совершил сухопутный поход, согласованный с этим путешествием, и вернулся в Опис, где Александр высадился[\[586\]](#).

Теперь с азиатскими войсками было проведено достаточно экспериментов, чтобы Александр мог обойтись без многих македонских ветеранов. Собрав армию, он сообщил о своем намерении отправить домой тех, кто был непригоден к службе либо по возрасту, либо по ранам, но выделить им при отплытии подарки, достаточные для того, чтобы привести их в завидное состояние и привлечь свежих македонцев на замену. Услышав это предупреждение, все давние недовольства солдат сразу же вырвались наружу. Они почувствовали себя отброшенными, изможденными и бесполезными, - и отброшенными не для того, чтобы освободить место для молодых людей из своей страны, а в пользу тех азиатов, в чьи руки перешел их царь. Они громким голосом требовали, чтобы он уволил их всех, советуя ему в качестве насмешки совершать свои будущие завоевания вместе с его отцом Аммоном. Эти проявления так взбесили Александра, что он спрыгнул с возвышения, на котором стоял, чтобы говорить, бросился с несколькими своими стражниками в толпу солдат и схватил или заставил схватить тринадцать человек из тех, кто, как оказалось, был самым решительным, приказав немедленно предать их смерти. Толпа была основательно ошеломлена и притихла, после чего Александр взошел на помост и обратился к ним с речью значительной длины. Он хвастался великими подвигами Филиппа и еще более великими своими: он утверждал, что вся польза от его завоеваний досталась македонцам, а сам он получил от них лишь двойную долю общих трудов, лишений, ран и опасностей. Упрекнув их в подлом дезертирстве от царя, который сделал для них все эти беспримерные приобретения, он в заключение дал всем отбой и приказал немедленно уходить[\[587\]](#).

После этой речи, наполненной (как мы читаем у Арриана) тем непомерным самовосхвалением, которое составляло главную черту его характера, Александр поспешил во дворец, где просидел два дня, не допуская никого, кроме своих приближенных. Вместе с ним ушла и его охрана, оставив недовольных солдат оцепеневшими и неподвижными. Не получив ни дальнейших приказов, ни привычных военных указаний,[\[588\]](#) они остались в беспомощном состоянии солдат, вынужденных решать за себя и в то же время полностью зависящих от Александра, которого они обидели. На третий день они узнали, что он созвал персидских офицеров и передал им главные военные команды, распределив вновь прибывших эпигонов по подразделениям пехоты и конницы, все с македонскими военными титулами, а самих македонян обошел, как будто их не существовало. При этом известии солдаты были переполнены стыдом и раскаянием. Они бросились к воротам дворца,

побросали оружие и со слезами и стонами молили Алекса о помиловании. Вскоре он вышел и сам был растроган до слез, увидев их покорную поступь. Засвидетельствовав свое полное примирение, он устроил торжественное жертвоприношение, сопровождавшееся многолюдным пиром, на который собрались македонцы и персы. Греческие пророки, персидские волхвы и все присутствующие гости объединились в молитвах и возлияниях за слияние, гармонию и общность империи между двумя народами[589].

Эта полная победа над собственными солдатами, вероятно, была столь же приятной для Александра, как и любая другая, одержанная им за всю его прошлую жизнь; она несла в себе утешительное возмездие за памятную остановку на берегах Гифасиса, которую он не забыл и не простил. Он отобрал 10 000 самых старых и изможденных солдат для отправки домой под командованием Кратерия, выдав каждому полное жалование до прибытия в Македонию, а также пожертвование в размере одного таланта. Он намеревался, чтобы Кратер, который был нездоров, остался в Европе в качестве наместника Македонии, а Антипатр отправился в Азию с подкреплением войск.[590] В соответствии с этим решением, 10 000 солдат были выделены для возвращения и отделены от основной армии. Однако не похоже, что они действительно вернулись в течение десяти месяцев жизни Александра.

О важном указе, который Александр разослал этим летом по греческим городам и зачитал на Олимпийском фестивале в июле, предписывая каждому городу отозвать своих изгнанных граждан, я расскажу в одной из следующих глав. Теперь он достиг своей цели - организовал сухопутное войско, наполовину македонское, наполовину азиатское. Но после экспедиции Неварха он решил значительно расширить свои военно-морские силы; это было действительно необходимым условием для осуществления его ближайших проектов по завоеванию Аравии и продвижению морских исследований и расширения от Персидского залива до аравийского побережья. Он разослал приказы в финикийские порты, предписывая построить многочисленный флот, а затем разобрать корабли на части и переправить их в Тапсакус на Евфрате, откуда они должны были отплыть в Вавилон. Там он распорядился построить другие корабли из многочисленных кипарисов, а также построить огромную гавань на реке в Вавилоне, рассчитанную на 1000 военных кораблей. Миккалус, грек из Клазомен, был послан в Феникию с 500 талантами, чтобы набрать или купить моряков для экипажей. Было рассчитано, что эти приготовления (вероятно, под руководством Неварха) будут завершены к весне, и в этот период в Вавилон были созваны контингенты для экспедиции в Аравию[591].

Тем временем сам Александр нанес визит в Экбатаны, обычную летнюю резиденцию персидских царей. Он вел свою армию неспешными маршами, осматривая по пути древние царские парки знаменитой породы нисейских лошадей, ныне сильно уменьшившихся в числе.[592] На марше произошла жестокая ссора между его личным фаворитом Гефестионом и его секретарем Евменом, самым способным, ловким и дальновидным человеком на его службе. К Евмену, как к греку из Кардии, македонские офицеры, особенно Гефестион, всегда относились с пренебрежением и ревностью; теперь Александр постарался примирить их, не испытывая затруднений с Евменом, но испытывая большие трудности с Гефестионом.[593] Во время своего пребывания в Экбатанах он устраивал великолепные жертвоприношения и празднества, с гимнастическими и музыкальными выставками, которые еще больше оживлялись, согласно македонским обычаям, банкетами и чрезмерным винопитием. Во время этих мероприятий Гефестион был охвачен лихорадкой. Энергичность его телосложения позволила ему пренебречь всеми заботами и режимом, так что через несколько дней болезнь унесла его. Окончательный кризис наступил внезапно, и Александр был предупрежден о нем, сидя в театре; однако, поспешив к постели, он

обнаружил, что Гефестион уже мертв. Его скорбь по этой утрате была безгранична и проявлялась в чрезмерных проявлениях, соответствующих общей жестокости его порывов, будь то привязанность или антипатия. Подобно Ахиллу, оплакивавшему Патрокла, он бросился на землю рядом с мертвым телом и проплакал там несколько часов; он отказался от всякого ухода и даже от пищи в течение двух дней; он обрезал свои волосы и приказал, чтобы все лошади и мулы в лагере также обрезали свои гривы; он не только приостановил празднества, но и запретил всякую музыку и всякое проявление радости в лагере; Он распорядился, чтобы с крепостных стен соседних городов были снесены бойницы; он повесил или распял врача Глаукиаса, который прописал Гефестиону лекарства; он приказал воздвигнуть в Вавилоне огромную погребальную кучу стоимостью 10 000 талантов (2 300 000 фунтов), чтобы отпраздновать похороны; он послал гонцов к Аммонскому оракулу, чтобы узнать, разрешено ли поклоняться Гефестиону как богу. Многие из окружавших его людей, поддавшись этому страстному порыву правителя, сразу же начали демонстрировать своеобразное поклонение покойному, посвящая ему себя и свое оружие; примером для подражания стал Эвмен, сознававший свою личную опасность, если Александр заподозрит его в том, что он радуется смерти своего недавнего соперника. Пердиккасу было поручено доставить тело в торжественной процессии в Вавилон, где оно должно быть сожжено, когда приготовления будут завершены[594].

Александр оставался в Экбатане до наступления зимы, пытаясь отвлечься от своего горя преувеличенной пышностью празднеств и показной жизнью. Его нрав стал еще более вспыльчивым и яростным, так что никто не приближался к нему без страха, и его умиловляли самыми экстравагантными лестцами.[595] В конце концов он воспрянул духом и нашел истинное утешение в удовлетворении главных страстей своей натуры - борьбе и охоте на людей.[596] Между Медией и Персидой, среди высоченных, бездорожных, недоступных гор, жили племена, называемые Коссеями. Храбрые и хищные, они отражали нападения персидских царей. Теперь Александр направил против них мощные силы и, несмотря на возросшие трудности, вызванные зимним временем года, теснил их из пункта в пункт, преследуя их в самых высоких и непроходимых углублениях их гор. Эти усилия продолжались в течение сорока дней под руководством его и Птолемея, пока все мужское население не было убито; это стало приемлемым жертвоприношением манам Гефестиона[597].

Вскоре после этого Александр начал свое продвижение к Вавилону, но медленными маршами, которые еще больше замедлялись различными иностранными посольствами, встречавшимися ему на пути. Так широко распространился ужас перед его именем и достижениями, что некоторые из этих посланников прибыли из самых отдаленных регионов. Среди них были представители различных племен Ливии, Карфагена, Сицилии и Сардинии, иллирийцев и фракийцев, луканцев, бруттийцев и тосканцев в Италии, и даже (как утверждали некоторые) римляне, пока еще умеренно могущественный народ.[598] Но были и другие имена, еще более удивительные - Эфиопы с крайнего юга, за Египтом, скифы с севера, за Дунаем, иберийцы и галлы с крайнего запада, за Средиземным морем. Легаты прибыли также из различных греческих городов, отчасти для поздравлений и комплиментов по поводу его выдающихся успехов, отчасти для возражений против его широкомасштабного мандата на общее восстановление греческих изгнанников.[599] Было замечено, что эти греческие легаты подошли к нему с венками на головах, протягивая ему золотые венки, - как будто они пришли в присутствии бога.[600] Доказательства, которые Александр получал даже от далеких племен с неизвестными ему именами и костюмами, страх перед его враждой и беспокойство за его благосклонность, были такими, которые

никогда не были показаны ни одному историческому лицу, и такими, которые полностью объясняют его сверхчеловеческое высокомерие.

Однако посреди этой буйной гордости и удачи по мере приближения к Вавилону на него нахлынули мрачные предзнаменования и пророчества. Самым примечательным из них было предупреждение халдейских жрецов, которые вскоре после того, как он переправился через Тигр, сообщили ему, что входить в этот город опасно, и увещевали его оставаться за воротами. Сначала он был склонен послушаться, но его сомнения были преодолены либо доводами греческого софиста Анаксарха, либо стыдом за то, что он закрыл для себя самый памятный город империи, где сейчас шли его большие военно-морские приготовления. Он нашел Неарха с его флотом, который прибыл из устья реки, а также корабли, которые было приказано построить в Феникии, которые спустились вниз по реке из Фапсака, вместе с большим количеством моряков, чтобы служить на борту. ^[601] Корабли из кипарисового дерева и большие доки, которые он приказал построить в Вавилоне, также были в полном ходу. Не теряя времени, он согласовал с Неархом детали экспедиции в Аравию и Персидский залив, объединив сухопутные и морские силы. От различных морских офицеров, которые были посланы обследовать Персидский залив и теперь делали свои доклады, он узнал, что хотя в нем и вдоль его южного побережья нет серьезных трудностей, но обогнуть восточный мыс, которым заканчивается это побережье, обогнуть неизвестный полуостров Аравия и таким образом достичь Красного моря - предприятие по меньшей мере опасное, если не невыполнимое. ^[602] Но достичь того, что другие люди считали невыполнимым, было главной страстью Александра. Он решил обогнуть Аравию, а также покорить аравийцев, которым было достаточно обидно, что они не прислали к нему посланников. Он также задумал основать в глубине Персидского залива великий морской город, который мог бы соперничать по богатству и торговле с городами Феникии ^[603].

Во время подготовки к этой экспедиции - и пока строилась огромная погребальная куча, предназначенная для Гефестиона, - Александр плыл вниз по Евфрату к большой дамбе под названием Паллакопас, примерно в девяносто милях ниже Вавилона; шлюз, построенный древними ассирийскими царями, был открыт, когда река была слишком полноводной, чтобы спустить воду в бесконечные болота, простирающиеся у западного берега. Сообщив, что шлюз работает плохо, он предложил построить новый несколько дальше вниз. Затем он проплыл через Паллакопас, чтобы осмотреть болота вместе с возведенными среди них гробницами древних ассирийских царей. Сам управляя своим судном, с каусией на голове и царской диадемой над ней, ^[604] он прошел некоторое время среди этих озер и болот, которые были настолько обширны, что его флот потерял среди них дорогу. Он пробыл там достаточно долго, чтобы распорядиться и даже начать основание нового города в удобном, как ему казалось, месте ^[605].

Вернувшись в Вавилон, Александр обнаружил, что туда прибыло большое подкрепление - частично под командованием Филоксена, Менандра и Менидаса из Лидии и Карики - и частично 20 000 персов под командованием сатрапа Пекеста. Он приказал включить этих персов в состав македонской фаланги. По установившемуся обычаю, каждый из этих отрядов имел шестнадцать человек в глубину, и каждый солдат был вооружен длинной пикой или сариссой, которую держали двумя руками; лохаг, или передний отряд, всегда был офицером, получавшим двойное жалованье за большую силу и подтвержденную доблесть, а второй и третий отряды, а также самый задний отряд, тоже сильные и хорошие люди, получали большее жалованье, чем остальные. Александр в своей новой схеме сохранил три первые шеренги и заднюю шеренгу без изменений, а также ту же глубину строя; но он заменил двенадцать персов вместо двенадцати македонцев, которые следовали за

человеком третьего ранга; таким образом, строй состоял сначала из лохага и двух других избранных македонцев, каждый из которых был вооружен сариссой, затем из двенадцати персов, вооруженных на свой манер луком или копьем, и наконец, из македонца с его сариссой, идущего сзади.[606] В этом македонско-персидском строю спереди было бы только три выступающих пики, а не пять, как в обычной македонской фаланге; но тогда, в качестве компенсации, персидские солдаты могли бы метать свои копья в наступающего врага над головами трех своих бойцов, стоящих впереди. Последующая смерть Александра не позволила осуществить эту реформу, интересную как его последний проект по объединению персов и македонцев в одну военную силу.

Помимо изменения фаланги, Александр также проанализировал свой флот, который теперь был полностью укомплектован. Приказ об отплытии был отдан сразу после празднования похорон Гефестиона. Это был последний акт, который ему оставалось совершить. Великолепная погребальная громада была готова - двести футов в высоту, занимала квадратную площадь, сторона которой составляла почти один фут, и была украшена в основном благодаря усердию, реальному и симулированному, македонских офицеров. Изобретения художников были исчерпаны в долгих дискуссиях с самим царем, чтобы во что бы то ни стало создать выставку великолепия, необыкновенную и потрясающую. Расходы (вероятно, с учетом последующих празднеств) составили 12 000 талантов, или 2 760 000 фунтов стерлингов.[607] Александр ждал приказа от оракула Аммона, отправив туда гонцов, чтобы узнать, какую меру почтительности и благочестия он может оказать своему ушедшему другу.[608] Пришел ответ, в котором говорилось, что Гефестиону следует поклоняться как Герою - второстепенная форма поклонения, не сравнимая с поклонением богам. Обрадованный этим божественным свидетельством о Гефестионе, Александр приказал зажечь костер и провести обряд отпевания в соответствии с предписаниями оракула[609]. Далее он распорядился возвести великолепные часовни или священные здания для поклонения и чествования Гефестиона в Александрии в Египте, в Пелле в Македонии и, вероятно, в других городах[610].

По поводу почестей, предназначенных Гефестиону в Александрии, он направил Клеомену, сатрапу Египта, депешу, которая отчасти стала нам известна. Я уже говорил, что Клеомен был одним из худших сатрапов; он совершил множество государственных преступлений, о которых Александр не был не осведомлен. Царская депеша предписывала ему воздвигнуть в память о Гефестионе часовню на твердой земле Александрии, с великолепной башней на островке Фарос; кроме того, чтобы все торговые письменные контракты, как условие их действительности, были снабжены именем Гефестиона. Александр заключил так: "Если по прибытии я найду египетские храмы и часовни Гефестиона завершенными наилучшим образом, я прощу тебе все твои прошлые преступления; и в будущем, какое бы большое преступление ты ни совершил, ты не потерпишь от меня дурного обращения"[611] Эта депеша ярко иллюстрирует, насколько неправомерные действия сатрапов были в его представлении второстепенными соображениями по сравнению с великолепными проявлениями по отношению к богам и личной привязанностью к друзьям.

Сильная скорбь, которую Александр испытал из-за смерти Гефестиона - не просто близкого друга, но такого же возраста и бурной энергии, как и он сам, - открыла его разум для мрачных предчувствий, связанных с многочисленными предзнаменованиями, а также для ревнивого недоверия даже к своим старейшим офицерам. Особенно Антипатр, не защищенный более от клеветы Олимпии поддержкой Гефестиона,[612] все более и более впадал в немилость; а его сын Кассандр, недавно прибывший в Азию с македонским подкреплением, в минуты раздражения подвергался со стороны Александра оскорбительному насилию. Несмотря на

успокаивающие предостережения халдейских жрецов,[613] Александр убедился в их искренности и вошел в Вавилон, хотя и не без колебаний и тревоги. Однако, когда, войдя в город, он снова благополучно вышел из него, отправившись в экспедицию для обследования низовьев Евфрата, он счел, что разоблачил их как лживых паникеров, и вернулся в город с возросшей уверенностью, чтобы отпевать своего умершего друга[614].

Жертвоприношения, связанные с этими траурными мероприятиями, были самых грандиозных масштабов. Жертв было достаточно, чтобы устроить пир для всей армии, которая также получила обильные порции вина. Александр сам председательствовал на пиру и предался веселью, как и все остальные. Насытившись вином, он уговорил своего друга Медия попить с ним и провести всю ночь в еще большем пьянстве, которое греки называли *Kômus* или *Revelry*. Проспав опьянение в течение следующего дня, он вечером снова ужинал с Медием и провел вторую ночь в таком же безмерном возлиянии.[615] Похоже, что у него уже были зачатки лихорадки, которая так смертельно усугубилась от этого невоздержания, что он был слишком болен, чтобы вернуться в свой дворец. Он принял ванну и переночевал в доме Медия; на следующее утро он не смог подняться. После того как его вынесли на кушетке для жертвоприношения (что было его ежедневной привычкой), он был вынужден весь день пролежать в постели. Тем не менее он созвал к себе генералов, изложил им все подробности предстоящей экспедиции и приказал, чтобы сухопутные войска начали поход на четвертый день, а флот с ним самим отплыл на пятый день. Вечером его перенесли на кушетке через Евфрат в сад на другом берегу, где он искупался и отдохнул. Лихорадка все еще продолжалась, так что утром, после того как его искупали и вынесли для совершения жертвоприношений, он весь день пролежал на кушетке, разговаривая и играя в кости с Медием; вечером он искупался, снова принес жертву, съел легкий ужин, но пережил плохую ночь с усилившейся лихорадкой. Следующие два дня прошли в том же духе, лихорадка становилась все сильнее и сильнее; тем не менее Александр все же позвал Неарха к себе, обсудил с ним многие вопросы, касающиеся его морских проектов, и повторил свой приказ о том, что флот должен быть готов к третьему дню. На следующее утро лихорадка усилилась; Александр весь день пролежал в купальне в саду, но все же призвал генералов, чтобы те распорядились заполнить вакансии среди офицеров, и приказал, чтобы вооружение было готово к движению. В течение двух последующих дней его недуг ежечасно усугублялся. В последний день Александр с трудом смог подняться с постели, чтобы совершить жертвоприношение; однако и тогда он продолжал отдавать приказы генералам об экспедиции. На следующий день, хотя он и был отчаянно болен, он все же сделал усилие, необходимое для совершения жертвоприношения; затем его перенесли из сада во дворец, приказав генералам и офицерам оставаться в постоянном присутствии в зале и около него. Он велел позвать некоторых из них к своей постели, но, хотя он прекрасно знал их, к этому времени он уже был не в состоянии говорить. Говорят, что одним из последних его слов, сказанных на вопрос, кому он завещал свое королевство, было: "*Сильнейшему*"; одним из последних его действий было снятие перстня с пальца и передача его Пердиккасу[616].

Две ночи и один день он пролежал в таком состоянии, не поправляясь и не отдыхая. Тем временем весть о его болезни распространилась по армии, наполнив ее горем и смятением. Многие солдаты, желая еще раз увидеть его, пробрались во дворец и были допущены туда без оружия. Они проходили мимо постели больного, всем своим видом демонстрируя скорбь и сочувствие: Александр знал их и, как мог, демонстрировал дружеское признание, но не мог произнести ни слова. Несколько генералов спали в храме Сераписа, надеясь, что бог во сне сообщит им, следует ли им привести туда Александра в качестве просителя, чтобы он испытал на себе божественную целительную силу. Во сне бог сообщил им, что Александра не следует приводить в храм - лучше оставить его там, где он был. После полудня он

скончался - в июне 323 года до н. э. - после тридцати двух лет и восьми месяцев жизни и двенадцати лет и восьми месяцев царствования[617].

Смерть Александра, внезапно прерванная лихорадкой в самом расцвете здоровья, сил и стремлений, стала событием не только впечатляющим, но и важным в высшей степени для его далеких и близких современников. Когда первое сообщение об этом пришло в Афины, оратор Демадес воскликнул: "Это не может быть правдой: если бы Александр был мертв, весь обитаемый мир пропах бы его тушей"[618] Это грубое, но фатическое сравнение иллюстрирует немедленное, мощное и широкомасштабное впечатление, произведенное внезапной смертью великого завоевателя. Каждый из многих далеких посланников, прибывших недавно, чтобы умиловить этого далеко стреляющего Аполлона, каждый человек из народов, отправивших этих посланников, - по всей Европе, Азии и Африке, как тогда было известно, - почувствовал, что это повлияло либо на его настоящее состояние, либо на его возможное будущее.[619] Первый рост и развитие Македонии в течение двадцати двух лет, предшествовавших битве при Херонее, из смущенного второстепенного государства в первую из всех известных держав, вызвали изумление современников и восхищение организаторским гением Филиппа. Но достижения Александра за двенадцать лет его правления, отбросившие Филиппа в тень, были настолько грандиозны и масштабны, настолько совершенно без серьезных изменений и даже перерывов, что превзошли не только человеческие ожидания, но и почти человеческую веру. Великий царь (так в превосходной степени называли персидского царя) был и долгое время оставался образцом мирского могущества и благополучия, вплоть до того времени, когда Александр пересек Геллеспонт. В течение четырех лет и трех месяцев после этого события, терпя одно поражение за другим, Дарий потерял всю свою Западную империю и стал беглецом к востоку от Каспийских ворот, избежав плена от рук Александра только для того, чтобы погибнуть от рук сатрапа Бесса. Все предшествующие исторические параллели - гибель и пленение лидийца Крёза, изгнание и жалкая жизнь сиракузца Дионисия, оба впечатляющих примера изменчивости человеческого состояния, - по сравнению с низвержением этого возвышающегося персидского колосса кажутся мелочью. Оратор Эсхин выразил подлинные чувства греческого зрителя, когда воскликнул (в речи, произнесенной в Афинах незадолго до смерти Дария): "Что есть среди списка странных и неожиданных событий, которые не произошли в наше время? Наша жизнь вышла за пределы человечности; мы рождены, чтобы служить темой для невероятных рассказов потомкам. Разве персидский царь, который прорыл через Афон и перекинул мост через Геллеспонт, - который требовал у греков землю и воду, - который осмелился провозгласить себя в публичных посланиях повелителем всего человечества от восхода до заката солнца, - разве не борется он теперь до последнего не за власть над другими, а за безопасность своей собственной персоны?"[620].

Таковы были настроения, вызванные карьерой Александра даже в середине 330 года до н. э., более чем за семь лет до его смерти. В течение последующих семи лет его дополнительные достижения привели к еще большему изумлению. Он овладел, невзирая на усталость, лишения и сражения, не только всей восточной половиной Персидской империи, но и неизвестными индийскими регионами за ее самыми восточными пределами. Помимо Македонии, Греции и Фракии, он обладал всеми теми огромными сокровищами и военной силой, которые когда-то сделали Великого царя таким грозным. Ни один современный человек не знал и не представлял себе такой мощи. При распространенном в то время воображении многие, несомненно, были склонны принимать его за земного бога, как когда-

то греческие зрители принимали за Ксеркса, когда видели, как бесчисленное персидское войско переправляется через Геллеспонт[621].

Возвысившись до такого невероятного величия, Александр в момент своей смерти был немногим более тридцати двух лет - возраст, в котором афинский гражданин становится важным начальником; на десять лет меньше возраста для консула в Риме;[622] на два года моложе возраста, в котором Тимур впервые получил корону и начал свои внешние завоевания.[623] Его необыкновенная телесная сила не ослабевала; он приобрел большой запас военного опыта; и, что еще более важно, его аппетит к дальнейшим завоеваниям был таким же прожорливым, а готовность приобрести их любой ценой труда или опасности - такой же полной, как и в тот момент, когда он впервые пересек Геллеспонт. Как ни велика была его прошлая карьера, его будущие достижения, с такими возросшими средствами и опытом, должны были быть еще более значительными. Его амбиции удовлетворило бы не что иное, как покорение всего обитаемого мира, который был известен в то время;[624] и если бы его жизнь была более продолжительной, он, вероятно, осуществил бы это. Нигде (насколько нам известно) не было ни одной военной силы, способной выступить против него; его солдаты, когда он командовал ими, не были обескуражены или сбиты с толку ни холодом, ни жарой, ни усталостью. Патриотические чувства Ливия заставляют его утверждать[625], что Александр, если бы он вторгся в Италию и напал на римлян или самнитов, потерпел бы неудачу и погиб, как его родственник Александр Эпирский. Но с этим выводом нельзя согласиться. Если мы признаем, что храбрость и дисциплина римской пехоты были равны лучшим пехотинцам армии Александра, то то же самое нельзя сказать о римской кавалерии по сравнению с македонскими спутниками. Еще менее вероятно, что римский консул, ежегодно сменяемый, мог бы сравниться с Александром в военном гении и комбинациях; даже если бы он был лично равен, он не обладал бы таким разнообразием войск и вооружений, каждое из которых было бы эффективно в отдельности, а все сходились для одной общей цели, и не имел бы такого же неограниченного влияния на их умы, побуждающего их к полному усилию. Я не думаю, что даже римляне смогли бы успешно противостоять Александру Македонскому; хотя несомненно, что за все время своих долгих походов он никогда не сталкивался с такими врагами, как они, и даже с такими, как самниты и луканы - сочетающими в себе мужество, патриотизм, дисциплину и эффективное оружие как для обороны, так и для ближнего боя"[626].

Среди всех качеств, которые составляют высшее военное превосходство, как полководца, так и солдата, в характере Александра не было недостатка ни в одном. Наряду с его рыцарской храбростью, которая иногда была чрезмерной и не по сезону, что является единственным военным недостатком, который можно справедливо вменить ему в вину, во всех его операциях мы прослеживаем самые тщательные приготовления, бдительную предосторожность в защите от возможных ошибок, и богатые ресурсы в приспособлении себя к новым обстоятельствам. На фоне постоянных успехов эти меры предосторожности никогда не прекращались. Его достижения - самое раннее зафиксированное свидетельство научной военной организации в больших масштабах и ее ошеломляющего эффекта. Александр поражает воображение больше, чем любая другая личность древности, своим непревзойденным развитием всего того, что составляет эффективную силу - как отдельного воина, так и организатора и лидера вооруженных масс; не просто слепая стремительность, которую Гомер приписывает Аресу, но и разумное, методичное и всепобеждающее сжатие, которое он олицетворяет в Athênê. Но все его великие качества годились только для использования против врагов, к которым, правда, относилось все человечество, известное и неизвестное, кроме тех, кто решил ему поклониться. В его индийских походах, среди

совершенно незнакомых племен, мы видим, что не только тех, кто стоит на защите, но и тех, кто бросает свое имущество и бежит в горы, одинаково преследуют и убивают.

Помимо выдающихся заслуг Александра как воина и полководца, некоторые авторы ставят ему в заслугу грандиозные и благотворные взгляды на предмет имперского правления, а также намерения, весьма благоприятные для улучшения человечества. Я не вижу оснований для принятия этого мнения. Насколько мы можем осмелиться предположить, каким было бы будущее Александра, мы не видим в перспективе ничего, кроме многолетней, постоянно повторяющейся агрессии и завоеваний, которые не должны были завершиться до тех пор, пока он не пройдет и не подчинит себе весь обитаемый земной шар. Обретение всеобщего господства - не в метафорическом, а в буквальном смысле, причем с большей легкостью из-за несовершенства географических знаний того времени - было главной страстью его души. В момент своей смерти он начинал новую агрессию на юге против аравийцев в неопределенных масштабах;[\[627\]](#) в то время как его обширные проекты против западных племен в Африке и Европе, вплоть до Геракловых столбов, были записаны в приказах и записках, конфиденциально переданных Кратерусу.[\[628\]](#) Италия, Галлия и Испания должны были быть последовательно атакованы и завоеваны; предприятия, предложенные ему хорасмийским князем Фарасманом в Бактрии, но отложенные до более удобного времени, должны были быть осуществлены, и он должен был совершить поход от Дуная на север вокруг Эвксинского моря и Палус-Меотиса против скифов и кавказских племен.[\[629\]](#) Кроме того, оставались еще азиатские области к востоку от Гифасиса, куда его солдаты отказались вступать, но куда он, несомненно, вторгся бы при удобном случае, только чтобы смягчить острое унижение от того, что был вынужден отказаться от провозглашенной им цели. Хотя это звучит как романтика и гипербола, это было не более чем реальное ненасытное стремление Александра, который рассматривал каждое новое приобретение главным образом как капитал для приобретения еще большего.[\[630\]](#) "Ты такой же человек, как и все мы, Александр - за исключением того, что ты бросаешь свой дом (сказал ему голый индеец[\[631\]](#)), подобно беспокойному разрушителю, чтобы захватить самые отдаленные области; терпя лишения сам и причиняя лишения другим". Как можно было управлять такой безграничной и разнородной империей, какой еще не было ни у одного принца, с какими-либо преимуществами для подданных - показать трудно. Одна только задача приобретения и поддержания власти сатрапов и сборщиков дани, а также подчинения, подавления сопротивления, которое может повториться в регионах, удаленных на месяцы марша[\[632\]](#), заняла бы всю жизнь завоевателя мира, не оставив досуга для улучшений, подходящих для мира и стабильности, если мы отдадим ему должное за такие цели в теории.

Но даже это последнее - больше, чем можно допустить. Действия Александра показывают, что он не желал ничего лучшего, чем перенять традиции Персидской империи; система обложения данью и армией, с македонцами, в значительной степени, в качестве его инструментов; но частично и с теми же самыми персами, которые управляли до него, при условии, что они подчинялись ему. Среди его достоинств, действительно, превозносят то, что он был готов вновь назначить персидских вельмож (поставив, однако, их вооруженные силы под командование македонского офицера) и оставить туземных князей в их владениях, если они охотно подчинялись ему, в качестве данников. Но все это было сделано до него персидскими царями, чья система заключалась в том, чтобы оставлять завоеванных князей нетронутыми, подчиняясь только выплате дани и обязательству предоставлять военный контингент, когда это требовалось.[\[633\]](#) Таким же образом Азиатская империя Александра должна была состоять из совокупности сатрапий и зависимых княжеств, обеспечивающих денежную дань и военных; в остальных отношениях оставленных на усмотрение местных властей, с периодическими крайними мерами наказания, но без систематического контроля

и проверки.[634] К этому состоянию Азиатской империи во все века Александр привил бы одно особое улучшение: военная организация империи, слабая при Ахеменидах, была бы значительно усилена его гением и способными офицерами, сформированными в его школе, как для внешней агрессии, так и для управления домом.[635]

Персидская империя представляла собой разношерстную совокупность, в которой не было сильного чувства национальности. Македонский завоеватель, захвативший ее трон, был еще более равнодушен к национальным чувствам. Он не был ни македонцем, ни греком. Хотя отсутствие этого предрассудка иногда приписывалось ему как достоинство, оно, на мой взгляд, лишь освободило место для предрассудков еще худших. Заменой ему стали непомерная индивидуальность и самооценка, проявившиеся уже в раннем возрасте и разгоревшиеся после необычайных успехов до веры в божественное происхождение, которая, хотя и ставила его выше мысли об общении с какой-либо особой национальностью, заставляла его воспринимать все человечество как подданных под одним общим скипетром, который он должен был держать сам. К этой вселенской империи персидский царь был ближайшим приближенным,[636] согласно распространенным в то время мнениям. Поэтому Александр, одержав победу, принял положение и притязания свергнутого персидского двора как наиболее приближенные к его полному достоинству. Он стал больше персом, чем македонцем или греком. Сам переняв, насколько это было возможно, личные привычки персидского двора, он тщательно следил за превращением своих македонских офицеров в персидских вельмож, поощряя и даже принуждая к бракам с персиянками по персидским обрядам. К моменту смерти Александра в его письменных распоряжениях, отданных Кратерусу, содержался план оптовой перевозки жителей как из Европы в Азию, так и из Азии в Европу, чтобы слить эти народы в одно целое путем умножения браков и сношений.[Такое взаимное переселение народов было бы воспринято как крайне неприятное и не могло быть осуществлено без принудительной власти. 638] Было бы опрометчиво рассуждать о неосуществленных целях; но, насколько мы можем судить, такое принудительное смешение различных рас не сулит ничего благоприятного для счастья ни одной из них, хотя и может служить впечатляющей новинкой и воспоминанием об императорском всемогуществе.

В отношении интеллекта и сочетания гениев Александр был эллином в полной мере; в отношении нрава и целей никто не мог быть менее эллином. Уже перечислены поступки, свидетельствующие о его восточном насилии, безмерном своеволии,[639] а также об оказании почтения, превышающего пределы человечности. Описывать его как сына Эллады, проникнутого политическими максимами Аристотеля и нацеленного на систематическое распространение эллинской культуры для улучшения человечества[640] - это, по моему мнению, оценка его характера, противоречащая доказательствам. Говорят, что Александр действительно обращался к Аристотелю за советами по поводу наилучшего способа колонизации; но его нрав настолько изменился после нескольких лет азиатских завоеваний, что он не только утратил всякое почтение к советам Аристотеля, но даже люто возненавидел его.[Более того, хотя полные предложения философа не сохранились, в целом нам говорят, что он рекомендовал Александру вести себя с греками как лидер или президент, или ограниченный вождь, а с варварами (неэллинами) - как господин;[642] это различие в значительной степени совпадает с тем, на которое указывал Берк в своих речах в начале американской войны, между принципами правления, которым должна была следовать Англия в американских колониях и в Британской Индии. Ни один греческий мыслитель не считал азиатов способными к тому свободному гражданскому устройству[643], на котором основывался марш каждой общины Gre cian. Аристотель не хотел опускаться

азиатов ниже того уровня, к которому они привыкли, а скорее хотел уберечь греков от деградации до того же уровня. Александр не признавал такого различия, как его наставник. Он одинаково относился к грекам и азиатам, не возвышая последних, а унижая первых. Хотя он использовал всех без разбора в качестве орудий, но вскоре свободная речь греков и даже македонцев показалась ему настолько неприятной и оскорбительной, что его предпочтения все больше и больше склонялись в пользу подневольных азиатских чувств и обычаев. Вместо того чтобы эллинизировать Азию, он стремился азиатизировать Македонию и Элладу. Его нрав и характер, измененные несколькими годами завоеваний, делали его совершенно непригодным для того, чтобы следовать курсу, рекомендованному Аристотелем в отношении греков, - таким же непригодным, как любой из персидских царей или как французский император Наполеон, чтобы выдержать то частичное разочарование, компромисс и умную свободную критику, которые неотделимы от положения ограниченного вождя. Среди множества подданных, более разношерстных, чем даже армия Ксеркса, вполне возможно, что он мог бы направить свои силы на улучшение самых грубых частей. Нам говорят (хотя этому факту трудно верить из-за нехватки времени), что он отменил различные варварства гирканийцев, арахосиан и согдийцев.^[644] Но и македонцы, и греки оказались бы в проигрыше, будучи поглощенными огромной азиатской совокупностью.

Плутарх утверждает, что Александр основал более семидесяти новых городов в Азии.^[645] Столь большое их количество не представляется ни достоверным, ни вероятным, если только мы не считаем простые военные посты или не берем список оснований, действительно основанных его преемниками. За исключением Александрии в Египте, ни один из городов, основанных самим Александром, не может быть признан достигшим большого развития. Почти все они были основаны среди далеких, воинственных и беспокойных народов к востоку от Каспийских ворот. Такие поселения представляли собой укрепленные пункты для удержания страны в подчинении: Александр разместил в них отряды своей армии, но ни один из них не мог быть большим, поскольку он не мог позволить себе существенно ослабить свою армию, пока продолжались активные военные действия и рассматривалось дальнейшее продвижение. В Согдиане было основано больше таких поселений, чем в других местах; но что касается согдийских оснований, то мы знаем, что греки, которых он основал там, прикованные к месту только страхом перед его властью, подняли мятеж сразу же после известия о его смерти.^[646] Некоторые греческие солдаты в армии Александра на Джаксарте или Гидаспе, уставшие от его бесконечных походов, могли бы предпочесть быть зачисленными в колонисты нового города на одной из этих неизвестных рек, чем постоянно повторяющуюся рутину быстрой службы.^[647] Но можно быть уверенным, что ни один добровольный эмигрант не отправился бы селиться на таких расстояниях, которые их воображение едва ли могло себе представить. Александра поглощали завоевания на востоке, западе, юге и севере; города, которые он основывал, по большей части служили гарнизонами для поддержания его самых отдаленных и самых ненадежных приобретений. Цель колонизации была совершенно второстепенной, а эллинизация Азии, насколько мы можем судить, даже не задумывалась и тем более не осуществлялась.

Процесс эллинизации Азии - насколько она вообще была эллинизирована - который часто приписывают Александру, на самом деле был делом рук Диadoхов, которые пришли после него; хотя его завоевания, несомненно, открыли дверь и установили военное превосходство, которое сделало такую работу практически осуществимой. Положение, стремления и интересы этих диadoхов - Антигона, Птолемея, Селевка, Лисимаха и т. д. - существенно отличались от тех, что были у Александра. У них не было ни аппетита, ни средств для новых и отдаленных завоеваний; они соперничали друг с другом; каждый стремился укрепиться у себя дома против остальных. Основание новых городов, увековечивающих их фамилии,

стало для них не только вопросом моды и гордости, но и интереса. В основном они основывали города в близких и известных грекам областях Азии, где Александр не поселил ни одного. Так, великие и многочисленные фундаменты Селевкида Никатора и его преемников охватывали Сирию, Месопотамию и часть Малой Азии. Все эти регионы были известны грекам и более или менее заманчивы для новых греческих иммигрантов - они не были недостижимы и не были слышны во время Олимпийских и других фестивалей, как Джаксарт и Инд. Таким образом, в течение столетия после Александра в Азию хлынул значительный приток новой эллинской крови - вероятно, в значительной степени из Италии и Сицилии, где положение греческих городов становилось все более бедственным, - помимо многочисленных греков, поступивших на службу в качестве частных лиц к этим азиатским царям. Греки и македонцы, говорившие по-гречески, стали преобладать, если не по численности, по крайней мере по значению, в большинстве городов Западной Азии. В частности, македонская военная организация, дисциплина и администрация систематически поддерживались этими азиатскими царями. В рассказе о битве при Магнесии, которую Селевкидский царь Атиох Великий вел против римлян в 190 году до н. э., македонская фаланга, составлявшая главную силу его азиатской армии, предстает во всей своей полноте, как она стояла при Филиппе и Персее в самой Македонии[648].

Однако когда говорят, что Азия стала эллинизированной при преемниках Александра, эта фраза требует пояснения. Эллинизм, как его правильно называют, - совокупность привычек, чувств, энергии и интеллекта, проявившихся у греков в эпоху их автономии[649], - никогда не переходил в Азию; ни высшие качества греческого ума, ни даже весь характер простых греков. Этот подлинный эллинизм не мог существовать ни под непреодолимым давлением Александра, ни даже под менее непреодолимым давлением его преемников. Его живая сила, продуктивный гений, самоорганизующаяся мощь и активный дух политического общения были подавлены и постепенно угасли. Все, что перешло в Азию, было слабым и частичным его подобием, носящим поверхностные следы оригинала. Управление греко-азиатских царей было не эллинским (как его иногда называют), а полностью деспотическим, как и у персов. Тот, кто проследит их историю до периода римского владычества, увидит, что она зависела от вкусов, нравов и способностей принца, а также от обстоятельств царской семьи. Если рассматривать их правительство как систему, то его существенное отличие от их персидских предшественников заключалось в том, что они сохранили военные традиции и организацию Филиппа и Александра, сложную схему дисциплины и маневрирования, которую невозможно было поддерживать без постоянных чинов и более высокого уровня интеллекта, чем когда-либо проявлялся при царях Ахеменидов, которые не имели никакой военной школы или подготовки. Поэтому огромное количество отдельных греков находили работу как на военной, так и на гражданской службе этих греко-азиатских царей. Интеллигентный грек, вместо гражданина Эллады, становился орудием иностранного князя; детали управления в значительной степени управлялись греческими чиновниками, и всегда на греческом языке.

Кроме того, еще более важным фактом было множество новых городов, основанных в Азии Селевкидами и другими современными царями. Каждый из этих городов имел значительное влияние греческих и македонских граждан, среди проживавших там коренных восточных жителей, часто приводимых по принуждению из соседних деревень. В каком численном соотношении находились эти два элемента гражданского населения друг с другом, мы сказать не можем. Но греки и македонцы составляли ведущую и активную часть, которая обладала наибольшей ассимилирующей силой, придавала внушительный эффект публичным проявлениям религии, имела более широкие взгляды и симпатии, имела дело с центральным правительством и осуществляла ту ограниченную меру муниципальной

автономии, которую городу было позволено сохранять. В этих городах греческие жители, хотя и лишенные политической свободы, имели широкий спектр социальной активности, отвечающей их вкусам. В каждом из них греческий был языком общественных дел и сделок; каждый из них был центром притяжения и торговли для обширного района; все вместе они были основным эллинским или квазиэллинским элементом в Азии при греко-азиатских царях, в отличие от деревенских селений, где родные нравы и, вероятно, родная речь все еще сохранялись с небольшими изменениями. Но греки Антиохии, Александрии или Селевкии не были похожи ни на жителей Афин или Фив, ни даже на жителей Тарента или Эфеса. Хотя они передавали свой язык восточным людям, сами они в значительной степени стали восточными. Их чувства, суждения и привычки перестали быть эллинскими. Полибий, посетивший Александрию, с удивлением и отвращением смотрел на живущих там греков, хотя они превосходили неэллинское население, которое он считал никчемным.^[650] Греческие общественные привычки, праздники и легенды перешли вместе с эллинскими поселенцами в Азию; все смешалось и трансформировалось так, чтобы соответствовать новому азиатскому месту жительства. Важные социальные и политические последствия имело распространение языка и установление такого общего средства общения по всей Западной Азии. Но в конце концов эллинизированный азиат был не столько греком, сколько иностранцем с греческой речью, внешним лоском и поверхностными проявлениями; он в корне отличался от тех греческих граждан, с которыми связана настоящая история. Таким его считали и Софокл, и Фукидид, и Сократ.

Таким образом, многое необходимо для того, чтобы понять, как завоевания Александра отразились не только на эллинском населении, но и на эллинских чертах и особенностях. Сокрушив греков как общины у себя дома, эти завоевания открыли более широкий диапазон для греков как индивидуумов за границей; и произвели, возможно, лучший из всех их эффектов - большой рост межобщинных связей, умножение дорог, расширение торговых операций и расширение возможностей для приобретения географических знаний. В Персидской империи уже существовала легкая и удобная царская дорога (созданная Дарием, сыном Гистаспеса, и описанная, а также восхищенная Геродотом) для трехмесячного путешествия между Сардами и Сузами; и, должно быть, была еще одна регулярная дорога из Суз и Экбатаны в Бактрию, Согдиану и Индию. Александр, если бы он был жив, несомненно, преумножил бы в еще больших масштабах морские и сухопутные коммуникации между различными частями своей империи. Мы читаем, что среди гигантских проектов, которые он задумывал, когда его застала смерть, был один - строительство дороги вдоль северного побережья Африки, вплоть до Геракловых столбов.^[651] Он намеревался основать новый морской город на берегу Персидского залива, в устье Евфрата, и понести большие расходы на регулирование течения воды в его нижнем течении. Вероятно, таким образом, река снова стала бы удобной для судоходства и орошения, как это было в прежние времена при древних вавилонских царях. Также был отдан приказ о строительстве флота для исследования Каспийского моря. Александр считал, что это море связано с Восточным океаном,^[652] и намеревался сделать его отправной точкой для обхода восточных пределов Азии, которую ему еще предстояло завоевать. Путешествие, уже совершенное Нearchом от устья Инда до Евфрата, было в те времена великолепным морским достижением; к нему добавилось еще одно, еще более великое - кругосветное плавание по Аравии от Персидского залива до Красного моря; Хотя здесь мы должны отметить, что это же путешествие (от устья Инда вокруг Аравии до Красного моря) было совершено за тридцать месяцев за полтора века до этого Скилаксом из Карианды по приказу Дария, сына Гистаспеса;^[653] однако, хотя оно и было описано Геродотом, оно было забыто (как представляется) Александром и его современниками. Это расширенное и систематическое исследование земли в сочетании с увеличением средств связи между ее обитателями -

главная черта в карьере Александра, которая обещает реальные последствия, полезные для человечества.

Мы читаем, что Александр был настолько заинтересован в расширении науки, что дал Аристотелю огромную сумму в 800 талантов деньгами, поставив под его руководство несколько тысяч человек, для продолжения зоологических исследований.^[654] Эти преувеличения, вероятно, дело рук тех врагов философа, которые осуждали его как пенсионера македонского двора; но достаточно вероятно, что Филипп и Александр в начале своего царствования могли помогать Аристотелю в трудном процессе сбора фактов и образцов для наблюдений - скорее из уважения к нему лично, чем из интереса к его открытиям. Интеллектуальный поворот Александра был направлен на литературу, поэзию и историю. Особенно он любил "Илиаду", а также аттических трагиков; так что Гарпал, получивший указание прислать ему в Верхнюю Азию несколько книг, выбрал в качестве наиболее приемлемого набора различные трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида, а также дифирамбы Телесту и истории Флиста^[655].

ГЛАВА ХСV. ГРЕЧЕСКИЕ ДЕЛА ОТ ВЫСАДКИ АЛЕКСАНДРА В АЗИИ ДО ОКОНЧАНИЯ ЛАМИЙСКОЙ ВОЙНЫ.

Даже в 334 году до н. э., когда Александр впервые отправился в свой азиатский поход, греческие города, как большие, так и малые, были лишены всякой свободы действий и существовали лишь как придатки Македонского царства. Некоторые из них были заняты македонскими гарнизонами или управлялись местными деспотами, которые опирались на такую вооруженную силу для поддержки. Среди них не существовало никаких общих идей или общественных настроений, официально провозглашаемых и реализуемых, кроме тех, которые Александр хотел поощрить. Мизо-персидские настроения - некогда подлинное выражение эллинского патриотизма, к воспоминаниям о котором был склонен апеллировать Демосфен, побуждая афинян к действиям против Македонии, но теперь угасшие и вытесненные более близкими опасениями - были обращены Александром в собственные цели, как предлог для главенства и помощь в обеспечении покорности во время его отсутствия в Азии. Греция стала провинцией Македонии; дела греков (замечает Аристотель, иллюстрируя философскую дискуссию) "находятся в руках царя"^[656] Общественный синод греков время от времени заседал в Коринфе; но он представлял только фило-македонские настроения; все, что мы знаем о его работе, состояло из поздравлений Александру по поводу его побед. Греческая история не имеет общественного или политического значения; в ней нет никаких фактов, кроме местных и муниципальных деталей каждого города - "улиц и фонтанов, которые мы ремонтируем, и крепостных стен, которые мы белим", по выражению Демосфена^[657], - хорошего управления афинскими финансами оратором Ликургом и споров ораторов по поводу частных споров или политики прошлого.

Но хотя в первые годы азиатских походов Александра греческая история застыла и замерла, она могла бы в любой момент оживиться активным духом самоосвобождения, если бы его постигли неудачи или если бы персы умело и энергично управляли своими делами. Я уже говорил, что в течение первых двух лет войны персидский флот (лучше сказать, феникийский

флот на персидской службе) имел явное превосходство на море. Дарий обладал несметными сокровищами, которые могли бы бесконечно увеличить это превосходство и умножить его средства трансмаринного действия, если бы он решил последовать совету Мемнона, действуя энергично с моря и строго обороняясь на суше. Таким образом, движение или затишье греков зависело от того, как будут развиваться дела в Азии; это хорошо понимал и сам Александр.

Зимой 334-333 гг. до н. э. Мемнон с персидским флотом продвигался к островам в Эгейском море,^[658] а антимакедонские греки ожидали его дальше на запад, в Эвбее и Пелопоннесе. Их надежды были разрушены его неожиданной смертью, а еще больше - отказом Дария от планов Мемнония, и им оставалось только ждать, что удастся сделать с помощью огромной персидской сухопутной армии. Даже накануне битвы при Иссе Демосфен^[659] и другие (как уже говорилось) были воодушевлены своими корреспондентами в Азии предвкушать успех Дария даже в сражении. Но после великой катастрофы при Иссе в течение полутора лет (с ноября 333 г. до н. э. по март или апрель 331 г. до н. э.) не было никакой надежды.

Персидские силы казались иссякшими, а Дарий был настолько парализован пленением своей семьи, что позволил даже жителям Тира и Газы погибнуть в их доблестной обороне, не предприняв ни малейших усилий для их спасения. Наконец, весной 331 года до н. э., перспективы вновь стали улучшаться. Вторая персидская армия, бесчисленная, как и первая, собиралась к востоку от Тигра; Александр отправился в глубь страны, за много недель марша от берегов Средиземного моря, чтобы напасть на них; и персы, несомненно, передавали денежные поощрения предприимчивым людям в Греции в надежде вызвать вспомогательные движения. Вскоре (в октябре 331 года до н. э.) произошла катастрофа в Арбеле, после которой ни одна демонстрация против Александра не могла быть предпринята с разумной надеждой на успех.

Такова была изменчивая точка зрения, под которой борьба в Азии предстала перед греческими зрителями в течение трех с половиной лет между высадкой Александра в Азии и битвой при Арбеле. Что касается ведущих государств Греции, то нам приходится смотреть только на Афины и Спарту; ведь Фивы были разрушены и снесены как город, а то, что когда-то было цитаделью Кадмеи, теперь было македонским гарнизоном^[660], сами по себе были оплотами македонской зависимости; они издавна враждовали с Фивами и получили в свое распоряжение все фиванские земли.^[661] Поэтому в случае каких-либо движений в Греции Антипатр, наместник Македонии, мог вполне рассчитывать найти в Греции заинтересованных союзников, которые служили бы неплохой сдержкой для Аттики.

В Афинах царили явно мирные настроения. Мало кто был склонен храбриться перед принцем, который только что так грозно продемонстрировал свою силу, разрушив Фивы и поработив фиванцев. Эфиальт и Харидем, военные граждане Афин, настроенные наиболее антимакедонски, были потребованы Александром в качестве пленников и удалились в Азию, чтобы поступить на службу к Дарию. Другие афиняне, люди энергичные и деятельные, последовали их примеру и сразились с Александром при Гранике, где стали его пленниками и были отправлены в Македонию, чтобы работать в кандалах на рудниках. Эфиальт погиб при осаде Галикарнаса, защищая это место с величайшей доблестью; Харидема постигла более недостойная смерть от позорного приговора Дария. Антимакедонские лидеры, оставшиеся в Афинах, такие как Демосфен и Ликург, были не полководцами или людьми действия, а государственными деятелями и ораторами. Они прекрасно понимали, что подчинение Александру было болезненной необходимостью, но с не меньшей тревогой следили за любым поворотом, который мог бы произойти с ним, чтобы дать возможность Афинам возглавить новую борьбу за греческую свободу.

Но не Демосфен и не Ликург руководили теперь общей политикой Афин.[662] В течение двенадцати лет между разрушением Фив и смертью Александра Фокион и Демадес были ее министрами иностранных дел; два человека с совершенно противоположными характерами, но совпадавшие в мирных взглядах и в том, что они рассчитывали на благосклонность Александра и Антипатра как на главную цель, которой следовало достичь. Двадцать афинских трирем были посланы для действий с македонским флотом во время первой кампании Александра в Азии; они, вместе с афинскими пленниками, взятыми при Гранике, служили ему в дальнейшем гарантией дальнейшего подчинения афинян в целом.[663] Нет никаких сомнений в том, что мирная политика Фокиона была благоразумной и необходимой для Афин, хотя то же самое нельзя сказать (как я уже отмечал в соответствующем месте) о его поддержке подобной политики за двадцать лет до этого, когда власть Филиппа росла и могла быть остановлена энергичным сопротивлением. Антипатр стремился обеспечить свое положение в Афинах частыми подарками Демадесу, человеку роскошных и экстравагантных привычек. Но Фокион, неподкупный и бедный до конца, отклонил все подобные предложения, хотя они часто поступали ему не только от Антипатра, но даже от Александра[664].

Особого внимания заслуживает тот факт, что, хотя македонизирующая политика теперь решительно преобладала - ее принимали даже несогласные, как единственно допустимый в данных обстоятельствах курс, и она подтверждалась все больше с каждой очередной победой Александра, - все же такие государственные деятели, как Ликург и Демосфен, отличавшиеся известными антимакедонскими настроениями, по-прежнему занимали заметное и влиятельное положение, хотя, конечно, ограничивались вопросами внутреннего управления. Так, Ликург продолжал оставаться настоящим исполняющим обязанности министра финансов в течение трех последовательных панафинейских интервалов по четыре года каждый, или в течение непрерывного периода в двенадцать лет. Он руководил не только сбором, но и распределением государственных доходов, предоставляя строгий периодический отчет, но обладая финансовыми полномочиями, большими, чем у любого государственного деятеля со времен Перикла. Он улучшил гимназии и стадионы города, увеличил количество донатов и священной мебели в храмах, расширил или построил заново доки и арсеналы, обеспечил значительный запас оружия и снаряжения, как военного, так и морского, и содержал четыреста трирем в мореходном состоянии для защиты афинской торговли. В этих обширных функциях он никогда не был заменен, хотя Александр однажды послал потребовать выдачи его персоны, что было отклонено афинским народом.[665] Главной причиной его прочного влияния на общественное мнение была его известная и неоспоримая денежная честность, в которой он был параллелен Фокиону.

Что касается Демосфена, то он не занимал таких выдающихся государственных должностей, как Ликург, но пользовался большим уважением и симпатией народа в целом за свою выдающуюся деятельность в качестве государственного советника в прошлом.

Доказательство этому можно найти в одном очень важном факте. Обвинение против ходатайства Ктесифона о коронации Демосфена было выдвинуто Эсхином и официально зарегистрировано до смерти Филиппа, которая произошла в августе 336 года до н. э. Однако Эсхин решился вынести его на суд только в августе 330 года до н. э., после того как Антипатр усмирил злополучное восстание лакедемонского царя Агиса; и даже в этот благоприятный момент, когда македонисты, казалось, были в полном триумфе, он знаменательно потерпел неудачу. Таким образом, мы видим, что хотя Фокион и Демадес были теперь лидерами афинских дел, представляя политику, которую все считали неизбежной, но преобладающие настроения народа были на стороне Демосфена и Ликурга. В действительности, мы увидим, что после Ламийской войны Антипатр счел необходимым подавить или наказать эти

настроения, лишив гражданских прав или выслав две трети граждан.[666] Однако, похоже, что антимакедонские государственные деятели были очень осторожны, чтобы не обидеть Александра, между 334 и 330 гг. до н.э. Ктесифон принял миссию соболезнования Клеопатры, сестры Александра, в связи со смертью ее мужа Александра Эпирского; а Демосфен обвиняется в том, что весной 331 года до н. э. отправил скромные и приземистые письма Александру (Великому) в Феникию. Это утверждение Эсхина, хотя и не может считаться верным, свидетельствует об общей осторожности Демосфена в отношении своего известного и грозного врага[667].

Антимакедонские движения теперь возникали не в Афинах, а в Спарте.

В решающей битве, которую Афины и Фивы безуспешно вели при Херонее против Филиппа, спартанцы не участвовали. Их царь Архидам, который вместе с Афинами участвовал в Священной войне, пытаясь поддержать фокейцев против Филиппа и фиванцев, после этого удался из Центральной Греции, чтобы помочь тарентинцам в Италии, и был убит в битве с мессапийцами.[668] Его сменил сын Агис, храбрый и предприимчивый человек, при котором спартанцы, хотя и воздерживались от военных действий против Филиппа, решительно отказались принять участие в синоде в Коринфе, где македонский принц был назначен вождем греков; и даже упорствовали в том же отказе при назначении Александра. Когда Александр после победы при Гранике отправил в Афины триста паноплий для посвящения в храме Афины, он прямо объявил в надписи, что они посвящены "Александром и греками, кроме лакедемонян"[669]. Агис взял на себя инициативу в попытке получить персидскую помощь для антимакедонских операций в Греции. Ближе к концу лета 333 г. до н. э., немного раньше битвы при Иссе, он посетил персидских адмиралов на Хиосе, чтобы выпросить людей и деньги для предполагаемых действий в Пелопоннесе.[670] В тот момент они не проявляли рвения в направлении Греции, предвидя (как и большинство азиатов) полное уничтожение Александра в Киликии. Однако, как только стало известно о катастрофе при Иссе, они предоставили в распоряжение Агиса тридцать талантов и десять трирем, которые он использовал под командованием своего брата Агесилая, чтобы стать хозяином Кретов, чувствуя, что в такой удручающий кризис нельзя ожидать никаких движений в Греции. Сам Агис вскоре после этого отправился на этот остров, укрепившись частью греческих наемников, сражавшихся под командованием Дария в Иссе. В Крете он, по-видимому, имел значительный временный успех; даже в Пелопоннесе он организовал несколько выступлений, для подавления которых Александр послал Амфотера с большим военно-морским флотом весной 331 года до н. э.[671] В это время Фенисия, Египет и все морское владение Эгейским морем перешли в руки завоевателя, так что у персов не было прямых средств воздействия на Грецию. Вероятно, Амфотер вернул себе Крету, но у него не было сухопутных войск, чтобы атаковать Агис в Пелопоннесе.

В октябре 331 года до н. э. Дарий был разбит при Арбеле и скрылся в Мидии, оставив Вавилон, Сузы и Персеполь с большей частью своих огромных сокровищ в качестве добычи для завоевателя в течение предстоящей зимы. После столь значительного пополнения сил Александра, казалось бы, любое антимакедонское движение весной 330 года до н. э. должно было быть явно безнадежным и даже безумным. Однако именно тогда царь Агис нашел возможность расширить масштабы своих операций в Пелопоннесе и склонил на свою сторону значительное число новых союзников. Что касается его лично, то он и лакедемоняне до этого находились в состоянии объявленной войны с Македонией,[672] и поэтому не подвергались дополнительному риску; кроме того, одним из последствий азиатских бедствий стало возвращение в Грецию небольшого количества солдат, которые до этого служили в персидских войсках. Эти люди охотно пришли на мыс Тенарус, чтобы поступить на

службу к воинственному царю Спарты, так что Агис оказался во главе войска, которое показалось пелопоннесцам, знакомым лишь с узким масштабом греческих военных действий, значительным, хотя и незначительным против Александра или его наместника в Македонии.[673] Неожиданный луч надежды вспыхнул после восстания Мемнона, македонского наместника Фракии. Таким образом, Антипатр был вынужден отвести часть своих сил на значительное расстояние от Греции; в то время как Александр, одержавший победу, находясь в Персиде или Мидии, к востоку от горы Загрос, в глазах грека казался достигшим пределов обитаемого мира.[674] Воспользовавшись этой частичной поддержкой, Агис выступил из Лаконии со всеми войсками, наемными и местными, которые только мог собрать. Он призвал пелопоннесцев к последнему усилию против македонского владычества, пока Дарий еще сохранял всю восточную половину своей империи и пока от него еще можно было ожидать поддержки людьми и деньгами[675].

Об этой войне мы знаем очень мало подробностей. Сначала в Агисе наметился успех. Элейцы, ахейцы (кроме Пеллена), аркадяне (кроме Мегалополя) и некоторые другие пелопоннесцы присоединились к его штандарту; таким образом, он смог собрать армию, численность которой оценивалась в 20 000 пеших и 2000 конных. Разгромив первые македонские силы, посланные против него, он приступил к осаде Мегалополя; этот город, как и раньше, был оплотом македонского влияния на полуострове и, вероятно, был занят македонским гарнизоном. В Афинах возник импульс в пользу активного сочувствия и снаряжения флота для помощи этим антимакедонским усилиям. Этому воспротивились Фокион и Демадес, несомненно, по всем соображениям благоразумия, но особенно по одному финансовому основанию, принятому последним, что народ будет вынужден отказаться от феорийской раздачи.[676] Даже сам Демосфен, в обстоятельствах, столь явно обескураживающих, не мог рекомендовать грозный шаг - выступить против Александра - хотя он, кажется, потворствовал выражению общих антимакедонских симпатий и жаловался на беспомощность, в которую Афины были приведены прошлой плохой политикой.[677] Антипатр, завершив войну во Фракии на самых выгодных условиях, поспешил в Грецию с полными силами и достиг Пелопоннеса вовремя, чтобы освободить Мегалополь, которому начала угрожать опасность. Одного решающего сражения, произошедшего в Аркадии, хватило, чтобы закончить войну. Агис и его армия, особенно лакедемоняне, сражались с галантностью и отчаянием, но были полностью разбиты. Пять тысяч их людей были убиты, включая самого Агиса, который, хотя и был покрыт ранами, не пожелал покинуть поле боя и сопротивлялся до последнего. Победители, по одним данным, потеряли 3500 человек, по другим - 1000 убитыми и множество раненых. Это были большие потери, чем Александр понес при Иссе или Арбеле; явное доказательство того, что Агис и его спутники, как бы ни был неудачен результат, проявили мужество, достойное лучших дней Спарты.

Союзные войска были настолько разгромлены, что все подчинились Антипатру. Посоветовавшись с фило-македонским синодом в Коринфе, он приговорил ахейцев и элейцев к выплате 120 талантов Мегалополю и потребовал от тегейцев наказать тех из их лидеров, кто советовал начать войну.[678] Но он не стал принимать решение об обращении с лакедемонянами, не обращаясь к Александру. Потребовав от них пятьдесят заложников, он отправил к Александру в Азию несколько лакедемонских посланников или пленников, чтобы они сдались на его милость.[679] Нам говорят, что они достигли царя только спустя долгое время, в Бактре;[680] что он решил относительно Спарты в целом, мы не знаем.

Восстание фиванцев, произошедшее через несколько месяцев после воцарения Александра, было первой попыткой греков освободиться от македонского владычества; это предприятие Агиса было вторым. Оба они, к сожалению, были частичными, без возможности

заранее провести какую-либо обширную или организованную комбинацию; оба закончились плачевно, сковав Грецию цепями сильнее, чем когда-либо. Таким образом, самозащитные силы Греции были уничтожены по частям. Замысел Агиса с самого начала был отчаянным в сравнении с гигантской мощью Александра; и, возможно, он никогда бы не был осуществлен, если бы сам Агис не был скомпрометирован враждебными действиями против Македонии еще до уничтожения персидских сил при Иссе. Этот несчастный принц, не обладая никакими способностями (насколько нам известно), проявил преданное мужество и патриотизм, достойные его предшественника Леонида при Фермопилах, чья слава выше только потому, что дело, за которое он пал, в конце концов восторжествовало. Афиняне и этолийцы, ни один из которых не участвовал вместе с Агисом, теперь остались без Фив и Спарты, как две великие военные державы Греции, которые появятся сейчас, когда мы перейдем к последней борьбе за греческую независимость - Ламийской войне; лучше объединенной и более перспективной, но не менее катастрофической по своему результату.

Хотя самые сильные соображения благоразумия заставляли Афины молчать во время этого антимакедонского движения в Пелопоннесе, среди ее граждан должно было подняться сильное сочувствие, пока шла борьба. Если бы Агис одержал победу над Антипатром, афиняне, вероятно, объявили бы в его пользу; и хотя никакая независимая позиция не могла быть постоянно сохранена против такого ошеломляющего врага, как Александр, но, учитывая, что он был основательно занят и находился далеко в глубине Азии, Греция могла бы продержаться против Антипатра в течение немалого промежутка времени. Перед лицом такого развития событий опасения македонизирующихся государственных деятелей, находящихся сейчас у власти в Афинах, надежды их противников и взаимная антипатия обоих должны были стать необычайно явными; так что последующая реакция, когда македонская власть стала более непреодолимой, чем когда-либо, рассматривалась врагами Демосфена как благоприятная возможность для его разорения и бесчестия.

Политическим особенностям этого момента мы обязаны судебным поединком между двумя великими афинскими ораторами; памятным обвинением Эсхина против Ктесифона за предложение короны Демосфену и еще более памятной защитой Демосфена от имени его друга, а также от себя самого. Это было осенью или зимой 337-336 гг. до н. э., Ктесифон предложил этот вотум общественного почета в пользу Демосфена и получил предварительное согласие сената; в том же аттическом году и вскоре после этого Эсхинс атаковал предложение под графиком Параномона, как незаконное, неконституционное, озорное и основанное на ложных утверждениях.^[681] Таким образом, с момента официального выдвижения обвинения прошло более шести лет, но Эсхинес не решил довести его до фактического разбирательства, что, действительно, не могло быть сделано без определенного риска для себя, перед многочисленным и народным судом Афин. Дважды или трижды до того, как было выдвинуто его обвинение, другие лица выступали за оказание Демосфену той же чести^[682] и были обвинены по Графу Параномону; но с таким явным неуспехом, что их обвинители не получили и пятой части голосов дикастов и поэтому понесли (согласно действующим нормам аттического права) наказание в 1000 драхм. Подобная опасность подстерегала и Эсхинеса; и хотя, говоря о незаконности движения Ктесифона (а это была прямая и явная цель, на которую был направлен *Graphê Paranomôn*), его обвинение основывалось на особых обстоятельствах, которые предыдущие обвинители, возможно, не смогли показать, все же его целью не было ограничиться этим узким и техническим аргументом. Он намеревался расширить круг обвинения, чтобы включить в него весь характер и политику Демосфена, который, таким образом, в случае обвинительного приговора, был бы публично опозорен и как гражданин, и как политик. Если бы эта последняя цель не была достигнута, Эсхинес ничего не выиграл, передав обвинение в суд;

ведь само по себе предъявление обвинения уже привело бы к тому, что проблема не перешла бы в постановление, а корона не была бы фактически вручена. Несомненно, Ктесифон и Демосфен могли заставить Эсхина отказаться от обвинения или передать его в Дикастерий. Но это был прямой вызов, на который, имея в виду чисто почетное голосование, они не посмели пойти; особенно после взятия Фив в 335 году до н. э., когда победивший Александр потребовал выдачи Демосфена с несколькими другими гражданами.

В этом состоянии задержки и компромисса - Демосфен пользовался зарождающейся честью похвального голоса от сената, а Эсхин не давал ему превратиться в народное голосование - и голосование, и обвинение оставались в течение шести с лишним лет. Но теперь обвинитель чувствовал себя воодушевленным довести свое обвинение до суда под влиянием реакционных партийных чувств, последовавших за несостоявшимися антимакедонскими надеждами, которые увенчались полной победой Антипатра над Агисом и привели к обвинению антимакедонских граждан в Наксосе, Тасосе и других греческих городах. [На фоне распространенных опасений, что победитель занесет свою обиду еще дальше, Эсхинес мог теперь настаивать на том, что Афины опозорены тем, что приняли или даже одобрили политику Демосфена, [684] и что резкое осуждение его было единственным способом снять с нее обвинение в связи с теми, кто поднял штандарт против македонского превосходства. В искусной и горькой проповеди Эсхинс сначала доказывает, что предложение Ктесифона было незаконным, поскольку Демосфен занимал государственные посты в тот момент, когда оно было предложено, а затем подробно разбирает всю жизнь и характер Демосфена, чтобы доказать, что он недостоин такой чести, даже если бы не было формальных оснований для возражений. Он распределяет всю жизнь Демосфена на четыре периода: первый заканчивается миром 346 года до н. э. между Филиппом и афинянами, второй - началом следующей войны в 341-340 годах до н. э., третий - катастрофой в Херонее, четвертый - всем последующим временем [685]. Что еще более удивительно, он прямо обвиняет его в грубом раболепии как перед Филиппом, так и перед Александром, в то самое время, когда он ставил себе в заслугу патриотическое и бесстрашное противостояние им [686].

То, что Афины потерпели печальное поражение и унижение, будучи изгнаны из своего независимого и даже президентского положения в униженный образ подвластного македонского города, с того времени, когда Демосфен только начал политическую жизнь, было фактом, но слишком неоспоримым. Эсхинес даже делает это частью своего дела; обвиняя предательскую бесхозяйственность Демосфена как причину столь меланхоличной революции, и осуждая его как кандидата на общественный комплимент или не лучшее оправдание, чем ряд общественных бедствий. [687] Порицая поведение Демосфена до битвы при Херонее, Эсхинес переходит к более недавнему прошлому и утверждает, что Демосфен не может быть искренним в своей притворной вражде к Александру, поскольку он упустил три последовательных случая, все весьма благоприятные, для подстрекательства Афин к вражде против македонян. Первый из этих трех случаев - когда Александр впервые переправился в Азию; второй - непосредственно перед битвой при Иссе; третий - во время успеха, достигнутого Агисом в Пелопоннесе. [688] Ни в одном из этих случаев Демосфен не призывал к каким-либо публичным действиям против Македонии, что доказывает (по мнению Эсхина), что его антимакедонские заявления были неискренними.

Я уже не раз отмечал, что, учитывая острую вражду между этими двумя ораторами, редко можно доверять ничем не подкрепленным утверждениям одного из них против другого. Но в отношении последнего из упомянутых обвинений, выдвинутых Эсхином, достаточно известных фактов, и у нас есть независимые свидетельства, которые не часто встречаются

на нашем пути, чтобы оценить его как обвинителя Демосфена. Победоносная карьера Александра, изложенная в предыдущих главах, убедительно доказывает, что ни один из трех периодов, указанных Эсхином, не представлял для здравомыслящего афинского патриота даже достойного повода для вовлечения своей страны в войну против столь грозного врага. Ничто не может быть более легкомысленным, чем эти обвинения в адрес Демосфена в том, что он пропустил многообещающие сезоны для антимакедонских операций. Отчасти, вероятно, по этой причине Демосфен не замечает их в своем ответе; еще больше, возможно, по другой причине, что было небезопасно говорить о том, что он думал и чувствовал об Александре. Его ответ полностью посвящен периоду до смерти Филиппа. О безграничной империи, которую впоследствии приобрел сын Филиппа, он говорит только для того, чтобы оплакать ее как жалкое посещение судьбы, опустошившее как эллинский, так и варварский мир, в котором Афины были поглощены вместе с другими, и от которого даже те неверные и обрезанные греки, которые помогли возвеличить Филиппа, спаслись не лучше, чем Афины, и даже не так хорошо[689].

Я не буду здесь касаться речи Демосфена "De Coronâ" с риторической точки зрения и ничего не добавлю к тем *comitatus en*, которые в один голос произносили о ней, как в древние, так и в современные времена, как о непревзойденном шедевре греческого ораторского искусства. К этой работе она относится как часть греческой истории; ретроспектива усилий патриота и государственного деятеля по поддержанию достоинства Афин и автономии греческого мира против опасного агрессора извне. О том, как были направлены эти усилия и как они печально провалились, рассказывалось в моем последнем предыдущем томе. Здесь Демосфен рассматривает их, отвечая на обвинения в адрес своего общественного поведения в течение десяти лет, прошедших с момента заключения мира 346 года до н. э. (или периода, непосредственно предшествовавшего ему) до смерти Филиппа.

Примечательно, что, собираясь защищать всю свою общественную жизнь,[690] он, тем не менее, может позволить себе оставить незамеченной ту ее часть, которая, возможно, наиболее почетна для него - ранний период его первых "Филиппиков" и "Олинфа", когда, будучи еще незрелым и не окрепшим политиком, он первым заметил вдали опасности, которым угрожало усиление Филиппа, и громче всех призывал к своевременным и энергичным мерам предосторожности против этого; Несмотря на апатию и ропот со стороны старых политиков, а также широкой общественности. Начиная с мира 346 года до н. э., Демосфен защищает свою собственную долю в предшествовавших этому событию событиях от обвинений Эсхина, которого он осуждает как причину всех бед; спор, который я уже пытался прояснить в моем последнем томе. Переходя к периоду после заключения мира - к четырем годам сначала враждебной дипломатии, а затем враждебных действий против Филиппа, которые закончились катастрофой в Херонее, - Демосфен не довольствуется простым оправданием. Он вновь утверждает эту политику как предмет гордости и чести, несмотря на ее результаты. Он поздравляет своих соотечественников с проявлением панэллинского патриотизма, достойного их предков, и ставит себе в заслугу лишь то, что он первым провозгласил и осуществил это общее для всех славное чувство. Фортуна была неблагоприятна, но энергичная антимакедонская политика не была ошибкой; Демосфен клянется в этом бойцам Марафона, Платеи и Саламины.[691] Навязывание Греции чужого господства - непреодолимое бедствие; но если бы это произошло без упорного сопротивления со стороны Афин, бедствие было бы усугублено бесчестием.

Задуманный в таком возвышенном ключе, ответ Демосфена своему сопернику имеет историческую ценность как погребальная оратория угасшей афинской и греческой свободы. За шесть лет до этого оратор был назначен своими соотечественниками произнести обычную успокоительную речь над воинами, убитыми при Херонее. Эта речь утрачена, но,

вероятно, в ней затрагивались те же темы. Хотя сфера деятельности каждого греческого города, как и каждого греческого гражданина, была теперь стеснена и ограничена непреодолимой македонской силой, все еще оставалось чувство полной политической свободы и достоинства, которыми пользовались в прошлом, восхищение предками, которые когда-то успешно защищали ее, и симпатия к лидерам, которые недавно выступили, чтобы отстоять ее, хотя и безуспешно. Это один из самых памятных фактов греческой истории, что, несмотря на победу Филиппа при Херонее, несмотря на последующее завоевание Фив Александром и опасность, грозившую Афинам после этого, несмотря на азиатские завоевания, в результате которых вся персидская сила оказалась в руках македонского царя, афинский народ никогда нельзя было убедить ни отречься от Демосфена, ни отказаться от сочувствия его политической политике. Сколько искусства и умения было использовано, чтобы склонить их к этому, его многочисленными врагами, достаточно речи Эсхина, чтобы научить нас. А если учесть, как легко публика устает от замыслов, которые заканчиваются несчастьем, и какое огромное душевное облегчение обычно получают, сваливая вину на неудачливых лидеров, то не было бы ничего удивительного, если бы в одном из многочисленных судебных процессов, в которых была замешана слава Демосфена, дикасты вынесли неблагоприятный для него вердикт. То, что он всегда выходил оправданным, да еще и с честью, - доказательство редкой верности и твердости духа афинян. Это доказательство того, что те благородные, патриотические и панэллинские чувства, которые мы постоянно находим привитыми в его орациях, на протяжении двадцати лет впитались в умы его слушателей; и что среди множества общих обвинений в коррупции против него, громко провозглашаемых его врагами, не было ни одного достоверного факта, который они могли бы обосновать перед Дикастерием.

Обвинение, выдвинутое теперь Эхином против Ктесифона, лишь обеспечило Демосфену новый триумф. При подсчете голосов дикастов Эхин получил не более одной пятой. Поэтому он был приговорен к обычному штрафу в 1000 драхм. Судя по всему, он немедленно покинул Афины, не заплатив штраф, и удалился в Азию, откуда уже не вернулся. Говорят, что он открыл риторическую школу на Родосе и отправился в глубь Азии в последний год жизни Александра (в то время, когда этот монарх предписывал греческим городам обязательное восстановление всех их изгнанников), чтобы получить помощь для возвращения в Афины. Этот замысел не удался после смерти Александра[692].

Мы не можем предположить, что Эхинос был не в состоянии заплатить штраф в 1000 драхм или найти друзей, которые заплатили бы его за него. Таким образом, не юридическое принуждение, а крайнее разочарование и унижение от столь значительного поражения заставили его покинуть Афины. Мы должны помнить, что это был безвозмездный вызов, посланный им самим; что известность двух соперников собрала слушателей не только из Афин, но и из других греческих городов; И эффект от речи Демосфена в свою защиту, произнесенной со всем совершенством голоса и действия, не только потрясаящей слушателей возвышенностью общественных чувств, но и полной восхитительно выверенного самовосхваления и презрительной горечи по отношению к сопернику, должен был быть невыразимо сильным и властным. Вероятно, друзья Эсхина сами разгневались на него за то, что он выдвинул обвинение. Ибо следствием его поражения должно было стать то, что обвинительный голос сената был вынесен на обсуждение и принят в общественном собрании, а Демосфен должен был получить публичную коронацию.[693] Никаким другим способом, при существующих в Афинах обстоятельствах, Демосфен не мог бы получить столь выразительный комплимент. Поэтому неудивительно, что такое унижение было невыносимо для Эсхина. Он почувствовал отвращение к родному городу. Мы читаем, что впоследствии, в своей риторической школе на Родосе, он однажды продекламировал в качестве урока для

своих учеников успешную орацию своего соперника, де Корона. Разумеется, это вызвало взрыв восхищения. "Если бы вы слышали, как ее произносит само чудовище!" - воскликнул Эсхинес.

От этого памятного триумфа прославленного оратора и подсудимого мы должны перейти к другому испытанию - прямому обвинению, выдвинутому против него, от которого он не так успешно уклонился. Здесь мы вынуждены перескочить через пять с половиной лет (с августа 330 г. до н. э. по январь 324 г. до н. э.), в течение которых у нас нет никаких сведений о греческой истории; это промежуток между походом Александра в Бактрию и его возвращением в Персис и Сузиану. Недовольный поведением сатрапов во время своего отсутствия, Александр предал смерти или наказал нескольких из них, а остальным велел без промедления распустить наемных солдат, которых они взяли на службу. Этот императивный приказ наполнил Азию и Европу бродячими отрядами необеспеченных солдат, некоторые из которых искали пропитание на греческих островах и на лакедемонском южном побережье, на мысе Тенарус в Лаконии.

Именно в этот период (начало 324 года до н. э.) сатрап Вавилонии и Сирии Гарпалус, встревоженный перспективой быть наказанным Александром за свои показательные расточительства, бежал из Азии в Грецию с огромным количеством сокровищ и 5000 солдат.[694] Будучи сатрапом, он последовательно пригласил в Азию двух афинянок в качестве любовниц, Пифионик и Гликеру, к каждой из которых он был очень привязан и которых он развлекал с пышными расходами и помпой. После смерти первой он засвидетельствовал свою скорбь двумя дорогостоящими погребальными памятниками в ее память: один в Вавилоне, другой в Аттике, между Афинами и Элевсисом. Говорят, что вместе с Гликерой он жил в Тарсе в Киликии, приказал, чтобы люди преклоняли перед ней колена и обращались к ней как к царице, и воздвиг ее статую вместе со своей собственной в Россе, морском порту на границе Киликии и Сирии.[695] Чтобы угодить этим господам или, возможно, чтобы обеспечить себе убежище в случае необходимости, он отправил в Афины обильные дары пшеницы для распределения среди народа, за что получил благодарственные голоса с предоставлением афинского гражданства.[Кроме того, он поручил Хариклему, зятю Фокиона, воздвигнуть в Аттике памятник в честь Пифионики, выделив на эти цели крупную сумму денег[697] Прибыль или растрата, возникшая в результате этих расходов, обеспечила ему добрую волю Хариклеса - человека, сильно отличавшегося от своего тестя, честного и строгого Фокиона. Другие афиняне, вероятно, были примирены различными подарками, так что, когда Гарпалус счел нужным покинуть Азию, примерно в начале 324 года до н. э., он уже приобрел некоторое влияние как на общественность Афин, так и на некоторых из ее ведущих людей. Он отплыл со своими сокровищами и вооружением прямо к мысу Суниум в Аттике, откуда послал просить убежища и защиты в этот город[698].

Первые донесения, переданные в Азию, похоже, провозглашали, что афиняне приняли Гарпала как друга и союзника, сбросили македонское иго и приготовились к войне за восстановление эллинской свободы. Такова окраска дела, представленная в сатирической драме под названием *Agôn*, выставленной перед Александром на дионисийском празднике в Сузах в феврале или марте 324 года до н.э. Это известие, связанное в сознании Александра с недавним поражением Зопириона во Фракии и другими беспорядками распущенных наемников, так его взволновало, что он сначала приказал снарядить флот, решив лично переправиться и напасть на Афины.[699] Но вскоре его успокоили более верные сведения, удостоверявшие, что афиняне решительно отказались выступить на стороне Гарпала.[700]

Факт такого окончательного отказа афинян совершенно неоспорим. Но, насколько мы можем судить по несовершенным свидетельствам, этот шаг был сделан не без обсуждения и не без признаков противоположного настроения, достаточных для объяснения слухов, впервые дошедших до Александра. Первое прибытие Гарпала с его вооружением в Суниум, действительно, вызвало тревогу, как будто он собирался овладеть Пейреем; адмиралу Филоклу было приказано принять меры предосторожности для защиты гавани.[701] Но Гарпал, отослав свое вооружение в Крету или Тенару, попросил и получил разрешение прибыть в Афины с одним кораблем и своими личными сопровождающими. Что было еще важнее, он привез с собой большую сумму денег, составлявшую, как нам говорят, до 700 талантов, или более 160 000 фунтов стерлингов. Мы должны помнить, что он уже был хорошо известен народу благодаря большим подаркам кукурузы, которые обеспечили ему право гражданства. Теперь он взывал к их благодарности, как проситель, ищущий защиты от гнева Александра; и, умоляя афинян о столь опасном для себя вмешательстве, он не преминул ободрить их, преувеличив имеющиеся в его распоряжении средства. Он говорил о всеобщей ненависти и недовольстве, испытываемых к Александру, и заверял, что к нему присоединятся могущественные союзники, как иностранные, так и греческие, если однажды такой город, как Атыны, поднимет штандарт освобождения.[702] Многим афинским патриотам, более пылким, чем дальновидным, такие призывы внушали и симпатию, и доверие. Кроме того, Гарпалус, конечно, купил бы любого влиятельного сторонника, который согласился бы дать взятку; в дополнение к таким людям, как Харикл, которые уже были в его интересах. Его дело поддерживал Гиперид, [703] искренний антимакедонский гражданин, и оратор, уступавший только Демосфену. Есть все основания полагать, что поначалу сильное чувство было возбуждено в пользу участия в изгнании; людей не пугала даже мысль о войне с Александром [704].

Фокион, которого Гарпалус тщетно пытался совратить, конечно же, воспротивился предложению выступить на его стороне. Не менее решительно сопротивлялся и Демосфен, с самого начала. [705] Несмотря на всю свою ненависть к македонскому превосходству, он не мог не видеть безумия объявления войны Александру. И действительно, те, кто изучит все его ораторские выступления, найдут в его советах столько же благоразумия, сколько и энергичного патриотизма. Однако его благоразумие в данном случае оказалось вредным для его политического положения, поскольку, хотя оно и разозлило Гиперида и более сангвинических антимакедонцев, для него самого оно, вероятно, не принесло ничего, кроме временного перемирия со своими старыми македонизирующими противниками.

Совместная оппозиция таких противоречивых политиков, как Демосфен и Фокион, взяла верх над импульсом, который создали партизаны Гарпала. Никакого постановления в его пользу получить не удалось. Вскоре, однако, дело осложнилось тем, что в Македонию прибыли посланцы от Антипатра и Олимпии, требовавшие его выдачи [706]. С подобным требованием обратился и македонский адмирал Филоксен, прибывший с небольшой эскадрой из Азии. Эти требования были отклонены, причем не только Демосфеном, но и Фокионом. Тем не менее перспективы македонского возмездия предстали перед народом в такой страшной близости, что всякое расположение к поддержке Гарпала уступило место необходимости умиловить Александра. Был принят указ арестовать Гарпала и поместить все его деньги под секвестр в акрополе до получения особых указаний от Александра, к которому, очевидно, были отправлены посланники с рабами Гарпала, чтобы он их допросил и велел добиваться от него мягкого приговора. [707] Именно Демосфен выдвинул постановления о личном аресте и секвестре денег, [708] чем вызвал еще более горячее негодование Гиперида и других сторонников Гарпала, которые осудили его как покорную тварь всемогущего монарха. Гарпала заключили в тюрьму, но вскоре ему удалось бежать,

вероятно, к большому удовольствию Фокиона, Демосфена и всех остальных, ведь даже те, кто больше всего хотел избавиться от него, отшатнулись бы от одиозности и бесчестья отдать его, даже под принуждением, на верную смерть. Он бежал в Крету, где вскоре был убит одним из своих соратников[709].

В то время, когда были приняты постановления об аресте и секвестре, Демосфен попросил одного из приближенных граждан публично спросить Гарпала в собрании, какова сумма его денег, которые народ только что решил конфисковать[710]. Гарпал ответил: 720 талантов; и Демосфен объявил эту сумму народу по доверенности Гарпала, несколько подчеркнув ее величину. Но когда деньги пересчитали в акрополе, выяснилось, что их на самом деле не более 350 талантов. Говорят, что Демосфен не сразу сообщил народу об этом огромном недостатке реальной суммы по сравнению с объявлением Гарпала, которое он сам повторил в общественном собрании. Неизвестно, сколько времени господствовало впечатление, что 720 гарпальских талантов действительно находились в акрополе; когда же истина стала известна, возникло большое удивление и крик.[711] Предполагалось, что недостающая половина указанной суммы была использована в коррупции; подозрения преобладали почти против всех ораторов, включая Демосфена и Гиперида.

В этой ситуации Демосфен предложил сенату Ареопага расследовать дело и сообщить, кто из предполагаемых преступников[712] может быть обвинен в Дикастерии; в речи, сопровождавшей его предложение, он заявил, что настоящие преступники, кем бы они ни были, заслуживают капитального наказания. Ареопагиты отложили свой доклад на шесть месяцев, хотя Демосфен, как говорят, требовал его с некоторым нетерпением. Обыск был произведен в домах ведущих ораторов, за исключением лишь одного, который недавно женился.[713] Наконец отчет появился, в нем перечислялось несколько имен граждан, обвиняемых в присвоении этих денег, и указывалось, сколько каждый из них взял. Среди этих имен был сам Демосфен, обвиненный в 20 талантах, Демадес, обвиненный в 6000 золотых статеров, и другие граждане, с различными суммами, приложенными к их именам.[714] По этому докладу были назначены десять[715] общественных обвинителей для разбирательства обвинения против указанных лиц перед Дикастерией. Среди обвинителей был и Гиперид, чье имя не фигурировало в пагитическом докладе Арео . Демосфен предстал перед судом, прежде всех обвиняемых, перед многочисленной дикастерией из 1500 граждан,[716] которая подтвердила сообщение ареопагитов, признала его виновным и приговорила к уплате пятидесяти талантов в пользу государства. Не имея возможности выплатить этот большой штраф, он был заключен в тюрьму; но через несколько дней он нашел возможность бежать и скрылся в Трезене в Пелопоннесе, где провел несколько месяцев в удрученном и скорбном изгнании, до самой смерти Александра.[717] Что было сделано с другими гражданами, включенными в отчет Ареопагита, мы не знаем. Похоже, что Демадес[718], который был среди них и на которого, наряду с Демосфеном, особенно нападают Гиперид и Дейнарх, не явился на суд и, следовательно, должен был быть отправлен в изгнание; но если так, то он должен был быстро вернуться, поскольку он, похоже, был в Афинах, когда Александр умер. Филокл и Аристогейтон также были привлечены к суду как включенные Ареопагом в список провинившихся; но чем закончился их суд, неизвестно[719].

Это осуждение и изгнание Демосфена - бесспорно, величайшего оратора и одного из величайших граждан афинской древности - является самым печальным результатом дебатов по поводу изгнания Гарпала. Сам Демосфен отрицал это обвинение, но, к сожалению, мы не располагаем ни его защитой, ни фактами, выдвинутыми против него в качестве доказательств, так что наши средства для формирования положительного заключения

несовершенны. В то же время, судя по обстоятельствам, насколько мы их знаем, есть несколько, которые свидетельствуют о его невиновности, и ни одного, который бы доказывал его вину. Если мы должны поверить в то, что он получил деньги от Гарпала, мы должны знать, за какую услугу они были заплачены. Принимал ли Демосфен участие в делах Гарпала и советовал ли афинянам выступать на его стороне? Может быть, он даже молчал и не советовал им отвергать предложения? Совсем наоборот. Демосфен с самого начала был заявленным противником Гарпала и всех мер по поддержке его дела. Плутарх рассказывает анекдот о том, что Демосфен вначале выступал против Гарпала, но вскоре был очарован красотой золотой чаши среди гарпальских сокровищ. Гарпал, заметив его восхищение, в ближайшую ночь прислал ему золотую чашу вместе с двадцатью талантами, которые Демосфен принял. Через несколько дней после этого, когда дело Гарпала снова обсуждалось в общественном собрании, оратор появился с горлом, обмотанным шерстяными обертками, и заявил, что потерял голос; народ, распознав в этой симуляции неспособность, продиктованную полученной взяткой, выразил свое недовольство частично язвительными насмешками, частично возмущенным ропотом.^[720] Так гласит анекдот Плутарха. Но у нас есть доказательства того, что он не соответствует действительности. Возможно, Демосфен действительно был лишен возможности выступать на каком-то собрании из-за боли в горле; возможно, эта история точна; но то, что он отказался от противостояния Гарпалусу (реальный пункт обвинения против него), конечно, неправда; ведь мы знаем от его обвинителей Дейнарха и Гиперида, что именно он внес окончательное предложение о заключении Гарпалуса в тюрьму и секвестре гарпальских сокровищ в пользу Александра. На самом деле, Гиперид сам осуждает Демосфена за то, что тот из раболепия перед Александром закрыл дверь против Гарпала и его перспектив.^[721] Такое прямое и постоянное противодействие является убедительным доказательством того, что Демосфен не был ни оплачен, ни куплен Гарпалом. Единственная услуга, которую он оказал изгнаннику, заключалась в том, что он отказался передать его Антипатру и не предотвратил его побег из тюрьмы. С этим отказом согласился даже Фокион, и, вероятно, лучшие афиняне всех партий желали содействовать побегу изгнанника, которого было бы неприятно отдать в руки македонского палача. Если не предотвратить побег Гарпала было преступлением, то его совершил как Фокион, так и Демосфен, и даже больше, поскольку Фокион был одним из генералов, выполнявшим важнейшие административные обязанности, а Демосфен был лишь оратором и движителем в собрании. Кроме того, Гарпалус не имел возможности воздать должное лицам, кем бы они ни были, которым он был обязан своим побегом; ведь то же самое решение, которое постановило его арестовать, наложило арест на его деньги и таким образом вывело их из-под его собственного контроля^[722].

Таким образом, обвинение, выдвинутое против Демосфена двумя его обвинителями, - что он получил деньги от Гарпалуса, - все известные нам факты склонны опровергнуть. Но это еще не все. Имел ли Демосфен возможность присвоить деньги после того, как они вышли из-под контроля Гарпала? На этот вопрос также можно ответить отрицательно, насколько позволяет судить афинская практика. Демосфен предложил, и народ проголосовал за то, чтобы эти сокровища были помещены в доверительное управление Александру в акрополе - месте, где обычно хранились все афинские государственные деньги, в задней камере Парфенона. Помещенные в эту камеру, эти новые сокровища попали бы под опеку служащих афинской кассы и были бы так же недоступны для Демосфена, как и остальные государственные деньги. Что еще мог сделать сам Фокион, чтобы сохранить в целости фонд Гарпалий, кроме как поместить его в признанное место поручительства? Что же касается промежуточного процесса - доставки денег из Гарпалуса на акрополь, то нет никаких доказательств - и, на мой взгляд, нет никакой вероятности, - что Демосфен вообще принимал в нем участие. Даже пересчитать, проверить и взвесить сумму в 80 000 фунтов стерлингов - не в банкнотах или

векселях, а разделенную на многочисленные и тяжелые монеты (статеры, дарики, тетрадрахмы), скорее всего, даже не аттические, а азиатские - должно было быть утомительной обязанностью, требующей компетентных счетчиков, и чуждой привычкам Демосфена. Должно быть, служащие афинского казначейства должны были пройти через этот труд, предоставляя рабов или мулов, необходимых для переноски столь тяжелого груза на акрополь. Теперь у нас есть множество свидетельств из сохранившихся надписей, что детали передачи и проверки общественного имущества в Афинах выполнялись обычно с кропотливой точностью. Меньше всего такой точности не хватало в случае с большими сокровищами Гарпала, где само принятие указа предполагало большой страх перед Александром. Если Гарпалус, будучи публично спрошен в собрании: "Какова сумма, которую следует внести в акрополь?" - ответил, назвав сумму, которую он первоначально принес, а не ту, что у него осталась, то Демосфен, несомненно, мог бы повторить это заявление сразу после него, не будучи понятым таким образом, чтобы связать себя поручительством за его точность. Противник, например Гиперид, мог бы, конечно, передернуть в своей речи[723]: "Ты сказал собранию, что здесь 700 талантов, а теперь предъявляешь не более половины", - но обвинение против честности Демосфена, облеченное в эти слова, совершенно беспочвенно. Наконец, когда истинная сумма была выяснена, сообщить о ней было обязанностью служащих казны. Демосфен мог узнать об этом только от них; и ему, конечно, следовало бы, хотя это ни в коем случае не было обязательным долгом, проинформировать себя об этом, поскольку он неосознанно способствовал огласке ложного заявления. Истинное заявление было сделано, но мы не знаем, кем и как скоро[724].

Таким образом, рассматривая известные нам факты, мы видим, что все они опровергают обвинение против Демосфена. Этот вывод, несомненно, укрепитя после прочтения обвинительной речи, составленной Деинархом; это просто яростная инвектива, лишенная фактов и доказательств и перечеркивающая всю жизнь Демосфена за предшествующие двадцать лет. О том, что речь Гиперида также носила такой же несерьезный характер, свидетельствуют оставшиеся фрагменты. Даже отчет, составленный Ареопагом, не содержал ни изложения фактов, ни оправдательных материалов - ничего, кроме перечисления имен с указанием сумм, которые каждый из них должен заплатить.[725] Насколько мы можем судить, он был составлен *ex-parte*, то есть без заслушивания этих лиц в их собственную защиту, если только они сами не были ареопагитами. Однако и Гиперид, и Деинарх утверждают, что это сообщение само по себе является неопровержимым доказательством, которое дикасты не могли отвергнуть. Когда Демосфен потребовал, как и любой другой обвиняемый, чтобы обвинение против него было доказано какими-то позитивными доказательствами, Гиперид отверг это требование как не что иное, как уловку и особое ходатайство[726].

Остается отметить еще одно соображение. Спустя всего девять месяцев после вынесения Дикастерией приговора Демосфену Александр умер. Вскоре афиняне и другие греки поднялись против Антипатра в борьбе, получившей название Ламийской войны. Демосфен был отозван, получил от своих соотечественников такой восторженный прием, какого не оказывали ни одному возвратившемуся изгнаннику со времен Алкивиада, принял ведущее участие в управлении войной и погиб при ее катастрофическом окончании вместе со своим обвинителем Гиперидом.

Такая быстрая смена мнений о Демосфене позволяет сделать вывод, который, как мне кажется, подсказывают другие обстоятельства дела, - что приговор ему был не судебным, а политическим, вызванным неловкими обстоятельствами того времени.

Нет сомнений, что Гарпалус, для которого заявление об активной поддержке со стороны афинян было вопросом жизни и смерти, раздавал различные взятки всем согласным, кто мог продвигать его взгляды, - и, вероятно, даже тем, кто просто воздерживался от противодействия им; всем, короче говоря, кроме явных противников. Если бы мы судили только по вероятности, то должны были бы сказать, что сам Гиперид, как один из главных сторонников, был бы также одним из крупнейших получателей.^[727] Здесь было много взяток - заметных в массе, хотя, возможно, и не прослеживаемых в деталях - все они были осуществлены во время вспышки обещаний, которыми были отмечены первые обсуждения дела Гарпалии. Когда настроения переменились, когда страх перед македонской силой стал преобладающим чувством, когда Гарпалус и его сокровища были конфискованы в пользу Александра, все эти многочисленные получатели взяток были уже скомпрометированы и встревожены. Вероятно, они сами, чтобы отвести от себя подозрения, громче всех требовали расследования и наказания провинившихся. Более того, город должен был выдать Александру 700 талантов, а получил не более 350.^[728] Необходимо было объявить виновными и наказать определенных лиц, отчасти для того, чтобы пресечь взаимные обвинения, циркулировавшие в городе, отчасти для того, чтобы успокоить недовольство Александра по поводу денежного недостатка. Но как найти виновных? Официального генерального прокурора не было; число подозреваемых выводило дело за рамки частных обвинений; возможно, лучшим вариантом был курс, рекомендованный самим Демосфеном, - поручить предварительное расследование ареопагитам.

Прошло шесть месяцев, прежде чем ареопагиты представили свой отчет. Невозможно предположить, что все это время могло быть потрачено на изучение фактов, а если бы это было так, то опубликованный отчет содержал бы какие-то следы этих фактов, а не просто список имен и сумм. Вероятно, их время было потрачено на партийные дискуссии, а не на расследование фактов; несогласные стороны долго не могли прийти к соглашению, кого принести в жертву; и когда они все-таки пришли к соглашению, это был скорее политический, чем судебный приговор, выделив Демосфена как жертву, весьма приемлемую для Александра, и включив Демадеса, в порядке компромисса, в тот же список преступников - двух противоположных политиков, оба в данный момент несносных. Я уже отмечал, что Демосфен в то время был непопулярен среди обеих царствующих партий: среди фило-македонцев - с давних пор и не без достаточных оснований; среди антимакедонцев - потому что он занимал видное место в противостоянии с Гарпалусом. Его обвинители рассчитывают на ненависть первых к нему, как на нечто само собой разумеющееся; они рекомендуют его для ненависти вторых, как подлое создание Александра. Дикасты, несомненно, включали людей обеих партий; и как коллективный орган, они, вероятно, чувствовали, что утвердить список, представленный Ареопагом, было единственным способом окончательно закрыть тему, полную опасностей и разногласий.

Такова вероятная история Гарпалийских сделок. Она оставляет Демосфена невиновным в коррупционной выгоде, не менее чем Фокион; но для афинских политиков в целом она не заслуживает доверия; она выставляет судебную совесть Афин как находящуюся под давлением опасностей извне, на которую действовали интриганы внутри партии^[729].

За полгода с лишним, прошедшие между прибытием Гарпалуса в Афины и судом над Демосфеном, в Греции произошло одно событие, по крайней мере, значительное. Алекс послал Никанора на великий олимпийский фестиваль, проходивший в этом году, с официальным письмом или рескриптом, предписывающим каждому греческому городу отозвать всех своих граждан, находившихся в изгнании, за исключением тех, кто был запятнан нечестием. Рескрипт, публично зачитанный на празднике глашатаем, получившим

приз за громкость голоса, был заслушан с величайшим энтузиазмом 20 000 изгнанников, которые собрались там после того, как стало известно о намерении предпринять такой шаг. Она гласила: "Царь Александр - изгнанникам из греческих городов: "Мы не были авторами вашего изгнания, но мы будем авторами вашего восстановления в родных городах. Мы написали об этом Антипатру, поручив ему применить силу к тем городам, которые не отзовут вас по своей воле"[730].

Очевидно, что многие изгнанники излагали свои жалобы и обвинения Александру и находили в нем добровольного слушателя. Но мы не знаем, какими путями был получен этот рескрипт. По-видимому, у Антипатра были и другие распоряжения: сдерживать или изменять конфедерации ахейских и аркадских городов[731] и добиваться не только отзыва изгнанников, но и возвращения их имущества[732].

В том, что императорский рескрипт был продиктован недоверием к тону настроений в греческих городах в целом и имел целью наполнить каждый город преданными сторонниками Александра, сомневаться не приходится. С его стороны это было бесцеремонное и огульное проявление суверенитета, отменяющее условия, на которых он был назначен вождем Греции, отказывающееся даже рассматривать конкретные дела и пытаться провести различие между справедливыми и несправедливыми приговорами, массово подчиняющее себе политические и судебные власти в каждом городе. На сайте с горечью провозглашалось рабство эллинского мира. Изгнанники, восстановленные по принудительному приказу Александра, непременно обращались за поддержкой к Македонии, презирали родные власти и наполняли свои города удручающими раздорами. Большинство городов, не осмеливаясь сопротивляться, похоже, неохотно подчинились; но афиняне и итолийцы, как говорят, отказались выполнить приказ.[733] Одним из свидетельств отвращения, вызванного рескриптом в Афинах, является то, что Дейнарх сурово упрекает Демосфена за то, что, будучи главой афинской Феории или священного легата на Олимпийском фестивале, он был замечен там публично общающимся и знакомым с Никанором[734].

Зимой или ранней весной 323 г. до н. э. несколько греческих городов отправили посланников в Азию, чтобы выразить Александру несогласие с этой мерой; можно предположить, что среди них были и афиняне; но мы не знаем, произвели ли они какой-либо эффект.[735] Похоже, что в течение этой зимы и весны (323 г. до н. э.) в Греции было значительное недовольство. Распущенные солдаты из Азии все еще держали лагерь в Тенаре, где Леостен, энергичный афинянин с антимакедонскими настроениями, принял командование над ними и даже привлек свежих наемных солдат из Азии, договорившись с различными конфедератами в Афинах и с Итолийцами.[736] Из денег, как говорят, 5000 талантов, привезенных Гарпалом из Азии, большая часть не была взята Гарпалом в Афины, а, очевидно, оставлена у его офицеров для содержания сопровождавших его войск.

Таково было общее положение дел, когда Александр умер в Вавилоне в июне 323 года до н. э. Эта поразительная новость, к которой никто не мог быть готов, должна была распространиться по всей Греции в течение июля. Она открывала самые благоприятные перспективы для всех любителей свободы и страдальцев македонского владычества. Имперские военные силы напоминали гигантского Полифема после того, как Одиссей ослепил его глаз:[737] Александр не оставил компетентного наследника, и никто не предполагал, что его огромная империя может быть удержана в эффективном единстве другими руками. Антипатру в Македонии угрожало отступничество различных соседей.[738]

Не успела смерть Александра получить неоспоримое подтверждение, как антимакедонские лидеры в Афинах горячо подстрекали народ объявить себя первыми поборниками эллинской свободы и организовать для этого конфедерацию по всей Греции. Демосфен был тогда в изгнании; но Леостен, Гиперид и другие ораторы той же партии, несмотря на решительное противодействие Фокиона и его сторонников, нашли в себе силы возбудить в своих соотечественниках горячее чувство и решимость.^[739] Богатые люди большей частью были на стороне Фокиона, но масса граждан была воодушевлена воспоминаниями о своих предках и надеждами вновь завоевать греческую свободу. Было проведено голосование, публично провозгласившее их решение на этот счет. Было решено снарядить 200 квадрирем и 40 трирем; всех афинян моложе 40 лет призвать на военную службу; отправить посланников в различные греческие города, убедительно прося их о союзе в деле самоосвобождения.^[740] Фокион, хотя и был явным противником таких военных проектов, все еще оставался в Афинах и, по-видимому, продолжал исполнять свои обязанности одного из генералов.^[741] Но Пифей, Каллимедон и другие его друзья бежали к Антипатру, которому они энергично помогали в попытках остановить задуманное движение по всей Греции.

Леостен, получив от Афин деньги и оружие, встал во главе наемников, собравшихся в Тенаре, и переправился через залив в Итолию. Здесь к нему присоединились этолийцы и акарнанцы, которые охотно вступили в союз с Афинами, чтобы изгнать македонцев из Греции. Продвигаясь дальше к Фермопилам и Фессалии, он почти везде встречал благосклонность и поддержку. За греческую свободу выступали фокийцы, локрийцы, дорийцы, иняне, атаманцы и долопы; большинство малийцев, итфейцев, фессалийцев и ахейцев Фтиотиса; жители Леукаса и некоторые молосцы. Обещали сотрудничать также различные иллирийские и фракийские племена. В Пелопоннесе в лигу записались аргейцы, сикионяне, эпидавры, тризены, элейцы и мессенцы, а также карийцы в Эвбее.^[742] Этих сторонников отчасти добились Гиперид и другие афинские посланники, посетившие несколько городов; в то время как Пифей и другие посланники ездили по тем же делам, чтобы отстаивать интересы Антипатра. Таким образом, обе стороны были публично оспорены умелыми адвокатами перед различными общественными собраниями. В этих спорах перевес, как правило, был на стороне афинских ораторов, чьи усилия были подкреплены добровольной помощью Демосфена, жившего в то время в Пелопоннесе в качестве изгнанника.

Для Демосфена смерть Александра и новая перспектива организации антимакедонской конфедерации, имеющей хоть какие-то шансы на успех, была более желанной, чем для кого-либо другого. Он с радостью ухватился за возможность присоединиться к афинским посланникам, которые в полной мере ощутили ценность его энергичного красноречия, и помогать им в различных городах Пелопоннеса. Он так эффективно служил своей стране, что афиняне не только проголосовали за его возвращение, но и послали трирему за ним в Пирей. По его прибытии царили радость и энтузиазм. Архонты, жрецы и все граждане спустились в гавань, чтобы приветствовать его высадку, и проводили его в город. Полный горячих чувств, Демосфен излил свою благодарность за то, что ему было позволено увидеть такой день и насладиться триумфом, большим даже, чем тот, который был дарован Алкивиаду по возвращении из изгнания; ведь он был дарован спонтанно, а не вырван силой. По афинскому обычаю штраф не мог быть отменен, но народ принял решение о предоставлении ему пятидесяти талантов как руководителю периодических жертвоприношений Зевсу Сотеру, и исполнение им этой обязанности было приравнено к отмене штрафа^[743].

Какое участие принимал Демосфен в планах или деталях войны, нам не дано знать. Теперь под военным командованием Леостена велись активные операции. В конфедерацию против

Антипатра вошло больше эллинских государств, чем в ту, что противостояла Ксерксу в 480 году до н. э. Тем не менее, имя Спарты не фигурирует в списке. Меланхоличным недостатком для шансов Греции в этой ее последней борьбе за освобождение было то, что силы Спарты были полностью разбиты в галантной, но плохо продуманной попытке Агиса против Антипатра за семь лет до этого и с тех пор так и не восстановились. Большим оплотом македонского интереса во внутренних районах Греции была Беотия. Платея, Орхомен и другие древние враги Фив, получив от Александра владения, некогда принадлежавшие самим Фивам, прекрасно понимали, что это соглашение может быть сохранено только под постоянным давлением македонского господства в Греции. Вероятно также, что в Кадмее, Коринфе и Мегалополе стояли македонские гарнизоны; кроме того, аркадские и ахейские города были македонизированы в результате мер, принятых против них по приказу Александра в предшествующее уступке лето;^[744] поскольку мы не находим упоминаний об этих городах в ходе предстоящей борьбы. Афиняне снарядили значительное сухопутное войско, чтобы присоединиться к Леостену в Фермопилах; гражданское войско состояло из 5000 пехоты и 500 кавалерии, а также 2000 наемников. Но решительное сопротивление беотийских городов помешало им продвинуться дальше горы Китерон, пока сам Леостен, шедший из Фермопил с частью своей армии, не напал на беотийские войска, одержал полную победу и открыл проход. Теперь он со всеми эллинскими войсками, включая этолийцев и афинян, двинулся в Фессалию, чтобы встретить Антипатра, который наступал из Македонии в Грецию во главе имевшихся в его распоряжении сил - 13 000 пехоты и 600 конницы - и с флотом из 110 военных кораблей, действовавших на побережье.^[745]

Антипатр, вероятно, не был готов ни к такому быстрому и внушительному сбору объединенных греков в Фермопиле, ни к энергичным движениям Леостена. Еще меньше он был готов к дезертирству фессалийской конницы, которая, всегда составлявшая важный элемент македонской армии, теперь отдала свои силы грекам. Он отправил срочные послания македонским военачальникам в Азии - Кратеру, Леоннату, Филоте и другим - с просьбой о подкреплении, но тем временем, хотя и уступая в численности, счел целесообразным принять вызов Леостена. Однако в последовавшем сражении он был полностью разбит и даже лишен возможности отступить в Македонию, так что ему не оставалось ничего другого, кроме укрепленного города Ламия (у реки Сперхей, за южной границей Фессалии), где он рассчитывал продержаться до прихода помощи из Азии. Леостен немедленно приступил к осаде Ламии и давил на нее с максимальной энергией, предприняв несколько попыток взять город штурмом; но его укрепления были сильны, а гарнизон - многочисленным и боеспособным, так что он был отбит со значительными потерями. К сожалению, у него не было ни тачанок, ни инженеров, которые были столь мощным элементом в военных успехах Филиппа и Александра. Поэтому он был вынужден превратить осаду в блокаду и принять систематические меры для перехвата поставок провизии. В этом у него были все шансы преуспеть и захватить личность Антипатра. Эллинские перспективы выглядели радужными и обнадеживающими; в Афинах и других городах не было слышно ничего, кроме поздравлений и благодарностей.^[746] Фокион, услышав уверенные речи окружающих, заметил: "Стадион (или короткий курс) пройден блестяще, но я боюсь, что у нас не хватит сил продержаться на длинном курсе."^[747] В этот критический момент Леостен, осматривая блокирующие окопы, был ранен в голову большим камнем, выпущенным из одной из катапульт на городских стенах, и скончался через два дня.^[748] Погребальную речь в его честь, как и в честь других участников сражения с Антипатром, произнес в Афинах Гиперид, которому народ доверил эту обязанность, предпочтя Демосфена.

Смерть этого выдающегося полководца в полном разгаре успеха стала тяжелым ударом судьбы по делу греческой свободы. За последнее поколение Афины произвели на свет несколько прекрасных ораторов и одного, сочетавшего великолепное ораторское искусство с мудрыми и патриотическими советами. Но за все это время никто из ее граждан до Леостена не проявлял военного гения и пылкости наряду с панэллинскими целями. Его смерть, по-видимому, спасла Антипатра от поражения и плена. Очень трудно было удержать вместе разношерстную армию греков, которые после битвы легко убеждали себя, что война закончена, и хотели разойтись по домам - возможно, под обещание вернуться. Еще при жизни Леостена этолийцы, самый мощный контингент армии, получили разрешение отправиться домой по каким-то внутренним причинам, реальным или притворным.[749] Когда его убили, второго командира не было; да даже если бы он и был, личное влияние одного офицера можно было бы передать другому. В качестве примера можно привести Афины, где после некоторых дебатов Антифил был выбран командующим, после того как предложение назвать Фокиона было сделано и отвергнуто.[750] Но в течение этого промежутка времени не было власти, которая могла бы руководить военными операциями или даже держать армию вместе; так что драгоценные моменты для того, чтобы сделать блокаду действительно жесткой, были упущены, и Антипатр смог продержаться до прибытия Леонната из Азии к нему на помощь. Насколько опасным было положение Антипатра, можно судить по тому факту, что он просил мира, но осаждающие потребовали от него сдаться по своему усмотрению[751], и он отказался выполнить это условие.

Антифил, судя по всему, был храбрым и компетентным офицером. Но прежде чем он успел взять Ламию, Леоннат с македонской армией переправился через Геллеспонт из Азии и прибыл к границам Фессалии. Многие греки покинули лагерь, поэтому у Антифила сразу не хватило сил для продолжения блокады и борьбы с армией, прибывшей на помощь. Поэтому он снял блокаду и быстрыми маршами двинулся в атаку на Леонната отдельно от Антипатра. Эту операцию он выполнил энергично и успешно. Благодаря превосходству фессалийской кавалерии под командованием Менона, он получил важное преимущество в кавалерийском бою над Леоннатом, который сам был убит;[752] а македонская фаланга, обнажив фланги и тыл, отступила с равнины на более трудную землю, оставив греков хозяевами поля с мертвыми телами. На следующий день Антипатр выступил с войсками из Ламии и принял командование над разбитой армией. Однако он не счел целесообразным возобновлять сражение, а вывел свою армию из Фессалии в Македонию, придерживаясь на своем марше возвышенных мест, недоступных для конницы[753].

В то же время, что и эти операции в Фессалии, война, судя по всему, активно велась на море. Мы слышим о нападении Микиона с македонским флотом на Рамнус на восточном побережье Аттики, отбитом Фокионом; также о македонском флоте из 240 кораблей под командованием Клейта, вступившем в два сражения с афинским флотом под командованием Этиона у островов Эхинады, в устье Ахелуса, на западном побережье Этолии. Афиняне потерпели поражение в обоих сражениях, и в Афинах были предприняты большие усилия по строительству новых судов, чтобы восполнить понесенные потери.[754] Наши сведения недостаточны, чтобы раскрыть цели или детали этих действий. Но представляется вероятным, что македонский флот атаковал Этолию через Иниаду, жители которой недавно были изгнаны этолийцами;[755] и, возможно, именно по этой причине этолийский контингент был отозван из Фессалии.

Несмотря на такие неприятные события на море, дело панэллинской свободы в целом выглядело благополучно. Хотя и была упущена выгодная возможность взять Антипатра в плен

в Ламии, он все же был изгнан из Греции и не мог с помощью своих собственных сил в Македонии восстановить свои позиции. Греческие войска вели себя храбро и единодушно, преследуя общую цель; и того, что уже было достигнуто, было вполне достаточно, чтобы оправдать восстание, как справедливый риск, сулящий разумные надежды на успех. Тем не менее греческие граждане не были похожи на обученных македонских солдат. После не слишком продолжительной службы они хотели вернуться к своим семьям и имуществу, причем после победы не меньше, чем после поражения. Поэтому армия Антифила в Фессалии сильно поредела,^[756] хотя и оставалась достаточно большой, чтобы сдерживать македонские силы Антипатра, даже усиленные Леоннатом, и заставить его ждать еще более мощного подкрепления, которое должно было последовать под командованием Кратерия.

Чтобы объяснить отношения между этими тремя македонскими полководцами - Антипатром, Леоннатом и Кратером, - необходимо вернуться к июню 323 года до н. э., периоду смерти Александра, и рассмотреть состояние, в котором оказалась его огромная и могущественная империя. Я сделаю это кратко и только в той мере, в какой это касается последней борьбы и окончательного покорения греческого мира.

После неожиданной смерти Александра лагерь в Вавилоне с его многочисленным войском превратился в сцену раздора. Он не оставил после себя потомства, кроме ребенка по имени Геракл от своей любовницы Барсинки. Роксана, одна из его жен, действительно была беременна, и в условиях неопределенности момента первым желанием многих было дожидаться рождения ребенка. Сама же она, желая отгородиться от соперников, подговорила Статиру, царицу, на которой Александр женился в последний раз, чтобы ее заманили в ловушку и убили вместе с сестрой.^[757] Однако в Вавилоне был брат Александра, по имени Аридей (сын Филиппа от фессалийской любовницы), уже совершеннолетний, но слабый умом, к которому склонялась еще большая партия. В Македонии находились Олимпия, мать Александра, Клеопатра, его сестра, вдова эпирского Александра, и Кинане,^[758] другая сестра, вдова Аминта (двоюродного брата Александра Великого, преданного им смерти); все они были настроены воспользоваться своим родством с умершим завоевателем в открывшейся борьбе за власть.

После ожесточенных споров между конницей и пехотой в Вавилоне Аридей был провозглашен царем под именем Филиппа Аридея. Пердиккас был назначен его опекуном и главным министром; между другими главными должностными лицами были распределены различные сатрапии и части империи. Египет и Ливия достались Птолею; Сирия - Лаомедону; Киликия - Филотасу; Памфилия, Ликия и большая Фригия - Антигону; Кария - Асандру; Лидия - Менандру; Геллеспонтская Фригия - Леоннату; Каппадокия и Пафлагония - кардийскому Эвмену; Медия - Питону. Восточные сатрапии остались в руках фактических владельцев.

В Европе распространители отдали Фракию с Херсонесом Лисимаху; страны к западу от Фракии, включая (вместе с иллирийцами, трибаллами, агрианами и эфиротами) Македонию и Грецию, - Антипатру и Кратеру.^[759] Таким образом, мы видим, что греческие города передаются новым хозяевам как фрагменты огромного наследственного имущества, оставленного Александром. Пустая форма созыва и консультаций с синодом депутатов в Коринфе больше не считалась необходимой.

Все вышеперечисленные должностные лица рассматривались как местные лейтенанты, управляющие частями единой и неделимой империи под началом Аридея. Главными офицерами, обладавшими центральной властью, распространявшейся на всю империю, были Пердиккас, конный хилиарх (этот пост до своей смерти занимал Гефестион), своего

рода визирь,[760] и Селевк, командир конной гвардии. В этот момент никто не говорил о разделе империи. Но вскоре выяснилось, что Пердиккас, пользуясь слабостью Аридея, решил оставить за ним лишь императорское имя, а реальную власть присвоить себе. Однако в спорах с другими вождями он представлял императорскую семью и целостность империи, выступая против обособленности и местной независимости. В этом деле (помимо брата Алкетаса) его самым умелым и эффективным помощником был Эвмен Кардийский, секретарь Александра на протяжении нескольких лет до его смерти. Одним из первых действий Пердикки было отвоевание Каппадокии у местного вождя Ариаратеса (который умудрялся удерживать ее все время правления Александра) и передача ее Евмену, которому она была выделена в общей схеме раздела[761].

В момент смерти Александра Кратер находился в Киликии во главе армии македонских воинов-ветеранов. Ему было поручено отвести их домой в Македонию, приказав остаться там вместо Антипатра, который должен был прибыть в Азию со свежими подкреплениями. У Кратера был с собой документ с письменными инструкциями от Александра, в котором содержались проекты самого гигантского масштаба: завоевание запада, перевозка жителей оптом из Европы в Азию и из Азии в Европу, возведение великолепных религиозных сооружений в разных частях Греции и Македонии и т. д. Этот список Пердиккас представил окружающим его офицерам и солдатам, которые отвергли эти проекты как слишком масштабные, чтобы кому-либо, кроме Александра, пришло в голову.[762] Кратер и Антипатр одновременно претендовали на Грецию и Македонию, и распределители империи выделили им эти страны совместно, не решившись исключить ни одного из них. На фоне противоречивых притязаний этих великих македонских офицеров Леоннат также лелеял надежды на тот же приз. Он был сатрапом азиатской территории, граничащей с Геллеспонтом, и получал предложения от Клеопатры из Пеллы, в которых она предлагала ему жениться на ней и принять на себя управление Македонией. Примерно в то же время к нему (через Гекатея, деспота Кардии) были направлены срочные послания от Антипатра, сразу после поражения, предшествовавшего осаде Ламии, с просьбой о сотрудничестве против греков. Леоннат прибыл, намереваясь помочь Антипатру против греков, а также лишить его власти в Македонии и жениться на Клеопатре.[763] Этот план остался неосуществленным, потому что (как уже говорилось) Леоннат был убит в первой же стычке с греками. Для них его смерть была тяжелым несчастьем, для Антипатра - преимуществом, которое с лихвой компенсировало поражение, поскольку избавляло его от опасного соперника.

Только летом следующего года Кратер нашел время, чтобы ввести свою армию в Македонию. В результате этого перехода Антипатр, которому он уступил командование, оказался во главе мощной армии - 40 000 тяжелой пехоты, 5000 конницы и 3000 лучников и пращников. Он снова отправился в Фессалию против греков под командованием Антифила, и две армии сошлись на фессалийских равнинах у Краннона. Греческая армия состояла из 25 000 пехоты и 3500 кавалерии - последние, фессалийцы под командованием Менона, отличались восхитительной эффективностью. Солдаты в целом были храбрыми, но непокорными; контингенты многих городов ушли домой и не вернулись, несмотря на настоятельные призывы командира. Надеясь, что к ним присоединятся эти отсутствующие, Антифил и Менон сначала пытались отложить сражение, но Антипатр вынудил их к битве. Хотя Менон со своей фессалийской конницей разбил и рассеял македонскую конницу, греческая пехота оказалась не в состоянии противостоять превосходящей по численности пехоте Антипатра и сильному давлению фаланги. Они были отбиты и сдались, но отступили в хорошем порядке, так как македонская фаланга была неспособна к преследованию, на трудную соседнюю землю, где к ним вскоре присоединилась их победоносная кавалерия. Потери греков, как говорят, составили 500 человек, македонцев - 120.[764]

Поражение при Кранноне (август 322 г. до н. э.) ни в коем случае не было решающим или губительным, и оно, вероятно, не сломало бы дух Леостена, если бы он был жив и находился под командованием. Прибытие отсутствующих контингентов еще могло бы позволить грекам вырваться вперед. Но Антифил и Менон, посовещавшись, отказались ждать и ускорять эту развязку. Они сочли необходимым послать на открытые переговоры о мире Антипатра, который, однако, ответил, что не признает и не будет вести дела ни с какой греческой конфедерацией и что не получит никаких предложений, кроме как от каждого города в отдельности. После этого греческие военачальники сразу же решили продолжать войну и просить подкрепления у своих соотечественников. Но их собственная робость уничтожила все шансы на прибытие подкрепления. В то время как Антипатр начал активные и успешные действия против фессалийских городов по отдельности, греки становились все более удрученными и встревоженными. Город за городом отправлял своих посланников просить мира у Антипатра, который предоставлял всем мягкие условия, оставляя в покое только афинян и эйтолийцев. Через несколько дней объединенная греческая армия была рассеяна; Антифил с афинянами вернулся в Аттику; Антипатр последовал за ними на юг до Беотии, расположившись на македонском посту на Кадмее, некогда эллинских Фивах - в двух днях пути от Афин[765].

Против подавляющей силы, оказавшейся на границах Аттики, у афинян не было никаких средств защиты. Главные антимакедонские ораторы, особенно Демосфен и Гиперид, сразу же удалились из города, ища убежища в храмах Калаурии и Эгины. Фокион и Демадес, как посланники, наиболее приемлемые для Антипатра, были отправлены в Кадмею с заявлением о покорности города и просьбой о смягчении условий. Говорят, что в это время Демадес был лишен гражданских прав и не имел права выступать на публике, так как трижды (по некоторым данным, семь раз) был обвинен и признан виновным при графе Параномоне; но афиняне провели специальное голосование, чтобы дать ему возможность вернуться к исполнению своих гражданских обязанностей. Однако ни Фокион, ни Демадес не смогли убедить Антипатра согласиться на что-либо иное, кроме сдачи Афин по своему усмотрению; таких же условий Леостен потребовал от самого Антипатра в Ламии. Кратер даже намеревался двинуться в Аттику, чтобы диктовать условия под стенами Афин; Фокион не без труда добился отказа от этого намерения, после чего вернулся в Афины с ответом. У народа не оставалось иного выбора, кроме как броситься на милость Антипатра;[766] и Фокион с Демадесом вернулись в Фивы, чтобы узнать о его решении. На этот раз их сопровождал философ Ксенократ - преемник Платона и Спевсиппа в качестве главного учителя в школе Академии. Хотя Ксенократ и не был гражданином Афин, он давно жил там, и предполагалось, что его достойный характер и выдающиеся интеллектуальные способности могут смягчить гнев завоевателя. Аристотель до этого времени уехал из Афин в Халкис, иначе его, личного друга Антипатра, наверняка выбрали бы для этой мучительной миссии. На самом деле Ксенократ не принес никакой пользы: Антипатр принял его сурово и почти заставил замолчать. Одной из причин этого может быть то, что он был в определенной степени соперником Аристотеля; к его чести следует добавить, что он придерживался более высокого и независимого тона, чем любой из других посланников[767].

Согласно условиям, продиктованным Антипатром, афиняне должны были выплатить сумму, равную всем расходам на войну; выдать Демосфена, Гиперида и, кажется, по меньшей мере двух других антимакедонских ораторов; принять македонский гарнизон в Мунихии; отказаться от демократической конституции и лишить гражданских прав всех своих бедняков. Большинство этих бедняков должны были покинуть свои дома и получить новые земли на чужом берегу. Афинские колонисты на Самосе должны были быть раскулачены, а остров передан саамским изгнанникам и туземцам.

Говорят, что Фокион и Демадес выслушали эти условия с удовлетворением, как мягкие и разумные. Ксенократ выступил против них с самым решительным протестом, какой только допускал случай, сказав[768]: "Если Антипатр смотрит на нас как на рабов, то условия умеренные; если как на свободных людей, то суровые". На просьбу Фокиона отказаться от введения гарнизона Антипатр ответил отрицательно, намекнув, что гарнизон будет не менее полезен самому Фокиону, чем македонцам; Каллимедон же, присутствовавший там афинский изгнанник, презрительно отверг это предложение. Что касается острова Самос, то Антипатр убедил его разрешить специальную ссылку на императорскую власть.

Если Фокион считал эти условия мягкими, мы должны представить, что он ожидал приговора о разрушении Афин, подобного тому, который Александр вынес и исполнил в отношении Фив. Ни при каком другом сравнении они не могут показаться мягкими. Из 21 000 квалифицированных граждан Афин все те, кто не имел имущества на сумму 2000 драхм, были приговорены к лишению гражданских прав и депортации. Число тех, кто был ниже этого установленного уровня, составляло 12 000 человек, или три пятых от общего числа. Они были отброшены как буйные, шумные демократы; 9000 самых богатых граждан, "партия порядка", были оставлены в исключительном владении не только гражданством, но и городом. Осужденные 12 000 были высланы из Аттики, некоторые во Фракию, некоторые на иллирийское или италийское побережье, некоторые в Ливию или Киренейскую область. Кроме множества людей, изгнанных просто по причине сравнительной бедности, были изгнаны и известные антимакедонские политики, в том числе Агнонид, друг Демосфена и один из его искренних защитников во время обвинения по поводу гарпальских сокровищ.[По просьбе Фокиона Антипатр согласился сделать депортацию менее масштабной, чем предполагалось, разрешив некоторым изгнанникам, в том числе Агнониду, остаться в пределах Пелопоннеса. 770] Вскоре мы увидим, что он задумал еще более массовую депортацию жителей Этолии.

Глубоко жаль, что об этой важной революции, не только сократившей Афины до половины населения, но и сопровождавшейся депортацией, чреватой лишениями и страданиями отдельных людей, мы узнаем только из двух-трех предложений Плутарха и Диодора, без каких-либо подробностей от современных наблюдателей. Диодор называет его возвращением к солонийской конституции; но это сравнение позорит имя этого замечательного законодателя, чьи изменения, взятые в целом, были чрезвычайно либеральными и расширяющими права по сравнению с тем, что он нашел установленным. Депортация, предписанная Антипатром, действительно должна была навлечь на бедных граждан Афин страдания в чужих краях, аналогичные тем, которые, по описанию Солона, предшествовали его Сейсахтее, или мерам по облегчению положения должников.[771] Какие правила девять тысяч оставшихся граждан приняли для своей новой конституции, мы не знаем. Что бы они ни делали, все должно было зависеть от согласия Антипатра и македонского гарнизона, который вошел в Мунихию под командованием Менилла в двадцатый день месяца Боэдромиона (сентября), спустя более чем месяц после битвы при Кранноне. День его вступления в бой представляет собой печальный контраст. Это был день, когда во время ежегодной церемонии Элевсинских мистерий Деметры многолюдная праздничная процессия граждан сопровождала бога Иакха из Афин в Элевсис[772].

Одной из первых мер девяти тысяч было осуждение на смерть, по предложению Демадеса, выдающихся антимакедонских ораторов, которые уже бежали - Демосфена, Гиперида, Аристонику и Гимерея, брата гражданина, прославленного впоследствии как Деметрий Фалерейский. Трое последних укрылись в Игине, а Демосфен - в Калаурии, и все они оказались вне досягаемости афинского приговора, но не вне досягаемости македонского

меча. В этот несчастный сезон Греция была полна таких же изгнанников, антимакедонских лидеров из всех городов, участвовавших в Ламийской войне. Офицеры Антипатра, которых на языке того времени называли охотниками за изгнанниками,[773] были повсюду на чеку, чтобы схватить этих запрещенных людей; многие ораторы, как из других городов, так и из Афин, были убиты, и ни для кого из них не было убежища, кроме гор Этолии.[774] Один из этих офицеров, фуриец по имени Архиас, который когда-то был трагическим актером, с ротой фракийских солдат отправился в Эги на, где схватил трех афинских ораторов - Гиперида, Аристонику и Гимерея - и вытащил их из святилища Эакиона или часовни Эакуса. Все они были отправлены в качестве пленников к Антипатру, который к этому времени с войском двинулся на Коринф и Клеон в Пелопоннесе. Там все они были преданы смерти по его приказу. Говорят, что у Гиперида перед смертью вырезали язык; согласно другому утверждению, он сам откусил его, подвергнув пытке и решив сделать невозможным раскрытие секретов. Что касается подробностей его смерти, то существует несколько различных историй[775].

Отведя пленников к Антипатру, Архиас отправился со своими фракийцами в Калаурию на поиски Демосфена. Расположенный там храм Посейдона, в котором укрылся оратор, пользовался столь высоким почитанием, что Архиас, не решаясь вытащить его силой, попытался уговорить его выйти добровольно, пообещав, что ему не причинят никакого вреда. Но Демосфен, прекрасно понимая, какая участь его ожидает, наглотался в храме яда и, когда доза начала действовать, вышел из священного помещения, скончавшись сразу после того, как переступил границу. Сопутствующие обстоятельства пересказывались по-разному.[776] Эратосфен (к авторитету которого я склоняюсь) утверждал, что Демосфен носил яд в кольце на руке; другие говорили, что он был подвешен в льняном мешочке на шее; согласно третьей версии, он содержался в перочине, которую он кусал и сосал, сочиняя последнее письмо к Антипатру. Среди этих противоречивых подробностей мы можем утверждать лишь то, что яд, который он заранее приготовил, спас его от меча Антипатра, а возможно, и от отрезания языка. Наиболее примечательным было утверждение Демохареса, племянника Демосфена, сделанное в его речи в Афинах через несколько лет после этого. Демохарес утверждал, что его дядя не принимал яд, а был мягко удален из мира особым провидением богов, как раз в тот момент, когда это было необходимо для его спасения от жестокости македонян. Не менее важно отметить в качестве иллюстрации распространенных впоследствии настроений, что Архиас Охотник за изгнанниками, как утверждалось, погиб в величайшем бесчестии и нищете[777].

Насильственная смерть этих прославленных ораторов, лишение прав и изгнание афинского демоса, подавление общественных дикастерий, оккупация Афин македонским гарнизоном и Греции в целом македонскими изгнанниками-охотниками - все это события одной и той же трагедии, знаменующей исчезновение автономного эллинского мира. О Гипериде как о гражданине мы знаем только то, что он с самого начала и до последнего времени с ораторскими способностями, уступающими только Демосфену, оказывал упорное сопротивление македонскому владычеству над Грецией; хотя его преследование Демосфена в отношении Гарпальского сокровища представляется (насколько оно дошло до нас) порочащим. О Демосфене мы знаем достаточно, чтобы составить о нем мнение как о гражданине и государственном деятеле. На момент смерти ему было около шестидесяти двух лет, и перед нами его первый филиппик, написанный за тридцать лет до этого (352-351 гг. до н. э.). Таким образом, мы уверены, что уже тогда он проницательно и предусмотрительно оценил опасность, которая угрожала греческой свободе из-за энергии и посягательств Филиппа. Он внушал своим соотечественникам эту грядущую опасность в то время, когда более старые и влиятельные политики либо не могли, либо не хотели ее видеть; он громко

призывал своих сограждан к личной службе и денежным пожертвованиям, подкрепляя этот призыв всеми искусными ораторскими приемами, когда такие неприятные предложения влекли за собой лишь непопулярность для него самого. В тот период, когда Демосфен впервые обратился с этими искренними призывами к своим соотечественникам, задолго до падения Олинфа, власть Филиппа, хотя и грозная, могла прекрасно держаться в пределах Македонии и Фракии; и, вероятно, держалась бы, если бы Демосфен обладал в 351 году до н. э. таким же общественным влиянием, какое он приобрел десять лет спустя, в 341 году до н. э.

На протяжении всей карьеры Демосфена как государственного советника, вплоть до битвы при Херонее, мы прослеживаем одно и то же сочетание искреннего патриотизма с мудрой и дальновидной политикой. Во время трехлетней войны, закончившейся битвой при Херонее, афиняне в основном следовали его советам; и какими бы катастрофическими ни были конечные военные результаты этой войны, за которые Демосфен не мог нести ответственности, ее ранние периоды были достойны похвалы и успеха, ее общая схема была лучшей из тех, что допускал случай, а ее дипломатическое управление - повсеместно победоносным. Но что придает целям и политике Демосфена особое величие, так это то, что они были не только афинскими, но и в значительной степени панэллинскими. Он стремился защитить от Филиппа не только Афины, но и весь эллинский мир. В этом он возвышается над величайшими из своих предшественников за полвека до его рождения - Периклом, Архидамом, Агесилаем, Эпаминондом, чья политика была афинской, спартанской, фиванской, а не эллинской. Он переносит нас во времена нашествия Ксеркса и поколения, непосредственно сменившего его, когда борьба и страдания афинян против Персии были освящены полным тождеством интересов с коллективной Грецией. Чувства, к которым Демосфен апеллирует во всех своих многочисленных орациях, - это чувства самого благородного и большого патриотизма; он пытается разжечь древние греческие чувства, представляя автономный эллинский мир как необходимое условие достойного и желанного существования^[778], но в то же время внушая, что эти блага могут быть сохранены только трудом, самопожертвованием, преданностью судьбе и готовностью к тяжелой и неуклонной личной службе.

От разрушения Фив Александром в 335 году до н. э. до Ламийской войны после его смерти политика Афин не велась и не могла вестись Демосфеном. Но, будучи обреченным на сравнительную неэффективность, он все же оказал Афинам существенную услугу в Гарпальском деле 324 года до н. э. Если бы вместо того, чтобы противостоять союзу города с Гарпалом, он поддержал его так же горячо, как Гиперид - преувеличенные обещания изгнанника, возможно, взяли бы верх, и Александру была бы объявлена война. Что касается обвинения в развращении Гарпала, то я уже привел причины считать его невиновным. Ламийская война, заключительная сцена его деятельности, не была его первоначальным предложением, поскольку во время ее начала он находился в изгнании. Но он включился в нее с неослабевающим рвением и сыграл большую роль в обеспечении большого числа присоединений, которые он получил от многих греческих государств. Несмотря на катастрофический результат, это было, как и битва при Херонее, славное усилие по восстановлению греческой свободы, предпринятое при обстоятельствах, которые обещали хорошие шансы на успех. Не было излишней опрометчивости в расчетах на отвлечение внимания от империи, оставленной Александром, на взаимную вражду между главными офицерами и на вероятность того, что придется выступить против Антипатра и Македонии, практически не получив подкрепления из Азии. Как бы ни было катастрофично это предприятие, но риск был вполне оправдан, поскольку на кону стояла столь благородная цель; и если бы война затянулась еще на год, ее окончание, вероятно, было бы совсем иным. Мы увидим это, когда будем следить за событиями в Азии. После столь разрушительной

катастрофы, уничтожившей свободу слова в Греции и рассеявшей афинский демос по дальним странам, сам Демосфен вряд ли желал в возрасте шестидесяти двух лет продлить свое существование в качестве беглеца за морем.

Из речей, которые он произносил для частных тяжб, а иногда и для себя, перед дикастерией, а также из многочисленных стимулирующих и назидательных речей по общественным делам, с которыми он обращался к собравшимся соотечественникам, для восхищения потомков сохранилось несколько. Эти речи служат нам не только доказательством его непревзойденного ораторского мастерства, но и одним из главных источников, по которым мы можем оценить последний этап жизни свободного грека, как действующую и работающую реальность.

ГЛАВА ХСVІ. ОТ ЛАМИЙСКОЙ ВОЙНЫ ДО КОНЦА ИСТОРИИ СВОБОДНОЙ ГРЕЦИИ И ЭЛЛИНИЗМА.

Смерть Демосфена с ее трагическими обстоятельствами, описанными в моей последней главе, в целом менее меланхолична, чем затянувшаяся жизнь Фокиона в качестве агента македонского господства в полужасленном городе, где он родился свободным гражданином и где он так долго помогал управлять свободной общиной. Бесчестное положение Фокиона, должно быть, усугублялось бедственным положением Афин, вызванным как насильственной депортацией половины свободных граждан, так и принудительным возвращением афинских поселенцев с Самоса; этот остров был отнят у Афин после сорока трех лет его существования и возвращен саамскому народу и его изгнанникам по рескрипту Пердикки на имя Аридея.^[779] Занимая это несносное возвышение, Фокион осуществлял власть со свойственной ему честностью и мягкостью. Стремясь оградить горожан от беспорядков со стороны гарнизона Мунихии, он поддерживал дружеские отношения с его командиром Мениллом, хотя и отказывался от всех подарков, как от него, так и от Антипатра. Он хотел подарить гражданство философу Ксенократу, который был всего лишь метисом, или жителем несвободного города; но Ксенократ отклонил предложение, заметив, что не примет места в конституции, против которой он протестовал как посланник.^[780] Этот знак мужественной независимости, не слишком примечательный, пока македонцы были хозяевами города, был молчаливым упреком в уступчивой покорности Фокиона.

По всему Пелопоннесу Антипатр очистил и перестроил города, Аргос, Мегалополь и другие, как он это сделал в Афинах; в каждом он установил олигархию из своих партизан - иногда с македонским гарнизоном - и предал смерти, депортировал или изгнал враждебных, несговорчивых или демократически настроенных граждан.^[781] Завершив покорение Пелопоннеса, он перешел через Коринфский залив, чтобы напасть на Итолийцев, единственных греков, оставшихся непокоренными. Целью Антипатра было не только покорить этот воинственный и грубый народ, но и массово перевезти его в Азию и провести по внутренним пустыням империи.^[782] Его армия была слишком сильна, чтобы противостоять ей на ровном месте, поэтому все наиболее доступные города и деревни попали в его руки. Но этолийцы храбро защищались, уводили свои семьи в высокие города и на горные вершины своей очень труднопроходимой страны и наносили македонским захватчикам серьезные потери. Тем не менее, Кратер, который вел подобную войну с

Александром в Согдиане, проявил такое мастерство в захвате путей сообщения, что перехватил все их припасы и довел их до крайнего бедствия, в условиях наступившей зимы. Несмотря на храбрость и выносливость, этолийцы вскоре должны были сдаться от холода и голода, если бы неожиданное прибытие Антигона из Азии не сообщило Антипатру и Кратеру такие новости, которые побудили их подготовиться к походу в Македонию, чтобы пересечь Геллеспонт и действовать в Азии. Они заключили мир с этолийцами, отложив до будущего времени свою задумку депортировать этот народ, и ушли в Македонию; там Антипатр скрепил свой союз с Кратером, отдав ему в жены свою дочь Филу[783].

Другая дочь Антипатра, по имени Никея, незадолго до этого была отправлена в Азию, чтобы стать женой Пердикки. Этот полководец, выступая в роли опекуна или премьер-министра царей из рода Александра (о которых теперь говорят во множественном числе, поскольку Роксана родила посмертного сына, названного Александром, и стала царем совместно с Филиппом Аридеем), поначалу стремился к тесной связи с Антипатром, требуя от него дочь в жены. Но вскоре перед ним открылись новые перспективы благодаря интригам принцесс в Пелле (Олимпии с дочерью Клеопатрой, вдовой молосского Александра), которая всегда враждовала с Антипатром, даже при жизни Александра, и Кинанки (дочери Филиппа от иллирийской матери и вдовы Аминтаса, первого двоюродного брата Александра, но убитого по приказу Александра) с ее дочерью Эвридикой. Уже упоминалось, что Клеопатра предложила себя в жены Леоннату, пригласив его занять трон Македонии: он послушался, но был убит в первой же битве с греками, избавив тем самым Антипатра от опасного соперника. Таким образом, первый проект Олимпии был сорван, и она отправила к Пердиккасу предложение о браке с Клеопатрой. Пердиккас уже поклялся в любви к дочери Антипатра, но теперь он раздумывал, не лучше ли для его честолюбия нарушить обещание и принять новое предложение. К этому шагу его подтолкнул Эвмен, его лучший друг и соправитель, неуклонно соблюдающий интересы царской семьи, но при этом лично ненавидимый Антипатром. Но Алкетас, брат Пердиккаса, заявил, что было бы опасно открыто и сразу вызвать гнев Антипатра. Поэтому Пердиккас решил пока принять Никейю, но через некоторое время отослать ее и взять Клеопатру, которой Евмен передал тайные заверения от него. Кинане (дочь Филиппа и вдова его племянника Аминта), женщина воинственная и честолюбивая, привезла в Азию свою дочь Эвридику, чтобы та повенчалась с царем Филиппом Аридеем. Не одобряя этот брак и, вероятно, подстрекаемые Олимпией, Пердикка и Алкетас предали Кинана смерти. Но возмущение, вызванное этим поступком среди солдат, было столь яростным, что угрожало их безопасности, и они были вынуждены разрешить брак царя с Эвридикой[784].

Все эти интриги продолжались в течение лета 322 года до н. э., в то время как Ламийская война все еще эффективно продолжалась греками. Около осени Антигон (по имени Монофталм), сатрап Фригии, обнаружил эти тайные интриги Пердикки, который по этой и другим причинам стал смотреть на него как на врага и строить заговоры против его жизни. Узнав об опасности, Антигон бежал из Азии в Европу, чтобы ознакомить Антипатра и Кратера с враждебными маневрами Пердикки; получив известие, оба полководца, немедленно отказавшись от Этолийской войны, вывели свою армию из Греции для более важной цели - противодействия Пердикке в Азии.

Для нас эти состязания македонских офицеров имеют значение лишь в той мере, в какой они затрагивают греков. И мы видим, по только что замеченным событиям, как неблагоприятны для греков были повороты мелодии, в течение всей Ламийской войны: могила греческой свободы, не для одних только действующих участников, но и для их потомства.[785] До битвы при Кранноне и сдачи Афин все складывалось так, чтобы избавить Антипатра от стеснения и

придать ему двойную силу. Интриги принцесс в Пелле, которые, как известно, ненавидели его, подняли против него сначала Леонната, а затем Пердиккаса. Если бы Леоннат остался жив, рука Антипатра была бы если не парализована, то по крайней мере ослаблена; если бы Пердиккас заявил о себе раньше, силы Антипатра должны были быть отведены, чтобы противостоять ему, и битва при Кранноне, вероятно, имела бы другой исход. Как только Пердиккас стал враждебен Антипатру, он стал поддерживать и искать союза с греками, как, как мы увидим, он делал это в настоящее время с этолийцами.^[786] Благодаря таким чисто случайным причинам Антипатр получил промежуток в несколько месяцев, в течение которого его руки были не только свободны, но и вооружены новой и неожиданной силой от Леонната и Кратера, чтобы завершить Ламийскую войну. Таким образом, катастрофический исход этой войны был в значительной степени результатом потерь, к которым мы должны отнести и смерть самого Леостена. Такой исход не должен рассматриваться как доказательство отчаянности или непродуманности проекта его организаторов, которые имели полное право отнести к числу вероятностей своего дела последствия раздора между македонскими вождями.

Весной 321 года до н. э. Антипатр и Кратер, согласовав свои действия с правителем Египта Птолемеем, переправились в Азию и начали конфликт с Пердиккасом, который сам, имея с собой царей, отправился в Египет, чтобы напасть на Птолея; оставив своего брата Алкетас в сочетании с Эвменом в качестве генерала, чтобы поддерживать его дело в Каппадокии и Малой Азии. Алкетас, обескураженный неблагоприятным настроением македонцев в целом, бросил это предприятие как безнадежное. Но Эвмен, хотя его всячески смущала и угрожала вероломная ревность его собственных македонских офицеров и недовольство солдат против него как грека, и хотя он был вынужден скрывать от этих солдат тот факт, что популярный среди них Кратер командовал на противоположной стороне, проявил, тем не менее, столько способностей, что одержал важную победу,^[787] в которой погибли и Неоптолем, и Кратер. Неоптолем был убит Эвменом собственной рукой, после отчаянного и долгого сомнительного личного поединка, и ценой тяжелой раны, нанесенной ему самому.^[788] После победы он нашел Кратера еще живым, хотя и истекающим потом от раны. Глубоко потрясенный этим зрелищем, он сделал все возможное, чтобы привести умирающего в чувство, а когда это оказалось невозможным, с почестями завернул его мертвое тело в пелену и переправил в Македонию для погребения.

Это новое доказательство военных способностей и энергичности Эвмена, а также смерть двух таких важных офицеров, как Кратер и Неоптолем, оказались губительными для самого победителя, не послужив делу, за которое он сражался. Его вождь Пердиккас не дожил до этого. Этот полководец был настолько властным и тираническим по отношению к другим офицерам и при этом настолько неудачным в своих первых операциях против Птолея на пелусийском рукаве Нила, что его собственная армия взбунтовалась и убила его.^[789] Его войска присоединились к Птолею, чье благожелательное поведение завоевало их расположение. Всего через два дня после этого переворота в лагерь прибыл гонец от Эвмена с известием о победе и смерти Кратера. Если бы эти сведения получил сам Пердиккас во главе своей армии, ход дальнейших событий мог бы заметно измениться. Эвмен занял бы самое видное положение в Азии, как полководец царей из рода Александринов, к которым его привязывали и интересы, и чувства. Но известие, пришедшее в тот момент, когда оно пришло, вызвало в армии только сильнейшее раздражение против него; не просто как союзника одиозного Пердикки, но как причину смерти уважаемого Кратера. Вместе с Алкетасом и пятьюдесятью офицерами он был признан солдатами врагом народа. Впредь македонские офицеры и солдаты не поддерживали с ним никаких отношений. В это же время

были убиты несколько офицеров, приставленных к Пердиккасу в лагере, а также Аталанта, его сестра[790].

В результате смерти Пердикки и дезертирства его солдат полный перевес оказался в руках Антипатра, Птолемея и Антигона. Антипатр был приглашен присоединиться к армии, состоявшей теперь из объединенных сил Птолемея и Пердикки. На него была возложена опека над лицами царей и своего рода министерское главенство, которым ранее обладал Пердикка. Однако ему пришлось столкнуться со многими трудностями и даже с большой личной опасностью из-за интриг принцессы Эвридики, которая проявила мужскую смелость, публично томя солдат, а также из-за недовольства армии, требовавшей подарков, ранее обещанных им Александром, на ликвидацию которых в данный момент не было средств. В Трипарадесе в Сирии Антипатр произвел второе распределение сатрапий империи, несколько измененное, но в основном совпадающее с тем, которое было составлено вскоре после смерти Александра. Птолемею были переданы Египет и Ливия, Антигону - Большая Фригия, Ликия и Памфилия, как и прежде.[791]

Антигон получил в командование главную македонскую армию в Азии, чтобы разгромить Эвмена и других главных приверженцев Пердикки, большинство из которых были приговорены к смерти голосованием македонской армии. После некоторого перерыва сам Антипатр в сопровождении царей вернулся в Македонию, хитростью избежав повторного требования своих солдат обещанных подарков. Война Антигона, сначала с Евменом в Каппадокии, затем с Алкетасом и другими партизанами Пердикки в Писидии, продолжалась много месяцев, но в конце концов была успешно завершена.[792] Евмен, которого преследовали постоянные измены и неповиновение македонцев, был разбит и изгнан с поля боя. С горсткой людей он укрылся в неприступной и хорошо защищенной крепости Нора в Каппадокии, где продержался против Антигона долгую блокаду, по-видимому, более года[793].

Не успела закончиться длительная блокада Норы, как Антипатр, будучи в весьма преклонном возрасте, заболел и вскоре умер. Одним из последних его деяний было предание смерти афинского оратора Демадеса, который был отправлен в Македонию в качестве посланника, чтобы добиться вывода македонского гарнизона в Мунихии. Антипатр пообещал или дал надежду, что если олигархия, которую он создал в Афинах, сохранит непоколебимую приверженность Македонии, то он выведет гарнизон. Афиняне пытались уговорить Фокиона отправиться в Македонию в качестве адвоката для выполнения этого обещания, но он упорно отказывался. Демадес, охотно взявший на себя эту миссию, прибыл в Македонию в самый неподходящий для себя момент. Бумаги покойного Пердиккаса попали в руки его противников, и среди них было найдено письмо, написанное ему Демадесом, в котором он приглашал его переправиться и спасти Грецию от зависимости "от старой и прогнившей основы", то есть от Антипатра. Это письмо сильно обидело Антипатра - скорее, потому что Демадес, как говорят, был его постоянным пенсионером - и еще больше обидело его сына Кассандра; он заставил схватить Демадеса с сыном, сначала убил сына в непосредственном присутствии и даже в объятиях отца, а затем убил самого отца с горькой инвективой против его неблагодарности.[794] Все рассказы, которые мы читаем, изображают Демадеса в общих чертах как расточительного транжиру и продажного и коррумпированного политика. У нас нет оснований сомневаться в этом утверждении: в то же время у нас нет конкретных фактов, подтверждающих его.

Своими последними распоряжениями Антипатр назначил Полисперхона, одного из ветеранов Александра, главным администратором со всеми полномочиями от имени императорской династии; своему же сыну Кассандру он отвел лишь второе место, как

хилиарху, или генералу телохранителей.[795] Он считал, что такое распределение власти будет более приемлемым для всей империи, поскольку Полисперхон был старше и имел более продолжительный срок военной службы, чем любой другой из генералов Александра. Кроме того, Антипатр особенно боялся, что власть перейдет в руки принцесс;[796] все они - Олимпия, Клеопатра и Эвридика - отличались энергичным характером, а первая из них (удалившаяся в Эпир из-за вражды с Антипатром) была яростной и непримиримой.

Но планы Антипатра с самого начала оказались несостоятельными, так как Кассандр не хотел ни подчиняться второму месту, ни терпеть Полисперхона в качестве своего начальника. Сразу же после смерти Антипатра, но еще до того, как об этом стало известно общественности, Кассандр отправил Никанора с притворным приказом Антипатра сместить Менилла в управлении Мунихией. Менилл подчинился этому приказу. Но когда через несколько дней афинская общественность узнала истинную правду, она была недовольна Фокионом за то, что тот позволил произвести перемены - предполагая, что он знал реальное положение дел, и мог бы не допустить нового командующего.[797] Кассандр, обеспечив этот важный пост в руках убежденного партизана, согласился с властью Полисперхона и занялся охотой в деревне. В то же время он отправил доверенных лиц в Геллеспонт и другие места для осуществления своих планов, особенно для заключения союза с Антигоном в Азии и с Птолемеем в Египте. Его посланники были в целом хорошо приняты, и вскоре он сам внезапно покинул Македонию и отправился согласовывать меры с Антигоном в Азии.[798] Это соответствовало политике Птолемея, а еще больше политике Антигона, чтобы помочь ему против Полисперхона и императорской династии. После смерти Антипатра Антигон решил сделать себя настоящим государем азиатской Александрийской империи, обладая при этом самой мощной военной силой в ней.

До этого времени императорская династия была скорее именем, чем реальностью, но все же уважаемым именем. Но теперь предпочтение, оказанное Полисперхону покойным Антипатром, и отделение Кассандра поставили все настоящие великие державы в активную враждебную позицию по отношению к династии. Полисперхон и его друзья не были слепы к трудностям своего положения. Главные должностные лица Македонии были созваны для совещания, и было решено пригласить Олимпию из Эпира, чтобы она взяла под опеку своего внука Александра (сына Роксаны), передать азиатские интересы династии в руки Евмена, назначив его верховным главнокомандующим[799], и бороться с Кассандром в Европе, заручившись общей благосклонностью и поддержкой греков. Эта последняя цель должна была быть достигнута путем предоставления грекам всеобщего избирательного права и уничтожения антипатриархальных олигархий и военных правительств, господствовавших сейчас во всех городах.

Последняя надежда сохранить единство империи Александра в Азии против встречных интересов великих македонских офицеров, которые неуклонно стремились разделить и присвоить ее, теперь возлагалась на верность и военное мастерство Евмена. В его распоряжение Полисперхон передал императорские сокровища и солдат в Азии, особенно храброго, но неверного и беспорядочного Аргираспида. Олимпия также обратилась к нему с патетическим письмом, прося его совета как единственного друга и спасителя, на которого императорская семья могла теперь надеяться. В ответ Эвмен заверил их в своей преданности их делу. Но в то же время он посоветовал Олимпии не приезжать из Эпира в Македонию, а если она все же придет, то воздержаться от мстительных и жестоких действий. Обе эти рекомендации, достойные как его благоразумия, так и гуманности, были проигнорированы старой царицей. Она прибыла в Македонию, чтобы взять на себя управление делами; и хотя ее внушительный титул матери великого завоевателя вызывал

сильные благожелательные чувства, однако многочисленные казни антипатридов возбудили смертельную вражду против династии, которая и без того пошатнулась. Тем не менее Евмен, хотя его советы и были проигнорированы, посвятил себя в Азии с непоколебимой верностью Александрийской семье, сопротивляясь самым заманчивым приглашениям принять участие вместе с Антигоном против них.[800] Его пример во многом способствовал сохранению тех же активных настроений в окружающих его людях; действительно, без него императорская семья не имела бы искреннего и властного представителя в Азии. Его доблестная борьба, сначала в Киликии и Феникии, затем (когда он был изгнан с побережья) в Сузиане, Персиде, Мидии и Паретакене, продолжавшаяся в течение двух лет против значительно превосходящих сил Птолемея, Антигона и Селевкии и против непрекращающегося предательства его собственных офицеров и войск[801], не принадлежит к греческой истории. Однако они входят в число самых запоминающихся подвигов античности. Хотя даже с военной точки зрения они едва ли уступают комбинациям самого Александра, они, кроме того, демонстрируют такую гибкость и способность, какой Александр не обладал и не нуждался, чтобы преодолевать тысячи трудностей, создаваемых окружавшими его предателями и мятежниками. До последнего Эвмен оставался непокоренным; его предал Антигону подлым и продажным предательством его собственный солдат, македонец Аргираспид[802].

В интересах императорской династии (об исчезновении которой мы сейчас расскажем) можно только сожалеть, что после смерти Антипатра они сразу же не оставили Азию и не сосредоточили свое внимание на одной Македонии, призвав на помощь Эвмена. Удержать в единстве огромную совокупность Азии было явно невыполнимой задачей даже при его выдающихся способностях. Действительно, мы читаем, что Олимпия желала его присутствия в Европе, не доверяя никому, кроме него, как защитнику ребенка Александра.[803] В Македонии, помимо Азии, Евмен, если бы буйный нрав Олимпии позволил ему, мог бы поддержать династию; которая, имея в то время определенный интерес в примирении с греками, вероятно, могла бы санкционировать его симпатии в пользу свободного эллинского сообщества.[804]

Узнав о смерти Антипатра, большинство греческих городов отправили посланников в Пеллу[805]. Для всех правительств этих городов, состоявших из его приближенных, было крайне важно знать, какой курс изберет новая македонская власть. Полисперхон, убежденный в том, что все они будут придерживаться Кассандра и что его единственным шансом в борьбе с этим соперником является привлечение народных симпатий и интересов в Греции или, по крайней мере, подрыв этих антипатрских олигархий, составил вместе со своими советниками прокламацию, которую он издал от имени династии.

Рассказав о неизменной благосклонности Филиппа и Александра к Греции, он заявил, что это чувство было прервано несправедливой Ламийской войной, начатой некоторыми недоброжелательными греками и закончившейся нанесением множества тяжких бедствий различным городам. Но все эти жестокости (продолжал он) исходили от полководцев (Антипатра и Кратера): теперь цари решили их исправить. В связи с этим было объявлено, что политическое устройство каждого города должно быть восстановлено, как оно было во времена Филиппа и Александра; что до тридцатого числа месяца Ксантика все те, кто был осужден генералами на изгнание или депортирован, должны быть отозваны и приняты обратно; что их имущество должно быть восстановлено, а вынесенные против них приговоры отменены; что они должны жить в амнистии в отношении прошлого и в добрых чувствах в отношении будущего вместе с остальными гражданами. Из этого акта отзыва были исключены изгнанники из Амфиссы, Трикки, Фаркадона и Гераклеи, а также некоторое

количество мегалопольцев, замешанных в одном конкретном заговоре. В случае с этими городами, правительства которых были объявлены враждебными Филиппом или Александром, были проведены специальные переговоры и консультации с Пеллой для внесения некоторых изменений в соответствии с обстоятельствами. Что касается Афин, то было решено, что Самос должен быть возвращен ей, но не Оропус; во всех других отношениях она была поставлена на те же позиции, что и во времена Филиппа и Александра. "Все греки (заклучил он) должны принять постановления, запрещающие каждому носить оружие или иным образом враждовать с нами под страхом изгнания и конфискации имущества для себя и своей семьи. По этому и по всем другим вопросам мы приказали Полисперхону принять надлежащие меры. Повинуйтесь ему, как мы уже писали вам, ибо мы не упустим случая обратить внимание на тех, кто в каком-либо вопросе пренебрежет нашим провозглашением"[806].

Таков был новый эдикт, изданный царями или, скорее, Полисперхоном от их имени. Он предписывал вывести все гарнизоны и низвергнуть все олигархии, созданные Антипатром после Ламийской войны. Он приказал отозвать изгнанных тогда из города изгнанников. Он возродил положение вещей, господствовавшее до смерти Александра, которое и само по себе было по большей части совокупностью македонских олигархий, перемежавшихся с македонскими гарнизонами. Однако для существующих антипатрских олигархий это был смертельный удар; так, должно быть, понимали его и греческие посланники - включая, вероятно, депутатов от изгнанников, а также посланников от гражданских правительств, - которым Полисперхон вручил его в Пелле. Не довольствуясь общим эдиктом, Полисперхон направил специальные письма в Аргос и другие города, повелевая изгнать антипатридов с конфискацией имущества, а в некоторых случаях предать их смерти;[807] имена, вероятно, были предоставлены ему изгнанниками. Наконец, поскольку было ясно, что такие жесткие меры не могут быть осуществлены без применения силы, - тем более что эти олигархии будут поддерживаться Кассандром извне, - Полисперхон решил ввести в Грецию крупные военные силы, отправив туда сначала, однако, значительный отряд для немедленных операций, под командованием своего сына Александра.

В Афины, как и в другие города, Полисперхон направил специальные письма, обещая восстановление демократии и отзыв изгнанников. В Афинах такие перемены были более значительными, чем в других городах, поскольку число изгнанников и депортированных было наибольшим. Для существующих девяти тысяч афинских граждан это было, несомненно, одиозно и тревожно, а Фокиону и другим ведущим антипатридам это грозило не только потерей власти, но, вероятно, не чем иным, как бегством или смертью.[808] Состояние интересов в Афинах, однако, было теперь необычайно новым и сложным. Были Антипатриды и девять тысяч квалифицированных граждан. Были изгнанники, которые, согласно новому эдикту, быстро начали возвращаться в город и восстанавливать свое гражданство, а также имущество. Было известно, что Полисперхон и его сын скоро придут с мощным отрядом. Наконец, был Никанор, который удерживал Мунихию с гарнизоном не для Полисперхона и не для афинян, а для Кассандра; последний также ожидал прихода войска из Азии. Здесь столкнулись несколько партий, каждая из которых отличалась по взглядам и интересам от остальных, а некоторые решительно враждовали друг с другом.

Первый спор возник между афинянами и Никанором по поводу Мунихии, которую они требовали от него эвакуировать в соответствии с недавней прокламацией. Никанор со своей стороны дал уклончивый ответ, обещая подчиниться, как только позволят обстоятельства, но тем временем умоляя афинян продолжать союз с Кассандром, как они были с его отцом Антипатром.[809] Похоже, он питал надежды склонить их в свою пользу - и не без оснований,

поскольку антипатрийские вожди и часть девяти тысяч граждан не могли не бояться исполнения эдикта Полисперхона. Кроме того, у него было еще более важное обстоятельство - тайное попустительство и поддержка Фокиона, который вступил в близкие отношения с Никанором, как прежде с Мениллом[810], и у которого было больше причин, чем у кого-либо другого, опасаться эдикта Полисперхона. На общественном собрании, созванном в Пирее для обсуждения этого вопроса, Никанор даже осмелился лично явиться в сопровождении Фокиона, который очень хотел, чтобы афиняне рассмотрели предложение о союзе с Кассандром. Но в народе главным желанием было полностью избавиться от чужеземного гарнизона и добиться эвакуации Мунихии - для этого, конечно, вернувшиеся изгнанники были бы еще более обеспокоены, чем девять тысяч. Поэтому собрание отказалось выслушать любые предложения Никанора, а Деркилл с другими даже предложил схватить его. Именно Фокион обеспечил ему возможность бегства, даже несмотря на серьезный гнев сограждан, которым он заявил, что сам поручился за личную безопасность Никанора[811].

Предвидя серьезность предстоящего поединка, Никанор тайно вводил в Мунихию свежих солдат. А когда он обнаружил, что не может добиться от афинян заявленной поддержки, он разработал план внезапного нападения и захвата города и гавани Пейреуса, к которому примыкала Мунихия, расположенная на южной стороне небольшого полуострова. Несмотря на все его меры предосторожности, афинянам стало известно, что он обманывает людей в Пейреусе и собирает войска на соседнем острове Саламине. В афинском собрании была выражена такая тревога за безопасность Пейреуса, что был принят указ, предписывающий всем гражданам взяться за оружие для его защиты под командованием Фокиона как генерала. Однако Фокион, пренебрегая таким указом, не принял никаких мер предосторожности, заявив, что сам ответит за Никанора. Вскоре этот офицер, совершив неожиданное нападение из Мунихии и Саламины, застал Пирей врасплох, взял город и гавань под военную оккупацию и отрезал его от Афин рвом и палисадом. В ответ на эту явную агрессию афиняне бросились оружием. Но Фокион, как полководец, умирил их пыл и даже отказался возглавить атаку для возвращения Пирея, пока Никанор не успел укрепиться в нем. Однако он вместе с Кононом (сыном Тимофея) отправился на переговоры с Никанором и повторил требование, чтобы тот эвакуировал, согласно недавней прокламации, все посты, которые он держал в гарнизоне. Но Никанор не дал никакого другого ответа, кроме того, что у него есть поручение от Кассандра, к которому они должны обратиться со своим заявлением.[812] Таким образом, он снова попытался ввести Афины в сношения с Кассандром.

Захват Пирея в дополнение к Мунихии стал серьезным бедствием для афинян, поставив их в худшее положение, чем они были даже при Антипатре. Пейрей, богатый, активный и торговый, содержащий афинский арсенал, доки и военное имущество, был во многих отношениях ценнее самих Афин; для всех военных целей - гораздо ценнее. Теперь у Кассандра было прекрасное место для хранения оружия и базы, чего не могла бы дать одна Мунихия, для его операций в Греции против Полисперхона; поэтому потери были едва ли менее тяжелыми, чем у афинян. Теперь Фокион, как генерал, был предупрежден об опасности, мог бы ее предотвратить и должен был это сделать. Это было грубым нарушением долга и не поддается никакому другому объяснению, кроме предательского попустительства. Похоже, что Фокион, предвидя свою гибель и гибель своих друзей в случае триумфа Полисперхона и возвращения изгнанников, желал способствовать захвату Пирея Никанором, чтобы заставить Афины принять союз с Кассандром; этот союз, вероятно, был бы заключен, если бы Кассандр достиг Пирея по морю раньше, чем первые войска Полисперхона по суше. Фокион был здесь виновен, по меньшей мере, в преступном

пренебрежении, а возможно, и в еще более преступной измене по случаю, нанесшему серьезный ущерб и Полисперхону, и афинянам; этот факт мы не должны забывать, когда будем читать ожесточенную вражду, проявленную против него[813].

Весть о том, что Никанор овладел Пейреем, произвела сильную сенсацию. Вскоре пришло письмо, адресованное ему самой Олимпией, в котором она приказывала ему сдать это место афинянам, которым она хотела предоставить полную автономию. Но Никанор отказался подчиниться ее приказу, все еще ожидая поддержки от Кассандра. Прибытие Александра (сына Полисперхона) с войском побудило афинян поверить, что он прибыл, чтобы помочь силой захватить Пирей и вернуть его себе. Однако их надежды вновь не оправдались. Расположившись лагерем возле Пирея, Александр не потребовал от афинян сотрудничества с ним в атаке, а вступил в открытое противостояние с Никанором, которого он пытался убедить или склонить к сдаче города.[814] Когда эти переговоры не увенчались успехом, он решил дожидаться прибытия отца, который уже шел в Аттику с основной армией. Его собственных сил без поддержки, вероятно, было недостаточно для нападения на Пирей; он также не решил обратиться за помощью к афинянам, которым в таком случае пришлось бы уступить место после взятия, чего они так страстно желали. Таким образом, афиняне оказались как никогда далеки от своей цели; более того, из-за этой задержки возможность атаковать это место была полностью упущена, так как Кассандр со своим вооружением достиг его раньше Полисперхона.

Именно Фокион и его ближайшие соратники побудили Александра принять эту коварную политику; отказаться от завоевания Пирея для афинян и присвоить его себе. Для Фокиона восстановление автономных Афин с их демократией и восстановленными изгнанниками, без какой-либо иностранной контролирующей силы, было гарантированным приговором к изгнанию, если не к смерти. Не имея возможности получить защиту от иностранной силы Никанора и Кассандра, он и его друзья решили броситься на помощь Александру и Полисперхону. Они вышли навстречу Александру, когда тот въезжал в Аттику, объяснили ему нецелесообразность отказа от столь важной военной должности, как Пирей, пока война еще не закончена, и предложили сотрудничать с ним в этом деле, правильно управляя афинским обществом. Александр был доволен этими предложениями, принял Фокиона и других в качестве своих главных приверженцев в Афинах и рассматривал Пирей как захват, который должен быть обеспечен для себя.[815] Многочисленные вернувшиеся афинские изгнанники сопровождали армию Александра. По-видимому, Фокион хотел принять войска вместе с изгнанниками в качестве друзей и союзников в стены Афин, чтобы сделать Александра хозяином города, но этот проект оказался неосуществимым из-за недоверия, возникшего у афинян из-за переговоров Александра с Никанором[816].

Однако стратегическая функция Фокиона, так часто передававшаяся и вновь передававшаяся ему, и его способность творить добро или зло теперь подходили к концу. Как только вернувшиеся изгнанники оказались в достаточном количестве, они потребовали пересмотра списка государственных чиновников и восстановления демократических форм. Они проголосовали за то, чтобы де позировать тех, кто занимал должность при антипатриархальной олигархии и продолжал занимать ее до настоящего времени. Среди них первым был Фокион: вместе с ним - его зять Харикл, фалериец Деметрий, Каллимедон, Никокл, Фудипп, Гегемон и Филокл. Эти люди были не только низложены, но и осуждены: одни - на смерть, другие - на изгнание и конфискацию имущества. Деметрий, Харикл и Каллимедон искали безопасности, покинув Аттику; Фокион же и остальные просто отправились в лагерь Александра, бросившись под его защиту на веру в недавнее понимание.[Александр не только принял их вежливо, но и дал им письма к своему отцу

Полисперхону с просьбой обеспечить им безопасность и защиту, как людям, которые приняли его дело и по-прежнему готовы сделать все возможное, чтобы поддержать его. 818] Вооружившись этими письмами, Фокион и его спутники отправились через Беотию и Фокис, чтобы встретить Полисперхона во время его похода на юг. Их сопровождали Дейнарх и платейнин по имени Солон, оба они считались друзьями Полисперхона[819].

Афинская демократия, только что воссозданная и принявшая недавние осуждающие голоса, была встревожена известием о том, что Александр встал на сторону Фокиона и рекомендовал такую же политику своему отцу. Не исключено, что Полисперхон попытается со своей мощной армией занять Афины и захватить Пирей, а Фокион (как Антипатр после Ламийской войны) станет удобным инструментом управления. Кажется очевидным, что таков был проект Александра, и что он рассчитывал на Фокиона как на готового помощника в обоих случаях. Теперь восстановленные демократы, хотя и были обязаны своим восстановлением Полисперхону, были гораздо менее покладисты по отношению к нему, чем Фокион. Они не только не пустили его в город, но даже не согласились с тем, чтобы он отдельно занял Мунихию и Пейрею. По предложению Агнонида и Архестрата они отправили к Полисперхону депутацию, обвиняя Фокиона и его товарищей в государственной измене, но в то же время требуя для Афин полного и неограниченного преимущества позднейшего царского провозглашения - автономии и демократии, с восстановлением Пирея и Мунихии свободными и без гарнизонов[820].

Депутация прибыла к Полисперхону в Фаригес в Фокисе раньше, чем компания Фокиона, задержавшаяся на несколько дней в Элатее из-за болезни Деинарха. Эта задержка была неудачной для Фокиона. Если бы он увидел Полисперхона и вручил письмо Александра до прибытия афинских обвинителей, то, возможно, добился бы более благосклонного приема. Но поскольку прибытие обеих сторон было почти одновременным, Полисперхон выслушал их обоих на одной аудиенции, перед царем Филиппом Аридеем на его троне с золоченым потолком над ним. Когда Агнонид, глава афинской депутации, бывший друг и защитник Демосфена в деле Гарпала, оказался лицом к лицу с Фокионом и его друзьями, их взаимные ругательства сначала не вызвали ничего, кроме замешательства, пока сам Агнонид не воскликнул: "Соберите нас всех в одну клетку и отправьте обратно в Афины, чтобы нас осудили афиняне". Царь посмеялся над этим замечанием, но собравшиеся вокруг настаивали на более упорядоченном разбирательстве, и тогда Агнонид изложил два требования афинян: осуждение Фокиона и его друзей, отчасти как сообщников Антипатра, отчасти как предавших Пирея Никанору, и предоставление Афинам всех преимуществ позднего царского воззвания.[821] По последнему из этих двух пунктов Полисперхон ни за что не хотел уступать и не хотел отдавать Пейрею афинянам, как только он его возьмет. На этот вопрос он, соответственно, ответил отказом или уклонением. Но тем более он был склонен удовлетворить афинян по другому вопросу - о выдаче Фокиона; тем более что настроения, царившие в Афинах, ясно показывали, что Фокион не может быть снова полезен ему как орудие. Настроенный пожертвовать Фокионом, Полисперхон выслушал его защиту с нетерпением, несколько раз прерывал его и так отвратил его, что тот в конце концов ударил палкой о землю и замолчал. С Гегемоном, еще одним из обвиняемых, обошлись еще более жестоко. Когда он обратился к самому Полисперхону, который был лично осведомлен о его (оратора) добром расположении к афинскому народу (вероятно, он был отправлен в Пеллу в качестве посланника для устранения обид, причиненных антипатрской олигархией), Полисперхон воскликнул: "Не произноси на меня лживых слов перед царем". Более того, сам царь Филипп был настолько разгневан, что вскочил с трона и выхватил копье, которым он пронзил бы Гегемона, подражая худшим побуждениям своего прославленного брата, если бы его не удержал Полисперхон. Приговор не мог быть сомнительным. Фокион и его спутники

были переданы в качестве пленников афинской депутации вместе с письмом от царя, в котором он сообщал, что, по его убеждению, они были предателями, но он оставляет их на суд афинян, теперь восстановивших свободу и автономию[822].

Македонскому Клейту было поручено доставить их в Афины в качестве пленников под охраной. Скорбное зрелище предстало перед ними, когда они вошли в город; их везли на телегах по Керамейкусу, через сочувствующих друзей и озлобленную толпу, пока они не достигли театра, где должно было состояться собрание. В это собрание входили все желающие, и, как говорят, среди них было много иностранцев и рабов. Но для Фокиона было бы счастьем, если бы это действительно было так; ведь у иностранцев и рабов не было причин для антипатии к нему. Собрание состояло в основном из злейших врагов Фокиона, граждан, только что вернувшихся из ссылки или депортации; среди них, несомненно, могло быть больше или меньше неквалифицированных лиц, поскольку списки, вероятно, еще не были проверены. Когда собрание уже собиралось открыться, друзья Фокиона предложили, чтобы по случаю столь важного суда иноземцы и рабы были удалены. Это было во всех смыслах невежливо, так как восстановленные изгнанники, в основном бедняки, восприняли это как оскорбление в свой адрес и еще больше озлобились, возмущаясь против олигархов, которые пытались их исключить.

Нелегко представить себе более сильные поводы для возмущения, чем те, что разжигали грудь этих вернувшихся изгнанников. Вспомним, что к концу Ламийской войны афинская демократия была насильственно подорвана. Демосфен и его главные лидеры были убиты, некоторые из них с прежней жестокостью; бедные слои населения, составлявшие более половины квалифицированных граждан, были изгнаны или депортированы в отдаленные регионы. Ко всему общественному позору и бедствиям добавилась огромная масса индивидуальных страданий и обнищания, ущерб от которых был очень слабо исцелен даже тем неожиданным обстоятельством, что перед ними снова открылся их родной город. Поэтому, когда эти люди возвращались из разных краев, каждый из которых слышал от других новые рассказы о пережитых лишениях, они испытывали самую лютую ненависть к авторам антипатрской революции; среди этих авторов особенно выделялся Фокион. Ибо хотя он не был инициатором и не советовал этих суровых мер, но он и его друзья, как управляющие антипатристическим правительством в Афинах, должны были быть их проводниками и подвергнуть себя страшным наказаниям, объявленным псефизмом Демофанта,[823] освященным клятвой, принесенной всеми афинянами, против любого, кто будет занимать официальную должность после того, как правительство было низвергнуто.

Когда эти восстановленные граждане впервые после возвращения увидели Фокиона перед собой, общее чувство антипатии к нему вырвалось наружу в яростных проявлениях. Главный обвинитель Агнонид, поддерживаемый Эпикуром[824] и Демофилом, встретил их обличения с одобрением и даже ожиданием, когда они представили Фокиона как преступника, приложившего руку к подрыву конституции, к страданиям своих изгнанных сограждан и к подчинению Афин чужеземному государству; Кроме того, предательство Пирея Никанору[825] стало новым преступлением: он наложил на народ иго Кассандра, когда недавним императорским эдиктом ему была обещана автономия. После того как обвинение было закончено, Фокион был призван к защите; но ему не удалось добиться слушания. Несколько раз он пытался говорить, но его прерывали гневными криками; несколько его друзей были перебиты подобным образом; в конце концов он в отчаянии отказался от дела и воскликнул: "За себя, афиняне, я признаю себя виновным; я выношу себе смертный приговор за мое политическое поведение; но почему вы выносите приговор этим людям рядом со мной, которые не виновны?" "Потому что они твои друзья, Фокион", - воскликнули

окружающие. Фокион больше ничего не говорил, а Агнонид предложил постановление, согласно которому собравшийся народ должен решить поднятием рук, виновны или нет те, кто сейчас предстал перед судом, и если они будут признаны виновными, то их следует предать смерти. Некоторые присутствующие кричали, что смерти должна предшествовать пытка, но это дикое предложение, полностью противоречащее афинским законам в отношении граждан, было опровергнуто не только Агнонидом, но и македонским офицером Клейтусом. Затем постановление было принято, после чего потребовалось поднять руки. Почти каждая рука в собрании была поднята в знак осуждения; каждый мужчина даже поднялся со своего места, чтобы сделать эффект более впечатляющим; а некоторые зашли так далеко, что надели венки в знак триумфа. Для многих из , несомненно, удовлетворение этого сильного и единодушного мстительного импульса, - с их точки зрения, не только законного, но и патриотического, - должно быть, было одним из самых счастливых моментов в жизни.

После вынесения приговора пятеро осужденных - Фокион, Никокл, Фудипп, Гегемон и Пифокл - были переданы верховным магистратам полиции, называемым "одиннадцатью", и отведены в тюрьму, где им была введена обычная доза яда. Враждебно настроенные прохожие бежали рядом, насмехаясь и понося их. Говорят даже, что один человек встал впереди и плюнул в Фокиона; тот повернулся к чиновникам и воскликнул: "Неужели никто не остановит этого непристойного парня?". Это была единственная эмоция, которую он проявил; в остальном он сохранял спокойствие и самообладание во время этого душераздирающего марша от театра до тюрьмы, среди причитаний друзей, сломленного духа четырех товарищей и самых яростных проявлений антипатии со стороны сограждан в целом. Когда он вошел в тюрьму, появился один лучик утешения. Было девятнадцатое число месяца мунихиона, день, когда афинские всадники или рыцари (самый богатый класс города, люди по большей части олигархических настроений) совершали свое праздничное шествие с венками на головах в честь Зевса. Несколько всадников остановились, сняли венки и заплакали, глядя на решетку тюрьмы.

На вопрос, не хочет ли он что-нибудь сказать своему сыну Фокию, Фокион ответил: "Я решительно говорю ему, чтобы он не хранил злую память об афинянах". После этого всем пятерым - Фокиону в последнюю очередь - был вынесен приговор: "Выпейте болиголова". Осужденные за измену, они не были похоронены в Аттике; друзьям Фокиона не позволили зажечь погребальный костер для сожжения его тела; оно было вывезено из Аттики в Мегариду наемным агентом по имени Конопион и там сожжено на огне, добытом в Мегаре. Жена Фокиона со своими служанками совершила возлияния и отметила место погребения небольшим курганом земли; она также собрала кости и тайно ночью привезла их в Афины в своем лоне. Она похоронила их у домашнего очага с таким обращением: "Возлюбленная Гестия, я вверяю тебе эти мощи хорошего человека. Верни их в его семейный склеп, как только афиняне придут в себя"[827].

Через некоторое время (как сообщает нам Плутарх) афиняне действительно пришли в себя. Они обнаружили, что Фокион был верным и отличным государственным служащим, раскаялись в своей строгости по отношению к нему, отпраздновали его похороны за государственный счет, воздвигли статую в его честь и предали Агнонида смерти по приговору суда; Эпикур и Демофил бежали из города и были убиты сыном Фокиона[828].

Эти факты якобы верны, но Плутарх упускает из виду их реальное объяснение. В течение двух-трех месяцев после смерти Фокиона Кассандр, уже владевший Пиреем и Мунихией, стал хозяином и Афин; олигархическая или фокионская партия снова получила

преобладание; Деметрий Фалерейский был отозван из ссылки и поставлен управлять городом под началом Кассандра, как Фокион управлял им под началом Антипатра.

Неудивительно, что при таких обстоятельствах память Фокиона должна быть почтена. Но это совсем другое дело, чем спонтанное изменение народного мнения о нем. Я не вижу причин, по которым такое изменение мнения должно было произойти, и не верю, что оно произошло. Афинский демос, массово изгнанный и депортированный, имел наилучшие основания для ненависти к Фокиону и вряд ли стал бы стыдиться этого чувства. Хотя лично он был мягким и неподкупным, они не извлекли из этих достоинств никакой пользы. Для них не имело значения, что он постоянно отказывался от подарков Антипатра, когда тот безвозмездно выполнял работу Антипатра. Если рассматривать последнюю сцену Фокиона перед народом в театре как судебный процесс, то это не что иное, как жестокое самозванство; если рассматривать ее как проявление уже сложившегося общественного мнения, то это тот случай, когда факты прошлого служат достаточным основанием.

Мы действительно не можем без болезненного сочувствия читать рассказ о старике старше восьмидесяти лет, мужественном, мягком и не поддающемся никаким денежным соблазнам, насколько это касалось его позитивного управления, - погибающем под сильным и сокрушительным шквалом народного осуждения. Но когда мы рассмотрим все дело в целом, когда мы изучим не только детали управления Фокиона, но и великие общественные цели, которым эти детали служили и к которым он вел своих сограждан, мы увидим, что это суждение полностью оправдано. В патриотизме Фокиона - так, несомненно, искренне считал он сам - не учитывалась независимость Афин, автономия или самоуправление эллинского мира, условия в отношении иностранных царей, при которых только и может существовать такая автономия. У него не было ни панэллинских чувств Аристеиды, Калликратида и Демосфена, ни более узких афинских чувств, таких как преданность Агесилаю Спарте и Эпаминондасу Фивам. Для Фокиона было безразлично, была ли Греция совокупностью автономных городов, среди которых Афины занимали первое или второе место, или одной из сатрапий под властью македонских царей. Это был один из самых роковых недостатков греческого государственного деятеля. Чувства, которых не хватало Фокиону, лежали в основе всех тех великолепных достижений, которые обеспечили Греции существенное и выдающееся место в мировой истории. Если бы Фемистокл, Арситид и Леонид были похожи на него, Греция спокойно перешла бы под власть Персии, и никогда бы не наступило то блестящее, хотя и изрезанное, столетие независимой политики, которое последовало за поражением Ксеркса. Именно в течение пятидесяти лет политического и военного влияния Фокиона греки были низведены из состояния свободы, а Афины из возвышения, равно как и свободы, в абсолютное рабство. Насколько это великое общественное несчастье может быть вменено в вину какому-либо одному человеку, настолько же оно не может быть вменено в вину никому, кроме Фокиона. Он был стратегом на протяжении большей части длинного ряда лет, когда росло могущество Филиппа; его обязанностью было заботиться о безопасности своих соотечественников и бороться с еще не созревшим гигантом. Он слышал предостережения Демосфена и обладал именно теми качествами, которых не хватало Демосфену, - военной энергией и способностями. Если бы он оказал влияние на недалекость, инертность и вооруженные усилия своих соотечественников, македонские цари были бы удержаны в своих границах, и дальнейшая история Греции могла бы быть совершенно иной. К сожалению, он занял противоположную сторону. Он действовал вместе с Эсхином и филиппийцами; не получая денег от Филиппа, он безвозмездно делал все, чего желал Филипп, - сводил на нет усилия Демосфена и других активных политиков. После битвы при Херонее Фокион получил сначала от Филиппа, а затем от Алекса и других знаки уважения, которых не проявлял ни к одному другому афинянину. Это

было и плодом, и доказательством его прошлой политической деятельности - как антиэллинской, так и антиафинской. Много сделав в начале своей жизни для порабощения Греции македонскими царями, он во второй половине жизни внес определенный вклад в смягчение суровости их владычества; и самым почетным в его характере является то, что он всегда воздерживался от злоупотребления их заметной благосклонностью к себе в целях личной выгоды или угнетения своих сограждан. Александр не только писал ему письма, даже во время расцвета императорской власти, в выражениях почтительной дружбы, но и преподносил ему самые крупные подарки - в одно время сумму в 100 талантов, в другое - выбор четырех городов на побережье Малой Азии, как Ксеркс подарил Фемистоклу. Он даже выразил свое неудовольствие, когда Фокион, отказавшись от всего, согласился лишь попросить освободить трех греческих пленников, заключенных в Сардах[829].

Ламийская война и ее последствия стали гибелью Фокиона. Он продолжал оставаться в Афинах на протяжении всей войны, свободно высказывая свое мнение против нее; следует отметить, что, несмотря на его известную македонскую политику, народ не изгнал и не унизил его, а довольствовался тем, что следовал советам других. После катастрофического окончания войны Фокион взял на себя неблагодарную и бесчестную обязанность сатрапа при Антипатре в Афинах, с македонским гарнизоном в Мунихии в качестве поддержки. Он стал подчиненным агентом завоевателя, который не только расправился с главными афинскими ораторами, но и лишил гражданских прав и массово депортировал демос. Приняв на себя партнерство и ответственность в этих делах, Фокион больше не мог находиться в безопасности, разве что под защитой иностранного принца. После либеральной прокламации, изданной от имени македонских царей и разрешающей возвращение изгнанного демоса, он искал безопасности для себя, сначала с помощью предательского попустительства, которое позволило Никанору захватить Пейреус, а затем путем ухаживания за Полисперхоном, врагом Никанора. Добровольное изгнание (вместе со своим другом фалерийцем Деметрием) было бы менее опасным и менее позорным, чем эти маневры, которые еще больше омрачили конец его жизни, не избавив его, в конце концов, от необходимости противостоять восстановленному Демосу. Сильный и единодушный гнев народа против него - зрелище поучительное, хотя и огорчительное. Он был направлен не против человека или администратора - в обоих случаях Фокион был безупречен, за исключением последнего сговора с Никанором при захвате Пейреуса, - а против его государственной политики. Это был последний протест угасшей греческой свободы, прозвучавший как бы из могилы громовым голосом, против той роковой системы недоверия, инертности, корысти и коррупции, которая предала некогда самостоятельные Афины иностранному завоевателю.

Я уже упоминал, что Полисперхон со своей армией находился в Фокисе, когда Фокион предстал перед ним, направляясь в Пелопоннес. Возможно, его задержали переговоры с этолийцами, которые приняли его союз.[830] Во всяком случае, он опоздал с походом, так как, прежде чем он достиг Аттики, Кассандр прибыл в Пирей, чтобы присоединиться к Никанору с флотом из тридцати пяти кораблей и 4000 солдат, полученных от Антигона. Узнав об этом, Полисперхон тоже поспешил в поход и предстал под стенами Афин и Пирея с большим войском из 20 000 македонцев, 4000 греческих союзников, 1000 конницы и 65 слонов - животных, которых впервые увидели в европейской Греции. Сначала он осадил Кассандра в Пирее, но, обнаружив, что в Аттике трудно добыть пропитание для столь многочисленной армии, с большей частью отправился в Пелопоннес, оставив своего сына Александра с дивизией выступить против Кассандра. Либо лично посещая различные пелопоннесские города, либо обращаясь к ним через посланников, он требовал низвержения антипатрских олигархий и восстановления свободы и свободы слова для

массы граждан.[831] В большинстве городов этот переворот был совершен; но в Мегалополе олигархия устояла; она не только заставила Полисперхона осадить город, но даже успешно оборонялась от него. Он предпринял две или три попытки взять его штурмом, с помощью передвижных башен, подрывая стены, и даже с помощью слонов; но все они были отбиты,[832] и он был вынужден отказаться от осады со значительным ущербом для репутации. Вскоре после этого его адмирал Клейтус был разбит в Пропонтисе, потеряв весь свой флот, Никанором (которого Кассандр послал из Пейреуса) и Антигоном[833].

После этих двух поражений Полисперхон, по-видимому, эвакуировался из Пелопоннеса и переправил свои силы через Коринфский залив в Эпир, чтобы присоединиться к Олимпии. Его партия была сильно ослаблена по всей Греции, а партия Кассандра пропорционально усилилась. Первым следствием этого стала сдача Афин. Афиняне в городе, включая всех или многих восстановленных изгнанников, не могли больше выносить той полной оторванности от моря, до которой их довела оккупация Кассандром Пейреуса и Мунихии. Афины без порта едва ли были жизнеспособны; фактически, Пейрей считался его великим строителем Фемистоклом более необходимым для афинян, чем сами Афины.[834] Пропитание народа в значительной степени обеспечивалось привозной кукурузой, получаемой через Пейрей; здесь же велись торговые и промышленные операции, собиралась большая часть доходов, содержались арсеналы, доки, корабли и т.д. государства. Стало очевидно, что Никанор, захватив Пирей, сделал Афины обезоруженными и беспомощными, так что непоправимое зло, причиненное Фокионом попустительством этому захвату, чувствовалось с каждым днем все больше и больше. Поэтому афиняне, не имея возможности захватить порт самостоятельно и не надеясь получить его через Полисперхона, были вынуждены прислушаться к сторонникам Кассандра, которые предложили заключить с ним соглашение. Было решено, что они должны стать друзьями и союзниками Кассандра; что они должны полностью владеть своим городом, портом Пейреем, кораблями и доходами; что изгнанники и депортированные граждане должны быть приняты обратно; что политическим правом в будущем должны пользоваться все граждане, обладающие имуществом в 1000 драхм и выше; Кассандр должен был держать Мунихию с губернатором и гарнизоном до тех пор, пока война с Полисперхоном не будет завершена; кроме того, он должен был назвать какого-нибудь афинского гражданина, в чьи руки должно быть передано верховное управление городом. Кассандр назвал Деметрия Фалерейского (*т. е.* афинянина из дема Фалерум), одного из соратников Фокиона, который после смерти Антипатра отправился в добровольное изгнание, но недавно вернулся[835].

Эта конвенция в значительной степени восстановила в Афинах антипатрское правительство, но без тех строгостей, которые были характерны для его первоначального установления, и с некоторыми изменениями в различных аспектах. Он сделал Кассандра фактическим хозяином города (как до него Антипатр) с помощью его кандидата в правители, поддерживаемого гарнизоном и укреплениями Мунихии, которая теперь была значительно расширена и укреплена,[836] практически контролируя Пейреус, хотя этот порт номинально был передан афинянам. Но не было ни резни ораторов, ни изгнания граждан: более того, даже минимальная сумма в 1000 драхм, установленная для политических выборов, хотя и исключаящая народ, должна была восприниматься как улучшение по сравнению с более высоким пределом в 2000 драхм, установленным Антипатром. Кассандр не был, подобно своему отцу, во главе подавляющей силы, хозяином Греции. Против него в поле находился Полисперхон с соперничающей армией и установленным превосходством во многих греческих городах; поэтому он был заинтересован в том, чтобы воздержаться от мер явной суровости по отношению к афинскому народу.

С этой целью он выбрал фалерийца Деметрия, что, по-видимому, было разумно. Этот гражданин продолжал управлять Афинами в качестве сатрапа или деспота при Кассандре в течение десяти лет. Он был искусным литератором, другом как философа Теофраста, который стал преемником школы Аристотеля, так и ритора Дейнарха. Его также описывают как человека дорогого и роскошного, на что он потратил большую часть афинского государственного дохода, 1200 талантов, если верить Дурису. Считается, что его правление было осторожным и умеренным. Нам мало что известно о деталях его правления, но нам говорят, что он издал законы о роскоши, особенно , ограничивающие стоимость и пышность похорон.[837] Сам он прославлял свой десятилетний период как период изобилия и процветания торговли в Афинах.[Но мы узнаем от других, и этот факт весьма вероятен, что это был период бедствий и унижений, как в Афинах, так и в других греческих городах; и что афиняне, как и другие, приветствовали новые проекты колонизации (такие, как проект Офеллы из Кирена) не только из-за перспектив выгоды, но и как спасение от существующих бед[839].

Какие формы номинальной демократии сохранялись в этот период, мы не можем узнать. Народная судебная система, должно быть, продолжала действовать для рассмотрения частных исков и обвинений, поскольку Дейнарх, как говорят, имел большую практику в качестве логографа, или составителя речей для других.[840] Но тот факт, что триста шестьдесят статуй были воздвигнуты в честь Деметрия, пока продолжалось его правление, свидетельствует о грубой лести его сторонников, подчинении народа и практическом упразднении любого свободно выраженного порицания или явной оппозиции. Мы узнаем, что в какой-то из десяти лет его правления была проведена перепись жителей Аттики, в результате которой было насчитано 21 000 граждан, 10 000 метисов и 400 000 рабов.[841] Об этом важном перечислении мы знаем только один факт, без указания его цели и даже точной даты. Возможно, некоторые из тех граждан, которые были изгнаны или депортированы после окончания Ламийской войны, вернулись и продолжали жить в Афинах. Но, по-видимому, в течение всего времени существования кассандрийской олигархии в Афинах оставалась группа враждебно настроенных афинских изгнанников, которые искали возможности свергнуть ее и обращались за помощью к этолийцам и другим народам[842].

Овладение Кассандром Афинами, последовавшее за взятием Панактума и Саламины и подкрепленное его умеренностью по отношению к афинянам, обеспечило ему значительную поддержку в Пелопоннесе, куда он и направился со своей армией.[Многие города, запуганные или убежденные, присоединились к нему и покинули Полисперхон; спартанцы же, впервые почувствовав свою незащищенность, сочли благоразумным окружить свой город стенами.[844] Этот факт, наряду со многими другими современными, убедительно свидетельствует о том, что характерные для эллинского автономного мира настроения теперь повсеместно угасали. Сохранение Спарты как города без стен было одной из самых глубоких и бережно хранимых ликургских традиций, постоянным доказательством бесстрашия и уверенности спартанцев перед опасностями извне. Возведение стен свидетельствовало об их собственном убеждении, но слишком хорошо подтвержденном реальными обстоятельствами вокруг них, что давление чужеземцев стало настолько непреодолимым, что едва ли могло оставить им хотя бы безопасность дома.

К войне между Кассандром и Полисперхоном добавилась вражда между членами македонской императорской семьи. Царь Филипп Аридей и его жена Эвридика, встревоженные и возмущенные реставрацией Олимпии, которую затеял Полисперхон, обратились за помощью к Кассандру и попытались предоставить в его распоряжение всю

силу Македонии. Однако это им не удалось. Олимпия, которой помогал не только Полисперхон, но и эпирский принц Иакид, вступила в Македонию из Эпира, очевидно, осенью 317 года до н. э. Она взяла с собой Роксану и ее ребенка - вдову и сына Александра Македонского. Македонские солдаты, собранные Филиппом Аридеем и Эвридикой для сопротивления ей, были настолько ошеломлены ее именем и воспоминаниями об Александре, что отказались сражаться и тем самым обеспечили ей легкую победу. Филипп и Эвридика стали ее пленниками; первого она приказала убить, а второму предложила на выбор меч, недоуздок и яд. Затем старая царица приступила к осуществлению своей мести семье Антипатра. Сто ведущих македонцев, друзей Кассандра, были преданы смерти вместе с его братом Никанором,^[845] а гробница его умершего брата Иоллы, обвиненного в отравлении Александра Македонского, была разгромлена.

В течение зимы Олимпия сохраняла полное господство в Македонии, где ее положение казалось прочным, поскольку ее союзники этолийцы были хозяевами прохода в Фермопиле, а Кассандр был занят в Пелопоннесе войсками под командованием Александра, сына Полисперхона. Но Кассандр, выйдя из затруднительного положения и избежав Фермопил, морским путем добрался до Фессалии, овладел перрскими перевалами до того, как они были взяты под охрану, и без сопротивления вошел в Македонию. Олимпия, не имея армии, способной встретить его в поле, была вынуждена затвориться в приморской крепости Пидна вместе с Роксаной, ребенком Александра, и Фессалоникией, дочерью ее покойного мужа Филиппа, сына Аминта.^[846] Здесь Кассандр блокировал ее на несколько месяцев как по морю, так и по суше, и сумел разбить все попытки Полисперхона и Иакида вызволить ее. Весной следующего года (316 г. до н. э.) она была вынуждена сдаться из-за сильного голода. Кассандр обещал ей только личную безопасность, требуя от нее сдачи двух больших крепостей, Пеллы и Амфиполя, которые сделали его хозяином Македонии. Однако вскоре родственники тех многочисленных жертв, которые погибли по приказу Олимпии, были побуждены Кассандром потребовать ее жизни в качестве возмездия. Им не составило труда добиться осуждения ее на так называемом македонском собрании. Тем не менее, благоговение и почтение, связанные с ее именем, были настолько сильны, что никого, кроме самих обиженных, не нашлось для исполнения приговора. Она умерла с мужеством, достойным ее звания и властного характера. Кассандр взял в жены Фессалонику, заточил Роксану с ребенком Александром в крепости Амфиполис, где (через некоторое время) их обоих убили^[847].

Пока Кассандр был хозяином Македонии, а императорская семья исчезала со сцены в этой стране, поражение и смерть Эвмена (случившиеся почти одновременно с пленением Олимпии^[848]) устранили последнего верного партизана этой семьи в Азии. Но в то же время это оставило в руках Антигона такое подавляющее превосходство во всей Азии, что он стремился стать наместником и повелителем всей Александрийской империи, а также отомстить Кассандру за истребление царского рода. Его могущество оказалось настолько грозным, что Кассандр Македонский, Лисимах Фракийский, Птолемей Египетский и Селевкид Вавилонский заключили против него соглашение, которое постепенно переросло в активный союз.

Во время борьбы между этими могущественными князьями Греция предстает просто как группа подвластных городов, удерживаемых, гарнизонованных, захваченных или вождельных всеми ими. Полисперхон, оставив все надежды на Македонию после смерти Олимпии, был вынужден укрыться среди этолийцев, оставив своего сына Александра вести посильную борьбу в Пелопоннесе; так что Кассандр теперь явно преобладал во всех

эллинических областях. Утвердившись на троне Македонии, он увековечил свое имя, основав на перешейке полуострова Паллен и рядом с местом, где раньше стояла Потидея, новый город Кассандрею; в него он собрал большое количество жителей из окрестностей, особенно остатки граждан Олинфа и Потидеи - городов, захваченных и разрушенных Филиппом более тридцати лет назад.[849] Затем он отправился в Пелопоннес со своей армией против Александра, сына Полисперхона. Пройдя через Беотию, он взялся за восстановление города Фивы, который был разрушен двадцать лет назад Александром Македонским и с тех пор существовал только как военный пост на древней цитадели под названием Кадмея. Другие беотийские города, за которыми была закреплена старая фиванская территория, были убеждены или вынуждены отказаться от нее, и Кассандр пригласил со всех концов Греции фиванских изгнанников или их потомков. Из сочувствия к этим изгнанникам, а также из-за древней славы города многие греки, даже из Италии и Сицилии, внесли свой вклад в восстановление. Афиняне, которыми теперь управлял Деметрий Фалерей под главенством Кассандра, были особенно активны в этом деле; мессенцы и мегалополиты, чьи предки были столь многим обязаны фиванскому Эпаминондасу, оказали ему энергичную помощь. Фивы были восстановлены на прежней территории, которую они занимали до осады Александра, и удерживались кассандрийским гарнизоном в Кадмее, предназначенным для овладения Беотией и Грецией[850].

После некоторого пребывания в Фивах Кассандр двинулся к Пелопоннесу. Александр (сын Полисперхона), укрепив перешеек, был вынужден высадить свои войска со слонами в Мегаре и переправиться через Саронический залив в Эпидавр. Он лишил Александра Аргоса, Мессении и даже позиций на перешейке, где оставил мощный отряд, а затем вернулся в Македонию.[851] Его растущее могущество вызывало опасения и ненависть в груди Антигона, который пытался с ним договориться, но тщетно.[Кассандр предпочел союз с Птолемеем, Селевком и Лисимахом - против Антигона, который теперь владел почти всей Азией, внушая всем им общий страх.[853] Итак, из Азии в Пелопоннес с оружием и деньгами Антигон отправил милезийца Аристодема, чтобы укрепить Александра против Кассандра, которого он далее осудил как врага македонского имени, потому что тот убил Олимпию, заключил в тюрьму других членов царской семьи и восстановил олинфских изгнанников. По этим и другим обвинениям отсутствующий Кассандр был осужден так называемым македонским собранием.

Далее Антигон провозгласил голосом этого собрания, что все греки должны быть свободными, самоуправляемыми и свободными от гарнизонов или военной оккупации.[Ожидалось, что эти блестящие обещания привлекут в Грецию сторонников против Кассандра; поэтому Птолемей, правитель Египта, один из врагов Антигона, считал нужным через несколько месяцев после этого выпустить аналогичные прокламации, предлагая грекам такое же благодеяние от себя.[855] Эти обещания, не выполненные и не предназначенные для выполнения ни одним из царей, похоже, не произвели на греков практически никакого эффекта.

Прибытие Аристодема в Пелопоннес оживило партию Александра (сына Полисперхона), против которого Кассандр снова был вынужден привести все свои силы из Македонии. Несмотря на то что Александр успешно сражался в Аргосе, Орхомене и других местах, Кассандр не смог его разгромить и вскоре считал разумным склонить его на свою сторону. Он предложил ему отдельное управление Пелопоннесом, хотя и в подчинении себе: Александр принял предложение, став союзником Кассандра[856], и вместе с ним вел войну против Аристодема с переменным успехом, пока не был убит некоторыми частными врагами. Тем не менее его вдова Кратесиполис, женщина мужественная и энергичная, все еще сохраняла

значительные силы в Сикионе.[857] Самыми упорными врагами Кассандра были эйтолийцы, о которых мы впервые слышим официальное упоминание как об основной конфедерации.[858] Эти эйтолийцы стали союзниками Антигона, как прежде были союзниками Полисперхона, распространив свои хищнические набеги даже до Аттики. Защищенные от иностранных гарнизонов, отчасти своими грубыми и свирепыми привычками, отчасти своей горной территорией, они были почти единственными греками, которых еще можно было назвать свободными. Кассандр пытался держать их в узде через их соседей - акарнанцев, которых он побудил принять более концентрированный образ жизни, объединив их многочисленные мелкие поселения в несколько крупных городов - Стратус, Саурию и Агриниум - удобные посты для македонских гарнизонов. Он также стал хозяином Леукаса, Аполлонии и Эпидамна, победив иллирийского царя Глаукиаса, так что его владения теперь простирались от Терм до Адриатического залива.[859] Его полководец Филипп одержал две важные победы над этолийцами и эпиротами, заставив первых отказаться от некоторых из своих наиболее доступных городов.[860]

Власть Антигона в Азии значительно уменьшилась благодаря успешному и постоянному утверждению Селевкида в Вавилонии, от которого берет свое начало эпоха последующих Селевкидов. В Греции, однако, Антигон одержал верх над Кассандром. Он послал туда своего племянника Птолемея с большим войском, чтобы освободить греков, или, другими словами, изгнать кассандрийские гарнизоны; в то же время он отвлек внимание Кассандра, угрожая пересечь Геллеспонт и вторгнуться в Македонию. Этот Птолемей (не египтянин) изгнал солдат Кассандра из Эвбеи, Беотии и Фокисы. Халкис в Эвбее был в это время главным военным пунктом Кассандра; Фивы (которые он недавно восстановил) были в союзе с ним, но остальные беотийские города были враждебны ему. Взяв Халкис, жителей которого он примирил, оставив их без гарнизона, вместе с Оропом, Эретрией и Карыстом, Птолемей вошел в Аттику и предстал перед Афинами. В городе проявилось такое расположение к нему, что Деметрий Фалерейский был вынужден выиграть время, притворившись, что начал переговоры с Антигоном, а Птолемей удалился из Аттики. Почти в ту же эпоху Аполлония, Эпидамн и Леука нашли средства, при поддержке коркирского войска, изгнать гарнизоны Кассандра и бежать из-под его власти.[861] Дела Антигона в Греции процветали, но были сильно отброшены назад из-за недовольства и вероломства его адмирала Телесфора, который захватил Элиду и даже разграбил священные сокровища Олимпии. Птолемей вскоре низложил его и вернул эти сокровища богу[862].

В следующем году между Антигоном, с одной стороны, и Кассандром, Птолемеем (египтянином) и Лисимахом, с другой, был заключен договор, по которому верховное командование в Македонии гарантировалось Кассандру до совершеннолетия Александра, сына Роксаны; Фракия в то же время гарантировалась Лисимаху, Египет - Птолемею, а вся Азия - Антигону. В то же время все договорились, что эллинские города должны быть свободными.[863] Однако для выполнения этого последнего пункта ничего не было сделано. Не похоже, что договор имел и другие последствия, кроме как внушил Кассандру повышенную ревность к Роксане и ее ребенку; оба они (как уже говорилось) были тайно убиты вскоре после этого правителем Глаукиасом в крепости Амфиполь, где они были заключены.[864] Силы Антигона под командованием его полководца Птолемея все еще оставались в Греции. Но этот полководец в скором времени (310 г. до н. э.) восстал против Антигона и стал сотрудничать с Кассандром, а Птолемей Египетский, обвинив Антигона в нарушении договора путем гарнизонирования различных греческих городов, возобновил против него войну и тройственный союз[865].

Полисперхон, который до сих пор сохранял местное господство над различными частями Пелопоннеса с военными силами, распределенными в Мессене и других городах[866], был теперь побужден Антигоном поддержать дело Геракла (сына Александра от Барсинки) и посадить его на трон Македонии в противовес Кассандру. Юный принц Ираклий, которому уже исполнилось семнадцать лет, был отправлен в Грецию из Пергама в Азии, и его притязания на престол поддерживались не только значительной партией в самой Македонии, но также и этолийцами. Полисперхон вторгся в Македонию, имея благоприятные перспективы утвердить молодого принца; однако он счел выгодным принять вероломные предложения Кассандра, который предлагал ему партнерство в суверенитете Македонии с независимой армией и владениями в Пелопоннесе. Соблазнившись этими предложениями, Полисперхон убил молодого принца Ираклия и отвел свою армию в Пелопоннес. Но во время похода по Беотии он встретил такое неожиданное сопротивление со стороны беотийцев и пелопоннесцев, что был вынужден расположиться на зимние стоянки в Локрисе[867] (309 г. до н. э.). С этого времени, насколько мы можем судить, он командовал в Южной Греции как подчиненный союзник или партнер Кассандра;[868] чье македонское владычество, подтвержденное таким образом, похоже, включало Акарнанию и Амфилохию на Амбракийском заливе, а также сам город Амбракию и господство над многими эпирами.

За убийством Ираклия быстро последовало убийство Клеопатры, сестры Александра Македонского и дочери Филиппа и Олимпии. Некоторое время она находилась в Сардах, номинально на свободе, но под наблюдением правителя, который получал приказы от Антигона; теперь она готовилась покинуть это место, чтобы присоединиться к Птолемею в Египте и стать его женой. Несколько великих македонских вождей уже обращались к ней за помощью или добивались ее замужества, но безрезультатно. Однако теперь Антигон, опасаясь влияния, которое ее имя могло бросить на чашу весов его соперника Птолемея, тайно убил ее, когда она готовилась к отъезду, свалив вину за это на некоторых из ее женщин, которых он наказал смертью.[869] Так последовательно погибли все родственницы Александра Великого (кроме Фессалоники, жены Кассандра, дочери Филиппа от фессалийской любовницы), и все по приказу того или иного из его главных офицеров. Таким образом, императорской семье с престижем ее имени пришел конец.

Теперь Птолемей Египетский отправился в Грецию с мощным вооружением. Он овладел важными городами - Сикионом и Коринфом, которые ему передала Кратесиполис, вдова Александра, сына Полисперхона. Затем он объявил о своей цели как освободителя, пригласив на помощь пелопоннесские города против гарнизонов Кассандра. От некоторых он получил обнадеживающие ответы и обещания, но никто из них не сделал никакого движения и не поддержал его вооруженной демонстрацией. Поэтому он счел благоразумным заключить с Кассандром перемирие и удалиться из Греции, оставив, однако, надежные гарнизоны в Сикионе и Коринфе.[870] Теперь греческие города стали смиренными и пассивными. Чувствуя свою неспособность к самообороне и не желая прибегать к вспомогательным усилиям, которые навлекали на них вражду без всякой перспективы получить выгоду, они ждали только чужого вмешательства и повелений окружающих их правителей.

Однако в следующем году греческое господство Кассандра подверглось более серьезному потрясению, чем когда-либо прежде, в результате внезапного вторжения Деметрия Полиоркета, сына Антигона. Этот молодой принц, отплыв из Эфеса с грозным вооружением, сумел так тщательно скрыть свои цели, что фактически вошел в гавань Пирея (26 числа месяца Таргелиона - мая), не ожидая ни от кого сопротивления; его флот был принят за флот египетского Птолемея. Застигнутый врасплох фалериец Деметрий, слишком поздно

попытавшийся защитить гавань, был вынужден оставить ее во владении врага и удалиться в стены Афин, а кассандрийский правитель Дионисий остался с гарнизоном в Мунихии, но без армии, способной встретить захватчиков в поле. Этот опытный фалереец, который десять лет управлял страной в качестве наместника и с помощью Кассандра, теперь почувствовал, что его положение и влияние в Афинах подорваны, а его личная безопасность находится под угрозой. На следующий день он вместе с другими афинянами отправился в качестве посланника, чтобы выяснить, какие условия будут предоставлены. Молодой принц демонстративно заявил, что в намерения его отца Антигона и его самого входит восстановить и гарантировать афинянам безусловную свободу и автономию. Поэтому фалереец Деметрий предвидел, что его внутренние противники, обреченные на вынужденное молчание в течение последних десяти лет, теперь заявят о себе с непреодолимой жестокостью, так что для него не будет иной безопасности, кроме как в отступлении. Поэтому он попросил и получил от захватчика разрешение удалиться в Фивы, откуда вскоре перешел к Птолемею в Египет. Афиняне в городе высказались в пользу Деметрия Полиоркета, который, однако, отказался войти в стены, пока не осадит и не захватит Мунихию, а также Мегару с их кассандрийскими гарнизонами. За короткое время он выполнил обе эти задачи. Энергия, мастерство и эффективное использование двигателей при осаде укрепленных мест были одними из самых ярких черт его характера; благодаря этому он получил фамилию, по которой его знает история. Он провозгласил мегарян свободными, сровнял с землей укрепления Мунихии в знак того, что в будущем афиняне будут избавлены от всех иностранных гарнизонов[871].

После этих успехов Деметрий Полиоркет с триумфом въехал в Афины. На официальном собрании он объявил народу, что теперь он снова свободная демократия, освобожденная от власти солдат из-за границы или олигархов внутри страны. Он также пообещал им еще одно благодеяние от своего отца Антигона и от себя лично - 150 000 медимнов кукурузы для раздачи и корабельную древесину в количестве, достаточном для постройки 100 трирем. Оба эти объявления были восприняты с благодарным ликованием. Чувства народа проявились не только в голосах благодарности и восхищения молодым завоевателем, но и в излияниях безмерной и непомерной лести. Стратокл (который уже упоминался нами как один из обвинителей Демосфена в Гарпалийском деле) и другие люди истощили свою изобретательность, придумывая все новые и новые виды комплиментов и поклонения. Антигона и Деметрий были провозглашены не только царями, но и богами и спасителями: ежегодно избирался верховный жрец этих спасителей, в честь которого назывался каждый последующий год (вместо того чтобы называться в честь первого из девяти архонтов, как это было принято до сих пор) и отмечались даты постановлений и договоров; месяц Мунихион был переименован в Деметрион - в дополнение к предыдущим десяти были учреждены два новых племени, которые должны были называться Антигонисом и Деметрием: -годовой сенат был назначен состоящим из 600 членов вместо 500; портреты и подвиги Антигона и Деметрия должны были быть вплетены, наряду с портретами Зевса и Афины, в великолепное и объемное одеяние, которое периодически несли в процессии в качестве подношения на Панафинейском празднике; место, где Деметрий сошел со своей колесницы, было освящено алтарем, воздвигнутым в честь Деметрия Катæбата или Низвергателя. Было проведено еще несколько подобных голосований, признававших и почитавших как богов спасителей Антигона и Деметрия. Кроме того, нам говорят, что храмы или алтари были воздвигнуты Филе-Афродите, в честь Филы, жены Деметрия, и такой же комплимент был сделан двум его любовницам, Лине и Ламии. Алтари, как говорят, были также посвящены Адейманту и другим, его товарищам по общению или льстецам.[872] В то же время многочисленные статуи, воздвигнутые в честь фалерийского Деметрия во время его десятилетнего правления, были свергнуты, а некоторые из них даже обращены на неблагоприятные цели, чтобы вызвать

еще большее презрение к прошлому правителю.[873] Проявления раболепной лести в Афинах по отношению к Деметрию Полиоркету были настолько экстравагантными, что он сам, как говорят, испытывал отвращение к ним и выражал презрение к этим дегенеративным афинянам своего времени[874].

Анализируя столь унижительные действия, мы должны помнить, что со времени битвы при Херонее прошел уже тридцать один год и что все это время афиняне находились под практическим господством и постоянно усиливающимся давлением иностранных властей. Чувство зависимости от Македонии постоянно укреплялось всеми последующими событиями: взятием и разрушением Фив и последующими ошеломляющими завоеваниями Александра, плачевным завершением Ламийской войны, расправой над свободолюбивыми ораторами, гибелью энергичных военачальников, депортацией афинских граждан и, наконец, постоянным присутствием македонского гарнизона в Пирее и Мунихии. Фокион, Деметрий Фалерей и другие ведущие государственные деятели этого долгого периода прививали покорность Македонии как добродетель, а воспоминания о достоинстве и величии старых автономных Афин стирались или объявлялись злой мечтой. В течение пятнадцати лет между окончанием Ламийской войны и приходом Деметрия Полиоркета (322-307 гг. до н. э.) не было ни свободной игры, ни публичного обсуждения и выражения противоречивых мнений; исключение составляет короткий период, когда был осужден Фокион, но он длился достаточно долго, чтобы дать возможность выплеснуться предвзятой, но подавляемой антипатии.

За эти тридцать лет, из которых последняя половина была лишь обострением первой, выросло новое поколение афинян, привыкшее к изменившейся фазе политического существования. Как мало тех, кто принимал Деметрия Полиоркета, участвовал в битве при Херонее или слушал волнующие увещевания Демосфена в войне, предшествовавшей этой катастрофе![875] Из тех граждан, кто еще сохранил мужество и патриотизм, чтобы снова бороться за свою свободу после смерти Александра, как много, должно быть, погибло вместе с Леостеном в Ламийской войне! Афиняне 307 года до н. э. стали считать свой город и Элладу в целом зависимыми сначала от Кассандра, а затем от возможного вмешательства его столь же непомерных соперников - Птолемея, Антигона, Лисимаха и т. д. Если они и избавлялись от ига одного правителя, то только под протекторатом другого. Чувства политической самостоятельности и автономии улетучились; концепция гражданских вооруженных сил, обеспечиваемых конфедеративными и сотрудничающими городами, была вытеснена зрелищем огромных постоянных армий, организованных наследниками Александра и его традиций.

За два века до этого (510 г. до н. э.), когда лакедемоняне изгнали из Афин деспота Гиппия и его наемников, среди афинского народа сразу же вспыхнул горячий и преданный патриотизм, который заставлял его храбриться и предотвращать любые опасности, защищая вновь обретенную свободу.[876] В то время врагами, которые им угрожали, были лакедемоняне, фиванцы, эгинеты, халкидяне и другие (персидские войска появились только через некоторое время и напали не на одни Афины, а на всю Грецию). Эти враждебные силы, хотя и превосходили афинские по численности и видимой значимости, все же не были настолько несоразмерны, чтобы породить безнадежность и отчаяние. Совсем иначе обстояли дела в 307 году до н. э., когда Деметрий Полиоркет изгнал кассандрийских наемников с их крепостью Мунихией и провозгласил Афины свободными. Сохранить эту свободу собственными силами - в противовес очевидному превосходству организованной силы, заключавшейся в окружавших их правителях, один или несколько из которых держали под военной оккупацией почти всю Грецию, - было слишком безнадежным предприятием,

чтобы его пытались осуществить даже такие люди, как бойцы Марафона или современники Перикла. "Кто хочет быть свободным, должен сам нанести удар!" Но у афинян не было достаточно сил, чтобы нанести его; и свобода, провозглашенная Деметрием Полиоркетом, была благом, масштабы и даже продолжительность которого зависели от него самого. Афинское собрание того дня проходило под его войском как хозяина Аттики, как и за несколько месяцев до этого под контролем фалерийского Деметрия вместе с кассандрийским правителем Мунихии; и самые пышные голоса восхваления, предложенные в честь Деметрия Полиоркета его сторонниками, хотя, возможно, и не одобрялись многими, едва ли нашли бы хоть одного явного противника.

Однако нашелся один человек, который осмелился выступить против нескольких голосов - племянник Демосфена Демохарес, который заслуживает памяти как последний известный представитель свободного афинского гражданства. Мы знаем только, что такова была его общая политика, и что его оппозиция угодливому ритору Стратоклу закончилась изгнанием через четыре года после этого.^[877] Похоже, что в этот период он выполнял функции генерала - активно укреплял укрепления и военное снаряжение города и время от времени участвовал в миссиях^[878].

Изменившаяся политика Афин проявилась в импичменте Деметрию Фалерею и другим ведущим сторонникам покойного кассандрийского правительства. Он и многие другие уже отправились в добровольное изгнание; когда начался суд над ними, они не явились, и все были приговорены к смерти. Но все, кто остался и предстал перед судом, были оправданы;^[879] так мало было реакционного насилия в этом случае. Стратокл также предложил декрет, увековечивающий память оратора Ликурга (умершего около семнадцати лет назад) статуей, почетной надписью и предоставлением главной аренды в Пританеуме его старшему выжившему потомку^[880]. Среди тех, кто сопровождал фалерийца Деметрия в изгнание, был ритор или логограф Дейнарх.

Дружба этого несносного фалерийца, а также Кассандра с философом Теофрастом, по-видимому, была одной из главных причин принятия ограничительного закона против свободы философствования. По предложению гражданина по имени Софокл было постановлено, что ни одному философу не разрешается открывать школу или преподавать, кроме как с особого разрешения, полученного в результате голосования сената и народа. Новое ограничение вызвало такое отвращение и опасения, что все философы в один голос покинули Афины. Этот горячий протест против властного ограничения свободы философии и преподавания нашел живой отклик среди афинян. Знаменитость школ и профессоров была, по сути, единственным характерным признаком достоинства, который еще оставался у них, когда их власть угасла, а независимость и свободная конституция превратились в простое название. Кроме того, это был большой соблазн для молодых людей, приезжавших со всех концов Греции, посетить Афины. Не прошло и года, как Филон, обвинив Софокла, автора закона, под графиком Параномона, добился от дикастерии признания его виновным и приговорил к штрафу в пять талантов. Таким образом, ограничительный закон был отменен, и философы вернулись.^[881] Примечательно, что Демохарес выступил в качестве одного из его защитников, защищая Софокла от обвинителя Филона. Из скудных отрывков, сохранившихся от речей Демохара, мы узнаем, что, порицая не только мнения, но и характеры Платона и Аристотеля, он с еще большим ожесточением осуждал их учеников, как людей в большинстве своем честлюбивых, жестоких и вероломных. Он назвал имена нескольких из них, которые подрывали свободу своих городов и совершали грубые преступления против своих сограждан^[882].

Афинские посланники были отправлены к Антигону в Азию, чтобы засвидетельствовать благодарность народа и сообщить о недавних похвальных голосах. Антигон не только милостиво принял их, но и отправил в Афины, согласно обещанию своего сына, большой подарок - 150 000 медимнов пшеницы и древесины, достаточную для 100 кораблей. В то же время он поручил Деметрию созвать в Афинах синод депутатов от союзных греческих городов, на котором можно было бы принять решения, касающиеся общих интересов Греции.[883] В этот момент он был заинтересован в том, чтобы создать в Греции временную самостоятельную власть для поддержания союза с собой на время отсутствия Деметрия, которого он был вынужден призвать в Азию со своей армией, требуя его услуг для войны с Птолемеем в Сирии и на Кипре.

Следующие три года Деметрий провел: 1. в победоносных операциях у Кипра, разгромив Птолемея и сделав себя хозяином этого острова; после чего Антигон и Деметрий приняли титул царей, а их примеру последовали Птолемей в Египте, Лисимах во Фракии и Селевк в Вавилонии, Месопотамии и Сирии[884], упразднив таким образом даже титулярное воспоминание о роде Александра. 2. В неудачном вторжении в Египет по суше и морю, отбитом с большими потерями. 3. В осаде Родоса. Храбрые и умные жители этого острова более года сопротивлялись самым упорным атакам и самым грозным осадным орудиям Деметрия Полиоркета. Однако все их усилия были бы напрасны, если бы им не помогали крупные подкрепления и поставки от Птолемея, Лисимаха и Кассандра. Таковы условия, при которых только самые решительные и умные греки могут сохранить свою ограниченную сферу автономии. Осада в конце концов была прекращена компромиссом; родосцы согласились стать союзниками Деметрия, но с условием не действовать против Птолемея.[885] По отношению к последнему они довели свою благодарную преданность до того, что воздвигли ему храм, названный Птолемей, и поклонялись ему (с санкции оракула Аммона) как богу.[Среди скал и мелей, через которые греческие города теперь были обречены пробираться, под угрозой со всех сторон царей, более могущественных, чем они сами, а затем и гигантской республики Рим, родосцы вели свои политические дела с большим благоразумием и достоинством, чем любой другой греческий город.

Вскоре после отъезда Деметрия из Греции на Кипр Кассандр и Полисперхон возобновили войну в Пелопоннесе и его окрестностях.[887] Мы не имеем никаких сведений об этой войне. Итолийцы враждовали с Афинами и совершали назойливые грабежи.[888] Афинский флот, отремонтированный или увеличенный за счет древесины, полученной от Антигона, был вынужден отправить тридцать quadrirem на помощь Деметрию на Кипр и участвовал в некоторых операциях у острова Аморгос, где потерпел поражение.[889] Но о ходе войны мы можем узнать немного, кроме того, что Кассандр одерживал верх над афинянами и что в начале 303 года до н. э. он блокировал или угрожал заблокировать Афины. Афиняне обратились за помощью к Деметрию Полиоркету, который, заключив недавно соглашение с родосцами, вновь прибыл из Азии с мощным флотом и армией в Аулис в Беотии.[890] Он был принят в Афинах с демонстрацией почета, равной или превосходящей те, которыми был отмечен его предыдущий визит. По-видимому, он провел полтора года, частично в Афинах, частично в военных операциях, успешно проведенных во многих частях Греции. Он заставил беотийцев покинуть эвбейский город Халкис и отказаться от союза с Кассандром. Он изгнал этого принца из Аттики, вывел его гарнизоны из двух пограничных крепостей Аттики - Филок и Панактум - и преследовал его до Фермопил. Он захватил или получил путем подкупа гарнизонов важные города Коринф, Аргос и Сикион; овладел также Гигией, Бурой, всеми аркадскими городами (кроме Ман тинеи) и различными другими городами в Пелопоннесе.[891] В качестве президента он отпраздновал великий праздник Герееи в Аргосе; по этому случаю он женился на Дейдамее, сестре Пирра, молодого царя Эпира. Он

убедил сикионцев перенести на небольшое расстояние место своего города, присвоив новому городу название Деметрия.^[892] На греческом синоде, созванном в Коринфе по его собственному приглашению, он с одобрением принял назначение вождя или императора греков, как это было присвоено Филиппу и Александру. Он даже распространил свои нападения до Леукаса и Коркиры. Большая часть Греции, похоже, была либо занята его гарнизонами, либо зачислена в число его подчиненных.

Кассандр был настолько запуган этими успехами, что отправил посланников в Азию, прося мира у Антигона; тот, однако, воодушевленный и полный высокомерия, отказался выслушать любые условия, кроме капитуляции по собственному усмотрению. Доведенный до отчаяния Кассандр вновь обратился к Лисимаху, Птолемею и Селевкиду. Все эти князья чувствовали равную угрозу со стороны власти и нравов Антигона и решились на энергичную комбинацию для его низложения^[893].

После непрерывного процветания Греции в течение лета 302 г. до н. э. Деметрий вернулся из Леукаса в Афины в сентябре, около времени Элевсинских мистерий^[894]. Его встречали праздничными процессиями, гимнами, песнопениями, хорическими танцами и вакхическими одами радостного поздравления. Сохранился один из таких гимнов, исполняемый хором празднующихся в масках Итифалли, с головами и руками, окруженными венками, - одетых в белые туники и женские одежды, доходящие почти до ног^[895].

Эта песня любопытна тем, что отражает надежды и страхи, преобладавшие среди афинян того времени, и дает представление о степени их самооценки. Кроме того, она относится к числу самых поздних греческих документов, которыми мы располагаем и которые имеют отношение к реальной действительности. Поэт, обращаясь к Деметрию как к богу, хвастается, что два величайших и любимейших из всех божественных существ посещают Аттику в один и тот же момент - Деметра (пришедшая на сезон своих мистерий) и Деметрий, сын Посейдона и Афродиты. "Тебе мы молимся (говорится в гимне); ибо другие боги либо далеко, либо не имеют ушей, либо не существуют, либо не заботятся о нас; но *тебя* мы видим перед собой, не в дереве или мраморе, а в реальном присутствии. Прежде всего установи мир, ибо ты обладаешь властью и покарай того сфинкса, который властвует не только над Фивами, но и над всей Грецией, - Этолийца, который, подобно старому сфинксу, бросается со своего места на скале, чтобы похитить и унести наши лица, и против которого мы не можем бороться. Во все времена этолийцы грабили своих соседей, но теперь они грабят не только вблизи, но и вдали"^[896].

Подобные излияния, хотя и демонстрируют безмерное идолопоклонство и раболепие перед Деметрием, еще более примечательны тем, что свидетельствуют о потере сил, дряхлости и сознании незащитности и униженного положения, о чем мы с удивлением узнаем из публичного провозглашения в Афинах. Афиняне заявляют о своей неспособности к самообороне не только против иноземных владык, но даже против набегов этолийцев - таких же греков, как они сами, хотя и воинственных, грубых и беспокойных.^[897] Когда таковы чувства народа, некогда самого смелого, уверенного и организованного - и до сих пор самого умного - в Греции, мы можем видеть, что история греков как отдельной нации или расы подходит к концу и что отныне они должны влиться в одно или другое из более сильных течений, которые их окружают.

После своих успехов Деметрий провел несколько месяцев в удовольствии и роскоши в Афинах. Он поселился в Парфеноне, считаясь гостем богини Афины. Но его беспутные привычки вызывали все более громкие комментарии от того, что ему потворствовали в таком

жилище; а насилия, которые он совершал над прекрасными юношами из хорошей семьи, приводили к различным сценам, поистине трагическим. Однако подобоострастные проявления афинян по отношению к нему не ослабевали. Утверждается даже, что, чтобы компенсировать то, что он сделал неправильно, они приняли официальное постановление, по предложению Стратокла, объявив, что все, что Деметрий мог приказать, было свято по отношению к богам и справедливо по отношению к людям.[Изгнание Демохара, как говорят, было вызвано его язвительными комментариями к этому постановлению.[899] В месяце Мунихион (апрель) Деметрий собрал свои силы и греческих союзников для похода в Фессалию против Кассандра; но перед отъездом он хотел получить посвящение в Элевсинские мистерии. Однако время для этой церемонии было неподходящим: Малые мистерии праздновались в феврале, а Большие - в сентябре. Афиняне преодолели это затруднение, приняв специальное решение, позволив ему сразу же пройти посвящение, а также получить сразу же подготовительное и окончательное посвящение, между которыми обычно требовался годичный перерыв. Соответственно, он отдал себя обезоруженным в руки жрецов и принял первое и второе посвящение в апреле, непосредственно перед отъездом из Афин[900].

Деметрий ввел в Фессалию армию в 56 000 человек, из которых 25 000 были греческими союзниками - так велика была его власть над греческими городами в этот момент.[901] Но после двух или трех месяцев военных действий, частично успешных, против Кассандра, он был вызван Антигоном в Азию, чтобы помочь встретить грозную армию союзников - Птолемея, Селевкии, Лисимаха и Кассандра. Перед тем как покинуть Грецию, Деметрий заключил с Кассандром перемирие, согласно которому греческие города, как в Европе, так и в Азии, должны были навсегда остаться автономными и свободными от гарнизонов и контроля. Это условие служило лишь почетным предлогом для ухода из Греции; Деметрий не надеялся, что оно будет соблюдено.[902] Весной следующего года произошла решающая битва при Ипсе во Фригии (300 г. до н. э.), в которой Антигон и Деметрий выступили против Птолемея, Селевкии и Лисимаха; с обеих сторон было большое войско и множество слонов. Антигон был полностью разбит и убит в возрасте более восьмидесяти лет. Его азиатское владычество было разрушено, в основном к выгоде Селевка, чья династия с этого момента стала восходящей от побережья Сирии на восток до Каспийских ворот и Парфии; иногда, хотя и несовершенно, еще дальше на восток, почти до Инда[903].

Последствия битвы при Ипсусе быстро сказались в Греции. Афиняне приняли декрет, провозглашающий себя нейтральными и исключаящий обе воюющие стороны из Аттики. Деметрий, отступая с остатками разбитой армии и отправляясь в Эфес, чтобы отплыть в Афины, был встречен по пути афинскими посланниками, которые почтительно сообщили ему, что его не примут. В то же время его жена Дейдамея, которую он оставил в Афинах, была отправлена афинянами под почетным эскортом в Мегару, а также ему были возвращены некоторые военные корабли, которые он оставил в Пирее. Деметрий, возмущенный этим неожиданным отступлением города, который недавно осыпал его столь пышными похвалами, был еще более удручен потерей большинства своих владений в Греции[904] Его гарнизоны были большей частью изгнаны, а города перешли под власть Кассандрии. Его состояние было частично восстановлено благодаря заключению мира с Селевкидом, который женился на его дочери. Этот союз отозвал Деметрия в Сирию, а Греция, судя по всему, все больше и больше переходила под власть кассандрийских партий. Один из этих партизан, Лахарес, при поддержке солдат Кассандра установил в Афинах деспотию, подобную той, которой обладал фалерийский Деметрий, но гораздо более жестокую и деспотичную. Различные изгнанники, изгнанные его тиранией, пригласили Деметрия Полиоркета, который снова перешел из Азии в Грецию, вернул себе часть Пелопоннеса и

осадил Афины. Он блокировал город с моря и суши, так что голод вскоре стал невыносимым. Лахарес бежал, и народ открыл свои ворота перед Деметрием, не без опасения, что его ждет такое обращение. Но он повел себя терпеливо и даже великодушно. Он пощадил всех, снабдил их большим количеством кукурузы и довольствовался тем, что занял город военными, назначив магистратами своих друзей. Однако он поставил гарнизоны не только в Пирее и Мунихии, но и на холме Музея, входящем в обнесенный стеной круг Афин[905] (298 г. до н. э.).

Пока Деметрий укреплялся в Греции, он потерял все свои позиции на Кипре, в Сирии и Киликии, которые перешли в руки Птолемея и Селевкии. Однако новые перспективы открылись перед ним в Македонии после смерти Кассандра (его шурина, брата его жены Филы) и последовавших за этим семейных распрей. Филипп, старший сын Кассандра, стал преемником своего отца, но умер от болезни спустя чуть больше года. Между двумя оставшимися сыновьями, Антипатром и Александром, вспыхнула кровопролитная вражда. Антипатр убил свою мать Фессалонику и угрожал жизни брата, который, в свою очередь, обратился за помощью как к Деметрию, так и к эпирскому царю Пирру. Пирр был готов первым, он вошел в Македонию и изгнал Антипатра, получив в награду территорию под названием Тимфея (между Эпиром и Македонией), а также Акарнанию, Амфилохию и город Амбракию, который отныне стал его главным городом и резиденцией.[906] Антипатр искал убежища во Фракии у своего тестя Лисимаха, по приказу которого, однако, был вскоре убит. Деметрий, занятый другими делами, медлил с повиновением; но, вступив в Македонию, он оказался достаточно силен, чтобы лишиться власти и убить Александра (который, правда, пригласил его, но, как говорят, заложил поезд для его убийства) и завладеть македонской короной; не без согласия значительной партии, для которой имя и дела Кассандра и его сыновей были одинаково одиозны[907].

Таким образом, Деметрий стал хозяином Македонии, а также большей части Греции, включая Афины, Мегару и большую часть Пелопоннеса. Он предпринял экспедицию в Беотию с целью завоевания Фив; попытка удалась, но не без двойной осады этого города, который оказал упорное сопротивление. Наместником в Беотии он оставил историка Иеронима Кардийского,[908] некогда близкого друга и соратника Эвмена. Но всей Грецией управлял Антигон (впоследствии названный Антигоном Гонатасом), сын Деметрия, который сохранял свое господство непоколебимым в течение всей жизни отца; хотя Деметрий был лишен булавы *donia* в результате временного соединения Лисимаха с Пирром, а затем оставался (до своей смерти в 283 г. до н. э.) пленником в руках Селевкидов. После недолгого владения короной Македонии Селевком, Птолемеем, Керуном, Мелеагром, Антипатром и Сосфеном - Антигон Гонатас вернул ее себе в 277 году до н. э. Его потомки цари Антигониды сохраняли ее до битвы при Пидне в 168 году до н. э., когда Персей, последний из них, был свергнут, а его царство включено в состав римских завоеваний[909].

О Греции в этот период мы не можем ничего сказать, кроме того, что большинство ее городов находились в зависимости от Деметрия и его сына Антигона: либо были оккупированы македонскими гарнизонами, либо управлялись местными деспотами, опиравшимися на иностранных наемников и македонскую поддержку. Дух греков был сломлен, а привычки к объединению чувств и действий исчезли. Вторжение галлов пробудило их к временному объединению для защиты Фермопил в 279 году до н. э. Жестокость и разорение этих варварских захватчиков были столь невыносимы, что города, как и Антигон, были вынуждены в страхе приложить усилия для их отражения.[910] Была собрана доблестная армия эллинских конфедератов. В горах Этолии и в окрестностях Дельф погибла большая часть галльской орды вместе с их царем Бренном. Но этот взрыв духа не помешал сохранению

македонского владычества в Греции, которое Антигон Гонатас продолжал удерживать на протяжении почти всего своего долгого царствования. Он значительно расширил систему, начатую его предшественниками, изолировав каждый греческий город от союзов с другими городами по соседству, посадив в большинстве из них местных деспотов и сжав наиболее важные города с помощью гарнизонов[911]. Ахейская лига тоже развилась впоследствии как обновленный росток из разрушенного дерева греческой свободы,[912] хотя никогда не достигала ничего лучшего, чем слабая и ничтожная жизнь, и не была способна поддерживать себя без иностранной помощи[913].

Я не стану вмешиваться в этот рост или полувозрождение. Это Греция Полибия, которую этот автор рассматривает, на мой взгляд, справедливо, как не имеющую собственной истории,[914] а как придаток, прикрепленный к какому-то иностранному центру и главному из соседей - Македонии, Египту, Сирии, Риму. Каждый из этих соседей влиял на судьбы Греции сильнее, чем сами греки. Греки, которым посвящены эти тома - Гомер, Архилох, Солон, Эсхил, Геродот, Фукидид, Ксенофонт и Демосфен - представляют собой наиболее яркую характеристику свободной совокупности автономных племен или общин, действующих и реагирующих свободно между собой, практически без давления со стороны иностранцев. Основной интерес повествования заключается в спонтанном объединении различных эллинских фракций, в самопровозглашенных кооперациях и конфликтах, в неудачных попытках создать нечто вроде эффективной федеративной организации или сохранить две постоянно соперничающие конфедерации, в энергичных амбициях и героической стойкости людей, для которых Эллада была всем политическим миром. Свобода Эллады, жизнь и душа этой истории с самого ее начала, полностью исчезла в первые годы царствования Александра. Проводив до могилы современное ему поколение греков, таких как Демосфен и Фокион, родившихся в условиях свободы, я продолжил историю в той пропасти греческого ничтожества, которой отмечено последующее столетие; демонстрируя печальные свидетельства унижительного рабства и покорного царского поклонения, в которые соотечественники Аристеиды и Перикла были загнаны собственной сознательной слабостью под непреодолимым давлением извне.

Я не могу лучше дополнить эту картину, чем показать, каким стал ведущий гражданин-демократ в изменившейся атмосфере, которая теперь царила в его городе. Демохарес, племянник Демосфена, был упомянут как один из немногих выдающихся афинян последнего поколения. Его не раз избирали на высшие государственные должности;[915] он отличался свободой речи, как оратор и историк, перед лицом могущественных врагов; он всю жизнь оставался верным демократической конституции и был на время изгнан ее противниками. В 280 году до н. э. он убедил афинян воздвигнуть общественный памятник с памятной надписью своему дяде Демосфену. Через семь или восемь лет после этого умер сам Демохарес в возрасте почти восьмидесяти лет. Его сын Лахес предложил и добился публичного постановления о возведении в его честь статуи с приложенной надписью. В указе мы читаем перечисление выдающихся государственных заслуг, которыми Демохарес заслужил этот комплимент от своих соотечественников. Все, что автор декрета, его сын и согражданин, может найти, чтобы перечислить, как облагораживающее последнюю половину государственной жизни отца (после его возвращения из изгнания), это следующее:- 1. Он сократил государственные расходы и ввел более экономное управление. 2. Он предпринял посольство к царю Лисимаху, от которого получил два подарка для народа: один в размере тридцати талантов, другой - ста талантов. 3. Он предложил голосовать за отправку посланников к царю Птолемею в Египет, от которого было получено пятьдесят талантов для народа. 4. Он отправился посланником к Антипатру, получил от него двадцать талантов и передал их народу на Элевсинском празднике[916].

Когда такие просительные миссии становятся делами, за которые Афины и нанимали, и вознаграждали своих самых выдающихся граждан, историк, привыкший к греческому миру, описанному Геродотом, Фукидидом и Ксенофонтom, чувствует, что жизнь покинула его предмет, и с грустью и унижением подводит свое повествование к концу.

ГЛАВА ХСVII. СИЦИЛИЙСКИЕ И ИТАЛИЙСКИЕ ГРЕКИ - АГАФОКЛ.

На протяжении всей этой работы было удобно рассматривать историю итальянских и сицилийских греков отдельно от истории центральных и азиатских. Мы расстались с сицилийскими греками в последний раз^[917] после смерти их защитника коринфянина Тимолеона (337 г. до н. э.), благодаря энергичным подвигам которого и щедрой политической политике они были почти возрождены - спасены от внешних врагов, защищены от внутренних разногласий и оживлены большим пополнением новых колонистов. В течение двадцати лет, последовавших за смертью Тимолеона, история Сиракуз и Сицилии остается абсолютно пустой, о чем следует глубоко сожалеть, поскольку положение этих городов содержало столько новизны, столько предметов для споров, для императивного урегулирования или для дружеского компромисса, что летопись их действий должна была быть особенно интересной. Через двадцать лет после смерти Тимолеона мы видим, что правительство Сиракуз описывается как олигархия; подразумевается, что конституция, установленная Тимолеоном, должна была быть изменена либо путем насилия, либо по согласию. Олигархия состоит из 600 главных людей, среди которых Сосистрат и Гераклид выступают в качестве лидеров.^[918] Мы слышим, что сиракузяне были вовлечены в войны, и что Сосистрат либо впервые возник, либо впервые прочно установил свою олигархию после экспедиции, предпринятой на побережье Италии, чтобы помочь гражданам Кротона против их внутренних соседей и нападавших бруттийцев.

Не только Кротон, но и другие греческие города на побережье Италии, по-видимому, были подвержены опасностям и упадку, подобным тем, которые действовали на многие другие части эллинского мира. Их незеллинские соседи внутри страны становились слишком могущественными и агрессивными, чтобы оставить их в покое или безопасности. Мессапийцы, луканы, бруттии и другие коренные итальянские племена приобретали все большую силу, которая в конце концов сосредоточилась под властью могущественной Римской республики. В предыдущем томе я описал действия двух сиракузских деспотов, старшего и младшего Дионисия, на этом итальянском побережье.^[919] Хотя старший получил некоторое преимущество над луканцами, вмешательство обоих способствовало лишь ослаблению и унижению итальянских греков. Незадолго до битвы при Херонее (340-338 гг. до н. э.) тарентинцы оказались так сильно потеснены мессапийцами, что послали в Спарту, свой родной город, просить помощи. Спартанский царь Архидам, сын Агесилая, возможно, устыдившись ничтожества своей страны после окончания Священной войны, внял их мольбам и отплыл во главе наемного войска в Италию. Как долго продолжались его операции там, мы не знаем; но они закончились тем, что он был разбит и убит, недалеко от битвы при Херонее^[920] (338 г. до н. э.).

Примерно через шесть лет после этого события тарентинцы, все еще испытывая давление со стороны тех же грозных соседей, обратились за помощью к эпироту Александру, царю молоссов и брату Олимпии. Теперь, во время общего упадка греческой силы, Эпироты

приобретают такое значение, какого никогда не имели прежде[921]. Филипп Македонский, женившись на Олимпии, не только закрепил своего шурина на молосском троне, но и укрепил его власть над подданными, не имевшими привычки к повиновению. Именно благодаря македонскому вмешательству молосский Александр впервые получил (хотя и под македонским господством) важный город Амбракию, который из свободной эллинской общины превратился в столицу и морской порт эпирских царей. Александр еще больше скрепил свой союз с Македонией, женившись на собственной племяннице Клеопатре, дочери Филиппа и Олимпии. Фактически, при жизни Филиппа и Александра Македонского Эпиротическое царство становится своего рода придатком к Македонскому; им управляет Олимпия либо совместно со своим братом молосским Александром, либо как регент после его смерти[922].

Примерно через год после битвы при Иссе молосский Александр предпринял свою экспедицию в Италию;[923] несомненно, отчасти подстрекаемый подражанием азиатской славе своего племянника и тезки. Хотя в Иссе он встретил врагов более грозных, чем персы, его успех поначалу был значительным. Он одержал победы над мессапийцами, луканами и самнитами, завоевал луканский город Консентия и бруттийский город Терейна, заключил союз с пидикулами и обменивался дружескими посланиями с римлянами. Насколько мы можем судить по скудным данным, он, похоже, рассчитывал установить всеобъемлющее господство на юге Италии над всем ее населением - над греческими городами, луканами и бруттиями. Он потребовал и получил триста человек из главных луканских и мессапских семей, которых он отправил в качестве заложников в Эпир. Несколько изгнанников из этих народов присоединились к нему в качестве партизан. Он также попытался перенести съезд греко-италийских городов, который обычно проводился в тарентинской колонии Гераклея, в Фурии, намереваясь, вероятно, создать для себя податливый синод, подобный тому, который служил целям его македонского племянника в Коринфе. Но в конце концов фортуна переменилась. Тарентинцы почувствовали отвращение и тревогу; его луканские партизаны оказались неверными; бурная погода в Калабрийских Апеннинах нарушила связь между его различными отрядами и подвергла их детальному отсечению. Сам он погиб от руки луканского изгнанника при переправе через реку Ахерон и у города Пандосия. Это считалось памятным подтверждением правдивости пророчества оракула, поскольку он получил от Додоны совет остерегаться Пандосии и Ахерона - двух названий, которые он хорошо знал и поэтому избегал в Эпире, но о существовании которых в Италии он раньше не знал[924].

Таким образом, греко-италийские города превратились в приз, за который должны были бороться эпирские цари и родные италийские державы - как они снова стали, еще более заметным образом, пятьдесят лет спустя, во время войны между Пирром и римлянами. Теперь им оставалось искать иностранной помощи там, где они могли ее получить, и становиться добычей авантюристов. Именно в этом качестве мы слышим о том, что они получили помощь из Сиракуз, а грозное имя Агатокл впервые появляется перед нами, кажется, около 320 года до н. э.[925] Сиракузским войском, отправленным в Италию на помощь кротониатам против их врагов бруттийцев, командовал полководец по имени Антандр, брат которого Агатокл служил вместе с ним в подчинении.

Если забыть о рождении и детстве Агафокла, о которых рассказывают романтические анекдоты, как и о большинстве выдающихся людей, то окажется, что его отец, регский изгнанник по имени Каркин, прибыл из Терм (в карфагенской части Сицилии), чтобы поселиться в Сиракузах в то время, когда Тимолеон приглашал и принимал новых греческих поселенцев в гражданство последнего города. Каркин жил в сравнительной бедности, занимаясь ремеслом гончара; этому ремеслу научился и его сын Агатокл, которому было

около восемнадцати лет, когда он поселился вместе с отцом в Сиракузах.[926] Хотя Агатокл начал с такого скромного начала и даже был печально известен распутством и хитростью своих юношеских привычек, он вскоре достиг заметного положения, отчасти благодаря своим личным качествам, отчасти благодаря благосклонности богатого сиракузца по имени Дамас. Молодой гончар был красив, высок и гигантски силен; он с отличием нес военную службу, требуемую от него как от гражданина, носил такую тяжелую одежду, что ни один солдат не мог с ней сражаться; кроме того, он был готов, дерзок и категоричен в публичных речах. Дамас очень привязался к нему и не только обильно снабжал его деньгами, но и, поставив во главе сиракузской армии против агригентинцев, назначил его одним из подчиненных офицеров. В этом качестве Агатокл приобрел большую известность, благодаря храбрости в бою, умению командовать и беглости речи. Вскоре Дамас умер от болезни, оставив вдову без детей. Агатокл женился на вдове и таким образом добился большого состояния и положения в Сиракузах[927].

Об олигархии, которая теперь господствовала в Сиракузах, у нас нет никаких сведений, как и о том, как она пришла на смену более популярным формам, установленным Тимолеоном. Мы слышим только, что олигархические лидеры, Сосистрат и Гераклид, были беспринципными и кровожадными людьми.[928] При этом правительстве из Сиракуз была отправлена экспедиция на италийское побережье, чтобы помочь жителям Кротона против их агрессивных соседей - бруттийцев. Антандр, брат Агафокла, был одним из генералов, командовавших этим войском, а сам Агафокл служил в нем в качестве подчиненного офицера. Мы не знаем ни даты, ни продолжительности, ни результатов этой экспедиции.

Но она предоставила Агатоклу новую возможность проявить свою авантюрную храбрость и военный гений, что обеспечило ему высокие похвалы. Некоторые полагали, что по возвращении в Сиракузы ему полагается первая награда за доблесть, но Сосистрат и другие олигархические лидеры не дали ему ее и предпочли другого. Агатокл был так сильно разгневан этим отказом, что публично выступил против них в народе, как против людей, стремящихся к деспотизму. Не добившись успеха и навлекая на себя вражду правительства, он удалился на побережье Италии.

Здесь он набрал военный отряд из греческих изгнанников и кампанских наемников, который поддерживал различными предприятиями в греческих городах или против них. Он напал на Кротон, но был отбит с потерями; он поступил на службу к тарентинцам, некоторое время сражался с их врагами, но в конце концов попал под подозрение и был уволен; затем он присоединился к жителям Регия, помогая защищать город от сиракузской агрессии. Он даже предпринял две попытки силой проникнуть в Сиракузы и захватить власть.[929] Хотя обе попытки были отбиты, он все же сумел закрепиться в Сицилии, был назначен генералом в городе Моргантии и захватил Леонтини, расположенный на небольшом расстоянии к северу от Сиракуз. Через некоторое время после этого в Сиракузах произошла революция, в результате которой Сосистрат и олигархия были лишены власти и изгнаны вместе со многими своими сторонниками.

При новом правительстве Агатокл добился своего отзыва и вскоре стал занимать все более высокое положение. Лишенные власти изгнанники сумели собрать силы и вести грозную войну против Сиракуз извне; они даже получили помощь от карфагенян, чтобы утвердиться в Геле, на южной границе сиракузской территории. В военных операциях, ставших необходимыми, Агатокл принимал активное участие, выделяясь среди самых способных и предприимчивых офицеров. С 1000 солдат он попытался ночью захватить Гелу; но, обнаружив, что враг начеку, он был отбит с потерями и тяжело ранен; тем не менее, умелым маневром он вывел весь свой оставшийся отряд. Энергично действуя против врага, он в то

же время внушал ненависть и тревогу за свои опасные замыслы сиракузянам внутри страны. Коринфянин Акесторид, назначенный генералом города, вероятно, из воспоминаний о выдающихся заслугах коринфянина Тимолеона, убедившись, что присутствие Агатохла таит в себе опасность для города, приказал ему удалиться и выделил людей, чтобы убить его ночью на дороге. Но Агатохл, заподозрив их замысел, переделался в одежду нищего, назначив другого человека, который должен был ехать так, как естественно было бы ожидать от него самого. Этот человек был убит убийцами в темноте, а Агатохл спасся благодаря своей маскировке. Он и его партизаны, похоже, нашли убежище у карфагенян в Сицилии[930].

Вскоре после этого в правительстве Сиракуз произошла еще одна перемена, в результате которой олигархические изгнанники были отозваны, а с карфагенянами был заключен мир. Судя по всему, главным политическим органом снова стал сенат из 600 человек; вероятно, это были не те же люди, что и раньше, и с некоторыми демократическими изменениями. В то же время при посредничестве карфагенского полководца Гамилькара начались переговоры между сиракузянами и Агафоклом. Вред от междоусобных конфликтов, разгоравшихся в городе, давил на всех, и была надежда, что удастся прийти к согласию и прекратить их. Агатохл с радостью принял эти проекты амнистии и примирения. Карфагенский полководец Гамилькар, который совсем недавно помогал Сосистрату и сиракузской олигархии, теперь всячески способствовал отзыву Агафокла и даже взял на себя ответственность за хорошее и мирное поведение этого изгнанника. Агатохл и другие изгнанники вместе с ним были восстановлены. В храме Деметры в присутствии Гамилькара было созвано общественное собрание, на котором Агатохл поклялся самыми страшными клятвами, прикоснувшись руками к алтарю и статуе богини, что он будет вести себя как хороший гражданин Сиракуз, верно поддерживать существующее правительство и выполнять обещания карфагенских посредников, воздерживаясь от посягательств на права и владения Карфагена в Сицилии. Его клятвы и обещания были произнесены с такой очевидной искренностью и сопровождались энергичными речами, что народ убедили назвать его генералом и хранителем мира, чтобы реализовать общие стремления к гармонии. Такое назначение было рекомендовано (кажется) Гамилькаром[931].

Все эти хитроумные уловки были согласованы Агатоклесом с Гамилькаром, чтобы позволить первому захватить верховную власть. Будучи генералом города, Агатохл руководил военными силами. Под предлогом похода против непокорных изгнанников в Эрбиту, расположенную в глубине страны, он собрал 3000 воинов, горячо преданных ему, - наемников и граждан с отчаянным характером, - к которым Гамилькар добавил подкрепление из африканцев. Как будто собираясь выступить в поход, он собрал свои войска на рассвете в Тимолеонтеоне (часовня или участок, посвященный Тимолеону), а Пейсарх и Деклес, два вождя уже собранного сената, были приглашены вместе с сорока другими для заключения с ним заключительных дел. Взяв этих людей в свою власть, Агатохл внезапно повернулся к ним и объявил солдатам, что они виновны в заговоре его смерти. Получив от солдат пылкий ответ, он приказал им немедленно приступить к всеобщей резне сената и его главных сторонников, с полным разрешением разврата в домах этих жертв, самых богатых людей в Сиракузах. Солдаты со свирепой радостью бросились на улицу, чтобы исполнить этот приказ. Они убили не только сенаторов, но и многих других, безоружных и неподготовленных; каждый выбирал жертв, лично ему неприятных. Они вскрывали двери богатых домов или взбирались на крыши, расправлялись с хозяевами внутри и насиловали женщин. Ничего не подозревающих беглецов они преследовали по улицам, не щадя даже тех, кто укрывался в храмах. Многие из этих несчастных бросились в поисках спасения к воротам, но нашли их закрытыми и охраняемыми по особому приказу Агатохла, так что им пришлось спускаться со стен, в которых многие погибли. В течение двух

дней Сиракузы были жертвой кровавых, хищных и похотливых порывов солдат; четыре тысячи граждан уже были убиты, а еще больше захвачены в плен. Удовлетворив политические цели Агатокла, а также страсти солдат, он прекратил резню. В завершение этого кровавого подвига он убил тех из пленников, которые были ему наиболее неприятны, а остальных изгнал. Общее число изгнанных или беглых сиракузян составляет 6000 человек; они нашли гостеприимный приют и дом в Агригентуме. Упоминается один акт снисхождения, который нельзя упускать из виду на фоне этой сцены ужаса. Дейнократ, один из пленников, был освобожден Агатоклом по мотивам былой дружбы: он тоже, вероятно, отправился в добровольное изгнание[932].

После резни, учиненной посреди глубокого мира и в полной уверенности, что непосредственно перед этим был совершен торжественный акт взаимного примирения, превзошедший худшие деяния старшего Дионисия, да и (можно сказать) всех других греческих деспотов, Агафокл созвал народное собрание. Те из граждан, которые были олигархами, богачами или вообще недружелюбно настроены к нему, уже были либо убиты, либо изгнаны, так что в собрании, вероятно, было мало людей, кроме его собственных солдат: Агатокл, обращаясь к ним с поздравлениями по поводу недавнего славного подвига, в результате которого они очистили город от олигархических тиранов, объявил, что сиракузский народ теперь вновь обрел полную свободу. Он заявил, что устал от тягот командования и жаждет спокойной жизни на равных, как один среди многих; в знак этого он сбросил свой генеральский плащ и облачился в обычную гражданскую одежду. Но те, к кому он обращался, свежие после недавней резни и грабежа, чувствовали, что вся их безопасность зависит от сохранения его главенства, и громко заявляли, что не примут его отставки. Агатокл с притворной неохотой сказал им, что если они настаивают, то он согласится, но при обязательном условии, что будет пользоваться единоличной властью, без коллег и советников, за проступки которых он будет отвечать. В ответ на это собрание под единодушными аплодисментами присвоило ему должность генерала с неограниченной властью, или деспота[933].

Так был назначен новый деспот Сиракуз через пятьдесят лет после кончины старшего Дионисия и через двадцать два года после того, как Тимолеон выкорчевал династию Дионисиев и основал на ее развалинах свободное государство. Приняв пост, Агатокл не преминул заявить, что не потерпит впредь ни резни, ни грабежей и что его правление в будущем будет мягким и благотворным. Особенно он старался примирить с собой более бедных граждан, которым обещал отмену долгов и новое распределение земель. Насколько систематически он осуществлял этот проект, мы не знаем; но он предоставил положительные пожертвования многим беднякам, для чего у него было много средств из имущества многочисленных изгнанников, недавно высланных из страны. Он был полон обещаний каждому, демонстрировал учтивые и популярные манеры и воздерживался от всякой показной охраны, церемониального сопровождения или диадемы. В то же время он энергично занимался укреплением своих военных и морских сил, складов оружия и запасов, а также доходов. Он быстро распространил свою власть на все территориальные владения Сиракуз с подвластными им городами и успешно пронес свое оружие через многие другие части Сицилии[934].

Карфагенский полководец Гамилькар, чье соучастие или попустительство помогло Агатоклу возвыситься, похоже, позволил ему без сопротивления распространить свою власть на большую часть Сицилии и даже грабить города в союзе с самим Карфагеном. В Карфаген были поданы жалобы, и этот офицер был смещен, а на его место отправлен другой генерал (также по имени Гамилькар). Мы не можем подробно проследить действия Агафокла в

первые годы его деспотии, но он продолжал расширять свою власть над соседними городами, а сиракузские изгнанники, которых он изгнал, нашли приют частично в Агригентуме (при Дейнократе), частично в Мессене. Примерно в 314 году до н. э, мы слышим, что он предпринял попытку захватить Мессену, которую он уже собирался захватить, если бы его не остановило вмешательство карфагенян (возможно, новоназначенного Гамилькара), которые теперь, наконец, протестовали против нарушения им конвенции, означающей (как мы должны предположить, поскольку мы не знаем никакой другой конвенции) клятву, которую дал Агатокл в Сиракузах под гарантии карфагенян.^[935] Потерпев поражение в Мессене, Агатокл захватил Абакенум, где убил ведущих граждан, выступавших против него, и продолжал свои агрессии в других местах так эффективно, что вожди в Агригентуме, подстрекаемые сиракузскими изгнанниками, которых там укрывали, убедились в опасности оставлять такие посягательства без сопротивления.^[936] Жители Агригентума решили взяться за оружие, чтобы защитить свободу Сицилии, и объединились для этого с Гелой и Мессеной.

Но страшный пример самого Агафокла заставил их так опасаться опасностей, исходящих от любого военачальника, одновременно местного и энергичного, что они решили пригласить иностранца. В Спарту были отправлены сиракузские изгнанники, чтобы выбрать и призвать какого-нибудь выдающегося и способного спартанца, как недавно в Тарентуме был призван Архидам, и даже больше, как Тимолеон, которого привезли из Коринфа с такими благотворными результатами. У старого спартанского царя Клеомена (из рода Эврисфенидов) был сын Акротат, в то время непопулярный на родине^[937] и настроенный на внешнюю войну. Этот принц, даже не посоветовавшись с эфорами, сразу же выслушал посланцев и с небольшой эскадрой покинул Пелопоннес, намереваясь пройти через Коркиру и побережье Италии в Агригентум. Неблагоприятные ветры занесли его далеко на север, в Аполлонию, и задержали прибытие в Тарентум; в этом городе, изначально спартанской колонии, он встретил радушный прием и получил право голоса на двадцать судов, чтобы помочь своему предприятию по освобождению Сиракуз от Агафокла. Он достиг Агригентума с благоприятными надеждами, был принят со всеми почестями, причитающимися спартанскому принцу, и взял на себя командование. С горечью он разочаровал свою партию. Он был некомпетентен как полководец; он растратил на подарки и роскошь деньги, предназначенные для кампании, подражая азиатским деспотам; его поведение было высокомерным, тираническим и даже кровожадным. Отвращение, которое он вызывал, достигло апогея, когда по его приказу на пиру был убит Сосистрат, лидер сиракузских изгнанников. Изгнанники тут же поднялись, чтобы отомстить за это убийство, а Акротат, свергнутый агригентинцами, нашел спасение только в бегстве^[938].

Молодому спартанскому принцу, если бы он обладал благородным сердцем и энергичными качествами, открывалась карьера, равная по величию карьере Тимолеона, - против врага, действительно сильного и грозного, но не настолько превосходящего его по силе, чтобы сделать успех невозможным. Меланхолично видеть, как Акротат, из-за простого ничтожества характера, упускает такую возможность; в то время, когда Сицилия была единственной землей, на которой еще была открыта славная эллинская карьера, когда ни один эллинский лидер в Центральной Греции не мог совершить подобных подвигов из-за подавляющего превосходства в силе, которым обладали окружающие цари.

Поступок Акротата разрушил все надежды на активные действия против Агатокла. Вскоре агригентинцы и их союзники при посредничестве карфагенского полководца Гамилькара заключили с ним мир. По условиям этого договора все греческие города Сицилии объявлялись автономными, но под гегемонией Агафокла; за исключением только Гимеры,

Селина и Гераклеи, которые фактически находились и, как было объявлено, будут находиться под властью Карфагена. Мессена была единственным греческим городом, который остался в стороне от этой конвенции; поэтому она все еще оставалась открытой для сиракузских изгнанников. Условия были настолько выгодны Агатоклу, что в Карфагене они вызвали резкое неодобрение.^[939] Агатокл, признанный вождем и не имея врага в поле, активно занялся укреплением своих позиций в других городах и расширением своих военных средств у себя дома. Он направил войска против Мессены, чтобы потребовать изгнания сиракузских изгнанников из этого города и одновременно добиться отзыва мессенских изгнанников, своих единомышленников и соратников по армии. Его полководцы добились от мессенцев этих двух пунктов. Сокрушив таким образом силы Мессены, Агатокл еще больше укрепил за собой город, послав за теми мессенскими гражданами, которые в основном выступали против него, и предав их всех смерти, так же как и своих главных противников в Тавромениуме. Число убитых таким образом составило не менее шестисот человек^[940].

Агатоклу оставалось только захватить Агригентум. Туда он и направился. Но Дейнократ и сиракузские изгнанники, изгнанные из Мессены, заявили о себе в Карфагене, настаивая на опасности, грозящей этому городу от посягательств Агатокла. Карфагеняне, встревоженные, послали флот из шестидесяти кораблей, благодаря чему удалось сохранить только Агригентум, уже осажденный Агатоками. Недавний договор был нарушен со всех сторон, и Агатокл больше не поддерживал никаких отношений с карфагенянами. Он опустошил всю их сицилийскую территорию и разрушил несколько крепостей, а карфагеняне со своей стороны предприняли внезапный набег со своим флотом на гавань Сиракуз. Однако им не удалось добиться ничего большего, чем захват одного афинского торгового судна из двух находившихся там. Они опозорили свое приобретение жестоким актом (нередким в карфагенской войне), отрубив руки пленному экипажу; за это через несколько дней им отомстили экипажи некоторых их собственных кораблей, захваченных крейсерами Агатокла^[941].

Оборона Агригентума теперь возлагалась в основном на карфагенян в Сицилии, которые заняли позицию на холме под названием Эконом на территории Гелы, немного западнее границы Агригентума. Сюда подошел Агатокл, чтобы предложить им сражение, будучи воодушевленным двумя важными успехами, одержанными над Дейнократом и сиракузскими изгнанниками под Кенторипой и Галларией.^[942] Однако его силы были настолько превосходящими, что карфагеняне сочли благоразумным остаться в своем лагере, и Агатокл с триумфом вернулся в Сиракузы, где украсил храмы недавно добытыми трофеями. Соотношение сил вскоре было изменено отправкой из Карфагена большого войска под командованием Гамилькара, состоявшего из 130 военных кораблей и множества других транспортных судов, на которых находилось множество солдат - 2000 коренных карфагенян, частично знатных людей - 10 000 африканцев - 1000 кампанских тяжеловооруженных и 1000 балеарских пращников. Во время перехода флот подвергся столь сильной буре, что многие суда затонули со всеми находившимися на борту, и он прибыл в Сицилию с очень уменьшившимся числом. Эта потеря особенно тяжело отразилась на местных карфагенских солдатах, так что, когда весть об этом достигла Карфагена, был объявлен всеобщий траур, а стены города были завешаны черной шерстью.

Однако тех, кто достиг Сицилии, было вполне достаточно, чтобы Гамилькар имел внушительное превосходство в численности по сравнению с Агатоклом. Он расположился лагерем у Энома, создал все подкрепления, которые могли предоставить его сицилийские союзники, и собрал дополнительных наемников, так что вскоре он был во главе 40 000 пехоты и 5000 конницы.^[943] В то же время карфагенская вооруженная эскадра,

отправленная к Мессенскому проливу, столкнулась с двадцатью вооруженными кораблями Агафокла и захватила их все вместе с экипажами. Сицилийские города держались на Агатокле в основном за счет террора и, скорее всего, обратятся против него, если карфагеняне проявят достаточную силу для их защиты. Это деспот знал и боялся, особенно в отношении Гелы, которая находилась недалеко от карфагенского лагеря. Если бы он открыто объявил, что намерен разместить в Геле гарнизон, то опасался, что горожане могут помешать ему, призвав Гамилькара. Поэтому он под разными предлогами отправил туда несколько небольших отрядов солдат, которые вскоре объединились в количестве, достаточном для захвата города. Затем Агатокл направился в Гелу со своими основными силами. Не доверяя приверженности горожан, он выпустил на них своих солдат, истребил четыре тысячи человек, а остальных заставил, в качестве условия сохранения жизни, принести ему все свои деньги и ценности. Наведя всеобщий ужас и обогатившись, он двинулся дальше к карфагенскому лагерю и занял холм Фаларион напротив него.[944] Два лагеря разделяла равнина или долина шириной около пяти миль, по которой протекала река Гимера.[945]

В течение нескольких дней самого жаркого сезона (собачьих дней) обе армии оставались неподвижными, ни одна из них не решалась на атаку. Наконец Агатокл воспользовался благоприятной, по его мнению, возможностью. Отряд из карфагенского лагеря вышел вперед, преследуя греческих грабителей; Агафокл выставил несколько человек в засаде, которые настигли этот отряд врасплох, повергли его в беспорядок и преследовали до самого лагеря. После этого частичного успеха Агатокл выдвинул вперед все свои силы, переправился через реку Гимеру и начал общую атаку. Не дождавшись такого наступления, греки, как им показалось, сразу же добились успеха. Они засыпали часть рва, разрушили крепость и стали пробиваться в лагерь. Однако они были отбиты благодаря удвоенным усилиям защитников и прибытию новых войск, а также благодаря очень эффективным действиям 1000 балеарских пращей из армии Гамилькара, которые метали камни весом в фунт каждый, против которых греческие доспехи были неэффективной защитой. И все же Агатокл, ничуть не обескураженный, возобновил атаку сразу на несколько пунктов и с успехом, когда из Карфагена прибыло подкрепление, ожидание которого, возможно, заставило Гамилькара воздержаться от общей атаки. Эти новые войска вступили в бой, зайдя в тыл грекам, которые были запуганы и приведены в беспорядок столь непредвиденными нападающими, в то время как карфагеняне, находившиеся впереди, воодушевленные более энергичными действиями, сначала отбили их от лагеря, а затем энергично оттеснили назад. Продержавшись некоторое время против двойного врага, греки в конце концов в беспорядке бежали в свой лагерь, переправившись через реку Гимеру. Расстояние между ними составляло от четырех до пяти миль почти ровной местности, на которой их активно преследовала и жестоко расправлялась с ними карфагенская конница, численностью в 5000 человек. Кроме того, переправляясь через реку, многие из них жадно пили от жажды, усталости и жары; соленость воды оказалась настолько губительной для них, что на берегах было найдено множество мертвых тел без ран.[946] В конце концов они укрылись в своем лагере, потеряв 7000 человек; потери же победителей оцениваются в 500.

Агатокл после этого большого бедствия не стал пытаться сохранить свой лагерь, а поджег его и вернулся в Гелу, которая была хорошо укреплена и снабжена провизией, способной к длительной обороне. Здесь он намеревался противостоять Гамилькару, по крайней мере, до тех пор, пока не будет завершен сбор урожая в Сиракузах (вероятно, уже начавшийся). Но Гамилькар, убедившись в прочности Гелы, счел благоразумным воздержаться от осады и занялся операциями с целью усиления своей партии в Сицилии. Его великая победа при Гимере произвела сильнейший эффект на многие сицилийские города, которые не были

связаны с Агатоклами никакими другими узами, кроме страха. Гамилькар издавал примирительные прокламации, приглашая их всех стать его союзниками, и направлял свои войска в наиболее удобные пункты. Вскоре Камарина, Леонтины, Катана, Тауромениум, Мессен, Абакенум и еще несколько небольших городов и крепостей прислали своих союзников; поведение Гамилькара по отношению ко всем было настолько мягким и справедливым, что вызвало всеобщее удовлетворение. Агатокл, похоже, таким образом лишился большей части острова, оставив себе лишь Гелу и Сиракузы. Даже за гаванью Сиракуз следил карфагенский флот, поставленный для перехвата иностранных грузов. Вернувшись в Сиракузы после того, как Гамилькар отказался от попыток захватить Гелу, Агатокл собрал зерно в окрестностях и привел укрепления в наилучшее состояние для обороны. У него были все основания полагать, что карфагеняне, ободренные недавним успехом и подкрепленные союзниками со всего острова, вскоре начнут осаду Сиракуз со всей энергией; в то время как для него самого, ненавидимого всеми, не было никакой надежды на постороннюю поддержку и мало надежд на успешную оборону[947].

В этой, казалось бы, безвыходной ситуации ему пришла в голову идея нововведения, в равной степени смелого, изобретательного и эффективного; правда, сопряженного с трудностями в исполнении, но обещающего в случае успешного осуществления полностью изменить перспективы войны.

Он решил переправить войска из Сиракуз в Африку и напасть на карфагенян на их собственной земле. Ни один грек, насколько нам известно, никогда не задумывал подобного плана; никто, разумеется, никогда не приводил его в исполнение. На памяти человечества африканская территория Карфагена никогда не посещалась враждебными ногами. Было известно, что карфагеняне не только не готовы встретить нападение у себя дома, но даже не в состоянии представить себе, что оно практически осуществимо. Было известно, что их территория богата, а с африканскими подданными обращаются жестоко, они недовольны и, скорее всего, воспользуются первой же возможностью для восстания. Высадка любого враждебного войска вблизи Карфагена нанесла бы такой удар, который, по крайней мере, заставил бы отозвать карфагенские войска в Сицилию и тем самым освободил бы Сиракузы; возможно, последствия этого могли бы быть еще более значительными.

Как осуществить задуманное - вот в чем заключалась главная трудность, ведь карфагеняне превосходили их не только на суше, но и на море. У Агатокла не было иного шанса, кроме как сохранить свою цель в тайне и даже не подозревать о ней. Он снарядил вооружение и объявил, что собирается отплыть из Сиракуз в тайную экспедицию против какого-то неизвестного города на сицилийском побережье. Он отобрал для этой цели свои лучшие войска, особенно всадников, немногие из которых были убиты в битве при Гимере; он не мог перевозить лошадей, но он посадил всадников на борт вместе с их седлами и уздечками, будучи уверенным, что сможет достать лошадей в Африке. Отбирая солдат для своей экспедиции, он позаботился о том, чтобы взять по одному человеку из разных семей, чтобы они служили заложниками за верность тех, кто остался позади. Он освободил и зачислил в число своих солдат многих самых сильных и решительных рабов. Чтобы обеспечить необходимые средства, он использовал самые разнообразные методы: брал взаймы у купцов, конфисковывал деньги, принадлежавшие сиротам, лишал женщин драгоценных украшений и даже грабил самые богатые храмы. Все эти действия усиливали как ненависть, так и страх по отношению к нему, особенно среди более богатых семей. Агатокл публично объявил, что осада Сиракуз, к которой приступили карфагеняне, будет долгой и страшной, что он и его солдаты привыкли к трудностям и могут их выдержать, но что те, кто считает себя неспособным к нагрузкам, могут удалиться со своим имуществом, пока еще есть время.

Многие из богатейших семейств - всего 1600 человек - воспользовались этим разрешением; но когда они покидали город, Агатокл натравливал на них своих наемников, убивал их всех и присваивал их имущество себе.[948] Такими хитростями и беззакониями он обеспечил себе средства для вооружения шестидесяти кораблей, хорошо набитых солдатами. Ни один из этих солдат не знал, куда они плывут; поговаривали, что Агатокл сошел с ума; тем не менее, они были настолько уверены в его храбрости и военных способностях, что подчинялись его приказам, не задавая вопросов. Наместником Сиракуз во время своего отсутствия Агатокл назначил Антандера, своего брата, которому помогал офицер из Этолии по имени Эримнон[949].

Вооружение было снаряжено и готово, не вызывая никаких подозрений у карфагенского флота, блокировавшего гавань. Однажды случилось так, что приближение нескольких кукурузных кораблей собланило этот флот на преследование; устье гавани осталось незащищенным, и Агатокл воспользовался случаем, чтобы выйти со своим вооружением в открытое море. Как только карфагенский флот увидел, что он отплывает, они оставили кукурузные корабли, и приготовились к бою, который, как они предполагали, он пришел предложить. К их удивлению, он вышел в море так быстро, как только мог; тогда они бросились за ним в погоню, но он уже получил значительный перевес и старался его сохранить. Однако ближе к ночи они настолько приблизились к нему, что его спасла только темнота. За ночь он значительно продвинулся вперед, но на следующий день произошло затмение солнца, настолько полное, что стало совершенно темно, а звезды были видны. Мореплаватели были так напуганы этим явлением, что потребовались все хитрости и превосходство Агатокла, чтобы вдохнуть в них новое мужество. Наконец, спустя шесть дней и ночей, они подошли к берегу Африки. Карфагенские корабли преследовали их по направлению к Африке; они появились в поле зрения, как раз когда Агафокл приближался к суше. С обеих сторон мореплаватели прилагали напряженные усилия, чтобы первыми коснуться суши; Агатокл получил это преимущество и смог занять такую оборонительную позицию, что отразил нападение карфагенских кораблей и обеспечил высадку своих солдат в точке, называемой Латомией или Каменными каменоломнями[950].

Укрепив свои позиции на берегу и освежив солдат, Агатокл первым делом сжег свои корабли, что выглядело отчаянной смелостью. Однако на самом деле корабли были бесполезны, поскольку, если бы он потерпел неудачу на суше, их не хватило бы, чтобы вернуться перед лицом карфагенского флота; они были даже хуже, чем бесполезны, поскольку, если бы он сохранил их, ему пришлось бы оставить часть своей армии для их охраны и таким образом ослабить свои средства для действительно важных достижений на суше. Собрав своих солдат возле кораблей, он сначала принес жертву Деметре и Персефоне - богиням-покровительницам Сицилии и, в частности, Сиракуз. Затем он рассказал своим солдатам, что во время недавней переправы и опасности от карфагенских преследователей он дал обет этим богиням совершить всесожжение на своих кораблях в их честь, если они сохранят его в безопасности до Африки. Богини даровали это благодеяние; кроме того, благосклонно откликнувшись на только что принесенную жертву, они обещали полный успех его африканским проектам: поэтому он должен был с точностью исполнить свой обет. Принесли факелы, Агатокл взял один в руку и взошел на корму адмиральского корабля, приказав каждому из триерархов сделать то же самое на своем корабле. Все они были подожжены одновременно, под звуки труб, молитвы и крики солдат[951].

Хотя Агатоклу удалось возбудить своих солдат для достижения этой цели, но как только они увидели, что пожар окончательно и бесповоротно прервал их связь с домом, их дух упал, и

они начали отчаиваться в своих перспективах. Не дав им времени задуматься над новизной ситуации, Агатокл сразу же направил их к ближайшему карфагенскому городу, называемому Мегале-Полис. [952\]](#) Его поход пролегал по большей части по богатой территории, возделанной по высшему разряду. Мимолетный взгляд, который мы таким образом получаем на состояние территории вблизи Карфагена, представляет особый интерес; особенно если сравнить его с запустением того же побережья, как сейчас, так и в течение многих веков. Кукурузные поля, плантации винограда и оливок, обширные и ухоженные сады, размеры и оборудование хозяйственных построек, большие затраты на искусственное орошение, приятные загородные дома, принадлежащие богатым карфагенянам, и т. д. - все это вызывало удивление и стимулировало щедрость Агафокла и его солдат. Кроме того, города были не только очень многочисленны, но и все открыты и не укреплены, за исключением самого Карфагена и нескольких других на побережье[\[953\]](#).

Карфагеняне не только не опасались вторжения с моря, но и были склонны доверять своим подвластным городам, которыми они обычно управляли с грубостью и притеснениями[\[954\]](#). Ливийцы-финикийцы, похоже, не привыкли к оружию - раса робких земледельцев и торговцев, привыкших к подчинению и практикующих обман, необходимый для его облегчения. [\[955\]](#) Агафокл, пройдя по этой земле изобилия, без промедления напал на Мегалеполис. Жители, не готовые к нападению, растерянные от неожиданности и ужаса, почти не оказали сопротивления. Агатокл легко взял город, оставив своих солдат, которые обогатились огромной добычей как в городе, так и в деревне - мебелью, скотом и рабами. Отсюда он двинулся дальше на юг к городу под названием Тунес (современный Тунис, расположенный всего в четырнадцати милях к юго-западу от самого Карфагена), который он взял штурмом таким же образом. Он укрепил Тунес как постоянную позицию, но основные силы держал в лагере, прекрасно понимая, что в скором времени против него в поле выступит внушительная армия и ему предстоят тяжелые сражения[\[956\]](#).

Карфагенский флот преследовал Агатокла во время его перехода из Сиракуз, совершенно не зная о его планах. Когда он высадился в Африке, на их собственной территории, и даже сжег свой флот, они поначалу льстили себе, полагая, что держат его в плену. Но как только они увидели, что он начал свой поход в военном строю против Мегалеполиса, они догадались о его истинных целях и исполнились страха. Сняв медные украшения с его сожженных и брошенных кораблей, они отплыли в Карфаген, послав вперед быстроходное судно, чтобы сообщить о случившемся. Однако еще до прибытия этого судна о высадке Агафокла стало известно в Карфагене, где она вызвала крайнее удивление и замешательство, поскольку никто не предполагал, что он мог совершить такое приключение, не уничтожив предварительно карфагенскую армию и флот в Сицилии. От этой крайней тревоги их вскоре избавило прибытие посланцев с флота, благодаря чему они узнали о реальном положении дел в Сицилии. Теперь они сделали все возможное, чтобы противостоять Агатоклу. Ганно и Бомилькар, два человека из ведущих семей, были назначены генералами вместе. Они были жестокими политическими соперниками, но это соперничество некоторые истолковывали как преимущество, поскольку каждый из них мог служить сдерживающим фактором для другого и гарантией для государства; или, что более вероятно, у каждого была достаточно сильная партия, чтобы предотвратить отдельное избрание другого.[\[957\]](#) Эти два генерала, не в силах ждать далеких помощников, вывели местные силы города, численностью в 40 000 пехоты, 1000 конницы, собранные в целом из граждан и жителей, с 2000 боевых колесниц. Они заняли позицию на возвышенности (где-то между Тунисом и Карфагеном) недалеко от Агатоклеса; Бомилькар командовал слева, где земля была настолько трудной, что он не мог расширить фронт и был вынужден допустить необычную глубину войск; Ганно же находился справа, имея в своем переднем ряду Священную группу Карфагена, корпус из 2500

выдающихся граждан, лучше вооруженных и храбрых, чем остальные. Карфагеняне настолько превосходили захватчиков числом и были уверены в победе, что везли с собой 20 000 пар наручников для ожидаемых пленников[958].

Агатокл расположился слева, с 1000 отборных гоплитов вокруг него, чтобы сражаться со Священным отрядом; командование справа он передал своему сыну Архагату. Его войска - сиракузяне, различные наемные греки, кампанцы или самниты, тосканцы и галлы - почти не уступали по численности одной половине врага. Некоторые из экипажей кораблей были даже без оружия - недостаток, который Агатокл мог восполнить только внешне, выдав им кожаные чехлы или обертки щитов, натянутые на палки. Вытянутые таким образом обмотки издали выглядели как щиты, так что эти люди, расположившиеся в тылу, имели вид резерва гоплитов. Однако, поскольку солдаты все еще были обескуражены, Агатокл попытался подбодрить их другим, еще более необычным приемом, для которого он, должно быть, заранее предусмотрел все необходимое. В разных частях лагеря он выпустил несколько сов, которые уселись на щиты и шлемы солдат. Предполагалось, что эти птицы, любимые Афиной, предвещают победу, и, по общему утверждению, это зрелище значительно успокоило солдат.

Карфагенские боевые колесницы и конница, которые атаковали первыми, не произвели почти никакого впечатления, но пехота справа от них серьезно потеснила греков. Особенно отличился Ханно, вокруг которого стояла священная дружина, он вел себя очень храбро и решительно, и, казалось, вот-вот добьется преимущества, когда его, к несчастью, убили. Его смерть не только обескуражила его собственные войска, но и стала роковой для армии, дав возможность для измены его коллеге Бомилькару. Этот человек уже давно втайне вынашивал проект стать деспотом Карфагена. В качестве средства для достижения этой цели он намеренно стремился навлечь на нее поражение; едва услышав о смерти Ханно, он отдал приказ своему крылу отступить. Священная группа, хотя и сражалась с непоколебимой доблестью, осталась без поддержки, была атакована как с тыла, так и с фронта, и вынуждена была отступить вместе с остальными. Вся карфагенская армия была разбита и отброшена к Карфагену. Их лагерь попал в руки Агатокла, который нашел среди их багажа те самые наручники, которые они привезли для сковывания ожидаемых пленников[959].

Эта победа сделала Агатокла на время хозяином открытой местности. Он передал эту весть в Сицилию на лодке с тридцатью веслами, специально построенной для этой цели, так как у него не осталось собственных кораблей. Укрепив Тунес и сделав его своей центральной позицией, он начал операции вдоль восточного побережья (Zeugitana и Byzakium, как впоследствии римляне называли северную и южную его части) против городов, зависимых от Карфагена[960].

Тем временем в этом городе царили ужас и уныние, вызванные недавним поражением. Было хорошо известно, что африканские подданные в целом не испытывают ничего, кроме страха и ненависти к царствующему городу. Ни на коренных ливийцев или африканцев, ни на смешанную расу, называемую ливийцами-финикийцами, населявшую города[961], нельзя было положиться, если их услуги были действительно необходимы. Бедствия карфагенян выражались в религиозных страхах и покаянии. Они с угрызениями совести вспоминали о нечестивости своей прошлой жизни и о том, что не исполнили свой долг перед богами. Тирийскому Гераклу они не передавали положенных по их религии податей и даров; теперь они пытались восполнить этот недостаток, отправляя в Тир посланников с молитвами и мольбами, с богатыми подарками и особенно с моделями из золота и серебра своих священных храмов и святынь. По отношению к Кронусу, или Молоху, они также чувствовали, что вели себя грешно. Для поклонения этому богу требовалось приносить в жертву

маленьких детей, рожденных от свободных и богатых родителей, и даже избранного ребенка в семье. Но в ходе расследования выяснилось, что многие родители недавно обманули бога, тайно купив бедных детей, хорошо их накормив и принеся в жертву как своих собственных. Это открытие сразу же объяснило, почему Кронос обиделся и что привело его к недавнему поражению. Они решительно искупили свою вину, отобрав 200 детей из самых знатных семейств Карфагена и принеся их в жертву Кроносу; кроме того, 300 родителей, осужденных за подобные промахи в прошлом, продемонстрировали свое раскаяние, добровольно предав смерти собственных детей ради общественной безопасности. Статуя Кроноса, установленная с распростертыми руками, чтобы принять предложенную ему жертву, с огнем прямо под ней, была накормлена в этот торжественный день, несомненно, 200, а возможно, и 500 живыми детьми.^[962] Благодаря этому чудовищному жертвоприношению был полностью выполнен религиозный долг и получено прощение от бога, душевные страдания карфагенян были излечены.

Успокоив таким образом свою совесть в отношении религиозного долга, карфагеняне отправили посланцев к Гамилькару в Сицилию, чтобы сообщить ему о недавнем бедствии, попросить прислать подкрепление и передать ему украшения из медных крыльев, снятые с кораблей Агатокла. В то же время они снарядили свежую армию, с которой отправились в поход на Тунес. Агатокл укрепил этот город и разбил перед ним сильный лагерь; но он отозвал свои основные силы, чтобы продолжить операции против приморских городов на восточном побережье карфагенской территории. Среди этих городов он сначала успешно атаковал Неаполис, предоставив его жителям выгодные условия. Затем он продвинулся дальше на юг, к Адруметуму, который начал осаждать при содействии соседнего ливийского принца по имени Элимас, который теперь присоединился к нему. Пока Агатокл занимался осадой Адруметума, карфагеняне атаковали его позиции в Тунесе, вытеснили его солдат из укрепленного лагеря в город и начали долбить оборону самого города. Узнав об этой опасности во время осады Адруметума, но, тем не менее, не желая снимать осаду, Агафокл оставил перед ним свою главную армию, скрылся с несколькими солдатами и несколькими лагерниками и, проведя их на возвышенное место - на полпути между Адруметумом и Тунесом, но видимое с обеих сторон, - заставил их ночью разжечь на этом возвышении огромное количество костров.^[963] В результате этих пожаров, которые были видны из Адруметума с одной стороны и из Тунеса с другой, в обоих местах возник сильнейший ужас. Карфагеняне, осаждавшие Тунес, вообразили, что Агатокл со всей своей армией идет на них, и немедленно в беспорядке сняли осаду, оставив свои орудия. Защитники Адруметума, истолковав эти пожары как свидетельство того, что к осаждающей армии направляется большое подкрепление, были настолько обескуражены, что сдали город на капитуляцию^[964].

С помощью этой же уловки - если можно доверять этому рассказу - Агафокл освободил Тунес и овладел Адруметумом. Продвинув свои завоевания еще дальше на юг, он осадил и взял Фапсус, а также несколько других городов на побережье на значительном расстоянии к югу.^[965] Он также занял и укрепил важную позицию под названием Аспис, на юго-востоке от мыса Бон и недалеко от него; пункт, удобный для морского сообщения с Сицилией.^[966]

В результате ряда таких приобретений, включавших в общей сложности не менее 200 зависимых от Карфагена территорий, Агатокл стал хозяином восточного побережья^[967]. Далее он попытался покорить города в внутренних районах, куда продвинулся на несколько дней марша. Но его отвлекли сведения, полученные от его солдат в Тунесе, о том, что карфагеняне снова выступили в поход, чтобы напасть на них, и уже вернули некоторые из его завоеваний. Внезапно вернувшись форсированным маршем, он застал их врасплох и с

большими потерями отбросил передовые отряды; при этом он одержал важную победу над ливийским князем Элимасом, который вновь присоединился к карфагенянам, но теперь был разбит и убит.^[968] Карфагеняне же, хотя и были вновь смиренны и обескуражены, все еще удерживали поле, сильно укрепленное, между Карфагеном и Тунесом.

Тем временем дела Агатокла в Сиракузах приняли неожиданно благоприятный оборот. Он оставил этот город частично блокированным морем и с победоносным врагом, расположившимся вблизи него, так что припасы доставлялись с трудом. В таком положении Гамилькар, командующий карфагенской армией, получил из Карфагена гонцов с известием о недавнем поражении в Африке, а также с украшениями из медных прутьев, снятыми с кораблей Агатокла. Он приказал посланникам скрыть истинную правду и распространить по миру весть о том, что Агатокл был уничтожен вместе со своим вооружением; в доказательство он предъявил украшения на крыльях - несомненное свидетельство того, что корабли действительно были уничтожены. Отправив посланцев с этими доказательствами в Сиракузы, чтобы они представили их Антандеру и эфирским властям, Гамилькар потребовал от них сдачи города под обещание безопасности и выгодных условий; в то же время он направил свою армию вплотную к нему, чтобы совершить нападение. Антандр и другие, поверив полученным сведениям и отчаявшись в успешном сопротивлении, были готовы подчиниться, но Эримнон Этолийский настаивал на том, чтобы держаться до тех пор, у них не будет более полной уверенности. Антандр принял это решение. В то же время, не доверяя тем гражданам Сиракуз, которые были родственниками или друзьями изгнанников, он приказал им всем немедленно покинуть город с женами и семьями. По этому приказу было изгнано не менее 8000 человек. Они были отданы на милость Гамилькара и его армии, которая не только пропустила их, но и отнеслась к ним с добротой. Сиракузы теперь представляли собой сцену еще большего убожества и уныния; не столько из-за этого позднего бедственного изгнания, сколько из-за горя тех, кто верил, что их родственники в Африке погибли вместе с Агатоклом. Гамилькар подтянул свои таранные орудия и готовился к штурму города, когда Неарх, гонец Агатокла, прибыл из Африки после пятидневного плавания, под покровом темноты избежав, хотя только что избежал, блокадной эскадры. От него сиракузское правительство узнало истинную правду и победоносную позицию Агатокла. О капитуляции больше не было и речи; Гамилькар, попытавшись предпринять частичный штурм, который был решительно отбит, бросил свою армию и отрядил из нее подкрепление в 5000 человек на помощь своим соотечественникам в Африке^[969].

В течение нескольких месяцев он, по-видимому, занимался частичными операциями по расширению карфагенского владычества на всей Сицилии. Но в конце концов он договорился с сиракузским изгнанником Дейнократором, который стоял во главе многочисленного отряда своих изгнанников, о повторном нападении на Сиракузы. Его флот уже блокировал гавань, и теперь он со своей армией, насчитывавшей 120 000 человек, разорял окрестные земли, надеясь уморить жителей голодом. Подойдя вплотную к стенам города, он занял Олимпион, или храм Зевса Олимпийского, у реки Анапус и на внутреннем побережье Большой гавани. Отсюда - вероятно, под руководством Дейнократа и других изгнанников, хорошо знакомых с местностью, - он предпринял ночной марш-бросок по извилистому и трудному горному пути, чтобы захватить форт под названием Эвриала, расположенный на самой высокой точке Эпиполя, и западной вершине сиракузской линии укреплений. Это было то же предприятие, в тот же час и с той же главной целью, что и у Демосфена во время афинской осады, после того как он привел из Афин второе войско на помощь Никиасу.^[970] Даже Демосфен, хотя и провел свой поход с большей осторожностью, чем Гамилькар, и добился успеха, удивив форт Эвриала, был снова отброшен с катастрофическими потерями. Более того, с его времен этот форт Эвриала, вместо того чтобы

быть отделенным, был воплощен старшим Дионисием в качестве неотъемлемой части городских укреплений. Он образовывал вершину или точку соединения двух сходящихся стен - одной, огибающей северный утес, другой - южный утес Эпиполя.^[971] Задуманный Гамилькаром сюрприз - трудный в высшей степени, если вообще осуществимый - кажется, был проведен неумело. Его пытались осуществить с растерянной толпой, неспособной к устойчивому порядку, необходимому для ночных передвижений. Его войска, потеряв дорогу в темноте, разбрелись и даже принимали друг друга за врагов, а сиракузские стражники из Эвриала, встревоженные шумом, энергично атаковали их и обратили в бегство. Их потери при попытке бегства по крутому склону были огромны, а сам Гамилькар, предприняв мужественные попытки собрать их, попал в плен к сиракузянам. В глазах благочестивого грека этот инцидент был особенно интересен тем, что служил иллюстрацией и подтверждением истинности пророчества. Гамилькар получил от пророка заверение, что этой ночью он будет обедать в Сиракузах, и это заверение отчасти подтолкнуло его к нападению, поскольку он, естественно, рассчитывал войти в город как завоеватель.^[972] Он действительно принял вечернюю трапезу в Сиракузах, буквально исполнив предсказание. Сразу же после нее он был передан родственникам убитого, которые сначала провели его по городу в цепях, затем подвергли жесточайшим пыткам и, наконец, убили. Ему отрубили голову и отправили в Африку^[973].

Потери и унижения, понесенные при этом отпоре, а также смерть Гамилькара и возникшие разногласия между изгнанниками под командованием Дейнократа и карфагенскими солдатами окончательно разбили осаждающую армию. В то же время агригентинцы, пользуясь подавленностью карфагенян и изгнанников, выступили вперед, объявив себя поборниками автономного городского самоуправления по всей Сицилии под собственным председательством, против карфагенян с одной стороны и деспота Агатокла с другой. Они выбрали своим полководцем гражданина по имени Ксенодокус, который энергично взялся за изгнание отовсюду наемных гарнизонов, державших города в подчинении. Он начал с Гелы, города, непосредственно примыкавшего к Агригентуму, нашел среди горожан людей, готовых ему помочь, и вместе с ними разгромил агатоклийский гарнизон. Освобожденные таким образом гелоны горячо поддержали его усилия по распространению подобных благ на других. Народное знамя, провозглашенное Агригентом, оказалось столь желанным, что многие города с готовностью обратились к нему за помощью, чтобы сбросить иго солдат в своих цитаделях и вернуть себе свободное правление.^[974] Энна, Эрбесс, Эчетла,^[975] Леонтины и Камарина были освобождены от власти Агатокла; другие города также освободились от власти карфагенян и присоединились к Агригентинской конфедерации. Агатоклово правительство в Сиракузах было недостаточно сильным, чтобы противостоять таким энергичным проявлениям. Сиракузы по-прежнему оставались заблокированными карфагенским флотом, хотя блокада была менее эффективной, а поставки теперь осуществлялись более обильно, чем раньше^[976].

Таким образом, господство Агатокла на Сицилии пошло на убыль, но в Африке он стал могущественнее, чем когда-либо, не без опасностей, которые периодически ставили его на грань гибели. Получив из Сиракуз голову пленного Гамилькара, он подъехал к лагерю карфагенян и торжественно выставил ее перед ними; они почтительно распростерлись перед ней, но зрелище было для них поразительным и скорбным.^[977] Однако, пока они пребывали в унынии, странная случайность была на грани того, чтобы передать врага в их руки. В лагере Агафокла в Тунесе вспыхнул жестокий мятеж, вызванный пьяной ссорой между его сыном Архагатом и офицером-этолийцем по имени Ликиск, который закончился убийством последнего первым. Товарищи Ликиска с яростью поднялись на ноги, чтобы отомстить за него, и потребовали голову Архагата. Они нашли сочувствие у всей армии,

которая воспользовалась случаем, чтобы потребовать свою задолженность по жалованью, выбрала новых генералов и заняла Тунес с его оборонительными сооружениями. Карфагеняне, узнав об этом восстании, немедленно отправили посланников для переговоров с мятежниками, предложив им большие подарки и двойное жалованье на службе Карфагену. Поначалу их предложение было встречено столь благосклонно, что посланцы вернулись с уверенными надеждами на успех; тогда Агатокл, как последнее средство, облачился в убогую одежду и бросился на милость солдат. Он обратился к ним с патетическим призывом, умоляя не покидать его, и даже достал свой меч, чтобы убить себя у них на глазах. С таким искусством он разыграл эту сцену, что чувства солдат претерпели внезапный и полный переворот. Они не только примирились с ним, но даже восторженно приветствовали его, призывая вернуться к генеральской форме одежды и функциям и обещая беспрекословное повиновение в будущем.^[978] Агатокл с радостью подчинился призыву и, воспользовавшись их новым пылом, немедленно напал на карфагенян, которые, не ожидая ничего другого, были разбиты с большими потерями.^[979]

Несмотря на это, карфагеняне вскоре отправили значительные силы в глубь страны, чтобы вновь завоевать или вернуть себе недовольные нумидийские племена. Это предприятие увенчалось успехом, но нумидийцы в большинстве своем оказались неверными и равнодушными к обеим воюющим сторонам, стремясь лишь обратить войну в свою пользу. Агатокл, оставив своего сына командовать в Тунесе, с большей частью своей армии последовал за карфагенянами в глубь страны. Карфагенские генералы были осторожны и держали сильные позиции. Тем не менее Агатокл почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы напасть на них в их лагере; после больших усилий, с тяжелыми потерями со своей стороны, он одержал нерешительную победу. Однако это преимущество было сведено на нет тем, что во время боя нумидийцы напали на его лагерь, перебили всех защитников и унесли почти всех рабов и багаж. Карфагеняне понесли тяжелейшие потери среди греческих солдат, находившихся на их жалованье; большинство из них были изгнаны Клиноном, а некоторые - сиракузцами. Эти люди вели себя очень галантно, и почти все они были убиты Агатоклом либо во время битвы, либо после нее^[980].

Однако теперь этому смелому захватчику стало ясно, что сила сопротивления, которой обладал Карфаген, была выше его сил, что, хотя он и унизил и обеднил его на время, он не сможет довести войну до триумфального конца; поскольку сам город, занимающий перешеек полуострова от моря до моря и окруженный сильнейшими укреплениями, не мог быть осажден иначе, как средствами, намного превосходящими его.^[981] Мы уже видели, что, хотя он одерживал победы и захватывал богатую добычу, он не мог обеспечить даже регулярное жалованье своим солдатам, верность которых, следовательно, была ненадежной. Он также не мог ожидать подкреплений из Сицилии, где его силы в целом уменьшались, хотя сами Сиракузы находились в меньшей опасности, чем раньше. Поэтому он решил обратиться за помощью к Офеллаху в Кирене и отправил туда Ортона в качестве посланника^[982].

Кирене и тому, что впоследствии было названо ее Пентаполисом (то есть пяти соседним греческим городам - Кирене, ее порту Аполлонии, Барке, Теухейре и Гесперидам), уже была посвящена предыдущая глава этой истории.^[983] К сожалению, сведения о них за столетие и более до Александра Македонского почти полностью отсутствуют. Обосновавшись среди ливийского населения, многие из которых жили с греками как соотечественники, эти киренейцы переняли многие ливийские привычки в войне, мире и религии; одним из примеров этого была их прекрасная порода лошадей, используемая как для праздничных состязаний на колесницах, так и в бою. Ливийские племена, полезные как соседи, слуги и

клиенты,[984] часто доставляли неприятности и как враги. В 413 году до н. э. мы случайно узнаем, что Геспериды были осаждены ливийскими племенами и спасены некоторыми пелопоннесскими гоплитами, направлявшимися в Сиракузы во время афинской осады.[985] Около 401 года до н. э. (вскоре после окончания Пелопоннесской войны) тот же город снова был так сильно потеснен теми же врагами, что она открыла свое гражданство для любого нового грека, который поможет им в отражении нападения. Это приглашение приняли несколько мессенцев, только что изгнанных из Пелопоннеса и проскрибированных спартанцами; они отправились в Африку, но, ввязавшись в кишечную войну с жителями Кирена, большая часть из них погибла.[986] Кроме этих скудных заметок, мы ничего не слышим о греко-ливийском Пентаполисе в связи с греческими делами до времени Александра. По-видимому, торговля с туземными африканскими племенами между заливами, называемыми Большим и Малым Сиртис, была разделена между Киреной (то есть Киренийской Пентаполией) и Карфагеном - на границе, называемой Алтари Филеи, облагоустроенной памятной легендой; непосредственно к востоку от этих Алтарей находилась Автомала, самая западная фактория Кирены.[987] Мы не можем сомневаться, что торговые и иные отношения между Киреной и Карфагеном, двумя великими империями на побережье Африки, были постоянными и часто прибыльными, хотя и не всегда дружественными.

В 331 году до н. э., когда победоносный Александр захватил Египет, жители Кирена послали к нему с подарками и покорностью и были зачислены в число его подданных.[988] Мы больше ничего не слышим о них до последнего года жизни Александра (324 - 323 гг. до н. э.). Примерно в это время изгнанники из Кирены и Барки, вероятно, достаточно ободренные рескриптом Александра (провозглашенным на Олимпийском празднике 324 года до н. э. и предписывающим немедленно отозвать всех греческих изгнанников, кроме виновных в святотатстве), решили добиться своего возвращения силой. Для этого они пригласили из Креты офицера по имени Фимброн, который, убив Гарпала после его бегства из Афин (об этом рассказывалось в [предыдущей главе](#)), расположился в Крете с сокровищами, кораблями и 6000 наемников, привезенных из Азии этим сатрапом.[989] Фимброн охотно переправил свое войско им на помощь, намереваясь завоевать для себя княжество в Ливии. Он высадился у Киренаиды, разбил киренейцев с большой резней и стал хозяином Аполлонии, укрепленного порта этого города, удаленного от него почти на десять миль. На его сторону встали города Барка и Геспериды, так что он был достаточно силен, чтобы принудить киренейцев к невыгодному договору. Они согласились заплатить 500 талантов, отдать ему половину своих боевых колесниц для его дальнейших проектов и оставить ему во владение Аполлонию. Пока он грабил купцов в гавани, он объявил о своем намерении подчинить себе независимые ливийские племена и, возможно, распространить свои завоевания на Карфаген.[990] Однако его планы были сорваны одним из его собственных офицеров, критянином по имени Мнаsikлес; он дезертировал к киренцам и побудил их отменить недавнюю конвенцию. Захватив тех граждан Кирены, которые оказались в Аполлонии, Фимброн напал на саму Кирену, но был отбит; тогда киренейцы отважились вторгнуться на территорию Барки и Гесперид. Чтобы помочь им, Фимброн перенес свои штаб-квартиры из Аполлонии; но во время его отсутствия Мнаsikл сумел захватить этот ценный порт, и таким образом сразу овладел его операционной базой, станцией для его флота и всем багажом его солдат. Флот Тимброна не мог долго существовать без гавани. Моряки, высаживавшиеся то тут, то там за провизией и водой, были перебиты туземцами-ливийцами, а суда рассеяны бурями[991].

Киренаики, полные надежд, встретились в поле с Фимброном и победили его. Однако, хотя он и был доведен до отчаяния, ему удалось овладеть Теухейрой; в этот порт он призвал в

качестве вспомогательного войска 2500 свежих воинов из свободных отрядов наемников, рассеянных у мыса Тенара в Пелопоннесе. Это подкрепление вновь привело его в боевую готовность. Киренаики со своей стороны также сочли необходимым получить помощь, частично от соседних ливийцев, частично из Карфагена. Они собрали отряд численностью 30 000 человек, с которым и вышли на поле боя. Но в этот раз они были полностью разбиты, потеряв всех своих генералов и большую часть армии. Теперь Тимброн был в полном восторге от успеха; он так настойчиво давил на Кирену и гавань, что начался голод, а среди горожан вспыхнули волнения. Олигархи, изгнанные более популярной партией, искали убежища, одни в лагере Фимброна, другие при дворе Птолемея в Египте[992].

Я уже упоминал, что при разделе после смерти Александра Египет был передан Птолемею. С нетерпением ожидая возможности присоединить к себе столь ценное владение, как Киренейский Пентаполис, этот вождь отправил под командованием Офеллаха достаточные силы, чтобы свергнуть Фимброна и восстановить изгнанников. Его успех был полным. Все города Пентаполиса были разрушены, а Фимброн, избитый и преследуемый как беглец, был схвачен в бегстве некоторыми ливийцами и доставлен в плен в Теухейру, жители которой (с разрешения олинфянина Эпикида, наместника Птолемея) сначала пытали его, а затем отвезли в Аполлонию, чтобы повесить. Последний визит самого Птолемея упорядочил дела Пентаполиса, который был присоединен к его владениям и передан под управление Офеллы[993].

Таким образом, богатая и процветающая Кирена, интересная часть некогда автономного эллинского мира, перешла, как и все остальные, под власть одного из македонских диадохов. В качестве доказательства и гарантии этого нового суверенитета мы находим возведенную в стенах города сильную и полностью обособленную цитадель, занятую македонским или египетским гарнизоном (как Мунихия в Афинах) и являвшуюся опорным пунктом наместника. Через десять лет после этого (312 г. до н. э.) киренейцы предприняли попытку освободиться и осадили эту цитадель, но, будучи вновь отброшены армией и флотом, которые Птолемей отправил под командованием Агиса из Египта,[994] Кирена снова перешла под наместничество Офеллы[995].

К этому наместнику Агатокл теперь отправил посланников, прося его помощи против Карфагена. Офеллас был офицером солидным и опытным. Он служил при Александре и женился на афинянке Эвтидике, потомке победителя Марафона Мила Тиады, принадлежавшей к афинской семье, которая до сих пор пользуется большим уважением. Приглашая Офеллаха совместно заняться завоеванием Карфагена, посланники предложили, чтобы он сам удерживал его после завоевания. Агатокл (по их словам) хотел лишь свергнуть карфагенское владычество на Сицилии, прекрасно понимая, что не сможет удержать этот остров вместе с африканским владычеством. Для Офеллаха[996] такое приглашение оказалось чрезвычайно соблазнительным. Он уже был нацелен на расширение своих владений на западе и отправил исследовательскую морскую экспедицию вдоль северного побережья Африки, даже на некоторое расстояние вокруг и за Гибралтарский пролив.[997] Кроме того, для всех военных авантюристов, как на море, так и на суше, этот сезон был безгранично перспективным. Перед ними была не только грандиозная карьера самого Александра, но и успешные посягательства великих офицеров - его преемников. При втором распределении Александрийской империи, произведенном в Трипарадисе, Антипатр передал Птолемею не только Египет и Ливию, но и неопределенное количество территории к западу от Ливии, которая должна была быть впоследствии приобретена;[998] завоевание которой, как известно, входило в число проектов Александра, если бы он прожил дольше. К этому завоеванию Офеллах был теперь специально призван, либо как наместник, либо как

независимый равный Птолемею, по приглашению Агатокла. Научившись на службе у Александра не бояться дальних походов, он с готовностью принял предложение. Он предпринял самую масштабную экспедицию из Киренаиды. Через родственников жены он получил возможность обнародовать свои проекты в Афинах, где, как и в других частях Греции, они нашли большой отклик. В это время кассандрийские олигархии были главенствующими не только в Афинах, но и во всей Греции. В условиях царящей деградации и страданий было много поводов для недовольства, и не было никакой свободы для его выражения; поэтому многие люди были склонны либо принять службу в армии Офеллаха, либо записаться в иностранную колонию под его покровительством. Отправиться под военную защиту этого могущественного вождя, колонизировать могущественный Карфаген, который, как предполагалось, был уже ослаблен победами Агатокла, присвоить богатство, плодородные земли и морское положение его граждан - это был приз, хорошо рассчитанный на то, чтобы соблазнить людей, недовольных своим домом и не очень хорошо осведомленных о предстоящих трудностях[999].

Под влиянием этих надежд многие греческие колонисты присоединились к Офеллаху в Кирене, некоторые даже с женами и детьми. Их общее число составляет 10 000 человек. Офеллас вывел их во главе хорошо подготовленной армии, состоявшей из 10 000 пехоты, 600 конников и 100 боевых колесниц; на каждой колеснице находились водитель и два бойца. С этой разношерстной армией солдат и колонистов он за восемнадцать дней достиг Автомале - самой западной фактории Кирена. [1000] Оттуда он двинулся на запад вдоль берега между двумя Сиртами, во многих местах представлявшего собой песчаную, бездорожную пустыню, без леса и почти без воды (за исключением отдельных плодородных мест), и кишашую многочисленными и ядовитыми змеями. Однажды, когда все запасы провизии были исчерпаны, он прошел через территорию туземцев, называемую Лотофаги, недалеко от меньшего Сиртиса, где войску нечего было есть, кроме плодов лотоса, которыми там изобиловали. [1001] Офеллах не встретил врагов, но страдания всех видов, перенесенные его солдатами - и, конечно же, менее выносливыми колонистами и их семьями - были самыми ужасными. После страданий, продолжавшихся более двух месяцев, он присоединился к Агатоклу на карфагенской территории; с каким уменьшением численности, мы не знаем, но его потери должны были быть значительными[1002].

Офеллах мало знал человека, чье приглашение и союз он принял. Агатокл поначалу принял его с самыми теплыми заверениями в привязанности, радушно встретив новоприбывших и предоставив им все средства, чтобы подкрепиться и восстановить силы после перенесенных страданий. Завоевав таким образом всеобщее доверие и благосклонность, он приступил к использованию их в своих целях. Внезапно собрав самых преданных из своих солдат, он осудил Офеллаха как виновного в заговоре против его жизни. Они слушали его с тем же чувством доверчивой ярости, какое проявили македонские солдаты, когда Александр обличал перед ними Филоту. Тогда Агатокл сразу же призвал их к оружию, напал на Офелласа врасплох и расправился с ним вместе с его ближайшими защитниками. Среди солдат Офеллы этот поступок вызвал не только удивление, но и ужас и негодование; однако Агатоклу удалось договориться с ними, частично с помощью обманных предлогов, частично с помощью запугивания: ведь у этой несчастной армии, оставшейся без командира с твердой целью, не было другого выхода, кроме как поступить к нему на службу. [1003] Так он оказался (подобно Антипатру после смерти Леонната) хозяином двойной армии и избавлен от неприятного соперника. Колонисты Офеллы - еще более неудачные, поскольку они не могли быть полезны Агатоклу - были помещены им на борт торговых судов, которые он отправлял в Сиракузы с добычей. В штормовую погоду многие из этих судов затонули в море, некоторые потерпели крушение у берегов Италии, а некоторые добрались только до

Сиракуз.[1004] Так погибла киренейская экспедиция Офеллаха, один из самых грандиозных и мощных планов совместного завоевания и колонизации, когда-либо исходивших от греческого города.

Она бы не удалась Агатоклу, если бы карфагеняне были под рукой и готовы напасть на него в смятении, последовавшем за смертью Офеллаха. Еще хуже было бы для Карфагена, если бы Агатокл оказался в состоянии напасть на него во время страшной смуты, которую почти в то же время возбудил в его стенах полководец Бомилькар.[1005] Этот предатель (как уже говорилось) давно лелеял мысль стать деспотом и выжидал благоприятного случая. Умышленно проиграв первую битву - вместе со своим храбрым коллегой Ганноном против Агафокла, - он продолжал войну, руководствуясь собственным проектом (что отчасти объясняет постоянные поражения карфагенян); теперь он решил, что настало время открыто поднять свой штандарт. Воспользовавшись военным сбором в квартале города под названием Неаполис, он сначала распустил всех солдат, оставив при себе лишь надежный отряд из 500 граждан и 4000 наемников. Во главе их он обрушился на ничего не подозревающий город: разделил их на пять отрядов и без разбора вырезал безоружных граждан как на улицах, так и на большой рыночной площади. Поначалу карфагеняне были ошеломлены и парализованы. Однако постепенно они набрались храбрости, встали на защиту от нападавших, сражались с ними на улицах и осыпали их ракетами с крыш домов. После продолжительного конфликта партизаны Бомилькара оказались в тяжелейшем положении и с радостью прибегли к посредничеству некоторых старших граждан. Они сложили оружие под обещание помилования. Обещание было честно выполнено победителями, за исключением самого Бомилькара, которого повесили на рыночной площади, предварительно подвергнув жестоким пыткам[1006].

Хотя карфагеняне таким образом избежали крайней опасности, последствия столь грозного заговора на некоторое время ослабили их против внешнего врага; с другой стороны, Агатокл, усиленный войском из Киренаиды, был силен как никогда. Он так воодушевился, что принял титул царя,[1007] следуя в этом примеру великих македонских офицеров, Антигона, Птолемея, Селевка, Лисимаха и Кассандра; память об Александре теперь была предана забвению, поскольку его наследники уже были преданы смерти. Агатокл, уже овладевший почти всеми зависимыми городами к востоку и юго-востоку от Карфагена, направил свои войска на северо-запад от города. Он напал на Утику - второй по значению город после Карфагена, более древний, чем сам Карфаген, расположенный на западном или противоположном берегу Карфагенского залива и видимый из Карфагена, хотя и удаленный от него на двадцать семь миль вокруг залива по суше.[1008] Утийцы до сих пор оставались верны Карфагену, несмотря на его поражения и отступничество в других местах.[1009] Агатокл ворвался на их территорию с такой неожиданной быстротой (до этого он находился на юго-востоке от Карфагена, а теперь внезапно переместился на северо-запад от него), что захватил триста ведущих граждан, которые еще не приняли меры предосторожности и не удалились в город. Тщетно пытаясь склонить ютиканцев к сдаче, он штурмовал их стены, прикрепив перед своими таранными двигателями триста ютиканских пленников; так что горожане, бросая защитные снаряды, были вынуждены причинять смерть своим собственным товарищам и родственникам. Тем не менее они стойко сопротивлялись нападению, но Агатокл нашел способ пробить вход через слабую часть стен и таким образом стал хозяином города. Он устроил в нем беспорядочную резню, истребляя жителей, вооруженных и безоружных, и вешая пленных. Далее он захватил город Гиппу-Акра, расположенный в тридцати милях к северо-западу от Утики, который также остался верен Карфагену и который после мужественной обороны подвергся такому же безжалостному обращению.[1010] Карфагеняне, похоже, еще не оправившиеся от недавнего потрясения, не

стали вмешиваться, даже чтобы спасти эти два важных места; так что Агатокл, прочно укрепившись в Тунесе как центре операций, распространил свое африканское владычество шире, чем когда-либо, вокруг Карфагена, как на побережье, так и внутри страны; при этом он прервал поставки в сам Карфаген и подверг его жителей большим лишениям. [Он даже занял и сильно укрепил место под названием Гиппагрета, расположенное между Утикой и Карфагеном; таким образом, он поставил свои посты на небольшом расстоянии к востоку и западу от его ворот^[1012].

В таком благополучном состоянии своих африканских дел он счел благоприятной возможность восстановить свое ослабленное господство на Сицилии; на этот остров он и переправился с 2000 человек, оставив командование в Африке своему сыну Архагату. Этот молодой человек поначалу был успешен и, казалось, даже собирался приумножить завоевания своего отца. Его полководец Эвмах занял обширную часть внутренней Нумидии, захватив Токæ, Феллине, Мешель, Акрис и еще один город с тем же названием Гиппу-Акра, обогатив своих солдат значительной добычей. Но во время второй экспедиции, пытаясь пронести свое оружие еще дальше в глубь страны, он потерпел поражение при нападении на город под названием Мильтине и был вынужден отступить. Мы читаем, что он прошел через одну горную область, изобилующую дикими кошками, и другую, в которой было огромное количество обезьян, которые жили в домах с людьми самым прирученным и привычным образом - их очень ласкали и даже поклонялись им как богам^[1013].

Однако теперь карфагеняне вновь обрели внутреннюю гармонию и силу действий. Их сенат и полководцы были полны решимости, как в энергичных, так и в предусмотрительных комбинациях, против общего врага. Они выслали 30 000 человек, больше, чем было до сих пор в поле; сформировали три отдельных лагеря под командованием Ганно, Имилкона и Адербала, частично во внутренних районах, частично на побережье. Архагат, оставив в Тунесе достаточную охрану, выступил навстречу им, распределив свое войско также на три части: две под командованием себя и Эсхириона, а также корпус под командованием Евмаха в горной местности. Однако его постигла неудача. Ханно, решив застать врасплох дивизию Эсхириона, одержал полную победу, в которой сам Эсхирион с более чем 4000 человек был убит. Имилкон был еще более удачлив в операциях против Евмаха, которого он заманил в ловушку, имитируя бегство в засаду, и атаковал с таким преимуществом, что греческая армия была разбита и отрезана от всякого отступления. Остатки их некоторое время оборонялись на соседнем холме, но, не имея воды, почти все вскоре погибли от жажды, усталости и меча завоевателя^[1014].

В результате таких неудач, уничтожив две трети агатоклийской армии, Архагат оказался в серьезной опасности. Он был вынужден сосредоточить свои силы в Тунесе, призвав почти все свои отряды из других мест. В то же время те ливийско-финикийские города и сельские ливийские племена, которые ранее присоединились к Агатоклу, теперь, когда его власть явно пошла на убыль, отделились от него и заключили мир с Карфагеном. Победоносные карфагенские генералы разбили укрепленные лагеря вокруг Тунеса, чтобы сдерживать походы Архагата, а своим флотом заблокировали его гавань. Провизии стало не хватать, и в греческой армии воцарилось уныние. Архагат передал эти неутешительные новости своему отцу в Сицилию с настоятельными просьбами прийти на помощь^[1015].

Карьера Агатокла в Сицилии с момента его отъезда из Африки была неоднозначной и в целом непродуктивной. Незадолго до его прибытия на остров^[1016] его генералы Лептинес и Демофил одержали важную победу над агригентинскими войсками под командованием Ксенодокуса, который не смог удержаться на поле боя. Эта катастрофа стала фатальным разочарованием как для агригентинцев, так и для дела, которое они отстаивали как

свободное от чемпионов и автономное городское самоуправление с равной конфедерацией для самообороны под председательством Агригентума.[1017] Отдаленные города, конфедеративные с Агригентумом, остались без военной защиты и подверглись нападениям Лептинеса, оживленного и укрепленного недавним прибытием его господина Агатокла. Этот деспот высадился в Селинусе, покорил Ираклию, Термы и Кефалоидион на северном побережье Сицилии или вблизи него, а затем пересек внутреннюю часть острова и направился в Сиракузы. На марше он напал на Кенторипу, имея внутри несколько партизан, но был отбит с потерями. В Аполлонии[1018] его первая попытка также не увенчалась успехом, но, уязвленный, он возобновил штурм на следующий день и в конце концов с большими усилиями взял город. Чтобы отомстить за тяжелые потери, он перебил большую часть жителей и оставил город на разграбление[1019].

Отсюда он направился в Сиракузы, куда вернулся после более чем двухлетнего отсутствия в Африке. В течение всего этого времени сиракузская гавань находилась под наблюдением карфагенского флота, препятствуя ввозу провизии и вызывая частичный дефицит.[1020] Но на суше не было блокирующей армии, и владычество Агатокла, поддерживаемое его братом Антандером и его наемниками, ничуть не пошатнулось. Его прибытие вдохновило его партизан и солдат на новую отвагу, а ужас охватил большую часть Сицилии. Чтобы противостоять карфагенской эскадре, он попытался получить морскую помощь из тирренских портов в Италии;[1021] а на суше его силы теперь преобладали - благодаря недавнему поражению и сломленному духу агригентинцев. Но его перспективы были внезапно пресечены предприимчивым шагом его старого врага - сиракузского изгнанника Дейнократа; он заявил, что берет на себя ту великодушную политику, которую агригентинцы молчаливо оставили, объявив себя поборником автономного городского самоуправления и равной конфедерации на всей Сицилии. Дейнократ получил готовую поддержку от большинства городов, входящих в Агригентинскую конфедерацию - всех тех, кто был встревожен тем, что слабость или страхи их главенствующего города оставили их без защиты против Агатокла. Вскоре он стоял во главе мощной армии - 20 000 пеших и 1500 конных. Более того, значительная часть его армии была не гражданским ополчением, а опытными солдатами; по большей части изгнанниками, изгнанными из своих домов смутой и насилием агатоклийской эры.[1022] Для военных целей и он, и его солдаты были гораздо более выносливыми и эффективными, чем агригентинцы при Ксенодокусе. Он не только держал поле против Агатоклеса, но и несколько раз предлагал ему сражение, которое деспот не считал достаточно уверенным, чтобы принять. Агатоклу оставалось только удерживать Сиракузы, а сицилийские города в целом были надежно защищены от его нападений.

На фоне такого неблагоприятного течения дел в Сицилии Агатокл получил гонцов от своего сына, сообщавших о поражениях в Африке. Немедленно собравшись вновь посетить эту страну, он получил подкрепление из тирренских военных кораблей, что позволило ему преодолеть карфагенскую эскадру в устье сиракузской гавани. Таким образом, был обеспечен свободный проход в Африку, а также достаточные запасы импортной провизии для сиракузян.[1023] Хотя Агатокл все еще не мог сражаться с Дейнократом в полевых условиях, он был воодушевлен своей недавней морской победой и послал Лептинеса с войском, чтобы вторгнуться в Агригентину - ревностную соперницу, а не союзницу Дейнократа. Агригентинская армия под командованием полководца Ксенодокуса, которого Лептинес ранее разбил, состояла из гражданских ополченцев, собранных по этому случаю; а агатоклийские наемники, которых вел Лептинес, сделали оружие своей профессией и были привычны к боям и лишениям. 1024] Здесь, как и везде в Греции, мы видим гражданскую и патриотическую энергию, растоптанную профессиональными солдатами, и сведенную к тому, чтобы служить лишь послушным инструментом для административных деталей.

Ксенодокус, осознавая неполноценность своих агригентинских сил, не хотел рисковать в сражении. Доведенный до такого безрассудства насмешками своих солдат, он во второй раз потерпел поражение от Лептинов и так опасался гнева агригентинцев, что счел целесообразным удалиться в Гелу. После периода ликования, вызванного его недавними победами как на суше, так и на море, Агатокл отправился в Африку, где нашел своего сына с армией в Тунесе в большом унынии и лишениях, и почти мятежным из-за отсутствия жалования. Они по-прежнему состояли из 6000 греческих наемников, 6000 галлов, самнитов и тирренцев - 1500 конницы и не менее 6000 (если цифра верна) ливийских боевых колесниц. Кроме того, там было многочисленное войско ливийских союзников, верных временщиков, следивших за поворотом судьбы. Карфагеняне, заняв сильные лагеря в окрестностях Тунеса и обильно снабжаясь, терпеливо ожидали разрушительного воздействия лишений и страданий на своих врагов. Положение Агатокла было настолько отчаянным, что он был вынужден выйти вперед и сражаться. Тщетно пытаясь оттеснить карфагенян на равнину, он в конце концов атаковал их во всей мощи их укреплений. Но, несмотря на самые упорные попытки, его войска были отбиты с большой резней и отброшены в свой лагерь[1025].

Ночь, последовавшая за этим сражением, была сценой беспорядка и паники в обоих лагерях, даже в лагере победивших карфагенян. Последние, согласно предписаниям своей религии, желая возблагодарить богов за великую победу, принесли им в жертву самых красивых пленников.[1026] Во время этого процесса случайно загорелся шатер или скиния, посвященная богам, рядом с алтарем, а также палатка генерала. Палатки, состоявшие из простых деревянных столбов, соединенных навесом из сена или соломы, как с крыши, так и с боков, быстро распространились, и весь лагерь был сожжен вместе со многими солдатами, пытавшимися остановить пожар. Ужас, вызванный этой катастрофой, был настолько отвлекающим, что все карфагенское войско на время рассеялось, и Агатокл, будь он готов, мог бы уничтожить их. Но случилось так, что в тот же час его собственный лагерь был приведен в полное смятение другим происшествием, в результате чего его солдаты оказались неспособны к действию[1027].

Положение в Тунесе стало отчаянным. После недавнего поражения все его ливийские союзники выступили против него. Он не мог ни продолжать удерживать Тунес, ни переправлять свои войска в Сицилию, так как у него было мало судов, а карфагеняне были хозяевами на море. Не видя выхода, он решил тайно отправиться в путь со своим младшим сыном Ираклидом, бросив Архагата с войском на произвол судьбы. Но Архагат и другие офицеры, подозревая о его намерениях, были твердо намерены, чтобы человек, который привел их к гибели, не ускользнул и не предал их. Когда Агатокл собирался ночью подняться на борт, возмущенные солдаты увидели, что за ним следят, арестовали и держат в плену. Весь город превратился в сцену беспорядка и волнения, усугубленных слухами о том, что враг идет на них в поход. На фоне всеобщей тревоги стражники, приставленные к Агатоклу, считая его услуги необходимыми для обороны, вывели его с надетыми оковами. Когда солдаты увидели его в таком состоянии, их чувства к нему снова вернулись к жалости и восхищению, несмотря на его предполагаемое дезертирство; кроме того, они надеялись, что он поможет им противостоять надвигающемуся нападению. В один голос они призвали стражников снять с него цепи и освободить его. Агатокл снова оказался на свободе. Но, не заботясь ни о чем, кроме своей личной безопасности, он вскоре скрылся, незамеченным прыгнул в ялик с несколькими сопровождающими, но без одного из своих сыновей, - и ему посчастливилось, несмотря на штормовую ноябрьскую погоду, добраться до побережья Сицилии[1028].

Солдаты пришли в такую ярость, узнав, что Агатокл совершил дезертирство, что убили обоих его сыновей, Архагата и Ираклида. Оставалось только избрать новых генералов и заключить с Карфагеном наилучшие условия. Они по-прежнему представляли собой грозное тело, удерживая в своих руках различные другие города, кроме Тунеса; поэтому карфагеняне, избавившись от страха перед Агатоком, сочли благоразумным предоставить легкую капитуляцию. Было решено вернуть все города карфагенянам, заплатив 300 талантов; воины, решившие поступить на африканскую службу в Карфаген, должны быть приняты на полное жалование; те же, кто предпочтет вернуться в Сицилию, должны быть перевезены туда с разрешением жить в карфагенском городе Солус (или Солунтум). На этих условиях соглашение было заключено, и армия окончательно распалась. Некоторые греческие гарнизоны, расквартированные в отдаленных пунктах, посмевшие проявить несогласие и устоять, были осаждены и взяты карфагенским войском. Их командиры были распяты, а солдаты осуждены на сельские работы в качестве закованных в цепи рабов[1029].

Так плачевно закончилась экспедиция Агафокла в Африку после четырехлетнего перерыва с момента его высадки. В *"vana mirantes"*[1030], который следил за любопытными совпадениями (вероятно, Тимей), было отмечено, что его окончательное бегство с убийством двух сыновей произошло точно в тот же день года, когда он убил Офеллаха.[1031] Древние писатели с полным основанием превозносят смелый и поразительный замысел перенести войну в Африку в тот самый момент, когда он сам был осажден в Сиракузах превосходящими силами карфагенян. Но, признавая военные ресурсы, мастерство и энергию Агафокла, мы не должны забывать, что его успеху в Африке существенно способствовало изменническое поведение карфагенского полководца Бомилькара - случайное совпадение по времени. Не следует также забывать, что Агатокл упустил возможность обратить свой первый успех на пользу в тот момент, когда карфагеняне, вероятно, купили бы его эвакуацию из Африки большими уступками в Сицилии.[1032] Он неосмотрительно продолжал войну, хотя полное завоевание Карфагена было выше его сил - и хотя еще более выше были его силы для ведения эффективной войны одновременно и в течение длительного времени в Сицилии и в Африке. Африканские подданные Карфагена не были привязаны к ней, но и не были привязаны к нему, и в конечном счете не принесли ему никакой серьезной пользы. Агатокл - человек силы и мошенничества, искусный в использовании того и другого. Вся его жизнь - это череда удачных приключений и ударов смелой находчивости для выхода из затруднений; но в нем нет ни predetermined общего плана, ни размеренных амбиций, которым можно было бы подчинить эти отдельные подвиги.

После перехода из Африки Агатокл высадился в западном углу Сицилии у города Эгесты, который в то время был в союзе с ним. Он послал в Сиракузы за подкреплением. Но ему не хватало денег; он подозревал или делал вид, что подозревает эгестян в недовольстве; поэтому, получив новые силы, он использовал их для мятежной резни и грабежа в Эгесте. В городе, как сообщается, было 10 000 жителей. Из них Агатокл заставил убить большую часть бедняков; более богатых подверг жестоким пыткам, а их жен - пыткам и увечьям, чтобы заставить открыть скрытые богатства; детей обоих полов перевезли в Италию и там продали в рабство bruttiyцам. Когда первоначальное население было почти истреблено, Агатокл переименовал город в Дикеополис, назначив его местом жительства для тех дезертиров, которые могли присоединиться к нему.[1033] Это зверство, более подходящее для Африки[1034], чем для Греции (где калечение женщин почти неслыханно), было, вероятно, способом, которым его дикарская гордость получила своего рода ответное удовлетворение за недавнее бедствие и унижение в Африке. Под влиянием подобных чувств он совершил еще одно кровавое деяние в Сиракузах. Узнав, что солдаты, которых он бросил в Тунесе, после его отъезда предали смерти двух его сыновей, он отдал приказ Антандеру, своему

брату (наместнику Сиракуз), расправиться со всеми родственниками тех сиракузян, которые служили ему в африканской экспедиции. Этот приказ был выполнен Антандером (как нас уверяют) точно и в точности. Агатоклеанские палачи не щадили ни возраст, ни пол - ни внуков, ни младенцев, ни жен, ни матерей. Мы можем быть уверены, что их имущество было разграблено в то же самое время; мы не слышим ни о каких увечьях[1035].

Агатокл пытался удержать оставшиеся у него сицилийские города; но его жестокости и неудачи породили сильные настроения против него, и даже его полководец Пасифил поднял восстание, чтобы присоединиться к Дейнократу. Теперь этот изгнанник стоял во главе армии, насчитывавшей 20 000 человек, - самой грозной военной силы в Сицилии; поэтому Агатокл, чувствуя недостаточность собственных средств, послал просить мира и предлагать заманчивые условия. Он объявил, что готов полностью покинуть Сиракузы и довольствоваться двумя приморскими городами на северном побережье острова - Термой и Кефалоидионом - если они будут отданы его наемникам и ему самому. В соответствии с этим предложением Дейнократ и другие сиракузские изгнанники получили возможность войти в Сиракузы и восстановить свободный город-правительство. Если бы Дейнократ был еще одним Тимолеоном, город, возможно, обрел бы еще одно временное солнце автономии и процветания; но его амбиции были совершенно эгоистичны. Как командующий большой армией, он обладал такой властью и правами, которые вряд ли мог получить при восстановленном городском самоуправлении Сиракуз. Поэтому он уклонялся от предложений Агатокла, требуя еще больших уступок, пока в конце концов сиракузские изгнанники в его собственной армии (частично подстрекаемые эмиссарами самого Агатокла) не начали подозревать его корыстные проекты и колебаться в своей верности ему. Тем временем Агатокл, отвергнутый Дейнократом, обратился к карфагенянам и заключил с ними договор, восстановив или гарантировав им все владения, которыми они когда-либо пользовались в Сицилии. В обмен на эту уступку он получил от них денежную сумму и большой запас кукурузы[1036].

Освободившись от враждебности карфагенян, Агатокл вскоре решился выступить в поход против армии Дейнократа. Последний действительно значительно превосходил его в силе, но многие из его солдат были теперь вялыми или недовольными, и Агатокл установил среди них связи, на которые мог положиться. Во время большой битвы под Торгиумом многие из них перешли на сторону Агатокла, обеспечив ему полную победу. Армия Дейнократа была полностью рассеяна. Вскоре после этого значительная их часть (4000 или 7000 человек, по разным данным) сдалась победителю на условиях. Как только они сдали оружие, Агатокл, несмотря на свой договор, окружил их своей армией и расправился с ними[1037].

Похоже, что недавняя победа была результатом тайного и вероломного договора между Агатоклесом и Дейнократом, а пленные, убитые Агатоклесом, были теми, от кого Дейнократ хотел избавиться как от недовольных; ведь сразу после битвы между ними произошло примирение. Агатокл признал другого как своего рода партнера в своей деспотии, а Дейнократ не только привлек к сотрудничеству все военные средства и сильные посты, которые он приобретал два года, но и предал Агатоклу восставшего полководца Пасифила с занятым им городом Гела. Примечательно, что Агатокл, обычно беспринципный и бессовестный как по отношению к друзьям, так и к врагам, до конца жизни сохранил с Дейнократом наилучшее взаимопонимание и доверие[1038].

Теперь деспот вновь обрел полную власть в Сиракузах, а также огромные владения в Сицилии. Остаток его беспокойного существования был потрачен на враждебные или грабительские операции против более северных врагов - Липарских островов[1039], италийских городов и бруттийцев - острова Коркира. Мы не можем проследить его действия в

деталей. Ему угрожало грозное нападение[1040] со стороны спартанского князя Клеонима, которого тарентинцы пригласили на помощь против луканцев и римлян. Но Клеоним нашел достаточно причин, чтобы занять его в другом месте, не посещая Сицилию. Он собрал значительные силы на побережье Италии, предпринял успешные операции против луканцев и даже захватил город Фурии. Но римляне, продвинувшиеся теперь до Тарентинского залива, оттеснили его и вернули город; к тому же его собственное поведение было настолько тираническим и расточительным, что вызвало к нему всеобщую ненависть. Вернувшись из Италии в Коркиру, Клеоним стал хозяином этого важного острова, намереваясь использовать его в качестве базы для операций как против Греции, так и против Италии.[1041] Однако он потерпел неудачу в различных экспедициях как в Тарентском заливе, так и в Адриатике. Деметрий Полиоркет и Кассандр пытались заключить с ним союз, но тщетно.[1042] В последующий период Коркира была осаждена Кассандром с большими морскими и военными силами; после этого Клеоним удалился (или, возможно, уже удалился) в Спарту. Кассандр, поставив остров в большие затруднения, уже собирался его взять, как вдруг на помощь ему пришел Агатокл с мощным вооружением. Этот деспот был занят операциями на побережье Италии против бруттиев, когда его попросили о помощи Коркире; он уничтожил большую часть македонского флота, а затем захватил остров себе.[1043] Вернувшись из этой победоносной экспедиции на побережье Италии, где он оставил отряд своих лигурийских и тосканских наемников, он был извещен, что эти наемники буйствовали во время его отсутствия, требуя причитающегося им жалования от его внука Архагата. Он приказал перебить их всех до 2000 человек[1044].

Насколько мы можем проследить события последних лет жизни Агафокла, мы видим, что он захватил города Кротон и Гиппонию в Италии, заключил союз с Деметрием Полиоркетом[1045] и отдал свою дочь Ланассу в жены молодому эпирскому царю Пирру. В возрасте семидесяти двух лет, все еще находясь в расцвете сил и энергии, он замыслил новую экспедицию против карфагенян в Африке с двумя сотнями самых больших военных кораблей, когда его карьера была прервана болезнью и внутренними врагами.

Он провозгласил будущим преемником своего владычества своего сына по имени Агатокл; но его внук Архагат (сын погибшего в Африке Архагата), молодой принц с более выдающимися качествами, уже был выбран для самого важного командования и сейчас находился во главе армии под Итной. Старый Агатокл, желая укрепить руки своего преемника, послал в Этну своего любимого сына Агатокла с письменным приказом, предписывающим Архагату уступить ему командование. Архагат, не желая подчиняться, пригласил своего дядю Агатокла на пир и убил его, после чего подстроил отравление своего деда - самого старого деспота. Орудием его замысла стал Мейнон, гражданин Эгесты, попавший в рабство в то время, когда Агатокл истребил большую часть населения Эгесты. Красота его лица обеспечила ему большую благосклонность Агатокла, но он никогда не получал и всегда жаждал отомстить за кровавое оскорбление своих сограждан. Чтобы осуществить эту цель, ему представилась возможность, а также обещание защиты через Архагата. Он отравил Агатокла, как нам рассказывают, с помощью лекарственного пера, врученного ему для чистки зубов после ужина.[1046] Если объединить различные рассказы, то кажется вероятным, что Агатокл был в то время болен, что эта болезнь могла быть причиной того, что он так стремился укрепить положение своего предполагаемого преемника, и что его смерть была в равной степени следствием его болезни и яда. Архагат, убив своего дядю, похоже, с помощью своей армии стал настоящим хозяином Сиракузской державы; в то время как старый деспот, беззащитный на больничном ложе, не мог сделать ничего другого, как обеспечить безопасность своей жены-египтянки Феоксены и двух маленьких детей, отправив их на корабле со всеми своими богатыми движимыми

сокровищами в Александрию. Достигнув этой цели, он скончался в условиях крайней скорби окружающих[1047].

В характере Агафокла хорошо заметны крупные черты. Он был из рода Гелона и старшего Дионисия - солдат удачи, поднявшийся с самых низких позиций на вершину политической власти, и в приобретении и поддержании этой власти проявил энергию, настойчивость и военную смекалку, не превзойденные никем, даже из генералов, сформированных в школе Александра. Он был адептом того искусства, к которому стремились все честолюбцы его эпохи, - управлять наемными солдатами для уничтожения политической свободы и безопасности внутри страны и для хищнического обогащения за рубежом. Я уже обращал внимание на мнение Сципиона Африканского о том, что старшие Дионисий и Агатокл были самыми смелыми, проницательными и способными людьми в его понимании.[1048] Кроме этого предприимчивого гения, использованного на службе безмерного личного честолюбия, мы ничего не знаем об Агатокле, кроме его кровожадных, неверных и гнусных наклонностей; в этих качествах он также стоит выше всех своих известных современников и почти всех предшественников.[1049] Несмотря на его часто доказанное вероломство, он, кажется, обладал веселостью и кажущейся простотой манер (то же самое рассказывают о Сезаре Борджиа), которые забавляли людей и выбивали их из колеи, постоянно заманивая в свою ловушку.[1050]

Агатокл, однако, хотя и принадлежал к числу худших греков, все же был греком. Во время его тридцатидвухлетнего правления ход событий в Сицилии развивался под эллинским руководством, без преимущественного вмешательства какой-либо иностранной державы. Власть Агафокла, правда, опиралась в основном на иностранных наемников, но так же, как и власть Дионисия и Гелона до него; и он, как и они, поддерживал энергичный старый конфликт против карфагенской власти на острове. Таким образом, греческая история на Сицилии продолжается вплоть до смерти Агафокла, но не более. После его смерти эллинская власть и интересы становятся неспособными к самообеспечению и опускаются на второстепенное и подчиненное положение, оттесняемые или оспариваемые чужеземцами. Сиракузы и другие города переходили от одного деспота к другому, их раздирали раздоры, вызванные толпами иностранных наемников, которые закрепились среди них. В то же время карфагеняне прилагали все больше усилий, чтобы продвинуть свои завоевания на острове, не встречая достаточного внутреннего сопротивления; так что они взяли бы Сиракузы и сделали Сицилию своей, если бы Пирр, царь Эпира (зять Агафокла), не вмешался, чтобы остановить их продвижение. С этого времени сицилийские греки становятся предметом борьбы - сначала между карфагенянами и Пирром, затем между карфагенянами и римлянами[1051] - пока в конце концов не превращаются в подданных Рима; кукурузоводов для римского плебса, клиентов под патронажем римского Марцелла, жертв жадности Верреса и сторонников опекающего красноречия Цицерона. Историк самодержавной Эллады теряет их из виду после смерти Агафокла.

ГЛАВА ХСVIII. ОТДАЛЕННЫЕ ЭЛЛИНСКИЕ ГОРОДА.

1 В ГАЛЛИИ И ИСПАНИИ.

2 НА ПОБЕРЕЖЬЕ ЭВКСИНСКОГО МОРЯ.

Чтобы завершить картину эллинского мира, пока он еще находится в периоде полной жизни, свободы и самостоятельности, или даже во время его упадка в полужизнь зависимого состояния, мы должны сказать несколько слов о некоторых его членах, лежащих в стороне от общей истории, но имеющих немаловажное значение. Греки Массалии составляли его западное крыло; понтийские греки (те, что на берегах Эвксинского моря) - восточное; и те, и другие - крайние излучения эллинизма, где он всегда был воинственным против чужеродных элементов, а часто и искаженным ими. Это действительно немного, что мы можем сказать; но это немного не должно остаться недосказанным.

В третьем томе (гл. xxii. с. 397) я кратко рассказал об основании и первых делах Массалии (современного Марселя), расположенной на средиземноморском побережье Галлии или Лигурии. Этот ионический город, основанный предприимчивыми фокейцами из Малой Азии за некоторое время до того, как их собственное побережье было покорено персами, жил и развивался своей собственной жизнью, не зависящей от тех политических событий, которые определяли состояние его эллинских сестер в Азии, Пелопоннесе, Италии или Сицилии. Массалиоты поддерживали собственные торговые отношения, дружбу или вражду со своими варварскими соседями - лигурийцами, галлами и иберами, не вовлекаясь в более крупные политические конфедерации эллинского мира. Из своего города-матери они вынесли устоявшиеся привычки авантюрного прибрежного плавания и коммерческой деятельности. Их положение, удаленное от других греков и поддерживаемое силой, едва достаточной даже для обороны, налагало на них необходимость как политической гармонии дома, так и благоразумия и убедительности в отношениях с соседями. О том, что они были признаны равными этой необходимости, достаточно свидетельствуют те немногие общие сведения, которые передаются о них; хотя их история в деталях неизвестна. Их город был силен по своему положению, расположен на мысе, омываемом с трех сторон морем, хорошо укреплен и имел удобную гавань, надежно закрытую от врагов.^[1052] Однако область вокруг него, по-видимому, не была большой, и их население не распространялось в глубь страны. Земля вокруг была менее приспособлена для выращивания кукурузы, чем для виноградной лозы и оливок; вино массалиоты поставляли по всей Галлии.^[1053] Именно на кораблях они проявляли свою храбрость и мастерство; именно благодаря морским предприятиям они обрели власть, богатство и колониальную экспансию. В эпоху, когда пиратство было обычным делом, корабли и моряки Массалиота были эффективны в нападении и обороне не менее, чем в перевозках и торговом обмене, а их многочисленные морские успехи подтверждаются множеством трофеев, украшающих храмы.^[1054] В городе были доки и арсеналы, прекрасно снабженные провизией, магазинами, оружием и всеми необходимыми предметами морской войны.^{1055]} За исключением фенианцев и карфагенян, массалиоты были единственными предприимчивыми мореплавателями в Западном Средиземноморье, начиная с 500 года до н. э. и далее, после того как энергия ионических греков была подавлена внутренними владыками. Иберийские и галльские племена были в основном сухопутными, не занимали постоянных мест на побережье и не имели никакого морского призвания; но лигурийцы, хотя и были в основном горцами, досаждали соседям Массалии как своими морскими пиратствами, так и сухопутными грабежами.^[1056] Однако для всех этих земель, какими бы грабителями они ни были, визит торговца вскоре стал ощущаться как потребность, как для импорта, так и для экспорта; и для этой потребности массалиоты со своими колониями были единственными служителями вдоль Генуэзского и Лионского заливов, от Луны (граница Тосканы) до Дианиума (мыс делла Нао) в Испании.^{[Только в}

первом веке до христианской эры их опередили в этой карьере Нарбон и несколько других соседей, возведенных в ранг римских колоний.

Вдоль побережья по обе стороны от своего города массалиоты основали колонии, каждая из которых была отдана под покровительство и освящена статуей и особыми обрядами своей богини-покровительницы, эфесской Артемиды.[1058] На востоке находились Тауроентиум, Ольвия, Антиполис, Никейя и Портус Моньеки; на западе, на побережье Испании, - Рода, Эмпория, Алонка, Гемероскопия и Артемизиум или Дианиум. Эти колонии были основаны главным образом на отдаленных мысах или иногда островках, одновременно близких и безопасных; они предназначались скорее для укрытия и размещения морского транспорта, а также в качестве депо для торговли с внутренними районами, чем для распространения вглубь страны и включения многочисленного населения вокруг стен. Наиболее примечательными были обстоятельства Эмпории. Первоначально этот город был построен на маленьком необитаемом островке у побережья Иберии; через некоторое время он распространился на прилегающий материк, и коренные иберийцы были допущены к совместному проживанию в пределах созданной там новой цепи стен. Однако этот новый контур был разделен пополам промежуточной стеной, по одну сторону которой жили иберы, по другую - греки. Для сообщения между ними были разрешены одни ворота, которые днем и ночью охранялись назначенными магистратами, один из которых постоянно находился на месте. Каждую ночь треть греческих граждан несла караул на стенах или, по крайней мере, была готова к этому. Как долго эти строгие и утомительные меры предосторожности были необходимы, мы не знаем; но через некоторое время они были ослаблены, и промежуточная стена исчезла, так что греки и иберийцы свободно объединились в одну общину .[1059] Не часто нам позволяют так подробно увидеть ранние трудности и опасности греческой колонии. Сама Массалия была расположена почти в таких же условиях среди грубых лигурийских салийцев; мы слышим, как эти лигурийцы нанимались в качестве рабочих на поля массалиотских владельцев.[1060] Различные племена лигурийцев, галлов и иберов простирались вплоть до побережья, так что вдоль него не было ни безопасной дороги, ни какого-либо сообщения, кроме морского, вплоть до завоеваний римлян во втором и первом веке до христианской эры.[1061]

Правительство Массалии было олигархическим и осуществлялось главным образом сенатом или Большим советом из шестисот человек (называемых тимучи), избираемых пожизненно, и малым советом из пятнадцати человек, выбираемых среди этого большого органа для выполнения исполнительных обязанностей по очереди.[1062] Говорят, что общественные привычки администраторов были чрезвычайно бдительными и осмотрительными; частные привычки граждан - бережливыми и умеренными: законом был установлен максимальный размер приданого и брачных церемоний.[1063] Они были осторожны в отношениях с туземными племенами, с которыми, судя по всему, поддерживали в целом дружеские отношения. Историк Эфор (чья история завершилась около 340 г. до н. э.) представлял галлов как особенно филэллинов;[1064] такое впечатление он вряд ли мог получить от кого-либо, кроме информаторов-массалиотов. Массалиоты (которые в первом веке до Рождества Христова были *трехъязычными*, говорили на греческом, латыни и галльском[1065]) способствовали тому, что эти неграмотные люди приобрели определенную утонченность и разнообразие потребностей, и заложили основу того вкуса к письму, который впоследствии в значительной степени распространился по всей римской провинции Галлия. На море и в торговле их грозными соперниками были финикийцы и карфагеняне. Это было одной из причин, побудивших их временами вступать в союз и активно сотрудничать с Римом, под властью которого они получили благоприятное обращение, когда благословение свободы уже не было для них недоступно.

О Массалии известно достаточно, чтобы показать, что этот город был подлинным образцом эллинизма и эллинского влияния, действовавшего не силой или принуждением, а просто благодаря превосходящему интеллекту и активности, способности удовлетворять потребности, которые в противном случае остались бы неудовлетворенными, и ассимилирующему влиянию цивилизации с буквами на более грубых соседей. Это тем более следует отметить, что оно разительно контрастирует с македонским влиянием, которое занимает столь большую часть настоящего тома; сила, великолепно организованная и использованная Александром, все же не что иное, как сила. Утрата всех подробностей, касающихся истории Массалии, вызывает глубокое сожаление; и едва ли не меньшее сожаление вызывают труды Пифея, умного массалиота-мореплавателя, который в столь раннем возрасте (330-320 гг. до н. э.), [1066] с авантюрной смелостью, даже большей, чем фокейская, проплыл через Геракловы столбы и оттуда на север вдоль побережья Испании, Галлии, Британии, Германии - возможно, еще дальше. Вероятно, ни один грек, кроме Массалиота, не смог бы совершить такое путешествие; в его случае это заслуживает большего сочувствия, поскольку не было другой награды за трудности и опасности, кроме удовлетворения разумного любопытства. Кажется очевидным, что публикация его "Обзора Земли", с которым много советовался Эратосфен, хотя критика, дошедшая до нас через Полибия и Страбона, в основном останавливается на его ошибках, реальных или предполагаемых, стала эпохой в античном географическом знании.

От западного крыла эллинского мира мы переходим к восточному - Эвксинскому морю. О Пентаполисе на его западном побережье к югу от Дуная (Аполлония, Месембрия, Каллатис, Одессус и, вероятно, Истр) и о Тире близ устья так называемой реки (ныне Днестр) мы имеем мало сведений, хотя Истр и Аполлония были в числе городов, чьи политические конституции Аристотель счел достойными своего изучения. [Но Ираклия на южном побережье и Пантикапей или Боспор между Эвксинским и Мейотисским заливами (ныне Азовское море) не остались неизвестными истории; также нельзя обойти вниманием Синопе (на южном побережье) и Ольвию (на северо-западе). Хотя все эти города лежали в стороне от политического руководства Афин или Спарты, они были законными членами эллинского братства. Все они были зрителями и участниками панэллинских праздников, учениками риториков и философов, покупателями, а иногда и соперниками художников. Все они (как Массалия и Кирена) были частично загрязнены - Ольвия и Боспор в значительной степени - примесью неэллинского элемента.

О Синопе и трех зависимых от него колониях - Котиоре, Керасусе и Трапезусе - я уже кое-что говорил, [1068] описывая отступление Десяти тысяч греков. Как и Массалия с зависимыми от нее Антиполисом, Никейей и другими городами, Синопе пользовался не только практической независимостью, но и значительным процветанием и местным достоинством в то время, когда Ксенофонт и его спутники совершали поход через эти края. Граждане находились в равноправном и взаимовыгодном союзе с пафлагонским князем Кориласом, на границах территории которого они проживали. Вероятно, они фигурировали в списке дани персидского царя как часть Пафлагонии и платили ежегодную сумму; но на этом их подчинение заканчивалось. Их поведение по отношению к десяти тысячам греков, объявленных врагами персидского царя, было поведением независимого города. Ни им, ни даже внутренним пафлагонцам, воинственным и беспокойным, не досаждали персидские губернаторы или военные. [1069] Однако Александр причислил их к подданным Персии; примечательно, что посланцы из Синопа оставались с Дарием почти до последнего часа, после того как он стал побежденным беглецом и потерял свои армии, свои столицы и сокровища. Эти синопские посланники попали в руки Александра, который отпустил их на свободу, заметив, что поскольку они не были членами эллинской конфедерации, а

подданными Персии, то их присутствие в качестве посланников при Дарии весьма оправдано.^[1070] Положение Синопки делало ее вне зоны прямых военных действий, которые вели друг против друга преемники Александра; а древние каппадокийские князья из рода Митридов (якобы потомки персидских Achæ menidæ),^[1071] которые в конце концов превратились в понтийских царей, не стали достаточно могущественными, чтобы поглотить ее независимость, до правления Фарнака, во втором веке до Рождества Христова. Синопе перешла под его власть, сменив (как и другие) состояние свободного греческого города на состояние подданного варварских царей Понта, с цитаделью и наемным гарнизоном, чтобы держать своих граждан в повиновении. Однако мы ничего не знаем о промежуточных событиях.

Что касается понтийской Ираклии, то наше незнание не столь полно. Этот город, расположенный гораздо ближе, чем Синопе, к устью фракийского Боспора и удаленный от Византии по морю всего на один долгий день плавания на гребной лодке, был основан мегарянами и беотийцами на побережье Мариандины. Туземцы были покорены и переведены на крепостное право; таким образом, они стали рабами, но с оговоркой, что их никогда нельзя будет продать за пределы этой территории. По соседству, на западе, между Ираклией и Византией, жили вифинские фракийцы - жители не просто независимые, но воинственные и свирепые разрушители, которые жестоко обращались с любыми греками, оказавшимися на их побережье.^[1072] В общих чертах нам говорят, что правительство Ираклии было олигархическим;^[1073] возможно, оно находилось в руках потомков главных первоначальных колонистов, которые разделили между собой территорию с ее марианскими крепостными и составляли небольшое, но богатое меньшинство среди всего населения. Мы слышим о них как о сильных на море и способных содержать, благодаря своим многочисленным крепостным, значительный флот, с которым они вторглись на территорию Лейкона, князя Киммерийского Боспора.^[1074] Они также вели сухопутную войну с Митридатом, князем из древнеперсидского рода, установленного в качестве окружного правителя в Северной Каппадокии.^[1075]

К 380-370 гг. до н. э. Гераклеоты стали беспокоиться из-за жестоких партийных столкновений внутри города. Насколько мы можем судить по нескольким неясным намекам, эти разногласия начались среди самой олигархии;^[1076] некоторые из них выступили против тесной политической монополии и частично открыли ее, но не без борьбы, в ходе которой энергичный гражданин по имени Клеарх был изгнан. Вскоре, однако, борьба приняла более широкие масштабы; плебс добивался принятия конституции и, как говорят, даже требовал отмены долгов с переделом земель.^[1077] Демократическая конституция была установлена, но ей быстро стали угрожать заговоры богачей, для защиты от которых была изменена классификация граждан. Вместо трех племен и четырех веков все было заново распределено на шестьдесят четыре века; племена были упразднены. По-видимому, в первоначальные четыре века богатые люди были зачислены таким образом, чтобы сформировать отдельные военные подразделения (вероятно, их деревенские крепостные были вооружены вместе с ними), в то время как три племена содержали весь остальной народ; таким образом, эффект такого умножения веков заключался в том, чтобы лишить богатых людей их отдельного военного набора и распределить их по многим различным полкам вместе с большим числом бедных^[1078].

Однако требования народа не были полностью удовлетворены, и разногласия продолжались. Не только беднейшие горожане, но и крепостные, однородные, говорящие на одном языке и сочувствующие друг другу, как гелоты или Penestæ, будучи однажды взбудоражены надеждой на свободу, с трудом успокаивались. Правительство, несмотря на

значительную демократизацию, оказалось не в состоянии поддерживать спокойствие и обратилось за помощью извне. Сначала обратились к афинянину Тимофею, затем к фиванцу Эпаминондасу, но ни один из них не стал вмешиваться, да и не было никаких мотивов, чтобы склонить их к этому. Тогда обратились к изгнанному гражданину Клеарху.

Этот изгнанник, которому сейчас было около сорока лет, умный, дерзкий и беспринципный, провел четыре года в Афинах, частично слушая уроки Платона и Исократа, и с нескрываемым любопытством наблюдал за блестящей судьбой деспота Дионисия в Сиракузах, к которому оба эти философа проявляли интерес.^[1079] Во время своего изгнания он делал то, что было обычным делом для греческих изгнанников; он поступил на службу к врагу своего родного города, соседнему князю Митридату,^[1080] и, возможно, даже против самого города. Как офицер он сильно отличился; приобрел известность у князя и влияние на умы солдат. Поэтому его друзья и партия в Гераклее стремились отозвать его как модератора и защитника в условиях серьезных политических разногласий. Именно олигархическая партия предложила ему вернуться во главе войска, чтобы стать помощником в сдерживании плебса. Клеарх принял приглашение, но с полной целью сделать себя Дионисием Гераклеиским. Получив от Митридата мощный отряд наемников под тайное обещание держать город только в качестве своего префекта, он отправился туда с объявленной целью поддерживать порядок и отстаивать власть. Поскольку его наемные солдаты вскоре оказались беспокойными товарищами, он получил разрешение построить в городе отдельную крепость, чтобы держать их отдельно в более строгой дисциплине казармы.^[1081] Обеспечив таким образом сильную позицию, он пригласил Митридата в город, чтобы получить обещанное владение; но вместо того, чтобы выполнить это обязательство, он задержал принца в качестве пленника и отпустил его только после уплаты значительного выкупа. Затем он еще более грубо обманул олигархию, которая отзывала его; осудив их прошлые заблуждения, он объявил себя их смертельным врагом и стал поддерживать как притязания, так и антипатии плебса. Последние охотно поддерживали его в его мерах - даже в крайних мерах жестокости и грабежа - против своих политических врагов. Многие богачи были убиты, заключены в тюрьмы, обнищали и изгнаны; их рабы и крепостные тоже не только освобождались по приказу нового деспота, но и женились на женах и дочерях изгнанников. Эти принудительные браки вызывали самые трагические сцены; многие женщины даже покончили с собой, причем некоторые из них предварительно убили своих новых мужей. Часть изгнанников, доведенная до отчаяния, заручилась помощью извне и попыталась силой добиться возвращения в город; но они были полностью разбиты Клеархом, который после этой победы стал еще более жестоким и неумолимым, чем прежде^[1082].

Теперь он обладал неодолимой властью; он был деспотом всего города, как плебса, так и олигархии. Так продолжалось двенадцать лет, в течение которых он проявлял огромную воинственную энергию против внешних врагов, а также беспредельную жестокость по отношению к горожанам. Кроме того, он проявил непомерную дерзость в личном общении, приняв восточный костюм и украшения и провозгласив себя сыном Зевса, как это сделал после него Александр Македонский. Однако, несмотря на все эти беззакония, литературные вкусы не оставляли его; он собрал библиотеку, в то время очень редкое богатство.^[1083] Много заговоров пытались организовать страдающие граждане против этого тирана, но его бдительность пресекала и наказывала всех. В конце концов двое молодых людей, Хион и Леонид (они тоже были среди слушателей Платона), нашли возможность заколоть его на дионисийском празднике. Они вместе с теми, кто им помогал, были убиты его стражниками

после галантного сопротивления; сам же Клеарх умер от раны в пытках и душевных угрызениях совести[1084].

Его смерть, к сожалению, не принесла облегчения Гераклеотам. Два сына, которых он оставил, Тимофей и Дионисий, были несовершеннолетними; но его брат Сатир, управляя от их имени, схватил скипетр и продолжил деспотию, с жестокостью, не только не уменьшившейся, но даже усугубленной и обостренной прошлым убийством. Не уступая своему предшественнику в энергии и бдительности, Сатир отличался от него тем, что был совершенно груб и неграмотен. Кроме того, он строго следил за тем, чтобы сохранить корону для детей своего брата, как только они достигнут совершеннолетия. Чтобы обеспечить им беспрепятственное престолонаследие, он принял все меры предосторожности, чтобы не заводить собственных детей от жены.[1085] Проществовав семь лет, Сатир умер от затяжной и болезненной болезни.

Теперь управление Ираклием перешло к Тимофею, который демонстрировал контраст, в равной степени заметный и благотворный, со своим отцом и дядей. Отказавшись от жестокости и принуждения, он освобождал всех, кого находил в тюрьме. Он был строг в отправлении правосудия, но мягок и даже либерален во всех своих делах с гражданами. В то же время он был человеком отважным и смелым, вел успешные войны с внешними врагами и сделал свою власть уважаемой во всем мире. Со своим младшим братом Дионисием он поддерживал идеальную гармонию, относясь к нему как к равному и партнеру. Хотя он щедро пользовался своей властью по отношению к Гераклеотам, он все же оставался деспотом и сохранил характерные признаки деспотизма - сильную цитадель, укрепленную отдельно от города, с командным составом наемников. Проществовав около девяти лет, он умер, глубоко оплакиваемый всеми[1086].

Дионисий, сменивший его, попал в беспокойные времена, полные как надежд, так и страхов; открывая шансы на возвышение, он в то же время таил в себе множество новых опасностей и неопределенностей. Суверенитет, который он унаследовал, несомненно, включал в себя не только город Ираклию, но и иностранные зависимости и владения в его окрестностях; ведь все его три предшественника[1087] были предприимчивыми вождями, командовавшими значительными агрессивными силами. В начале его царствования, действительно, возвышение Мемнона и персидских сил в северо-западной части Малой Азии было на более высоком уровне, чем обычно; похоже также, что Клеарх - и, вероятно, его преемники - всегда заботились о том, чтобы поддерживать лучшие отношения с персидским двором.[1088] Но вскоре последовало вторжение Александра (334 г. до н. э.) и битва при Гранике, которая полностью уничтожила персидскую власть в Малой Азии, а затем, после длительного перерыва, последовало полное завоевание персидской империи. Теперь персидский контроль был удален из Малой Азии, в то время как Александр с большим македонским войском просто прошел через нее на восток, оставив за собой наместников, среди местных князей в Вифинии, Пафлагонии и Каппадокии начали возникать новые надежды на независимость или возвышение. Вифинский князь даже успешно сражался в поле против Каласа, назначенного Александром сатрапом Фригии.[1089] Гераклеот Дионисий, враг по положению этих вифинян, обхаживал новых македонских властителей, ведя свою политическую игру с большим искусством во всех отношениях. Он держал свои войска под контролем, а свои владения тщательно охранял; он правил мягко и популярно, чтобы сохранить среди гераклеотов те же чувства привязанности, которые были внушены его предшественником. В то время как граждане соседнего Синопа (как уже говорилось) отправили своих посланников к Дарию, Дионисий не спускал глаз с Александра; он позаботился о том, чтобы укрепиться в Пелле, и был особенно усерден в заботах о сестре

Александра, принцессе Клеопатре.[1090] Для этой придворной службы он подходил как нельзя лучше, поскольку был человеком изящных и показных вкусов и приобрел у своего тезки, павшего сиракузца Дионисия, всю богатую мебель дионисийской семьи, весьма доступную для подарков. 1091]

Благодаря благосклонности Антипатра и регентству в Пелле гераклеотический деспот смог сохранить и расширить свои владения вплоть до возвращения Александра в Сузы и Вавилон в 324 году до н. э. Все другие власти теперь были отменены. Теперь все другие полномочия были заменены личной волей всемогущего завоевателя, который, не доверяя всем своим делегатам - Антипатру, принцессам и сатрапам, - с готовностью выслушивал жалобы со всех сторон и особенно гордился тем, что поддерживал притязания греческих изгнанников. Я уже рассказывал, как в июне 324 года до н. э. Александр обнародовал на Олимпийском фестивале всеобъемлющий эдикт, предписывающий, что в каждом греческом городе изгнанники должны быть восстановлены силой, если потребуется сила. Среди различных греческих изгнанников были и жители Гераклеи, которые не замедлили заручиться его поддержкой, чтобы добиться как своего восстановления, так и изгнания деспота. Поскольку они, наряду с другими, имели право на преимущества недавнего эдикта, положение Дионисия стало крайне опасным. Теперь он в полной мере воспользовался плодами своего прежнего благоразумия, сохранив популярность среди Гераклеотов на родине и влияние на Антипатра, которому было доверено исполнение эдикта. Таким образом, ему удалось на время предотвратить опасность, а удача избавила его от нее, когда Александр умер в июне 323 года до н. э. Это событие, неожиданно для всех, наполнило Дионисия такой неумеренной радостью, что он упал в обморок; в память о нем он воздвиг статую в честь Эвтимии, или богини-успокоительницы. Однако его положение снова стало шатким, когда гераклейские изгнанники вновь обратились с просьбами к Пердикке: тот благосклонно отнесся к их делу и, возможно, восстановил бы их, если бы он решил направить свой поход в Геллеспонт против Антипатра и Кратера, вместо того чтобы предпринять непродуманную экспедицию в Египет, в которой он погиб[1092].

Теперь фортуна как никогда повернулась в пользу Дионисия. С Антипатром и Кратером, преобладавшими в его окружении, он был в наилучших отношениях; и в этот момент случилось так, что в соответствии с политическими взглядами Кратера он решил отказаться от своей персидской жены Амастриды (племянницы покойного персидского царя Дария, подаренной Кратеру Александром, когда он сам женился на Статире), чтобы взять в жены Филу, дочь Антипатра. Амастрида была выдана замуж за Дионисия; для него это было великолепное возвышение, свидетельствующее о личном влиянии, которое он приобрел ранее. Его новая жена, женщина способная и энергичная, принесла ему большую сумму из царской сокровищницы, а также средства для значительного расширения его владений вокруг Гераклеи. Не будучи развращенным этой удачей, он все же продолжал примирительно править дома и заключать благоразумные союзы за границей, делая себя особенно полезным для Антигона. Этот великий вождь, господствовавший в большей части Малой Азии, утверждал свое господство в Вифинии и окрестностях Пропонтиды, основав город Антигонию на богатой равнине, примыкающей к Асканийскому озеру.[1093] Дионисий оказал Антигону эффективную морскую помощь в той войне, которая закончилась отвоеванием Кипра у египетского Птолемея (307 г. до н. э.). За другого Птолемея, племянника и полководца Антигона, Дионисий выдал замуж свою дочь и даже почувствовал себя достаточно могущественным, чтобы принять титул царя, после того как это сделали Антигон, Лисимах и египетский Птолемей.[1094] Он умер, процарствовав тридцать лет с превосходным политическим мастерством и непрерывным процветанием - за исключением того, что в последние несколько лет он потерял здоровье от чрезмерной полноты.[1095]

Дионисий оставил трех несовершеннолетних детей - Клеарха, Оксатра и дочь от своей жены Амастриды, которую он назначил регентшей и которая, отчасти благодаря сердечной поддержке Антигона, сохранила гераклейское владычество в неприкосновенности. Вскоре Лисимах, царь Фракии и фракийского Херсонеса (на перешейке которого он основал город Лисимахию), возжелал этого ценного союза, оказал свой двор Амастрисе и женился на ней. Таким образом, гераклейская царица пользовалась двойной защитой и смогла избежать участия в грозном конфликте при Ипсусе (300 г. до н. э.), где союзники Лисимах, Кассандр, Птолемей и Селевк одержали победу над Антигоном. Последний был убит, а его азиатская держава сокрушена, Лисимах получил во владение Антигонию, недавнее основание своего соперника в Вифинии, и переименовал ее в Никею.^[1096] Однако через некоторое время Лисимах захотел жениться на Арсиное, дочери египетского Птолемея; соответственно, Амастрида развелась с ним и стала отдельно регентшей Ираклии. Два ее сына уже почти достигли совершеннолетия, и она основала и укрепила для своей резиденции соседний город Амастриду, расположенный примерно в шестидесяти милях к востоку от Ираклии на побережье Эвксинского моря.^[1097] Эти молодые люди, Клеарх и Оксатрес, приняли на себя управление Ираклией и участвовали в различных военных предприятиях; из них мы знаем только, что Клеарх сопровождал Лисимаха в его походе против гетов, разделив участь этого принца, который был разбит и взят в плен. После этого оба получили свободу, а Клеарх вернулся в Гераклею, где правил жестоко и деспотично и даже совершил чудовищное убийство своей матери Амастриды (вместе со своим братом Оксатром). За это преступление отомстил ее бывший муж Лисимах, который, прибыв в Гераклею под дружескими предложениями (286 г. до н. э.), предал смерти Клеарха и Оксатра, захватил их сокровища и, оставив в отдельном владении только цитадель, позволил гераклеотам установить народное правление^[1098].

Лисимах, однако, вскоре был убежден своей женой Арсиноей отдать ей Гераклею, которой ранее владела Амастрида; Арсиноей послала туда киммерийского офицера по имени Ираклид, который имел при себе силу, достаточную для восстановления прежнего деспотизма с его притеснениями и жестокостями. В других, не менее злонамеренных целях, влияние Арсиной было всесильным. Она убедила Лисимаха убить своего старшего сына (от прежнего брака) Агафокла, молодого принца с самыми достойными и выдающимися качествами. Такое злодеяние, вызвавшее всеобщее отвращение среди подданных Лисимаха, позволило его сопернику Селевкиду успешно напасть на него. В большой битве, разыгравшейся между этими двумя князьями, Лисимах был побежден и убит рукой и копьем жителя Ираклии по имени Малакон^[1099].

Эта победа передала владения побежденного принца Селевкиду. В Ираклии ее эффект был настолько сильным, что граждане смогли избавиться от деспотии. Сначала они пытались договориться с правителем Ираклидом, предлагая ему деньги, чтобы побудить к отступлению. От него они получили лишь гневный отказ, но подчиненные ему офицеры наемников и командиры отдельных постов на гераклеотической территории, не доверяя собственным силам удержаться, пошли на любовный компромисс с гражданами, которые предложили им полную ликвидацию задолженности по жалованию вместе с гражданством. Таким образом, ираклеоты смогли избавиться от Ираклида и вернуть себе народное правление. Свою революцию они ознаменовали впечатляющей церемонией разрушения бастилии - отдельно стоящего форта или крепости в городе, который в течение восьмидесяти четырех лет служил характерным символом и необходимым двигателем прежнего деспотизма.^[1100] Город, который теперь снова стал свободным сообществом, был еще больше укреплен соединением Нимфиса (историка) и других гераклеотов, которые до сих пор находились в изгнании. Эти люди были восстановлены и встречены своими

согражданами в полной дружбе и согласии, но с явной оговоркой, что не следует требовать возвращения их имущества, давно конфискованного. [1101](#) Однако для победителя Селевка и его офицера Афродисия смелое поведение вновь эмансипированных гераклеотов оказалось оскорбительным. Вероятно, они подверглись бы большой опасности с его стороны, если бы его мысли не были направлены на завоевание Македонии, для осуществления которого он был убит Птолемеем Керауном.

Таким образом, Гераклеоты снова стали сообществом свободных граждан, без отдельной цитадели или наемного гарнизона; однако они потеряли, по-видимому, из-за растущей силы и усиления некоторых внутренних династов, несколько своих периферийных владений - Кир, Тиум и Амастриду. Два первых они вернули себе через некоторое время путем покупки, и они хотели также выкупить Амастрис; но Евмен, который владел им, так ненавидел их, что отказался от их денег и передал это место безвозмездно каппадокийскому вождю Ариобарзанесу. [О том, что их морская мощь в это время была очень велика, можно судить по удивительному рассказу об их огромных кораблях, укомплектованных людьми и имевших на палубе множество храбрых бойцов, которые с отличием сражались в морской битве между Птолемеем Керауном (убийцей и преемником Селевкии) и Антигоном Гонатасом [\[1103\]](#).

Я не ставлю перед собой цель проследить судьбу Ираклии. Она сохранила свою внутреннюю автономию, значительную морскую мощь, достойное и благоразумное управление и частичную, хотя и сильно ограниченную, свободу внешних действий - вплоть до успешной войны римлян против Митридата (69 г. до н. э.). В Малой Азии эллинские города на побережье отчасти смогли отсрочить эпоху своего порабощения благодаря большому разделению власти, царившему во внутренних районах; властители Вифинии, Пергама, Каппадокии, Понта, Сирии находились в почти вечном раздоре, и всем им угрожало вторжение воинственных и хищных галлов, которые захватили для себя поселения в Галатии (276 г. до н. э.). Царей, врагов гражданской свободы, частично сдерживали эти новые и грозные соседи, [\[1104\]](#) которые, однако, сами были не менее грозными для греческих городов на побережье. [Синопе, Ираклия, Византия и даже Родос, несмотря на преимущество островного положения, - изолированные реликты некогда эллинской совокупности, - стали отныне ограбленными и ограниченными внутренними соседями почти у своих ворот [\[1106\]](#), зависимыми от варварских властителей, между которыми они были вынуждены сношаться, делая себя полезными поочередно для всех. Однако часто эти варварские князья получали своих жен, любовниц, министров, переговорщиков, офицеров, инженеров, литераторов, художников, актеров и посредников как для украшения, так и для отдыха - из какого-нибудь греческого города. Все они в большей или меньшей степени подверглись эллинскому влиянию; вместе с греческим языком, который распространил свои корни повсюду - даже среди галлов или галатов, самых грубых и последних из иностранных иммигрантов.

Из греческих приморских городов в Эвксинском море к югу от Дуная - Аполлонии, Месембрии, Одесса, Каллатиса, Томи и Истра - пять (кажется, без Томи) образовали конфедеративный Пентаполис. [\[1107\]](#) Около 312 года до н. э. мы слышим, что они находятся под властью Лисимаха, царя Фракии, который держал гарнизон в Каллатисе - возможно, и в остальных городах тоже. Они предприняли попытку сбросить его иго, заручившись помощью некоторых соседних фракийцев и скифов, а также Антигона. Но Лисимах, после борьбы, которая, кажется, длилась три или четыре года, одолел и союзников, и их самих, снова подчинив их себе. [\[1108\]](#) Каллатис выдержал долгую осаду, отбросив часть своих неэффективных жителей; их принял и приютил Евмел, князь Боспора. Продвигая свои завоевания еще дальше на север, в степи между реками Дунай и Днестр, Лисимах вступил в

конфликт с могущественным князем гетайров-дромихейцев; он был разбит и взят в плен, но великодушно отпущен.[1109] Я уже упоминал, что империя Лисимаха закончилась после его последнего поражения и смерти от руки Селевка - (281 год до н. э.). После его смерти города Понтийского Пентаполиса вновь обрели временную независимость. Но их варварские соседи становились все более грозными, усиливаясь, по-видимому, за счет иммиграции новых орд из Азии; так, сарматы, которые во времена Геродота находились на востоке от Танаиса, через три столетия появляются даже к югу от Дуная. Эти племена - фракийцы, геты, скифы и сарматы - последовательно грабили греческие города Пентаполиса. Правда, потом они возобновлялись, так как необходимо было иметь какое-то место для передвижения, даже для самих грабителей, но возобновлялись плохо, с большим вкраплением варварских жителей.[1110] В таком состоянии изгнанник Овидий нашел Томи к началу христианской эры. Томитяне более чем наполовину состояли из варваров, а их греческий язык был малопонятен. Сарматские или гетские конные стрелки с отравленными стрелами постоянно висели рядом, скакали даже к воротам и уводили в рабство неосторожных земледельцев. Даже в радиусе одной версты от города не было никакой безопасности ни для людей, ни для имущества. Жители были одеты в шкуры или кожу, а женщины, не умеющие ни прясть, ни ткать, занимались тем, что мололи кукурузу или носили на голове кувшины с водой[1111].

Эти же варвары лишили Ольвию (на правом берегу Гипаниса или Буга близ его устья) того комфорта и процветания, которыми она наслаждалась во времена Геродота. В его время ольвийцы жили в хороших отношениях с соседними скифскими племенами. Они платили оговоренную дань, одаривая, кроме того, князя и его ближайших фаворитов; на этих условиях к их лицам и имуществу относились с уважением. Скифский князь Скилекс (сын матери-эллинки из Истра, которая приобщила его к греческой речи и письму) построил в городе прекрасный дом и проводил в нем месяц, привязавшись к греческим нравам и религии, в то время как его скифское войско стояло у ворот, не причиняя никому вреда.[Правда, этот поступок стоил Скилесу жизни, ибо скифы не терпели, чтобы их собственный князь соблюдал чужие религиозные обряды, хотя и не ссорились с теми же обрядами, когда их соблюдали греки. 1113] Скифы упорно придерживались своих собственных обычаев, и эти обычаи часто были кровожадными, свирепыми и жестокими. Но все же они были скорее воинами, чем грабителями, воздерживались от привычных грабежей и поддерживали у греков репутацию честных и справедливых людей, которая стала притчей во языцех у ранних поэтов. Такими скифов видел Геродот (вероятно, около 440-430 гг. до н. э.), и картина, нарисованная Эфором столетием позже (около 340 г. до н. э.), похоже, существенно не отличалась.[1114] Но после этого времени она постепенно изменилась. Пришли новые племена - сарматы с востока, галлы с запада; от Фракии на север до Танаиса и Палус Мейотиса смешались самые разные племена - галлы, фракийцы, геты, скифы, сарматы и т. д.[1115] Ольвия находилась на открытой равнине, не имея никакой защиты, кроме своих стен и прилегающей реки Гипанис, замерзавшей зимой. Гибридная эллино-скифская раса, образовавшаяся в результате скрещивания греков со скифами, а также различные скифские племена, ставшие частично оседлыми и занимавшиеся выращиванием кукурузы на экспорт, вероятно, приобрели и менее воинственные привычки, чем племена примитивного варварского типа. Во всяком случае, даже будучи способными защитить себя, они не могли продолжать свое производство и торговлю при постоянных вражеских вторжениях.

Сохранившаяся ценная надпись позволяет нам сравнить Ольвию (или Боргистен), которую видел Геродот, с тем же городом во II веке до н. э.[1116] В этот последний период город уменьшился в населении, обеднел в финансах, подвергался постоянно растущим поборам и угрозам со стороны проходящих варварских орд и едва ли был способен защитить от них

даже безопасность своих стен. Иногда сюда прибывал варварский вождь Сайтафарн со своей личной свитой, иногда - все его племя или орда в массе, называемые саи. Когда бы они ни приходили, их приходилось успокаивать подарками, которых было больше, чем могла предоставить казна, и которые можно было получить только за счет добровольной помощи богатых граждан; но даже эти подарки не всегда предотвращали жестокое обращение и грабежи. Граждане Ольвии уже отразили несколько нападений, частично взяв в уплату полуэллинское население по соседству (микс-эллины, как ливийцы-феники в Африке); но вторжения становились все более тревожными, а средства защиты - все меньше, из-за неопределенной верности этих микс-эллинов, а также их собственных рабов - последние, вероятно, были варварскими туземцами, купленными во внутренних районах.[1117] В условиях всеобщей нищеты необходимо было расширять и укреплять укрепления, так как им угрожало появление галлов, которые внушали такой ужас, что скифы и другие варвары могли искать свою безопасность, вымогая прием в стенах Ольвии. Кроме того, даже кукуруза была скудна и необычайно дорога. В окрестных землях неоднократно случались неурожаи, предвиделся голод, и требовались усилия, превышающие возможности казны, чтобы создать запасы за государственный счет. Среди множества контрастов с Геродотом этот, пожалуй, самый поразительный; ведь в его время кукуруза была главным продуктом и основным экспортом из Ольвии; теперь же ее рост был приостановлен или, по крайней мере, постоянно прерывался из-за усилившихся опустошений и отсутствия безопасности.

После постоянных нападений и даже нескольких захватов варварскими соседями этот несчастный город, примерно за пятьдесят лет до христианской эры, был разграблен гетами и на некоторое время заброшен[1118]. Однако вскоре беглецы частично вернулись, чтобы вновь основаться в уменьшенном масштабе. Ведь те же варвары, которые преследовали и грабили их, по-прежнему нуждались в импорте с определенным объемом импорта и экспорта, чего не мог обеспечить никто, кроме греческих поселенцев; кроме того, именно с побережья близ Ольвии и из заботы о его жителях многие из соседних скучных племен получали соль.[1119] Так возникла тщедушная Ольвия, сохранившая название, традиции и часть местности покинутого города благодаря возвращению части колонистов с вкраплениями скифских или сарматских жителей; вкрапления были настолько велики, что серьезно дегеленизировали как речь, так и личные имена в городе.[1120]

Эту вторую редакцию Ольвии летом посетил ритор Дион Хризостом (примерно через столетие после христианской эры), о чем он оставил краткий, но интересный рассказ. На обширном пространстве, некогда заполненном первоначальной Ольвией, окружность которой была отмечена разрушающимися стенами и башнями, второй город занимал узкий угол; с бедными домами, низкими стенами и храмами, не имеющими других украшений, кроме древних статуй, изуродованных грабителями. Горожане жили в вечной безопасности, постоянно находясь под оружием или под охраной; варварские всадники, несмотря на часовых, выставленных для оповещения об их приближении, часто уводили пленных, скот или имущество из непосредственной близости от ворот. Картина Ольвии, нарисованная Дионом, удивительным образом подтверждает картину Томи, нарисованную Овидием. И что придает ей трогательный интерес, так это то, что греки, которых Дион видел борющимися с трудностями, лишениями и опасностями этого негостеприимного форпоста, все еще сохраняли активность, элегантность и интеллектуальные устремления своей ионической породы; в этом отношении они намного превосходили томичей Овидия. В частности, они были страстными поклонниками Гомера; значительная часть греков Ольвии могла повторить "Илиаду" по памяти.[1121] Ахилл (локализованный под фамилией Понтархов, на многочисленных островах и мысах в Эвксинском море) был среди главных божественных или героических личностей, к которым они обращали свои молитвы.[1122] Среди греческой

жизни, деградировавшей и приближавшейся к своему исчезновению, лишенной даже чистоты живой речи, нить образных и традиционных чувств продолжается, не прерываясь и не ослабевая.

О Боспоре или Пантикапее (оба названия обозначают один и тот же город, хотя первое название часто охватывает весь присоединенный регион), основанном милезийскими поселенцами[1123] на европейской стороне Киммерийского Боспора (около Керчи), мы впервые слышим примерно в период, когда Ксеркс был отбит у Греции (480-479 гг. до н. э.). Это был центр владений, включавших Фанагорию, Кепи, Гермонассу и другие греческие города на азиатской стороне пролива; говорят, что в течение сорока двух лет (480-438 гг. до н. э.) им управляла олигархия, называемая Археанактидами.

После них мы имеем ряд принцев, выделяющихся по имени и сменяющих друг друга в одной семье. Спартока I сменил Селевк; за ним следует Спарток II; затем Сатир I (407-393 гг. до н. э.); Леукон (393-353 гг. до н. э.); Спарток III. (353-348 гг. до н. э.); Парисад I. (348-310 гг. до н. э.); Сатир II, Пританис, Эвмел (310-304 гг. до н. э.); Спарток IV (304-284 гг. до н. э.); Парисад II.[1125] Во время правления этих князей между Афинами и Боспором существовала довольно тесная связь, не политическая, поскольку боспорские князья были мало заинтересованы в спорах об эллинской гегемонии, а частное общение, торговый обмен и взаимные добрые услуги. Восточный угол таврического сонеса Шер, между Пантикапеем и Феодосией, хорошо подходил для выращивания кукурузы, а рыбу, как и соль, в изобилии можно было купить в Палус Мæотис или рядом с ним. Кукуруза, соленая рыба и мясо, шкуры и варварские рабы в большом количестве пользовались спросом у всех греков вокруг Эгейского моря, и не в последнюю очередь в Афинах, где было много скифских рабов;[1126] в то время как масло и вино, а также другие продукты более южных регионов, были приемлемы на Боспоре и в других понтийских портах. Эта важная торговля, по-видимому, осуществлялась в основном на кораблях и с помощью капиталов, принадлежащих Афинам и другим приморским городам Эгейского моря, и, должно быть, находилась под защитой и регулированием афинян до тех пор, пока существовала их морская империя. Предприимчивые афинские граждане отправлялись на Боспор (как и во Фракию и фракийский Херсонес), чтобы попытаться счастья; купцы из других городов находили выгодным поселиться в Афинах в качестве чужестранцев-резидентов или метисов, где они были в более тесном контакте с защищающей властью и получали более легкий доступ к судебным трибуналам. Вероятно, именно в период, предшествовавший великой катастрофе в Сиракузах в 413 году до н. э., Афины впервые заняли позицию меркантильного центра в торговле с Эвксинским морем, которую, как мы видим, они сохранили, даже с уменьшившейся силой, во времена Демосфена.

Насколько сильны были позиции Афин на Боспоре во времена их неокрепшей империи, можно судить по тому факту, что Нимфеум (к югу от Пантикапея, между этим городом и Феодосией) был в числе ее городов-притонов и ежегодно платил по таланту в год.[1127] Только после несчастий Афин в последние годы Пелопоннесской войны Нимфеум перешел в руки боспорских князей, преданных (согласно Эсхину) дедом Демосфена по материнской линии, афинянином Гилоном, который, однако, вероятно, не делал ничего иного, как подчинялся необходимости, ставшей неизбежной в результате падения Афин.[1128] Таким образом, мы видим, что Нимфеум, расположенный посреди Боспорского владычества, не только входил в состав Афинской империи, но и содержал влиятельных афинских граждан, занимавшихся торговлей кукурузой. Гилон был вознагражден большим земельным наделом в Кепи - вероятно, другие афиняне Нимфея также были вознаграждены боспорским принцем, который не отказался заплатить хорошую цену за такое приобретение. Мы находим и другие

примеры, как афинских граждан, отправленных жить к князю Сатиру, так и понтийских греков, которые, уже находясь в переписке и дружбе с различными афинянами, посвящают своих сыновей в торговлю, общество и утонченность Афин.[1129] Такие факты свидетельствуют о переписке и сношениях этого города с Боспором во время его царского величия.

Боспорский принц Сатир был в самых лучших отношениях с Афинами и даже, кажется, имел там уполномоченных представителей для исполнения своих просьб, которые встречали очень большое внимание.[1130] Он относился к афинским купцам на Боспоре справедливо и даже благосклонно, предоставляя им преференции в экспорте кукурузы, когда ее не хватало на всех.[Его сын Лейкон не только сохранил преференции для афинских кораблей, но и освободил их от экспортной пошлины (тридцатой части), которую он взимал со всех остальных торговцев. Такое освобождение считается эквивалентным годовому подарку в 13 000 медимнов кукурузы (медимн равен примерно 1½ бушеля); общее количество кукурузы, привезенной из Боспора в Афины за полный год, составляло 400 000 медимнов.[1132] Легко понять, что такая преференция должна была отдать почти всю экспортную торговлю в руки афинских купцов. Афиняне оплатили за эту услугу публичными голосами благодарности и почета, предоставив Лейкону гражданство, а также иммунитет от всех обычных обременений, налагаемых на имущество в Афинах. В этом городе лежали деньги, принадлежавшие Леукону,[1133] который, таким образом, был открыт (по предложению Лептинеса) для условного вызова на обмен имущества, технически называемого Антидосисом. В его время, кроме того, торговля кукурузой на Боспоре, по-видимому, получила дальнейшее развитие; мы узнаем, что он наладил экспорт из Феодосии, а также из Пантикапея. Его преемник Парисад I, продолжая предоставлять афинским экспортерам кукурузы ту же привилегию иммунитета от экспортной пошлины, добился от Афин еще больших почестей, чем Лейкон; мы узнаем, что его статуя, а также статуи двух родственников были установлены на агоре по предложению Демосфена.[1134] Связь Боспора с Афинами была прочной и тесной; его торговля кукурузой имела большое значение для пропитания народа. Каждый афинский экспортер был обязан по закону доставлять свой груз в первую очередь в Афины. Фрахтование и плавание кораблей с этой целью, а также выдача денег богатыми капиталистами (гражданами и метисами) под проценты и на условиях, установленных афинским судом, были постоянным и прибыльным делом. И мы можем оценить ценность справедливого отношения, не говоря уже о благосклонности, со стороны царей Боспора, когда сравним его с мошенническим и вымогательским поведением Клеомена, сатрапа Египта, в отношении экспорта египетской кукурузы[1135].

Политическое положение греков на Боспоре было несколько своеобразным. Наследственные князья (перечисленные выше), которые управляли ими по сути как деспоты, не носили никакого другого титула (по отношению к грекам), кроме архонта. Они платили дань могущественным скифским племенам, которые ограничивали их с европейской стороны, и даже сочли необходимым провести ров через узкий перешеек, от какого-то пункта около Феодосии на север до Палус Мейотис, в качестве защиты от вторжений.[1136] Их владения не распространялись дальше Феодосии на запад; этот ров был их крайней западной границей; и даже за землю в его пределах они платили дань. Но на азиатской стороне пролива они были главными владыками на значительном расстоянии над более слабыми и менее воинственными племенами, которые носят общее название маэотæ или маэты - синды, торети, дандарии, татеки и т. д. Сохранившиеся надписи Парисада I записывают его как царя этих различных варварских племен, но как архонта Боспора и Феодосии.[1137] Его владения на азиатской стороне Киммерийского Боспора,

поддерживаемые греческими и фракийскими наемниками, имели значительные (хотя нам неизвестные) размеры, доходя где-то до границ Кавказа.^[1138]

После своей смерти Парисад I оставил трех сыновей - Сатира, Пританиса и Эвмела. Сатир, как старший, стал наследником; но Эвмел претендовал на корону, искал помощи за границей и убеждал различных соседей, среди которых был могущественный фракийский царь по имени Ариофарн, встать на его сторону. Во главе армии, состоящей, как говорят, из 20 000 конных и 22 000 пеших, оба союзника отправились в поход на территорию Сатира, который вышел им навстречу с 2000 греческих наемников и 2000 фракийцев, усиленных многочисленным войском скифских союзников - 20 000 пеших и 10 000 конных, и везших с собой обильный запас провизии в повозках. Он одержал полную победу, вынудив Эвмела и Ариофарна отступить и укрыться в царской резиденции последнего у реки Фапсис - крепости, построенной из дерева и окруженной лесом, рекой, болотом и скалами, так что к ней было очень трудно подойти. Сатир, предварительно разграбив окрестности, которые принесли богатую добычу в виде пленных и скота, приступил к штурму врагов в их почти непроходимой позиции. Но хотя он и Мениск, его военачальник из наемников, прилагали самые энергичные усилия и даже захватили некоторые укрепления, они были отбиты от самой крепости; и Сатир, выставя себя вперед, чтобы вызволить Мениска, получил рану, от которой вскоре умер - после девяти месяцев правления. Мениск, сняв осаду, отвел армию в Гаргазу; оттуда он доставил царственный труп обратно в Пантикапей^[1139].

Следующий брат, Пританис, отвергнув предложение Эвмела о разделе, принял скипетр и выступил в поход для продолжения борьбы. Но удача повернулась в пользу Эвмела; он взял Гаргазу и несколько других мест, одолел брата в битве и так блокировал его на перешейке у Палус Мейотис, что тот был вынужден капитулировать и отказаться от своих притязаний. Эвмел вошел в Пантикапей в качестве завоевателя. Тем не менее, побежденный Пританис, несмотря на недавно заключенный договор, предпринял новое покушение на корону, но был снова отброшен, вынужден бежать в Кекпи и там убит. Чтобы закрепить за собой трон, Эвмел предал смерти жен и детей двух своих братьев, Сатира и Пританиса, а также всех их главных друзей. Один только юноша - Парисад, сын Сатира, - спасся и нашел защиту у скифского принца Агара.

Теперь Эвмел расправился со всеми соперниками, но его недавние жестокости вызвали гнев и отвращение среди боспорских граждан. Он созвал собрание, чтобы оправдать свое прошлое поведение и пообещал хорошее правление в будущем; в то же время он гарантировал им полную гражданскую конституцию с такими привилегиями и иммунитетами, какими они пользовались раньше, и свободу от прямого налогообложения.^[1140] Такие заверения в сочетании, вероятно, с внушительной наемной силой умиротворили или, по крайней мере, заставили замолчать преобладающее недовольство. Эвмел сдержал свои обещания и стал править в мягком и народном духе. Став таким образом приемлемым у себя дома, он проводил энергичную внешнюю политику и совершил несколько завоеваний среди окрестных племен. Он стал своего рода защитником Эвксинского моря, подавляя пиратство хеннохов и ахейцев (среди Кавказских гор на востоке), а также тавров в Херсонесе (Крым); к большому удовлетворению византийцев, синопийцев и других понтийских греков. Он принял часть беглецов из Каллатиса, осажденного Лисимахом, и обеспечил им поселение в своих владениях. Приобретая таким образом большую известность, Эвмел находился в полной стадии завоеваний и возвеличивания, когда несчастный случай оборвал его жизнь после правления, длившегося более пяти лет. Возвращаясь из Скифии в Пантикапей в четырехколесной повозке (или фургоне) и с палаткой на ней, его лошади испугались и убежали. Почувствовав, что они несут его к обрыву, он попытался выпрыгнуть; но его меч

запутался в колесе, и он был убит на месте.^[1141] Ему наследовал его сын Спарток IV, который царствовал двадцать лет (304-284 гг. до н. э.); затем пришел сын Спартока, Парисад II, с именем которого обрываются наши сведения.^[1142]

Эта династия, Спартокиды, хотя и правили греками Боспора как деспоты с помощью иностранных наемников, но, похоже, осуществляли власть справедливо и умеренно.^[1143] Если бы Эвмел был жив, он, вероятно, мог бы создать обширную империю над варварскими племенами по всем сторонам от него. Но империя над такими субъектами редко была постоянной; его преемники долго не сохраняли даже того, что он оставил. У нас нет возможности подробно проследить их судьбу, но мы знаем, что примерно за столетие до нашей эры царствовавший тогда принц Парисад IV, оказался так сильно потеснен скифами,^[1144] что был вынужден (подобно Ольвии и Пентаполю) отказаться от своего независимого правления и призвать в качестве помощника или хозяина грозного Митридата Евпатора Понтийского, с которого началась новая династия боспорских царей, подчинявшихся, однако, через недолгий промежуток времени господству и вмешательству Рима.

Эти митридатские князья лежат за пределами нашего периода; но города Боспора при князьях Спартокидах в четвертом веке до н. э. заслуживают того, чтобы быть причисленными к выдающимся чертам живого эллинского мира. Они действительно не были чисто эллинскими, но представляли собой значительную примесь скифских или восточных манер; аналогично смешению эллинских и ливийских элементов в Кирене с его баттиадскими князьями. Среди фактов, свидетельствующих о богатстве и могуществе этих спартокидских князей и боспорской общины, можно назвать внушительные группы мощных погребальных курганов возле Кертча (Пантикапея); некоторые из них были недавно исследованы, в то время как большая часть все еще остается нераскрытой. В этих просторных каменных палатах, заключенных в огромные бугры (курганы), циклопические работы, нагроможденные с огромным трудом и затратами, было обнаружено не только множество украшений из драгоценных металлов (золото, серебро и электрон, или смесь четырех частей золота к одной части серебра), но и многочисленные вазы, орудия труда и произведения искусства, иллюстрирующие жизнь и идеи боспорского населения. "Содержимое уже открытых тумулов столь многообразно, что из одних только гробниц Пантикапея мы могли бы познакомиться со всем, что служило грекам либо для необходимых нужд, либо для украшения домашней жизни"^[1145] Статуи, рельефы и фрески на стенах были найдены, на различные темы войны и мира, и часто очень тонкого исполнения; кроме того, многочисленные резьбы по дереву, и сосуды из бронзы или терракоты; с ожерельями, браслетами, кольцами, чашками для питья и др. ^{1146]} Костюмы, снаряжение и физиономии, представленные на , действительно представляют собой смесь эллинского и варварского; более того, даже обилие золотых цепей и других драгоценных украшений указывает на частично восточный тон чувств тех, для кого они предназначались.

Но как дизайн, так и исполнение явно выходят из эллинской мастерской; и есть все основания полагать, что в четвертом веке до нашей эры Пантикапей был местом обитания не только предприимчивых и богатых граждан, но и напряженного и хорошо направленного художественного гения. Такие проявления утонченности эллинизма в этом отдаленном и малозаметном городе являются важным дополнением к картине Эллады в целом - до дней ее подчинения, - которую мы хотели представить в этой истории.

Теперь я довел историю Греции до момента, отмеченного в предисловии к моему первому тому, - конца поколения, современного Александру, - эпохи, с которой начинается не только угасание греческой политической свободы и самостоятельности, но и упадок продуктивного гения, и деградация того непревзойденного литературного и риторического мастерства, которое в четвертом веке до н. э. проявилось в Платоне и Демосфене.[1147] Содержание этого последнего тома слишком ясно показывает, что Греции как отдельного предмета истории больше не существует; Ведь целая половина его занята изображением Александра и его завоеваний - ἄγριον αἰχμητήν, кратερὸν μῆστορα φόβοιο[1148] - этого незэллинского завоевателя, в обширные владения которого влились греки, с их интеллектуальным блеском, сломленным духом и половиной добродетели, отнятой Зевсом - меланхоличное опустошение, которому подвергаются (согласно Гомеру) жертвы, настигнутые днем рабства.[1149]

Была одна ветвь интеллектуальной энергии, и только одна, которая продолжала процветать, сравнительно мало пострадав, под преобладанием македонского меча - дух спекуляции и философии. В течение века, который мы только что пережили, этот дух был воплощен в нескольких выдающихся личностях, чьи имена почти не упоминаются в этой истории. Среди этих имен, правда, есть два, отличающихся особым величием, которых я частично представил читателю, потому что оба они относятся как к общей истории, так и к философии; Платон, как гражданин Афин, спутник Сократа на его суде и советник Дионисия в его славе - Аристотель, как учитель Александра. В свое время я надеялся включить в свою работу сведения о них как о философах, а также оценку их умозрительных характеристик; но я нахожу эту тему слишком обширной, чтобы вместить ее в такой объем, какой может предоставить этот том. Изложение догматов выдающихся мыслителей не входит в число обязанностей историков, ни древних, ни современных, ни в число естественных ожиданий их читателей; оно предназначено для специального историка философии. Соответственно, я завершил свою историю Греции, не пытаясь отдать справедливость ни Платону, ни Аристотелю. Я надеюсь внести свой вклад в исправление этого недостатка, величину которого я полностью осознаю, в отдельной работе, специально посвященной рассказу о греческой спекулятивной философии в четвертом веке до нашей эры.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ОБ ИССЕ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ В СВЯЗИ С ВОЙНОЙ.

Точное место битвы при Иссусе не может быть определено по имеющимся у нас данным. Но его можно определить в пределах нескольких миль к северу или югу; и что еще более важно - общие черты местности, а также предварительные передвижения противоборствующих армий можно четко представить.

Что битва произошла на каком-то участке узкого пространства между восточным побережьем Иссусского залива и западным флангом горы Аманус, что левая сторона Александра и правая Дария упирались в море, а правая и левая соответственно в гору, что Дарий неожиданно напал на Александра с тыла, заставив его вернуться на день марша от Мириандра и вновь занять перевал, который он уже прошел и покинул - все эти моменты четко изложены и не вызывают у меня сомнений. Мы знаем, что река Пинар, на которой

произошла битва, находилась на некотором расстоянии к югу от Иссуса, последнего города Киликии перед входом в Сирию (Арриан, ii. 7. 2)-ἐξ δὲ τὴν ὑστεραίαν προῦχόμεν (Дарий из Иссуса) ἐπὶ τὸν ποταμὸν τὸν Πίναρον-Риттер ошибочно утверждает, что Исус находился на реке Пинар, которую он даже называет *рекой Исус* (Erdkunde, Theil iv. Abth. 2. p. 1797-1806). Мы знаем также, что эта река находилась на некотором расстоянии к северу от морского прохода, называемого Киликийскими и Ассирийскими воротами, через которые проходил и возвращался Александр.

Но когда мы выходим за рамки этих данных (последние из которых лишь расплывчаты и относительны), чтобы определить точное место битвы, мы оказываемся в плену догадок. Доктор Тирлуолл в приложении к шестому тому своей истории собрал и очень умело обсудил различные мнения различных географов.

К тем, кого он цитирует, можно добавить "Очерк о Киликийских и Сирийских воротах" г-на Эйнсворта (в "Трудах Географического общества" за 1837 год), "Топографические заметки" Мюцеля по третьей книге Квинта Курция и последний том "Эрдкунде" Риттера, опубликованный только в этом году (1855), гл. xxvii. с. 1778 и последующие.

Из Ксенофонта мы знаем, что Исус был значительным городом недалеко от моря - в двух днях пути от реки Пирам и в одном дне пути к северу от морского прохода, называемого Киликийскими воротами и Сирии. О том, что он находился недалеко от северо-восточного угла залива, можно также судить по Страбону, который считает, что кратчайшая линия через Малую Азию тянется от Синопа или Амиса до Иссуса, и который также считает, что Египетское море имеет северное окончание в Иссусе (Strabo, xiv. p. 677; xvi. p. 749). Вероятное местоположение Иссуса определяется разными авторами по-разному; Реннелл (Иллюстрации к географии Анабасиса, стр. 42-48) помещает его около Оселера или Юслера; насколько я могу судить, это кажется слишком удаленным от верховья залива, к югу.

Относительно морского прохода, называемого воротами Киликии и Сирии, между Ксенофонтом и Аррианом существует много расхождений. Очевидно, что во времена Ксенофонта этот проход и проложенная через него дорога лежали между горами и морем, а препятствия (стены, преграждающие проход), которые он называет непреодолимыми силой, были в основном искусственного происхождения. Но когда Александр проходил, никаких стен не существовало. Искусственные преграды исчезли за семьдесят лет, прошедших между Ксенофонтом и Александром; и мы можем назвать вероятную причину этого. Во времена Ксенофонта Киликию занимал туземный князь Сиеннесис, который, хотя и был данником, сохранял определенную независимость даже по отношению к Великому царю и поэтому держал на границе с Сирией стену, охраняемую его собственными солдатами. Но во времена Александра Киликию, как и Сирию, занимал персидский сатрап. Искусственные пограничные стены между двумя сопредельными сатрапиями, находящимися под властью одного и того же хозяина, были не нужны и, должно быть, даже неудобны во время великих коллективных военных операций персидских сатрапов против восставшего Эвагора Кипрского (в основном осуществлявшихся из Киликии как базы, около 380 г. до н. э., Диодор. xv. 2), а также в последующих операциях против феникийских городов (Диодор. xvi. 42). Таким образом, мы можем увидеть причину, по которой все искусственные препятствия могли быть сметены до времен Александра; остались только естественные трудности соседней земли, которых Ксенофонт не коснулся.

Это место сохранило свое старое название - "Ворота Киликии и Сирии" - даже после того, как стены и ворота были упразднены. Но это название в описании Арриана обозначает трудный и узкий участок дороги, проходящей *через холмы и скалы*; место, которое, по

предположению майора Реннела (Illustrations, p. 54), находилось примерно в миле к югу от реки и стен, описанных Ксенофонтом. Как бы то ни было, точное место, указанное Ксенофонтом, вероятно, следует искать примерно в семи милях к северу от Скандеруна, возле руин, известных сейчас как Столбы Ионаса (или Сакал Тутан), и замка Меркес, где река под названием *Меркес*, *Махерси*, или *Кара-су*, течет через гору к морю. Мнение Реннела, Эйнсворта и Мюцеля, а также полковника Каллиера, который обследовал эту страну, когда сопровождал армию Ибрагима Пачи в качестве инженера (цитируется Риттером, Erdk. p. 1792), совпадает с Керсусом Ксенофонта. В том месте, о котором здесь говорится, залив выдается на восток, а западный фланг Амануса подходит к нему очень близко и опускается к нему с необычайной крутизной. Поэтому дорога, по которой мы сейчас едем, не проходит между горой и морем, а поднимается на часть горы, а затем снова спускается на низкую землю, окаймляющую море. К северу от Меркеса пространство между горой и морем постепенно расширяется по направлению к Байасу. На некотором расстоянии к северу от Байаса протекает река, называемая теперь Делле Цхай, которая, как мне кажется, с большой долей вероятности считается Пинаром, где произошла битва между Александром и Дарием. Однако это мнение не является единодушным; Киннейр отождествляет *Меркес* с Пинаром. Более того, существует несколько различных потоков, которые пересекают пространство между горой Аманус и морем. Дез Монсо отмечает шесть потоков, которые пересекались между замком Меркес и Байасом; и еще пять потоков между Байасом и Айасом (Mützel ad Curtium, p. 105). Какой из них является Пинаром, невозможно решить без больших или меньших сомнений.

Кроме Киликийских и Сирийских ворот, отмеченных Ксенофонтом и Аррианом в приведенных выше отрывках, существуют и другие ворота, называемые *Аманийскими*, о которых говорится с недоумением. Доктор Тирлуолл обоснованно настаивает на необходимости отличать *морские* проходы между горой Аманус и морем от *внутренних* проходов, которые пересекают хребет самой горы Аманус. Но это различие, похоже, не всегда соблюдалось древними авторами, если сравнить Страбона, Арриана и Каллистена. Страбон использует фразу "*Аманские ворота*" дважды (xiv. p. 676; xvi. p. 751); в обоих случаях обозначая *морской проход*, а не проход *через гору*, - при этом на первой странице обозначается один морской проход, а на второй - другой. В xiv. с. 676 он подразумевает под αἱ Ἀμανίδες πύλαι место, называемое современными путешественниками Демир Капу, между Игэ и Иссусом, или между Мопсуестией и Иссусом; в то время как в xvi. 751 он подразумевает под теми же словами то, что я объяснял как ворота Киликии и Сирии, на восточной стороне Иссусского залива. На самом деле Страбон, по-видимому, рассматривает как единое целое полосу земли между горой Аман и заливом, начинающуюся у Демир-Капу и заканчивающуюся у Киликийских и Сирийских ворот, и называет и начало, и конец ее одним и тем же именем - Аманские ворота. Но он не использует эту последнюю фразу для обозначения перехода через гору Аман, как и Арриан, который, описывая поход Дария из Сочи в Киликию, говорит (ii. 7, 1)-ὑπερβαλὼν δὲ τὸ ὄρος Δαρεῖος τὸ κατὰ τὰς πύλας τὰς Ἀμανικὰς καλούμενας, ὡς ἐπὶ Ἴσσον προῆγε, καὶ ἐγένετο κατόπιν Ἀλεξάνδρου λαθῶν. Здесь, заметим, мы не читаем ὑπερβαλὼν τὰς πύλας - и я не могу думать, что эти слова означают то, что дает переводчик - "transiit Amanum, eundo per Pylas Amanicas". Эти слова скорее означают, что Дарий "перешел через гору там, где она примыкала к Аманским воротам" - то есть там, где она примыкала к полосе земли, окаймляющей залив и лежащей между двумя крайними точками, которые Страбон называет *Аманскими воротами*. Арриан использует эту последнюю фразу более вольно, чем Страбон, но все же применительно к приморской полосе, а не к перевалу через горный хребет.

С другой стороны, Каллистен (если он правильно представлен Полибием, который приводит его утверждение, а не слова, хii. 17) использует слова "*Аманские ворота*" для обозначения прохода, через который Дарий вошел в Киликию, то есть прохода *через* гору. То, что Ксенофонт и Арриан называют *Киликийскими и Сирийскими воротами* и что Страбон называет *Аманскими воротами*, Полибий описывает как τὰ στενὰ, καὶ τὰς λεγόμενας ἐν τῇ Κιλικίᾳ πύλας.

Кажется вполне определенным, что это должна была быть линия похода Дария, потому что он сразу же спустился к Иссусу, а затем прошел вперед до реки Пинар. Если бы он вошел в Киликию через Бейланский перевал, он должен был бы миновать Пинар, *прежде чем* достиг бы Иссуса. Положительные основания для признания возможности прохода вблизи 37-й параллели, действительно, поставлены под сомнение Мютцелем (ad Curtium, p. 102, 103), и сами по себе не являются убедительными; тем не менее я считаю их достаточными, если рассматривать их в сочетании с вероятностями дела. Этот проход, однако, можно предположить, был менее посещаем, чем морская дорога через Киликийские ворота и Сирию и Бейланский проход, который, как более обычный, предпочитали и киреевцы, и Александр.

Что касается похода Александра, доктор Тирлуолл задает вопрос примерно следующего содержания: "Поскольку Александр намеревался пройти через Бейланский перевал с целью нападения на персидский лагерь в Сочи, что могло заставить его отправиться в Мириандр, который находился южнее Бейлана и в стороне от его дороги?" Доктор Тирлуолл ощущает эту трудность так сильно, что для ее устранения он склонен принять гипотезу г-на Уильямса, который помещает Мириандр в Байасе, а Килико-Сирийские ворота в Демир-Капу; гипотеза, которая кажется мне неприемлемой по различным причинам, и против которой г-н Эйнсворт (в своем "Очерке о Киликийских и Сирийских воротах") выдвинул несколько очень убедительных возражений.

Признаюсь, я не чувствую трудностей, на которых настаивает доктор Тирлуолл. Когда мы видим, что Кир и десять тысяч человек зашли в Мириандр, направляясь к перевалу Бейлан, мы можем сделать разумный вывод, что, независимо от того, находился ли этот город на прямой линии или нет, он, по крайней мере, находился на *обычной* дороге марша, которая не всегда совпадает с прямой линией. Но если отбросить это предположение - предположим, что существовала другая, более короткая дорога, ведущая в Бейлан, не проходящая мимо Мириандра, - то все равно было бы достаточно причин, чтобы побудить Александра отправиться в путь, чтобы посетить Мириандр. Ведь для него было важным обезопасить морские порты в своем тылу на случай возможного отступления. Если бы он был отбит и вынужден отступать, то, будучи заранее уверенным в Мириандре и других морских портах, оказал бы ему существенную помощь в отступлении. В ближайшие месяцы мы увидим, что он так же тщательно следит за феникийскими городами на побережье, прежде чем отправиться в глубь страны, чтобы атаковать Дария у Арбелы.

Александр, шедший на Дария, ничего не выиграл от поспешности и ничего не потерял, подойдя к Сочи на три дня позже. Он знал, что огромное персидское войско не будет пытаться бежать; оно либо будет ждать его в Сочи, либо двинется в Киликию, чтобы напасть на него там. Чем дольше он будет медлить, тем больше вероятность, что они поступят именно так, а именно этого он и хотел. Поэтому он ничего не терял и имел все шансы выиграть, продлив свой поход в Сочи на столько времени, сколько было необходимо для обеспечения безопасности Мириандра. Я думаю, что понять, почему он отправился в Мириандр, не сложнее, чем понять, почему он пошел на запад от Тарса (еще более удаленного от его линии продвижения) к Соли и Анхиалу.

Кажется вероятным (как считают Реннелл, р. 56, и другие), что место Мириандра сейчас находится на некотором расстоянии вглубь страны; что на побережье образовались новые земли и болота.

Современный город Скандерон занимает место Ἀλεξανδρεία κατ' Ἴσσον, основанного (вероятно, по приказу самого Александра) в память о победе при Иссе. По словам Риттера (стр. 1791), "у Александра была великая идея основать здесь эмпорий для торговли Востока с Европой, как в другой Александрии для торговли Востока с Египтом". Важность места в Скандеруне в древности здесь сильно преувеличена. Я не знаю доказательств того, что у Александра была идея, которую приписывает ему Риттер; и я уверен, что у его преемников не было такой идеи; потому что они основали великие города Антиохию и Селевкию (в Пиерии), оба из которых направили торговый поток вверх по Оронту и, следовательно, отвлекли его от Скандеруна. Этот последний город имеет значение только как гавань Алеппо; город (Берёа) был малозначительным в древности, в то время как Антиохия стала первым городом на Востоке, а Селевкия - одним из первых: см. Ritter, p. 1152.

КОНЕЦ.

FOOTNOTES

[1] Plutarch, Alexand. c. 5, 6.

[2] Aeschines cont. Timarch. p. 167.

[3] Plutarch, Alex. 5.

[4] Plutarch, Alex. 9. Юстин говорит, что Александр был спутником своего отца во время части войны во Фракии (ix. 1).

[5] Vol. XI. Ch. xc. p. 513.

[6] Plutarch, Alex. 10. Априан, iii. 6, 8.

[7] См. третью главу "Жизни Деметрия Полиоркета" Плутарха, где дается яркое описание чувств, царивших между членами царских семей в те века. Деметрий, возвращаясь домой после погони с охотничьими копьями в руках, подходит к своему отцу Антигону, приветствует его и садится рядом с ним, не разоружаясь. Это восхваляется как беспрецедентное доказательство доверия и привязанности, царящих между отцом и сыном. В семьях всех остальных Диадхов (говорит Плутарх) убийства сыновей, матерей и жен были частым явлением - даже убийства братьев были обычным делом, считавшимся мерой предосторожности, необходимой для безопасности. Οὕτως ἄρα πάντῃ δυσκωνοίητον ἡ ἀρχὴ καὶ μεστὸν ἀπιστίας καὶ δυσνοίας, ὥστε ἀγάλλεσθαι τὸν μέγιστον τῶν Ἀλεξάνδρου διαδόχων καὶ πρεσβύτατον, ὅτι μὴ φοβεῖται τὸν υἱόν, ἀλλὰ προσίεται τὴν λόγχην ἔχοντα τοῦ σώματος πλήσιον. Οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ μόνος, ὡς εἶπεῖν, ὁ οἶκος οὗτος ἐπὶ πλείστας διαδοχὰς τῶν τοιοῦτων κακῶν ἐκαθάρευσεν, μᾶλλον δὲ εἰς μόνος τῶν ἀπ' Ἀντιγόνου Φίλιππος ἀνεῖλεν υἱόν. Αἱ δὲ ἄλλαι σχεδὸν ἀπᾶσαι διαδοχαὶ πολλῶν μὲν ἔχουσι παίδων, πολλῶν δὲ μητέρων φόνους καὶ γυναικῶν- τὸ μὲν γὰρ ἀδελφοὺς ἀναιρεῖν, ὥσπερ οἱ γεωμέτραι τὰ αἰτήματα λαμβάνουσιν, οὕτω συνεχωρεῖτο κοινόν τι νομιζόμενον αἷμα καὶ βασιλικὸν ὑπὲρ ἀσφαλείας.

Сравните Тацита, Histor. v. 8, о семейных распрях царей Иудеи; и Ксеноф. Hieron. iii. 8.

Отмечая род Антигонидов как благоприятное исключение, мы должны ограничить наше утверждение первым веком этого рода. Кровавая трагедия Персея и Деметрия незадолго до этого предшествовала гибели империи.

[8] Арриан, i. 25, 2; Юстин, xi. 2. См. т. XI. с. 517.

[9] Arrian, De Rebus post Alexandrum, Fragm. ap. Photium, cod. 92. p. 220; Плутарх, De Fortunâ Alex. Magn. p. 327. πᾶσα δὲ ὑποῦλος ἦν ἡ Μακεδονία (после смерти Филиппа) πρὸς Ἀμύνταν ἀποβλέπουσα καὶ τοὺς Ἀερόπου παῖδας.

[10] Diod. xvii. 2.

[11] Arrian, i. 25, 2; Curtius, vii. 1, 6. Александр, сын Аеропа, был зятем Антипатра. Случай с этим Александром и Олимпией дал определенное основание тем, кто говорил (Curtius, vi. 43), что Александр благосклонно относился к сообщникам Павсания.

[12] Plutarch, Alexand. 10-27; Diodor. xvii. 51; Юстин, xi. 11.

[13] Арриан, ii. 14, 10.

[14] Curtius, vi. 9, 17. vi. 10, 24. Арриан упоминает этого Аминтаса, сына Пердикки (а также тот факт, что он был предан смерти Александром перед Азиатской экспедицией), в утраченном произведении τὰ μετὰ Ἀλέξανδρον - см. Photius Cod. 92. p. 220. Но Арриан в своем рассказе об экспедиции Александра *не упоминает* об этом факте; это показывает, что его молчание не должно приниматься как убедительная причина для дискредитации утверждений других.

Сравните Полиэна, ст. 60; и Плутарха, Fort. Alex. Magn. p. 327.

Именно во время этой экспедиции во Фракию и Иллирию, примерно через восемь месяцев после своего воцарения, Александр пообещал выдать свою сестру Кинну замуж за агрианского князя Лангара (Арриан, Exr. Al. M. i. 5, 7). Лангар вскоре умер от болезни, так что этот брак так и не состоялся. Но когда было дано обещание, Кинна должна была быть вдовой. Поэтому ее муж Аминтас должен был быть предан смерти в первые месяцы царствования Александра.

[15] См. мой последний предыдущий том, гл. xc. с. 518; Diod. xvii. 2; Curtius, vii. 1, 6; Justin, ix. 7 xi. 2. xii. 6; Плутарх, Alexand. 10; Павсаний, viii. 7, 5.

[16] Arrian, i. 17 10; Plutarch, Alex. 20, Curtius, iii. 28, 18.

[17] Curtius, vi. 42, 20. Сравните с этим обычаем отрывок из "Аякса" Софокла, v. 725.

[18] [Æschines](#) adv. Ktesiphont. с. 29. p. 469. с. 78 p. 608; Plutarch, Demosth. 22.

[19] [Æschines](#) adv. Ktesiph. p. 547. с. 50.

[20] Плутарх, Фокион, 16.

[21] Мы узнаем об этом из [Æschines](#) adv. Ktesiph. p. 551. с. 52.

[22] Диодор (xvii. 5) упоминает об этом сообщении Демосфена Атталу; что, однако, я не могу не считать неправдоподобным. Вероятно, органом связи был Харидем.

[23] На это письмо Дария отчетливо ссылается и даже цитирует одно предложение из него Эсхинс ([Æschines](#) adv. Ktesiph. p. 633, 634. с. 88. Мы знаем, что Дарий писал на совершенно другом языке вскоре после этого, около того времени, когда Александр переправился в Азию

(Arrian, ii. 14, 11). Первое письмо, должно быть, было отправлено вскоре после смерти Филиппа, когда Дарий публично хвастался тем, что совершил этот поступок, и еще не научился бояться Александра. Сравните Диодор. xvii. 7.

[24] Diodor. xvii. 3.

[25] Диодор (xvii. 3) говорит, что фиванцы приняли решение об изгнании македонского гарнизона в Кадмее. Но я без колебаний отвергаю это утверждение. Мы можем быть уверены, что присутствие македонского гарнизона было связано с преобладанием в городе партии, благосклонной к Македонии. В следующем году, когда сопротивление действительно имело место, это сделала антимакедонская партия, которая тогда вернулась из изгнания".

[26] Фрагмент Демадеса. ὑπὲρ τῆς δωδεκαετίας, p. 180.

[27] Arrian, i. 1, 4.

[28] Plutarch, Reipub. Ger. Præcept. p. 804.

[29] *Æschines* adv. Ktesiph. p. 564. c. 50; Deinarchus cont. Demosth. p. 57; Diodor. xvii. 4; Плутарх, Demosth. c. 23 (Плутарх путает процессы этого года с процессами последующего года). Демадес в сохранившемся до нас фрагменте своей оратории не делает никаких намеков на это разбирательство Демосфена.

Постановление, в котором Демосфен назван в числе посланников, скорее всего, было принято в основном голосами его врагов. Афинский гражданин всегда мог принять или отклонить такое назначение.

[30] Через несколько лет после этого Демадес сам был предан смерти Антипатром, к которому он был отправлен посланником из Афин (Diodor. xviii. 48).

[31] Arrian, i. 1, 2. αἰτεῖν παρ' αὐτῶν τὴν ἡγεμονίαν τῆς ἐπὶ τοὺς Πέρσας στρατείας, ἥντινα Φιλίππῳ ἤδη ἔδοσαν- καὶ αἰτήσαντα λαβεῖν παρὰ πάντων, πλὴν Λακεδαιμονίων, etc.

Арриан говорит, будто эта просьба была адресована только грекам в Пелопоннесе; кроме того, он не упоминает о собрании в Коринфе, что отмечают (хотя и с некоторым замешательством) Диодор, Юстин и Плутарх. Города за пределами Пелопоннеса, как и внутри него, должны были быть включены; если только мы не предполагаем, что постановление собрания Амфиктионов, которое было принято ранее, охватывало все внепелопоннесские города, что кажется маловероятным.

[32] Demosthenes (или Pseudo-Demosthenes), Orat. xvii. De Fœdere Alexandrino, p. 213, 214. ἐπιτάττει ἡ συνθήκη εὐθὺς ἐν ἀρχῇ, ἐλευθέρους εἶναι καὶ αὐτονόμους τοὺς Ἕλληνας. Ἔστι γὰρ γεγραμμένον, ἂν τινες τὰς πολιτείας τὰς παρ' ἑκάστοις οὔσας, ὅτε τοὺς ὄρκους τοὺς περὶ τῆς εἰρήνης ὤμνυσαν, καταλύσωσι, πολεμίους εἶναι πᾶσι τοῖς τῆς εἰρήνης μετέχουσιν....

[33] Demosthen. Orat. de Fœdere Alex. p. 213.

[34] Demosth. ib. p 215.

[35] Demosth. ib. p. 217. ἔστι γὰρ δήπου ἐν ταῖς συνθήκαις, τὴν θάλατταν πλεῖν τοὺς μετέχοντας τῆς εἰρήνης, καὶ μηδὲνα κωλύειν αὐτοὺς μηδὲ κατάγειν πλοῖον μηδενὸς τούτων- ἂν δέ τις παρὰ ταῦτα ποιῇ, πολέμιον εἶναι πᾶσι τοῖς τῆς εἰρήνης μετέχουσιν....

[36] Demosth. ib. p. 218, 219. Бёнеке в своих поучительных комментариях к этой конвенции (Forschungen auf dem Gebiete der Attischen Redner, p. 623) рассматривает упомянутый здесь

запрет так, как будто он специально обязывает македонцев не заплывать с вооруженными кораблями в Пейреус. Это, несомненно, частный случай, на котором настаивает оратор; но я считаю, что это был лишь частный случай в рамках общего запретительного правила.

[37] Arrian, ii. 1, 7; ii. 2, 4. Demosth. de Fœd. Alex, p. 213. Тенедос, Митиленк, Антисса и Эресус вряд ли могли быть членами конвента, когда впервые присягали.

[38] Demosth. Orat. de Fœd. Alex. p. 215. ἐστὶ γὰρ ἐν ταῖς συνθήκαις ἐπιμελεῖσθαι τοὺς συνεδρεύοντας καὶ τοὺς ἐπὶ τῇ κοινῇ φυλακῇ τεταγμένους, ὅπως ἐν ταῖς κοινωνούσαις πόλεσι μὴ γίνωνται θάνατοι μηδὲ φυγαὶ παρὰ τοὺς κειμένους ταῖς πόλεσι νόμους.... Οἱ δὲ τοσοῦτον δέουσι τούτων τι κωλύειν, ὥστε καὶ συγκатаσκευάζουσιν и т. д. (с. 216).

Лица, обозначенные οἱ δὲ и осуждаемые в целом в этой оратории, - это Александр или македонские офицеры и солдаты.

Отрывок из Deinarchus cont. Demosth. p. 14, приводит к предположению, что в Коринфе находился постоянный македонский отряд, занимавший перешеек. Однако фиванцы выступили против Македонии (в августе или сентябре 335 года до н. э.) и, осадив македонский гарнизон в Кадмее, отправили посланников просить помощи у аркадян. "Эти посланники (говорит Дейнарх) с трудом добрались по морю до аркадян" - οἱ κατὰ θάλασσαν μόλις ἀφίκοντο πρὸς ἐκείνους. Откуда же взяться этому затруднению, как не от македонского занятия Коринфа?

[39] Arrian, i. 16, 10. παρὰ τὰ κοινῇ δόξαντα τοῖς Ἑλλησιν. После смерти Дария Александр объявил, что греческие наемники, служившие у этого князя, в высшей степени преступны за то, что нарушили общее голосование греков (παρὰ τὰ δόγματα τὰ Ἑλλήνων), кроме тех, кто поступил на службу до этого голосования, и кроме синопцев, которых Александр считал подданными Персии, а не причастными τοῦ κοινοῦ τῶν Ἑλλήνων (Arrian, iii. 23, 15; iii. 24, 8, 9).

[40] Это орация περὶ τῶν πρὸς Ἀλέξανδρον συνθηκῶν, уже не раз упоминавшаяся выше. Хотя это произведение стоит в ряду демосфеновских, Либаний, как и большинство современных критиков, считает, что оно не принадлежит Демосфену - по внутренним соображениям стиля, которые, безусловно, убедительны. Либаний говорит, что она имеет большое сходство со стилем Гиперида. Во всяком случае, нет причин сомневаться в том, что это подлинная оратория одного из современных ораторов. Я согласен с Böhnecke (Forschungen, p. 629) в том, что она должна была быть произнесена через несколько месяцев после соглашения с Александром, до взятия Фив.

[41] Demosthenes (or Pseudo-Demosth.), Orat. De Fœdere Alex. p. 216. Οὕτω μὲν τοίνυν ῥαδίως τὰ ὅπλα ἐπήνευκε ὁ Μακεδὼν, ὥστε οὐδὲ κατέθετο πώποτε, ἀλλ' ἔτι καὶ νῦν περιέρχεται καθ' ὅσον δύναται, etc.

[42] Demosth. ib. p. 214, 215.

[43] Demosth. (или Pseudo-Demosth.) Orat. De Fœdere Alex. p. 212, 214, 215, 220, где оратор говорит об Александре как ο τύραννος Греции.

Оратор утверждает (стр. 213), что македонцы признали деспотизм противоречащим конвенции, поскольку изгнали деспотов из городов Антисса и Эресус на Лесбосе. Но, вероятно, эти деспоты вели переписку с персами на противоположном материке или с Мемноном.

[44] Demosth. ib. p. 215. τοὺς δ' ἰδίους ὑμᾶς νόμους ἀναγκάζουσι λύειν, τοὺς μὲν κεκριμένους ἐν τοῖς δικαστηρίοις ἀφίεντες, ἕτερα δὲ παμπλήθη τοιαῦτα βιαζόμενοι παρανομεῖν....

[45] Demosth. (или Pseudo-Demosth.) Orat. De Fœdere Alex. p. 217. εἰς τοῦτο γὰρ ὑπεροψίας ἦλθον, ὥστε εἰς Τένεδον ἅπαντα τὰ ἐκ τοῦ Πόντου πλοῖα κατήγαγον, καὶ σκευωρούμενοι περὶ αὐτὰ οὐ πρότερον ἀφεῖσαν, πρὶν ὑμεῖς ἐψηφίσασθε τριήρεις ἑκατον πληροῦν καὶ καθέλκειν εὐθύς τότε-ὃ παρ' ἐλάχιστον ἐποίησεν αὐτοὺς ἀφαιρεθῆναι δικαίως τὴν κατὰ θάλασσαν ἡγεμονίαν.... p. 218. Ἔως γὰρ ἂν ἐξῇ τῶν κατὰ θάλασσαν καὶ μόνοις ἀναμφισβητήτως εἶναι κυρίοις (αφινяне), τοῖς γε κατὰ γῆν πρὸς τῇ ὑπαρχούσῃ δυνάμει ἐστὶ προβολὰς ἐτέρας ἰσχυροτέρας εὐρέσθαι, и т. д.

Мы знаем, что Александр отправил эскадру кораблей в обход и вверх по Дунаю из Византии (Arrian, i. 3, 3), чтобы встретить его после похода по суше с южного побережья Фракии. Не исключено, что задержанные афинские корабли могли прийти с запасами кукурузы, а задержание судов с кукурузой должно было облегчить эту операцию.

[46] Demosth. (или Pseudo-Demosth.) Orat. De Fœdere Alex. p. 219.

[47] Demosth. ib. p. 211. οἴμαι γὰρ οὐδὲν οὕτω τοῖς δημοκρατούμενοις πρέπειν, ὥς περὶ τὸ ἴσον καὶ τὸ δίκαιον σπουδάζειν.

Я привожу здесь основной смысл, не связывая себя точными фразами.

[48] Demosth. ib. p. 213. καὶ γὰρ ἔτι προσγέγραπται ἐν ταῖς συνθήκαις, πολέμιον εἶναι, τὸν ἐκεῖνα ἄπερ Ἀλέξανδρος ποιοῦντα, ἀπᾶσι τοῖς τῆς εἰρήνης κοινωνοῦσι, καὶ τὴν χώραν αὐτοῦ, καὶ στρατεύεσθαι ἐπ' αὐτὸν ἅπαντας. Сравните p. 214 init.

[49] Demosth. ib. p. 217. οὐδεὶς ὑμῖν ἐγκαλέσει ποτε τῶν Ἑλλήνων ὥς ἄρα παρέβητέ τι τῶν κοινῇ ὁμολογηθέντων, ἀλλὰ καὶ χάριν ἔξουσιν ὅτι μόνοι ἐξηλέγξατε τοὺς ταῦτα ποιοῦντας, etc.

[50] Demosth. ib. p. 214. νυνὶ δ' , ὅτ' εἰς ταῦτ' οὐδὲν δίκαιον ἅμα καὶ ὁ καιρὸς καὶ τὸ σύμφερον συνδεδράμηκεν, ἄλλον ἄρα τινὰ χρόνον ἀναμενεῖτε τῆς ἰδίας ἐλευθερίας ἅμα καὶ τῆς τῶν ἄλλων Ἑλλήνων ἀντιλαβέσθαι;

[51] Demosth. ib. p. 220. εἰ ἄρα ποτὲ δεῖ παύσασθαι αἰσχροῦς ἐτέροις ἀκολουθοῦντας, ἀλλὰ μὴδ' ἀναμνησθῆναι μηδεμιᾶς φιλοτιμίας τῶν ἐξ ἀρχαιοτάτου καὶ πλείστου καὶ μάλιστα πάντων ἀνθρώπων ἡμῖν ὑπαρχουσῶν.

[52] Demosth. (or Pseudo-Demosth.) Orat. De Fœdere Alex. ἐὰν οὖν κελεύητε, γράψω, καθάπερ αἱ συνθήκαι κελεύουσι, πολεμεῖν τοῖς παραβεβηκόσιν.

[53] Diodorus, xvii. 7.

[54] [Æschines](#) adv. Ktesiph. p. 634; Deinarchus adv. Demosth. s. 11-19, p. 9-14. Именно Эсхинес утверждает, что 300 талантов были посланы афинскому народу и отвергнуты им.

Три года спустя, после битвы при Иссе, Александр в своем письме к Дарию обвиняет этого принца в том, что тот посылал в Грецию письма и деньги, чтобы возбудить против него войну. Александр утверждает, что лакедемоняне приняли деньги, но все остальные греческие города отказались от них (Arrian, ii. 14, 9). Нет причин сомневаться в этих фактах, но я не нахожу ничего, определяющего точный момент времени, на который ссылается Александр.

[55] Страбон говорит о фракийской ἔθνη как о двадцати двух, способных отправить 200 000 пеших и 15 000 конных (Strabo, vii. Fragm. Vatic. 48).

[56] Strabo, vii. p. 331 (Fragm.); Arrian, i. 1, 6; Appian, Bell. Civil. iv. 87, 105, 106. Аппиан дает (iv. 103) хорошее общее описание почти непроходимой и бездорожной местности к северу и северо-востоку от Филипп.

[57] Arrian, i. 1, 12, 17. Точное местонахождение той крутой дороги, по которой Александр пересек Балканы, определить невозможно. Барон фон Мольтке в своем отчете о русской кампании в Болгарии (1828-1829) перечисляет четыре дороги, по которым могла пройти армия, пересекая эту цепь с севера на юг (см. гл. i. этого труда). Но проходил ли Александр по одной из этих четырех дорог или по какой-то другой, еще более западной, мы сказать не можем.

[58] Arrian, i. 2.

[59] Strabo, vii. p. 303.

[60] Arrian, i. 4, 2-7.

[61] Ни место, где Александр пересек Дунай, ни положение острова под названием Пеке, ни идентичность реки Лигинус, ни часть горы Хемус, которую Александр преодолел, не могут быть определены. Данные, приведенные Аррианом, слишком кратки и скудны, чтобы с уверенностью определить какую-либо часть его похода после пересечения Нестуса. Факты, сообщаемые историком, представляют собой лишь малую часть того, что Александр действительно сделал в этой экспедиции.

Однако очевидно, что главной целью Александра было нападение на Трибаллы и их усмирение. Их местонахождение известно как область, где современная Сербия соединяется с Болгарией. Они доходили на восток (во времена Фукидида, ii. 96) до реки Оскиус или Искер, которая пересекает цепь Хема с юга на север, проходит мимо современного города София и впадает в Дунай. Теперь Александр, чтобы провести свою армию с восточного берега реки Нест, недалеко от ее устья, в страну трибаллов, естественно, должен был пройти через Филиппополь, город, который, судя по всему, был основан его отцом Филиппом, и поэтому, вероятно, имел регулярное сообщение с приморскими регионами. (См. Stephanus Byz. v. Φιλίπποπολίς.) Александр должен был пересечь гору Хемус где-то к северо-западу от Филиппополя. В 376 году до н. э. мы читаем (Diodor. xv. 36) о вторжении трибаллийцев в Абдери; это показывает, что с их территории на восточную сторону устья реки Нест, где находилась Абдера, была дорога, непригодная для армии. Именно по этой дороге, скорее всего, и пошел Александр. Но, вероятно, он должен был сделать значительный круг на восток; ведь путь, который, по описанию Павла Лукана, он проделал прямо из Филиппополя в Драму, вряд ли был пригоден для армии.

Река Лигинус, возможно, является современным Искером, но это не точно. Остров под названием Пеуке вызывает еще большее недоумение. Страбон говорит о нем так, будто он находится недалеко от устья Дуная (vii. p. 301-305). Но кажется невозможным, что либо хребет Трибаллы, либо поход Александра могли простирались так далеко на восток. Поскольку Страбон (как и Арриан) скопировал поход Александра у Птолемея, чей авторитет очень высок, мы вынуждены предположить, что выше по реке находился второй остров под названием Пеуке.

География Фракии так мало известна, что мы не можем удивляться нашей неспособности определить эти места. Мы знакомы, да и то не очень хорошо, с двумя высокими дорогами, обе из которых начинаются в Византии или Константинополе. 1. Одна (называемая Царской дорогой, так как по ней частично проходил поход Ксеркса во время его вторжения в Грецию,

Livy, xxxix. 27; Herodot. vii. 115) пересекает Гебрус и Нест, касается северного побережья Эгейского моря в Неаполисе, немного южнее Филипп, затем пересекает Стримон в Амфиполе и тянется через Пеллу через Внутреннюю Македонию и Иллирию в Диррахий (Via Egnatia). 2. Другая, более северная, проходила по верхней долине Гебра от Адрианополя до Филиппополя, затем через Сардикию (Софию) и Найсс (Ниш) до Дуная у Белграда; это та самая дорога, по которой сейчас ездят из Константинополя в Белград.

Но кроме этих двух дорог, о стране почти ничего не известно. Особенно горная область Родопек, ограниченная на западе рекой Стримон, на севере и востоке - рекой Гебрус, а на юге - Эгейским морем, представляет собой Terra Incognita, если не считать нескольких греческих колоний на побережье. Очень немногие путешественники проезжали по южной или Королевской дороге или описывали ее, а внутренние районы, за исключением большой дороги, были абсолютно неисследованы до визита М. Викеснеля в 1847 году с научной миссией от французского правительства. Краткий, но интересный отчет, составленный М. Викеснелем об этом труднопроходимом и труднодоступном районе, содержится в "Архивах научных и литературных миссий" за 1850 год, опубликованных в Париже. К сожалению, карта, которая должна была сопровождать этот отчет, еще не была подготовлена; но опубликованные данные, насколько это возможно, были использованы Кипертом при построении его недавней карты Турции в Европе; это лучшая карта этих регионов, существующая в настоящее время, хотя все еще очень несовершенная. Иллюстрации (Erläuterungen), приложенные Кипертом к его карте Турции, показывают недостатки данных, на которых основана картография этой страны. До исследования М. Викеснеля верхняя часть течения Стримона и почти все течение Нестуса, можно сказать, были полностью неизвестны.

[62] Арриан, i. 4, 5; Страбон, vii. p. 301.

[63] О положении Пелиона см. Livy, xxxi. 33, 34, и замечания полковника Лика, Путешествия по Северной Греции, т. iii. гл. 28. с. 310-324.

[64] Если предположить, что Александр находился на территории трибаллов, современной Сербии, то в этом походе он должен был следовать в основном по дороге, которая сейчас часто используется между Белградом и Битолией; через равнину Косово, Приштину, Катшаник (оглябая с северо-восточной стороны Любатрин, северо-восточный мыс, завершающий цепь Скардов), Ушкуб, Куприли, вдоль верхнего течения Аксиуса или Вардара, до того места, где Эригон или Черна соединяется с этой рекой ниже Куприли. Здесь он окажется среди пеонийцев и агрианцев на востоке и дарданцев и аутриатов, кажется, на севере и западе. Если бы он затем последовал по течению Эригона, то прошел бы через части Македонии, называвшиеся тогда Деурипией и Пелагонией: он прошел бы между хребтами гор, через которые прорывается Эригон, называемыми Нидже на юге и Бабуна на севере. После этого он должен был пройти к Флорине, а не к Битолии.

См. карту этих областей Киперта - часть его недавней карты Турции в Европе - и описание общего пути у Грисбаха.

[65] Arrian, i. 5, 12.

[66] Arrian, i. 6, 3-18.

[67] Arrian, i. 6, 19-22.

[68] Arrian, i. 7, 5.

[69] [Ælian](#), V. H. xii. 57.

[70] Demades, ὑπὲρ τῆς δωδεκαετίας, s. 14. Θηβαῖοι δὲ μέγιστον εἶχον δεσμὸν τὴν τῶν Μακεδόνων φρουρὰν, ὑφ' ἧς οὐ μόνον τὰς χεῖρας συνεδέθησαν, ἀλλὰ καὶ τὴν παρῶρησίαν ἀφῆρηντο....

[71] Фиванцы, излагая свои жалобы аркадянам, заявили-ὅτι οὐ τὴν πρὸς τοὺς Ἑλληνας φιλίαν Θηβαῖοι διαλύσαι βουλόμενοι, τοῖς πράγμασιν ἐπ'ανέστησαν, οὐδ' ἐναντίον τῶν Ἑλλήνων οὐδὲν πράξοντες, ἀλλὰ τὰ παρ' αὐτοῖς ὑπὸ τῶν Μακεδόνων ἐν τῇ πόλει γινόμενα φέρειν οὐκέτι δυνάμενοι, οὐδὲ τὴν δουλείαν ὑπομένειν, οὐδὲ τὰς ὕβρεις ὁρᾶν τὰς εἰς τὰ ἐλεύθερα σώματα γινόμενας.

См. Демадес περὶ τῆς δωδεκαετίας, s. 13, речь Клидаса, Юстин, xi. 4; и (Deinarchus cont. Demosth. s. 20) сравните Livy, xxxix. 27 - о работе македонского гарнизона в Маронсии во времена Филиппа, сына Деметрия.

[72] Демадес περὶ τῆς δωδεκαετίας, Fragm. ad fin.

[73] Arrian, i. 7, 3. Καὶ γὰρ καὶ πολὺς ὁ λόγος (οὐ смерти Александра) καὶ παρὰ πολλῶν ἐφοίτα, ὅτι τε χρόνον ἀπῆν οὐκ ὀλίγον καὶ ὅτι οὐδεμία ἀγγελία παρ' αὐτοῦ ἀφῆκτο, etc.

[74] Демадес περὶ τῆς δωδεκαετίας, ad fin. ἡνίκα Δημοσθένης καὶ Λυκοῦργος τῷ μὲν λόγῳ παραταπτόμενοι τοὺς Μακεδόνας ἐνίκων ἐν Τριβάλλοις, μόνον δ' οὐχ ὁρατὸν ἐπὶ τοῦ βήματος νεκρὸν τὸν Ἀλέξανδρον προέθηκαν ἐμὲ δὲ στυγνὸν καὶ περίλυπον ἔφασκον εἶναι μὴ συνευδοκοῦντα и др.

Юстин, xi. 2. "Demosthenem oratorem, qui Macedonum deletas omnes cum rege copias à Triballis affirmaverit, producto in concionem auctore, qui in eo praelio, in quo rex ceciderit, se quoque vulneratum diceret."

Сравните Тацит, Histor. i. 34. "Vix dum egresso Pisone, occisum in castris Othonem, vagus primum et incertus rumor, mox, ut *in magnis mendaciis, interfuisse se quidam, et vidisse affirmabant*, credulà famâ inter gaudentes et incuriosos..... Obvius in palatio Julius Atticus, speculator, cruentum gladium ostentans, occisum à se Othonem exclamavit."

Утверждается, что Александр действительно был ранен камнем в голову во время сражения с иллирийцами (Плутарх, Fortun. Alex. p. 327).

[75] Arrian, i. 7, 1: сравните Deinarchus cont. Demosthenes, s. 75. p. 53.

[76] Арриан, i. 7, 3-17.

[77] Xenoph. Hellen. v. 4, 11. См. том X. гл. lxxvii. с. 81 этой истории.

[78] Arrian, i. 7, 14.

[79] Diodor. xvii. 8.

[80] Deinarchus cont. Demosth. p. 14. s. 19. καὶ Ἀρκάδων ἡκόντων εἰς ἐσθμὸν, καὶ τὴν μὲν παρὰ Ἀντιπάτρου πρεσβεῖαν ἀπρακτὸν ἀποστειλάντων, etc.

В голосовании, принятом афинским народом через несколько лет после этого, о присуждении Демосфену статуи и других почестей, эти дела в Пелопоннесе перечислены среди его титулов, заслуживающих общественной благодарности -καὶ ὥς ἐκώλυσε

Πελοποννησίους ἐπὶ Θήβας Ἀλεξάνδρῳ βοηθῆσαι, χρήματα δοῦς καὶ αὐτὸς πρεσβεύσας и т. д. (Плутарх, Vit. X. Orator. p. 850).

[81] Arrian, i. 10, 2; Æschines adv. Ktesiphont. p. 634.

[82] Æschines adv. Ktesiph. p. 634; Deinarch. adv. Demosth. p. 15, 16. s. 19-22.

[83] См. Herod. viii. 143. Демосфен в своих ораторских выступлениях часто настаивает на ином ранге и положении Афин по сравнению с более мелкими греческими государствами, а также на более высоких и тяжелых обязанностях, вытекающих из этого. Это одно из главных отличий его политики от политики Фокиона. См. поразительный отрывок из речи De Coronâ, p. 245. s. 77; и Orat. De Republ. Ordinand. p. 176. s. 37.

Исократ придерживается того же мнения относительно обязательств Спарты - в речи, которую он вкладывает в уста Архидама. "Никто не станет ссориться с эпидаврами и флиасийцами, ибо они смотрят только на то, как им пробиться и сохранить себя в бытии. Но для лакедемонян невозможно стремиться только к сохранению и ни к чему больше - какими бы средствами они ни были. Если мы не можем сохранить себя с честью, мы должны предпочесть славную смерть". (Исократ, Orat. vi. Archid. s. 106.)

Отсталая и узкая политика, которую Исократ здесь провозглашает подходящей для Эпидавра и Флии, но не для Спарты, - это именно то, что Фокион всегда рекомендовал Афинам, даже когда власть Филиппа еще только зарождалась и была неустойчивой.

[84] Arrian, i. 7, 9.

[85] Arrian, i. 7. 6. См. об этом регионе "Путешествия полковника Лика по Северной Греции", гл. vi. с. 300-304; гл. xxviii. с. 303-305 и т. д.; а о линии похода Александра - *карту* в конце тома.

[86] Диодор (xvii. 9) ошибочно говорит, что Александр неожиданно вернулся из *Фракии*. Если бы это было так, то он должен был прийти через Пеллу.

[87] Diodor. xvii. 9; Plutarch. Alexand. 11.

[88] Arrian, i. 7, 16.

[89] Diodor. xvii. 9.

[90] Diodor. xvii. 9.

[91] Атака Пердикки была представлена Птолемею, с которого Арриан копирует (i. 8, 1), не только как первая и единственная атака македонской армии на Фивы, но и как предпринятая Пердиккой без *приказа Александра*, который был вынужден поддержать ее, чтобы уберечь Пердикку от поражения фиванцами. Таким образом, согласно Птолемею и Арриану, штурм Фив произошел как без приказа, так и вопреки желанию Александра; к тому же захват был произведен быстро и без особого труда для осаждающей армии (ἡ ἄλωσις δι' ὀλίγου τε καὶ οὐ ξὺν πόνῳ τῶν ἐλόντων ξυνεχέσθαι, Arr. i. 9, 9): кровопролитие и грабежи были вызваны мстительными настроениями союзников-беотийцев.

У Диодора перед глазами совсем другой рассказ. Он утверждает, что Александр и организовал, и приказал напасть, что фиванцы вели себя как смелые и отчаянные люди, упорно и долго сопротивлялись, что резня после этого была совершена общей массой

нападавших, среди которых, несомненно, выделялись беотийские союзники. Диодор приводит этот рассказ довольно подробно и с обычными для него риторическими усилениями. Плутарх и Юстин более кратки, но совпадают в общем мнении, а не в том, что у Арриана. Полиэн снова (iv. 3 12) дает нечто отличное от всех.

Мне кажется, что рассказ Диодора (в его основе и за вычетом риторических усилений) более достоверен, чем рассказ Арриана. Признавая нападение Пердикки, я полагаю, что оно было частью общего плана Александра. Я не могу считать вероятным, что Пердиккас напал без приказа или что Фивы были взяты без особого сопротивления. Фивы были взяты *одним* штурмом (*Æschines adv. Ktesiph. p. 524*), но штурмом хорошо скомбинированным и с упорным сопротивлением, а не начатым без подготовки и порядка и успешным после почти никакого сопротивления. Александр, предложив, как он считал, либеральные условия, не был человеком, который бы уклонился от того, чтобы добиться своего силой; и фиванцы не отказались бы от этих условий, если бы не были настроены на упорную и отчаянную оборону без надежды на конечный успех.

Каким авторитетом руководствовался Диодор, мы не знаем. Возможно, он следовал за Клейтархом, современником и эолийцем, который, должно быть, имел хорошие средства для получения информации о таком событии, как взятие Фив (см. Geier, *Alexandri M. Historiarum Scriptores ætate suppres, Leips. 1844, p. 6-152*; и Воссигус, *De Historicis Græcis. i. x. p. 90, ed. Westermann*). Я с должным уважением отношусь к авторитету Птолемея, но не могу согласиться с Гейером и другими критиками, которые отбрасывают все другие свидетельства, даже современные, об Александре, как не заслуживающие доверия, за исключением случаев, когда эти свидетельства подтверждены Птолемеем или Аристобулом. Мы должны помнить, что Птолемей написал свою книгу только после того, как стал царем Египта в 306 году до н. э.; и не раньше, чем после битвы при Ипсусе в 301 году, как утверждает Гейер (стр. 1); по крайней мере, через двадцать девять лет после разграбления Фив. Более того, Птолемей не стыдился того, что Гейер называет (с. 11) "благочестивым мошенничеством", объявив, что две говорящие змеи провели армию Александра в священный участок Зевса Аммона (Arrian, iii. 3). Наконец, выясняется, что показания, которые встречаются у других историков, но не у Птолемея и Аристобула, касаются в основном вопросов, порочащих Александра. То, что Птолемей и Аристобул *упустили*, по моему мнению, гораздо более вероятно, чем то, что другие историки *выдумали*. Восхищенные биографы легко оправдались бы за то, что отказались объявить миру о таких деяниях, как расправа над Бранхидеями или перетаскивание раненого Батиза в Газе".

[92] Arrian, i. 8; Diodor. xvii. 12, 13.

[93] Диодор (xvii. 14) и Плутарх (Alexand. 11) согласны с тем, что их число составляет 6000 и 30 000.

[94] Arrian, i. 9; Diodor. xvii. 14.

[95] Justin, xi. 4.

[96] Diodor. xvii. 14; Justin, xi. 4: "pretium non ex ementium commodo, sed ex inimicorum odio extenditur".

[97] Arrian, i. 9, 13. Τοῖς δὲ μετασχοῦσι τοῦ ἔργου συμμάχοις, οἷς δὴ καὶ ἐπέτρεψεν Ἀλέξανδρος τὰ κατὰ τὰς Θήβας διαθεῖναι, ἔδοξε, etc.

[98] Arrian, i. 9, 10. Он сообщает нам (i. 9, 12), что было много предшествующих предзнаменований, которые предвещали это разорение: Диодор (xvii. 10), напротив,

перечисляет множество предшествующих знаков, все они были направлены на ободрение фиванцев.

[99] Plutarch, Alex. 11. ἡ μὲν πόλις ἦλω καὶ διαρπασθεῖσα κατεσκάφη, τὸ μὲν ὅλον προσδοκήσαντος αὐτοῦ τοὺς Ἑλλήνας πάθει τηλικούτῳ ἐκπλαγέντας καὶ πτήξαντας ἀτρεμήσειν, ἄλλως δὲ καὶ καλλωπισαμένου χαρίζεσθαι τοῖς τῶν συμμάχων ἐγκλήμασιν.

[100] Arrian, i. 11, 13. Чтобы еще больше проиллюстрировать чувство греков, касающееся гнева богов, возникающего из-за прекращения поклонения там, где оно продолжалось долгое время, я привожу отрывок из работы полковника Слимана об индусах, чьи религиозные чувства по многим пунктам аналогичны эллинским: - "Человеческие жертвы, конечно, приносились.

"Человеческие жертвоприношения, несомненно, совершались в городе Саугор в течение всего правления махраттов, вплоть до 1800 года, когда их прекратил местный губернатор Асса Сахиб, очень гуманный человек. Однажды я слышал, как один ученый священник-брамин сказал, что, по его мнению, упадок его (Асса Сахиба) семьи и правительства произошел из-за этого нововведения. "Нет никакого греха в том, чтобы не приносить человеческие жертвы богам там, где их не приносили; *но там, где богу привыкли к ним, они очень естественно раздражаются, когда этот обряд отменяется, и насылают на место и людей всевозможные бедствия*". Жрец, похоже, не считал, что в этом рассуждении есть что-то необычное: возможно, три браминских жреца из четырех рассуждали бы точно так же". (Sleeman, Rambles and Recollections of an Indian Official, vol. i. ch. xv. p. 130).

[101] Plutarch, Alex. 13: сравните Юстин, xi. 4; и Isokrates ad Philipp. (Or. v. s. 35), где он рекомендует Фивы Филиппу на основании преимущественного поклонения Гераклу.

Заслуживает внимания тот факт, что в то время как сам Александр раскаивается в разрушении Фив, оратор-македонист в Афинах описывает его как справедливое, хотя и прискорбное наказание, навлеченное фиванцами на себя безрассудным безумием поведения (Æschines adv. Ktesiph. p. 524).

[102] Arrian, i. 10, 4.

[103] Имя Диотима упоминается Аррианом (i. 10, 6), но не Плутархом, который называет вместо него Демона (Plutarch, Demosth. c. 23) и Каллистена вместо Гиперида. Мы ничего не знаем о Диотиме, кроме того, что Демосфен (De Coronâ, p. 264) упоминает его вместе с Харидемом, как получившего благодарность от народа в благодарность за подаренные щиты, которые он сделал. Он также упоминается вместе с Харидемом и другими в третьем из посланий Демосфена, p. 1482.

[104] Arrian, i. 10, 6; Plutarch, Vit. X. Orat. p. 847. ἐξήτει αὐτὸν (Демосфен) ἀπειλῶν εἰ μὴ δοίησαν. Diodor. xvii. 15; Плутарх, Демосф. 23.

[105] Livy; ix. 18. "(Александр), adversus quem Athenis, in civitate fractâ Macedonum armis, cernente tum maxime prope fumantes Thebarum ruinas, concionari libere ausi sint homines, -id quod ex monumentis orationum patet", etc.

[106] Plutarch, Phokion, 9-17; Diodor. xvii. 15.

[107] Diodor. xvii. 15. Ὁ δὲ δῆμος τοῦτον μὲν (Phokion) τοῖς θορύβοις ἐξέβαλε, προσάντως ἀκούων τοὺς λόγους.

[108] Arrian, i. 10, 8; Diodor. xvii. 15; Плутарх, Фокион, 17; Юстин, xi. 4; Deinarchus cont. Demosth. p. 26.

Арриан утверждает, что визит Демадеса с девятью другими афинскими посланниками к Александру произошел *до того*, как Александр потребовал выдачи десяти граждан. Он (Арриан) утверждает, что сразу после известия о взятии Фив афиняне по предложению Демадеса проголосовали за отправку десяти посланников, чтобы выразить удовлетворение тем, что Александр благополучно вернулся домой из Иллирии и что он наказал фиванцев за их восстание. Александр (по словам Арриана) принял эту миссию вежливо, но в ответ отправил афинскому народу письмо, в котором настаивал на выдаче десяти граждан.

Теперь и Диодор, и Плутарх представляют миссию Демадеса как *предшествующую* требованию Александра о десяти гражданах, и что она была направлена на удовлетворение и осуждение этого требования.

По моему мнению, рассказ Арриана менее правдоподобен из двух. Я считаю крайне маловероятным, чтобы афиняне путем публичного голосования выразили удовлетворение тем, что Александр наказал фиванцев за их восстание. Если бы партия македонистов в Афинах была достаточно сильна, чтобы провести столь позорное голосование, они также были бы достаточно сильны, чтобы провести последующее предложение Фокиона - что десять граждан, которых требовали, должны быть сданы. Тот факт, что афиняне охотно предоставили убежище фиванским беглецам, является еще одной причиной не верить этому предполагаемому голосованию.

[109] Plutarch, Phokion, 17; Plutarch, Alexand. 13.

[110] Plutarch, Alex. 14.

[111] Plutarch, Alex. 14.

[112] Diodor. xvi. 7.

[113] Arrian, i. 16, 10; i. 29, 9, о греческих пленниках, взятых при победе Граника-ὄσους δὲ αὐτῶν αἰχμαλώτους ἔλαβε, τούτους δὲ δήσας ἐν πέδαις, εἰς Μακεδονίαν ἀπέπεμψεν ἐργάζεσθαι, ὅτι παρὰ τὰ κοινῇ δόξαντα τοῖς Ἑλλήσιν, Ἑλληνες ὄντες, ἐναντία τῇ Ἑλλάδι ὑπὲρ τῶν βαρβάρων ἐμάχοντο. Также iii. 23, 15, о греческих солдатах, служивших у персов, и сделали пленниками в Гиркании-Ἀδικεῖν γὰρ μεγάλα (сказал Александр) τοὺς στρατευομένους ἐναντία τῇ Ἑλλάδι παρὰ τοῖς βαρβάροις παρὰ τὰ δόγματα τῶν Ἑλλήνων.

В конце октября 1812 года под Москвой генерал Винцингероде, немецкий офицер на русской службе, вместе со своим адъютантом, коренным русским, Нарышкиным, попал в плен к французам. Его привели к Наполеону... "При виде этого немецкого генерала все тайные обиды Наполеона вспыхнули. Кто ты такой (воскликнул он)? Человек без родины! Когда я воевал с австрийцами, я нашел вас в их рядах. Австрия стала моим союзником, а вы перешли на русскую службу. Вы были одним из самых горячих подстрекателей нынешней войны. Тем не менее, вы - уроженец Рейнской конфедерации: *вы мой подданный*. Вы не обычный враг: вы мятежник: Я имею право предать вас суду. *Вооруженные люди*, схватите этого человека! Затем, обращаясь к адъютанту Винцингероде, Наполеон сказал: "Что касается вас, граф Нарышкин, то мне не в чем вас упрекнуть: вы русский, вы исполняете свой долг". (Рассказ Сегюра о кампании в России, кн. ix. гл. vi. с. 132).

Наполеон не реализовал эти угрозы в адрес Винцингероде; но его язык выражает те же чувства, что и язык Александра по отношению к пленным грекам.

[114] Demosth. Olynth. ii. p. 14 Ὅλως μὲν γὰρ ἡ Μακεδονικὴ δύναμις καὶ ἀρχὴ ἐν μὲν προσθήκῃ μερίς ἐστὶ τις οὐ σμικρὰ, οἷον ὑπῆρξέ ποθ' ὑμῖν ἐπὶ Τιμοθέου πρὸς Ὀλυνθίους αὐτὴ δὲ καθ' αὐτὴν ἀσθενὴς καὶ πολλῶν κακῶν ἐστὶ μεσστή.

[115] Demosth. Philipp. iii. p. 123, 124: ср. Olynth. ii. p. 22. Я привожу здесь суть сказанного оратором, не строго придерживаясь его слов.

[116] Исократ в нескольких своих беседах отмечает постепенное увеличение числа этих наемников - людей без постоянных средств к существованию, постоянного места жительства и гражданских обязанностей. Or. iv. (Panegy.), s. 195; Or. v. (Philippus), s. 112-142; Or. viii. (De Pace), s. 31-56.

[117] Xenoph. Magist. Equit. ix. 4. Οἶδα δ' ἐγὼ καὶ Λακεδαιμονίοις τὸ ἵππικὸν ἀρξάμενον εὐδοκιμεῖν, ἐπεὶ ξένους ἵππείας προσέλαβον- καὶ ἐν ταῖς ἄλλαις πόλεσι πανταχοῦ τὰ ξενικὰ ὁρῶ εὐδοκίμοῦντα.

Сравните Demosth. Philippic. i. p. 46; Xenoph. Hellenic. iv. 4, 14; Isokrates, Orat. vii. (Areopagit.), s. 93.

[118] Об улучшенном вооружении пельтастов, введенном Ификратом, см. т. IX. Ch. lxxv. p. 335 этой Истории. Относительно этих улучшений неясны высказывания как Диодора (хв. 44), так и Непоса. ММ. Рюстов и Кёчли (в своем ценном труде "Geschichte des Griechischen Kriegswesens", Aarau, 1852, В. ii. p. 164) истолковали эти высказывания в таком смысле, с которым я не могу согласиться. Они считают, что Ификрат изменил вооружение не только пельтастов, но и гоплитов; предположение, которое я не вижу никаких оснований для этого.

[119] Помимо множества разрозненных замечаний в "Анабасисе", "Киропедия" полна обсуждений и критики военных феноменов. Примечательно, в какой степени Ксенофонт представлял себе все потребности войны и различные способы их удовлетворения. См. в качестве примера Киропед. vi. 2; ii. 1.

Сочинение Энея об осадах ("Полиоркетика"), несомненно, предшествует военным усовершенствованиям Филиппа Македонского: вероятно, оно относится к началу его царствования. См. предисловие к нему Рюстоу и Кёчли, стр. 8, в их издании Die Griechischen Kriegs-schriftsteller, Leips. 1853. В этой работе упоминается еще несколько, ныне утраченных, сочинений того же автора - Παρασκευαστικὴ βίβλος, Ποριστικὴ Βίβλος, Στρατοπεδευτικὴ и т. д.

[120] См. поразительную речь, обращенную Александром к недовольным македонским солдатам за несколько месяцев до его смерти в Описе или Сузах (Арриан, vii).

... Φίλιππος γὰρ παραλαβὼν ὑμᾶς πλανήτας καὶ ἀπόρους, ἐν διφθέραις τοὺς πολλοὺς νέμοντας ἀνὰ τὰ ὄρη πρόβατα κατὰ ὀλίγα, καὶ ὑπὲρ τούτων κακῶς μαχομένους Ἰλλυριοῖς τε καὶ Τριβαλλοῖς καὶ τοῖς ὁμόροις Θραξί, χλαμύδας μὲν ὑμῖν ἀντὶ τῶν διφθερῶν φορεῖν ἔδωκε, κατήγαγε δὲ ἐκ τῶν ὁρῶν ἐς τὰ πεδία, ἀξιωμαχοὺς καταστήσας τοῖς προσχώροις τῶν βαρβάρων, ὥς μὴ χωρίων ἔτι ὀχυρότητι πιστεύοντας μᾶλλον ἢ τῇ οἰκείᾳ ἀρετῇ σώζεσθαι....

В версии той же речи, приведенной Курцием (х. 10, 23), мы находим: "Modo sub Philippo seminudis, amicula ex purpurâ sordent, aurum et argentum oculi ferre non possunt: lignea enim vasa desiderant, et ex cratibus scuta rubiginemque gladiatorum" и т. д.

Сравните описание, данное Фукидидом, iv. 124, армии Брасидаса и Пердикки, где македонские пешие описаны как ἄλλος ὄμιλος τῶν βαρβάρων πολύς.

[121] Herodot. viii. 137.

[122] Thucyd. ii. 100; Xenoph. Hellen. v. 2, 40-42.

[123] О длине пик македонской фаланги см. в [Приложении](#) к этой главе.

[124] Впечатление восхищения и даже ужаса, которое охватило римского полководца Павла Эмилия, когда он впервые увидел македонскую фалангу в боевом строю в Пидне, было записано Полибием (Polybius, *Fragm.* xxix. 6, 11; Livy, xlv. 40).

[125] Harpokration and Photius, v. Πεζεταῖροι, Demosth. Olynth. ii. p. 23; Арриан, iv. 23, 1. τῶν πεζεταίρων καλουμένων τὰς Τάξεις, и ii. 23, 2, и т. д.

Поскольку мы знаем от Демосфена, что пезетэри относятся ко времени Филиппа, вероятно, что отрывок Анаксимена (цитируемый Гарпократом и Фотием), который относит их к Александру, приписывает сыну то, что на самом деле принадлежит отцу. Термин ἐταῖροι, относящийся к царям Македонии, впервые появляется у Плутарха, Пелопидас, 27, в отношении Птолемея, до времени Филиппа; см. Otto Abel, *Makedonien vor König Philip*, p. 129 (отрывок Илиана, на который он ссылается, кажется малозначительным). Термин "компаньоны" или "товарищи" имел при Филиппе чисто военное значение, обозначая как иностранцев, так и македонцев, служивших в его армии: см. Theopompus, *Frag.* 249. Этот термин, первоначально применявшийся только к избранным, со временем был распространен на весь корпус в целом.

[126] Арриан, i. 14, 3; iii. 16, 19; Диодор, xvii. 57. Сравните примечание Шмидера к приведенному выше отрывку Арриана; также Droysen, *Geschichte Alexanders des Grossen*, p. 95, 96, и подробное примечание Мютцеля к Curtius, v. 2, 3. p. 400.

Отрывок Арриана (его описание армии Александра при Гранике) путается и кажется ошибочным в некоторых словах текста; тем не менее, он может быть использован для обоснования предположения о шести таксеях пезетэри в фаланге Александра в тот день. Похоже, что в Арбеле также было шесть таксеев (iii. 11, 16).

[127] Арриан. *Tactic.* c. 10; Ælian. *Tactic.* c. 9.

[128] Curtius, v. 2, 3.

[129] Это видно из того, как Александр за некоторое время до своей смерти объединил македонских и персидских солдат в одном лохе; обычная глубина в шестнадцать человек была сохранена; все первые ряды или привилегированные люди были македонцами. Македоняне были сильно уязвлены тем, что их родной полковой строй был разделен с азиатами (Арриан, vii. 11, 5; vii. 23, 4-8).

[130] Правильное значение ὑπασιπτοῖ, как охрана или личные сопровождающие принца, показано в Арриане, i. 5, 3; vii. 8, 6.

Неоптолем, как ἀρχιυπασιπτοῦς Александра, носил щит и копье последнего в официальных случаях (Плутарх, Евмены, 1).

[131] Arrian, ii. 4, 3, 4; ii. 20, 5.

[132] Арриан, iv. 30, 11; v. 23, 11.

[133] Арриан, ii. 20, 5; ii. 23, 6; iii. 18, 8.

[134] Дройзен и Шмидер называют число гипаспистов в армии Александра при Иссе равным 6000. То, что это мнение не опирается на достаточные доказательства, было показано

Мютцелем (ad Curtium, v. 2, 3. p. 399). Но то, что число гипаспистов, оставленных Филиппом после его смерти, составляло 6000, не кажется невероятным.

[135] См. Арриан, т. 14, 1; т. 16, 4; Курций, vi. 9, 22. "Equitatu, optimæ exercitûs parti" и т. д.

[136] Нам рассказывают, что Филипп, после своей экспедиции против скифов, примерно за три года до своей смерти, вытребовал и отправил в Македонию 20 000 отборных кобыл, чтобы улучшить породу македонских лошадей. Царские хары находились в окрестностях Пеллы (Юстин, ix. 2; Страбон, xvi. p. 752, в этом отрывке Страбона *подробности* относятся к харасу Селевкида Никатора в Апамее, а не к харасу Филиппа в Пелле).

[137] Arrian, i. 2, 8, 9 (где мы также находим упоминание τοὺς ἐκ τῆς ἁνωθεν Μακεδονίας ἵππεας), i. 12, 12; ii. 9, 6; iii. 11, 12.

Ο ἵππεῖς σαρισσόφοροι см. i. 13, 1.

Возможно, что было шестнадцать эскадронов тяжелой конницы и восемь эскадронов сариссофоров, в каждом эскадроне от 180 до 250 человек, как полагают Рюстов и Кёчли (стр. 243). Но достаточных доказательств этому нет; я также не могу считать безопасным предположить, как это делают они, что Александр взял с собой в Азию *только половину* всех македонских сил.

[138] Арриан, iii. 11, 11; iii. 13, 1; iii. 18, 8. В первом из этих отрывков мы имеем ἴλα βασιλικάι во множественном числе (iii. 11, 12). Похоже также, что различные ἴλα чередовались друг с другом в главном положении, или ἡγεμονία для определенных дней (Арриан, i. 14, 9).

[139] Арриан, iii. 16, 19.

[140] Arrian, iv. 13, 1. Ἐκ Φιλίππου ἦν ἥδη καθεστηκὸς, τῶν ἐν τέλει Μακεδόνων τοὺς παῖδας, ὅσοι ἐς ἡλικίαν ἐμειρακίσαντο, καταλέγεσθαι ἐς θεραπείαν τοῦ βασιλέως. Τὰ δὲ περὶ τὴν ἄλλην δίαιταν τοῦ σώματος διακονεῖσθαι βασιλεῖ, καὶ κοιμώμενον φυλάσσειν, τοῦτοις ἐπετέτραπτο- καὶ ὁπότε ἐξελαύνοι βασιλεὺς, τοὺς ἵππους παρὰ τῶν ἵπποκόμων δεχόμενοι ἐκεῖνοι προσῆγον, καὶ ἀνέβαλον οὗτοι βασιλεῖα τὸν Περσικὸν τρόπον, καὶ τῆς ἐπὶ θήρᾳ φιλοτιμίας βασιλεῖ κοινωνοὶ ἦσαν, etc.

Curtius, viii. 6. 1. "Mos erat principibus Macedonum adultos liberos regibus tradere, ad munia haud multum servilibus ministeriis abhorrentia. Excubabant servatis noctium vicibus proximi foribus ejus ædis, in quâ rex aquiescebat. Per hos pellices introducebantur, alio aditu quam quem armati obsidebant. Iidem acceptos ab agasonibus equos, quum rex ascensurus esset, admovebant; comitabanturque et venantem, et in præliis, omnibus artibus studiorum liberalium exculti. Præcipuus honor habebatur, quod licebat sedentibus vesci cum rege. Castigandi eos verberibus nullius potestas præter ipsum erat. Hæc cohors velut seminarium ducum præfectorumque apud Macedonas fuit: hinc habuere posteri reges, quorum stirpibus post multas ætates Romani opes ademerunt." Сравните Curtius, v. 6, 42; и Ælian, V. H. xiv. 49.

Эта информация интересна как иллюстрация македонских нравов и обычаев, которые очень мало известны нам. В последние часы существования македонской монархии, после поражения при Пидне (168 г. до н. э.), *pueri regii* последовали за побежденным царем Персеем в святилище на Самофракии и не покидали его до того момента, когда он сдался римлянам (Livius, xlv. 5).

В качестве иллюстрации бичевания, применяемого в качестве наказания к молодым македонцам, см. случай с Декамнихом, переданным царем Архелаем Еврипиду для порки (Аристотель, *Polit.*, v. 8, 13).

[141] Curtius, v. 6, 42; Diodor. xvii. 65.

[142] Это мы читаем о юноше Филиппе, брате Лисимаха (Curtius, viii. 2, 36).

[143] Arrian, i. 6, 17.

[144] Demosthenes, *De Coronâ*, p. 247.

[145] Livy. xlii. 51; xlii. 46, а также сравнение в Strabo, xvi. p. 752, между военными учреждениями Селевка Никатора в Апамее в Сирии и Филиппа в Пелле в Македонии.

[146] Justin, xi. 6. О долге в 500 талантов, оставленном Филиппом, см. слова Александра, Арриан, vii. 9, 10. Диодор утверждает (xvi. 8), что ежегодный доход Филиппа от золотых рудников составлял 1000 талантов; итог, которому не стоит доверять.

[147] Diodor. xvii. 17.

[148] Diodor. xvii. 16.

[149] Юстин, xi. 5. "Proficiscens ad Persicum bellum, omnes novercæ suæ cognatos, quos Philippus in excelsiorem dignitatis locum provehens imperiis præfecerat, interfecit. Sed nec suis, qui apti regno videbantur, pepercit; ne qua materia seditionis procul se agente in Macedoniâ remaneret." Сравните также xii. 6, где Павсаний, упомянутый как преданный смерти Александром, не является убийцей Филиппа. Павсаний был распространенным македонским именем (см. Diodor. xvi. 93).

Я не вижу причин для недоверия к общему факту, утверждаемому Юстином. Мы знаем от Арриана (который упоминает этот факт случайно в своем труде τὰ μετὰ Ἀλέξανδρον, хотя он ничего не говорит об этом в своем рассказе об экспедиции Александра - см. Photius, *Cod.* 92. p. 220), что Александр предал смерти в начале своего царствования своего двоюродного брата и шурина Аминтаса. Тем более он не побрезговал бы убить друзей или родственников Клеопатры. Ни Александр, ни Антипатр не сочли бы такое действие чем-то иным, кроме как разумной мерой благоразумной политики. По македонскому общему праву, если человек был признан виновным в измене, все его родственники были приговорены к смерти вместе с ним (Curtius, vi. 11, 20).

У Плутарха (*De Fortunâ Alex. Magn.* p. 342) есть общий намек на эти предупредительные казни по приказу Александра. Фортуна (говорит он) наложила на Александра δεινὴν πρὸς ἄνδρας ὁμοφύλους καὶ συγγενεῖς διὰ φόνου καὶ σιδήρου καὶ πυρὸς ἀνάγκην ἀμύνης, ἀτερπέστατον τέλος ἔχουσαν.

[150] Кассандр командовал корпусом фракийцев и пеонийцев: Иоллас и Филипп были приставлены к царской особе (Арриан, vii. 27, 2; Юстин, xii. 14; Диодор. xvii. 17).

[151] Юстин, xvi. 1, 14. "Antipatrum-amariorem semper ministrum regni, quam ipsos reges, fuisse", etc.

[152] Plutarch, *Alexand.* 25-39; Арриан, vii. 12, 12. Он имел обыкновение говорить, что его мать требовала с него большую плату за проживание в доме в течение десяти месяцев.

Клеопатра (сестра Александра и дочь Олимпии) также пользовалась значительным влиянием в правительстве. Дионисий, деспот понтийской Гераклеи, при жизни Александра противостоял оппозиции в своем правительстве, в основном оказывая ей усердные ухаживания (Memnon. Heracl. c. 4. ap. Photium, Cod. 224).

[153] Arrian, i. 11, 9.

[154] Афиняне предоставили двадцать военных кораблей. Diodor. xvii. 22.

[155] Arrian, i. 11; Plutarch, Alexand. 15; Юстин, xi. 5. Церемония обхода колонны Ахилла еще сохранялась во времена Плутарха - ἀλειψάμενος λίπα καὶ μετὰ τῶν ἐταίρων συναναδραμὼν γυμνὸς, ὥσπερ ἔθος ἔστιν, и т. д. Филострат, спустя пять веков после Александра, передает яркую картину многочисленных легендарных и религиозных ассоциаций, связанных с равниной Трои и гробницей Протесилая в Елеусе, а также многочисленных обрядов и церемоний, совершавшихся там даже в его время (Philostrat. Heroica, xix. 14, 15. p. 742, ed. Olearius-δρόμοις δ' ἐρρῶθμισμένοις συνηλάαζον, ἀνακαλοῦντες τὸν Ἀχιλλέα, etc., и страницы, предшествующие и следующие).

Дикеарх (Fragm. 19, ed. Didot. ap. Athenæum, xiii. p. 603) в особом труде рассказал о жертвах, принесенных Афинке в Илиуме (Περὶ τῆς ἐν Ἰλίῳ θυσίας) Александром и многими другими до него; Ксерксом (Herodot. vii. 43), который принес в жертву 1000 волов, Миндаром (Xenoph. Hellen. i. 1, 4) и т. д. Описывая действия Александра в Илиуме, Дикеарх, по-видимому, много внимания уделил теплой симпатии, которую этот принц проявлял к привязанности Ахилла и Патрокла: эту симпатию Дикеарх иллюстрировал, характеризуя Александра как φιλόπαις ἐκμανῶς и рассказывая о его публичном восхищении евнухом Багоасом: ср. Curtius, x. i. 25- о Багоасе.

[156] Плутарх, Форт. Al. M. ii. p. 334. Βριθὺς ὀπλιτοπάλας, δαῖος ἀντιπάλοις-ταύτην ἔχων τέχνην προγονικὴν ἀπ' Αἰακίδων, etc.

Ἄλκην μὲν γὰρ ἔδωκεν Ὀλύμπιος Αἰακίδῃσι,

Νοῦν δ' Ἀμυθαονίδαῖς, πλοῦτον δ' ἔπορ' Ἀτρεΐδῃσιν.

(Гесиод. Фрагмент. 223, изд. Маркшефель).

Как и Ахилл, Александр отличался быстротой ног (Плутарх, Fort. Al. M. i. p. 331).

[157] Diodor. xvii. 17. Плутарх (Alexand. 15) говорит, что наибольшее число, о котором он читал, было 43 000 пехоты с 5000 конницы: наименьшее - 30 000 пехоты с 4000 конницы (предполагая, что исправление Синтениса, τετρακισχιλίους вместо πεντακισχιλίους, хорошо обосновано, как это, вероятно, и есть - сравните Plutarch, Fort. Alex. M. i. p. 327).

Согласно Плутарху (Fort. Al. M. p. 327), и Птолемей, и Аристокл заявляли, что число пехоты составляет 30 000 человек; но Птолемей назвал 5000 человек конницы, а Аристокл - только 4000. Тем не менее, Арриан, который утверждает, что следует в основном Птолемею и Аристоклу, когда они соглашались, называет численность пехоты "не более 30 000 человек; конницы - более 5000" (Exp. Al. i. 11, 4). Анаксимен утверждает, что пехоты было 43 000, а конницы - 5500. Каллистен (ap. Polybius. xii. 19) утверждает, что пехоты было 40 000, а конницы - 4500. Юстин (xi. 6) приводит 32 000 пехоты и 4500 конницы.

Мое изложение в тексте следует за Диодором, который отличается тем, что приводит не только общую численность, но и составные части. В отношении общего количества пехоты

он согласен с Птолемеем и Аристобулом: что касается конницы, то его утверждение является средним между ними".

[158] Plutarch, Alexand. 15.

[159] Arrian, vii. 9, 10 - речь, которую он вкладывает в уста самого Александра, и Curtius, x. 2, 24.

Онесикрит утверждает, что Александр в это время задолжал 200 талантов (Плутарх, Алекс. 15).

[160] Plutarch, Fort. Alex. M. i. p. 327; Юстин, xi. 6.

[161] Arrian, i. 13, 4.

[162] Arrian, vi. 28, 6; Arrian, Indica, 18; Justin, xv. 3-4. Порфирий (Fragm. ap. Syncellum, Frag. Histor. Græc. vol. iii. p. 695-698) говорит о Лисимахе как о фессалийце из Кранона; но это должно быть ошибкой: сравните Юстин, xv. 3.

[163] Неоптолем, как и сам Александр, принадлежал к роду Эакидов (Арриан, ii. 27, 9).

[164] Плутарх, Евмены, с. 1; Корнелий Непос, Евмен. с. 1.

[165] Арриан, vii. 13, 1; Плутарх, Eum. 2, 3, 8, 10.

[166] Demosth. Philipp. iii. p. 19, respecting Philip-οὐ μόνον οὐχ Ἕλληνας ὄντος, οὐδὲ προσήκοντος οὐδὲν τοῖς Ἕλλησιν, ἀλλ' οὐδὲ βαρβάρου ἐντεῦθεν ὅθεν καλὸν εἰπεῖν, ἀλλ' ὀλέθρου Μακεδόνας, ὅθεν οὐδ' ἀνδράποδον σπουδαῖον οὐδὲν ἦν πρότερον πρίασθαι.

Сравните это с восклицаниями македонских солдат (называемых аргираспидами) против их выдающегося вождя Эвмена, называя его Χερρόνησίτης ὀλέθρος (Плутарх, Эвмен, 18).

[167] См. об этих происшествиях в моем последнем предыдущем томе, т. XI. Ch. xc. p. 441 seq.

[168] Diodor. xvi. 52; Curtius, vi. 4, 25; vi. 5, 2. Курций упоминает также Манаписа, другого персидского изгнанника, который бежал от Оха к Филиппу.

[169] Diodor. xvi. 52. О силе афинской крепости см. Xenoph. Hellen. iii. 2, 11; Diodor. xiii. 64. Она держалась наперекор персам еще до времен Гермия-Исократы. Сравните также Isokrates, Or. iv. (Panegyric) s. 167.

[170] Письмо Александра, адресованное Дарию после битвы при Иссе, apud Arrian, ii. 14, 7. Здесь упоминаются и другие войска, посланные персами во Фракию (помимо тех, что были направлены на помощь Перинфу).

[171] Demosthenes, Philippic. iv. p. 139, 140; Epistola Philippi apud Demosthen. p. 160.

[172] Diodor. xvii. 5; Юстин, x. 3; Курций, x. 5, 22.

[173] Арриан, ii. 14, 10.

[174] Diodor. xvii. 7.

[175] Arrian, ii. 14, 11.

[176] Diodor. xvii. 7.

[177] Diodor. xvii. 7: сравните Арриан, i. 17, 9. ἐπὶ τὴν χώραν τὴν Μένονος ἔπεμψεν - что, несомненно, означает эту область, отвоеванную Ментором у Гермией Атарнейской.

[178] Diodor. xvii. 7; Polyænus, v. 34, 5.

[179] Diodor. xvii. 7. Мы также читаем о военных действиях под Магнесией между Парменионом и Мемноном (Polyænus, v. 34, 4).

[180] Diodor. xvii. 18, 19; Арриан, i. 12, 14; i. 16, 5.

[181] Arrian, i. 12, 16; i. 13, 4.

[182] Сравните политику, рекомендованную Мемноном, изложенную у Арриана (i. 12, 16) и у Диодора (xvii. 18). Превосходство Диодора здесь неоспоримо. Он четко излагает как оборонительную, так и наступательную стороны политики Мемнона, которые в совокупности образуют схему операций, не менее эффективную, чем благоразумную. Но Арриан опускает все упоминания о наступательной политике и упоминает только оборонительную - отступление и разрушение страны; которая, если бы была принята одна, вряд ли могла бы рассчитывать на успех, чтобы уморить Александра голодом, и могла бы быть обоснованно поставлена под сомнение персидскими генералами. Более того, мы должны были бы составить лишь слабое представление о способностях Мемнона, если бы в этой чрезвычайной ситуации он не воспользовался неотразимым персидским флотом.

Я обращаю внимание именно на этот пункт превосходства Диодора, потому что в последнее время критики проявляют тенденцию слишком доверять Арриану и дискредитировать почти все утверждения об Александре, кроме тех, которые Арриан либо подтверждает, либо опровергает. Арриан - очень ценный историк; его достоинство в том, что он дает нам простой рассказ без риторики, что выгодно отличает его от Диодора и Курция; но он не должен быть выставлен как единственный заслуживающий доверия свидетель".

[183] Arrian, i. 12, 18.

[184] Ксенофонт, Эллены. iv. 1, 33.

[185] Strabo, xiii. p. 602. Реки Скамандр, Эсепус и Граникус поднимаются с одной и той же высоты, называемой Котилус. Это название происходит от имени Деметрия, уроженца Скепсиса.

[186] Diodor. xvii. 18, 19. Οἱ βάρβαροι, τὴν ὑπώρειαν κατελημμένοι и т. д. "prima congressio in campis Adrastiis fuit". Justin, xi. 6: сравните Strabo, xiii. p. 587, 588.

[187] Arrian, i. 14, 3. Текст Арриана неясен. Имя Кратера встречается дважды. Предлагаются различные объяснения. Слова ἔστε ἐπὶ τὸ μέσον τῆς συμπάσης τάξεως, кажется, доказывают, что было три τάξεις фаланги (Кратерус, Мелеагр и Филипп) входили в левую половину армии, а три других (Пердиккас, Кенус и Аминтас) - в правую; В то время как слова ἐπὶ δὲ, ἡ Κρατέρου τοῦ Ἀλεξάνδρου кажутся неправильно вставленными. Нет никаких веских причин для того, чтобы признать двух выдающихся офицеров, каждый из которых носит имя Кратер. Имя Филиппа и его τάξις повторяется дважды; один раз при отсчете справа от τάξεις, другой раз при отсчете слева.

[188] Плутарх утверждает, что Александр вошел в реку с тринадцатью эскадронами (ἵπαι) кавалерии. Включает ли это общее число всех присутствовавших тогда в поле или только кавалерию компаньонов, мы не можем определить (Plutarch, Alex. 16).

[189] Diodor. xvii. 19.

[190] Arrian, i. 14, 8. Χρόνον μὲν δὴ ἀμφοτέρω τὰ στρατεύματα, ἐπ' ἀκροῦ τοῦ ποταμοῦ ἐφесτῶτες, ὑπὸ τοῦ τὸ μέλλον ὀκνεῖν ἡσυχίαν ἦγον- καὶ σιγὴν ἦν πολλὴ ἀφ' ἑκατέρων.

[191] Arrian, i. 14, 9. τοὺς προδρόμους ἵππέας означает ту же конницу, что и те, которые называются (в 14, 2) σαρισσοφόρους ἵππέας, при Аминте, сыне Аррибея.

[192] Arrian, i. 14, 10. Αὐτὸς δὲ (Александр) ἄγων τὸ δέξιον κέρας ... ἐμβαίνει ἐς τὸν πόρον, λοξὴν ἀεὶ παρατείνων τὴν τάξιν, ἣ παρεῖλκε τὸ ῥεῦμα, ἵνα δὴ μὴ ἐκβαίνοντι αὐτῷ οἱ Πέρσαι κατὰ κέρας προσπίπτοιν, ἀλλὰ καὶ αὐτὸς, ὡς ἀνυστὸν, τῇ φάλαγγι προσμίξῃ αὐτοῖς.

По-видимому, этот отрывок λοξὴν ἀεὶ παρατείνων τὴν τάξιν, ἣ παρεῖλκε τὸ ῥεῦμα следует толковать по следующей за ним фразе, описывающей цель, которая должна быть достигнута.

Я не могу думать, что эти слова означают движение *в эшелоне*, как утверждают Рюстов и Кёчли (Geschichte des Griechischen Kriegswesens, p. 271), ни переправу через реку против течения, чтобы сломить силу потока, как считают другие.

[193] Arrian, i. 15, 5. Καὶ περὶ αὐτὸν (сам Александр) ξυνειστήκει μάχῃ καρτερὰ, καὶ ἐν τούτῳ ἄλλαι ἐπ' ἄλλαις τῶν τάξεων τοῖς Μακεδόσι διέβαινον οὐ χαλεπῶς ἤδη.

Эти слова заслуживают внимания, поскольку показывают, насколько неполным было описание Аррианом битвы. Зациклившись почти исключительно на личном присутствии и достижениях Александра, он мало что сказал даже о правой половине армии, а о левой половине под командованием Пармениона - вообще ничего. Из этих слов мы узнаем, что *все* τάξεις фаланги (не только три в половине Александра, но и три в половине Пармениона) перешли реку почти одновременно и, по большей части, почти без сопротивления".

[194] Arrian, i. 15, 6-12; Diodor. xvi. 20; Plutarch, Alex. 16. Эти авторы расходятся в деталях. Я следую Арриану.

[195] Diodor. xvii. 21.

[196] Arrian, i. 16, 1. Плутарх говорит, что пехота, увидев, что кавалерия разбита, потребовала капитуляции на условиях Александра; но это кажется маловероятным.

[197] Arrian, i. 16, 4; Diodor. xvii. 21. Диодор говорит, что со стороны персов было убито более 10 000 пеших и 2000 конных, и что более 20 000 человек было взято в плен.

[198] Arrian, i. 16, 5, 6.

[199] Arrian, i. 16, 7, 8.

[200] Арриан, описывая другую битву, считает, что пропорция двенадцать к одному между ранеными и убитыми выше, чем можно было ожидать (v. 24, 8). Рюстов и Кехли (стр. 273) утверждают, что в современных сражениях обычное соотношение раненых и убитых составляет от 8:1 до 10:1.

[201] Arrian, i. 16, 8; Plutarch, Alexand. 16. Аристобул (apud Plutarch. l. c.) говорит, что среди спутников Александра (τῶν περὶ τὸν Ἀλέξανδρον) было убито тридцать четыре человека, из которых девять были пехотинцами. Это совпадает с утверждением Арриана о двадцати пяти убитых спутниках конницы.

[202] Arrian, i. 16, 10, 11.

[203] Арриан обычно называет битву при Гранике ἰππομαχία (i. 17, 10 и в других местах).

Битва произошла в аттический месяц Таргелион: вероятно, в начале мая (Plutarch, Camillus, 19).

[204] *Æschylus*, Pers. 950 и далее.

[205] Arrian, i. 17, 1, 2.

[206] О почти неприступных укреплениях и положении Сардиса см. Polybius, vii. 15-18; Herod. i. 84. Он продержался почти два года против Антиоха III. (216 г. до н. э.), и был взят только благодаря крайней неосторожности защитников; даже тогда цитадель еще держалась.

[207] Herodot. vii. 106, 107.

[208] Arrian, i. 17, 5-9; Diodor. xvii. 21.

[209] Arrian, i. 17, 12. Об этих волнениях в Эфесе, предшествовавших экспедиции Александра, у нас нет никаких сведений: мы не знаем, кто такой Геропиф и при каких обстоятельствах он освободил Эфес. Было бы интересно узнать эти факты как иллюстрацию состояния азиатских греков перед вторжением Александра.

[210] Arrian, i. 17, 10-13.

[211] Arrian, i. 18, 5, 6.

[212] Arrian, i. 18, 10-13.

[213] Diodor. xvii. 22.

[214] Diodor. xvii. 23.

[215] Arrian, i. 18, 9-15; i. 20, 2.

[216] Arrian, i. 19; Diodor. xvii. 22.

[217] Arrian, i. 20, 1-4; Diodor. xvii. 22. В то же время вряд ли может быть верным утверждение Диодора (xvii. 24), что Александр отправил свои таранные орудия из Милета в Галикарнас по морю. В этом случае они могли быть захвачены персидским флотом. Мы увидим, что Александр реорганизовал весь свой флот в течение последующего года.

[218] Arrian, i. 23, 11, 12; Diodor. xvii. 24; Strabo, xiv. p. 657.

[219] Arrian, i. 20, 13.

[220] Arrian, i. 20, 5. ξύμπαντα ταῦτα Μένων τε αὐτὸς παρὼν ἐκ πολλοῦ παρεσκευάκει, etc.

[221] Сравните Арриан, i. 21, 7, 8; Диодор. xvii. 25, 26.

[222] И Арриан (i. 21, 5), и Диодор (xvii. 25) упоминают этот поступок двух солдат Пердикки, хотя Диодор говорит, что это произошло ночью, что не может быть правдой.

[223] Арриан, i. 21, 7-12.

[224] Diodor. xvii. 25.

[225] Последняя отчаянная борьба осажденных - это то, что описано в i. 22 Арриана и в xvii. 26, 27 Диодора; хотя эти два описания очень разные. Арриан не называет Эфиальта в

Галикарнасе. Он следует за македонскими авторами, Птолемеем и Аристубулом, которые, вероятно, сосредоточились только на Мемноне и персах как своих настоящих врагах, рассматривая греков в целом как часть враждебных сил. С другой стороны, Диодор и Курций, похоже, в значительной степени следовали греческим авторам, в представлении которых видные афинские изгнанники, такие как Эфиальт и Харидем, имели гораздо большее значение.

Упомянутый здесь Диодором факт, что Эфиальт оттеснил молодую македонскую гвардию и что битва была восстановлена только благодаря чрезвычайным усилиям старой гвардии, представляет большой интерес, и я не вижу причин не доверять ему, хотя Арриан ничего об этом не говорит. Курций (v. 2; viii. 1) упоминает об этом в другой раз, называя Атарриаса: часть его работы, в которой должно было быть рассказано об этом, утеряна. В этом, как и в других случаях, Арриан перечисляет частичные неудачи, препятствия и потери в карьере Александра. Его авторитеты, вероятно, делали это до него.

[226] Diodor. xvi. 27; Curtius, v. 1. viii. 2. ... οἱ γὰρ πρεσβύτατοι τῶν Μακεδόνων, διὰ μὲν τὴν ἡλικίαν ἀπολελυμένοι τῶν κινδύνων, συνεστρατευμένοι δὲ Φιλίππῳ ... τοῖς μὲν φυγομαχοῦσι νεωτέροις πικρῶς ὠνεΐδισαν τὴν ἀνανδρίαν, αὐτοὶ δὲ συναθροισθέντες καὶ συνασπίσαντες, ὑπέστησαν τοὺς δοκοῦντας ἤδη νενικηκέναι....

[227] Arrian, i. 22, 5.

[228] Arrian, i. 23, 3, 4; Diodor. xvii. 27.

[229] Arrian, i. 23, 11; Diodor. xvii. 7; Strabo, xiv. p. 657.

[230] Arrian, i. 24, 6-9.

[231] Diodor. xvii. 28.

[232] Arrian, i. 24, 11; Plutarch, Alexand. 17.

[233] Arrian, i. 26, 4. οὐκ ἄνευ τοῦ θεοῦ, ὡς αὐτός τε καὶ οἱ ἄμφ' αὐτὸν ἐξηγοῦντο, etc. Strabo, xiv. p. 666; Curtius, v. 3, 22.

Слова Плутарха (Alexand. 17) следует понимать так, что Александр не так сильно хвалился этой особой благосклонностью богов, как хвалились некоторые из его панегиристов.

[234] Arrian, i. 27, 1-8

[235] Curtius. iii. 1, 8.

[236] Arrian, i. 29, 1-5.

[237] Arrian, ii. 3; Curtius, iii. 2, 17; Plutarch, Alex. 18; Юстин, xi. 7.

[238] Arrian, i. 29, 8.

[239] Arrian, ii. 1, 4-9.

[240] Diodor. xvii. 29.

[241] Arrian, ii. 2, 6; Curtius, iii. 3, 19; iii. 4, 8. "Nondum enim Memnonem vitâ excessisse cognoverat (Alexander)-satis gnarus, cuncta in expedito fore, si nihil ab eo moveretur."

[242] Diodor. xvi. 31.

[243] Diodor. xvii. 30, 31. Диодор представляет персидского царя как начавшего рассылать письма о созыве войск *после того, как он узнал о смерти Мемнона*; это не может быть правдой. Письма должны были быть разосланы раньше.

[244] Curtius, iii. 2.

[245] Herodot. vii. 56 и беседа между Ксерксом и Демаратом, vii. 103, 104, где язык, вложенный Геродотом в уста Ксеркса, естественен и поучителен. С другой стороны, превосходная проницательность Кира Младшего выражает высшее презрение к военной неэффективности азиатской толпы - Ксенофонт, *Anabasis*. i. 7, 4. Сравните грубый язык аркадского Антиоха - *Hen. Hellen.* vii. i. 38; и *Cyropæd.* viii. 8, 20.

[246] Curtius, iii. 2, 10-20; Diodor. xvii. 30.

[247] Arrian, ii. 2, 1; ii. 13, 3. Курций, iii. 3, 1.

[248] Arrian, i. 29. 6.

[249] Arrian, ii. 4, 2; Curtius, iii. 1, 22; Plutarch, Alex. 18.

[250] Об этом перевале см. т. IX. Ch. lxi. p. 20 настоящей Истории. В настоящее время существует два перевала через Тавр от Эрекли на северной стороне горы: один, самый восточный, спускается к Адане в Киликии, а другой, самый западный, к Тарсу. Во время войны (1832 г.) между турками и Ибрагимом Пашой турецкий командующий оставил самый западный перевал без обороны, так что Ибрагим Паша прошел по нему из Тарсуса без сопротивления. Турецкие войска заняли самый восточный перевал, но защищались плохо, так что проход был форсирован египтянами (*Histoire de la Guerre de Mehemed Ali, par Cadavène et Barrault*, p. 243).

Александр пересек Тавр по самому восточному из двух проходов.

[251] Xenoph. *Anabasis*. i. 2. 21; Diodor. xiv. 20.

[252] Curtius, iii. 4, 11.

[253] Curtius, iii. 4, 11. "*Contemplatus locorum situm (Александр), non alias dicitur magis admiratus esse felicitatem suam*" и т. д.

См. Плутарх, Деметрий, 47, где Агатокл (сын Лисимаха) удерживает линию Тавра против Деметрия Полиоркета.

[254] Arrian, ii. 4, 3-8; Curtius, iii. 4. Курций приписывает Арсам намерение исполнить то, что рекомендовал Мемнон перед битвой при Гранике - опустошить страну, чтобы сдержать продвижение Александра. Но это вряд ли может быть правильной интерпретацией происходящего. Рассказ Арриана кажется более разумным.

[255] Когда Гефестион умер от лихорадки в Экбатане, девять лет спустя после этого, Александр приказал распять лекаря, который его лечил (Плутарх, *Alexand.* 72; Арриан, vii. 14).

[256] Этот интересный анекдот пересказывается, с большей или меньшей долей риторики и усиления, всеми историками - Арриан, ii. 4; Диодор, xvii. 31; Плутарх, *Alexand.* 19; Курций, iii. 5; Юстин, xi. 8.

Это один из признаков разницы, которую произвели в характере Александра сверхчеловеческие успехи, продолжавшиеся в течение четырех лет, чтобы

противопоставить великодушное доверие, которое он проявил к Филиппу, его жестокому осуждению и пыткам Филотаса четыре года спустя.

[257] Arrian, ii. 5, 1; Diodor. xvii. 32; Curtius, iii. 7, 6.

[258] Кир Младший шел пять дней от Тарса до Иссуса и еще один день от Иссуса до ворот Киликии и Сирии - Xenoph. Anab. i. 4, 1; Vol. IX. Гл. lxi. стр. 27 этой истории.

[259] Арриан, ii, 5, 11.

[260] Arrian, ii. 6.

[261] Curtius, iii. 3, 24.

[262] Curtius, iii. 7, 1.

[263] Curtius, iii. 7, 8.

[264] Из Эсхина (cont. Ktesiphont. p. 552) следует, что Демосфен и антимакедонские государственные деятели в Афинах получили в этот момент письма, написанные в приподнятом настроении, в которых сообщалось, что Александр был "пойман и прижат" в Киликии. Демосфен (если верить Эсхину) стал показывать эти письма и хвастаться хорошими новостями. Иосиф (Ant. Jud. xi. 8, 3) также сообщает об уверенном предвкушении персидского успеха, которое испытывал Санбаллат в Самарии, а также все азиаты вокруг.

[265] Arrian, ii. 6; Curtius, iii. 8, 2; Diodor. xvii. 32.

[266] Цицерон, Epist. ad Famil. xv. 4. См. поучительный комментарий Мютцеля к Curtium, iii. 8, p. 103, 104. Я дал в [приложении к этому тому](#) несколько пояснительных комментариев о местности близ Иссуса.

[267] Плутарх (Alexand. 20) правильно излагает этот общий факт; но он ошибается, говоря, что две армии разминулись ночью и т. д.

[268] Arrian, ii. 7, 2; Curtius, iii. 8, 14. Несколько страниц назад я упоминал, что примерно за две недели до этого Александр послал Пармению вперед из Тарса, чтобы обеспечить безопасность Киликийских и Сирийских ворот, а сам пошел назад к Соли и Анхилаю. В это время его и Пармению должно было разделять расстояние, не меньшее, чем восемь дней обычного марша. Если бы в этот промежуток времени Дарий прибыл в Иссус, он оказался бы как раз между ними и отрезал бы их друг от друга. Александру повезло, что столь серьезное затруднение не произошло".

[269] Arrian, ii. 7, 8.

[270] Arrian, ii. 7; Curtius, iii. 10; Diodor. xvii. 33.

[271] Каллистен называл это расстояние 100 стадий (ap. Polyb. xii. 19). Скорее всего, это не соответствует действительности.

Полибий подвергает суровой критике описание похода Александра, данное Каллистеном. Не имея перед собой слов самого Каллистена, мы вряд ли можем оценить доброту критики, которая в некоторых моментах, безусловно, чрезмерна.

[272] Kallisthenes ap. Polybium, xii. 17.

[273] Arrian, ii. 8, 4-13.

[274] Сравните Kallisthenes ap. Polyb. xii. 17.; и Арриан, ii. 8, 8. Учитывая, насколько узким было пространство, такие многочисленные тела, как эти 30 000 конных и 20 000 пеших, должно быть, не находили себе места для передвижения. Каллистен их не заметил, насколько мы можем судить по Полибию.

[275] Арриан, ii. 8, 9. Τοσοῦτους γὰρ ἐπὶ φάλαγγος ἀπλῆς ἐδέχετο τὸ χωρίον, ἵνα ἐτάσσοντο.

Глубина этой одиночной фаланги не указана, как и точная ширина площадки, которую она занимала. Если предположить, что глубина равна шестнадцати, а ширина каждого солдата - одному шагу, то 4000 человек будут стоять на стадионе шириной 250 шагов, а значит, 80 000 человек - на стадионе шириной двадцать стадий (см. расчеты Рюстова и Кёчли, стр. 280, о македонской линии). Если предположить, что глубина равна двадцати шести, то на стадионе будет стоять 6500 человек, следовательно, 90 000 человек при общей ширине в 14 стадий, которую дает Каллистен. Но должны были остаться промежутки, большие или меньшие, мы не знаем, сколько их; прикрывающие отряды, которые были выброшены перед рекой Пинар, должны были найти какие-то средства, чтобы пройти в тыл, когда их отзовут.

Мистер Киннейр утверждает, что ширина между горой Аманус и морем колеблется между полутора и тремя милями (английскими). Четырнадцать стадий Каллистена эквивалентны почти одной английской миле и трем четвертям.

Ни в древние, ни в современные времена восточные армии никогда не были приучены местными офицерами к регулярности марша или строя - см. Malcolm, Hist. of Persia, ch. xxiii. vol. ii. p. 498; Volney, Travels in Egypt and Syria, vol. i. p. 124.

[276] Arrian, ii. 10, 2. Каллистен, по-видимому, считал, что наемников, составляющих персидскую фалангу, было 30 000, а конницы - 30 000. Кардаки он, похоже, не учитывал. Однако Полибий в своей критике пытается доказать, что не было места даже для 60 000 человек, а Арриан перечисляет 90 000 гоплитов, не считая конницы (Polyb. xii. 18).

[277] Arrian, ii. 9; Kallisthenes ap. Polyb. xii. 17. Слабость этого персидского корпуса на фланге и легкость, с которой Александр оттеснил их назад - существенный момент, имеющий отношение к битве - отмечены Курцием, iii. 9, 11.

[278] Arrian, ii. 11, 6. εὐθὺς, ὡς εἶχεν ἐπὶ τοῦ ἄρματος, ξὺν τοῖς πρώτοις ἔφευγε, etc.

Это простое утверждение Арриана гораздо более достоверно, чем изощренные подробности Диодора (xvii. 34) и Курция (iii. 11, 9) о прямом нападении Александра на колесницу Дария и убийственной схватке непосредственно вокруг этой колесницы, в которой лошади стали ранеными и неуправляемыми, так что были на грани того, чтобы опрокинуть ее. Харес даже дошел до того, что утверждал, будто Александр вступил в личный конфликт с Дарием, от которого и получил рану в бедро (Plutarch, Alex. 20). Плутарх видел письмо Александра к Антипатру, в котором просто сообщалось, что он получил легкую рану в бедро.

В этом вопросе, как и во многих других, Диодор и Курций ссылаются на один и тот же авторитет.

Каллистен (ар. Polyb. xii. 22) утверждает, что Александр разработал свой план нападения с целью нанести удар по личности Дария, что не является невероятным (ср. Xenoph. Anab. i. 8, 22), и в действительности было осуществлено, поскольку первый успешный удар македонцев прошел так близко от Дария, что заставил его беспокоиться за безопасность своей персоны. На вопрос Полибия - как Александр узнал, в какой части войска находится Дарий, - можно ответить, что колесница и личность Дария, несомненно, бросались в глаза: к тому же

персидские цари обычно находились в центре, а Кир Младший в битве при Кунаксе направил атаку именно против личности своего брата Артаксеркса.

После битвы при Кунаксе Артаксеркс присвоил себе честь собственноручно убить Кира и предал смерти тех, кто действительно совершил это деяние, поскольку они хвастались им (Плутарх, Артакс. 16).

[279] Это предположение г-на Уильямса, и оно кажется мне вероятным, хотя г-н Эйнсворт ставит его под сомнение, в связи с трудностями местности к югу от Мириандра в сторону моря. [См. "Очерк о Киликийских и Сирийских воротах" г-на Эйнсворта, *Journal of the Geograph. Society*, 1838, p. 194]. Эти греки, будучи просто беглецами с оружием в руках, не имея ни конницы, ни багажа, могли пробираться по очень трудной местности".

[280] Арриан, ii. 11, 3; Курций, iii. 11, 13. Каллистен утверждает то же самое, что и Арриан, - что эта персидская конница переправилась через Пинар и храбро сражалась с фессалийцами. Полибий порицает его за это, как будто он утверждал что-то ложное и абсурдное (xii. 18). Это показывает, что критика Полибия не должна приниматься без оговорок. Он рассуждает, будто македонская фаланга не могла перейти Пинар, превращая трудность в невозможность (xii. 22).

[281] Arrian, ii. 11; Curtius, iii. 11.

[282] Arrian, i. 11, 11; Kallisthenes ap. Polyb. xii 20.

[283] Arrian, ii. 11; Diodor. xvii. Курций (ii. 11, 27) говорит, что македонцы потеряли тридцать два пеших и сто пятьдесят конных убитыми, а 504 человека ранеными; Юстин утверждает, что 130 пеших и 150 конных (xi. 9).

[284] Арриан, ii. 12, 8 - от Птолемея и Аристобула. Сравните Diodor. xvii. 36; Curtius, iii. 11, 24; iii. 12, 17.

[285] Plutarch, Alex. 22. ἐγὼ γὰρ (Александр) οὐχ ὅτι ἑωρακὼς ἂν εὐρεθείην τὴν Δαρείου γυναῖκα ἢ βεβουλευμένος ἰδεῖν, ἀλλ' οὐδὲ τῶν λεγόντων περὶ τῆς εὐμορφίας αὐτῆς προσδεδεγμένος τὸν λόγον.

[286] Arrian, ii. 13, 2, 3; Diodor. xvii. 48. Курций говорит, что эти греки ушли по тропинкам через горы (Amanus) - что может быть правдой (Curtius, iii. 11, 19).

[287] Arrian, ii. 12, 1; Curtius, iii. 12, 27; Diodor. xvii. 40. Александрийский Арæ, в радикулите Амана", упоминается Цицероном (ad Famil. xv. 4), когда он командовал в Киликии и стоял там со своей армией четыре дня.

[288] См. эту веру в речи Ксеркса - Геродот. vii. 48; сравните речь Ахемена, vii. 236.

[289] Arrian, ii. 10, 2. καὶ ταύτῃ ὡς δῆλος ἐγένετο (Дарий) τοῖς ἀμφ' Ἀλέξανδρον τῇ γνώμῃ δεδουλωμένος (замечательное выражение, заимствованное у Фукидида, iv. 34). Сравните Арриан, ii. 6, 7.

[290] Непосредственно перед битвой при Кунаксе Кира Младшего спросили некоторые из греческих офицеров, думает ли он, что его брат Артаксеркс (который пока не оказывал сопротивления) будет сражаться - "Конечно, будет (был ответ), если он сын Дария и Парисатиды и мой брат, я не получу корону без сражения!" Личная трусость персидского царя во главе своей армии казалась немыслимой (Xenoph. Anab. i. 7, 9).

[291] Арриан, ii. 5, 8.

[292] Arrian, ii. 13, 4-8.

[293] Diodor. xvii. 48.

[294] Diodor. xvii. 48; Curtius, iv. 5, 11. Курций, кажется, упоминает об этом голосовании позже, но оно, очевидно, было принято на первом истмийском празднике после битвы при Иссе.

[295] Arrian, ii. 11, 13; Curtius, iii. 13. Слова Арриана (ii. 15, 1) -ὁπίσω κορίσαντα ἐς Δαμασκὸν - подтверждают утверждение Курция, что это сокровище было захвачено Пармением не в городе, а в руках беглецов, которые везли его из города.

[296] Сохранился фрагмент письма Парменио к Александру, в котором приводится подробный список предметов добычи (Athenæus, xiii. p. 607).

[297] Arrian, ii. 15, 5; Curtius, iii. 13, 13-16. Между ними есть некоторое расхождение (ср. Арриан, iii. 24, 7) относительно имен лакедемонских посланников.

[298] См. выше, в Истории, том X. гл. lxxvii. p. 108; том X. гл. lxxix. p. 251; и Æschines, Fals. Leg. p. 263. с. 13.

Александр сам согласился быть усыновленным Адой, принцессой Карики, как ее сын (Arrian, i. 23, 12).

[299] Arrian, ii. 14, 11; ii. 15, 8.

[300] Diodor. xvi. 45.

[301] Арриан, ii. 15, 8; ii. 20, 1. Курций, iv. 1, 6-16.

[302] Arrian, ii. 14; Curtius, iv. i. 10; Diodor. xvii. 39. Я привожу содержание этой переписки из Арриана. И Курций, и Диодор представляют Дария как предлагающего большие суммы денег и большие уступки территорий в обмен на возвращение пленников. Арриан ничего подобного не говорит.

[303] Арриан, ii. 12, 9.

[304] Курций, iv. 1, 20-25; Юстин, xi. 10. Диодор (xvii. 47) рассказывает эту историю так, как будто она произошла в Тире, а не в Сидоне; что крайне неправдоподобно.

[305] Arrian. iii 15, 9. ὡς ἐγνώκωτων Τυρίων πράσσειν, ὅτι ἂν ἐπαγγέλλῃ Ἀλέξανδρος. Сравните Curtius, iv. 2, 3.

[306] Курций (*ut supra*) добавляет эти мотивы: Арриан не утверждает ничего сверх простой просьбы. Заявление Курция отражает то, что, вероятно, было реальным фактом и реальным чувством Александра.

Конечно, верно, что Курций перегружает свое повествование риторическими и драматическими усилениями; но не менее верно и то, что Арриан впадает в противоположную крайность - сжимает свое повествование до того, что от него остается лишь сухой скелет.

[307] Арриан, ii. 16, 11.

[308] Curtius, iv. 2, 4; Justin, xi. 10. Этот пункт, как благоразумный, так и вероятный, в ответе тирийцев, не замечен Аррианом.

[309] Arrian, ii. 16, 11. τοὺς μὲν πρέσβεις πρὸς ὀργὴν ὀπίσω ἀπέπεμψεν, etc. Curtius, iv. 2, 5. "Non tenuit iram, cujus alioqui potens non erat", etc.

[310] Diodorus, xvii. 40. Οἱ δὲ Τύριοι, βουλομένου τοῦ βασιλέως τῷ Ἡρακλεῖ τῷ Τυρίῳ θῦσαι, προπετέστερον διεκώλυσαν αὐτὸν τῆς εἰς τὴν πόλιν εἰσόδου.

[311] Arrian, i. 18, 4.

[312] Arrian, ii. 24, 10.

[313] Такую точку зрения высказал сам Александр в своем обращении к армии, приглашая ее предпринять осаду Тира (Arrian, ii. 17, 3-8).

[314] Arrian, ii. 16, 12. Курций говорит (iv. 2, 2): "Tyros facilius societatem Alexandri acceptura videbatur, quam imperium." Это представление о притязаниях тирийцев как о чем-то большем, чем это следует из фактов. Они не отказались от императорства Александра, хотя и отказались выполнить одно крайнее требование.

Птолемей I (сын Лагуса) впоследствии стал хозяином Иерусалима, войдя в город в субботу под предлогом жертвоприношения (Иосиф, Antiq. Jud. xii. 1).

[315] Curtius, iv. 2, 7, 8. В настоящее время Тир не представляет собой ничего, хотя бы в малой степени соответствующего описанию времен Александра.

[316] Арриан, ii. 18, 3; ii. 21, 4; ii. 22, 8.

[317] Аземилх был с Автофрадатом, когда Александр объявил вражду против Тира (Arrian, ii. 15, 10); он был в Тире, когда тот был захвачен (Arrian, ii. 24, 8).

[318] Curtius, iv. 2, 10; Arrian, ii. 24, 8; Diodor. xvi. 40, 41. Курций (iv. 2, 15) говорит, что Александр отправил посланников к тирийцам, чтобы пригласить их к миру; тирийцы не только отказались от предложений, но и предали депутатов смерти, вопреки закону народов. Арриан ничего не упоминает об этой отправке посланников, что он вряд ли бы упустил сделать, если бы нашел это в своих авторитетах, поскольку это оправдывает действия Александра. Кроме того, это не соответствует нраву Александра после того, что произошло между ним и тирийцами.

[319] Arrian, ii. 18, 19; Diodor. xvii. 42; Curtius, iv. 3, 6, 7.

[320] Arrian. ii. 20, 1-4; Curtius, iv. 2, 14. О том, насколько решительно Арриан смотрит на все с точки зрения Александра, свидетельствует его рассказ о том, что этот монарх простил фенийцев и киприотов за их приверженность и службу в персидском флоте, считая, что они действовали по принуждению.

[321] Арриан, i. 18, 15. При осаде Тира (за четыре века до этого) ассирийским монархом Салманезером Сидон и другие финикийские города предоставили осаждающим свои корабли (Menander apud Joseph. Antiq. Jud. ix. 14, 2).

[322] Арриан, ii. 20, 5; Плутарх, Александр, 24.

[323] Арриан, ii. 20, 9-16; Курций, iv. 3, 11.

[324] Arrian, ii. 23, 24; Curtius, iv. 4, 11; Diodor. xvii. 46.

[325] Curtius, iv. 4, 15.

[326] Это упоминается как Курцием (iv. 4, 17), так и Диодором (xvii. 46). Арриан об этом не упоминает и, возможно, не нашел места у Птолемея или Аристобула; но я не вижу оснований не верить в это.

[327] Арриан, iv. 24, 9; Диодор, xvii. 46.

[328] О возрождающей силе торговой промышленности говорит тот факт, что, несмотря на полное разрушение, Тир снова стал богатым и процветающим городом (Strabo, xvi. p. 757).

[329] Arrian, ii. 25, 5; Curtius, iv. 5. Ответ более наглый в голой простоте Арриана, чем в пышности Курция. Плутарх (Alexand. 29) и сокращает, и смягчает его. Диодор также дает другой ответ (xvii. 54) - и представляет посольство как прибывшее несколько позже, после возвращения Александра из Египта.

[330] Арриан, ii. 17, 4.

[331] Curtius, iv. 5, 14.

[332] Curtius, iv. 5, 14-22; Arrian, iii. 2, 4-8.

[333] Arrian, ii. 26, 5. Οἱ δὲ μηχανοποιοὶ γνώμην ἀπεδείκνυντο, ἄπορον εἶναι βίᾳ ἐλεῖν τὸ τεῖχος, διὰ ὕψος τοῦ χώματος- ἀλλ' Ἀλεξάνδρῳ ἐδόκει αἰρετέον εἶναι, ὅσῳ ἀπορώτερον- ἐκπλήξειν γὰρ τοὺς πολεμίους τὸ ἔργον τῷ παραλόγῳ ἐπὶ μέγα, καὶ τὸ μὴ ἐλεῖν αἰσχρὸν εἶναι οἱ, λεγόμενον ἔς τε τοὺς Ἕλληνας καὶ Δαρεῖον.

О верности и упорной оборонительной храбрости, не раз проявленной жителями Газы, см. Полибий, xvi. 40.

[334] Arrian, ii. 26, 27; Curtius, iv. 6, 12-18; Plutarch, Alexand. 25.

[335] Arrian, ii. 27, 5. χῶμα χωνύναи ἐν κύκλῳ παντόθεν τῆς πόλεως. Конечно, возможно, как замечает Дройзен (Gesch. Alex. des Grossen, p. 199), что παντόθεν не следует толковать с буквальной строгостью, а только как означающее в *различных частях* окружения стены.

Однако если бы это имелось в виду, Арриан, несомненно, сказал бы χῶματα во множественном числе, а не χῶμα.

[336] Диодор (xvii. 48) называет продолжительность осады в два месяца. Это скорее меньше, чем больше вероятной истины.

[337] Curtius, iv. 6, 25-30; Dionys. Hal. De Comp. Verbor. p. 123-125 с приведенной там цитатой из Гегезия Магнезийского. Диодор (xvii. 48, 49) просто упоминает Газу в двух предложениях, но не дает никаких подробностей.

Арриан ничего не говорит об обращении с Батисом, и, вероятно, он ничего не нашел об этом у Птолемея или Аристобула. Есть вполне объяснимые причины, по которым они должны были обойти это молчанием, как позорное для Александра. Но Арриан, в то же время, не говорит ничего противоречащего утверждению Курция, хотя сам признает, что Александр был в восторге от действий Ахилла (vii. 14, 7).

Отрывок, описывающий эту сцену, приводимый Дионисием Галикарнасским из потерянного автора Гегезия в качестве примера плохого ритма и вкуса, имеет то достоинство, что он раскрывает подробности, касающиеся личности Батиса, которые были хорошо рассчитаны на отвращение и усугубление гнева Александра. Плохой вкус Гегезия как писателя не умаляет его авторитета как свидетеля.

[338] Arrian. vii. 14, 7.

[339] Arrian, ii. 27. 11. Об обстоятельствах и осаде Газы см. работу Старка, *Gaza and die Philistäische Küste*, p. 242, Leip. 1852.

[340] Diodor. xvii. 48; Josephus, *Antiq.* xi. 4.

[341] Arrian, iii. 1, 3; Curtius iv. 7, 1, 2; Diodor. xvii. 49.

[342] Curtius, iv. 8, 1-4; Plutarch, *Alexand.* 26.

[343] Арриан, iii. 1, 8; Курций, iv. 8, 2-6; Диодор. xvii. 52.

[344] Strabo, xvii. p. 793. Другие авторы, однако, отзываются о чистоте Александрии менее благоприятно, чем Страбон: см. St. Croix, *Examen des Hist. d' Alexandre*, p. 287.

[345] Pseudo-Aristotle, *Œconomic.* ii. 32.

[346] Arrian, iii. 5, 4-9. Тацит (*Annal.* i. 11) говорит о Египте при римлянах: "провинция труднодоступна, анноны плодovиты, суеверия и ласки разрозненны и подвижны, закон не действует, магистрат игнaрен" и т. д. Сравните Polybius ap. Strabon. xvii. p. 797.

[347] Diodor. xvii. 51. τεκμήρια δ' ἔσσεσθαι τῆς ἐκ τοῦ θεοῦ γενέσεως τὸ μέγεθος τῶν ἐν ταῖς πράξεσι κατορθωμάτων (ответ священника Аммона Александру).

[348] Arrian, iii. 3, 2.

[349] Arrian, iii. 3, 12. Καὶ ὅτι μὲν θεῖόν τι ξυνεπέλαβεν αὐτῷ, ἔχω ἰσχυρίσασθαι, ὅτι καὶ τὸ εἰκὸς ταύτῃ ἔχει- τὸ δ' ἀτρεκέες τοῦ λόγου ἀφείλοντο οἱ ἄλλη καὶ ἄλλη ὑπὲρ αὐτοῦ ἐξηγησάμενοι.

Сравните Курций, iv. 7, 12-15; Диодор, xvii. 49-51; Плутарх, Алекс. 27; Kallisthenes ap. Strabon. xvii. p. 814.

[350] Kallisthenes, *Fragm.* xvi. ap. *Alexand. Magn. Histor. Scriptor.* ed. Geier. p. 257; Strabo, xvii. p. 814.

[351] Plutarch, *Alexand.* 28. Арриан намекает на то же объяснение (vii. 29, 6).

[352] Curtius, iv. 10, 3-"fastidio esse patriam, abdicari Philippum patrem cœlum vanis cogitationibus petere." Arrian, iii. 26, 1; Curtius, vi. 9, 18; vi. 11, 23.

[353] Curtius, iv. 8, 11.

[354] Arrian, iii. 2, 8, 9.

[355] Curtius, iv. 8, 10.

[356] Plutarch, *Alexand.* 29; Арриан, *l. c.*

[357] Arrian, iii. 6, 12.

[358] Arrian, iii. 7, 1-6; Curtius, iv. 9, 12- "undecimis castris pervenit ad Euphraten."

[359] Так Александр считает Вавилон (Arrian, ii. 17, 3-10)-προχωρησάντων ξὺν τῇ δυνάμει ἐπὶ Βαβυλῶνά τε καὶ Δαρεῖον ... τὸν τε ἐπὶ Βαβυλῶνος στόλον ποιησόμεθα, и т. д. Это объяснение замечания Арриана, iii. 7, 6, где он называет причину, по которой Александр, перейдя Евфрат

у Фапсака, не пошел по прямой дороге в Вавилон. Кир Младший шел прямо в Вавилон, чтобы напасть на Артаксеркса. Сузы, Экбатана и Персеполис были более отдаленными и менее уязвимыми для врага с запада.

[360] Арриан, iii. 7, 8; Диодор. xvii. 55; Curtius. iv. 9, 17-24. "Magna munimenta regni Tigris atque Euphrates erant", - часть речи, вложенной Курцием в уста Дария перед битвой при Арбеле (iv. 14, 10). Обе эти великие оборонительные сооружения были оставлены.

[361] Curtius, iv. 9, 23; Plutarch, Alexand. 39.

[362] Arrian, iii. 7, 12; iii. 8, 3. Curtius, iv. 10, 11-18.

[363] Arrian, ii. 13; Curtius, iv. 1, 27-30 - "cum in illo statu rerum id quemque, quod occupasset, habiturum arbitraretur" (Amyntas).

[364] Arrian, iii. 1, 3. τὴν τε ἐν Ἰσσοῦ μάχην ὅπως συνέβη πεπυσμένος (сатрап Египта) καὶ Δαρεῖον ὅτι αἰσχροῦ φυγῇ ἔφυγε, etc.

[365] Diodor. xvii. 23. Сравните Ксенофонт, Анабасис, i. 4, 9; Геродот, vii. 10.

[366] Похвала, воздаваемая целомудрию Александра за отказ посетить Статиру, жену Дария, преувеличена даже до абсурда.

В отношении женщин Александр был по темпераменту холоден, противоположность своему отцу Филиппу. В юности его развитие было настолько замедленным, что даже возникло предположение о каком-то физическом недостатке (Hieronymus ap. Athenæ. x. p. 435). Что касается самых красивых особ обоих полов, то ему достаточно было отказаться от многочисленных ухаживаний тех, кто стремился добиться его расположения (Плутарх, Alex. 22). Более того, после взятия Дамаска он выбрал для себя из числа пленниц Барсинку, вдову своего знаменитого соперника Мемнона, дочь Артабаза, красивую женщину с привлекательными манерами и, прежде всего, отличавшуюся тем, что получила эллинское воспитание, от просто восточного гарема Дария (Plutarch, Alex. 21). Принимая вдову Мемнона в качестве своей любовницы, Александр, возможно, представлял в своем воображении пример своего легендарного предка Неоптолема, чьи нежные отношения с Андромахой, вдовой его врага Гектора, не забудет ни один читатель Еврипида. У Александра был сын от Барсинки, которого называли Гераклом.

Наконец, Александр был так поглощен честолубием, так перегружен обязанностями и трудностями командования, которые он всегда выполнял сам, и так постоянно занят утомительными телесными усилиями, что у него почти не оставалось досуга для поблажек; тот досуг, который у него был, он предпочитал посвящать винным вечерам, обществу и беседам своих офицеров.

[367] Curtius, iv. 10, 19. "Itineris continui labore animique ægritudine fatigata" и т. д.

Курций и Юстин упоминают о третьем посольстве, отправленном Дарием (сразу после получения известия о смерти и почетных похоронах Статир) к Александру с просьбой о мире. Другие авторы упоминают только о двух предварительных предложениях такого рода; третье же кажется отнюдь не вероятным.

[368] Арриан, iii. 7, 7.

[369] Diodorus, xvii. 53; Curtius, iv. 9, 9.

[370] Arrian, iii. 8, 12. Καὶ γὰρ καὶ ὅσα ἀνώμαλα αὐτοῦ ἐς ἵππασίαν, ταῦτά τε ἐκ πολλοῦ οἱ Πέρσαι τοῖς τε ἄρμασιν ἐπελαύνειν εὐπετῇ πεποιήκεσαν καὶ τῇ ἵππῳ ἵππάσιμα.

[371] Это общее количество, приведенное Аррианом как то, что он нашел изложенным (ἐλέγετο), вероятно, лучшая информация, которую Птолемей и Аристокл могли получить (Arrian, iii. 8, 8).

Диодор (xvii. 53) говорит о 800 000 пеших, 200 000 конных и 200 косых колесницах. Юстин (xi. 12) говорит о 400 000 пеших и 100 000 конных. Плутарх (Alex. 31) вообще говорит о миллионе человек. Курций утверждает, что армия была почти вдвое больше, чем та, что сражалась в Киликии (iv. 9, 3); он называет 200 000 пеших и 45 000 конных (iv. 12, 13).

[372] Diodor. xvii. 53; Curtius, iv. 9, 2.

[373] Curtius, iv. 9, 3; Diodor. xvii. 53. Несмотря на поучительное замечание Мютцеля по поводу этого отрывка Курция, способ, которым были вооружены эти колесницы, не во всем ясен.

[374] Персидский боевой порядок, приведенный здесь Аррианом (iii. 11), взят у Аристокла, который утверждал, что он был так изложен в официальной схеме битвы, составленной персидскими офицерами, а затем захваченной с багажом Дария. Несмотря на то, что эта схема достоверна, она не является полной, даже в отношении имен, и в ней ничего не говорится ни о численности, ни о глубине или протяженности фронта. Несколько имен различных контингентов, которые, как утверждается, присутствовали на поле боя, не включены в официальное сообщение: так, согдийцы, арианы и индийские горцы упоминаются Аррианом как присоединившиеся к Дарию (iii. 8); коссеи - Диодором (xvii. 59); согдийцы, массагеты, белиты, коссеи, гортии, фригийцы и катаонцы - Курцием (iv. 12).

[375] Арриан, iii. 9, 5-7.

[376] Arrian, iii. 9, 2-8. Арриан прямо не упоминает, что багаж и т. д. был перенесен из первого лагеря во второй. Но мы видим, что так и должно было быть, судя по тому, что произошло во время битвы. Багаж Александра, который был разграблен персидской конницей, не мог находиться так далеко в тылу армии, как того требовало расстояние до первого лагеря. Это совпадает и с Курцием, iv. 13, 35. Слова ἔγνων ἀπολείπειν (Арриан, iii. 9, 2), указывают на созерцание цели, которая не была достигнута - ὥς ἄμ' ἡμέρᾳ προσμῖξαι τοῖς πολεμίοις (iii. 9, 3). Вместо того, чтобы "вступить в столкновение" с врагом на рассвете - Александр прибыл в пределах видимости только на рассвете; затем он остановился на весь день и ночь в пределах видимости их позиции; и, естественно, привез свой багаж, не имея никаких мотивов оставлять его так далеко в тылу.

[377] Ксеноф. Anabasis. iii. 4, 35.

[378] Arrian, iii. 10, 3; Curtius, iv. 13, 4-10.

[379] Arrian, iii. 12, 1-9.

[380] Arrian, ii. 11; Diodor. xvii. 57; Curtius, iv. 13, 26-30.

[381] Arrian, iii. 12, 2-6; Curtius, iv. 13, 30-32; Diodor. xvii. 57.

[382] Curtius, iv. 13, 36; Polyænus, iv. 3, 17.

[383] Arrian, iii. 13, 1-5.

[384] Arrian, iii. 13, 9.

[385] О колесницах. Арриан, iii. 13, 11; Курций, iv. 15, 14; Диодор. xvii. 57, 58.

Арриан отчетливо упоминает только те колесницы, которые были пущены слева от Дария, прямо напротив Александра. Но очевидно, что колесницы по всей линии должны были быть выпущены по одному и тому же сигналу - что мы можем понимать как подразумеваемое в словах Курция: "Ipse (Darius) ante se falcatos currus habebat, quos signo dato universos in hostem effudit" (iv. 14, 3).

Косые колесницы Артаксеркса в битве при Кунаксе не причинили вреда (Xenoph. Anab. i. 8, 10-20). В битве при Магнесии, одержанной римлянами (190 г. до н. э.) над сирийским царем Антиохом, его колесницы не только были отброшены назад, но и посеяли беспорядок среди своих собственных войск (Аппиан, Reb. Syriac. 33).

[386] См. примечательный отрывок в обращении Александра к своим солдатам перед битвой о необходимости абсолютной тишины, пока не наступит момент для ужасающего военного крика (Arrian, iii. 9, 14): сравните Thucyd. ii. 89 - аналогичное указание Формиона афинянам.

[387] Arrian, iii. 15, 4. οὔτε ἀκοντισμῷ ἔτι, οὔτε ἐξελιγμοῖς τῶν ἵππων, ἤπερ ἵππομαχίας δίκη, ἐχρῶντο - о персидской кавалерии, доведенной до отчаяния.

[388] Arrian, iii. 14, 2. ἦγε δρόμῳ τε καὶ ἀλαλαγμῷ ὡς ἐπὶ αὐτὸν Δαρεῖον-Diodor. xvii. 60. Александр μετὰ τῆς βασιλικῆς ἰλῆς καὶ τῶν ἄλλων τῶν ἐπιφανεστάτων ἱππέων ἐπ' αὐτὸν ἤλαυνε τὸν Δαρεῖον.

[389] Arrian, iii. 14, 3. Καὶ χρόνον μὲν τινα ὀλίγον ἐν χερσὶν ἡ μάχη ἐγένετο. Ὡς δὲ οἱ τε ἱππεῖς οἱ ἀμφ' Ἀλέξανδρον καὶ αὐτὸς Ἀλέξανδρος εὐρώστως ἐνέκειντο, ὠθισμοῖς τε χρώμενοι, καὶ τοῖς ξυστοῖς τὰ πρόσωπα τῶν Περσῶν κόπτοντες, ἢ τε φάλαγξ ἡ Μακεδονικὴ, πυκνὴ καὶ ταῖς σαρίσσαις πεφρικυῖα, ἐμβέβληκεν ἤδη αὐτοῖς, καὶ πάντα ὁμοῦ τὰ δεινὰ καὶ πάλαι ἤδη φοβερῷ ὄντι Δαρεΐῳ ἐφαίνετο, πρῶτος αὐτὸς ἐπιστρέψας ἔφευγεν. В Иссе Арриан говорит, что "Дарий бежал вместе с первыми" (ii. 11, 6); в Арбеле же он утверждает, что "Дарий первым обратился в бегство"; это выражение еще более сильное и четкое. Курций и Диодор, которые здесь, как и в других местах, следуют в целом одним и тем же авторитетам, приводят подробности поведения Дария, которые нельзя согласовать с Аррианом, и которые явно менее достоверны, чем рассказ Арриана. Тот факт, что два царя находились здесь (как и в Иссе) недалеко и, вероятно, были видны друг другу, послужил основанием для множества вышивок. Утверждение, что Дарий, стоя на своей колеснице, метнул копье в наступающих македонцев и что Александр также метнул копье в Дария, но, промахнувшись, убил возницу, - живописно и гомеровски, но не имеет никакого отношения к реальности. Курций и Диодор рассказывают, что падение возницы было принято за падение царя и повергло персидскую армию в смятение, заставив их немедленно обратиться в бегство, что в конечном итоге вынудило и Дария бежать (Diodor. xvii. 60; Curt. iv. 15, 26-32). Но это маловероятно, поскольку реальный бой в то время был ближним и с применением ручного оружия.

[390] Арриан, iii. 14, 4.

[391] Diodor. xvii. 60; Curtius, iv. 15, 32, 33. Облако пыли и шум от ударов кнута упоминаются как Диодором, так и Курцием.

[392] Курций, iv. 16, 1; Диодор, xvii. 59, 60; Арриан, iii. 14, 11. Два первых автора здесь превосходят Арриана, который вообще почти не упоминает об этом энергичном обвинении Мазея, хотя и говорит о его последствиях.

[393] Arrian, iii. 14, 6. Здесь он прямо говорит только о τάξις под командованием Симмия; но очевидно, что сказанное им следует понимать и о τάξις под командованием Кратерия. Из шести τάξεις, или подразделений фаланги, подразделение Кратера стояло крайним слева, а подразделение Симмия (который в этот день командовал τάξις Аминта, сына Андромена) - рядом с ним (iii. 11, 16). Если, следовательно, τάξις Симмия был удержан от преследования из-за давления на общий македонский левый фланг (iii. 14, 6) - à fortiori, τάξις Кратера должен был быть удержан таким же образом.

[394] Arrian, iii. 14, 7.

[395] Curtius. iv. 15, 9-11; Diodor. xvii. 59. Курций и Диодор представляют бригаду конницы, которая разграбила лагерь и спасла пленных, как посланную Мазеем справа от персов; Арриан же утверждает, что, скорее всего, они пробрались через пролом, случайно оставленный в фаланге, и обошли македонские ряды.

[396] Арриан, iii. 14, 10. Курций представляет эту бригаду как отбитую Аретом и отрядом, посланным специально самим Александром. Диодор описывает ее так, будто она вовсе не была разбита, а вернулась в Мазею, разграбив багаж. Ни один из этих рассказов не является столь вероятным, как рассказ Арриана.

[397] Diodor. xvii. 60. Ὁ Παρμενίων ... μόλις ἐτρέψατο τοὺς βαρβάρους, μάλιστα καταπλαγέντας τῇ κατὰ τὸν Δαρεῖον φυγῇ. Curtius, iv. 16, 4-7. "Interim ad Mazæum fama superati regis pervenerat. Itaque, quanquam validior erat, tamen fortunâ partium territus, percussis languidius instabat." Arrian, iv. 14, 11; iv. 15, 8.

[398] Arrian, iii. 15, 6. Курций также упоминает об этой битве, но со многими деталями, сильно отличающимися от Арриана (iv. 16, 19-25).

[399] Arrian, iii. 15, 9.

[400] Arrian, iii. 15, 10. Курций (iv. 16, 12-18) приводит отягчающие подробности о страданиях беглецов при переходе через реку Ликус, которые, вероятно, основаны на фактах. Но он ошибается, полагая, что Александр дошел до этой реки во время своей первой погони, из которой он был отозван, чтобы помочь Пармению.

[401] Arrian, iii. 15, 14; Curtius, v. 1, 10.

[402] Arrian, iii. 15, 16; Curtius, iv. 16, 27; Diodor. xvii. 61.

[403] Арриан, iii. 16, 5-11; Diodor. xvii. 64; Курций, v. 1, 17-20.

[404] Curtius, v. 1, 45; Diodor. xvii. 64.

[405] Арриан называет общую сумму в 50 000 талантов (iii. 16. 12).

Я принял их за аттические таланты; если бы это были эгинейские таланты, их стоимость была бы больше в пропорции пять к трем.

[406] Curtius, v. 2, 11; Diodor. xvii. 66.

[407] Arrian, iii. 16, 6-9: сравните Strabo, xvi. p. 738.

[408] Arrian, iii. 16, 16; Curtius, v. 1, 44; Diodor. xvii. 64. Курций и Диодор не совсем совпадают с Аррианом; но расхождение здесь не очень важно.

[409] Curtius, v. 1, 42: сравните Diodor. xvii. 65; Арриан, iii, 16, 18.

[410] Arrian, iii. 16, 20; Curtius, v. 2, 6; Diodor. xvii. 65. Об этой реорганизации, начатой в Сузах и продолженной в течение следующего года в Экбатанах, см. Rüstow and Köchly, Griechisches Kriegswesen, p. 252 seq.

Одним из изменений было то, что подразделения кавалерии, которые до этого совпадали с различными местными округами или городами Македонии и имели соответствующее назначение, были перераспределены и смешаны вместе (Curtius, v. 2, 6).

[411] Arrian, iii. 17, 1. "Ἀραὶ δὲ ἐκ Σούσων, καὶ διαβὰς τὸν Πασιτίγρην ποταμὸν, ἐμβάλλει εἰς τὴν Οὐξίων γῆν.

Персидские Сузы были расположены между двумя реками: Хоаспес (ныне Херха) на западе, Евлей или Паситигрис, ныне Карун, на востоке; обе реки отличались прекрасной водой. В нижней части своего течения Евлей, по-видимому, назывался Паситигрис - Плини, Н. N. xxxi. 21. "Parthorum reges ex Choaspe et Eulæo tantum bibunt".

Риттер дал подробное объяснение этих двух рек и места расположения персидского Суза (Erdkunde, часть ix. книга iii. West-Asien, p. 291-320).

[412] Arrian, iii. 17; Curtius. v. 3, 5-12; Diodor. xvii. 67; Strabo, xv. p. 729. Похоже, что дорога, по которой шел Александр в этом походе, была та, которую описал Киннейр, через Бебахан и Кала-Сефид в Шираз (Geographical Memoir of the Persian Empire, p. 72). Ничто не может превзойти трудности этой территории для военных действий.

Однако нет никакой уверенности в древней географии этих регионов. Карта древней Персии мистера Лонга показывает, как мало можно о ней узнать.

[413] См. поучительные заметки Мютцеля о Квинте Курции, т. 10, 3; и т. 12, 17, где обсуждается топография этого региона, насколько она известна современным путешественникам. Он полагает, что Сусийские ворота находились около Кала-Сефида, к западу от равнины Мердашт или Персеполиса. В этом он расходится с Риттером, по-видимому, на веских основаниях, насколько можно составить мнение.

[414] Arrian, iii. 18, 1-14; Curtius, v. 4, 10-20; Diodor. xvii. 68.

[415] Diodor. xvii. 71.

[416] Arrian, iii. 18, 16; Curtius, v. 4, 5; Diodor. xvii. 69.

[417] Xenoph. Anabas. i. 9, 13. Подобные привычки всегда преобладали среди восточных народов. "Наиболее жестокой частью магометанской системы наказаний является та, которая касается воровства и грабежа. Калечение, отсечение руки или ноги, является предписанным средством для всех высших степеней преступления" (Mill, History of British India, book iii. ch. 5. p. 447).

"Типу Саиб обычно отрезал правые руки и носы британцам, которые попадали в его руки" (Elphinstone, Hist. of India, vol. i. p. 380. ch. xi.).

Недавний путешественник отмечает множество изуродованных людей, как женщин, так и мужчин, которых можно увидеть в северной части Скинде (Burton, Scenes in Scinde, vol. ii. p. 281).

[418] Diodor. xvii. 69; Curtius, v. 5; Justin, xi. 14. Арриан не упоминает об этих изуродованных пленниках; но я не вижу причин не доверять сообщению трех авторов, которые его подтверждают. Курций говорит о 4000 пленников; два других упоминают о 800. Диодор называет их - Ἕλληνες ὑπὸ τῶν πρότερον βασιλέων ἀνάστατοι γεγονότες, ὀκτακόσιοι μὲν σχεδὸν τὸν ἀριθμὸν ὄντες, ταῖς δ' ἡλικίαις οἱ πλεῖστοι μὲν γεγηρακότες, ἡκρωτηριασμένοι δὲ πάντες, etc. Некоторые ἀνάρπαστοι πρὸς βασιλέα διὰ σοφίαν замечены у Ксенофа. Mem. iv. 2, 33; ср. Herodot. iii. 93; iv. 204. Я уже упоминал об издевательствах над македонскими инвалидами, взятыми Дарием в Иссе.

Вероятно, эти греческие пленники были смешаны со множеством других пленников, азиатов и прочих, с которыми обращались таким же образом. Никто, кроме греческих пленников, скорее всего, не явился бы к Александру и его армии, поскольку никто, кроме них, не рассчитывал получить сочувствие от армии македонцев и греков. Было бы интересно узнать, кто были эти пленники и как их так жестоко использовали. Два человека среди них, которых Курций назвал выразителями мнения Александра, - это киммериец Эвктемон и афинянин Теэтет.

[419] Diodor. xvii. 70. πλουσιωτάτης οὔσης τῶν ὑπὸ τὸν ἥλιον, etc. Curtius, v. 6, 2, 3.

[420] Arrian, iii. 18, 18; Diodor. xvii. 70; Curtius, v. 6, 1; Strabo, xv. p. 731.

[421] Эта сумма приводится как Диодором (xvii. 71), так и Курцием (v. 6, 9). Однако, как мы видим из Страбона, существуют разные мнения относительно этой суммы. Такие заоблачные цифры не заслуживают доверия ни по каким свидетельствам, кроме официальных деклараций. В то же время мы должны ожидать очень большой суммы, учитывая долгие годы, которые были потрачены на ее накопление. В письмах самого Александра (Plutarch, Alex. 37) говорится, что было вывезено достаточно, чтобы загрузить 10000 повозок мулов и 5000 верблюдов.

Чтобы объяснить факт большого накопления сокровищ в персидских столицах, следует отметить, что то, что мы привыкли считать расходами правительства, не покрывалось из царской казны. Военные силы, если говорить в целом, не оплачивались Великим Царем, а созывались по реквизициям из провинций, на которые ложились расходы на содержание солдат, сверх обычной дани. Многочисленные слуги и прислуга царя получали не денежное, а натуральное жалованье; провиант для содержания двора со свитой предоставлялся провинциями сверх дани. См. Herodot. i. 192; и iii. 91, а также хороший отрывок Heeren, описывающий небольшие государственные выплаты из царской сокровищницы, в его рассказе о внутреннем устройстве древней Персидской империи (Ideen über die Politik and den Verkehr der Völker der alten Welt, part i. Abth. 1. p. 511-519).

Относительно современной Персии Жобер замечает (Voyage en Arménie et en Perse, Paris, 1821, p. 272, ch. 30) - "Si les sommes que l'on verse dans le trésor du Shah ne sont pas exorbitantes, comparativement à l'étendue et à la population de la Perse, elles n'en sortent pas non plus que pour des dépens indispensables qui n'en absorbent pas la moitié. Остальное конвертируется в линготы, пирреры и другие предметы, имеющие большую ценность и удобные для транспортировки в случае событий: этого достаточно, чтобы не преувеличивать отзывы всех путешественников о великолепии персидского двора. Персы - слишком ясновидящие, чтобы разглядеть в них серьезные мотивы, которые предвещает Фаттех Али Шах".

Когда Надир-шах победил могольского императора Мухаммеда и вошел в Дели в 1739 году, императорские сокровища и имущество, попавшие в его руки, как говорят, составили 32 000

000 фунтов стерлингов, помимо тяжелых поборов с жителей (Mill, History of British India, vol. ii, B. iii, ch. 4, p. 403). Рунджит Синг оставил после своей смерти (1839) сокровища в 8 000 000 фунтов стерлингов, драгоценности и другие вещи на несколько миллионов больше. [The Punjab, by Col. Steinbach, p. 16. London, 1845].

В другом месте г-н Милль замечает, что "в Хиндостане золото, серебро и драгоценные камни чаще всего хранятся, а не идут на производство" (т. I, с. 254, Б. ii. гл. 5).

Геродот (iii. 96) рассказывает, что золото и серебро, поступавшие в персидскую царскую сокровищницу, в расплавленном виде заливались в глиняные сосуды; когда они остывали, глиняный сосуд извлекался, а твердая металлическая масса оставалась на месте; часть ее отрезалась, когда требовались средства для выплат. Такая практика позволяет предположить, что значительная ее часть обычно накапливалась, а не расходовалась".

[422] Арриан, iii. 18, 17. Он не называет сумму, которую я переписываю из Curtius, v. 6, 10.

[423] Diodor. xvii. 70. Οἱ Μακεδόνες ἐπῆρσαν, τοὺς μὲν ἄνδρας πάντας φονεύοντες, τὰς δὲ κτήσεις διαρπάζοντες, etc. Curtius, v. 6, 6.

[424] Diodor. xvii. 70, 71; Curtius, v. 6, 3-7. Эти два автора сходятся в основных чертах резни и грабежа в Персеполисе, разрешенных солдатам Александра. Арриан не упоминает об этом; он говорит только о преднамеренном решении Александра сжечь дворец или цитадель из мести персам. А такое чувство, если предположить, что оно существует, естественно, диктовало бы и всеобщее разрешение на грабежи и резню. Сам питая такое мстительное чувство и считая его законным, Александр либо предполагал его существование, либо любил разжигать его в своих солдатах, которые, действительно, с радостью приняли бы разрешение на грабеж, с каким-либо предшествующим чувством мести или без него.

История (рассказанная Диодором, Курцием и Плутархом, Alex. 38) о том, что Александр в пьяном виде на пиру был впервые подстрекаем куртизанкой Таис к поджогу дворца Персеполиса и сопровождал ее, чтобы начать пожар своей собственной рукой, может быть настолько правдивой, что он действительно появился на сцене и помогал в поджоге. Но то, что его решение о поджоге было принято сознательно и даже сохранялось вопреки противодействию уважаемых офицеров, подтверждается авторитетом Арриана.

[425] Plutarch, Alexand. 37. Φόνον μὲν οὖν ἐνταῦθα πολὺν τῶν ἀλίσκομένων γενέσθαι συνέπεσε-γράφει γὰρ αὐτὸς, ὡς νομίζων αὐτῷ τοῦτο λυσিতেλεῖν ἐκέλευεν ἀποσφάττεσθαι τοὺς ἀνθρώπους-νομίσματος δὲ εὐρεῖν πλῆθος ὅσον ἐν Σούσοις, τὴν δὲ ἄλλην κατασκευὴν καὶ τὸν πλοῦτον ἐκκομισθῆναι φησι μυρίοις ὀρικοῖς ζεύγεσι, καὶ πεντακισχίλιναις καμήλοις. То, что ἐνταῦθα означает Персеполис, показывает следующее сразу же сравнение с сокровищами, найденными в Сузах.

[426] Diod. xvii. 73; Curtius, v. 6, 12-20.

[427] Curtius, v. 6, 11.

[428] Arrian, iii. 16, 1-4.

[429] Сравните язык, обращенный Александром к своим усталым солдатам на берегу Гифасиса (Арриан, ст. 26), с тем, который Геродот вкладывает в уста Ксеркса, объявляя о его намерении предпринять экспедицию против Греции (Herodot. vii. 8).

[430] Я не вижу причин сомневаться в том, что Экбатана, о которой здесь идет речь, - это современный Хамадан. См. ценное приложение, добавленное д-ром Тирлуоллом к шестому

тому его "Истории Греции", в котором этот вопрос аргументированно опровергается г-ном Уильямсом.

Сэр Джон Малкольм замечает: "Вряд ли можно сказать, что в Персии есть какие-либо дороги; да они и не особо нужны, поскольку колесные повозки еще не были введены в этом королевстве. Ничто не может быть более изрезанным и трудным, чем пути, проложенные через горы, которыми она ограничена и пересекается" (гл. xxiv. т. ii. с. 525).

В этом отношении, как и в других, современное государство Персия должно уступать древнему; посмотрите, как Геродот описывает дорогу между Сардами и Сузами.

[431] Арриан, iii. 19, 2-9; iii. 20, 3.

[432] Arrian, iii. 19, 5.

[433] Arrian, iii. 19, 14; Diodor. xvii. 80. Диодор ранее (xvii. 66, 71) указывал, что сокровища в Сузах составляли 49 000 талантов, а в Персеполесе - 120 000. Арриан объявляет, что сокровища в Сузах составляли 50 000 талантов, а Курций называет только необработанное золото и серебро в количестве 50 000 талантов (ст. 8, 11). Сокровища обоих мест были перевезены в Экбатаны.

[434] Арриан, iii. 20, 4.

[435] Curtius, v. 23, 12.

[436] Arrian, iii. 19, 10: сравните v. 27, 7.

[437] Arrian, iii. 24, 1. ἥδη γὰρ αὐτῷ καὶ ἰπτακοντισταὶ ἦσαν τάξις.

См. замечания Рюстоу и Кёчли об изменениях, внесенных Александром в свою военную организацию примерно в этот период, как только он обнаружил, что больше нет шансов на то, что собранные большие силы персов смогут встретиться с ним в поле (Geschichte des Griech. Kriegswesens, p. 252 seq.).

Перемена, на которую они указывают, была реальной, но я думаю, что они преувеличивают ее степень.

[438] Перевалы, называемые Каспийскими воротами, по-видимому, являются теми, которые описаны Мориером, Фрейзером и другими современными путешественниками как ряд узких долин и дефиле, называемых Сер-Деш, Сирдари или Сердара Кан, - на самой южной из двух дорог, ведущих на восток от Тегерана к Дамагану, а затем дальше на восток к Мешхеду и Герату. См. примечание Мютцеля в его издании Курция, т. 35, 2, с. 489; также Morier, Second Journey through Persia, p. 363; Fraser's Narrative of a Journey into Khorasan, p. 291.

Длинный горный хребет, называемый древними Тавром, тянется от Малой Медии и Армении в восточном направлении вдоль южного побережья Каспийского моря. Его северный склон, покрытый огромными лесами, с долинами и равнинами, не достигающими большой ширины до Каспия, охватывает влажные и плодородные территории, которые сейчас называются Гиляном и Мазандераном. Восточная часть Мазандерана в древности была известна как Гиркания, в то время плодородная и густонаселенная; а сам горный хребет был занят различными грубыми и воинственными племенами - Кадусием, Марди, Тапири и т.д. Горный хребет, который сейчас называется Эльбурс, включает в себя, помимо прочих возвышенностей, очень высокую вершину Демавенд.

Дорога из Экбатаны в Бактру, по которой бежал Дарий и преследовал Александр, проходила по изломанной местности, окаймляющей южный фланг горного хребта Эльбурс. Каспийские ворота составляли самую страшную и трудную часть этого излома.

[439] Арриан, iii. 20, 21.

[440] Масистес, после шокирующего оскорбления его жены царицей Аместрис, собирался отправиться в Бактрию, чтобы организовать восстание: см. Herodot. ix. 113 - о значении этой сатрапии.

[441] Арриан, iii. 21-23. Юстин (xi. 15) уточняет название места - Тара. И он, и Курций упоминают *золотую цепь* (Curtius, 34, 20). Вероятно, заговорщики воспользовались какими-то цепями, которые составляли часть украшений царского гардероба. Среди подарков, преподнесенных Дарием, сыном Гистаспа, хирургу Демокеду, были две пары золотых цепей - Δωρέεται δὴ μιν Δαρεῖος πεδέων χρυσέων δύο ζεύγεις - Herodot. iii. 130: ср. iii. 15. Персидский царь и вельможи обычно носили золотые цепи на шее и руках.

[442]

"Rarus apud Medos regum cruor; unaque cuncto

Pœna manet generi; quamvis crudelibus æque

Paretur dominis." (Claudian. in Eutrop. ii. p. 478.)

Придворные заговоры и убийства принца, однако, не были неизвестны ни среди ахеменидов, ни среди арсакидов.

[443] Этот рассказ о примечательных происшествиях, непосредственно предшествовавших смерти Дария, заимствован в основном у Арриана (iii. 21) и представляется одной из наиболее достоверных глав его работы. Он очень скупно рассказывает о том, что происходило в персидском лагере; он упоминает только сообщения, сделанные персидскими дезертирами Александру.

Курций (ст. 27-34) рассказывает о событиях в персидском лагере гораздо более расплывчато и нечетко, чем Арриан, но с достаточным количеством подробностей. Мы были бы рады узнать, у кого эти подробности были заимствованы. В основном они не противоречат рассказу Арриана, а скорее усиливают и размыывают его.

Диодор (xvii. 73), Плутарх (Alexand. 42, 43) и Юстин (xi. 15) не дают никаких новых сведений.

[444] Арриан (iii. 22) дает снисходительную критику Дария, останавливаясь главным образом на его несчастьях, но называя его ἀνδρὶ τὰ μὲν πολέμια, εἴπερ τινὶ ἄλλῳ, μαλθακῷ τε καὶ οὐ φρενῆρει, etc.

[445] Curtius, vi. 5, 10; vi. 6, 15. Diodor. xvii. 74. Гекатомпила была важным местом, где соединялись несколько дорог (Polyb. x. 28). Он находился на одной из дорог, идущих на восток от Каспийских ворот, на южном фланге горы Тавр (Эльбурс). Его местоположение не может быть определено с уверенностью: Риттер (Erdkunde, часть viii. 465, 467) вместе с другими полагает, что оно находилось около Дамагана; Форбигер (Handbuch der Alten Geographie, vol. ii. p. 549) помещает его дальше на восток, около Джай-Джерма. Г-н Лонг отмечает его на своей карте как *неизвестное место*.

[446] Это подтверждается его собственными письмами к Антипатру, которые видел Плутарх (Plutarch, Alexand. 47). Курций сочинил длинную речь для Александра (vi. 7, 9).

[447] Arrian, iii. 23, 15.

[448] Арриан, iii. 24, 4. Что касается горных племен под названием марди, которые упоминаются в нескольких различных местах - на части горы Тавр к югу от Каспия, в Армении, на горе Загрос и в самом Персиде (см. Strabo, xi. p. 508-523; Herodot. i. 125), мы можем отметить, что кочевые племена, составляющие значительную часть населения современной Персидской империи, в настоящее время встречаются под тем же именем в местах, значительно удаленных друг от друга: см. Jaubert, Voyage en Arménie et en Perse, p. 254.

[449] Arrian, iii. 24, 8; Curtius, vi. 5, 9. Афинский офицер по имени Демократ в отчаянии покончил с собой, не желая сдаваться.

[450] См. любопытный отрывок на эту тему в конце "Киропедии" Ксенофонта.

[451] Арриан, iii. 25, 3-8. Дройзен и д-р Тирлволл отождествляют Сузию с городом, который сейчас называется Тус или Тос, в нескольких милях к северо-западу от Месхеда. Профессор Уилсон (Ariana Antiqua, p. 177) считает, что это слишком западнее и слишком далеко от Герата: по его мнению, Сусия - это Зузан, расположенный на пустынной стороне гор к западу от Герата. Г-н Принсеп (заметки об исторических результатах, вытекающих из открытий в Афганистане, стр. 14) помещает ее в Субзавар, к югу от Герата и в пределах области плодородия.

Тус, по-видимому, лежит на линии марша Александра, больше, чем два других указанных места; Субзавар находится слишком далеко к югу. Александр, по-видимому, сначала направил свой поход из Парфии в Бактрию (по линии от Астерабада до Байха через Маргиану), лишь касаясь границ Арии на своем пути.

[452] Артакоана, как и последующий город Александрия в Арии, по предположению Уилсона, совпадают с местом расположения Герата (Wilson, Ariana Antiqua, p. 152-177).

Существует два пути из Герата в Астерабад, расположенный в юго-восточном углу Каспийского моря; один - через Шахруд, что составляет 533 английские мили; другой - через Месхед, что составляет 688 английских миль (Wilson, p. 149).

[453] Arrian, iii. 25; Curtius, vi. 24, 36. Территория Дранги, или Заранги, к югу от Арии, в целом совпадает с современным Сеистаном, примыкая к озеру, ныне называемому Зарех, которое принимает воды реки Хильменд.

[454] Арриан, iii. 25, 6; Курций, iv. 8, 7; vi. 6, 19.

[455] Curtius, vi. 7, 2. "Dimnus, modicæ apud regem auctoritates et gratiæ, exoleti, cui Nicomacho erat nomen, amore flagrabat, obsequio uni sibi dediti corporis vinctus." Plutarch, Alex. 49; Diodor. xvii. 79.

[456] Curt. vi. 7, 29; Plutarch, Alex. 49. Последний говорит, что Димнус сопротивлялся офицеру, посланному арестовать его, и был убит им в бою.

[457] Curtius, vi. 7, 33. "Philotas respondit, Cebalinum quidem scorti sermonem ad se detulisse, sed ipsum tam levi auctori nihil credidisse-veritum, ne iurgium inter amatorem et exoletum non sine risu aliorum detulisset."

[458] Plutarch, Alexand. 48.

[459] Plutarch, Alexand. 48, 49. Πρὸς δὲ αὐτὸν Ἀλέξανδρον ἐκ πάνυ πολλῶν χρόνων ἐτύγχανε διαβεβλημένος (Philotas)..... Ὁ μὲν οὖν Φιλώτας ἐπιβουλευόμενος οὕτως ἡγνόει, καὶ συνῆν τῇ

Ἀντιγόνη πολλὰ καὶ πρὸς ὀργὴν καὶ μεγαλαυχίαν ῥήματα καὶ λόγους κατὰ τοῦ βασιλέως ἀνεπιτηδεῖους προῖέμενος.

И Птолемей, и Аристокл признавали эти предыдущие сообщения, сделанные Александру против Филоты в Египте, но заявляли, что он им не верит (Арриан, iii. 26, 1).

[460] Plutarch, Alexand. 40-48; Curtius, vi. 11, 3.

[461] Phylarchus, Fragment. 41. ed. Didot, ap. Athenæum, xii. p. 539; Плутарх, Alexand. 39, 40. Даже Эвмен значительно обогатился; хотя, будучи всего лишь секретарем и греком, он не мог пользоваться теми же вольностями, что и великие македонские полководцы (Плутарх, Эвмен, 2).

[462] Plutarch, Alexand. 49; Curtius, vi. 8.

[463] Curtius, vi. 8, 16. "Invitatus est etiam Philotas ad ultimas sibi epulas et rex non cœnare modo, sed etiam familiariter colloqui, cum eo quam damnaverat, sustinuit."

[464] Arrian, iii. 26, 2. Λέγει δὲ Πτολεμαῖος εἰσαχθῆναι εἰς Μακεδόνας Φιλώταν, καὶ κατηγορῆσαι αὐτοῦ ἰσχυρῶς Ἀλέξανδρον, etc. Curtius, vi. 9, 13; Diodorus, xvii, 80.

[465] Curtius, vi. 9, 30.

[466] Curtius, vi. 11, 8. "Tum vero universa concio accensa est, et a corporis custodibus initium factum, clamantibus, discernendum esse parricidam manibus eorum. Id quidam Philotas, qui graviora supplicia metueret, haud sane iniquo animo audiebat."

[467] Curtius, vi. 9, 30; vi. 11, 11.

[468] Plutarch, Alexand. 49.

[469] Curtius, vi. 11, 15: "Per ultimos deinde cruciatus, utpote et damnatus et inimicis in gratiam regis torquentibus, laceratur. Ac primo quidam, quanquam hinc ignis, illinc verbera, jam non ad quæstionem, sed ad pœnam, ingerebantur, non vocem modo, sed etiam gemitus habuit in potestate; sed postquam intumescens corpus ulceribus flagellorum ictus nudis ossibus incussos ferre non poterat", etc.

[470] Curtius, vi. 11, 20.

[471] Strabo, xv. p. 724; Diodor. xvii. 80; Curtius, vii. 2, 11-18.

[472] Curtius, vii. 2, 27. Разбирательство в отношении Филоты и Пармениона наиболее подробно описано Курцием; но его детали в целом согласуются с краткими изложениями, приведенными Аррианом от Птолемея и Аристокла - за исключением одного существенного момента. Плутарх (Alex. 49), Диодор (xvii. 79, 80) и Юстин (xii. 5) также излагают этот факт в том же ключе.

Птолемей и Аристокл, согласно рассказу Арриана, похоже, считали, что Филота действительно был замешан в заговоре против жизни Александра. Но если проанализировать то, что они говорили, то их мнение не будет иметь большого веса. Во-первых, они утверждают (Arrian, iii. 26, 1), что о *заговоре Филоты стало известно Александру еще в Египте*, но он тогда не поверил. С момента пребывания в Египте прошло восемнадцать месяцев, и идея заговора, продолжавшегося восемнадцать месяцев, нелепа. То, что Филота находился в таком настроении, когда можно было предположить, что он может устроить заговор, - это одно предположение; то, что он действительно устроил

заговор, - другое; Арриан и его авторитеты объединяют эти два предположения, как если бы они были одним. Что касается доказательств того, что Филота действительно участвовал в заговоре, Арриан говорит нам, что "доносчики выступили перед собравшимися солдатами и осудили Филоту вместе с остальными по другим, неясным признакам, но главным образом по тому, что Филота признался, что слышал о готовящемся заговоре, не упомянув о нем Александру, хотя дважды в день бывал в его присутствии"-καὶ τοὺς μηνυτὰς τοῦ ἔργου παρελθόντας ἐξελέγξει Φιλώταν τε καὶ τοὺς ἀμφ' αὐτὸν ἄλλοις τε ἐλέγχοις οὐκ ἀφανέσι, καὶ μάλιστα δὴ ὅτι αὐτὸς Φιλώτας πεπύσθαι μὲν-συνέφη, и т.д. Каковы были эти другие признаки, нам не известно; но мы можем увидеть, насколько ничтожна была их ценность, когда узнаем, что не-откровение, признанное Филотой, было сильнее любого из них. Неразглашение, если вспомнить, что Никомах был единственным информатором (Арриан небрежно говорит о μηνυτὰς, как будто их было больше), абсолютно ничего не доказывает в отношении соучастия Филоты, хотя и может кое-что доказать в отношении его неосмотрительности. Даже по этому незначительному обвинению Курций вкладывает в его уста вполне достаточное оправдание. Но если бы Александр придерживался иного мнения, уволил или даже заключил его в тюрьму за это, то не было бы места для замечаний.

Арриан расходится с Курцием в том, что утверждает: "Филота вместе с остальными был застрелен македонцами" - таким образом, противореча, по крайней мере косвенно, тому факту, что его пытали. Плутарх, Диодор и Юстин согласны с Курцием в утверждении, что его пытали. В этом вопросе я предпочитаю их объединенный авторитет авторитету Птолемея и Аристобула. Эти два последних автора, вероятно, были вполне довольны тем, что поверили в соучастие Филоты на основании авторитета самого Александра, не утруждая себя критикой доказательств. Они рассказывают, что Александр решительно осудил (κατηγορήσαι ἰσχυρῶς) Филоту перед собравшимися солдатами. После этого достаточно было бы любой тени или притворства доказательства. Кроме того, давайте вспомним, что Птолемей получил свое повышение, став одним из конфиденциальных телохранителей (σωματοφύλακες), именно в результате этого заговора, реального или вымышленного; он был выдвинут на должность осужденного Деметрия (Arrian, iii. 27. 11).

Насколько мало Птолемей и Аристобул заботились о справедливости по отношению к тому, кого ненавидел Александр, можно судить по тому, что они говорили впоследствии о философе Каллистене. Оба они утверждали, что страницы, осужденные за заговор против Александра, выступили против Каллистена, как подстрекавшего их к этому поступку (Арриан, iv. 14, 1). Теперь мы знаем из авторитета самого Александра, чьи письма цитирует Плутарх (Alexand. 55), что страницы отрицали причастность кого-либо еще, утверждая, что проект был полностью их собственным. К их великой чести, страницы упорствовали в даче показаний даже под жестокими пытками, хотя знали, что от них хотели получить показания против Каллистена.

Я считаю, что Диодор, Плутарх, Курций и Юстин правы, утверждая, что Филоту пытали. Птолемей и Аристобул сочли себя вправе опустить этот факт, который, вероятно, не доставил им особого удовольствия. Если бы Филоту не пытали, то против Парменио вообще не было бы никаких улик, поскольку единственной уликой против последнего было вырванное признание Филоты.

[473] Curtius, vii. 2, 32, 33.

[474] Сравните поведение Александра по отношению к Филоте и Пармениону с поведением Кира Младшего по отношению к заговорщику Оронту, как описано у Ксенофонта, Анабас. i. 6.

[475] Plutarch, Alexand. 49.

[476] Curtius, vii. 2, 36; Diodor. xvii. 80; Юстин, xii. 5.

[477] Arrian, iii. 27, 8.

[478] Arrian, iii. 28, 2. О географии, сравните Wilson's *Ariana Antiqua*, p. 173-178. "Расстояние от Герата до Кандагара - 371 миля; от Кандагара до Кабула - 309: всего 688 миль (англ.)". Главный город в Дрангиане (Сейесте), упоминаемый последующими греческими географами, - Профасия; существовал, по-видимому, до прибытия Александра. См. фрагменты его *mensores*, ap. Didot, *Fragm. Hist. Alex. Magn.* p. 135; Плиний, H. N. vi. 21. Количество остатков древних городов, которые все еще можно найти на этой территории, поразительно. Уилсон отмечает следующее (p. 154).

[479] Arrian, iii. 28, 6; Curtius, vii. 3, 23; Diodor. xvii. 83. Александрия в Арии - это, вероятно, Герат; Александрия в Арахосии - это, вероятно, Кандагар. Но ни одна из них, ни другая не упоминаются как основанные *Александром* ни у Арриана, ни у Курция, ни у Диодора. Название Александрия не доказывает, что они были основаны им; ведь некоторые диадохи называли свои фундаменты его именем (Strabo, xiii. p. 593). Учитывая, как мало времени провел Александр в этих краях, удивительно, что он успел основать те фундаменты, которые прямо приписываются ему Аррианом и другими историками. Авторитет Плиния и Стефана. Визант. вряд ли достаточен, чтобы оправдать приписывание ему большего. Точное местоположение Александрии на Кавказе не может быть определено из-за отсутствия достаточных топографических данных. С большой долей вероятности можно предположить, что она находилась в месте под названием Беграм, в двадцати пяти милях к северо-востоку от Кабула, на пути между Кабулом на южной стороне Хинду-Кооша и Андерхабом на северной стороне. Огромное количество монет и реликвий, как греческих, так и магометанских, обнаруженных г-ном Массоном в Беграме, дают больше оснований для идентификации этого места с Александрией на Кавказе, чем это можно утверждать в отношении любого другого населенного пункта. См. книгу Массона "Рассказ о путешествиях по Афганистану и т. д.", том iii. гл. 7. стр. 148 и далее.

Пересекая Гиндукуш с юга на север, Александр, вероятно, прошел через перевал Бамиан, который, похоже, единственный из четырех перевалов, открытых для армии зимой. См. Wood's *Journey to the Oxus*, p 195.

[480] Arrian, iii. 29, 3; Curtius, vii. 5, 1.

[481] Arrian, iii. 29, 4; Strabo, xi. p. 509. Очевидно, Птолемей и Аристокл испытывали гораздо большее благоговение перед Оксусом, чем перед Тигром или Евфратом. Арриан (iv. 6, 13) берет за эталон сравнения рек реку Пеню в Фессалии.

[482] Курций, vii. 5, 19. Точность Квинта Куртия в описании общих черт Бактрии и Согдианы подтверждается современными путешественниками в самых убедительных выражениях. См. Burnes's *Travels into Bokhara*, vol. ii. ch. 8. p. 211, 2nd edit.; также Morier, *Second Journey in Persia*, p. 282.

Но в географических деталях страны мы ошибаемся. У нас нет достаточных данных, чтобы идентифицировать более одного или двух населенных пунктов, упомянутых в повествовании о путешествии Александра Курцием или Аррианом. То, что Мараканда - это современный Самарканд, река Политиметус - современный Кохик, а Бактра или Зариаспа - современный Балх, представляется несомненным; но попытки комментаторов определить местоположение других мест не столь убедительны.

На самом деле, в настоящее время эти страны известны лишь поверхностно в плане общего пейзажа; для целей измерения и географии они почти неизвестны, в чем может убедиться любой, кто прочтет введение к переводу Эрскина "Мемуаров султана Бабера".

[483] Arrian. iii. 30, 5-10. Эти подробности особенно достоверны, поскольку исходят от Птолемея, человека, которого они касались в первую очередь.

Аристобул согласен с описанием облика, в котором был выставлен Бесс, но утверждает, что он был воспитан таким образом Спитаменом и Датаферном. Курций (vii. 24, 36) следует этой версии. Диодор также приводит очень похожий рассказ, ничего не упоминая о Птолемея (xvii. 83).

[484] Curtius, vii. 23; Plutarch de Serâ Numinis Vindictâ, p. 557 B; Strabo xi. p. 518: сравните также xiv. p. 634, и xvii. p. 814. Этот последний отрывок Страбона помогает нам понять особенно сильное благочестивое рвение, с которым Александр относился к храму и оракулу в Бранхиде. В то время, когда Александр отправился к оракулу Аммона в Египте, чтобы приобщиться к Зевсу Аммону, к нему прибыли посланцы из Милета, сообщившие, что оракул в Бранхиде, молчавший со времен Ксеркса, только что начал давать пророчества и подтвердил, что Александр - сын Зевса, помимо многих других обнадеживающих предсказаний.

Резня Бранхидеи Александром была описана Диодором, но содержалась в той части семнадцатой книги, которая утрачена; в MSS после главы 83 имеется большой пробел. 83. Этот факт четко указан в оглавлении, приложенном к книге xvii.

Арриан не упоминает ни об этих потомках Бранхидеи в Согдиане, ни о разрушении города и его жителей Александром. Возможно, ни Птолемей, ни Аристобул ничего не говорили об этом. Их молчание совсем не трудно объяснить, и оно, на мой взгляд, не подрывает достоверности повествования. Они не считают себя обязанными предавать огласке худшие деяния своего героя".

[485] Дельфийский оракул, объясняя порабощение и гибель лидийского царя Крёза, говорил, что таким образом он искупил грех своего предка в пятом поколении (Herodot. i. 91: ср. vi. 86). Непосредственно перед началом Пелопоннесской войны лакедемоняне призвали афинян изгнать потомков тех, кто участвовал в килонском святотатстве за 180 лет до этого; они обратились с этим предписанием, чтобы добиться изгнания Перикла, но все же τοῖς θεοῖς πρῶτον τιμωροῦντες (Thucyd. i. 125-127).

Мысль о том, что грехи отцов отражаются на их потомках, вплоть до третьего и четвертого поколения, имела большое значение в античном мире.

[486] Diodor. xiii. 62. См. том X. гл. lxxxi. p 413 этой истории.

[487] Плиний, Н. N. vi. 16. В "Метеорологии" Аристотеля (i. 13, 15-18) мы читаем, что реки Бахтрус, Хоаспес и Аракс стекают с высокой горы Парнас (Паропамис?) в Азии; и что Аракс раздваивается, одна ветвь образует Танаис, который впадает в Палус Мейотис. За этот факт он ссылается на ὕψος περιόδοι, существовавший в его время. Кажется очевидным, что под Араксом Аристотель должен был подразумевать Джаксарт. Таким образом, мы видим, что Александр и его спутники, отождествляя Джаксарты с Танаисом, лишь следовали географическим описаниям и представлениям, бытовавшим в их время. Гумбольдт отмечает

несколько случаев, когда греческие географы любили предполагать раздвоение рек (Asie Centrale, vol. ii. p. 291).

[488] Арриан, iv. 1, 5.

[489] Arrian, iii. 30, 17.

[490] Arrian, iv. 1, 3.

[491] Арриан, iv. 3, 17; Курций, vii. 6, 25.

[492] Arrian. iv. 5, 6; Curtius, vii. 9.

[493] Арриан, iv. 6, 11; Курций, vii. 9, 22. Река, названная македонцами Политиметом (Strabo, xi. p. 518), теперь носит имя Кохик или Зуруфшан. Она берет начало в горах к востоку от Самарканда и течет на запад к северу от этого города и Бохары. Она не доходит до Оксуса; в полноводное время года она впадает в озеро под названием Каракуль; в засушливые месяцы она теряется в песках, как утверждает Арриан (Burnes's Travels, vol. ii. ch. xi. p. 299. ed. 2nd.).

[494] Arrian, iv. 7, 1; Curtius, vii. 10, 12.

[495] Arrian, iv. 7, 5.

[496] После описания сцены в Риме, когда император Гальба был свергнут и убит на форуме, Тацит замечает: "Plures quam centum et viginti libellos præmia exposcentium, ob aliquam notabilem illà die operam, Vitellius postea invenit, omnesque conqueri et interfici jussit: *non honore Galbæ, sed tradito principibus more, munimentum ad præsens, in posterum ultionem*" (Tacitus, Hist. i. 44).

[497] Арриан, i. 17, 3; iii. 16, 8. Курций, iii. 12, 6; v. 1, 44.

[498] Курций (vii. 10, 15) упоминает шесть городов (oppida), основанных Александром в этих регионах; по-видимому, где-то к северу от Оксуса, но местоположение определить невозможно. Юстин (xii. 5) упоминает двенадцать оснований в Бактрии и Согдиане.

[499] Arrian, iv. 16, 4; Curtius, vii. 10, 1. "Sogdiana regio magnâ ex parte deserta est; octingenta ferè stadia in latitudinem vastæ solitudines tenent."

Относительно той же страны (Согдианы и Бактрии) г-н Эрскин замечает (Введение к мемуарам султана Бабера, стр. xliii.): "Лицо страны чрезвычайно изрезано и разделено высокими холмами; даже равнины разнообразны большим разнообразием почв, - некоторые обширные районы вдоль реки Кохик, почти вся Фергана (вдоль Джаксарта), большая часть Кваризма вдоль ветвей Оксуса, с большими частями Балха, Бадакшана, Кеша и Гиссара, отличаются необыкновенным плодородием; в то время как большая часть остальной части - бесплодная пустошь, а в некоторых местах - песчаная пустыня. Действительно, вся страна к северу от Оксуса имеет явную тенденцию вырождаться в пустыню, и многие из ее наиболее плодородных пространств почти окружены бесплодными песками; так что население всех этих районов по-прежнему, как и во времена Бабера, состоит из постоянных жителей городов и плодородных земель и из неустроенных и бродячих странников пустыни, которые живут в шатрах из войлока и питаются продуктами своих стад."

[500] Арриан, iv. 8, 7.

[501] Plutarch, Alexand. 51. Ничто не может быть трогательнее слов, вложенных Плутархом в уста Клейта - Ἄλλ' οὐδὲ νῦν χαίρομεν, Ἀλέξανδρε, τοιαῦτα τέλη τῶν πόνων κομιζόμενοι,

μακαρίζομεν δὲ τοὺς ἤδη τεθνηκότας πρὶν ἐπιθεῖν Μηδικαῖς ῥάβδοις ξαινομένους Μακεδόνας, καὶ Περσῶν δεομένους ἵνα τῷ βασιλεῖ προσέλθωμεν.

[502] Arrian, iv. 8, 8. οὐκ οὖν μόνον γε (Ἀλέξανδρον) καταπρᾶσαι αὐτὰ, ἀλλὰ τὸ γὰρ πολὺ μέρος Μακεδόνων εἶναι τὰ ἔργα, etc.

[503] Arrian, iv. 8; Curtius, viii. 1; Плутарх, Alexand. 50, 51; Юстин, xii. 6.

Описание, данное Диодором, содержится в утраченной части его семнадцатой книги; в оглавлении, приложенном к ней, кратко описывается этот инцидент.

Все авторы в общих чертах описывают начало, ход и результат этой впечатляющей сцены в пиршественном зале Мараканды; но они существенно расходятся в деталях. Излагая то, что кажется мне наиболее вероятным, я частично заимствовал сведения у всех, но в основном следовал рассказу Арриана, полученному от Птолемея, который сам присутствовал при этом. Ибо повествование Арриана вплоть до разд. 14 из к. 8 (до слов Ἀριστόβουλος δὲ) можно с полным основанием считать, что он заимствован у Птолемея.

И Плутарх, и Курций описывают эту сцену в более бесчестном для Александра ключе, чем Арриан, и в то же время (по моему мнению) менее правдоподобно. Плутарх говорит, что поводом для драки послужило исполнение поэтом Пирионом песни, в которой высмеивались македонцы, недавно потерпевшие поражение в Согдиане; что Александр и его окружение горячо приветствовали эту сатиру; что Клит протестовал против такого оскорбления воинов, которые, несмотря на несчастье, вели себя с безупречной храбростью; что Александр тогда обратился к Клиту, говоря, что тот ищет оправдания себе, оправдывая трусость других; что Клит в ответ напомнил ему о сохранении его жизни при Гранике. Таким образом, Александр провоцирует ссору, понося мужество Клейта, что мне кажется маловероятным; да и вряд ли он стал бы поощрять песню такого тона.

Курций согласен с Аррианом, приписывая происхождение ссоры экстравагантным хвастовствам Александра и его льстецов, а также их превозношению над Филиппом. Затем он рассказывает, что Клейт, услышав их непристойный разговор, обернулся и прошептал своему соседу несколько строк из "Андромахи" Еврипида (эти строки Плутарх также приписывает ему, хотя и в более поздний момент); Александр, не расслышав слов, спросил, что было сказано, но никто ему не сказал; в конце концов Клейт сам повторил эти слова на своем собственном языке. Это подошло бы литературному греку; но старый македонский офицер, наполовину опьяневший, будучи воодушевлен пылким чувством, вряд ли стал бы выражать его, шепча соседу греческие поэтические цитаты. Он либо попридержит язык, либо скажет то, что чувствует, широко и прямо. Тем не менее Курций указал два очень существенных для дела момента, которые не упоминаются у Арриана. 1. Это сам Александр, а не его льстецы, очернил Филиппа; по крайней мере, льстецы сделали это только после него и по его примеру. Для них было бы опасно заводить эту тему, и они могли бы легко зайти слишком далеко. 2. Среди всех тем, затронутых Клейтом, ни одна не была столь нестерпимой, как открытое выражение симпатии, дружбы и сожаления по поводу Парменио. Это уязвило Александра в самое больное место его совести; он должен был знать, что многие присутствующие сочувствуют ему; и это, вероятно, было главной причиной, которая довела его до бешенства. Кроме того, мы можем быть уверены, что Клейт, рассказывая о Филиппе, не забыл о главнокомандующем Филиппа и своем старом друге Парменио.

Я не могу поверить утверждению Аристобула, что Клит был вытеснен из зала своими друзьями, а затем вернулся в него по собственной воле, чтобы вновь бросить вызов Александру. Из Арриана ясно, что Птолемей ничего подобного не говорил. Убийственный

порыв Александра был удовлетворен на месте и без промедления, как только он освободился от мягкой опеки окружавших его друзей.

[504] Arrian, iv. 9, 4; Curtius, viii. 2, 2.

[505] Curtius, viii. 2, 12. "Quoque minus cædis pueret, jure interfectum Clitum Macedones decernunt; sepulturâ quoque prohibitori, ni rex humari jussisset."

Объясняя этот чудовищный приговор солдат, мы должны вспомнить, что безопасность всей армии (сейчас в Самарканде, почти за границей обитаемых областей, ἔξω τῆς οἰκουμένης), как считалось, зависела от жизни Александра. Сравните Юстин, xii. 6, 15.

[506] Арриан, iv. 9, 6. Александр вообразил, что навлек на себя неудовольствие Диониса, разграбив и разрушив город Фивы, предполагаемое место рождения и любимое место обитания этого бога (Плутарх, Alex. 13).

Безумное заблуждение, в которое ввергает людей гнев Диониса, ужасно изображено в "Вакхах" Еврипида. Под влиянием этого бреда Агавка, мать Пентея, разрывает своего сына на части и с триумфом уносит его голову, не зная, что у нее в руках. Сравните также Eurip. Ипполит. 440-1412.

[507] Арриан, iv. 9, 10; Плутарх. Alex. 52.

[508] Curtius, viii. 2, 13 - "decem diebus ad confirmandum pudorem apud Maracanda consumptis", etc.

[509] Curtius, viii. 2, 20-30.

[510] Arrian, iv. 17, 11. Курций (viii. 3) приводит другой рассказ о смерти Спитамена.

[511] Arrian, iv. 18, 19.

[512] Arrian, iv. 21. Наши географические познания не позволяют нам проверить эти места или проследить за Александром в его подробных походах.

[513] Curtius, viii. 5, 1; Арриан, iv. 22, 2.

[514] Arrian, iv. 10, 7-9. Курций (viii. 5, 9-13) представляет речь с предложением божественных почестей как произнесенную не Анаксархом, а другим греком с письмом, сицилийцем по имени Клеон. Суть речи у обоих авторов практически одинакова.

[515] Каллистен написал три исторических труда: 1. Эллина - с 387 по 357 год до н. э. 2. История священной войны - с 357 по 346 год до н. э. 3. Τὰ κατ' Ἀλέξανδρον. Цицерон говорит, что его стиль был риторическим; но александрийские критики включили его в свой канон историков. См. Didot, Fragm. Hist. Alex. Magn. p. 6-9.

[516] См. приписываемое ему высказывание, выражающее зависть к Ахиллу за то, что он был увековечен Гомером (Arrian, i. 12, 2).

[517] Говорят, что Эфор, Ксенократ и Менедем отказались от приглашения Александра (Plutarch, De Stoicorum Repugnantis, p. 1043). Что касается Менедема, то вряд ли дело обстоит именно так: он, должно быть, был тогда слишком молод для приглашения.

[518] Arrian, iv. 10, 2; Plutarch, Alex. 53, 54. Примечательно, что Тиммеус осудил Каллистена за то, что тот в своем историческом труде чрезмерно льстил Александру (Polybius, xii. 12).

Каллистен, похоже, признавал различные особые вмешательства богов, чтобы помочь успехам Александра - см. фрагменты 25 и 36 "Фрагмента Каллистена" в издании Дидота.

Читая порицание, которое Арриан выносит высокомерным притязаниям Каллистена, мы должны в то же время прочитать притязания, выдвинутые Аррианом от своего собственного имени как историка (i. 12, 7-9)-καὶ ἐπὶ τῷδε οὐκ ἀπαξιῶ ἑμαυτὸν τῶν πρώτων ἐν τῇ φωνῇ τῇ Ἑλλάδι, εἴπερ καὶ Ἀλέξανδρος τῶν ἐν τοῖς ὅπλοις, etc. Я очень сомневаюсь, что Каллистен так высоко ставил свою самооценку. В этой главе Арриан рассказывает, что Александр завидовал Ахиллу за то, что ему посчастливилось получить в панегиристы такого поэта, как Гомер; и Арриан сетует, что Александр до сих пор не нашел историка, равного его заслугам. По сути, это подтверждение той же истины, за которую осужден Каллистен: слава даже самого великого воина зависит от его поминальщиков. Хвастовство поэта, по крайней мере, простительно, когда он восклицает, как Феокрит, Idyll. xvi. 73-

Ἔσσεται οὗτος ἀνὴρ, ὃς ἐμεῦ κεχρήσεται ᾠδοῦ,

Ῥέξας ἢ Ἀχιλεὺς ὅσσον μέγας, ἢ βαρὺς Αἴας

Ἐν πεδίῳ Σιμόεντος, ὅθι Φρυγὸς ἥριον Ἴλου.

[519] Plutarch, Alex. 55.

[520] Arrian, iv. 11. ἐπὶ σοφίᾳ τε καὶ παιδεύσει Ἀλεξάνδρῳ συνόντα.

[521] Arrian, iv. 12, 7. φιλήματι ἔλαττον ἔχων ἄπειμι.

[522] Arrian, iv. 12, 1. ἀνιάσαι μὲν μεγαλωστί Ἀλέξανδρον, Μακεδόσι δὲ πρὸς θυμοῦ εἰπεῖν.....

Curtius, viii. 5, 20. "Æquis auribus Callisthenes velut vindex publicæ libertatis audiebatur. Expresserat non assensionem modo, sed etiam vocem, seniorum præcipuè quibus gravis erat inveterati moris externa mutatio."

[523] До завоеваний Александра не было чувства, более глубоко укоренившегося в свободном греческом сознании, чем отвращение к высокомерным устремлениям удачливого человека, возвышающегося над пределами человечности, и вера в то, что за такими устремлениями следует Немезида богов. В предсмертной речи, которую Ксенофонт вкладывает в уста Кира Великого, мы находим: "Боги, я благодарю вас за то, что я чувствовал вашу заботу обо мне и что в своих успехах я никогда не поднимал свои мысли выше человеческой меры" (Сугорæd. viii. 7, 3). Среди наиболее ярких иллюстраций этого чувства - история Солона и Крёза (Herodot. i. 32-34).

В [следующей главе](#) я приведу примеры чудовищной лести со стороны афинян, доказывающие, что это чувство исчезло вместе с их свободой.

[524] Plutarch, Alexand. 54. Он ссылается на Гермиппа, который упоминает о том, что Аристотелю рассказал Стрёбус, читатель, сопровождавший Каллистена.

[525] Arrian, iv. 13; Curtius, viii. 6, 7.

[526] Arrian, iv. 13, 13.

[527] Арриан, iv, 14, 4. Курций разворачивает эту сцену в мельчайших подробностях, сочиняя длинную речь для Гермолая и еще одну для Александра (viii. 6, 7, 8).

Он говорит, что солдаты, казнившие этих страниц, сначала пытали их, чтобы проявить рвение к Александру (viii. 8, 20).

[528] "Quem, si Macedo esset (Callisthenem), tecum introduxissem, dignissimum te discipulo magistrum: nunc Olynthio non idem juris est" (Curtius. viii. 8, 19- речь Александра перед солдатами, обращенная специально к Гермолау).

[529] Plutarch, Alexand. 55; Арриан, iv. 10, 4.

[530] Плутарх, Алекс. 55. Καίτοι τῶν περὶ Ἑρμόλαον οὐδεὶς οὐδὲ διὰ τῆς ἐσχάτης ἀνάγκης Καλλισθένους κατεῖπεν. Ἀλλὰ καὶ Ἀλέξανδρος αὐτὸς εὐθύς γράφων Κρατερῷ καὶ Ἀττάλῳ καὶ Ἀλέκτῃ φησὶ τοὺς παῖδας βασανιζομένους ὁμολογεῖν, ὡς αὐτοῖ ταῦτα πράξειαν, ἄλλος δὲ οὐδεὶς συνειδείη. Ὑστερον δὲ γράφων πρὸς Ἀντίπατρον, καὶ τὸν Καλλισθένην συνεπαιτιασάμενος, Οἱ μὲν παῖδες, φησιν, ὑπὸ τῶν Μακεδόνων κατελεύσθησαν, τὸν δὲ σοφιστὴν ἐγὼ κολάσω, καὶ τοὺς ἐκπέμψαντας αὐτὸν, καὶ τοὺς ὑποδεχομένους ταῖς πόλεσι τοὺς ἐμοὶ ἐπιβουλεύοντας ἄντικρυς ἔν γε τοῦτοις ἀποκαλυπτόμενος πρὸς Ἀριστοτέλην и др.

О враждебном расположении Александра к Аристотелю см. Dio Chrysostom, Orat. 64. de Fortunâ, p. 598.

Кратер в это время отсутствовал в Согдиане, занимаясь завершением подавления сопротивления (Арриан, iv. 22, 1). Поэтому Александр, естественно, писал ему.

Это заявление, сделанное пером самого Александра, явно противоречит и опровергает (как я уже отмечал) утверждение Птолемея и Аристобула, приведенное Аррианом (iv. 14, 1), о том, что пажи выступили против Каллистена.

[531] Arrian, iv. 14, 5. Курций также говорит: "Callisthenes quoque tortus interiit, initi consilii in caput regis innoxius, sed haudquaquam aulae et assentantium accommodatus ingenio (viii. 8, 21)." Сравните Плутарх, Alex. 55.

Это заявление Птолемея, который сам участвовал в сделках и был офицером, через которого был раскрыт заговор пажей. Его пристрастность могла позволить ему опустить или смягчить то, что порочило Александра, но ему можно полностью доверять, когда он описывает акт жестокости. Аристобул и другие утверждали, что Каллистена заковали в цепи и в таком состоянии провезли некоторое время, после чего он умер от болезни и жалкого состояния тела. Но свидетелями здесь являются люди, чьи средства информации, как мы знаем, не настолько хороши, как у Птолемея; кроме того, это утверждение по своей сути менее вероятно".

[532] См. язык Сенеки, Nat. Quæst. vi. 23; Плутарх, De Adulator. et Amici Discrimine, p. 65; Theophrast. ap. Ciceron. Tusc. Disp. iii. 10.

Курций говорит, что за этим обращением с Каллистом последовало запоздалое раскаяние Александра (viii. 8, 23). На этот счет нет никаких других доказательств, и я не могу считать это утверждение вероятным.

[533] Арриан, iv. 22, 4.

[534] Arrian, iv. 22, 8-12.

[535] Что касается скалы под названием Аорнос, ценная и подробная статья под названием "Gradus ad Aornon" была опубликована майором Эбботом в журнале Азиатского общества Бенгалии, № iv. 1854. В этой статье содержится много информации, собранной в основном

путем расспросов на месте и сопровождаемой картой, об очень малоизвестной стране к западу от Инда, между рекой Кабул на юге и рекой Хинду-Куш на севере.

Майор Эббот пытается проследить поход и действия Александра от Александрии на Кавказе до скалы Аорнос (с. 311 *и далее*). Он показывает весьма вероятные основания полагать, что Аорнос, описанный Аррианом, - это гора Махабунн, расположенная у правого берега Инда (широта 34° 20'), примерно в шестидесяти милях выше его впадения в реку Кабул. "Весь рассказ Арриана о скале Аорнос - это верное изображение Махабунна. Это была самая примечательная особенность страны. Она служила убежищем для всех соседних племен. Она была покрыта лесом. Хорошей почвы хватало на тысячу плугов, повсюду били чистые источники воды. Она возвышалась над равниной на 4125 футов и имела четырнадцать миль в окружности. На вершине была равнина, где могла действовать кавалерия. Трудно было бы предложить более точное описание Махабунна. Сторона, с которой Александр поднялся на главную вершину, безусловно, имела характер скалы. Но все описание Арриана указывает на столовую гору" (с. 341). Махабунн "представляет собой горный стол, изрезанный на востоке огромными обрывами, с которого спускается один большой отрог вниз к Инду между Ситаной и Умбой" (с. 340).

К этому сходству многих местных особенностей следует добавить замечательное совпадение названий города Эмболима, где, по словам Арриана, Александр разбил свой лагерь для нападения на Аорнос, и современных названий Умба и Балима (между Махабунном и Индом) - "один в долине реки, другой на горе, расположенной непосредственно над ней" (с. 344). Гора Махабунн - естественное убежище для окрестных жителей от завоевателя, и она была в числе мест, захваченных Надир-шахом (с. 338).

Таким образом, между этой горой и Аорносом, *описанным Аррианом*, есть веские основания для идентичности. Но, несомненно, она не совпадает с Аорносом, *описанным Курцием*, который сравнивает Аорнос с Метой (коническими воротами стадиона) и говорит, что Инд омывает ее основание, - что при первом штурме несколько македонских солдат были сброшены в реку. Это близкое расположение Инда было главной особенностью, которую искали путешественники, искавшие Аорнос; но пока не было найдено места, отвечающего требуемым условиям. Здесь нам предстоит сделать выбор между Аррианом и Курцием. В описании военных операций, где он делает положительное заявление, презумпция в пользу Арриана, но в данном случае презумпция особенно сильна, потому что Птолемей был в наиболее заметной и трудной команде для захвата Аорноса, и поэтому, вероятно, будет конкретным в описании сцены, где он пожинал много славы.

[536] Arrian, iv. 30, 13. ἡ σφραγὶς αὐτῷ ὠδοποιεῖ τὸ πρὸς τὴν ἰοῦσα, ἄπορα ἄλλως ὄντα τὰ ταύτην χωρία, и т. д.

В число стран, пройденных Александром, входят части Кафиристана, Сварта, Баджора, Читрала, окрестности Камеха и других притоков реки Кабул до ее впадения в Инд близ Аттока. Большая часть этой территории является Terra Incognita даже в настоящее время; особенно Кафиристан, населенный грубым и варварским населением, которое никогда не было завоевано и никогда не посещалось чужаками. Примечательно, что среди жителей Кафиристана, как и среди жителей Бадакшана, расположенного на другой или северной стороне Хинду-Куша, существуют предания об Александре, а также своего рода вера в то, что они сами происходят от его солдат. См. Ritter's Erdkunde, part vii. book iii. p. 200 seq.; Burnes's Travels, vol. iii. ch. 4. p. 186, 2nd ed.; Wilson, Ariana Antiqua, p. 194 seq.

[537] Арриан, iv. 30, 16; v. 7, 2.

[538] О тридцатидневном привале упоминает Диодор, xvii. 86. Для доказательства того, что эти операции происходили зимой, см. ценную цитату из Аристобула, приведенную Страбоном (xv. p. 691).

[539] Arrian. v. 19, 1. Ἀλέξανδρος δὲ ὡς προσάγοντα ἐπύθετο, προσιππεύσας πρὸ τῆς τάξεως σὺν ὀλίγοις τῶν ἐταίρων ἅπαντ' αὖ Πύρῳ, καὶ ἐπιστήσας τὸν ἵππον, τό τε μέγεθος ἐθαύμαζεν ὑπὲρ πέντε πῆχεις μάλιστα ξυμβαῖνον, καὶ τὸ κάλλος τοῦ Πύρου, καὶ ὅτι οὐ δεδουλωμένος τῇ γνῶμῃ ἐφαίνετο, и т.д.

Здесь мы видим, как Александр был поражен ростом и личной красотой Поруса, и насколько эти зрительные впечатления способствовали определению или, по крайней мере, укреплению его благоприятных симпатий к пленному принцу. Это иллюстрирует то, что я отметил в предыдущей главе, рассказывая о его обращении с евнухом Батисом после взятия Газы: отталкивающая внешность Батиса значительно усилила негодование Александра. Для человека с такими бурными порывами, как Александр, эти внешние впечатления имели немаловажное значение.

[540] Эти операции описаны у Арриана, т. 9, т. 19 (можно заметить, что Птолемей и Аристобул, хотя оба присутствовали, расходились во многих вопросах, т. 14); Курция, viii. 13, 14; Diodor. xvii. 87, 88. Согласно Плутарху (Alex. 60), Александр много рассказывал об этой битве в своих письмах.

Есть два основных пункта - Джелум и Джулалпур - где дороги, ведущие от Инда, пересекают Гидаспес. Каждый из этих пунктов разные авторы называют вероятным местом переправы Александра через реку. Из двух пунктов Джелум (расположенный выше по реке, чем Джулалпур) кажется более вероятным. Бернс отмечает, что возле Джелума река делится на пять или шесть каналов с островами (Путешествия, т. ii. гл. 2. с. 50, 2-е изд.). Капитан Эббот (в журнале Азиатского общества, Калькутта, декабрь 1848 г.) написал интересный очерк об особенностях и течении Гидаспы немного выше Джелума, сравнивая их с данными Арриана и приводя весьма правдоподобные доводы в пользу гипотезы, что переправа произошла около Джелума.

Диодор упоминает о тридцатидневном привале после победы (xvii. 89), что представляется маловероятным. И он, и Курций упоминают о многочисленных змеях, которые досаждали армии между Акесинами и Гидраотами (Curtius, ix. 1, 11).

[541] Арриан утверждает (ст. 19, 5), что победа над Пором была одержана в месяц Мунихион архонта Гегемона в Афинах, то есть примерно в конце апреля 326 года до н. э. Эту дату нельзя согласовать с другим отрывком, ст. 9, 6, где он говорит, что летнее солнцестояние уже прошло, и все реки Пенджаба были полны воды, мутной и бурной.

Разбухание рек начинается примерно в июне; своего полного размаха они достигают только в августе. Более того, описание битвы, приведенное Аррианом и Курцием, подразумевает, что она произошла после начала сезона дождей (Арриан, ст. 9, 7; ст. 12, 5. Курций, viii. 14, 4).

Некоторые критики предлагают читать месяц *Метагейтнийон* (июль-август) вместо *Мунихиона*; это изменение одобрено г-ном Клинтоном и включено в текст Шмидером. Но если принять это изменение, то имя афинского архонта также должно быть изменено, так как Метагейтнийон архонта Гегемона должен быть на восемь месяцев раньше (июль-август 327 г. до н. э.), а в этот день Александр еще не перешел Инд, как ясно показывает пассаж Аристобула (ар. Strabo. xv. p. 691) и как отмечают Дройзен и Мютцель. Александр

переправился через Инд не ранее весны 326 года до н. э. Если вместо архонта Гегемона поставить следующего за ним архонта Хремеса (примечательно, что Диодор приписывает битву этому более позднему архонту, xvii. 87), то это будет июль-август 326 года до н. э.; это более приемлемая дата для битвы, чем предшествующий месяц Мунихион. В то же время замена Метагейтниона - это всего лишь предположение, и, похоже, оно не оставляет времени для последующих событий. Насколько можно судить, кажется, что битва произошла в конце июня или начале июля 326 года до н. э. после начала сезона дождей; ближе к концу правления Гегемона и началу правления Хрема.

[542] Arrian, v. 20; Diodor. xvii. 95. Лейтенант Вуд (Путешествие к истокам Оксуса, стр. 11-39) отмечает, что крупные реки Пенджаба меняют свое русло так часто и так значительно, что нельзя ожидать сохранения памятников и указаний на поход Александра по этой территории, особенно на местности вблизи рек.

[543] Arrian, v. 20.

[544] Arrian, v. 23, 24; Curtius, ix. 1, 15.

[545] Curtius, ix. 2, 3; Diodor. xvii. 93; Плутарх, Алекс. 62.

[546] Curtius, ix. 3, 11 (печь Кёнуца). "Quoto cuique lorica est? Quis equum habet? Jube quæri, quam multos servi ipsorum persecuti sint, quid cuique supersit ex prædâ. Omnium victores, omnium inopes sumus".

[547] Aristobulus ap. Strabo. xv. p. 691-697. ὕεσθαι συνεχῶς. Арриан, v, 29, 8; Диодор. xvii. 93. χειμῶνες ἄγριοι κατεῤῥάγησαν ἐφ' ἡμέρας ἐβδομήκοντα, καὶ βρονταὶ συνεχεῖς καὶ κεραυνοὶ κατέσκηπτον, и т. д.

[548] В речи, которую Арриан (ст. 25, 26) вкладывает в уста Александра, самым любопытным моментом являются географические взгляды, которые он провозглашает. "Нам осталось пройти совсем немного (он стоял на западном берегу Сатледжа) до реки Ганг и великого Восточного моря, которое окружает всю землю. С одной стороны к этому великому морю примыкает Гирканийское (Каспийское) море, с другой - Персидский залив; после того как мы покорим все народы, лежащие перед нами к востоку от Великого моря и к северу от Гирканийского моря, мы поплывем по воде сначала к Персидскому заливу, затем вокруг Ливии к столбам Геракла; оттуда мы пройдем обратно через всю Ливию и присоединим ее ко всей Азии как части нашей империи". (Здесь я скорее сокращаю, чем перевожу).

Примечательно, что в то время как Александр совершил столь непомерную ошибку, сузив восточные пределы Азии, птолемеявская география, признанная во времена Колумба, совершила не меньшую ошибку в противоположном направлении, растянув ее слишком далеко на восток. Именно на вере в эту последнюю ошибку и основывался Колумб, проецируя свое кругосветное путешествие из Западной Европы, рассчитывая после не очень долгого плавания подойти к восточному побережью Азии с запада.

[549] Arrian, v. 28, 7. Тот факт, что Александр, при всем этом непреодолимом противодействии своих солдат, все же принес жертву перед переходом, любопытен как иллюстрация его характера, и был специально засвидетельствован Птолемеем.

[550] Arrian, v. 29, 8; Diodor. xvii. 95.

[551] Aristobulus ap. Strab. xv. p. 691 - до восхода Арктура. Диодор говорит: 70 дней (xvii. 73), что кажется более вероятным.

[552] Diodor. xvii. 95; Curtius, ix. 3, 21.

[553] Путешествие было начато за несколько дней до захода Плеяд (Aristobulus, ap. Strab. xv. p. 692).

О количестве кораблей см. Ptolemy ap. Arrian, vi. 2, 8.

Увидев крокодилов в Инде, Александр поначалу решил, что это та же река, что и Нил, и что он открыл верхнее течение Нила, откуда он впадает в Египет. Это любопытно как иллюстрация географических знаний того времени (Арриан, vi. 1, 3).

[554] Aristobulus ap. Strab. xv. p. 692. Аристобул говорит, что плавание вниз заняло десять месяцев; это, по-видимому, дольше, чем в действительности. Кроме того, Аристобул говорит, что за все время плавания вниз, за все летние месяцы, у них не было ни одного дождя: Непарх утверждал обратное (Страбон, *l. c.*).

[555] Curtius, ix. 4, 15; Diodor. xvii 98.

[556] Arrian, vi. 7, 8.

[557] Этот последний оплот малли, по мнению г-на Каннингема и других, был современным городом Мултан. Река Рави или Гидраотес, как говорят, раньше протекала мимо города Мултан и впадала в Ченаб или Акесин.

[558] Арриан, vi. 9, 10, 11. Он отмечает большое расхождение в различных рассказах об этом достижении и опасной ране Александра.

Сравните Diodor. xvii. 98, 99; Curtius, ix. 4, 5; Плутарх, Алекс. 63.

[559] Arrian, xi. 13.

[560] Arrian, xi. 15, 5.

[561] Арриан, xi. 17, 6; Strabo, xv. p. 721.

[562] Arrian, xi. 18, 19; Curtius, ix. 9. Он достиг Патталы в середине или конце июля, περὶ κυνὸς ἑπιτολήν (Strabo, xv. p. 692).

Место Патталы обычно ищут вблизи современной Татты. Но д-р Кеннеди в своем недавнем "Описании кампании армии Инда в Сцинде и Кабуле" (гл. V, с. 104) показывает некоторые причины думать, что она должна была находиться значительно выше по течению реки, чем Татта; где-то около Сехвана. "Дельта начинается примерно в 130 милях над морем, ее северная вершина находится где-то на полпути между Хайдарабадом и Сехваном; , где местные традиции все еще говорят о разрушенных древних городах и о больших изменениях, произошедших, чем в любой другой части течения Инда".

Однако постоянные изменения в течении Инда (см. с. 73 его работы), отмечаемые всеми наблюдателями, делают любую попытку такой идентификации предположительной - см. Wood's Journey to the Oxus, p. 12.

[563] Arrian, vi. 24, 2; Strabo, xv. p. 723.

[564] Arrian, vi. 25, 26; Curtius. ix. 10; Plutarch, Alex. 66.

[565] Curtius, ix. 10; Diodor. xvii. 106; Плутарх, Алекс. 67. Арриан (vi. 28) нашел упоминание об этом празднике в одних источниках, но не в других. Ни Птолемей, ни Аристокл не упоминали о нем. Соответственно, Арриан отказывается верить в это. Возможно, в деталях этого похода были преувеличения или фальшь; но как общий факт я не вижу достаточных оснований не верить ему. Сезон чрезмерной свободы для солдат, после их тяжелых страданий в Гедросии, ни в коем случае не был противоестественным. Более того, это соответствует общему представлению о возвратном походе Диониса в античности, а подражание этому богу вполне соответствовало настроениям Александра.

Я уже отмечал, что на молчании Птолемея и Аристокла слишком сильно настаивают как Арриан, так и другие, в качестве причины для недоверия к утверждениям об Александре.

Арриан и Курций (x. 1) расходятся в своих утверждениях относительно обращения с Клеандром. Согласно Арриану, он был предан смерти; согласно Курцию, он был избавлен от смерти и просто посажен в тюрьму в связи с важной услугой, которую он оказал, убив Пармению своей собственной рукой; в то время как 600 его сообщников и агентов были преданы смерти.

[566] Неарх начал свое путешествие около конца сентября или начала октября (Арриан, Индик. 21; Страбон, xv. p. 721).

[567] Arrian, vi. 28, 7; Arrian, Indica, c. 33-37.

[568] Arrian, vi. 28, 12-29, 1.

[569] Plutarch, Alex. 69; Arrian, vi. 29, 17; Strabo, xv. p. 730.

[570] Arrian, vi. 30, 2; Curtius, x. 1, 23-38. "Hic fuit exitus nobilissimi Persarum, nec insontis modo, sed eximiae quoque benignitatis in regem." Большая благосклонность, которой пользовался у Александра прекрасный евнух Багоас (хотя Арриан о нем не упоминает), и возвышенное положение, которое он занимал, подтверждается хорошими свидетельствами современников, особенно философа Дикеарха - см. Athenæ. xiii. p. 603; Dikæarch. Fragm. 19. ap. Hist. Græc. Fragm. Didot, vol. ii. p. 241. Сравните фрагменты Эвмена и Диодота (Ælian, V. H. iii. 23) в Didot, Fragm. Scriptor. Hist. Alex. Magni, p. 121; Плутарх De Adul. et Amic. Discrim. p. 65.

[571] Arrian, vi. 30; Curtius, x. 1, 22-30.

[572] Г-н Файнс Клинтон (Fast. Hellen. B. C. 325, также Append. p. 232) помещает прибытие Александра в Сузиану во время его обратного похода в феврале месяце до н. э. 325; на мой взгляд, на год раньше. Я уже отмечал взгляды г-на Клинтона на дату победы Александра над Порусом на Гидаспесе, где он изменяет название месяца, как оно стоит в тексте Арриана (следуя предположению Шмидера), и предполагает, что битва произошла в августе 327 г. до н. э. вместо апреля 326 г. до н. э. Г-н Клинтон переносит на один год все действия Александра после того, как он в последний раз покинул Бактрию летом 327 года до н. э. Замечание д-ра Винсента о том, что "предположение о *двух зимах*, наступивших после возвращения Александра в Сузы, не подтверждается историками" (см. Clinton. p. 232), совершенно справедливо; и Митфорд не ответил на него удовлетворительным образом. По моему мнению, между возвращением Александра в Сузы и его смертью в Вавилоне (с февраля 324 г. до н. э. по июнь 323 г. до н. э.) был интервал всего в шестнадцать месяцев (а не в двадцать восемь, как полагает г-н Клинтон).

[573] Арриан, vii. 5. 9; Арриан, Индика, с. 42. Добровольная смерть Калануса, индийского гимназиста, должно быть, произошла в Сузах (где ее помещает Диодор - xvii. 107), а не в

Персиде, поскольку Непарх, похоже, присутствовал на памятной сцене похоронной груды (Арриан, vii. 3, 9) - и он не был с Александром в Персиде.

[574] Plutarch, Alexand. 68.

[575] Arrian, vii. 4, 2-5; Diodor. xvii. 108; Curtius, x. 1, 7. "Cœperat esse præceps ad repræsentanda supplicia, item ad deteriora credenda" (Curtius, x. 1, 39).

[576] Plutarch, Alex. 68.

[577] Diodor. xvii. 106-111.

[578] Среди обвинений, дошедших до Александра против этого сатрапа, мы с удивлением находим адресованное ему письмо (ἐν τῇ πρὸς Ἀλέξανδρον ἐπιστολῇ) греческого историка Теопомпа; который с негодованием описывает экстравагантные подарки и почести, которыми Гарпал осыпал двух своих последовательных любовниц - Пифионику и Гликеру, знаменитых афинских гетеры. Эти действия Теопомп описывает как оскорбление Александра (Theopompus ap. Athenæ. xiii. p. 586-595; Fragment. 277, 278 ed. Didot).

Сатирическая драма Ἀγῆν, представленная Александру в период после бегства Гарпала, не могла быть представлена (как утверждает Афиней) на берегах *Гидаспы*, потому что Гарпал не совершал побега, пока его не напугало приближение Александра, *возвращавшегося* из Индии. У Гидаспеса Александр все еще продолжал свой путь; он был очень далеко и не думал возвращаться. Мне кажется, что слова Афиней об этой драме - ἐδίδαξε Διονυσίων ὄντων ἐπὶ τοῦ Ὑδάσπου τοῦ ποταμοῦ (xiii, p. 595) - включает ошибку или неправильное прочтение; и что оно должно стоять ἐπὶ τοῦ Χοάσπου τοῦ ποταμοῦ. Я могу заметить, что слова *Medus Hydaspes* у Вергилия, Георг. iv. 211, вероятно, связаны с той же путаницей. Река Хоаспес протекала недалеко от Суз, и эта драма была разыграна перед Александром в Сузах во время Дионисий в 324 году до н. э., после бегства Гарпала. Дионисии проходили в месяце Элафеболион, а Александр сразился с Порусом на Гидаспесе только в следующем месяце Мунихион, а возможно, и позже. И даже если предположить (что маловероятно), что он достиг Гидаспеса в Элафеболионе, у него не было бы времени на драмы и дионисийский праздник, пока армия Поруса ждала его на противоположном берегу. Кроме того, маловероятно, что на далеких Гидаспах у него были актеры или хор, или вообще средства для празднования драм.

[579] Арриан, vii. 18, 2; vii. 23, 9-13.

[580] Arrian, vii. 4, 6-9. Этими двумя браками Александр, таким образом, привил себя к двум линиям предшествующих персидских царей. Охус принадлежал к роду Ахеменидов, но Дарий Кодоманн, отец Статир, не принадлежал к этому роду; он положил начало новому роду. О непомерном царском состоянии Александра, превосходящем даже предыдущих персидских царей, см. Phylarchus ap. Athenæ. xii. p. 539.

[581] Chares ap. Athenæ. xii. p. 538.

[582] Arrian, vii. 6, 3. καὶ τοὺς γάμους ἐν τῷ νόμῳ τῷ Περσικῷ ποιηθέντας οὐ πρὸς θυμῷ γενέσθαι τοῖς πολλοῖς αὐτῶν, οὐδὲ τῶν γημάντων ἐστὶν οἷς, etc.

[583] Arrian, vii. 5; Plutarch, Alexand. 70; Курций, x. 2, 9; Диодор, xvii. 109.

[584] Diodor. xvii. 108. Должно быть, потребовалось некоторое время, чтобы собрать и дисциплинировать эти молодые войска; поэтому Александр должен был послать приказ из Индии.

[585] Арриан, vii. 6.

[586] Arrian, vii. 7.

[587] Arrian, vii. 9, 10; Plutarch, Alex. 71; Курций, x. 2; Юстин, xii. 11.

[588] См. описание Тацитом (Hist. ii. 29) сбора вителлианской армии, которая взбунтовалась против полководца Фабия Валенса: "Tum Alphenus Varus, præfectus castrorum, deflagrante paulatim seditione, addit consilium-vetitis obire vigilias centurionibus, omisso tubæ sono, quo miles ad belli munia cietur. Igitur torpere cuncti, circumspectare inter se attoniti, *et id ipsum, quod nemo regeret, paventes*; silentio, patientiâ, postremo precibus et lacrymis veniam quærebant. Ut vero deformis et fiens, et præter spem incolumis, Valens processit, gaudium, miseratio, favor; versi in lætitiâ (ut est vulgus utroque immodicum) laudantes gratantesque, circumdatum aquilis signisque, in tribunal ferunt."

Сравните также рассказ Ксенофонта (Anab. i. 3) о смущении десяти тысяч греков в Тарсе, когда они сначала отказались повиноваться Клеарху и выступить в поход против Великого Царя.

[589] Арриан, vii. 11.

[590] Арриан, vii. 12, 1-7; Юстин, xii. 12. Кратер был особенно популярен среди македонских солдат, поскольку всегда выступал против восточных преобразований Александра (Плутарх, Евмен, 6).

[591] Арриан, vii. 19. Он также послал офицера по имени Ираклид к берегам Каспийского моря с приказом построить корабли и провести исследование этого моря (vii. 16).

[592] Arrian, vii. 13, 2; Diodor. xvii. 110. О том, насколько неторопливым был поход, можно судить по Диодору.

Направление похода Александра из Суз в Экбатаны, по часто посещаемой и хорошей дороге, которую Диодор в другом месте называет царской (xix. 19), прослеживает Риттер, черпая свои сведения главным образом из недавних исследований майора Роулинсона. Большая часть пути пролегалa вдоль западной стороны цепи гор Загрос и по правому берегу реки Керха (Ritter, Erdkunde, part ix. b. 3. p. 329, West Asia).

[593] Арриан, vii. 13, 1; Плутарх, Евмен, 2.

[594] Arrian, vii. 14; Plutarch, Alexand. 72; Diodor. xvii. 110. Не стоит следовать канону доказательств, молчаливо принятому Аррианом, который считает себя уполномоченным дискредитировать все детали поведения Александра по этому случаю, которые выходят за рамки достойной, хотя и горячей скорби.

Когда Масистий был убит в персидской армии под командованием Мардония в Беотии, гривы лошадей были подстрижены в знак траура: сравните также Плутарх, Пелопидас, 33; и Еврипид. Alkestis, 442.

[595] См. любопытные выдержки из Эфиппа Халкидянина, похоже, современника, если не очевидца (ар. Athenæ. xii. p. 537, 538)-εὐφημία δὲ καὶ σιγὴ κατεῖχε πάντας ὑπὸ δέους τοὺς παρόντας- ἀφόρητος γὰρ ἦν (Александр) καὶ φονικός- ἐδόκει γὰρ εἶναι μελαγχολικός и т. д.

[596] Я перевожу здесь буквально выражение Плутарха -Τοῦ δὲ πένθους παρηγορία τῷ πολέμῳ χρώμενος, ὥσπερ ἐπὶ θήραν καὶ κυνηγέσιον ἀνθρώπων ἐξῆλθε, καὶ τὸ Κοσσαίων ἔθνος

κατεστρέψατο, πάντας ἡβηδὸν ἀποσφάπτων. Τοῦτο δὲ Ἡφαιστίωνος ἐναγισμὸς ἐκαλεῖτο (Plutarch, Alexand. 72: ср. Polyænus, iv. 3, 31).

[597] Arrian, vii. 15; Plutarch, Alex. 72; Diodor. xvii. 111. Эта общая резня, однако, может быть справедлива только для части имени Коссеан; ибо Коссеаны встречаются в более поздние годы (Diodor. xix. 19.).

[598] Плиний, Н. N. iii. 9. История в Strabo, v. p. 232, вряд ли может относиться к Александру Великому. Ливий (ix. 18) полагает, что римляне ничего не знали об Александре даже по слухам, но это кажется мне недостоверным.

В целом, хотя этот момент и сомнителен, я склонен верить утверждению о римском посольстве к Александру. Тем не менее, впоследствии об этом появились различные ложные утверждения - одно из них можно увидеть в истории Мемнона о понтийской Ираклии ар. Photium, Cod. 224; Фрагмент Орелли. Memnon, p. 36. У Клейтарха (современника Александра), которого цитирует Плиний, не могло быть мотивов для ложного введения имени римлян, которое в его время было малозначительным.

[599] Арриан, vii. 15; Юстин, xii. 13; Диодор, xvii. 113. История, упомянутая Юстином в другом месте (xxi. 6), вероятно, относится к этому периоду карьеры Александра. Карфагенянин по имени Гамилькар Роданус был послан своим городом к Александру, правда, в качестве эмиссара, чтобы ознакомиться с реальными планами царя, что вызвало у карфагенян серьезную тревогу, но под видом изгнанника предлагал свои услуги. Юстин говорит, что Пармению представил Гамилькара, что, я думаю, является ошибкой.

[600] Арриан, vii. 19, 1; vii. 23, 3.

[601] Arrian, vii. 19, 5-12; Diodor. xvii. 112.

[602] Арриан, vii. 20, 15; Арриан, Индика, 43. Для совершения этого кругосветного путешествия Александр послал корабельного мастера из Соли на Кипре по имени Иеро; тот, встревоженный расстоянием, на которое он продвигался, и кажущейся бесконечной протяженностью Аравии на юге, вернулся, не выполнив поставленной задачи.

Даже во времена Арриана, во втором веке после христианской эры, Аравия никогда не была обогнута от Персидского залива до Красного моря - по крайней мере, так, как это было известно ему.

[603] Арриан, vii. 19, 11.

[604] Арриан, vii. 22, 2, 3; Страбон, xvi. p. 741.

[605] Arrian, vii. 21, 11. πόλιν ἐξωκοδόμησέ τε καὶ ἐτείχισε.

[606] Арриан, vii. 23, 5. Даже при выполнении чисто военной операции - прохождении этих солдат в строю, осмотре их упражнений и определении их строя - Александр сидел на царском троне, окруженный азиатскими евнухами; его главные офицеры сидели на кушетках с серебряными ножками, рядом с ним (Arrian, vii. 24, 4). Это одно из свидетельств его изменившихся манер.

[607] Диодор, xvii. 115; Плутарх, Алекс. 72.

[608] Arrian, vii. 23, 8.

[609] Diodor. xvii. 114, 115: сравните Арриан, vii. 14, 16; Плутарх, Алекс. 75.

[610] Arrian, vii. 23, 10-13; Diod. xviii. 4. Диодор действительно говорит в этом отрывке о *πυρὰ* или погребальной куче в честь Гефестиона, как если бы она была в числе огромных расходов, включенных в оставленные Александром (после его смерти) записки о перспективных планах. Но погребальная гряда уже была возведена в Вавилоне, как сообщил нам сам Диодор.

То, что Александр оставил неосуществленным после своей кончины, но собирался осуществить, если бы был жив, - это великолепные здания и часовни в честь Гефестиона, как мы видим из Арриана, vii. 23, 10. И Диодор, надо полагать, намекает на эти предполагаемые священные здания, хотя он нечаянно сказал о погребальной куче. Кратер, получивший приказ вернуться в Македонию, должен был построить такую же в Пелле.

Олинфянин Эфипп написал книгу *περὶ τῆς Ἡφαιστίωνος καὶ Ἀλεξάνδρου ταφῆς*, из которой в "Афинях" есть четыре или пять цитат. Он особенно подробно остановился на роскошных привычках Александра и на его безмерных возлияниях, свойственных ему и другим македонцам.

[611] Арриан, vii. 23, 9-14. Καὶ Κλεομένει ἀνδρὶ κακῷ, καὶ πολλὰ ἀδικήματα ἀδίκησαντι ἐν Αἰγύπτῳ, ἐπιστέλλει ἐπιστολὴν.... Ἦν γὰρ καταλάβω ἐγὼ (ἔλεγε τὰ γράμματα) τὰ ἱερὰ τὰ ἐν Αἰγύπτῳ καλῶς κατεσκευασμένα καὶ τὰ ἡρώα τὰ Ἡφαιστίωνος, εἴτε τι πρότερον ἡμάρτηκας, ἀφήσω σε τούτων, καὶ τολοιπόν, ὁπῆλικον ἂν ἡμάρτης, οὐδὲν πείσῃ ἐξ ἐμοῦ ἄχαρι. - В оратории Демосфена против Дионисодораса (р. 1285) Клеомен предстает как обогатившийся за счет монополии на вывоз кукурузы из Египта: ср. Pseudo-Aristot. *Ἐconom.* с. 33. Впоследствии Клеомен был предан смерти первым Птолемеем, ставшим царем Египта (Pausanias, i. 6, 3).

[612] Plutarch, Alex. 74; Diodor. xvii. 114.

[613] Arrian, vii. 16, 9; vii. 17, 6. Plutarch, Alex. 73. Diodor. xvii. 112.

[614] Arrian, vii. 22, 1. Αὐτὸς δὲ ὡς ἐξελέγξας δὴ τῶν Χαλδαίων μαντείαν, ὅτι οὐδὲν πεπονθὼς εἴη ἐν Βαβυλῶνι ἄχαρι (ἀλλ' ἔφθη γὰρ ἐλάσας ἔξω Βαβυλῶνος πρὶν τι παθεῖν) ἀνέπλει αὖθις κατὰ τὰ ἔλη θαρρῶν, etc.

Беспокойство, вызванное этими пророчествами и предзнаменованиями в уме самого бесстрашного человека своей эпохи, заслуживает внимания как психологический факт и прекрасно подтверждается авторитетом Аристобула и Неарха. Оказывается, Анаксарх и другие греческие философы своими рассуждениями побуждали его презирать все пророчества, но особенно пророчества халдейских жрецов, которые (как они утверждали) хотели удержать Александра в Вавилоне, чтобы и дальше владеть большими доходами от храма Белуса, которые они незаконно присвоили; Александр был настроен восстановить этот разрушенный храм и возобновить условные жертвы, на которые первоначально шли его доходы (Arrian, vii. 17; Diodor. xvii. 112). Через несколько дней после этого Александр сильно раскаивался в том, что поддался на уговоры этих опасных рассуждателей, которые своими софистическими измышлениями отбросили силу и предупреждения судьбы (Diodor. xvii. 116).

[615] Арриан, vii. 24, 25. Диодор утверждает (xvii. 117), что Александр в этот праздничный вечер проглотил содержимое большого кубка, называемого кубком Геракла, и почувствовал себя после этого очень плохо; это утверждение повторяют различные другие античные писатели, и я не вижу причин для его дискредитации, хотя некоторые современные критики относятся к нему с презрением. Царские эфемериды, или придворный журнал,

подтверждают лишь общий факт его длительных возлияний и продолжительного сна, который следовал за ними: см. Athenæus, x. p. 434.

Пить до опьянения на похоронах требовалось в знак уважительного сочувствия к покойному - см. последние слова индийского Калануса перед тем, как он взошел на погребальную сваю - Плутарх, Александр, 69.

[616] Эти два последних факта упоминаются Аррианом (vii. 26, 5) и Диодором (xvii. 117), а также Юстином (xii. 15): но они не нашли места в придворном журнале. Курций (x. v. 4) приводит их с некоторыми дополнениями.

[617] Подробности, касающиеся последней болезни Александра, являются особенно достоверными, будучи извлеченными как Аррианом, так и Плутархом из Ephemerides Regiæ, или краткого придворного журнала, который обычно вел его секретарь Евмен и другой грек по имени Диодот (Athenæ. x. p. 434): см. Арриан, vii. 25, 26; Плутарх, Alex. 76.

Удивительно, что на протяжении всего течения этой болезни не упоминается ни один врач, к которому бы он обращался. Никакого совета не спрашивали, если не считать обращения в храм Сераписа в последний день жизни Александра. За несколько месяцев до этого Александр повесил или распял врача, лечившего Гефестиона во время его последней болезни. Поэтому кажется вероятным, что он либо презирал, либо не доверял советам врачей и не позволял ссылаться на них. Его взгляды, должно быть, сильно изменились после опасной лихорадки в Тарсе и успешного лечения ее акарнанским врачом Филиппом.

Хотя лихорадка (см. некоторые замечания Литтре, приложенные к книге Дидо "Fragm. Script. Alex. Magn. p. 124), ставшая причиной смерти Александра, является здесь очевидным и удовлетворительно установленным фактом, однако некоторое время спустя была распространена другая история, получившая частичное признание (Plutarch De Invidiâ, p. 538), о том, что он был отравлен. Яд, как утверждается, был предоставлен Аристотелем, отправлен в Азию Антипатром через его сына Кассандра и введен Иолласом (другим сыном Антипатра), виночерпием Александра (Арриан, vii. 27, 2; Курций, x. 10, 17; Диодор, xvii. 118; Юстин, xii. 13). Вполне естественно, что лихорадка и невожатанность (последняя, к тому же, часто встречалась у Александра) не должны рассматриваться как причины, достаточно заметные и впечатляющие, чтобы объяснить смерть, одновременно столь неожиданную и судьбоносную. Однако есть основания предполагать, что это сообщение было намеренно раздуто, если не изначально, врагами Антипатра и Кассандра, особенно разгневанной Олимпией. Яростная вражда, которую Кассандр впоследствии проявил против Олимпии, а также всей семьи Александра способствовала распространению этого сообщения. В житии Гиперида у Плутарха (Vit. X. Oratt. p. 849) говорится, что он предложил в Афинах публичные почести Иолласу за то, что тот дал яд Александру. Если в этом есть доля правды, то это может быть уловкой, чтобы опорочить Антипатра (отца Иолласа), против которого афиняне вступили в Ламийскую войну сразу после смерти Александра.

[618] Plutarch, Phokion, 22; Demetrius Phaler. De Elocution. s. 300. Οὐ τέθνηκεν Ἀλέξανδρος, ὃ ἄνδρες Ἀθηναῖοι-ὥζε γὰρ ἂν ἡ οἰκουμένη τοῦ νεκροῦ.

[619] Дионисий, деспот понтийской Гераклеи, упал в обморок от радости, услышав о смерти Александра, и воздвиг статую Εὐθυμία или Утешения (Memn. Heracl. Fragg. ap. Photium, Cod. 224. c. 4).

[620] Æschines adv. Ktesiph. p. 524. c. 43. Τοιγάρτοι τί τῶν ἀνελπίστων καὶ ἀπροσδοκῆτων ἐφ' ἡμῶν οὐ γέγονεν! οὐ γὰρ βίον γ' ἡμεῖς ἀνθρώπινον βεβιώκαμεν, ἀλλ' εἰς παραδοξολογίαν τοῖς

ἔσομένοις μεθ' ἡμᾶς ἔφυμεν. Οὐχ ὁ μὲν τῶν Περσῶν βασιλεὺς, ὁ τὸν Ἀθῶν διορύξας καὶ τὸν Ἑλλησποντον ζεύξας, ὁ γῆν καὶ ὕδωρ τοὺς Ἕλληνας αἰτῶν, ὁ τολμῶν ἐν ταῖς ἐπιστολαῖς γράφειν ὅτι δεσπότης ἐστὶν ἀπάντων ἀνθρώπων ἀφ' ἡλίου ἀνιόντος μέχρι δυομένου, νῦν οὐ περὶ τοῦ κύριος ἐτέρων εἶναι διαγωνίζεται, ἀλλ' ἤδη περὶ τῆς τοῦ σώματος σωτηρίας;

Сравните поразительный фрагмент в том же духе из утраченного труда фалерийца Димитрия -Περὶ τῆς τύχης-Fragment. Histor. Græcor. vol. ii. p. 368.

[621] Herodot. vii. 56.

[622] Cicero, Philippic. v. 17, 48.

[623] См. Histoire de Timour-Bec, par Cherefeddin Ali, translated by Petit de la Croix, vol. i. p. 203.

[624] Это замечание его великого поклонника Арриана, vii. 1, 6.

[625] Livy, ix. 17-19. Обсуждение шансов Александра против римлян - чрезвычайно интересное и красивое, хотя дело, как мне кажется, изложено очень неполно. Я согласен с Нибуром, не соглашаясь с результатом Ливия, и с Плутархом, считающим одним из благодеяний судьбы для римлян то, что Александр не прожил достаточно долго, чтобы напасть на них (Plutarch de Fortunâ Romanor. p. 326).

Однако у Ливия были большие основания жаловаться на тех греческих авторов (он называет их "levissimi ex Græcis"), которые говорили, что римляне дрогнули бы перед ужасной репутацией Александра и покорились без сопротивления. Уверен, что его победа над ними была бы дорого куплена.

[626] Александр Эпирский, как говорят, заметил, что он, в своих походах в Италию, попал в ἀνδρῶνίτις или палату мужчин; в то время как его племянник (Александр Великий), при вторжении в Азию, попал в γυναικῶνίτις или палату женщин (Aulus Gellius, xvii. 21; Curtius, viii. 1, 37).

[627] Арриан, vii. 28, 5.

[628] Diodor. xviii. 4.

[629] Arrian, iv. 15, 11.

[630] Арриан, vii. 19, 12. Τὸ δὲ ἀληθές, ὥς γέ μοι δοκεῖ, ἄπληστος ἦν τοῦ κτᾶσθαι τι ἀεὶ Ἀλέξανδρος. Сравните vii. 1, 3-7; vii. 15, 6, а также речь Александра к своим солдатам на берегу Гифасиса, когда он пытался убедить их идти вперед, ст. 26 и далее. Мы должны помнить, что Арриан имел перед собой труд Птолемея, который, по всей вероятности, передаст содержание этой памятной речи из своего собственного слуха.

[631] Arrian, vii. 1, 8. σὺ δὲ ἄνθρωπος ὢν, παραπλήσιος τοῖς ἄλλοις, πλήν γε δὴ, ὅτι πολυπράγμων καὶ ἀτάσθαλος, ἀπὸ τῆς οἰκείας τοσαύτην γῆν ἐπεξέρχῃ, πράγματα ἔχων τε καὶ παρέχων ἄλλοις.

[632] Arrian, vii. 4, 4, 5.

[633] Herodot. iii. 15. Александр предложил Фокиону (Плутарх, Phok. 18) выбрать один из четырех азиатских городов, из которых (то есть из любого из них) он должен был получать доходы; так же, как Артаксеркс Лонгиман поступил с Фемистоклом в качестве компенсации за его измену. Фокион отказался от этого предложения.

[634] См. о наказании Сисамнеса Камбисом (Herodot. v. 25).

[635] Ритор Аристеид в своем "Энкомиуме о Риме" делает несколько хороших замечаний о характере и власти Александра, осуществляемой волей и личным авторитетом, в отличие от систематической и законной работы Римской империи (Orat. xiv. p. 332-360, vol. i. ed. Dindorf).

[636] Xenoph. Cyropæd. viii. 6, 21; Anab. i. 7, 6; Herodot. vii. 8, 13: сравните Arrian, v. 26, 4-10.

[637] Diodor. xviii. 4. Πρὸς δὲ τοῦτοις πόλεων συνοικισμοὺς καὶ σωμάτων μεταγωγὰς ἐκ τῆς Ἀσίας εἰς τὴν Εὐρώπην, καὶ κατὰ τοὐναντίον ἐκ τῆς Εὐρώπης εἰς τὴν Ἀσίαν, ὅπως τὰς μεγίστας ἡπείρους ταῖς ἐπιγαμίαις καὶ ταῖς οἰκειώσεσιν εἰς κοινὴν ὁμόνοιαν καὶ συγγενικὴν καταστήσῃ.

[638] См. эффект, произведенный на ионийцев ложным заявлением Гистиея (Herodot. vi. 3) с примечанием Весселинга, и стремление пеонийцев вернуться (Herod. v. 98; также Юстин, viii. 5).

Впоследствии Антипатр намеревался массово перевезти этолийцев из их собственной страны в Азию, если бы ему удалось их покорить (Diodor. xviii. 25). Сравните Павсания (i. 9, 8-10) о насильственных мерах, использованных Лисимахом при переселении новых жителей в Эфесе и Лисимахии.

[639] Livy, ix. 18. "Referre in tanto rege piget superbam mutationem vistic, et desideratas humi jacentium adulationes, etiam victis Macedonibus graves, nedum victoribus: en fœda supplicia, et inter vinum et epulas cædes amicorum, et vanitatem ementiendæ stirpis. Quid si vini amor in dies fieret acrior? quid si trux et præfervida ira? (*nec quidquam dubium inter scriptores refero*) nullane hæc damna imperatoris virtutibus ducimus?".

Апелляция Ливия к полному подтверждению этих моментов в характере Александра заслуживает внимания. Несомненно, перед ним было больше авторитетов, чем у нас.

[640] Среди других панегиристов Александра достаточно назвать Дройзена в его двух работах, обе из которых представляют собой большое историческое исследование - "История Александра Гросса" и "История эллинизма или образования эллинских государственных систем" (Гамбург, 1843). См. особенно последнюю и самую последнюю работу, с. 27 и далее, с. 651 и далее, а также в других местах *passim*.

[641] Plutarch, Alex. 55-74.

[642] Плутарх, Fortun. Alex. M. p. 329. Ἀλέξανδρος δὲ τῷ λόγῳ τὸ ἔργον παρέσχεν- οὐ γὰρ, ὡς Ἀριστοτέλης συνεβούλευεν αὐτῷ, τοῖς μὲν Ἑλλήσιν ἡγεμονικῶς, τοῖς δὲ βαρβάροις δεσποτικῶς χρώμενον ... ἀλλὰ κοινὸς ἦκειν θεόθεν ἀρμοστής καὶ διαλλακτὴς τῶν ὅλων νομίζων, οὓς τῷ λόγῳ μὴ συνῆγε, τοῖς ὅπλοις βιαζόμενος, εἰς τὸ αὐτὸ συνενεγκὼν τὰ παντάχοθεν, etc.

Страбон (или Эратосфен, см. Strabo, i. p. 66) и Плутарх понимают это выражение Аристотеля ошибочно - как будто этот философ хотел рекомендовать суровое и жестокое обращение с неэллинами и доброе отношение только к грекам. То, что Аристотель не мог иметь в виду ничего подобного, явствует из всего содержания его трактата "Политика". На самом деле речь идет о различии между большей и меньшей мерой внешнеародной власти, а не между добрыми и недобрыми целями при осуществлении власти. Сравните Тацита, Annal. xii. 11 - совет императора Клавдия парфянскому князю Мегердату.

[643] Aristot. Politic. i. 1, 5; vii. 6, 1. См. памятное сравнение, проведенное Аристотелем (Polit. vii. 6) между европейцами и азиатами в целом. Он считает первых мужественными и энергичными, но лишенными ума и способности к политической комбинации; вторых -

умными и ловкими, но лишенными мужества. Ни один из них не обладает более чем "способностью к одной ноге" (φύσιν μονόκωλον); только грек обладает и мужеством, и умом, объединенными в одно целое. Азиаты обречены на вечное подчинение; греки могли бы управлять миром, если бы только объединились в одно политическое общество".

[644] Плутарх, Fortun. Alex. M. p. 328. Пребывание Александра в этих странах было, однако, столь кратким, что даже при самом большом желании он не смог бы принудить к подавлению каких-либо закоренелых обычаев.

[645] Plutarch, Fortun. Al. M. p. 328. Через несколько строк после этого Плутарх упоминает Селевкию в Месопотамии, как будто он думает, что она была среди городов, основанных самим Александром. Это показывает, что он не был точен в различении фундаментов, созданных Александром, и тех, что были основаны Селевкией и другими диадохами.

В обстоятельной статье Дройзена (в приложении к его *Geschichte des Hellenismus*, p. 588-651) Александру приписываются крупнейшие планы колонизации Азии и перечисляется большое количество городов, якобы основанных им. Но в отношении большинства из них доказательства, на которых Дройзен основывает свою веру в то, что Александр был их основателем, кажутся мне совершенно скудными и неудовлетворительными. Если Александр основал так много городов, как это представляет себе Дройзен, то как получилось, что Арриан упоминает лишь такое сравнительно небольшое их количество? Аргумент, вытекающий из молчания Арриана, чтобы отвергнуть то, что утверждают другие древние об Александре, действительно используется современными авторами (и самим Дройзеном в том числе) гораздо чаще, чем я считаю оправданным. Но если и есть какое-то одно действие Александра, более чем другое, в отношении которого молчание Арриана должно заставить нас насторожиться, то это основание новой колонии; торжественный акт, требующий задержки и множества предписаний, предназначенный для вечности и приносящий почести основателю. Я не верю ни в какие колонии, основанные Александром, кроме тех сравнительно немногих, о которых упоминает Арриан, за исключением тех, которые опираются на какие-то другие явные и веские свидетельства. Тот, кто прочтет список Дройзена, увидит, что большинство имен в нем не выдерживают этого испытания. Короткая жизнь и быстрые перемещения Александра сами по себе являются сильнейшим свидетельством против того, что он основал такое большое количество колоний.

[646] Диодор. xvii. 99; xviii. 7. Курций, ix. 7, 1. Курций замечает (vii. 10, 15) по поводу колоний Александра в Согдиане, что они были основаны "velut fræni domitarum gentium; nunc originis suæ oblita serviunt, quibus imperaverunt."

[647] См. откровенный выпад фурийца Антилеона, одного из солдат в "Десяти тысячах греков" Ксенофонта, когда армия достигла Трапезуса (Xenoph. Anab. v. 1, 2).

[648] Appian, Syriac. 32.

[649] Именно в этом смысле я всегда использовал слово "эллинизм" на протяжении всей настоящей работы.

У Дройзена слово *Hellenismus*-*Das Hellenistische Staatensystem* применяется к положению вещей, которое последовало после смерти Александра; к совокупности королевств, на которые распределяются завоевания Александра, сходными чертами которых являются общее использование греческой речи, определенная доля греков как среди жителей, так и среди чиновников, а также частичное распространение эллинской культуры.

Я не могу не думать, что такое использование этого слова вводит в заблуждение. Во всяком случае, необходимо постоянно помнить о его смысле, чтобы не спутать его с *эллинизмом* в более строгом значении".

[650] Strabo, xvii. p. 797, ὁ γοῦν Πολύβιος, γεγονὼς ἐν τῇ πόλει (Александрия), βδελύττεται τὴν ταύτην κατάστασιν, etc.

Александрийский музей (с его библиотекой) следует тщательно отличать от города и народа. Это было искусственное учреждение, которое возникло исключительно благодаря личному вкусу и щедрости первых Птолемеев, особенно второго. Это было одно из самых благородных и полезных учреждений, вошедших в историю, и самый почетный памятник того, что Дройзен называет *эллинистическим* периодом, между смертью Александра и распространением Римской империи на Азию. Но этот Музей, хотя и находился в Александрии, не имел особой связи с городом или его населением; это был колледж литературных стипендиатов (если можно использовать современное слово), собранных из различных греческих городов. Эратосфен, Каллимух, Аристофан, Аристарх не были уроженцами Александрии.

[651] Diodor. xviii. 4. Павсаний (ii. 1. 5) отмечает, что Александр хотел прорубить гору Мимас (в Малой Азии), но это было единственное из всех его начинаний, которое не увенчалось успехом. "Так трудно, - продолжает он, - применить силу к божественному распорядку", τὰ θεῶν βιάσασθαι. Он хотел прорезать перешеек между Теосом и Клазоменами, чтобы избежать плаванья вокруг скал Мимаса (σκόπελον νιφόεντα Μίμαντος-Aristophan. Nub. 274) между Хиосом и Эритреей. Вероятно, это был один из проектов, предложенных Александру в последний год его жизни. Других сведений об этом у нас нет.

[652] Arrian, v. 26, 2.

[653] Herodot. iv. 44: сравните iii. 102. То, что Арриан не помнил этого рассказа Геродота, явствует из последней главы его "Индики"; хотя в своей истории Александра он несколько раз ссылается на Геродота. Из молчания Арриана некоторые авторы делают вывод, что он не верил в этот факт: если бы он не верил, я думаю, что он все же упомянул бы утверждение Геродота, намекнув, что не считает его достойным доверия. Более того, неверие Арриана (даже если допустить, что таково было состояние его ума) не должно рассматриваться как окончательное опровержение этой истории. Признаюсь, я не вижу достаточных оснований для дискредитации рассказа Геродота - хотя некоторые выдающиеся современные авторы придерживаются противоположного мнения.

[654] Плиний, Н. N. viii. 17; Athenæus, ix. p. 398. См. предисловие Шнайдера к изданию "Historiæ De Animalibus" Аристотеля, p. xxxix. seq.

[655] Plutarch, Alexand. 8.

[656] Aristot. Physic. iv. 3. p. 210 a. 21. ἔτι ὥς ἐν βασιλεῖ τὰ τῶν Ἑλλήνων, καὶ ὅλως ἐν τῷ πρώτῳ κινήτικῳ.

[657] Demosthen. Olynthiac. iii. p. 36.

[658] Arrian, ii. 1.

[659] Æschines cont. Ktesiph. p. 552.

[660] Vita Demosthenis ap. Westermann, Scriptt. Biograph. p. 301. φρουρὰν καταστήσαντος Ἀλέξανδρου ἐν ταῖς Θήβαις μετὰ τὸ κατασκάψαι τοὺς Θηβαίους, etc.

[661] Pausanias, i. 25, 4.

[662] "С тех пор как македонское владычество стало главным (замечает Демосфен, De Coronâ, p. 331), Эсхин и люди его манеры находятся в полном превосходстве и достатке - я бессилён: в Афинах нет места свободным гражданам и советникам, а есть только люди, которые делают то, что им приказывают, и льстят правящему государству".

[663] Arrian, i. 29, 8.

[664] Плутарх, Фокион, 30.

[665] См. замечательный декрет в честь Ликурга, принятый афинским народом через семнадцать или восемнадцать лет после его смерти, в правление Анаксикрата, 307 г. до н. э. (Plutarch, Vit. X. Oratt. p. 852). Часть этого декрета, составляющая четыре пятых от всего объема, посвящена общественному поведению Ликурга и очень ценна.

Кажется, что двенадцать лет финансового управления, осуществляемого Ликургом, следует, вероятно, отнести либо к 342-330 гг. до н. э., либо на четыре года позже, к 338-326 гг. до н. э. Бозэх оставляет этот момент неопределённым. Дройзен и Майер предпочитают более ранний период - О. Мюллер - более поздний. (Boeckh, Urkunden über das Attische Seewesen, также второе издание его Staatshaushaltung der Athener, vol. ii. p. 114-118).

Общая сумма государственных денег, которые, согласно надписи, прошли через руки Ликурга за двенадцать лет, составила 18 900 талантов = 4 340 000 фунтов стерлингов или около того. Говорят, что, кроме того, он хранил на депозите большое количество денег, доверенных ему частными лицами. Первые четыре года он исполнял свои официальные обязанности казначея от своего имени, а последние восемь лет - от имени двух разных друзей.

[666] Плутарх, Фокион, 28.

[667] Эсхинес (Adv. Ktesiph. p. 635) упоминает об этой миссии Ктесифона к Клеопатре. Он также (в той же оратории, с. 550) обвиняет Демосфена в том, что тот посылал Александру письма с просьбами о помиловании и благосклонности. Он утверждает, что молодой человек по имени Аристион, друг Демосфена, был много знаком с личностью Александра, и что через него были отправлены письма. Он ссылается на моряков общественного афинского судна под названием "Парал" и афинских посланников, которые отправились к Александру в Феникию весной или летом 331 года до н. э. (ср. Арриан, iii. 6, 3). Гиперид, похоже, выдвинул подобное обвинение против Демосфена - см. Hagnokration, v. Ἀριότιων.

Фрагменты оратории Гиперида в защиту Евксениппа (недавно опубликованные г-ном Черчиллем Бабингтоном), произнесенной в какой-то период правления Александра, дают общее свидетельство широко распространенного чувства ревнивого отвращения к существующему македонскому правлению. Евксениппа обвиняли в преданности Македонии; Гиперид решительно отрицает это, говоря, что Евксенипп никогда не был в Македонии и не общался ни с одним македонцем, приезжавшим в Афины. Даже мальчики в школе (говорит Гиперид) знают имена продажных ораторов или подневольных льстецов, которые служат Македонии - Евксениппа среди них нет (стр. 11, 12).

[668] Plutarch, Camill. 19; Diodor. xvi. 88; Plutarch, Agis, 3.

[669] Арриан, i. 16, 11: ср. Pausan. vii. 10, 1.

[670] Арриан, ii. 13, 4.

[671] Arrian, iii. 6, 4; Diodor. xvii. 48; Curtius, iv. 1, 39. Именно на эту войну в Кретах между Агисом и македонским отрядом и войсками, вероятно, ссылается Аристотель (в нескольких словах, содержащихся в "Политике", ii. 7, 8), как на обнажившую слабость критских институтов - см. примечание Шнайдера к этому отрывку. По крайней мере, мы не знаем другого события, подходящего к этим словам.

[672] Александр, как только завладел персидскими сокровищами в Сузах (около декабря 331 г. до н. э.), послал Антипатру крупный денежный перевод в 3000 талантов в качестве средства для ведения войны против лакедемонян (Arrian, iii. 16. 17). Проявления Агиса в Пелопоннесе начались весной 331 года до н. э. (Арриан, iii. 6, 4), но его агрессивные движения в Пелопоннесе приняли грозные масштабы только весной 330 года до н. э. Во время выступления Эсхина против Ктесифона (август 330 года до н. э.), в результате чего в Пелопоннесе произошла катастрофа. Решающая битва, в которой Антипатр сокрушил силы Агиса, произошла совсем недавно, а лакедемонские пленники только *собирались отправить* к Александру, чтобы узнать их судьбу (Æsch. adv. Kt. p. 524). Курций (vii. 1, 21), безусловно, ошибается, говоря, что спор был прекращен до битвы при Арбеле. Более того, были лакедемонские посланники, присутствовавшие у Дария за несколько дней до его смерти (июль 330 г. до н. э.), которые затем попали в руки Александра (Arrian iii. 24, 7); эти люди вряд ли могли знать о бедственном положении своей страны на родине. Я полагаю, что победа Антипатра произошла около июня 330 года до н. э., а пелопоннесское войско Агиса было собрано примерно за три месяца до этого (март 330 года до н. э.).

Г-н Клинтон (Fast. H. App. c. 4. p. 234) обсуждает хронологию этого события, но в манере, которую я не могу считать удовлетворительной. Кажется, он склонен отнести его на несколько месяцев раньше. Я не вижу необходимости толковать изречение, приписываемое Александру (Плутарх, Agesilaus, 15), как доказательство близкого совпадения по времени между битвой при Арбеле и окончательным поражением Агиса.

[673] Александр в Медине, когда ему сообщили обо всем деле после смерти Агиса, с презрением отозвался о нем как о битве лягушек и мышей, если верить изречению Плутарха, Agesilaus, 15.

[674] Æschines adv. Ktesiphont. p. 553. ὁ δ' Ἀλέξανδρος ἔξω τῆς ἄρκτου καὶ τῆς οἰκουμένης ὀλίγου δεῖν πάσης μεθεισθήκει, etc.

[675] Diodor. xvii. 62; Deinarchus cont. Demosthen. s. 35.

[676] Plutarch, Reipubl. Gerend. Præcept. p. 818.

[677] Вот что мы узнаем о поведении Демосфена из Æschines adv. Ktesiph. p. 553.

Однако трудно поверить в то, на что намекает Эсхинс, что Демосфен хвастался тем, что сам поднял лакедемонское движение, но при этом не сделал ни одного предложения, чтобы поддержать его. Демосфен вряд ли мог оказать положительную помощь этому движению, хотя, конечно, на его антимакедонские чувства можно было бы рассчитывать, если бы дело приняло благоприятный оборот.

Дейнарх (*ut supra*) также обвиняет Демосфена в бездействии в этот критический момент.

[678] Curtius, vi. 1, 15-20; Diodor. xvii. 63-73. После поражения спартанцы приняли приостановительный декрет, освободив из ἀτιμία тех, кто бежал из битвы, как это было сделано после Лейктры (Diodor. xix. 70).

[679] *Æschines* adv. Ktesiph. p. 524.

[680] Curtius, vii. 4, 32.

[681] Среди различных документов, реальных или притворных, вставленных в орацию Демосфена *De Coronâ*, есть один (стр. 266), якобы являющийся тем самым декретом, выдвинутым Ктесифоном; и другой (стр. 243), якобы являющийся обвинением, выдвинутым Эсхином. Я уже говорил, что согласен с Дройсеном в недоверии ко всем документам, приложенным к этой оратории; все они носят имена неправильных архонтов, большинство - имена неизвестных архонтов; некоторые из них не соответствуют месту, в котором они появляются. См. мой предыдущий том XI. Ch. lxxxix. p. 424; Ch. xc. p. 456-486.

Из заявления самого Эсхина мы знаем, что обвинение против Ктесифона было выдвинуто после назначения Демосфена одним из инспекторов городских укреплений, и что это назначение произошло в последний месяц правления архонта Херондаса (июнь 337 г. до н. э. - см. *Æschines* adv. Ktesiph. p. 421-426). Мы также знаем, что обвинение Эсхина против Ктесифона было выдвинуто до убийства Филиппа, которое произошло в августе 336 г. до н. э. (*Æschin. ib.* p. 612, 613). Таким образом, получается, что ходатайство Ктесифона (с последовавшей за ним проболемой) должно было произойти осенью или зимой 337-336 гг. до н. э., что обвинение Эсхина должно было быть выдвинуто вскоре после него, и что это обвинение не могло быть выдвинуто в дату, указанную в псевдодокументе, стр. 243 - месяц Элафеболион архонта Херондаса, который должен был предшествовать назначению Демосфена. Более того, тот, кто сравнивает так называемое движение Ктесифона, как оно вставлено Демосфеном. *De Coronâ*, p. 266, со словами самого Эсхина (*Adv. Ktesiph.* p. 631. ὁθεν τὴν ἀρχὴν τοῦ ψηφίσματος ἐποίησα, см. также с. 439) описывает экзордиум этого движения, то увидит, что оно не может быть подлинным.

[682] *Demosthenes De Coronâ*, p. 253, 302, 303, 310. Он говорит (p. 267-313), что его *часто* короновали (πολλάκις) афиняне и другие греческие города. Корона, которую он получил по ходатайству Аристоники (после успехов против Филиппа в Византии, Херсонесе и т. д. в 340 г. до н. э.), была *второй* короной (с. 253) - Плутарх, *Vit. X. Oratt.* p. 848.

[683] *Demosthenes De Coronâ*, p. 294.

[684] *Æschines* adv. Ktesiph. p. 645. διαβέβληται δ' ἡμῶν ἡ πόλις ἐκ τῶν Δημοσθένους πολιτευμάτων περὶ τοὺς νῦν καιροὺς- δόξετε δ' ἂν μὲν τοῦτον στεφανώσητε, ὁμογνώμονες εἶναι τοῖς παραβαίνουσι τὴν κοινὴν εἰρήνην- ἂν δὲ τοῦναντίον τούτου πράξητε, ἀπολύσετε τὸν δῆμον τῶν αἰτιῶν.-Сравните с этим последнюю фразу ответной оратории Демосфена, где он возносит молитву богам - ἡμῖν δὲ τοῖς λοιποῖς τὴν ταχίστην ἀπαλλαγὴν τῶν ἐπηρεττημένων φόβων δότε καὶ σωτηρίαν ἀσφαλῆ.

Упоминание Эсхином (непосредственно перед этим) Пифийских игр, которые должны были состояться через несколько дней, указывает на дату этого судебного процесса - август 330 г. до н. э.

[685] *Æschines* adv. Ktesiph. p. 443.

[686] *Æschines* adv. Ktesiph. pp. 449, 456, 467, 551.

[687] *Æschines* adv. Ktesiph. pp. 526, 538, 541.

[688] *Æschines* adv. Ktesiph. p. 551-553.

[689] *Demosthen. De Coronâ*, p. 311-316.

[690] Demosthen. De Coronâ, p. 227. μέλλων τοῦ τε ἰδίου βίου παντός, ὡς ἔοικε, λόγον διδόναι τήμερον καὶ τῶν κοινῇ πεπολιτευμένων, etc.

[691] Demosthen. De Coronâ, p. 297. ἀλλ' οὐκ ἔστιν, οὐκ ἔστιν ὅπως ἡμάρτετε, ἄνδρες Ἀθηναῖοι, τὸν ὑπὲρ τῆς ἀπάντων ἐλευθερίας καὶ σωτηρίας κίνδυνον ἀράμενοι-οὐ μὰ τοὺς Μαραθῶνι προκινδυνεύσαντας τῶν προγόνων καὶ τοὺς ἐν Πλαταιαῖς παραταξαμένους καὶ τοὺς ἐν Σαλαμῖνι ναυμαχήσαντας, etc., клятва, которую так часто цитируют и которой восхищаются.

[692] См. различные жития Эсхина в Westermann, Scriptores Biographici, pp. 268, 269.

[693] Demosthen. De Coronâ, p. 315. ἀλλὰ νυνὶ τήμερον ἐγὼ μὲν ὑπὲρ τοῦ στεφανωθῆναι δοκιμάζομαι, τὸ δὲ μήδ' ὅτιοῦν ἀδικεῖν ἀνωμολόγημαι-σοὶ δὲ συκοφάντη μὲν εἶναι δοκεῖν ὑπάρχει, κινδυνεύεις δὲ εἴτε δεῖ σε ἔτι τοῦτο ποιεῖν, εἴτ' ἤδη πεπαῦσθαι μὴ μεταλαβόντα τὸ πέμπτον μέρος τῶν ψήφων, и т.д.

Тем не менее, Эсхин стал богатым, согласно Демосфену, стр. 329.

[694] Diodor. xvii. 108. Он называет сокровища, вывезенные Гарпалом из Азии, в 5000 талантов.

[695] См. фрагменты письма или памфлета Феопомпа, адресованного Александру, когда Гарпал еще находился в Тарсе и до своего бегства в Афины - Theopomp. Fragm. 277, 278, ed. Didot, ap. Athenæum, xiii. p. 586-595. Феопомп говорит в настоящем времени -καὶ ὁρᾷ (Гарпалус) ὑπὸ τοῦ λάου προσκυνουμένην (Гликера) и т. д. Эти факты изложил Клейтарх, а также Теопомп (Athenæ. ibid.).

[696] Athenæus, xiii. p. 596 - отрывок из сатирической драмы под названием Agên, представленной Александру в Сузах в дионисийский праздник или в первые месяцы 324 г. до н. э.

[697] Plutarch, Phokion, 22; Pausanias, i. 37, 4; Dikæarchi Fragment. 72. ed. Didot.

Рассказ Плутарха вводит в заблуждение, поскольку, похоже, подразумевает, что Гарпалус отдал эти деньги Хариклесу *после* его прибытия в Афины. Мы знаем от Теопомпа (Fr. 277), что памятник был закончен за некоторое время до того, как Гарпал покинул Азию. Плутарх считает его средним сооружением, недостойным потраченной на него суммы; но Дикеарх и Павсаний описывают его как величественный и великолепный.

[698] Curtius, x. 2, 1.

[699] Curtius, x. 2, 1. "Igitur triginta navibus Sunium transmittunt" (Гарпалус и его компания), "unde portum urbis petere decreverunt. His cognitis, rex Harpalo Atheniensibusque juxta infestus, classem parari jubet, Athenas protinus petiturus." Сравните Юстин, xiii. 5, 7, который упоминает об этом враждебном намерении Александра, но по-другому объясняет его причину.

Отрывок из драмы *Агена* (приведен в Athenæus, xiii. p. 596) представляет сообщения, которые возбудили этот гнев Александра. Говорили, что Афины отказались от рабства с тем изобилием, которым они наслаждались до этого, - чтобы вступить в борьбу за свободу с уверенностью в нынешних лишениях и будущем разорении.

Α. ὅτε μὲν ἔφασκον (афиняне) δοῦλον ἐκτῆσθαι βίον,

ἱκανὸν ἐδείπνου- νῦν δὲ, τὸν χέδροπα μόνον

καὶ τὸν μάραθον ἔσθουσι, πυροὺς δ' οὐ μάλα.

В. καὶ μὴν ἀκούω μυριάδας τὸν Ἄρπαλον

αὐτοῖσι τῶν Ἀγῆνος οὐκ ἐλάττονας

σίτου παραπέμψαι, καὶ πολίτην γεγόνέναι.

Α. Γλυκέρας ὁ σῖτος οὗτος ἦν- ἔσται δ' ἴσως

αὐτοῖσιν ὀλέθρου κοῦκ ἐταίρας ἀρράβων.

Я полагаю, что эта драма Агена была представлена на берегах Хоаспеса (а не Гидаспеса - см. [мое примечание](#) в предыдущей главе, [стр. 240](#)), то есть в Сузах, в Дионисии 324 г. до н. э. Она интересна как запись чувств того времени.

[\[700\]](#) Тем не менее, впечатление, что Александр намеревается осадить Афины, должно быть, преобладало в армии еще несколько месяцев, в течение осени 324 года до н. э., когда он находился в Экбатанах. Историк Эфипп, рассказывая о льстецах, обращенных к Александру в Экбатанах, упоминает о родомонтаде солдата по имени Горгус - Γόργος ὁ ὀπλοφύλαξ Ἀλέξανδρον Ἀμμωνος υἱὸν στεφανοῖ χρυσοῖς τρισχιλίοις, καὶ ὅταν Ἀθήνας πολιορκῇ, μυρίαίς πανοπλίαις καὶ ταῖς ἴσαις καταπέλταις καὶ πᾶσι τοῖς ἄλλοις βέλεσιν εἰς τὸν πόλεμον ἱκανοῖς (Ephippus ap. Athenæum, xii. p. 538. Фрагмент. 3. ed. Didot).

[\[701\]](#) Deinarchus adv. Philokl. s. 1. φάσκων κωλύσειν Ἄρπαλον εἰς τὸν Πειραῖα καταπλεῦσαι, στατηγὸς ὑφ' ὑμῶν ἐπὶ τὰ νεώρια καὶ τὴν Μουνυχίαν κεχειροτονημένος, etc. Deinarchus adv. Aristogeiton, s. 4. ὃς παρ' Ἀρπάλου λαβεῖν χρήματα ἐτόλμησεν, ὃν ᾔσθεθ' ἤκειν καταληψόμενον τὴν πόλιν ὑμῶν, etc.

[\[702\]](#) См. новые и интересные, хотя, к сожалению, скудные фрагменты оратории Гиперида против Демосфена, опубликованные и разъясненные г-ном Черчиллем Бабингтоном на основе недавно обнаруженного египетского папируса (Кембридж, 1850). Из Фрагм. 14 (стр. 38 издания г-на Бабингтона) видно, что обещания, упомянутые в тексте, действительно были даны Гарпалусом - ведь мы могли бы почти предположить это без положительных доказательств. Гиперид обращается к Демосфену - ταύτας ὑπ...ις τῷ ψηφίσματι, συλλαβὼν τὸν Ἄρπαλον- καὶ τοὺς μὲν ἄλλους ἅπαντας πρεσβεύεσθαι πεποίηκας ὡς Ἀλέξανδρον, οὐκ ἔχοντας ἄλλην οὐδεμίαν ἀποστροφὴν- τοὺς δὲ βαρβάρους, οἱ αὐτοὶ ἂν ἦκον φέροντες εἰς ταῦτ' οὗτ' οὕτως τὴν δύναμιν, ἔχοντες τὰ χρήματα καὶ τοὺς στρατιώτας ὅσους ἕκαστος αὐτῶν εἶχε, τούτους σύμπαντας οὐ μόνον κεκώλυκας ἀποστῆναι ἐκείνου τῇ συλλήψει τοῦ Ἀρπάλου, ἀλλὰ καὶ....

Из языка, использованного Гиперидом в своем обвинении, мы можем понять, какие перспективы он (и, конечно, Гарпалус, чьим авторитетом он, должно быть, пользовался) излагал народу, когда дело только обсуждалось.

Приведенный здесь фрагмент является полным в отношении основного смысла, не требуя большой помощи со стороны догадок. В некоторых других фрагментах предположительные реставрации г-на Бабингтона, хотя и весьма вероятные и разумные, составляют слишком большую часть целого, чтобы мы могли с уверенностью ссылаться на них как на свидетельство.

[\[703\]](#) Pollux, x. 159.

[\[704\]](#) Plutarch, De Vitioso Pudore, p. 531. τῶν γὰρ Ἀθηναίων ὠρμημένων Ἀρπάλῳ βοηθεῖν, καὶ κορυσσόντων ἐπὶ τὸν Ἀλέξανδρον, ἐξαίφνης ἐπεφάνη Φιλόξενος, ὁ τῶν ἐπὶ θαλάσῃ πραγμάτων Ἀλεξάνδρου στρατηγός- ἐκπλαγέντος δὲ τοῦ δήμου, καὶ σιωπῶντος διὰ τὸν φόβον, ὁ

Δημοσθένης-Τί ποιήσουσιν, ἔφη, πρὸς τὸν ἥλιον ἰδόντες, οἱ μὴ δυνάμενοι πρὸς τὸν λύχον ἀντιβλέπειν;

[705] Плутарх, Фокион, с. 21; Плутарх, Демосфен. 25.

[706] Diodor. xvii. 108.

[707] Deinarchus adv. Demosth. s. 69. ἐὰν τοὺς παῖδας καταπέμψῃ (Александр) πρὸς ἡμᾶς τοὺς νῦν εἰς ἑαυτὸν ἀνακεκομισμένους, καὶ τούτων ἀξιοῖ τὴν ἀληθείαν πυθέσθαι, etc.

[708] См. приведенный в *предыдущем примечании* фрагмент из оратории Гиперида против Демосфена. О том, что именно Демосфен выдвинул постановление о хранении денег в акрополе, мы узнаем также от одного из других его обвинителей - гражданина, который произнес речь, составленную Дейнархом (Adv. Demosthen. sect. 68, 71, 89)-ἔγραψεν αὐτὸς, ἐν τῷ δήμῳ Δημοσθένης, ὡς δηλονότι δικαίου τοῦ πράγματος ὄντος, φυλάττειν Ἀλεξάνδρῳ τὰ εἰς τὴν Ἀττικὴν ἀφικόμενα μετὰ Ἀρπάλου χρήματα.

Дейнарх (Adv. Demosth. s. 97-106) обвиняет Демосфена в низменной лести Александру. Гиперид также выдвигает то же обвинение - см. Фрагменты в издании г-на Бабингтона, разд. 2. Fr. 11. p. 12; разд. 3. Fr. 5. p. 34.

[709] Pausan. ii. 33, 4; Diodor. xvii. 108.

[710] Этот существенный факт, о вопросе, публично заданном Гарпалусу в собрании кем-то по просьбе Демосфена, приводится во Фрагментах Гиперида, p. 5, 7, 9, ed. Babington-καθήμενος κάτω ὑπὸ τῇ κατατομῇ, ἐκέλευσε τὸν χορευτὴν ἐρωτῆσαι τὸν Ἄρπαλον ὅπόσα εἶη τὰ χρήματα τὰ ἀνοισθησόμενα εἰς τὴν ἀκρόπολιν- ὁ δὲ ἀπεκρίνατο ὅτι ἑπτακόσια, и т.д.

Термин κατατομή (см. примечание г-на Бабингтона) "обозначает широкий проход, возникающий в промежутках между концентрически расположенными скамьями сидений в театре и идущий параллельно им".

[711] Plutarch, Vit. X. Orat. p. 846. В житии Демосфена, приведенном Фотием (Cod. 265, p. 494), говорится, что было найдено только 308 талантов.

[712] На том, что это предложение было сделано самим Демосфеном, сильно настаивает его обвинитель Дейнарх - Adv. Demosth. s. 5. 62, 84, etc.: сравните также Fragm. of Hyperides, p. 59, ed. Babington.

Дейнарх в своей свободной риторике пытается представить дело так, будто Демосфен предложил признать приговор Ареопага окончательным и императивным и, следовательно, был осужден на основании авторитета, на который он сам ссылался. Но это в достаточной мере опровергается тем фактом, что суд был возбужден после; кроме того, это противоречит судебной практике Афин.

[713] Плутарх, Демосф. 26. От Дейнарха (Adv. Demosth. s. 46) мы узнаем, что отчет Ареопагитов был доставлен только после шестимесячного перерыва. Об их задержке и нетерпении Демосфена см. Fragm. Hyperides, pp. 12-33, ed. Babington.

[714] Deinarchus adv. Demosth. s. 92. См. Фрагму Гиперида у г-на Бабингтона, с. 18.

[715] Deinarchus adv. Aristogeiton, s. 6. Stratokles was one of the accusers.

[716] Deinarchus adv. Demosth. s. 108, 109.

[717] Plutarch, Demosth. 26.

[718] Deinarchus adv. Demosth. s. 104.

[719] См. две оратории, составленные Дейнархом, против Филоклеса и Аристогета.

Во втором и третьем посланиях, приписываемых Демосфену (р. 1470, 1483, 1485), он утверждает, что только он был осужден Дикастерием, потому что его суд состоялся первым, а Аристогейтон и все остальные были оправданы, хотя обвинение против всех было одинаковым, и доказательства против всех были также одинаковыми - не более чем простой отчет Ареопага. Поскольку я согласен с теми, кто считает эти послания, скорее всего, подделкой, я не могу поверить, основываясь только на таком авторитете, что все остальные судимые были оправданы - факт сам по себе крайне невероятный".

[720] Плутарх, Демосф. 25: сравните также Плутарха, Vit. X. Oratt. p. 846; и Фотия, Жизнь Демосфа. Cod. 265, p. 494.

[721] См. фрагмент Гиперида в издании г-на Бабингтона, стр. 37, 38 (фрагмент уже цитировался в предыдущем примечании), настаивающий на огромном вреде, который Демосфен причинил своим указом об аресте (σύλληψις) Гарпалуса.

[722] В Жизни Демосфена apud Photium (Cod. 265), услуга, якобы оказанная им Гарпалусу, за которую он был обвинен в получении 1000 дариков, изложена так, как я указал ее в тексте - Демосфен сначала публично выступил против приема Гарпала, но затем Δαρείκοῦς χιλίους (ὥς φασι) λαβὼν πρὸς τοὺς ὑπὲρ αὐτοῦ λέγοντας μετετάξατο (затем следуют конкретные действия, посредством которых проявилась эта предполагаемая перемена настроения, которые описываются следующим образом)-καὶ βουλομένων τῶν Ἀθηναίων Ἀντιπάτρῳ προδοῦναι τὸν ἄνθρωπον ἀντέειπεν, τὰ τε Ἀρπάλεια χρήματα εἰς ἀκρόπολιν ἔγραψεν ἀποθέσθαι, μηδὲ τῷ δήμῳ τὸν ἀριθμὸν αὐτῶν ἀποσημηνάμενος.

То, что Демосфен сначала выступал против приема Гарпала, а затем против передачи Гарпала по требованию Антипатра, здесь представлено как изменение политики, требующее для своего объяснения гипотезы о взятке. Но на самом деле это вовсе не изменение. Эти два действия вполне согласуются друг с другом, и оба они достойны защиты.

[723] Fragm. Hyperides, p. 7, ed. Babington-ἐν τῷ δήμῳ ἐπτακόσια φήσας εἶναι τάλαντα, νῦν τὰ ἡμίση ἀναφέρεις;

В стр. 26 тех же Фрагментов Гиперид упрекает Демосфена в том, что он не обеспечил эффективную охрану личности Гарпала, не предложил никакого постановления об особой охране, не выявил заранее и не преследовал впоследствии небрежность обычных тюремщиков. Это означает, что Демосфен несет ответственность за исполнение всех административных обязанностей в городе, за хорошее поведение казначеев и тюремщиков.

Мы должны помнить, что Гиперид был самым громким защитником Гарпала и сделал все возможное, чтобы побудить афинян принять дело этого изгнанника против Александра. Одно из обвинений (уже приведенное из его речи) против Демосфена состоит в том, что Демосфен помешал этому. А вот еще одно обвинение от того же оратора - в том, что Демосфен не держал Гарпалуса под надежной охраной для меча македонского палача!

Обвинительная линия Гиперида полна постыдных несоответствий.

[724] В "Жизни Демосфена" (Плутарх, Vit. X Oratt. p. 846), обвинение в коррупции против него основывается главным образом на том факте, что он не сделал этого сообщения народу -καὶ

διὰ τοῦτο μήτε τὸν ἀριθμὸν τῶν ἀνακομισθέντων μεμνηνυκῶς μήτε τῶν φυλασσόντων ἀμελείαν, etc. Биография apud Photium, по-видимому, утверждает, что Демосфен не сообщил сумму, когда предлагал постановление о секвестре. Это последнее утверждение мы можем опровергнуть, опираясь на свидетельство Гиперида.

[725] Hyperid. Fragm. p. 18, ed. Babington. τὰς γὰρ ἀποφάσεις πάσας τὰς ὑπὲρ τῶν χρημάτων Ἀρπάλου, πάσας ὁμοίως ἢ βουλὴ πετποίηται, καὶ τὰς αὐτὰς κατὰ πάντων- καὶ οὐδεμιᾶ προσέγραφε, δι' ὅτι ἕκαστον ἀποφαίνει- ἀλλ' ἐπικεφάλαιον γράψασα, ὅποσον ἕκαστος εἴληφε χρυσίον, τοῦτ' οὖν ὀφειλέτω....

[726] Hyperid. Frag. p. 20, ed. Babingt. ἐγὼ δ' ὅτι μὲν ἔλαβες τὸ χρυσίον, ἱκανὸν οἶμαι εἶναι σημεῖον τοῖς δικασταῖς, τὸ τὴν βουλήν σοῦ καταγνῶναι (см. Deinarchus adv. Demosth. s. 46, и начало второго Демосфеновского послания).

Hyperid. p. 16, ed Babingt. Καὶ συκοφαντεῖς τὴν βουλήν, проκλήσεις προτιθεῖς, καὶ ἐρωτῶν ἐν ταῖς проκλήσεσιν, πόθεν ἔλαβες τὸ χρυσίον, καὶ τίς ἦν σοὶ ὁ δοὺς, καὶ πῶς; τελευταῖον δ' ἴσως ἐρωτήσεις, καὶ εἰ ἐχρήσω τῷ χρυσίῳ, ὥσπερ траπεζιτικὸν λόγον παρὰ τῆς βουλῆς ἀπαιτῶν.

Этот чудовищный приговор создает сильную презумпцию в пользу обвиняемого и еще более сильную презумпцию против обвинителя. Сравните Deinarchus adv. Demosth. s. 6, 7.

Биограф Фотия утверждает, что Гиперид и четыре других оратора добились (κατεσκεύασαν) осуждения Демосфена в Ареопаге.

[727] Биограф Гиперида (Плутарх, Vit. X. Oratt. p. 48) говорит нам, что он был единственным оратором, который держал себя без подкупа; комический писатель Тимокл называет Гиперида наряду с Демосфеном и другими в качестве получателя (ар. Athenæ. viii. p. 342).

[728] См. этот тезис у Deinarchus adv. Demosth. s. 69, 70.

[729] У Павсания (ii. 33, 4) мы читаем, что македонский адмирал Филоксен, захватив одного из рабов Гарпала, узнал от него имена тех афинян, которых развратил его хозяин, и что Демосфена среди них *не было*. Насколько можно судить по этому утверждению, оно служит оправданием Демосфена. Однако я не могу придать ему такого значения, как это делает епископ Тирлуолл. Его рассказ о гарпальских сделках отличается умением и разборчивостью (Hist. vol. vii. ch. 56. p. 170 seqq.).

[730] Diodor. xix. 8.

[731] См. "Фрагменты Гиперида", с. 36, изд. Бабингтона.

[732] Curtius, x. 2, 6.

[733] Curtius, x. 2, 6. Утверждению Диодора (xviii. 8), что рескрипт был популярен и приемлем для всех греков, кроме афинян и итолийцев, нельзя доверять. Несомненно, он был популярен среди самих изгнанников и их ближайших друзей.

[734] Deinarchus adv. Demosth. s. 81; сравните Hyperid. Fragm. p. 36, ed. Babington.

[735] Diodor. xvii. 113.

[736] Diodor. xvii. 111: ср. xviii. 21. Павсаний (i. 25, 5; viii. 52, 2) утверждает, что Леостен привел более 50 000 этих наемников из Азии в Пелопоннес при жизни Александра и против его воли.

Приведенное число кажется невероятным, но достаточно вероятно, что он побудил некоторых из них переправиться.- Юстин (xiii. 5) упоминает, что вооруженное сопротивление было подготовлено афинянами и этолийцами против самого Александра в последние месяцы его жизни, в связи с мандатом, предписывающим отозвать изгнанников. Он, кажется, преувеличивает масштабы их действий до смерти Александра.

[737] Яркое сравнение, сделанное оратором Демадесом (Плутарх, *Aporhthegm.* p. 181).

[738] См. Фронтин, *Стратегема*, ii. 11, 4.

[739] Плутарх, Фокион, 23. Во фрагментах Дексиппа есть краткие выдержки из двух речей, которые, по-видимому, были написаны этим автором в ходе его истории этих операций; одну из них он приписывает Гипериду, подстрекающему к войне, другую - Фокиону, выступающему против нее (*Fragm. Hist. Græc.* vol. iii. p. 668).

[740] Diodor. xviii. 10. Диодор утверждает, что афиняне отправили сокровища Гарпала на помощь Леостену. Он, по-видимому, полагает, что Гарпал привез в Афины все 5000 талантов, которые он увез из Азии; но несомненно, что не более 700 или 720 талантов были объявлены Гарпалом в афинском собрании, и из них только половина была действительно получена. Более того, Диодор не соглашается с самим собой, когда говорит впоследствии (xviii. 19), что Фимброн, убивший Гарпала в Кретах, завладел сокровищами и наемниками Гарпала и переправил их в Кирену в Африке.

[741] Именно к этому времени года, очевидно, следует отнести анекдот (если он правдив): афиняне стремились вторгнуться в Беотию без предупреждения; Фокион, восьмидесятилетний полководец, сдерживал их, призывая на службу граждан от шестидесяти лет и старше и предлагая самому идти во главе их (Plutarch, *Reip. Ger. Præcept.* p. 818).

[742] Diodor. xviii. 11; Pausanias, i. 25, 4.

[743] Плутарх, Демосф. 27.

[744] См. фрагменты Гиперида, p. 36, ed. Babington. καὶ περὶ τοῦ τοῦς κοινούς συλλόγου Αἰαίων τε καὶ Ἀρκάδων ... Мы не знаем, что было сделано с этими окружными конфедерациями, но кажется, что в них были сделаны какие-то значительные изменения в то время, когда был обнародован указ Александра о восстановлении изгнанников".

[745] Diodor. xviii. 13.

[746] Плутарх, Фокион, 23, 24.

[747] Плутарх, Фокион, с. 23; Плутарх, *Reip. Ger. Præcept.* p. 803.

[748] Diodor. xviii. 12, 13.

[749] Diodor. xviii. 13-15.

[750] Плутарх, Фокион, 24.

[751] Diodor. xviii. 11; Плутарх, Фокион, 26.

[752] Плутарх, Фокион, 25; Диодор. xviii. 14, 15: сравните Плутарх, Пирр, 1.

[753] Diodor. xviii. 15.

[754] Diodor. xviii. 15.

[755] Diodor. xviii. 8.

[756] Diodor. xviii. 17.

[757] Plutarch, Alexand. 77.

[758] Arrian, De Rebus post Alexandrum, vi. ap. Photium, Cod. 92.

[759] Arrian, De Rebus post Alexand. *ut supra*; Diodor. xviii. 3, 4; Curtius, x. 10; Dexippus, Fragmenta ap. Photium, Cod. 82, ap. Fragm. Hist. Græc. vol. iii. p. 667, ed. Didot (De Rebus post Alexandrum).

[760] Арриан и Дексипп - De Reb. post Alex. *ut supra*: сравните Diodor. xviii. 48.

[761] Диодор. xviii. 16.

[762] Diodor. xviii. 4.

[763] Plutarch, Eumenes, 3.

[764] Diodor. xviii. 17; Плутарх, Фокион, 26.

[765] Diodor. xviii. 17; Плутарх, Фокион, с. 26.

[766] Демохарес, племянник Демосфена, который держал смелый язык и принимал активное участие в войне против Антипатра во время Ламийской войны, как говорят, выступил с публичной речью, рекомендуя сопротивление даже в этот последний момент. По крайней мере, именно такая история связана с его статуей, воздвигнутой через несколько лет после этого в Афинах, изображающей его в костюме оратора, но с мечом в руке - Плутарх, Vit. X. Oratt. p. 847: сравните Полибий, xii. 13.

[767] Plutarch, Phokion, 27; Diodor. xviii. 18.

[768] Плутарх, Фокион, 27. Οἱ μὲν οὖν ἄλλοι πρέσβεις ἠγάπησαν ὡς φιланθρώπους τὰς διαλύσεις, πλὴν τοῦ Ξενοκράτους и т. д. Павсаний даже утверждает (vii. 10, 1), что Антипатр был склонен предоставить более мягкие условия, но его отговорил от этого Демадес.

[769] См. фрагменты Hyperides adv. Demosth. p. 61-65, ed. Babington.

[770] Diodor. xviii. 18. οὗτοι μὲν οὖν ὄντες πλείους τῶν μυρίων (вместо δισμυρίων, что кажется ошибкой) καὶ δισχιλίων μετεστάθησαν ἐκ τῆς πατρίδος- οἱ δὲ τὴν ὠρισμένην τίμησιν ἔχοντες περὶ ἑννακισχιλίου, ἀπεδείχθησαν κύριοι τῆς τε πόλεως καὶ τῆς χώρας, καὶ κατὰ τοὺς Σόλωνος νόμους ἐπολιτεύοντο. Плутарх называет число неправых более 12 000 человек.

Плутарх, Фокион, 28, 29. Ὅμως δ' οὖν ὁ Φωκίων καὶ φυγῆς ἀπήλλαξε πολλοὺς δεηθεὶς τοῦ Ἀντιπάτρου- καὶ φεύγουσι διεπράξατο, μὴ καθάπερ οἱ λοιποὶ τῶν μεθισταμένων ὑπὲρ τὰ Κεραύνια ὄρη καὶ τὸν Ταίναρον ἐκπεσεῖν τῆς Ἑλλάδος, ἀλλ' ἐν Πελοποννήσῳ κατοικεῖν, ὧν ἦν καὶ Ἀγνωνίδης ὁ συκοφάντης.

Диодор и Плутарх (ок. 29) упоминают, что Антипатр выделил изгнанникам резиденции во Фракии. Те, кто ушел за Кераунские горы, должны были отправиться либо на иллирийское

побережье, в Аполлонию или Эпидамн, либо к Тарентумскому заливу. Те, кто ушел за Тенарус, вероятно, были отправлены в Ливию: см. Фукидид, vii. 19, 10; vii. 50, 2.

[771] Плутарх, Фокион, 28. ἑκπεπολιорκημένοις ἐώκεσαν: сравните Солон, Фрагмент 28, изд. Gaisford.

[772] Plutarch, Phokion, 28.

[773] Плутарх, Демосф., 28. Ἀρχίας ὁ κληθεὶς Φυγαδοθήρας. Плутарх, Vit. X. Oratt. p. 846.

[774] Polybius, ix. 29, 30. Это утверждает, как предмет традиционной гордости, один из этолийских ораторов более чем столетие спустя. В речи его акарнанского оппонента нет ничего, что могло бы этому противоречить, хотя сам по себе факт весьма вероятен.

См. Westermann, Geschichte der Beredtsamkeit in Griechenland, ch. 71, note 4.

[775] Plutarch, Demosth. 28; Plutarch, Vit. X. Oratt. p. 849; Photius, p. 496.

[776] Plutarch, Demosth. 30. τῶν δ' ἄλλων, ὅσοι γεγράφασι τι περὶ αὐτοῦ, παμπόλλοι δ' εἰσὶ, τὰς διαφορὰς οὐκ ἀναγκαῖον ἐπεξελεῖν и др.

Насмешки над профессией Архиаса как актера и как бездарного актера, которые Плутарх вкладывает в уста Демосфена (с. 29), кажутся мне недостойными ни человека, ни случая; они также недостаточно откровенны, чтобы побудить меня их пересказать. Какую бы горечь духа Демосфен ни решил проявить в такой момент, она, несомненно, была бы выплеснута на главного врага, Антипатра, а не на простое оружие".

[777] Plutarch, Demosth. 30; Плутарх, Vit. X. Oratt. p. 846; Фотий, р. 494; Априан, De Rebus post Alexand. vi. ap. Photium, Cod. 92.

[778] Demosthenes, De Coronâ, p. 324. οὗτοι-τὴν ἐλευθερίαν καὶ τὸ μηδὲνα ἔχειν δεσπότην αὐτῶν, ἃ τοῖς προτέροις Ἑλλήσιν ὅροι τῶν ἀγαθῶν ἦσαν καὶ κανόνες, ἀνατετραφότες, etc.

[779] Diodor. xviii. 18; Diogen. Laert. x. 1, 1. Я попытался показать в десятом томе этой истории (гл. lxxix. стр. 297, примечание), что Диодор прав, указывая сорок три года как продолжительность афинской клерухии на Самосе; хотя Весселинг и мистер Клинтон оспаривают его утверждение. Афинская оккупация Самоса *началась* сразу после завоевания острова Тимофеем в 366-365 гг. до н. э.; но дополнительные партии колонистов были отправлены туда в более поздние годы.

[780] Плутарх, Фокион, 29, 30.

[781] Diodor. xviii. 55, 56, 57, 68, 69. φανεροῦ δ' ὄντος, ὅτι Κάσανδρος τῶν κατὰ τὴν Ἑλλάδα πόλεων ἀνθέξεται, διὰ τὸ τὰς μὲν αὐτῶν πατρικαῖς φρουραῖς φυλάττεσθαι, τὰς δ' ὑπ' ὀλιγαρχιῶν διοικεῖσθαι, κυριευομένας ὑπὸ τῶν Ἀντιπάτρου φίλων καὶ ξένων.

О том, что граждане были не только изгнаны, но и депортированы Антипатром из других городов, помимо Афин, можно судить по эдикту, изданному Полисперхоном вскоре после смерти Антипатра (Diod. xviii. 56)-καὶ τοὺς μεταστάντας ἢ φυγόντας ὑπὸ τῶν ἡμετέρων στρατηγῶν (т. е. Антипатр и Кратер), ἀφ' ὧν χρόνων Ἀλέξανδρος εἰς τὴν Ἀσίαν διέβη, κατάγομεν, etc.

[782] Diodor. xviii. 25. διεγνωκότες ὕστερον αὐτοὺς καταπολεμῆσαι, καὶ μεταστῆσαι πανοικίους ἅπαντας εἰς τὴν ἐρημίαν καὶ πορρωτάτῳ τῆς Ἀσίας κειμένην χώραν.

[783] Diodor. xviii. 18-25.

[784] Diodor. xviii. 23; Arrian, De Rebus post Alex. vi. ap. Phot. Cod. 92. Диодор упоминает об убийстве Кинана или Кинны в другом месте (xix. 52).

Сравните с Полиэном, viii. 60, который упоминает об убийстве Кинане Алкетасом, но дает несколько иное объяснение ее цели перехода в Азию.

О Кинане см. Duris, Fragm. 24, in Fragment. Hist. Græc. vol. ii. p. 475; Athenæ. xiii. p. 560.

[785] Здесь можно привести прекрасные строки Лукана (Phars. vii. 640) о последствиях битвы при Фарсалии:...

"Majus ab hac acie, quam quod sua sæcula ferrent,

Vulnus habent populi: plus est quam vita salusque

Quod perit: in totum mundi prosternimur ævum.

Vincitur his gladiis omnis, quæ serviet, ætas.

Proxima quid soboles, aut quid meruere nepotes,

In regnum nasci?" и т. д.

[786] Diodor. xviii. 38. Ἀντιπάτρου δ' εἰς τὴν Ἀσίαν διαβεβηκότος, Αἰτωλοὶ κατὰ τὰς πρὸς Περδίκκαν συνθήκας ἐστράτευσαν εἰς τὴν Θετταλίαν, etc.

[787] Плутарх, Евмен, 7; Cornel. Nepos, Eumenes, c. 4. Эвмен обучил азиатскую и фракийскую конницу сражаться в ближнем бою с короткой пикой и мечом македонских спутников, отказавшись от копья, ракет и чередования нападения и отступления, обычных для азиатов.

Диодор (xviii. 30, 31, 32) подробно рассказывает об этой битве. Он, как и Плутарх, вероятно, заимствовал сведения у Иеронима Кардийского.

[788] Arrian ap. Photium, Cod. 92; Юстин, xiii. 8; Диодор. xviii. 33.

[789] Diodor. xviii. 36.

[790] Plutarch, Eumenes, 8; Cornel. Nepos, Eumenes, 4; Диодор. xviii. 36, 37.

[791] Diodor. xviii. 39. Арриан, ap. Photium.

[792] Arrian, De Rebus post Alexandr. lib. ix. 10. ap. Photium, Cod. 92; Diodor. xviii. 39, 40, 46; Плутарх, Евмены, 3, 4.

[793] Plutarch, Eumenes, 10, 11; Cornel. Nepos, Eumenes, c. 5; Diodor. xviii. 41.

[794] Плутарх, Фокион, 30; Диодор. xviii. 48; Plutarch, Demosth. 31; Арриан, De Reb. post Alex. vi. ap. Photium, Cod. 92.

В жизни Фокиона Плутарх по ошибке написал *Антигона* вместо *Пердиккаса*.

Однако нелегко понять, как Дейнарх мог быть обвинителем Демадеса в таком деле, как утверждают Арриан и Плутарх. Арриан, по-видимому, поместил смерть Демадеса слишком рано, желая сразу же сопоставить ее со смертью Демосфена, осуждение которого Демадес предложил в афинском собрании.

[795] Diod. xviii. 48.

[796] Diod. xix. 11.

[797] Плутарх, Фокион, 31. Диодор (xviii. 64) также говорит, что Никанор был выдвинут Кассандром.

[798] Diodor. xviii. 54.

[799] Diodor. xviii. 49-58.

[800] Плутарх, Евмен, 11, 12; Корнелий Непос, Евмен, с. 6; Диодор. xviii. 58-62.

Diodor. xviii, 58. ἦκε δὲ καὶ παρ' Ὀλυμπιάδος αὐτῷ γράμματα, δεομένης καὶ λιπαρούσης βοηθεῖν τοῖς βασιλεῦσι καὶ ἑαυτῇ- μόνον γὰρ ἐκεῖνον πιστότατον ἀπολελεῖσθαι τῶν φίλων, καὶ δυνάμενον διορθώσασθαι τὴν ἐρημίαν τῆς βασιλικῆς οἰκίας.

Cornelius Nepos, Eumenes, 6. "Ad hunc (Eumenem) Olympias, quum literas et nuntios misisset in Asiam, consultum, utrum repetitum Macedoniam veniret (nam tum in Epiro habitabat) et eas res occuparet-huic ille primum suasit ne se moveret, et expectaret quoad Alexandri filius regnum adipisceretur. Sin aliquâ cupiditate raperetur in Macedoniam, omnium injuriarum oblivisceretur, et in neminem acerbior uteretur imperio. Horum illa nihil fecit. Nam et in Macedoniam profecta est, et ibi crudelissime se gessit." Сравните Юстин, xiv. 6; Диодор. xix. 11.

Подробности, касающиеся Евмена, можно рассматривать, вероятно, как основанные на необычайно хорошем авторитете. Его друг Иероним Кардийский написал подробную историю своего времени, которая, хотя и утрачена, была доступна Диодору и Плутарху. Иероним служил вместе с Евменом и вместе с ним попал в плен к Антигону, который пощадил его и хорошо с ним обращался, в то время как Евмен был предан смерти (Diodor. xix. 44). Плутарх также читал письма Евмена (Plut. Eum. 11).

[801] Diodor. xviii. 63-72; xix. 11, 17, 32, 44.

[802] Плутарх (Евм., 16-18), Корнелий Непот (10-13) и Юстин (xiv. 3, 4) довольно подробно описывают трогательные обстоятельства, связанные с традицией и пленением Евмена. Диодор в этом вопросе более краток, но он подробно рассказывает о предшествующих военных действиях между Евменом и Антигоном (xix. 17, 32, 44).

Первоисточником этих сведений, вероятно, должна быть история Иеронима Кардийского, изложенная им самим и скопированная, с большей или меньшей точностью, другими.

[803] Plutarch, Eumenes, 13; Diodor. xviii. 58.

[804] Plutarch, Eumenes, 3.

[805] Diodor. xviii. 55. εὐθὺς οὖν τοὺς ἀπὸ τῶν πόλεων παρόντας πρεσβευτὰς προσκαλεσάμενοι, etc.

[806] Diodor. xviii. 56. В этой главе прокламация приводится *дословно*. Исключения, сделанные в отношении Амфиссы, Трикки, Ираклии и т. д., нам неизвестны.

Упоминаются предшествующие указы царей-ὑμεῖς οὖν, καθάπερ ὑμῖν καὶ πρότερον ἐγράψαμεν, ἀκούετε τοῦτου (Πολυσπέρχοντος). Эти слова должны означать письменные ответы, данные отдельным городам в ответ на особые обращения. После смерти Антипатра не могло быть издано никакого общего воззвания, более раннего, чем это.

[807] Diodor. xviii. 57.

[808] Плутарх, Фокион, 32. Однако мнение Плутарха о том, что Полисперхон задумал эту меру как простую уловку, чтобы погубить Фокиона, верно лишь в той части, что Полисперхон хотел уничтожить антипатрские олигархии повсюду, и что Фокион был главным представителем этой олигархии в Афинах.

[809] Diodor. xviii. 64.

[810] Плутарх, Фокион, 31.

[811] Plutarch, Phokion, 32.

[812] Diodor. xviii. 64; Плутарх, Фокион, 32; Корнелий Непос, Фокион, 2.

[813] Cornelius Nepos, Phokion, 2. "Concidit autem maxime uno crimine: quod cum apud eum summum esset imperium populi, et Nicanorem, Cassandri praefectum, insidiari Piræo Atheniensium, a Dercyllo moneretur: idemque postularet, ut provideret, ne commeatibus civitas privaretur-huic, audiente populo, Phocion negavit esse periculum, seque ejus rei obsidem fore pollicitus est. Neque ita multo post Nicanor Piræo est potitus. Ad quem recuperandum cum populus armatus concurrisset, ille non modo neminem ad arma vocavit, sed ne armatis quidem praesse voluit, sine qua Athenæ omnino esse non possunt."

[814] Diodor. xviii. 65; Плутарх, Фокион, 33.

[815] Diodor. xviii. 65. Τῶν γὰρ Ἀντιπάτρῳ γεγονότων φίλων τινὲς (ὑπῆρχον) καὶ οἱ περὶ Φωκίωνα φοβούμενοι τὰς ἐκ τῶν νόμων τιμωρίας, ὑπήντησαν Ἀλεξάνδρῳ, καὶ διδάξαντες τὸ συμφέρον, ἔπεισαν αὐτὸν ἰδίᾳ κατέχειν τὰ φρούρια, καὶ μὴ παραδιδόναι τοῖς Ἀθηναίοις, μέχρις ἂν ὁ Κάσσανδρος καταπολεμήθῃ.

[816] Plutarch, Phokion, 33; Diod. xviii. 65. 66. Эта последовательность фактов кажется мне вероятной, если объединить Плутарха с Диодором. Плутарх не обращает внимания на переговоры, которые Фокион начал с Александром, и на установившееся между ними взаимопонимание; об этом самым ясным образом сообщает Диодор, и это представляется мне существенным обстоятельством. С другой стороны, Плутарх упоминает (хотя Диодор этого не делает), что Александр стремился захватить сами Афины и был очень близок к успеху. Плутарх, похоже, полагает, что именно изгнанники были склонны впустить его; но если бы это было так, его, вероятно, впустили бы, когда изгнанники стали преобладать. Я полагаю, что именно Фокион желал, ради своей личной безопасности, впустить иностранные войска".

[817] Diodor. xviii. 65; Плутарх, Фокион, 35.

[818] Diodor. xviii. 66. Προσδεχθέντες δὲ ὑπ' αὐτοῦ (Александр) φιλοφρόνως, γράμματα ἔλαβον πρὸς τὸν πατέρα Πολυσπέρχοντα, ὅπως μηδὲν πάθωσιν οἱ περὶ Φωκίωνα τὰ κείνου πεφρονηκότες, καὶ νῦν ἐπαγγελλόμενοι πάντα συμπράξειν.

Об этом обращении Фокиона к Александру и о полученных им письмах к Полисперхону Плутарх не упоминает, хотя они являются важными обстоятельствами, позволяющими проследить последние дни жизни Фокиона.

[819] Плутарх, Фокион, 33.

[820] Diodor. xviii. 66.

[821] Плутарх, Фокион, 33; Cornel. Nepos. Phokion, 3. "Hic (Phocion), ab Agnonide accusatus, quod Piræum Nicanori prodidisset, ex consilii sententiâ, in custodiam coniectus, Athenas deductus est, ut ibi de eo legibus fieret iudicium."

Плутарх утверждает, что Полисперхон, прежде чем предоставить это слушание обеим сторонам, приказал подвергнуть *коринфянина Деинарха* пыткам и предать смерти. Теперь названный человек не может быть Дейнархом, логографом, от которого сохранилось несколько образцов, и который был жив даже в 292 году до н. э., хотя он тоже был коринфянином. Таким образом, либо было два коринфянина, оба носили одно и то же имя (как предполагает Вестерманн - Gesch. der Beredtsamkeit, sect. 72), либо утверждение Плутарха должно ссылаться на приказ, отданный, но не приведенный в исполнение - последнее мне кажется наиболее вероятным.

[822] Плутарх, Фокион, 33, 34; Диодор. xviii. 66.

[823] Andokides de Mysteriis, sect. 96, 97; Lycurgus adv. Leokrat. s. 127.

[824] Не выдающийся философ, названный так.

[825] Cornel. Nepos, Phoc. 4. "Plurimi vero ita exacuere propter prodicionis suspicionem Piræi, maximeque quod adversus populi commoda in senectute steterat."

[826] Diodor. xviii. 66, 67; Plutarch, Phokion, 34, 35; Cornelius Nepos, Phokion, 2, 3.

[827] Плутарх, Фокион, 36, 37. Плутарх приводит еще два анекдота, подлинность которых представляется сомнительной. Никокл просил разрешить ему проглотить свое зелье перед Фокионом, на что тот ответил: "Твоя просьба, Никокл, печальна и скорбна; но поскольку я никогда в жизни ни в чем тебе не отказывал, то разрешаю и это".

После того как все четверо выпили, кроме Фокиона, болиголова больше не осталось; тогда тюремщик сказал, что не будет больше готовить, если ему не дадут двенадцать драхм на покупку материала. Произошло некоторое колебание, пока Фокион не попросил одного из своих друзей дать денег, саркастически заметив, что это тяжело, если человек не может даже умереть *бесплатно* в Афинах.

Что касается первого из этих анекдотов - если мы прочитаем в "Федоне" Платона (152-155) подробности смерти Сократа, - то увидим, что смерть от болиголова наступала не мгновенно, а постепенно и безболезненно; человеку, проглотившему зелье, предлагалось некоторое время походить, пока ноги не станут тяжелыми, а затем лечь в постель, после чего он постепенно охлаждался и становился бесчувственным, сначала в конечностях, затем в жизненных центрах. При таких обстоятельствах вопрос о том, кто из приговоренных должен был проглотить первое из пяти зелий, не имел особого значения.

Что же касается предполагаемого скудного запаса болиголова в афинской тюрьме, то какова была бы альтернатива, если бы друг Фокиона не предоставил двенадцать драхм? Остался бы он в заключении, не будучи предан смерти? Конечно, нет, ведь он был приговорен к смертной казни. Был бы он умерщвлен мечом или каким-нибудь другим недорогим орудием? Это противоречит аналогии с афинской практикой. Если в этой истории есть доля правды, то мы должны предположить, что одиннадцать выделили этому тюремщику запас болиголова (или его стоимость), действительно достаточный для пяти зелий, но он по случайности или неловкости растратил часть его, так что ему пришлось бы восполнять недостаток из собственного кармана. Из этого затруднения его выручили Фокион и его друг, а сарказм

Фокиона касается странности ситуации, когда человека призывают заплатить за собственную казнь.

[828] Плутарх, Фокион, 38

[829] Plutarch, Phokion, 18; Plutarch, Apophthegm. p. 188.

[830] Diodor. xix. 35.

[831] Diodor. xviii. 69.

[832] Diodor. xxiii. 70, 71.

[833] Diodor. xviii. 72.

[834] Thucyd. i. 93.

[835] Diodor. xviii. 74.

[836] См. описание Мунихии, как она выглядела через десять лет после этого (Diodor. xx. 45).

[837] Cicero, De Legg. ii. 26, 66; Strabo, ix. p. 398; Pausanias, i. 25, 5. τύραννόν τε Ἀθηναίοις ἔπραξε γενέσθαι Δημήτριον, etc. Duris ap. Athenæum, xii. 542. Fragm. 27. vol. iii. p. 477. Frag. Hist. Græc.

Фалериец Деметрий среди многочисленных исторических, философских и литературных трудов составил рассказ о своем десятилетнем правлении (Diogenes Laert. v. 5, 9; Strabo, ib.) - περὶ τῆς δεκαετίας.

Заявление о 1200 талантах, как о годовом доходе, которым распоряжался Деметрий, заслуживает мало доверия.

[838] См. Фрагмент Демохареса, 2. Фрагмент. Historic. Græc. ed. Didot, vol. ii. p. 448, ap. Polyb. xii. 13. Демохарес, племянник оратора Демосфена, был политическим противником Деметрия Фалерия, которого он упрекал в хвастовстве торговым процветанием, когда свобода и достоинство города были низвергнуты. К подобным хвастовствам Деметрия Фалерия, вероятно, относится цитируемое Страбоном (iii. p. 147) его высказывание о трудоемких работах на аттических рудниках в Лауреуме.

[839] Diodor. xx. 40. ὥσθ' ὑπελάμβανον μὴ μόνον ἐγκρατεῖς ἔσεσθαι πολλῶν ἀγαθῶν, ἀλλὰ καὶ τῶν παρόντων κακῶν ἀπαλλαγῆσεσθαι.

[840] Dionys. Halic. Judicium de Dinarcho, p. 633, 634; Плутарх, Деметрий, 10. λόγῳ μὲν ὀλιγαρχικῆς, ἔργῳ δὲ μοναρχικῆς, καταστάσεως γενομένης διὰ τὴν τοῦ Φαληρέως δύναμιν, etc.

[841] Ktesikles ap. Athenæum, vi. p. 272. Г-н Файнс Клинтон (вслед за Весселингом) восполняет этот недостаток в тексте Афинея, чтобы отнести перепись к 115-й Олимпиаде. Это предположение *может* быть правильным, но причины для него не являются убедительными. Перепись могла быть проведена как в 116-ю, так и в 117-ю Олимпиаду; у нас нет возможности определить, в какую именно. Правление фалерийца Деметрия охватывает десять лет между 317 и 307 гг. до н. э. (Fast. Hell. Append. p. 388).

Г-н Клинтон (ad ann. 317 г. до н. э. Fast. Hell.) отмечает по поводу переписи: "21 000 афинян - это те, кто имел голоса в общественном собрании, или все мужчины старше двадцати лет; 10

000 μέτοκοι - это также мужчины, достигшие совершеннолетия. Если подсчитать женщин и детей, то общее количество свободного населения составит около 127 660 человек; а 400 000 рабов, добавленные к этому числу, дадут около 527 660 человек для всего населения Аттики". См. также Приложение к F. H. p. 390 и далее.

Эта перепись - очень интересный факт; но наши сведения о ней крайне скудны, и интерпретация различных цифр мистером Клинтоном заслуживает некоторого замечания. Я думаю, он не может быть прав, говоря: "21 000 афинян - это те, кто имел право голоса в собрании, *или* все мужчины старше двадцати лет". Ведь нам прямо говорят, что при Деметрии Фалерее все лица, не имевшие 1000 драхм, были лишены права голоса в собрании, и, следовательно, большое число мужчин старше двадцати лет не имело права голоса в собрании. Поскольку эти две категории не совпадают, то к кому же мы должны применить число 21 000? К тем, у кого были голоса? Или к общему числу свободных граждан старше двадцати лет, имеющих или не имеющих право голоса? Общественное собрание во время правления Деметрия Фалерия, по-видимому, было малозначительным и эффективным; так что вряд ли стоило искать четкую запись о количестве лиц, имеющих право голоса в нем.

Кроме того, мистер Клинтон интерпретирует три приведенных числа на основе двух совершенно разных принципов. Два первых числа (граждане и метисы), по его мнению, обозначают только мужчин, достигших совершеннолетия; третье число, οἰκέται, по его мнению, включает представителей обоих полов и всех возрастов.

Это предположение, которое мне кажется очень сомнительным в отсутствие более глубоких знаний. Оно подразумевает, что переписчики учитывают женщин и детей *рабов*, но не учитывают *свободных* женщин и детей, жен и семей граждан и метисов. По предположению г-на Клинтона, число свободных женщин и детей полностью неучтено. Если для целей переписи необходимо было перечислить женщин и детей *рабов*, то, несомненно, не менее необходимо было бы перечислить *свободных* женщин и детей.

Слово οἰκέται иногда означает не только рабов, но и всех членов семьи, как свободных, так и рабов. Если в данном случае оно имеет именно такое значение (что, однако, не подтверждается достаточными доказательствами), то мы устраняем трудность предположения, что рабыни и дети были перечислены, а свободные женщины и дети *не* были перечислены.

Мы могли бы рассуждать более уверенно, если бы знали, с какой целью была проведена перепись - для военных или политических мер, для финансов и налогообложения или для решения вопроса о пропитании и импорте иностранной кукурузы (см. "Fast. H. ad ann. 444 г. до н. э., о другой переписи, проведенной в связи с импортом кукурузы).

[842] См. Dionys. Halic. Judic. de Dinarcho, p. 658 Reisk.

[843] Diodor. xviii. 75.

[844] Justin, xiv. 5; Diodor. xviii. 75; Pausan. vii. 8, 3; Pausanias, i. 25, 5.

[845] Diodor. xix. 11; Justin, x. 14, 4; Pausanias, i. 11, 4.

[846] Diodor. xix. 36.

[847] Diodor. xix. 50, 51; Юстин, xiv. 5; Pausan. i. 25, 5; ix. 7, 1.

[848] Даже непосредственно перед смертью Олимпии Аристонос, губернатор Амфиполя в ее интересах, считал Евмена еще живым (Diodor. xix. 50).

[849] Diodor. xix. 52; Pausanias, v. 23, 2.

[850] Diodor. xix. 52, 54, 78; Pausan. ix. 7, 2-5. Это объяснение действий Кассандра кажется более вероятным, чем то, которое дает Павсаний; он говорит нам, что Кассандр ненавидел память Александра Македонского и хотел устранить последствия его деяний. То, что он действительно ненавидел Александра, чрезвычайно достоверно: см. Plutarch, Alexand. 74.

[851] Diodor. xix. 54.

[852] Diodor. xix. 56.

[853] Diodor. xix. 57.

[854] Diodor. xix. 61.

[855] Diodor. xix. 62.

[856] Diodor. xix. 63, 64.

[857] Diodor. xix. 62, 67.

[858] Diodor. xix. 66. Ἀριστόδημος, ἐπὶ τοῦ κοινοῦ τῶν Αἰτωλῶν δικαιολογησάμενος, προετρέψατο τὰ πλήθη βοηθεῖν τοῖς Ἀντιγόνου πράγμασιν, etc.

[859] Diodor. xix. 67, 68; Justin, xv. 2. См. Brandstätter, Geschichte des Ætolischen Volkes und Bundes, p. 178 (Berlin, 1844).

[860] Diodor. xix. 74.

[861] Diodor. xix. 77, 78, 89.

[862] Diodor. xix. 87.

[863] Diodor. xix. 105.

[864] Diodor. xix. 105.

[865] Diodor. xx. 19.

[866] Мессен был гарнизоном Полисперхона (Diodor. xix. 64).

[867] Diodor. xx. 28; Trogus Pompeius-Proleg. ad Justin. xv. Justin. xv. 2.

[868] Diodor. xx. 100-103; Plutarch, Pyrrhus, 6. Царь Пирр был из προγόνων ἀεὶ δεδουλευκότων Μακεδόσι - по крайней мере, в этом его упрекал Лисимах (Plutarch, Pyrrhus, 12).

[869] Diodor. xx. 37, сравните Юстин, xiii. 6; xiv. 1.

[870] Diodor. xx. 37.

[871] Philochor. Fragm. 144, ed. Didot; Diodor. xx. 45, 46; Плутарх, Деметрий, 8, 9. Захват Пейреуса Деметрием Полиоркетом несколько иначе описывается Полиэном, iv. 7, 6.

[872] Plutarch, Demetrius, 9-11; Diodor. xx. 47; Demochares ap. Athenæum, vi. p. 253.

[873] Diogen. Laert. v, 77. Среди многочисленных литературных произведений (все утрачены) фалерийского Димитрия одно было озаглавлено Ἀθηναίων καταδρομή (ib. v. 82).

[874] Demochares ap. Athenæum, vi. p. 253.

[875] Tacitus, Annal. i. 3. "Juniore post Actiacam victoriam, seniores plerique inter bella civium nati: quotusquisque reliquus, qui rempublicam vidisset?"

[876] Herodotus, v. 78.

[877] Plutarch, Demetr. 24.

[878] Polybius, xii. 13; Decretum apud Plutarch, Vit. X. Oratt. p. 851.

[879] Philochori Fragm. 144, ed. Didot, ap. Dionys. Hal. p. 636.

[880] Plutarch, Vit. X. Oratt. p. 842-852. Ликург после своей смерти (около 324 г. до н. э.) оставил трех сыновей, которые, как говорят, вскоре после его смерти подверглись преследованию Менесекма и были посажены в тюрьму ("переданы одиннадцати"). Но Фрасикл, поддерживаемый Демоклом, выступил в их защиту, а Демосфен, находившийся в то время в изгнании в Трезене, написал афинянам убедительные предостережения против такого недостойного обращения с сыновьями выдающегося патриота. Поэтому афиняне вскоре раскаялись и отпустили их.

Об этом говорится у Плутарха, Vit. X. Oratt. p. 842. Третье из так называемых "Посланий Демосфена" претендует на то, чтобы быть письмом, написанным по этому поводу Демосфеном.

Суровое обращение с сыновьями Ликурга (к чему бы оно ни сводилось и на чем бы ни основывалось), конечно, длилось недолго; ведь на следующей странице того же плутарховского жития (p. 843) рассказывается о древнем и священном роде Ликурга, и говорится, что его сыновья после его смерти полностью сохранили достойное положение семьи.

На каком основании их обвинили, мы не можем понять. Согласно Посланию Демосфена (о котором я уже говорил, что не считаю его подлинным), это было сделано на основании какого-то обвинения, которое, если оно было обоснованным, должно было быть выдвинуто против самого Ликурга при его жизни (p. 1477, 1478); но Ликург всегда был с честью оправдан и всегда пользовался большим уважением вплоть до дня своей смерти (p. 1475).

[881] Diogen. Laert. v. 38. Вероятно, именно на это возвращение философов указывает упоминаемый Филохором φυγάδων κάθοδος, предвещаемый знаменiem в Акрополе (Philochorus, Frag. 145, ed. Didot, ap. Dionys. Hal. p. 637).

[882] См. несколько фрагментов Демохареса, собранных в *Fragmenta Historicorum Græcorum*, ed. Didot, vol. ii. p. 445, с примечаниями Карла Мюллера.

См. также Athenæus, xiii. 610, с фрагментом из комического писателя Алексиса. Там говорится, что Лисимах, царь Фракии, также изгнал философов из своих владений.

Демохарес мог бы найти (помимо лиц, названных в Athenæ. v. 21, xi. 508) другие достоверные примеры учеников Платона и Исократы, которые были жестокими и кровожадными тиранами в своих родных городах - см. дело Клеарха из Гераклеи, Memnon ap. Photium, Cod. 224. cap. 1. Хион и Леонид, два молодых гражданина, которые убили Клеарха и погибли, пытаясь освободить свою страну, также были учениками Платона (Юстин, xvi. 5). На самом деле, стремящиеся к успеху молодые люди, с самыми разными целями, могли искать этот способ совершенствования. (Александр Македонский, само олицетворение покоряющей силы, тоже был учеником Аристотеля).

[883] Diodor. xx. 46.

[884] Diodor. xx. 53; Плутарх, Demetr. 18.

[885] Diodor. xx. 99. Вероятно, эта оговорка распространялась также на Лисимаха и Кассандра (оба помогали Родосу), а также на Птолемея - хотя Диодор прямо об этом не говорит.

[886] Diodor. xx. 100.

[887] Diodor. xx. 100.

[888] О том, что этолийцы как раз сейчас были самыми досадными врагами Афин, можно судить по оде Итифалла, адресованной Деметрию Полиоркету (Athenæus, vi. p. 253).

[889] Diodor. xx. 50; Плутарх, Demetr. 11. В связи с этим поражением под Аморгосом Стратокл (хвастливый оратор, подававший лестные голоса Деметрию и Антигоне), как говорят, сначала объявил о нем как о победе, к великой радости народа. Вскоре появились доказательства поражения, и народ разгневался на Стратокла. "Что случилось с тобой? (Разве не было у тебя два дня радости и удовлетворения?" - ответил он. Это, во всяком случае, очень хорошая история.

[890] Diodor. xx. 100; Плутарх, Demetr. 23.

[891] Diodor. xx. 102, 103; Плутарх, Деметр. 23-25.

[892] Diodor. xx. 102; Плутарх, Деметр. 25; Павсаний, ii. 7, 1. Город был частично удален от моря и вплотную приблизился к акрополю. Новый город остался навсегда: но новое название Деметрия уступило место старому названию Сикион.

[893] Diodor. xx. 106

[894] То, что он вернулся из Леукаса примерно во время этих мистерий, подтверждается как Демохаресом, так и Итифаллической одой в Athenæus, vi. p. 253. См. также Duris ap. Athenæ, xii. p. 535.

[895] Semus ap. Athenæum, xiv. p. 622.

[896] Athenæus, vi. p. 253.

Ἄλλοι μὲν ἢ μακρὰν γὰρ ἀπέχουσιν θεοὶ,
ἢ οὐκ ἔχουσιν ὤτα,
ἢ οὐκ εἰσὶν, ἢ οὐ προσέχουσιν ἡμῖν οὐδὲ ἔν-
σὲ δὲ παρόνθ' ὀρώμεν,
οὐ ξύλινον, οὐδὲ λίθινον, ἀλλ' ἀληθινόν.
Εὐχόμεσθα δὴ σοί-
πρῶτον μὲν εἰρήνην ποιῆσον, φίλτατε,
κύριος γὰρ εἶ σύ.
Τὴν δ' οὐχὶ Θηβῶν, ἀλλ' ὅλης τῆς Ἑλλάδος,

Σφίγγα περικρατοῦσαν,
Αἰτωλὸς ὅστις ἐπὶ πέτρας καθήμενος,
ὥσπερ ἡ παλαιὰ,
τὰ σώμαθ' ἡμῶν πάντ' ἀναρπάσας φέρει,
κοῦκ ἔχω μάχεσθαι-
Αἰτωλικὸν γὰρ ἀρπάσαι τὰ τῶν πέλας,
νυνὶ δὲ καὶ τὰ πόρρω-
μάλιστα μὲν δὴ κόλασον αὐτὸς- εἰ δὲ μὴ,
Οἰδίπουν τιν' εὔρε,
τὴν Σφίγγα ταύτην ὅστις ἦ κατακρημνιεῖ,
ἦ σπίνον ποιήσει.

[897] Сравните Павсаний, vii. 7, 4.

[898] Plutarch, Demetr. 24.

[899] Так утверждает Плутарх (Demetr. 24), но это, кажется, не согласуется с изложением почетного указа, принятого в 272 г. до н. э., после смерти Демохареса, в память о его заслугах статуей и т. д. (Plutarch, Vit. X. Oratt. p. 850). Там говорится, что Демохарес оказал услуги Афинам (укрепил и вооружил город, заключил мир и союз с беотийцами и др.) ἐπὶ τοῦ τετραετοῦς πολέμου, ἀνθ' ὧν ἐξέπεσεν ὑπὸ τῶν καταλυσάντων τὸν δῆμον. Οἱ καταλύσαντες τὸν δῆμον не может означать ни Димитрия Полиоркета, ни Стратоклеса. Более того, мы не можем определить, когда произошла "четырёхлетняя война" или союз с беотийцами. Ни рассуждения г-на Клинтон (Fast. H. 302 В. С., и Append. p. 380), ни различные гипотезы Дройзена не являются удовлетворительными в этом вопросе - см. рассуждения Карла Мюллера о фрагментах Демохареса, Fragm. Hist. Gr. v. ii. p. 446.

[900] Diodor. xx. 110. παραδοὺς οὖν αὐτὸν ἄνοπλον τοῖς ἱερεῦσι, καὶ πρὸ τῆς ὠρισμένης ἡμέρας μνηθεὶς, ἀνέξευξεν ἐκ τῶν Ἀθηνῶν.

Рассказ об этой сделке в тексте взят у Диодора, и он прост: было проведено голосование, дающее Деметрию особое разрешение на принятие таинств сразу же, хотя это было не в назначенное время.

Плутарх (Demetr. 26) добавляет другие обстоятельства, некоторые из которых выглядят скорее шуткой, чем реальностью. Пифодор, дадух или факелоносец мистерий, в одиночку протестовал против любого празднования церемонии вне времени: это, несомненно, очень достоверно. Тогда (согласно Плутарху) афиняне по предложению Стратокла приняли постановление о том, что месяц Мунихион должен называться Антестерионом. После этого были проведены Малые мистерии, в которые был посвящен Деметрий. Затем афиняне приняли еще одно постановление, согласно которому месяц Мунихион должен был называться Боэдромионом, после чего сразу же были отпразднованы Великие мистерии (которые относились к последнему месяцу). Комический писатель Филиппид сказал о Стратокле, что тот сжал весь год в один месяц.

Это утверждение Плутарха очень похоже на карикатуру Филиппида или другого остроумного человека на простое постановление, упомянутое Диодором - специальное разрешение Деметрию на посвящение в несезон. Сравните другой отрывок Филиппида против Стратокла (Плутарх, Demetr. 12).

[901] Diodor. xx. 110.

[902] Diodor. xx. 111. Вероятно, именно во время этой кампании Деметрий начал или планировал основание важного города Деметрия на берегу Магnezийского залива, который впоследствии стал одним из великих оплотов македонского господства в Греции (Strabo, ix. p. 436-443, в последнем отрывке ссылка на Иеронима Кардийского, похоже, доказывает, что этот историк дал полное описание Деметрии и ее основания). См. о Деметрии: Mannert, Geogr. v. Griech. vii. p. 591.

[903] Г-н Файнс Клинтон (Fast. Hell. B. C. 301) помещает битву при Ипсусе в августе 301 г. до н. э.; что, как мне кажется, на несколько месяцев раньше, чем в действительности. Из Диодора (да и из собственного признания г-на Клинтона) ясно, что между отъездом Деметрия из Афин в апреле 301 года до н. э. или вскоре после него и битвой при Ипсе прошла зима в Азии. Более того, сразу после отъезда из Афин Деметрий провел множество операций против Кассандра в Фессалии, а затем переправился в Азию, чтобы присоединиться к Антигону (Diodor. xx. 110, 111).

[904] Plutarch, Demetr. 31.

[905] Plutarch, Demetr. 34, 35; Pausan. i. 25, 5. Павсаний утверждает (i. 26, 2), что галантный афинянин по имени Олимпиодор (неизвестно, когда) побудил своих сограждан напасть на Музею, Мунихию и Пейрею и изгнал македонцев из всех этих мест. Если это верно, то Мунихия и Пейрей должны были быть впоследствии вновь завоеваны македонцами, так как они были гарнизонированы (как и Саламин и Суниум) Антигоном Гонатасом (Павсаний, ii. 8, 5; Плутарх, Аратус, 34).

[906] Плутарх, Пирр, 6.

[907] Plutarch, Demetr. 36; Dexippus ap. Syncell. p. 264 seq.; Pausan. 7, 3; Юстин, xvi. 1, 2.

[908] Plutarch, Demetr. 39.

[909] См. "Fasti Hellenici" г-на Клинтона, Append. 4. p. 236-239.

[910] Павсаний, i. 4, 1; x. 20, 1. Τοῖς δὲ γε Ἑλλήσι κατεπεπτώκει μὲν ἐς ἅπαν τὰ φρονήματα, τὸ δὲ ἰσχυρὸν τοῦ δείματος προῆγεν ἐς ἀνάγκην τῇ Ἑλλάδι ἀμύνειν- ἐώρων δὲ τὸν τε ἐν τῷ παρόντι ἀγῶνα, οὐκ ὑπὲρ ἐλευθερίας γενησόμενον, καθὰ ἐπὶ τοῦ Μήδου πότε ὥς οὖν ἀπολωλέναι δεῖν ἢ ἐπικρατεστέρους εἶναι, κατ' ἄνδρα τε ἰδίᾳ καὶ αἱ πόλεις διέκειντο ἐν κοινῷ. (О приближении вторгшихся галлов).

[911] Polyb. ii. 40, 41. πλείστους γὰρ δὴ μονάρχους οὗτος (Antigonos Gonatas) ἐμφυτεύσαι δοκεῖ τοῖς Ἑλλήσιν. Юстин, xxvi. 1.

[912] Pausanias, vii. 17, 1. Ἄτε ἐκ δένδρου λελωβημένου, ἀνεβλάστησεν ἐκ τῆς Ἑλλάδος τὸ Ἀχαικόν.

[913] Плутарх, Аратус, 47. ἐθισθέντες γὰρ ἀλλοτρίαις σώζεσθαι χερσίν, καὶ τοῖς Μακεδόνων ὅπλοις αὐτοὺς ὑπεσταλκότες (ахейцы), и т. д. Сравните также с. 12, 13, 15, в отношении более раннего применения к Птолемею, царю Египта.

[914] Polybius, i. 3, 4; ii. 37.

[915] Polybius, xii. 13.

[916] См. постановление у Плутарха, Vit. X. Oratt. p. 850. Упоминаемый здесь Антипатр - сын Кассандра, а не отец. Нет необходимости признавать предположение г-на Клинтона (Fast. Hell. App. p. 380), что имя должно быть *Антигон*, а не *Антипатр*; хотя, возможно, верно, что Демохарес был в благоприятных отношениях с Антигоном Гонатом (Diog. Laert. vii, 14).

Сравните Carl Müller ad Democharis Fragm. apud Fragm. Hist. Græc. vol. ii. p. 446, ed. Didot.

[917] См. мой последний предшествующий том XI. Ch. lxxxv. p. 196.

[918] Diodor. xix. 3. Похоже, что Диодор в своей восемнадцатой книге рассказал о предыдущих обстоятельствах жизни этих двух вождей; но эта часть его повествования утрачена: см. примечание Весселинга.

[919] См. т. XI. Ch. lxxxiii. p. 22; Ch. lxxxv. p. 133.

[920] Diodor. xvi. 88; Plutarch, Camill. 19; Pausan. iii. 10, 5. Плутарх даже говорит, что оба сражения произошли в один и *тот же день*.

[Молосский царь Неоптолем был отцом Александра (Эпиротика) и Олимпии. Но что касается генеалогии предшествующих царей, ничего определенного сказать нельзя: см. Merleker, Darstellung des Landes und der Bewohner von Epeiros, Königsberg, 1844, p. 2-6.

[922] Любопытное доказательство того, насколько полноправной царицей Эпира была Олимпия, сохранилось во фрагментах (недавно опубликованных г-ном Бабингтоном) оратории Гиперида в защиту Евксениппа, стр. 12. Афиняне, повинувшись прорицательному повелению додонского Зевса, отправили в Додону торжественное посольство для жертвоприношения, нарядили и украсили находящуюся там статую Дионы. Олимпия направила афинянам депешу, в которой упрекала их за это как за посягательство на ее владения - ὑπὲρ τοῦτων ὑμῖν τὰ ἐγκλήματα ἦλθε παρ' Ὀλυμπιάδος ἐν ταῖς ἐπιστολαῖς, ὡς ἡ χώρα εἴη ἡ Μολοσσία αὐτῆς, ἐν ᾗ τὸ ἱερόν ἐστιν - οὐκοῦν προσῆκεν ἡμᾶς τῶν ἐκεῖ οὐδὲ ἐν κινεῖν. Олимпия взяла в этом письме высокий и наглый тон (τὰς τραγωδίας αὐτῆς καὶ τὰς κατηγορίας и т. д.).

Дата написания этой оратории относится к какому-то периоду жизни Александра Македонского, но более точно установить ее невозможно. После смерти Александра Олимпия провела много времени в Эпире, где она считала себя более защищенной от вражды Антипатра (Diodor. xviii. 49).

Додона была одним из древнейших мест паломничества эллинов, особенно афинян. Приказ, обращенный к ним, - воздерживаться от религиозных проявлений в этом святилище - является замечательным доказательством растущих посягательств на свободный эллинизм; тем более что Олимпия отправляла подношения в афинские храмы по своему усмотрению и не спрашивая разрешения - об этом мы узнаем из того же фрагмента Гиперида.

[923] Ливий (viii. 3-24) помещает дату этой экспедиции молосского Александра на восемь лет раньше; но общепризнанно, что это ошибка.

[924] Livy, viii. 17-24; Юстин, xii. 2; Страбон, vi. p. 280.

[925] Diodor. xix. 3.

[926] Timæus apud Polybium, xii. 15; Diodor. xix. 2.

[927] Diodor. xix. 3; Юстин, xxii. 1. Юстин утверждает, что самые ранние военные подвиги Агафокла были против этуаней, а не против агригентов.

[928] Diodor. xix. 3, 4. Диодор писал больше об этой олигархии в части своей восемнадцатой книги; эта часть не сохранилась: см. примечание Весселинга.

[929] Diodor. xix. 4; Юстин, xxii. 1. "Bis occupare imperium Syracusarum voluit; bis in exilium actus est".

Таким же образом сиракузский изгнанник Гермократ попытался силой добиться своего возвращения во главе 3000 человек и с помощью партизан внутри; он потерпел неудачу и был убит - В. С. 408 (Diodor. xiii. 75).

[930] Diodor. xix. 5, 6. Аналогичная хитрость описана у карийца Датамеса (Cornelius Nepos, Datames, 9).

То, что Агатокл, покинув Сиракузы, отправился к карфагенянам, по-видимому, подразумевается в словах Диодора, с. 6-τοὺς αὐτῷ πρότερον συμπορευθέντας πρὸς Καρχηδονίους (см. примечание Весселинга о переводе πρὸς). Этот факт отмечен лишь случайно, в путаном повествовании Диодора; но он в определенной степени приводит его в согласие с Юстином (xxii. 2), который настаивает на сочетании Агатокла с карфагенянами, как на одном из главных факторов, благодаря которому он смог захватить верховную власть.

[931] Приведенный здесь рассказ - лучшее, что я могу почерпнуть из Диодора (xix. 5), Юстина (xxii. 2), Полиэна (v. 3, 8). Первые два относятся к торжественной клятве, данной Агатоклом - παραχθεὶς εἰς τὸ τῆς Δήμητρος ἱερὸν ὑπὸ τῶν πολιτῶν, ὥμοσε μηδὲν ἐναντιωθήσεσθαι τῇ δημοκρατίᾳ-"Tunc Hamilcari expositis ignibus Cereris tactisque in obsequia Pœnorum jurat." "Jurare in obsequia Pœnorum" вряд ли может означать, что Сиракузы должны были стать подвластными Карфагену; не было ничего предшествующего, что оправдывало бы такое решение, и ничего последующего, что подразумевало бы его.

Сравните также речь, которую Юстин вкладывает в уста Бомилькара, казненного карфагенянами за измену: "objectans illis (Carthaginiensibus) in Hamilcarem patruum suum tacita suffragia, quod Agathoclem sociam illis facere, quam hostem, maluerit" (xxii. 7). Это указывает на предыдущий сговор между Гамилькаром и Агатоклесом.

[932] Диодор. xix. 8, 9; Юстин, xxii. 2.

[933] Diodor. xix. 9.

[934] Диодор. xix. 9; Юстин, xxii. 2.

[935] Diodor. xix. 65. καθ' ὃν δὴ χρόνον ἦκον ἐκ Καρχηδόνος πρέσβεις, οἱ τῷ μὲν Ἀγαθοκλεῖ περὶ τῶν πραχθέντων ἐπετίμησαν, ὡς παραβαίνοντι τὰς συνθήκας- τοῖς δὲ Μεσσηνίοις εἰρήνην παρεσκεύασαν, καὶ τὸ φρούριον ἀναγκάσαντες ἀποκαταστήσαι τὸν τύραννον, ἀπέπλευσαν εἰς τὴν Λιβύην.

Я не знаю, какая συνθήκαι может здесь подразумеваться, кроме той клятвы, которая описана Юстином под словами "in obsequia Pœnorum jurat" (xxii. 2).

[936] Diodor. xix. 70. μὴ περιορᾶν Ἀγαθοκλέα συσκευαζόμενον τὰς πόλεις.

[937] Diodor. xix. 70. После поражения Агиса от Антипатра суровые лакедемонские законы против тех, кто бежал из боя, были приостановлены по этому случаю; как это было сделано ранее, после поражения Лейктра. Акротат *был единственным* человеком (μόνος), который противился этой отсрочке; за это он подвергся жесточайшей одиозности в целом, но особенно со стороны граждан, которые извлекли выгоду из этой отсрочки. Эти люди дошли в своей ненависти до того, что даже нападали на него, били его и замыслили против его жизни (οὗτοι γὰρ συστραφέντες πλήγας τε ἐνεφόρησαν αὐτῷ καὶ διετέλουν ἐπιβουλεύοντες).

Это любопытное свидетельство спартанских нравов.

[938] Diodor. xix. 71.

[939] Diodor. xix. 71, 72, 102. Когда в конвенции упоминаются Ираклия, Селинус и Гимера, как находящиеся под властью карфагенян, это следует понимать как дополнение к примитивным карфагенским поселениям Солус, Панорм, Лилибеум и т.д., относительно которых не может возникнуть никаких вопросов.

[940] Diodor. xix. 72: сравните другое повествование - Polyænus, v. 15.

[941] Diodor. xix. 103. Следует заметить, однако, что даже Юлий Цезарь во время своих войн в Галлии иногда отрубал руки своим пленным галлам, которых он называл мятежниками (Bell. Gall. viii. 44).

[942] Diodor. xix. 103, 104.

[943] Diodor. xix. 106.

[944] Diodor. xix. 107, 108.

[945] Diodor. xix. 108, 109.

[946] Diodor. xix. 109.

[947] Diodor. xix. 110.

[948] Diodor. xx. 4, 5; Юстин, xxii. 4. Сравните Полиэна, 3-5.

[949] Diodor. xx. 4-16.

[950] Diodor. xx. 6. Прокопий, Bell. Vand. i. 15. Здесь говорится, что на протяжении девяти дней похода на восток от Карфагена, вплоть до Юки, земля представляет собой παντελῶς ἄλινος.

[951] Эту поразительную сцену описывает Диодор, xx. 7 (ср. Юстин, xxii. 6), вероятно, достаточно скопированная с Каллиаса, спутника и панегириста Агафокла: см. Diodor. xxi. Fragm. p. 281.

[952] Мегале-Полис больше нигде не упоминается, не отмечен он и Форбигером в его списке городов на карфагенской территории (Handbuch der Alten Geographie, sect. 109).

Д-р Барт (Wanderungen auf den Küsten Ländern des Mittelmeeres, vol. i. p. 131-133) предполагает, что Агатокл высадился в углублении побережья на западной стороне того выступающего языка земли, который заканчивается мысом Бон (Promontorium Mercurii), образуя восточную границу Карфагенского залива. Здесь находятся каменные каменоломни,

отличающиеся как своей обширностью, так и древностью. Доктор Барт помещает Мегале-Полис недалеко от этого места, на той же западной стороне выступающей земли, и рядом с местом, которое впоследствии называли Мисуа.

[953] Юстин, ххii. 5. "Huc accedere, quod urbes castellaque Africæ non muris cinctæ, non in montibus positæ sint: sed in planis campis sine ullis munimentis jaceant: quas omnes metu excidii facile ad belli societatem perlicî posse."

[954] Спустя семь с лишним веков после этих событий мы читаем, что вандальский король Генсерик завоевал Африку у римлян и разрушил укрепления всех остальных городов, кроме одного Карфагена - из того же чувства недоверия. Это разрушение существенно облегчило завоевание Вандальского королевства Белисарием через два поколения после него (Прокопий, Bell. Vandal. i. 5; i. 15).

[955] Ливий (ххix. 25), рассказывая о высадке Сципиона на карфагенской территории в последние годы второй Пунической войны, говорит: "Emporia ut peterent, gubernatoribus edixit. Fertilissimus ager, eoque abundans omnium copiâ rerum est regio, et imbelles (quod plerumque in uberi agro evenit) barbari sunt: priusque quam Carthagine subveniretur, opprimi videbantur posse."

О суровости карфагенского правления над своими африканскими подданными см. Diodor. xv. 77; Polyb. i. 72. Однако, говоря о вышеприведенном отрывке Полибия, мы должны иметь в виду, что, описывая эту суровость, он имеет в *виду исключительно* поведение карфагенян по отношению к своим подданным во время первой Пунической войны (против Рима), когда карфагеняне сами были сильно потеснены римлянами и нуждались во всем, что могли применить для самообороны. Этот отрывок Полибия иногда цитируют, как будто он подтверждает *обычный* характер и меру карфагенского владычества; что противоречит намерениям автора.

[956] Diodor. xx. 8. Сравните Полибий, i. 29, где он описывает первое вторжение римского консула Регула на карфагенскую территорию. Тунес находился в 120 стадиях или около четырнадцати миль к юго-востоку от Карфагена (Polyb. i. 67). Таб. Peutling. считает, что это всего лишь десять миль. Он стал центральным местом враждебных операций против Карфагена как со стороны Регула во время первой Пунической войны (Polyb. i. 30), так и со стороны Мато и Спендия во время восстания наемных солдат и местных африканцев против Карфагена, которое последовало после окончания первой Пунической войны (Polyb. i. 73), и со стороны восставших ливийцев в 396 г. до н. э. (Diodor. xiv. 77).

Диодор помещает Тунес на расстоянии 2000 стадий от Карфагена, что, несомненно, является ошибкой. Он называет его *Белым Тунесом*; эпитет, полученный от прилегающих меловых скал.

[957] Diodor. xx. 10.

[958] Diodor. xx. 10-13. См. о священном отряде Карфагена (который был почти разрублен Тимолеоном в битве при Криме), Diodor. xvi. 80, 81; также том XI этой Истории, гл. lxxxv. p. 171-177.

Количество туземных или гражданских войск, приведенное здесь Диодором (40 000 пеших и 1000 конных), кажется очень большим. Однако наши данные для ее оценки крайне скудны, и мы должны были бы ожидать большого количества. Население Карфагена, как говорят, составляло 700 000 душ, даже когда он был осажден римлянами во время третьей Пунической войны, и когда его мощь сильно уменьшилась (Strabo, xvii. p. 833). Его военные

склады, даже в таком уменьшенном состоянии, были огромны, - как они были непосредственно перед тем, как их отдали римлянам, под влиянием вероломных заблуждений Рима.

[959] Diodor. xx. 12. Потери карфагенян оцениваются по-разному: одни авторы называют их в 1000 человек, другие - в 6000. Потери в армии Агатокла были названы в 200 человек.

[960] Diodor. xx. 17.

[961] Diodor. xx. 55.

[962] Diodor. xx. 14. ἤτιώντο δὲ καὶ τὸν Κρόνον αὐτοῖς ἐναντιοῦσθαι, καθόσον ἐν τοῖς ἔμπροσθεν χρόνοις θύοντες τούτῳ τῷ θεῷ τῶν υἱῶν τοὺς κρατίστους, ὕστερον ὠνούμενοι λάθρα παῖδας καὶ θρέψαντες ἔπεμπον ἐπὶ τὴν θυσίαν- καὶ ζητήσεως γενομένης, εὐρέθησάν τινες τῶν καθιερουρηγμένων ὑποβολιμαῖοι γεγονότες- τούτων δὲ λαβόντες ἔννοιαν, καὶ τοὺς πολέμιους πρὸς τοῖς τείχεσιν ὀρῶντες στρατοπεδεύοντας, ἐδεισιδαιμόνουν ὥς καταλελυκότες τὰς πατρῴους τῶν θεῶν τιμὰς- διορθώσασθαι δὲ τὰς ἀγνοίας σπεύδοντες, διακοσίους μὲν τῶν ἐπιφανεστάτων παίδων προκρίναντες ἔθυσαν δημοσίᾳ- ἄλλοι δ' ἐν διαβολαῖς ὄντες, ἐκουσίως ἑαυτοὺς ἔδοσαν, οὐκ ἐλάττους ὄντες τριακοσίων- ἦν δὲ παρ' αὐτοῖς ἀνδριὰς Κρόνου χαλκοῦς, ἐκτετακὺς τὰς χεῖρας ὑπτίας ἐγκεκλιμένης ἐπὶ τὴν γῆν, ὥστε τὸν ἐπιτεθέντα τῶν παίδων ἀποκυλίεσθαι καὶ πίπτειν εἰς τὸ χάσμα πλήρης πυρός. Сравните Festus ap. Lactantium, Inst. Div. i. 21; Юстин, xviii. 6, 12.

В этом примечательном отрывке (тем более примечательном, что до нас дошло так мало сведений о карфагенской древности) не совсем понятен один пункт, касающийся трехсот человек, которые, как сказано, добровольно *отдали себя в жертву*. Диодор имеет в виду (я полагаю), как это понимал Евсевий, что это были отцы, которые отдали *своих детей* (а не себя) в жертву. Упомянутые здесь жертвы, принесенные в жертву Кронусу, были детьми, а не взрослыми (ср. Diodor. xiii. 86): о взрослых жертвах здесь ничего не говорится. Весселинг в своем примечании придерживается буквального значения этих слов, не соглашаясь с Евсевием: но я думаю, что буквальное значение менее гармонирует с общим настроением параграфа. Случаи самоотверженности людей, раздираемых угрызениями совести, действительно упоминаются: см. случай Имилькаона, Diodor. xiv. 76; Юстин, xix. 3.

Мы читаем во Фрагменте Энния: "Poeni sunt soliti suos sacrificare puellios": см. главу iv. работы Мюнтера "Religion der Karthager" по этому вопросу.

[963] Diodor. xx. 17. λάθρα προσῆλθεν ἐπὶ τινα τόπον ὀρεινὸν, ὅθεν ὀρᾶσθαι δυνατόν ἦν αὐτὸν ὑπὸ τῶν Ἀδρυμητινῶν καὶ τῶν Καρχηδονίων τῶν Τύνητα πολιορκούντων- νυκτὸς δὲ συντάξας τοῖς στρατιώταις ἐπὶ πολὺν τόπον πυρὰ καίειν, δόξαν ἐν ἐποίησε, τοῖς μὲν Καρχηδονίοις, ὡς μετὰ μεγάλης δυνάμεως ἐπ' αὐτοὺς πορευόμενος, τοῖς δὲ πολιορκουμένοις, ὡς ἄλλης δυνάμεως ἀδρᾶς τοῖς πολέμοις εἰς συμμαχίαν παραγεγεννημένης.

[964] Diodor. xx. 17. Инцидент, о котором рассказывает Диодор, любопытен, но вполне отчетлив и понятен. У него были хорошие авторитеты перед ним в его истории Агафокла. Если это правда, то это дает возможность определить в некоторых пределах местоположение древнего Адруметума, который Маннерт и Шоу помещают в Геркле, а Форбигер и доктор Барт помещают его вблизи современного порта под названием Сузы, еще южнее и на огромном расстоянии от Туниса. Другие гимнографы помещают его в Хамамат, более северный, чем Геркла, и более близкий к Тунису.

Из этих трех мест Хамамат - единственное, которое согласуется с рассказом Диодора. Оба остальных находятся слишком далеко. Хамамат находится примерно в сорока восьми английских милях от Туниса (см. Barth, p. 184, с его примечанием). Это настолько большое

расстояние (если не слишком большое), насколько это возможно допустить; Гerkла и Сузы находятся гораздо дальше, и поэтому о них не может быть и речи.

Тем не менее, другие известные нам свидетельства склоняются к тому, чтобы поместить Адруметум в Сузах, а не в Хамамате (см. Barth, p. 142-154; Forbiger, Handb. Geog. p. 845). Поэтому вероятно, что рассказ Диодора не соответствует действительности или должен относиться к какому-то другому месту на побережье (возможно, Неаполису, современному Набелю), захваченному Агатоком, а не к Адруметуму.

[965] Diodor. xx. 17.

[966] Strabo, xvii. p. 834. Солинус (ок. 30) говорит об Асписе как об основанном *сикулами*. Аспис (называемый римлянами Клипеей), расположенный на восточной стороне мыса Бон, был более удобен для сообщения с Сицилией, чем Карфаген, или Тунис, или любая часть Карфагенского залива, который находился на западной стороне мыса Бон. Обогнуть этот мыс даже в наши дни - трудное и неопределенное предприятие для мореплавателей: см. замечания д-ра Барта, основанные отчасти на его личном опыте (Wanderungen auf den Küstenländern des Mittelmeeres, i. p. 196). Кораблю, идущему из Сицилии в Аспис, не было необходимости огибать мыс.

В случае с Агатоком была еще одна причина для создания морской позиции в Асписе. Карфагенский флот превосходил его на море; соответственно, они могли легко прервать его морское сообщение из Сицилии с Тунисом или с любой точкой Карфагенского залива. Но наблюдать за побережьем в Асписе им было не так просто, ведь для этого нужно было добраться из залива до мыса Бон.

[967] Diodor. xx. 17. Римский консул Регул, вторгшийся в Африку во время первой Пунической войны, как говорят, приобрел, либо захватив, либо добровольно присоединив, двести зависимых городов Карфагена (Appian, Punica, c. 3). О невероятном количестве городов в Северной Африке см. очень эрудированную и поучительную работу Мёверса "Фёникеры", т. ii. c. 454 и далее. Даже в начале третьей Пунической войны, когда Карфаген сильно ослаб, у него было еще триста городов в Ливии (Strabo, xvii. p. 833). Следует признать, что название "города" или "поселки" (πόλεις) некоторые авторы использовали весьма неопределенно. Так, Посидоний высмеял утверждение Полибия (Strabo, iii. p. 162), что Тиберий Гракх уничтожил триста πόλεις кельтиберов; Страбон порицает других, которые говорят о тысяче πόλεις иберов. Такое число могло быть получено только путем включения больших κῶμαι.

[968] Diodor. xx. 17, 18.

[969] Diodor. xx. 15, 16.

[970] См. т. VII. Ch. lx. p. 304 этой Истории.

[971] Описание укреплений, добавленных к Сиракузам старшим Дионисием, см. в Vol. X. Ch. lxxxii. p. 499 этой Истории.

[972] Diodor. xx. 29, 30. Цицерон (Divinat. i. 24) отмечает это пророчество и то, как оно исполнилось; но он дает несколько иную версию событий, предшествовавших взятию Гамилькара.

[973] Diodor. xx. 30. τὸν δ' οὖν Ἀμίλκαν οἱ τῶν ἀπολωλότων συγγενεῖς δεδεμένον ἀγαγόντες διὰ τῆς πόλεως, καὶ δειναῖς αἰκίαις κατ' αὐτοῦ χρησάμενοι, μετὰ τῆς ἐσχάτης ὕβρεως ἀνείλον.

[974] Diodor. xx. 31. διαβοηθείσης δὲ τῆς τῶν Ἀκραγαντίνων ἐπιβολῆς κατὰ πᾶσαν τὴν νῆσον, ἐνέπεσεν ὁρμὴ ταῖς πόλεσι πρὸς τὴν ἐλευθερίαν.

[975] Энна находится почти в центре Сицилии; Эрбесс - недалеко к северо-востоку от Агригентума; Эчетла помещена Полибием (i. 15) на полпути между владениями Сиракуз и Карфагена.

[976] Diodor. xx. 32.

[977] Diodor. xx. 33. οἱ δὲ Καρχηδόνιοι, περιαλγείς γενόμενοι, καὶ βαρβαρικῶς προσκυνήσαντες, etc.

[978] Сравните описание в Таците, Hist. ii. 29, мятежа в вителлианской армии под командованием Фабия Валенса в Тицинуме.

"Postquam immissis lictoribus, Valens coercere seditionem cœptabat, ipsum invadunt (milites), saxa jaciunt, fugientem sequuntur. -Valens, servili veste, apud decurionem equitum tegebatur." (Вскоре ощущение меняется, благодаря ловкому управлению Альфена Вара, префекта лагеря) - затем, "silentio, patientia, postremo precibus et lacrymis, veniam quærebant. Ut vero deformis et flens, et præter spem incolumis Valens processit, gaudium, miseratio, favor: versi in lætitiā (ut est vulgus utroque immodicum) laudantes gratantesque circumdatum aquilis signisque, in tribunal ferunt."

[979] Diodor. xx. 34.

[980] Diodor. xx. 39.

[981] Diodor. xx. 59. Ὁ δὲ τῆς πόλεως οὐκ ἦν κίνδυνος, ἀπρροσίτου τῆς πόλεως οὔσης διὰ τὴν ἀπὸ τῶν τειχῶν καὶ τῆς θαλάττης ὀχυρότητα.

[982] Diodor. xx. 40.

[983] См. т. IV. Ch. xxvii. p. 29-49.

[984] См. Isokrates, Or. iv. (Philipp.) s. 6, где он говорит о Kyrênê как о месте, разумно выбранном для колонизации; туземцы вблизи него не опасны, но подходят в качестве послушных соседей и рабов.

[985] Thucyd. vii. 50.

[986] Pausan. iv. 26; Diodor. xiv. 34.

[987] Strabo, xvii. p. 836; Sallust, Bell. Jugurth. p. 126.

[988] Arrian, vii. 9, 12; Curtius, iv. 7, 9; Diodor. xvii. 49. Говорят, что жители Кирена (точная дата неизвестна) обратились к Платону с просьбой составить для них законы, но он отказался. См. Thirge, Histor. Cyrênês, p. 191. Мы были бы рады, если бы это утверждение было подтверждено.

[989] Diodor. xvii. 108, xviii. 19; Арриан, De Rebus; post Alexandr. vi. apud Photium, Cod. 92; Strabo, xvii. p. 837.

[990] Diodor. xviii. 19.

[991] Diodor. xvii. 20.

[992] Diodor. xviii. 21.

[993] Arrian, De Rebus post Alex. vi. ap. Phot. Cod. 92; Diodor. xviii. 21; Justin, xiii. 6, 20.

[994] Diodor. xix. 79. Οἱ Κυρηναῖοι ... τὴν ἄκραν περιεστρατοπέδευσαν, ὡς αὐτίκα μάλα τὴν φρουρὰν ἐκβαλοῦντες, и т. д.

[995] Юстин (xxii. 7, 4) называет Офеллаха "rex Cyrenarum"; но теперь маловероятно, что он стал независимым от Птолемея, как полагает Триге (Hist. Cyrênês, p. 214). Выражение у Плутарха (Demetrius, 14), Ὁφέλλα τῷ ἄρξαντι Κυρήνης, не обязательно подразумевает независимую власть.

[996] Diodor. xx. 40.

[997] Из случайной ссылки в Страбоне (xvii. p. 826) мы узнаем, что Офеллас обследовал все побережье Северной Африки, до Гибралтарского пролива и вокруг старых феникийских поселений на западном побережье современного Марокко. Некоторые видные критики (среди них Гроскурд) отвергают чтение Страбона -ἀπὸ τοῦ Ὁφέλα (или Ὁφέλλα) περιπλοῦ, которое поддерживается очень большим перевесом MSS. Но я не чувствую силы их доводов; и чтение, которое они хотели бы заменить, не имеет ничего, что могло бы его рекомендовать. По моему мнению, Офеллах, правящий в Киренаике и потакающий стремлениям к завоеваниям на запад, был человеком, который мог приказать и был компетентен провести исследование североафриканского побережья. Знание этого факта, возможно, побудило Агафокла обратиться к нему.

[998] Arrian, De Rebus post Alex. ap. Photium, Cod. 92. Αἴγυπτον μὲν γὰρ καὶ Λιβύην, καὶ τὴν ἐπέκεινα ταύτης τὴν πολλήν, καὶ ὅ,τι περ ἂν πρὸς τοῦτοις δ' ὄριον ἐπικτήσῃται πρὸς δυομένου ἡλίου, Πτολεμαίου εἶναι.

[999] Diodor. xx. 40. πολλοὶ τῶν Ἀθηναίων προθύμως ὑπήκουσαν εἰς τὴν στρατείαν- οὐκ ὀλίγοι δὲ καὶ τῶν ἄλλων Ἑλλήνων, ἔσπευδον κοινωνῆσαι τῆς ἐπιβολῆς, ἐλπίζοντες τὴν τε κρατίστην τῆς Λιβύης κατακληροῦσθαι, καὶ τὸν ἐν Καρχηδόνι διαρπάσειν πλοῦτον.

Что касается большого поощрения, которое оказывалось поселенцам, когда новая колония собиралась быть основанной могущественным государством, см. Thucyd. iii. 93, о Геракле Трахинийской -πᾶς γάρ τις, Λακεδαιμονίων οἰκίζόντων, θαρσαλέως ῥῆι, βέβαιαν νομίζων τὴν πόλιν.

[1000] Diodor. xx. 41.

[1001] Theophrastus, Hist. Plant. iv. 3. p. 127, ed. Schneider.

Философ узнает об этом от некоторых афинян, участвовавших в экспедиции.

[1002] Diodor. xx. 42. См. поразительное описание страданий этого же похода, сделанное Катонем и его римскими войсками после смерти Помпея, в Lucan, Pharsalia, ix. 382-940:-

"Vadimus in campos steriles, exustaque mundi.

Quà nimius Titan, et raræ in fontibus undæ,

Siccaque letiferis squalent serpentibus arva,

Durum iter".

Весь поход Офеллаха должен был (я думаю) длиться более двух месяцев; вероятно, Диодор говорит только о более мучительной или средней его части, когда говорит-κατὰ τὴν ὁδοιπορίαν πλεῖον ἢ δύο μῆνας какоπαθήσαντες, etc. (xx. 42).

[1003] Diodor. xx. 42; Justin. xxii. 7.

[1004] Diodor. xx. 44.

[1005] Diodor. xx. 43.

[1006] Diodor. xx. 44; Юстин, xxii. 7. Сравните описание, данное Аппианом (Punic. 128), отчаянной обороны карфагенян во время последней осады города, против нападения римлян с крыш домов и на улицах.

[1007] Сохранились монеты -Ἀγαθοκλέος Βασιλέως - самые ранние сицилийские монеты, на которых написано имя князя (Humphreys, Ancient Coins and Medals, p. 50).

[1008] Strabo, xvii. p. 832; Polyb. i. 73.

[1009] Полибий (i. 82) прямо утверждает, что жители Утики и Гиппу-Акра (немного дальше к западу от Утики) оставались верны Карфагену во время военных действий, которые вел Агафокл. Это позволяет нам исправить отрывок, в котором Диодор описывает нападение Агафокла на Утику (xx. 54) -ἐπὶ μὲν Ἴτυκαίους ἐστράτευσεν ἀφεστηκότας, ἄφνω δὲ αὐτῶν τῇ πόλει προσπεσὼν, и т.д. Слово ἀφεστηκότας здесь вызывает недоумение. Оно должно означать, что утийцы восстали *против Агафокла*; однако Диодор до этого ни слова не говорил об утийцах и не сообщал, что они либо присоединились к Агафоклу, либо были им покорены. Все, что Диодор до сих пор сообщал об Агатокле, относилось к операциям в городах к востоку или юго-востоку от Карфагена.

Мне кажется, что отрывок должен стоять -ἐπὶ μὲν Ἴτυκαίους ἐστράτευσεν οὐκ ἀφεστηκότας, *то есть* из Карфагена; это вносит последовательность в повествование самого Диодора и в то же время приводит его в согласие с Полибием.

[1010] Diodor. xx. 54, 55. При нападении на Гиппу-Акру (иначе называемую Гиппо-Заритом, около Promontorium Pulchrum, самой северной точки Африки), Агатокл, как говорят, одержал верх в морском сражении -ναυμαχία περικυερόμενος. Это подразумевает, что у него должен был быть флот, превосходящий карфагенян даже в их собственном заливе; возможно, корабли, захваченные в Утике.

[1011] Diodor. xx. 59.

[1012] Аппиан четко упоминает это место *Гиппагрета* как укрепленное Агатоклом и четко описывает его как находящееся между Утикой и Карфагеном (Punic. 110). Поэтому это не может быть то же место, что и Гиппу-Акра (или Гиппо-Зарит), которая была значительно дальше от Карфагена, чем Утика.

[1013] Diodor. xx. 57, 58. Тщетно пытаться определить места, упомянутые как посещенные и завоеванные Евмахом. Наши топографические знания совершенно недостаточны. Предполагается, что этот второй Гиппу-Акра - то же самое, что и Гиппо-Регия; Токаэ может быть Туккой Терebinфиной, в юго-восточной области или Визакией.

[1014] Diodor. xx. 59, 60.

[1015] Diodor. xx. 61.

[1016] Diodor. xx. 56. Ἀγαθοκλῆς δὲ, τῆς μάχης ἄρτι γεγενημένης, καταπλεύσας τῆς Σικελίας εἰς Σελινοῦντα, etc.

[1017] Diodor. xx. 56. Οἱ μὲν οὖν Ἀκραγαντῖνοι ταύτῃ τῇ συμφορᾷ περιπεσόντες, διέλυσαν ἑαυτῶν μὲν τὴν καλλίστην ἐπιβολὴν, τῶν δὲ συμμάχων τὰς τῆς ἐλευθερίας ἐλπίδας.

[1018] Аполлония - город в глубине острова, несколько северо-восточнее Энны (Cicero, Verr. iii. 43).

[1019] Diodor. xx. 56.

[1020] Diodor. xx. 62.

[1021] Diodor. xx. 61.

[1022] Diodor. xx. 57. καὶ πάντων τούτων ἐν φυγαῖς καὶ μελέταις τοῦ πονεῖν συνεχῶς γεγονότων, etc.

[1023] Diodor. xx. 61, 62.

[1024] Diodor. xx. 62.

[1025] Diodor. xx. 64; Юстин, xxii. 8.

[1026] Diodor. xx. 65. См. аналогичный случай (Herod. vii. 180): персы при вторжении Ксеркса в Грецию принесли в жертву самого красивого греческого пленника, которого они захватили на борту первого попавшегося им в руки призового корабля.

[1027] Diodor. xx. 66, 67.

[1028] Diodor. xx. 69; Юстин, xxii. 8. ... τὸ δὲ πλῆθος, ὡς εἶδεν, εἰς ἔλεον ἐτράπη, καὶ πάντες ἐπεβόων ἀφεῖναι- ὁ δὲ λυθεὶς καὶ μετ' ὀλίγων ἐμβὰς εἰς τὸ πορθμεῖον, ἔλαθεν ἐκπλεύσας κατὰ τὴν δύσιν τῆς Πλειάδος, χειμῶνος ὄντος.

[1029] Diodor. xx. 69.

[1030] Tacit. Annal. i. 9. "Multus hinc ipso de Augusto sermo, plerisque *vana mirantibus-quod* idem dies accepti quondam imperii princeps, et vitæ supremus-quod Nolæ in domo et cubiculo, in quo pater ejus Octavius, vitam finivisset", etc.

[1031] Diodor. xx. 70.

[1032] Это то, что Агатокл мог сделать, но не сделал. Тем не менее, Валерий Максим (vii. 4, 1) представляет его как действительно сделавшего это, и восхваляет его благоразумие на этом основании. Вот пример того, как небрежно собиратели анекдотов иногда относятся к фактам.

[1033] Diodor. xx. 71. Мы не знаем, что произошло впоследствии с этим городом при его новом населении. Но старое название Эгесты впоследствии было возвращено.

[1034] Сравните действия греко-ливийской принцессы Феретиме (из рода Баттиадов) в Барке (Herodot. iv. 202).

[1035] Diodor. xx. 72. Гиппократ и Эпикид - те сиракузяне, которые примерно через столетие после этого побудили Иеронима Сиракузского предпочесть карфагенский союз римскому -

некоторое время жили в Карфагене и служили в армии Ганнибала, поскольку их дед был изгнан из Сиракуз как причастный к убийству Архагата (Polyb. vii. 2).

[1036] Diodor. xx. 78, 79. Некоторые говорят, что сумма денег, выплаченная карфагенянами, составляла 300 талантов. Тимей называл 150 талантов.

[1037] Diodor. xx. 89.

[1038] Diodor. xx. 90.

[1039] Diodor. xx. 101. Эта экспедиция Агатокла против Липарских островов, похоже, была подробно описана его современником, сиракузским историком Каллиасом: см. фрагменты этого автора в Didot's Fragment. Hist. Græc. vol. ii. p. 383. Фрагм. 4.

[1040] Diodor. xx. 104.

[1041] Diodor. xx. 104; Livy, x. 2. Любопытный анекдот появляется в Псевдо-Аристотеле, De Mirabilibus (78) о двух местных италийцах, Аулусе и Каиусе, которые пытались отравить Клеонима в Тарентуме, но были обнаружены и преданы смерти тарентинцами.

О том, что Агатокл в своих операциях на побережье Южной Италии вступил в конфликт с римлянами и что их значение теперь сильно ощущалось, можно судить по тому факту, что сиракузец Каллий (современник и историк Агатокла), похоже, подробно рассказал о происхождении и истории Рима. См. "Фрагменты Каллиаса", ap. Didot, Hist. Græc. Frag. vol. ii. p. 383; Fragm. 5 и Dionys. Hal. Ant. Rom. i. 72.

[1042] Diodor. xx. 105.

[1043] Diodor. xxi. Fragm. 2. p. 265.

[1044] Diodor. xxi. Fragm. 3. p. 266.

[1045] Diodor. xxi. Fragm. 4, 8, 11. p. 266-273.

[1046] Diodor. xxi. Fragm. 12. p. 276-278. Ни Юстин (xxiii. 2), ни Трог до него (как видно из пролога) не упоминают о яде. Он представляет Агафокла как умершего от жестокой болезни. Однако он отмечает кровавую семейную вражду и убийство дяди племянником.

[1047] Юстин (xxiii. 2) патетически останавливается на этом последнем расставании Агафокла и Феоксены. Трудно согласовать рассказ Юстина с рассказом Диодора; но в этом вопросе, насколько мы можем судить, я считаю его более достоверным, чем Диодор.

[1048] Polyb. xv. 35. См. выше в этой "Истории", том XI. Ch. lxxxiii. p. 46.

[1049] Полибий (ix. 23) говорит, что Агатокл, хотя и был крайне жесток в начале своей карьеры и при установлении своей власти, стал самым мягким из людей после того, как его власть была установлена. Вторая половина этого утверждения опровергается всеми конкретными фактами, которые мы знаем об Агатокле.

Что касается историка Тимея (который был изгнан Агатоклом из Сицилии и написал историю последнего в пяти книгах), то у Полибия были все основания порицать его как безмерно жестокого по отношению к Агатоклу. Ведь Тимей не только поведал об Агатокле многочисленные акты гнусной жестокости - разумеется, публичные, а потому способные стать известными, - но и рассказал много скандального о его личных привычках, а также

представил его (что еще более абсурдно) как человека вульгарного и презренного в плане способностей. См. фрагменты *Timæus ap. Histor. Græc. ed. Didot. Frag. 144-150.*

Все или почти все деяния Агафокла, описанные на предыдущих страницах, были скопированы у Диодора, который имел перед собой такие же хорошие авторитеты, как и Полибий. Диодор не копирует историю Агафокла у Тимея; напротив, он порицает Тимея за его преувеличенную язвительность и несправедливость по отношению к Агафоклу в выражениях, не менее сильных, чем те, которые использует Полибий (xxi. *Fragm. p. 279*). Диодор упоминает Тимея по имени, изредка и в отдельных случаях: но он, очевидно, не заимствовал у этого автора основной поток своего повествования. Похоже, что перед ним были и другие авторитеты, в том числе весьма благоприятные для Агафокла - сиракузец Каллий и Антандр, брат Агафокла (xxi. *p. 278-282*).

[1050] *Diodor. xx. 63.*

[1051] Поэт Феокрит (xvi. 75-80) рассказывает о храбрости сиракузца Иеро II и о великой военной силе сиракузцев при нем (260-240 гг. до н. э.), которая, по его словам, заставила карфагенян трепетать за свои владения в Сицилии. Лично Иеро, похоже, заслужил эту похвалу и еще большую похвалу за свое мягкое и благоразумное внутреннее управление Сиракузами. Но его военная сила была совершенно второстепенной в великой борьбе между Римом и Карфагеном за овладение Сицилией.

[1052] *Cæsar, Bell. Gall. ii. 1; Strabo, iv. p. 179.*

[1053] См. *Poseidonius ap. Athenæum, iv. p. 152.*

[1054] *Strabo, iv. p. 180.*

[1055] Страбон (xii. *p. 575*) ставит Массалию в один ряд с Кизикусом, Родосом и Карфагеном; типы приморских городов, высоко и эффективно организованных.

[1056] *Livy, xl. 18; Polybius, xxx. 4.*

[1057] В оратории Демосфена *πρὸς Ζηγνόδεμιν* рассказывается о деле, в котором корабль, капитан и помощник, все из Массалии, занимаются перевозками между Афинами и Сиракузами (*Demosth. p. 382 seq.*).

[1058] *Brückner, Histor. Massiliensium, c. 7 (Göttingen).*

[1059] *Livy, xxxiv. 8; Strabo. iii. p. 160.* Говорят, что в Массалии ни одному вооруженному чужестранцу не разрешалось входить в город, не сдав оружие на хранение у ворот (*Юстин, xliii. 4*).

Эта мера предосторожности, по-видимому, была принята и в других городах: см. *Æneas, Poliorket. c. 30.*

[1060] *Strabo, iii. p. 165.* Факт, рассказанный Посейдонию одним массалиотским владельцем, который был его личным другом.

При осаде Массалии Цезарем отряд альбициев - горцев, живших неподалеку от города, старых союзников или зависимых людей - был привлечен для помощи в обороне (*Cæsar, Bell. G. i. 34*).

[1061] *Strabo, iv. p. 180.*

[1062] Strabo, iv. p. 181; Cicero, De Republ. xxvii. Fragm. Вакансии в сенате, по-видимому, заполнялись из числа заслуженных граждан - насколько мы можем судить по краткому упоминанию об этом у Аристотеля (Polit. vi. 7).

Из другого отрывка той же работы следует, что узкая основа олигархии должна была порождать разногласия (ст. 6). Аристотель включил Μασσαλιωτῶν πολιτεία в свой утраченный труд Περί Πολιτειῶν.

[1063] Strabo, l. c. Однако один автор, у которого Афинея заимствовал (xii. p. 523), описывает массалиотов как роскошных в своих привычках.

[1064] Strabo, iv. p. 199. "Εφορος δὲ ὑπερβάλλουσιν τῷ μεγέθει λέγει τὴν Κελτικὴν, ὥστε ἥσπερ νῦν Ἰβηρίας καλοῦμεν ἐκείνοις τὰ πλεῖστα προσένειν μέχρι Γαδείρων, φιλέλληνάς τε ἀποφαίνει τοὺς ἀνθρώπους, καὶ πολλὰ ἰδίως λέγει περὶ αὐτῶν οὐκ ἔοικότα τοῖς νῦν. Сравните с p. 181.

Следует помнить, что Эфор был уроженцем азиатского Кима, ближайшего соседа Фокеи, которая была метрополией Массалии. Массалиоты никогда не забывали и не порывали связи с Фокеей: см. сообщение об их заступничестве перед римлянами от имени Фокеи (Юстин, xxxvii. 1). Поэтому у Эфора были хорошие возможности узнать все, что граждане Массалиота были готовы сообщить.

[1065] Varro, Antiq. Fragm. p. 350, ed. Bipont.

[1066] См. "Фрагменты Пифея", собранные Арфведсоном, Упсал, 1824. Он написал два произведения: 1. Γῆς Περίοδος. 2. Περί Ὀκεανοῦ. Его высказывания высоко ценил и часто им следовал Эратосфен; частично ему следовал Гиппарх; сурово осуждал Полибий, которому в основном следует Страбон. Даже те, кто судит его наиболее строго, признают, что Пифей был хорошим математиком и астрономом (Strabo, iv. p. 201) и много путешествовал лично. Как и Геродот, он, должно быть, был вынужден многое сообщать по слухам; и все, что он мог сделать, - это сообщить лучшие слуховые сведения, которые дошли до него. Очевидно, что его труды составили эпоху в географических исследованиях, хотя они, несомненно, содержали множество неточностей. См. справедливую оценку Пифея в Mannert, Geog. der Gr. und Römer, Introd. i. p. 73-86.

Массалиотовский кодекс Гомера, которым располагали и с которым консультировались, в частности, александрийские критики, позволяет предположить, что известность Массалии как места греческой литературы и обучения (в этом качестве она соперничала с Афинами в начале Римской империи) была заложена по крайней мере в третьем веке до христианской эры.

[1067] Аристотель, Политич. т. 2, 11; т. 5, 2.

[1068] См. т. IX. Ch. lxxi. p. 129 seqq.

[1069] См. замечательное житие карийца Датамеса, написанное Корнелием Непосом, которое дает некоторое представление о положении Пафлагонии в 360-350 гг. до н. э. (cap. 7, 8). Сравните Ксеноф. Hellenic. iv. 1, 4.

[1070] Arrian, iii. 24, 8; Curtius, vi. 5, 6.

[1071] Polybius, v. 43.

[1072] Xenoph. Anab. vi. 6, 2.

[1073] Aristot. Polit. v. 5, 2; v. 5, 5. Однако в другой отрывке того же труда (ст. 4, 2) говорится, что в Гераклея демократия была подорвана сразу после основания колонии благодаря народным вождям, которые совершали несправедливость по отношению к богатым. Эти богачи были изгнаны, но собрали достаточно сил, чтобы вернуться и силой подорвать демократию.

Если этот отрывок относится к той же Ираклии (было много городов с таким названием), то правительство должно было быть изначально демократическим. Но крепостное право местных жителей, похоже, подразумевает олигархию.

[1074] Aristot. Polit. vii. 5, 7; Polyæn. vi. 9, 3, 4; ср. Pseudo-Aristotle *CEconomic*. ii. 9.

Правление Ликона длилось примерно с 392 по 352 год до н. э. Событие, о котором упоминает Полиэн, должно было произойти в какой-то период времени в этом промежутке.

[1075] Юстин, xvi. 4.

[1076] Aristot. v. 5, 2; 5, 10.

[1077] Юстин, xvi. 4.

[1078] *Aeneas*, Poliorket. c. 11. Я дал то, что кажется наиболее вероятным объяснением очень неясного отрывка.

Следует отметить, что распределение граждан по векам (ἐκατοστύες) преобладало и в Византии; см. Inscript. No. 2060 ap. Boeck. Corp. Inscr. Græc. p. 130. Гражданину Ольвии, получившему гражданство Византии, разрешается записываться в любой из ἐκατοστύες, который он предпочитает.

[1079] Diodor. xv. 81. ἐζήλωσε μὲν τὴν Διονυσίου τοῦ Συρακοσίου διαγωγὴν, etc. Мемнон, Фрагм. с. 1; Исократ, Эпист. vii.

Именно здесь начинаются фрагменты Мемнона в изложении Фотия (Cod. 224). Фотий видел только восемь книг "Истории Гераклеи" Мемнона (книги ix.-xvi. включительно); ни первые восемь книг (см. конец его Excerpta из Мемнона), ни те, что после шестнадцатой, не попали в его поле зрения. Это вызывает большое сожаление, поскольку таким образом мы лишены возможности узнать о гераклейских делах до Клеарха.

Нередко случается, что Фотий владеет не всей работой, а только ее частями; это любопытный факт, относящийся к библиотекам девятого века нашей эры.

Фрагменты Мемнона собраны у Фотия, вместе с фрагментами Нимфиса и других гераклеотических историков, и проиллюстрированы полезными примечаниями и цитатами в издании Орелли; а также К. Мюллером, в Didot's *Fragm. Hist. Græc.* tom. iii. p. 525. Мемнон довел свою историю до времен Юлия Цезаря и, по-видимому, жил вскоре после христианской эры. Нимфис (которого он, вероятно, копировал) был намного старше; он жил, по-видимому, около 300-230 гг. до н. э. (см. несколько фрагментов, оставшихся от него, в той же работе, iii. p. 12). Гераклеотический автор Геродорус, по-видимому, полностью занимался легендарными вопросами (см. *Fragm.* в той же работе, ii. p. 27). Он жил на полвека раньше Нимфиса.

[1080] Suidas v. Κλέαρχος.

[1081] Polyænus, ii. 30, 1; Justin, xvi. 4. "A quibus revocatus in patriam, per quos in arce collocatus fuerat", etc.

Инеас (Poliorket. с. 12) приводит это действие в качестве примера ошибки, допущенной политической партией, которая призвала большее число наемных помощников, чем они могли управлять или поддерживать в порядке.

[1082] Юстин, xvi. 4, 5; Theopompus ap. Athenæ. iii. p. 85. Fragm. 200, ed. Didot.

[1083] Memnon, с. 1. Седьмое Послание Исократ, адресованное Тимофею, сыну Клеарха, в целом признает этот характер последнего, с памятью которого Исократ отказывается от всякого сочувствия.

[1084] Memnon, с. 1; Justin, xvi. 5; Diodor. xvi 36.

[1085] Memnon, с. 2. ἐπὶ δὲ τῇ φιλαδελφίᾳ τὸ πρῶτον ἡνέγκατο- τὴν γὰρ ἀρχὴν τοῖς τοῦ ἀδελφοῦ παισὶν ἀνεπηρέαστον συντηρῶν, ἐπὶ τοσοῦτον τῆς αὐτῶν κηδεμονίας λόγον ἐτίθετο, ὥς καὶ γυναῖκί συνῶν, καὶ τότε λίαν στεργόμενη, μὴ ἀνασχέσθαι παιδοποιῆσαι, ἀλλὰ μηχανῇ πάσῃ γονῆς στέρησιν ἑαυτῷ δικάσαι, ὥς ἂν μήδ' ὅλως ὑπολίποι τινὰ ἐφεδρεύοντα τοῖς τοῦ ἀδελφοῦ παισίν.

При Антигониде в Македонии мы читаем, что Деметрий, сын Антигона Гоната, умер, оставив своего сына Филиппа мальчиком. Антигон по имени Досон, младший брат Деметрия, принял регентство от имени Филиппа; он женился на вдове Деметрия и имел от нее детей; Но он так хотел оградить престол Филиппа от всякой возможности нарушения, что отказался воспитывать своих собственных детей - Ὁ δὲ παιδῶν γενομένων ἐκ τῆς Χρυσῆδος, οὐκ ἀνεθρέψατο, τὴν ἀρχὴν τῷ Φιλίππῳ περισώζων (Porphyrus, Fragm. ap. Didot, Fragm. Histor. Græc. vol. iii. p. 701).

В греческом и римском мире отец, как правило, считался обладателем права решать, будет ли он воспитывать новорожденного ребенка или нет. Предполагалось, что обязанность наступает только тогда, когда он принимает или санкционирует ее, беря ребенка на воспитание.

[1086] Мемнон, с. 3. Послание Исократ (vii.), адресованное Тимофею в качестве рекомендации друга, согласуется с этим общим характером, но не дает никаких новых сведений.

Диодор считает Тимофея непосредственным преемником отца Клеарха, рассматривая Сатира просто как регента (xvi. 36).

[1087] Мы слышим о том, что Клеарх осадил Астак (впоследствии Никомедию) - на внутренней оконечности северо-восточной впадины Пропонтиды, называемой Астакским заливом (Polyænus, ii. 30, 3).

[1088] Мемнон, с. 1.

[1089] Мемнон, с. 20.

[1090] Мемнон, с. 3.

[1091] Мемнон, с. 3. См. в этой Истории, том XI. Ch. lxxxv. p. 154.

[1092] Memnon, с. 4.

[1093] Strabo, xii. p. 565.

[1094] Мемнон, с. 4: сравните Diodor. xx. 53.

[1095] Nymphis, Fragm. 16. ap. Athenæum, xii. p. 549; Ælian, V. H. ix. 13.

[1096] Strabo, xii. p. 565. Так же и Антиохия на Оронте в Сирии, великое основание Селевкия Никатора, была основана на месте или рядом с местом другой Антигонии, также ранее основанной Антигоном Монофталмом (Strabo, xv. p. 750).

[1097] Strabo, xii. p. 544.

[1098] Мемнон, с. 6.

[1099] Мемнон, с. 7, 8.

[1100] Мемнон, с. 9; Strabo, xii. p. 542.

[1101] Мемнон, с. 11.

[1102] Мемнон, с. 16. Жители Византии также приобрели за значительную сумму важную позицию, называемую Ἰερὸν, у входа в Эвксин с азиатской стороны (Polybius, iv. 50).

Это редкие примеры в античной истории, когда города приобретают территорию или зависимость *путем покупки*. Подобные приобретения часто совершали свободные германские, швейцарские и итальянские города средневековой Европы; но что касается эллинских городов, то в ходе этой истории у меня не было случая зафиксировать множество подобных сделок.

[1103] Мемнон, с. 13: ср. Polyb. xviii. 34.

[1104] Это замечательное наблюдение, сделанное Мемноном, с. 19.

[1105] См. высказывание Полибия, xxii. 24.

[1106] Напротив, независимое и господствующее положение, занимаемое Византией в 399 г. до н. э., не признававшей никакого начальства, кроме Спарты (Xenoph. Anab. vii. 1) - с ее состоянием в третьем веке до н. э. - преследуемой и разграбляемой почти до ворот города соседними фракийцами и галлами, и только приобретенной иммунитетом путем постоянных денежных выплат: см. Polybius, iv. 45.

[1107] Strabo, vii. p. 319. Филипп Македонский разбил скифского князя Атея или Атеаса (около 340 г. до н. э.) где-то между горой Хемус и Дунаем (Юстин, ix. 2). Но отношения Атея с городами Истр и Аполлония, которые, как говорят, привели Филиппа в страну, очень трудно понять. Наиболее вероятно, что эти города пригласили Филиппа в качестве своего защитника.

В надписи № 2056 с. (в Boeckh's Corp. Inscript. Græc. part xi. p. 79) пять городов, составляющих Пентаполис, не названы четко. Бозций предполагает, что это были Аполлония, Месембрия, Одексус, Каллатис и Томи; но Иструс кажется более вероятным, чем Томи. Одексус находился на месте современной Варны, где была найдена надпись; значительно южнее современного города Одесса, который находится на месте другого города *Ордессус*.

Надпись (2056), непосредственно предшествующая вышеупомянутой, также найденная в Одессусе, содержит благодарность и почести некоему гражданину Антиохии, который жил у ... (имя несовершенно), царя скифов, и оказал грекам большую услугу своим влиянием.

[1108] Diodor. xix. 73; xx. 25.

[1109] Strabo, vii. p. 302-305; Pausanias, i. 9, 5.

[1110] Dion Chrysost. Orat. xxxvi. (Borysthenitica) p. 75, Reisk. εἶλον δὲ καὶ ταύτην (Ольвия) Γέται, καὶ τὰς ἄλλας τὰς ἐν τοῖς ἀριστεροῖς τοῦ Πόντου πόλεις, μέχρι Ἀπολλωνίας- ὅθεν δὴ καὶ σφόδρα ταπεινὰ τὰ πράγματα κατέστη τῶν ταύτῃ Ἑλλήνων- τῶν μὲν οὐκέτι συνοικισθειῶν πόλεων, τῶν δὲ φαυλῶς, καὶ τῶν πλείστων βαρβάρων εἰς αὐτὰς συρρέοντων.

[1111] Картина, нарисованная Овидием, о его положении изгнанника в Томи, не может не заинтересовать просто красотой и красотой его выражения; но она не менее интересна как реальное описание эллинизма на его последней стадии, деградировавшего и побежденного неблагоприятными судьбами. Истинность картины Овидия полностью подтверждается аналогией с Ольвием, о которой сейчас пойдет речь. Его жалобы проходят через пять книг "Тристии" и четыре книги "Эпистолы из Понто" (Trist. v. 10, 15).

"Innumeræ circa gentes fera bella minantur,

Quæ sibi non raptò vivere turpe putant.

Nil extra tutum est: tumulus defenditur ægre

Mœnibus exiguis ingenioque soli.

Cum minime credas, ut avis, densissimus hostis

Advolat, et prædam vix bene visus agit.

Sæpe intra muros clausis venientia portis

Per medias legimus noxia tela vias.

Est igitur rarus, qui colere audeat,isque

Hac arat infelix, hac tenet arma manu.

Vix ope castelli defendimur: et tamen intus

Mista facit Græcis barbara turba metum.

Quippe simul nobis habitat discrimine nullo

Barbarus, et tecti plus quoque parte tenet.

Quos ut non timeas, possis odisse, videndo

Pellibus et longâ corpora tecta comâ.

Hos quoque, qui geniti Graiâ creduntur ab urbe,

Pro patrio cultu Persica bracca tegit" и т. д.

Это один пример из многих других: сравните Trist. iii. 10, 53; iv. 1, 67; Epist. Pont. iii. 1.

Овидий особенно подчеркивает тот факт, что в Томи было больше варварской, чем эллинской речи: "Graiaque quod Getico victa loquela sono est" (Trist. v. 2, 68). Шерстяная одежда, прядение и ткачество, которыми занимались свободные женщины семьи, были одними из самых привычных обстоятельств греческой жизни; отсутствие этих женских искусств и использование шкур или кожи для изготовления одежды были заметными отступлениями от греческих привычек (Ex Ponto, iii. 8):- "В этом случае, как и в других случаях, в греческой жизни не было ничего особенного.

"Vellera dura ferunt pecudes; et Palladis uti

Arte Tomitanæ non didicere nurus.

Femina pro lanâ Cerealia munera frangit,

Suppositoque gravem vertice portat aquam."

[1112] Herodot. iv. 16-18. Жители города называли его *Ольвией*, а иностранцы - *Бористеном*; хотя он находился не на реке Бористен (Днепр), а на правом берегу Гипаниса (Буг).

[1113] Herodot. iv. 76-80.

[1114] Strabo, vii. p. 302: Skymnus Chius, v. 112, который обычно следует за Эфором.

Ритор Дион говорит нам (Orat. xxxvi. init.), что он отправился в Ольвию, чтобы *пройти через скифов к гетам*. Это показывает, что в его время (около 100 г. н. э.) скифы должны были находиться между Бугом и Днестром, а геты - ближе к Дунаю, как и четырьмя веками ранее. Но с ними смешались многие новые орды.

[1115] Strabo, vii. p. 296-304.

[1116] Эта надпись № 2058 в "Inscr. Græc. part xi. p. 121 seq. - является одной из самых интересных в этой благородной коллекции. В ней зафиксировано выражение общественной благодарности и почета гражданину Ольвии по имени Протоген, а также перечислены ценные услуги, которые он, как и его отец, оказал городу. Здесь описываются многочисленные трудности и опасности, из которых он их вызволял. Перед нами предстает яркая картина бедственного положения города. Очень поучительно и вступление, приложенное Бозком (стр. 86-89).

Об Ольвии часто говорят под именем *Бористен*, которое было дано ей иностранцами, но не признано горожанами. Она даже не располагалась на реке Бористен, а находилась на правом или западном берегу реки Гипанис (Буг), недалеко от современного Очакова.

Дата появления этой надписи не уточняется и определяется различными критиками по-разному. Нибур относит ее (Untersuchungen über die Skythen, etc. in his Kleine Schriften, p. 387) ко времени, близкому к концу второй Пунической войны. Бозкх также считает, что это произошло не намного позже той эпохи. Ужас, внушаемый галлами даже другим варварам, похоже, больше подходит ко второму веку до н. э., чем к более позднему периоду.

Надпись № 2059 свидетельствует о большом количестве чужеземцев, проживавших в Ольвии; чужеземцев из восемнадцати различных городов, из которых самым отдаленным был Милет, город-мать Ольвии.

[1117] Однажды, не знаем когда, на граждан Ольвии напал некто Зопирион, и им удалось оказать ему сопротивление, только освободив рабов и предоставив гражданство иностранцам (Macrobius, Saturnal. i. 11).

[1118] Dion Chrys. (Or. xxxvi. p. 75), ἀεὶ μὲν πολεμεῖται, πολλάκις δὲ καὶ ἑάλωκε и т. д.

[1119] Dion Chrysost. Orat. xxxvi. (Borysthenit.) p. 75, 76, Reisk.

[1120] См. комментарий Боэция к языку и личным именам Ольвийских надписей, часть xi. с. 108-116.

[1121] Dion, Orat. xxxvi. (Borysthenit.), p. 78, Reiske. ...καὶ τᾶλλα μὲν οὐκέτι σαφῶς ἐλληνίζοντες, διὰ τὸ ἐν μέσοις οἰκεῖν τοῖς βαρβάροις, ὅμως τήν γε Ἰλιάδα ὀλίγου πάντες ἴσασιν ἀπὸ στόματος. Я перевожу слова ὀλίγου πάντες с некоторой поправкой на риторику.

Представление Диона о молодом гражданине Ольвии Каллистрате, с которым он беседовал, любопытно как картина греческих нравов в этой отдаленной стране; юноша восемнадцати лет, с истинно ионическими чертами лица, отличавшийся красотой (εἶχε πολλοὺς ἐραστάς), ревнитель литературы и философии, но особенно Гомера; одетый в местный костюм, приспособленный для верховой езды - длинные кожаные штаны и короткий черный плащ; постоянно верхом на коне для защиты города, и прославился как воин даже в столь раннем возрасте, уже убив или взяв в плен нескольких сарматов (с. 77).

[1122] См. надписи, №№ 2076, 2077, ap. Boeckh; и Periplus of the Euxine Apriana, ap. Geogr. Minor. p. 21, ed. Hudson.

[1123] Strabo, vii. p. 310.

[1124] Diodor. xii. 31.

[1125] См. приложение г-на Клинтона о царях Боспора - Fast. Hellen. App. с. 13. p. 280. etc.; и комментарий Боэция на ту же тему, Inscript. Græc. part xi. p. 91 seq.

[1126] Полибий (iv. 38) перечисляет главные предметы этой понтийской торговли; среди экспорта τὰ τε δέρματα καὶ τὸ τῶν εἰς τὰς δουλείας ἀγομένων σωμάτων πλῆθος и т. д., где Швейгхойзер изменил δέρματα на θρέμματα, по-видимому, на основании только одного MS. Я сомневаюсь в уместности этого изменения, как и в фактах какого-либо крупного экспорта живого скота из Понта; в то время как экспорт шкур был значительным: см. Strabo, xi. p. 493.

Хорошо известны скифские общественные рабы или полицейские в Афинах. Σκύθαινα также является именем женщины-рабыни (Aristoph. Lysistr. 184). Σκύθης для названия раба встречается уже у Феогниса, ст. 826.

Некоторые соленые заготовки из Понта были необычайно дороги; Катон жаловался, что κεράμιον Ποντικῶν таріχον продается за 300 драхм (Polyb. xxxi. 24).

[1127] Арпократион и Фотий, ст. Νυμφαῖον - из ψηφίσματα, собранных Кратером. Сравните Бокх, во втором издании его Staatshaushaltung der Athener, vol. ii. p. 658.

[1128] Æschines adv. Ktesiph. p. 78. с. 57. См. мой последний предшествующий том XI. Ch. lxxxvii. p. 263.

[1129] Lysias, pro Mantitheo, Or. xvi. s. 4; Isokrates (Trapezitic.), Or. xvii. s. 5. Юноша, случай которого описывает Исократ, был отправлен в Афины своим отцом Сопеусом, богатым понтийским греком (s. 52), пользовавшимся большим доверием Сатира. Софей снабдил сына двумя грузами кукурузы и деньгами, а затем отправил его в Афины ἄμα κατ' ἐμπορίαν καὶ κατὰ θεωρίαν.

[1130] Isokrates, Trapez. s. 5, 6. Софей, отец этого ходатая, вызвал подозрения Сатира в Понте и был арестован; После этого Сатир посылает в Афины, чтобы конфисковать имущество сына, приказать ему вернуться домой, а если тот откажется, то потребовать от афинян выдать его - ἐπιστέλλει δὲ τοῖς ἐνθάδε ἐπιδημοῦσιν ἐκ τοῦ Πόντου τὰ τε χρήματα παρ' ἐμοῦ κομίσασθαι, и т. д.

[1131] Isokrates, Trapezit. s. 71. Демосфен также признает благосклонность Сатира-καὶ αὐτὸς (Лейкона) καὶ οἱ πρόγονοι и т. д. (adv. Leptin. p. 467).

[1132] Demosth. adv. Leptin., p. 467.

[1133] Demosth. adv. Leptin., p. 469.

[1134] Demosth. adv. Phormion., p. 917; Deinarchus adv. Demosth., p. 34. В оратории напечатано имя Берисадес; но ясно, что речь идет о Парисаде. См. Voeckh, Introd. ad Inscr. No. 2056, p. 92.

Дейнарх утверждает, что Демосфен получал от Боспора ежегодный подарок в 1000 модий кукурузы.

[1135] Demosthen. adv. Dionysodor. p. 1285.

[1136] Strabo, vii. p. 310, 311.

[1137] См. Inscript. № 2117, 2118, 2119, в "Сборнике Боэция", с. 156.

В "Воспоминаниях" Ксенофонта (ii. 1, 10). Сократ приводит скифов в качестве примера правящего народа, а мейотов - в качестве примера подданных. Вероятно, это относится к положению боспорских греков, которые платили дань скифам, но правили мæотцами. Название *мæотæ*, по-видимому, относится к племенам, жившим на азиатской стороне Палус Мæотис, в то время как скифы жили на европейской стороне этого моря. У Сократа и афинян были хорошие средства для получения информации о положении боспорцев и их соседей с обеих сторон. См. K. Neumann, die Hellenen im Skythenlande, b. ii. p. 216.

[1138] Эта граница засвидетельствована в другой надписи № 2104 из той же коллекции. Надпись № 2103, по-видимому, указывает на аркадских наемников на службе у Лейкона: о наемниках см. Diodor. xx. 22.

Говорят, что после смерти Парисада I ему поклонялись как богу (Strabo, vii. p. 310).

[1139] Diodor. xx. 24 Место этих военных действий (насколько мы можем судить по краткому и поверхностному рассказу Диодора), по-видимому, находилось на европейской стороне Боспора, где-то между рекой Бористен и Перекопским перешейком, на территории, названной Геродотом *Хиллеей*. Это мнение Нибура, которое я считаю более вероятным, чем мнение Боэция, полагающего, что операции происходили на азиатской территории Боспора. Пока что я согласен с Нибуром; но его причины поместить Дромихета, царя гетов (победителя Лисимаха), к востоку от Бористена, не являются удовлетворительными.

Сравните "Untersuchungen über die Skythen" Нибура и т. д. (в его "Kleine Schriften", p. 380). с "Комментарием к сарматским надписям" Бёкха, Corp. Ins. Græc. part xi. p. 83-103.

Упоминание Диодором деревянной крепости, окруженной болотом и лесом, любопытно и может быть проиллюстрировано описанием Геродотом (iv. 108) города будинов. Эта привычка строить города и укрепления из дерева преобладала среди славянского населения в России и Польше вплоть до глубокого средневековья. См. Paul Joseph Schaffarik, Slavische Alterthümer, в немецком переводе Wuttke, vol. i. ch. 10 p. 192; также K. Neumann, Die Hellenen im Skythenlande, p. 91.

[1140] Diodor. xx. 24.

[1141] Diodor. xx. 25.

[1142] Diodor. xx. 100. Спарток IV - сын Эвмела - узнается в одной аттической надписи (№ 107) и различных боспорских (№ 2105, 2106, 2120) в коллекции Бёкха. Парисад II - сын Спартокуса - узнается в другой боспорской надписи, № 2107 - кажется, также в № 2120 *b*.

[1143] Strabo, vii. p. 310. Дейнарх, однако, называет Парисада, Сатира и Горгиппа τοὺς ἑχθίστους τύραννους (adv. Demosth. s. 44).

[1144] Strabo, vii. p. 310. οὐχ οἷός τε ὦν ἀντέχειν πρὸς τοὺς βαρβάρους, φόρον πρᾶττομένους μείζω τοῦ πρότερον, etc.

[1145] Neumann, Die Hellenen im Skythenlande, p. 503.

[1146] Отчет о недавних открытиях вблизи Кертча или Пантикапея можно найти в Dubois de Montpéreux, Voyage dans le Caucase, vol. v. p. 135 *seqq.*; и в Neumann, Die Hellenen im Skythenlande, pp. 483-533. Последний труд особенно обилён и поучителен; он рассказывает о том, что было сделано со времени путешествий Дюбуа, и содержит множество сведений, почерпнутых из недавних мемуаров петербургских литературных обществ.

Местный и особый тип, который так сильно проявляется на этих произведениях искусства, оправдывает вывод, что они не были привезены из других греческих городов, а выполнены греческими художниками, проживавшими в Пантикапеуме (с. 507). О двух мраморных статуях, мужской и женской, обе больше, чем в жизни, эксгумированных в 1850 году, говорят с особым восхищением (с. 491). В нескольких из них были найдены монеты третьего и четвертого веков до нашей эры (р. 494, 495). Также было обнаружено большое количество так называемых этрусских ваз, вероятно, изготовленных из разновидности глины, все еще существующей в этом районе: фигуры на этих вазах часто превосходны, с рисунками и сценами всех видов, религиозных, праздничных, военных, бытовых (с. 522). Многие саркофаги богато украшены резьбой по дереву, слоновой кости и т. д.; некоторые из них великолепно выполнены (с. 521).

К сожалению, среди окрестного населения преобладает и уже давно господствует убеждение, что в этих курганах спрятаны сокровища. Одно из самых поразительных из них, называемое Куль-Обо, было открыто в 1830 году российскими властями. После долгих трудов и хлопот были обнаружены пути входа и открыта внутренняя камера. Она оказалась самой богатой из всех, которые когда-либо открывали; в ней было обнаружено несколько великолепных золотых украшений, а также множество других реликвий. Русские офицеры поставили стражу, чтобы никто не мог войти в нее; но корыстолюбие жителей Кертча было настолько разгорячено сообщением об обнаружении ожидаемых сокровищ, что они заставили стражу, ворвались внутрь и разграбили большую часть содержимого (с. 509). Российские власти в целом заботились о сохранении и постепенном раскапывании этих памятников, но им приходилось сталкиваться с неприятием и даже жестокостью со стороны жителей близлежащих районов.

Дюбуа де Монпере дает интересное описание открытия этих курганов в окрестностях Кертча, особенно Куль-Обо, самого богатого из всех, который, по его предположению, принадлежал одному из царей Спартокидов, и украшения которого были продуктом эллинского искусства: - "Si l'on on enterrising in the Kertch.

"Если мы входим (замечает он) к царю, окруженному роскошью скифов, то это грек и художник этого народа, которые работали над его погребениями" (Путешествие по Кавказу,

стр. 195, 213, 227). Пантикапей и Фанагория (по его словам) "обнаруживаются в глубине от их опухолей" (с. 137).

[1147] Насколько заметной была эта деградация, можно судить по свидетельству Дионисия Галикарнасского, *De Antiquis Oratoribus*, pp. 445, 446, Reiske-ἐν γὰρ δὴ τοῖς πρὸ ἡμῶν χρόνοις ἡ μὲν ἀρχαία καὶ φιλόσοφος ῥητορικὴ προπηλακιζομένη καὶ δεινὰς ὕβρεις ὑπομένουσα κατελύετο, ἀρξαμένη μὲν ἀπὸ τῆς Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνοιο τελευτῆς ἐκπνεῖν καὶ μαραίνεισθαι κατ' ὀλίγον, ἐπὶ δὲ τῆς καθ' ἡμᾶς ἡλικίας μικροῦ δεήσασα εἰς τέλος ἡφανίσθαι. Сравните Dionys. *De Composit. Verbor.* p. 29, 30, Reisk.; и Westermann, *Geschichte der Griechischen Beredtsamkeit*, s. 75-77.

[1148] Hom. *Iliad*, vi. 97.

[1149] Hom. *Odyss.* xvii. 322.-

ἥμισυ γάρ τ' ἀρετῆς ἀποαίνυται εὐρύοπα Ζεὺς
ἀνέρος, εὗτ' ἄν μιν κατὰ δούλιον ἥμαρ ἔλῃσιν.

Примечание транскриптора

- Изображение обложки книги было создано транскриптором и является общественным достоянием.
 - Сноски были перенумерованы и перенесены в конец книги.
 - Пустые страницы пропущены.
 - Очевидные типографские ошибки были беззвучно исправлены после сравнения с более поздним изданием этой работы. Греческий текст также исправлен после сверки с этим более поздним изданием и с Персеем, когда была найдена ссылка.
 - Оригинальная орфография, дефис и пунктуация сохранены, но варианты написания приведены в соответствие, если было обнаружено преобладающее употребление.
 - Кроме того, не было предпринято никаких попыток нормализовать имена собственные (*например*, Agrianes и Agriânes, Onchestus и Onchêstus, Megalêpolis и Megalê-Polis, Mantinea и Mantineia, Crête и Krête, Phenicians и Phœnicians, и т.д.). В начале первого тома этой работы автор установил некоторые правила транскрипции собственных имен, но ни он, ни его издатель не следуют им последовательно.
 - В оглавлении некоторые номера страниц были изменены, чтобы они указывали на реальные страницы, на которых начинаются и заканчиваются главы.
 - Некоторые карты повернуты для удобства использования в электронных читалках, но увеличенные изображения этих карт, недоступные в электронных читалках, представлены в их не повернутом виде.
-